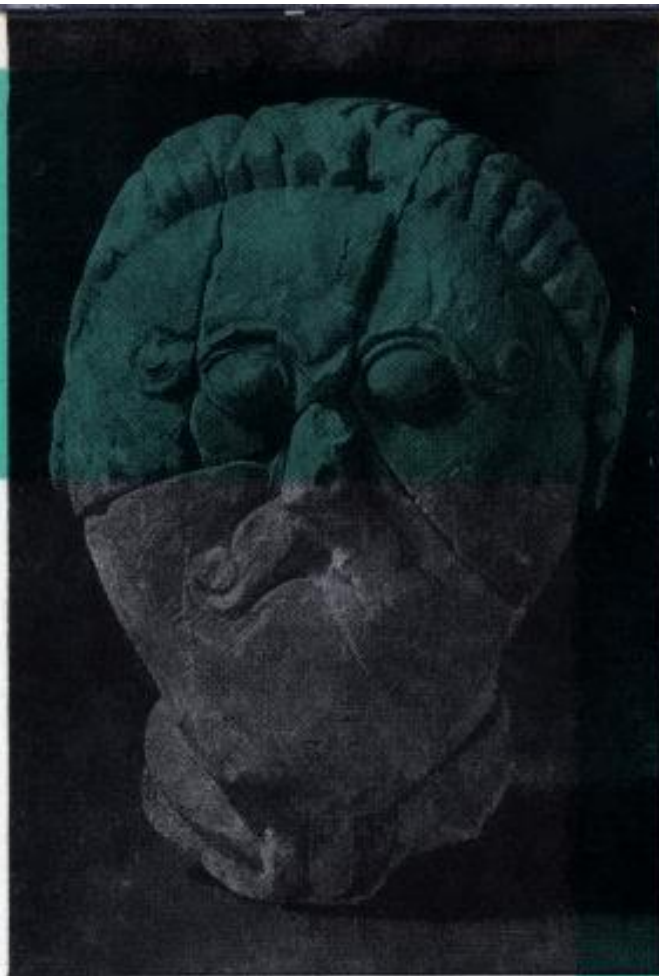

НГ

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Ян Филип

Кельтская цивилизация и ее наследие

*Издательство Чехословацкой
Академии Наук и АРТИЯ*

Кельтская цивилизация и её наследие (Ян Филип)

ЕЛЬТЫ, этот интереснейший народ, по древним свидетельствам предприимчивый и в свое время славившийся доблестью, во непостоянный и жаждущий нового, оказал в последнем тысячелетии до н. э. большое влияние на развитие значительной части Европы, подорвал могущество римского государства в Италии и дал чешским землям историческое имя „Богемия“. Письменные источники и богатые результаты археологических исследований по всей Европе позволяют уже сейчас всесторонне восстановить его интересную историю, начиная с периода княжеских центров 6 и 5 веков до н. э., периода опустошительных набегов в Южную и Среднюю Европу до периода окончательной его организации к концу последнего столетия до н. э., и завершающуюся периодом стратегических и производственных центров, не непохожих на городские образования.

Письменные источники и археологические материалы дают пеструю картину кельтского общества, где большую роль, наряду с военным элементом, играли певцы-барды, жрецы и предсказатели и в особенности загадочное сословие друидов.

В предлагаемой читателю работе автор рассматривает все стороны жизни кельтов: их быт, одежду и жилища, положение мужчины и женщины в обществе, экономический строй, религиозные представления, их божества в героев, святилища, культ отрезанных голов. Не меньшее внимание уделяется и их техническим и художественным творческим способностям, о которых на территории Чехословакии сохранились первоклассные археологические доказательства.

Заключительная часть работы посвящена наследию кельтской цивилизации и культуры, которое нашло свое отражение не только в Чехословакии, но и в Европе в целом, где, в особенности на ее островной части, мы встречаемся с тем в богатых материалах еще в средние века и где кельтские языки сохранились до нашего времени. Работа в целом дает рельефную картину одной из важнейших европейских культур. Иллюстрации и чертежи как в тексте, так и в приложениях наглядно дополняют изложение.

- I Праисторический фон вступления кельтов в историю
  - Вклад археологии в решение вопросов прошлого кельтов
  - Процесс развития с нового каменного века
  - Основные элементы этногенеза кельтов
- II Княжеская среда в гальштатское время. Замки племенной знати и их связи со средиземноморской областью
  - Значение гальштатского времени для завершения процесса этногенеза кельтов
  - Общественное расслоение. Погребальные сооружения и княжеские захоронения
  - Центры развития в 6 веке. Замки племенной знати
  - Связи княжеских усадеб с южной средой и возникновение раннелатенского художественного стиля.

- III Военные походы кельтов в другие области Европы. Период кельтской экспансии и последующей средневропейской концентрации.
  - Кельты в Италии
  - Кельтские набеги в Карпатскую котловину и на Балканы
  - Кельтские племена в чешских землях и в Словакии.
  - Вторжение кимбров и тевтонов
  - Галлия в латенский период и во времена Цезаря
  - Исторические кельты на британских островах
- IV Кельтские языки и древнейшие литературные памятники. Гэльско-гойдельские и галльские диалекты.
  - Современное знание галльского языка. Толкование географических названий.
  - Древнейшие памятники ирландской письменности
- V Кельтское общество и его структура. Внешний вид и характер кельтов
  - Кельтская одежда
  - Торквес и его общественно-религиозное значение в кельтском обществе
  - Пища и пиршества кельтов
  - Структура кельтского общества
  - Королевский сан и аристократия
  - Друиды
- VI Военная организация кельтов и их способ ведения боя
  - Знаки достоинства знатных лиц
  - Способ ведения боя
- VII Экономическая база и уровень цивилизации кельтского общества
  - Земледелие и землевладение
  - Ремесла и развитая кельтская технология. Обработка металлов
  - Домашнее производство и последующее массовое производство. Отдельные производственные отрасли
  - Кельтские оппидумы и их система укреплений
  - Оппидумы на чехословацкой территории
  - Торговля и транспорт
  - Кельтская монета — древнейшая монета в Средней Европе
- VIII Кельтское искусство и мир религиозных представлений
  - Раннелатенский стиль кельтского искусства Художественные ремесла и кельтская орнаментика
  - Зрелый латенский стиль
  - Пластический стиль и стиль красивых мечей
  - Островное кельтское искусство
  - Кельтская архитектура и пластика
  - Южнофранцузская кельтско-лигурийская область
  - Кельтская скульптура в собственно Галлии и в Средней Европе
  - Кельтские маски
  - Кельтские священные места, огражденные участки и святилища
  - Вотивные дары и жертвоприношения
  - Религиозные представления кельтов
  - Погребальный ритуал
- IX Наследие кельтской цивилизации и культуры
  - Романизация Галлии и кельтское наследие

- Кельтские традиции в Ирландии и в Британии
- Новокельтский стиль и его отголоски на материке.
- Оформление книг
  - Кельтское наследие в Средней и Северной Европе
  - Важнейшие работы проф. д-ра Яна Филипа
- Литература
- Галерея 1
- Галерея 2
- Галерея 3
- Галерея 4

Несколько слов в качестве введения

Поразительные результаты, достигнутые современной археологической наукой, дают возможность проверить имеющиеся данные и предположения исторического и филологического характера, пролить на них новый яркий свет и подвергнуть их критической оценке; они дают возможность понять и те факты, которые раньше казались трудно объяснимыми и даже загадочными. Разумеется, и ныне не все вопросы решены, и нас ждет еще много работы и много изысканий. Но все старания познать древнейшее прошлое кельтов, так тесно связанное с прошлым большей части Европы, дают нам возможность уже теперь восстановить сравнительно точно, без романтики и фантастических предположений, связную картину развития кельтского общества и кельтской цивилизации, имевшей огромное значение для всего последующего развития Средней Европы. Интересные, часто волнующие результаты археологических исследований наглядно показывают, что во многих отношениях уже в настоящее время археологическая наука берет на себя руководящую роль при решении важных исторических проблем.

Эта картина начертана на основе результатов, достигнутых вплоть до 1960 г. европейской наукой в целом; но в ее основу в первую очередь положено тщательное изучение автором среднеевропейских находок, не всегда полностью известных всем исследователям, а поэтому не всегда пользующихся надлежащим вниманием. Доступный язык книги ни в коей мере не умаляет ее научной ценности; изложение везде опирается на факты, хотя не все они были до настоящего времени опубликованы в самостоятельных работах чисто научного характера. В работе отмечено, в каких случаях результаты исследований можно считать проверенными, а в каких случаях наши выводы пока являются лишь предварительными.

Вместе с тем это первая попытка дать всестороннюю картину кельтского прошлого с точки зрения не только западноевропейской, но и среднеевропейской. Цель книги — познакомить читателя с результатами научной работы на современном этапе, повысить интерес к этой увлекательной главе древнейшей европейской истории и углубить знания о богатом прошлом нашей прекрасной страны, приблизить к современности наследие былого. В какой мере это удалось автору, читатель рассудит сам.

Я. Ф.

I. Праисторический фон вступления кельтов в историю

В первой половине последнего тысячелетия до н. э. из массы безымянных первобытных народов на территории севернее от Альп первыми выделились кельтские племена, начальные страницы писаной истории которых были отмечены кровавыми битвами и опустошительными набегами на богатейшие центры того времени, что привело в смятение остальную Европу. Образованный южный, в частности греческий и римский мир, которому мы обязаны первыми сведениями по древнейшей истории Европы, до той поры о кельтах ничего не знал. А между тем на северо-запад от Альп в сложном процессе рождалась общность этого удивительного народа, который первым из варваров, как их любил называть южный мир, стал классическим представителем «варварского» мира. Народ этот сблизил Среднюю Европу с южной средой и благодаря своим творческим способностям завершил развитие первобытной цивилизации на территории севернее от Альп.

К этому времени, т.е. примерно к концу VI—V вв. до н.э. в кельтской среде уже произошли важные экономические и общественные перемены, общественное расслоение, вызванное в первую очередь местными условиями и предпосылками. Возникли многочисленные центры власти местной племенной знати, о которых южный мир узнавал тогда, когда для него было экономически выгодно поставлять им свои изделия, помогая таким образом повышать жизненный уровень и блеск господствующего слоя. И вдруг хорошо вооружённые группы кельтов дерзко и отважно напали на важнейшие центры образованного юга, вторглись в Северную Италию, заняли даже Рим и проникли далеко к самой Сицилии; в то же время другая волна направилась в Карпатскую котловину, на Балканы и даже в Малую Азию. Южный мир был ошеломлён их упорством в бою, их отвагой, мужеством и жадностью. Только теперь он оказался лицом к лицу с неприятным фактом, что за Альпами вырос многочисленный народ, который в течение следующей половины тысячелетия европейской истории стал важным военным и политическим фактором. Поэтому уже в IV в. кельты считались одним из крупнейших варварских народов тогдашнего мира наряду с персами и скифами. И всё-таки этот народ не достиг полного этнического единства и не создал единого государственного образования, державы, которая объединила бы различные племена в единое организованное и устойчивое целое. Народ этот был раздроблен на множество более или менее крупных племенных образований, говоривших на разных, хотя и родственных диалектах, большинство которых исчезло в более позднее время.

Греческий мир называл их *Keltoi*, кельты. По всей вероятности это название распространилось именно в кульминационный период расцвета центров власти господствующего слоя, если не ранее, то во всяком случае не позже VI в., и не исключено, что первоначально это было название одного из племён, а возможно и лишь господствующего рода, которое затем было присвоено всему народу. Было бы однако ошибкой предполагать, что существовал какой-то пракельтский язык, как первоначальный, послуживший основой всех позднейших диалектов. Существовал ряд различных диалектов, как существовало в древнее время

сплетение культур и культурных групп, которые позже послужили объединяющей основой кельтской культуры и единого стиля.

Название *Keltoi* стало известно остальному миру раньше других. Римляне однако называли кельтский народ «галлами» (*Galli*) и от этого слова позже произошли названия Цисальпинская Галлия (*Gallia Cisalpina* в северной части современной Италии), Нарбонская Галлия (*Gallia Narbonensis* в южной Франции) и Трансальпийская Галлия в центре современной Франции, хорошо известная по Галльской войне, которую в последнем столетии до нашей эры вёл римский военачальник Г.Ю. Цезарь. Позже, опять-таки в те времена, когда старые центры галльстаттской культуры уже давно пришли в упадок, появляется название *Galatae*, галаты. Этим названием пользуется в своей «Всеобщей истории» Полибий, образованный грек, знакомый с римской средой, который лично побывал также в Испании и южной Франции (умер в 120 г. до н.э.), а вслед за ним и другие греческие писатели. Так называлась и внутренняя часть Малой Азии (Галатия), куда проникли галлы. Об этих галатах в Малой Азии утверждают, что их язык был родственен языку треверов, то-есть кельтов, живших в области нынешнего Трира (об этом свидетельствует ещё в IV в. св. Иероним). Но все эти названия представляют собою более или менее синонимы. Диодор Сицилийский, объездивший большую часть Европы, и Цезарь, долгое время воевавший в Галлии, говорят, что названия *Galli* и *Galatae* относятся к тому же народу, который называется *Keltoi*, по латыни *Celtae*; Диодор считает название «кельты» более правильным. Подобное толкование мы находим и у историков и географов более позднего времени. Только в Британии, как кажется, это название не было столь обычным.

Область расселения кельтов первоначально была значительно меньше. Даже Галлия (современная Франция), основная опора кельтского могущества и арена римской агрессии в последнем столетии, первоначально не вся была заселена ими. Однако в древние времена в основную кельтскую территорию входила также Южная Германия и часть Чехии, а в последующие столетия новые волны кельтов овладели почти всей Средней Европой, в том числе и нынешней Чехословакией. В средние века о кельтских поселениях в Чехии забыли, так что и древнейший чешский летописец Козьма Пражский (умер в 1125 г.) считал, что первыми жителями Чехии были люди, сопровождавшие праотца Чеха. Это мнение продержалось вплоть до XV в. Только Даниэль из Велеславина, чешский книгоиздатель, выпустивший в XVI в. Хронику Сильвия и Кутена, отметил в предисловии, что, как установлено историей, первым населением в Чехии было галльское племя бойев, по имени которых и была названа страна Богемией (*Boiohaemum*). С тех пор этот факт уже не забывался, а в XIX в. он был научно доказан, в частности Фр. Палацким. И Я.Э. Воцел в своей «Первобытной истории земли чешской», вышедшей в 1868 г., также считает заселение Чехии кельтами бесспорным. Поэтому картина древнейшего прошлого кельтов для нас особенно интересна и увлекательна, так как и территория Средней Европы была ареной событий, составляющих немаловажную часть кельтской истории, а последующие эпохи унаследовали немало из древней цивилизации кельтов. Современное состояние науки позволяет нам обратиться и к древнейшей эпохе, к

праисторическому прошлому племён, позже ставших известными под названием кельтских.

Начиная с V в. до н.э., название «кельты» быстро распространялось по тогдашней Европе. Но то, что было до V в., долго оставалось загадкой. С конца XVIII в. под влиянием романтизма возрастает интерес к прошлому кельтов, проявлявшийся уже ранее в Западной Европе и на Британских островах, где жило много потомков этого народа. Этот интерес превратился в настоящую кельтоманию, в результате чего, часто без какого-либо критического подхода, собирались подлинные и мнимые свидетельства о славном прошлом кельтов. Ещё с XVII в. существовало мнение, что кельты на западном побережье Франции и Англии были строителями мегалитических сооружений, возведённых из крупных каменных глыб, как менгиров (высоких стоячих монолитов) и дольменов (похоронных камер из крупных камней), так и длинных каменных аллей или кругообразных сооружений (Stonehenge), которые считаются астрономическими обсерваториями и местами культа. Романтики считали кельтов древнейшим народом, отождествляли их с потомками библейских персонажей и часто на основе произвольных этимологических сравнений приходили к выводу, что кельты были расселены почти по всей Европе. Представления о высоком уровне развития кельтов подкреплялись также литературными фальсификатами. Самыми известными из них являются эпические произведения шотландского поэта Д. Макферсона, относящиеся к 1760—1763 гг., которые автор выдавал за перевод с кельтского творений Оссиана, кельтского барда, жившего в III в. Отголоски пустого этимологизирования удержались очень долго, по существу до нашего времени, и в течение всего этого процесса самые разнообразные археологические находки без разбора приписывались кельтам. Ещё в конце прошлого века наблюдались панкельтские тенденции как противовес воинствующему германизму или английскому империализму и до того же времени считались подлинными бретонские народные песни, повествующие о сопротивлении друидов христианству или о борьбе с франками; в действительности же это были произведения Эрсарта де ла Виллемарке, изданные в 1839 г.

Рис.1. Важнейшие кельтские центры и места их археологических находок.

На западе, следовательно, кельтские традиции были очень сильны и поддерживались самыми разнообразными источниками и памятниками; это были сообщения древних писателей, рассказывающих о жизни кельтов и их воинственности, литературные памятники галльско-римской эпохи, в особенности надписи на надгробных камнях и подобных сооружениях, этимологическая связь в названиях рек, местностей и возвышенностей, кельтские монеты, находки которых быстро множились, предметы кельтского искусства и материальные памятники в природе и, наконец, случайные антропологические исследования. Источники, как видно, всесторонние, разной ценности и по разному толкуемые. Ещё в XIX в. появляются крупные работы исторического, филологического, нумизматического и наконец археологического характера, и в настоящее время эта литература почти необозрима. Да и не удивительно, так как различные этапы развития кельтского общества и цивилизации были связаны с территорией значительной части Европы, простирающейся от Ирландии и Шотландии на северо-западе до самого Чёрного моря на юго-востоке.

Вклад археологии в решение вопросов прошлого кельтов

В прошлом археология едва ли могла соревноваться с работами в области языкознания или истории, так как она в то время ещё боролась за своё право на существование; отмежёвываясь от дилетантства, она постепенно превращалась в научную отрасль с собственными рабочими приёмами и средствами. Культура кельтов в период расцвета их могущества в Европе (V—I вв. до н. э.) была выделена лишь во второй половине прошлого века и названа, как и весь этот период, латенской — по названию известного поселения Ла Тен (La Tène) на

берегу Нёвшательского озера в Швейцарии. Это культура так называемого второго железного века, пришедшая на смену культуре первого (или раннего) железного века, называемой гальштаттской. Неуверенные поиски и догадки постепенно уступили место систематическому изучению, в процессе которого углубились наши знания латенского времени и были сделаны попытки восстановить ход развития кельтского общества в более ранние времена, в период гальштаттский и периоды ещё более древние. Счастливые случайные находки, результаты систематических раскопок и аналитические исследования самых различных направлений, проведённые со всей тщательностью и современными методами, дают возможность уже в настоящее время решать некоторые проблемы прошлого кельтов почти до конца, не прибегая к натяжке в отношении археологических источников. Они позволяют также подвергнуть критике во многих направлениях некоторые старые выводы, сделанные на основе филологических изысканий или толкования кратких и неполных заметок древних писателей. Одним из таких новейших достижений европейской археологической науки, в которую внесли значительный вклад и чешские учёные, является представшая перед нами новая картина гальштаттской эпохи. Эта часто волнующая картина тем изумительнее, что она открылась неожиданно; она приподымает завесу над таким достопримечательным явлением, каким было появление древних кельтов ещё до того, как они вошли в европейскую историю в качестве грозного и решающего фактора. Здесь в настоящее время на долю археологии выпала руководящая роль при решении основных вопросов этногенеза, а недалеко то время, когда археология возьмёт её на себя и в области более древней кельтской истории, охватывающей конец каменного века и бронзовый век; имеющиеся результаты исследований пока позволяют сделать только предварительные выводы.

Процесс развития с нового каменного века

В прошлом тех стран, где путём сложного процесса медленно рождалось сознание принадлежности к крупному целому, позже названному кельтским народом, в первобытную эпоху сменилось много культур и культурных групп, и в научной литературе существует немало догадок и предположений об их природе и значении. Временные стоянки первобытных охотников в раннем и среднем каменном веке вряд ли оставили какие-либо глубокие и прочные следы. В IV—III тысячелетиях до н.э. (новый каменный век, неолит) на плодородных и равнинных местах Подунавья мы встречаемся с древнейшими земледельцами, крупные поселения которых по всей вероятности стали субстратом, на котором формировались отношения и связи в более позднее время. Их культура в настоящее время нам сравнительно хорошо известна, но их этническая принадлежность не совсем ясна и с помощью средств, которыми мы располагаем в настоящее время, её установить нельзя. Поселения этого народа простирались не только по среднему течению Дуная, но тянулись и через Рейнскую область в восточную Францию и Бельгию. Далее на юго-западе и западе по соседству с этим народом находились другие неолитические культуры, кортаиллодская в Швейцарии, родственная французской культуре Шассей (Chassey); в сущности это

опять—таки крупная культурная область, охватывающая и Британские острова (культура Уиндмилл Хилл (Windmill Hill)). Пограничное переплетение этих двух обширных культурных областей — средневропейской и западноевропейской — имело место именно на той территории, где позже возникли центры кельтского могущества.

Положение осложнилось в эпоху позднего неолита (энеолита) к концу III тысячелетия. На западе появляются племена михельсберской культуры, которые по различным причинам укрепляли свои поселения, расположенные на возвышенностях; в последнее время эти племена связывают с обширной областью керамики воронкообразных кубков, встречающейся также в Средней Европе. Кроме того, существовали и другие группы, которые мы не будем перечислять в этой связи. Проникновению кочующих племён колоколовидных кубков, уже знакомых с медью (они пришли с юга, из Испании, а отчасти и с побережья Северной Африки), предшествовало продвижение племён культуры боевых топоров, или, как их иногда называют по характерной орнаментации глиняных сосудов, племён шнуровой керамики. По всей вероятности это были племена восточного происхождения, которые проникли на запад до самой Рейнской области. Они уже пользовались прирученной лошадью. В некоторых частях Средней и Западной Европы соприкосновение обоих племён было непосредственным, так как они жили совместно на одной и той же территории.

Нет необходимости излагать читателю подробности всех взаимосвязей, так как эти вопросы — дело скорее научных кабинетов. Но остановиться на них всё—таки следует по весьма серьёзным причинам. Во—первых, племена культуры боевых топоров часто считают первыми индоевропейцами на территории Средней Европы. Многие исследователи полагают, что основной запас слов некоторых этнических групп, в том числе кельтов и германцев, следует отнести к тому времени, когда отдельные языки или наречия ещё не отличались большой своеобразностью. Кельтские наречия первоначально были в значительной мере родственны германским и итальянским, особенно в отношении запаса слов. Предполагают, что этот запас слов формировался в эпоху неолита и бронзового века, так как в различных индоевропейских языках металл обозначается одним и тем же словом, но медь называется по—разному. Поэтому и в настоящее время многие исследователи считают, что расселение различных индоевропейских групп можно отнести ко времени, когда начали различать медь и бронзу, примерно к концу III тысячелетия. Появление новых индоевропейских групп в Малой Азии и Индии часто относят ко времени около 2000 года, а в Греции и Италии к более позднему периоду. В начале железного века это расселение считают законченным, только между кельтами и германцами около 1000 года мог ещё существовать более тесный контакт: железо они называют одинаковым словом (по—кельтски *isarno*, по—готски *eisarn*). Эти выводы основаны на филологических данных, но последний факт можно было бы объяснить и влиянием кельтской среды на германцев.

Археология сама на основе своих источников не может воссоздать картину возникновения и развития языковой общности в конце неолита. Данные археологии показывают, что в то время во всей области, о которой мы говорим, имелся ряд культур, возникновение которых различно и которые во многих

случаях существовали рядом друг с другом. Бесспорно, что вклад племён культуры шнуrowой керамики (боевых топоров) был значителен в той области, которую мы считаем родиной кельтов. Английский учёный Хоукс не колеблясь называет кельтами (протокельтами) племена культуры колоколовидных кубков, смешавшиеся с племенами культуры шнуrowой керамики; равно и француз Губер (мы приводим хотя бы наиболее известные в этой области науки имена) полагает, что прародину кельтов следует искать на островах ещё в эпоху мегалитических сооружений и в конце неолита. Окончательное решение этого вопроса, конечно, принадлежит будущему.

Положение значительно изменилось во II тысячелетии, в эпоху бронзы. Вместо мозаики различных культур на всей территории к северу и северо-западу от Альп выявились более чёткие культурные комплексы. К крупному среднеевропейскому округу унетицкой культуры прибавились в позднем бронзовом веке культуры страубинская и адлербергская в южной Германии.

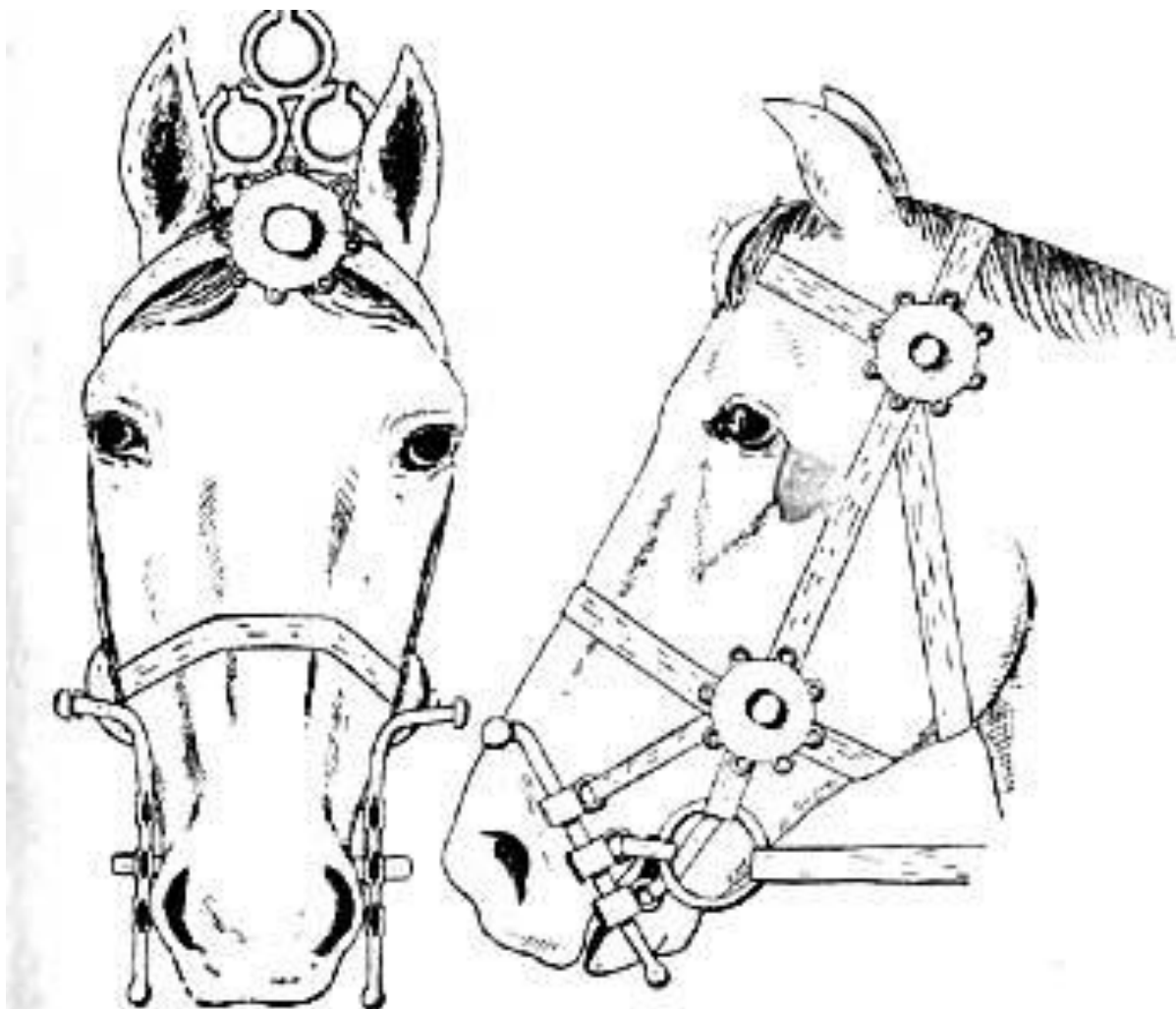
На юге Британии вскоре пышно расцвела культура уэссекская, использовавшая тесную связь с ирландскими источниками бронзовой индустрии. На территории, сделавшейся позже ядром кельтских племён, в процессе дальнейшего развития бронзового века появились так называемые курганные племена, могильники которых с большими или меньшими группами курганов сохранились до настоящего времени. Это были скорее скотоводческие племена, которые занимали и менее плодородные земли, а часто и не использовавшиеся до того времени каменистые возвышенные области. От Бургундии и Лотарингии по Чехию, включая Шумаву, от массивов Фогельсберг и Рен севернее Майна по Швейцарию эти племена были расселены около середины II тысячелетия, а на среднем Дунае, включая часть Моравии, жили им родственные группы. Исчезли захоронения со скорченным трупоположением, которое было обязательным ещё в поздний бронзовый век, в курганах появляются захоронения с вытянутым трупоположением, а позднее всё чаще и чаще применяется трупосожжение. С течением времени область курганной культуры значительно расширилась, причём на северо-западе — вплоть до Бельгии, Тевтобургского леса и хребта Гарц.

Несомненно, племена курганной культуры выросли на почве энеолита и раннего бронзового века и заимствовали многие элементы у соседей, в особенности на востоке и даже в карпатской области. Значительная концентрация их на территории к северо-западу от Альп, в исторической области кельтов, приводит многих исследователей к мысли, что племена курганной культуры следует считать кельтскими (Лантье). Действительно, можно с полным правом считать, что база племён курганной культуры, поселения которых располагались и на значительной части территории Чехии, была той живительной средой, в которой хотя бы в некоторых областях шёл процесс преобразования первобытной массы родственных племён, в результате которого появились кельты в том виде, в каком они известны истории. Завершение этого процесса, как кажется, не обошлось ещё без одного фактора, культуры полей погребальных урн конца II тысячелетия, на самой заре раннего железного века в Средней Европе. На юго-востоке в это время клонилась к закату славная эпоха крито-микенской культуры и власть тиранов материковых укрепленных городов (Микены, Тиринт) приближалась к концу, в Малой Азии приходила в упадок великая Хеттская

держава, в сферу влияния которой до того времени входила даже юго–восточная Европа и Карпатская котловина, в Египте появились чужеземные захватчики. В определённой части Европы, особенно в Польше, Силезии, Лужице, Саксонии и прилегающей части Чехии, необыкновенно возросло значение племён лужицкой культуры, которые сжигали мёртвых, а их останки помещали в урнах на обширных погребальных полях. Это были земледельческие племена, но им была хорошо известна обработка бронзы и они умели возводить укрепления. Их влияние скоро почувствовали соседние районы в средней и южной Чехии, а также область к югу от Дуная по Тироль. Затем на рубеже II и I тысячелетий культура полей погребальных урн внезапно появляется в южногерманской курганной области и в значительной части Подунавья, в северо–западной части Швейцарии и в окраинных областях Франции. Её южно–германско–швейцарский вариант всё глубже проникает во Францию, а местами ещё дальше. Всюду распространяется трупосожжение, всюду мы находим родственный культурный инвентарь. Невероятным кажется факт, что в период, который раньше обычно называли раннегалльским (ступени A и B галльского времени, согласно периодизации Рейнеке), а теперь почти все называют поздним или верхним бронзовым веком, на обширной территории значительной части Европы от Карпатской котловины на востоке до Англии на западе, а несколько позже вплоть до Испании на юге, появляется целый ряд локальных групп культуры полей погребальных урн.

Европейская археологическая наука уже долгое время пытается найти объяснение этого явления. Раньше много говорили об экспансии племён лужицкой культуры, но её последствия часто значительно переоценивались. Необходимо напомнить, что понятие южногерманских или прирейнских (североальпийских) полей погребальных урн не тождественно с понятием лужицкой культуры, хотя некоторые признаки общи для обеих культур. Южногерманские поля погребальных урн являются результатом сложного процесса, в котором местные и восточные элементы занимают важное место. В этот период бросается в глаза количество оружия и особенно мечей. Не случайно, что эти мечи появляются в могилах в качестве составной части погребального инвентаря не только в поясе Подунавья, но и в альпийской области; не случайно также, что бронзовые мечи липтовского типа (галльское время ступень A и начало ступени B), первоначально в большом количестве изготавливаемые в области у подножья Татр в Словакии, очень часто встречаются в южногерманском Подунавье и что там создаётся их особый тип. Кроме того необходимо напомнить, что многие черты смешанной среднечешской кновизской культуры и южночешской кновизско–милавецкой культуры мы находим также и в культуре южногерманских полей погребальных урн. Эти явления, таким образом, следует рассматривать не как изолированные, а как имеющие хотя бы некоторые общие черты, тем более, что в течение всего бронзового века связи южной Германии с придунайскими областями на востоке были весьма оживлёнными.

Рис.2. Конская сбруя гальштаттского времени, VI–VII вв. (реконструкция Коссака)

Позже мы встречаемся с полями погребальных урн в глубине Франции, в Аквитании, в окрестностях Аркашена у западного побережья, на юге у Толозы (Гаскония—Лангедок); затем они появляются по другую сторону Пиренеев в Испании, в Каталонии и Кастилии. Исследователи сходятся во мнении, что эти поля погребальных урн могут находиться в связи лишь с полями погребальных урн севернее от Альп и считают исходным пунктом их распространения долину Рейна. Отсюда они, вероятно, распространялись в направлении на юг к нынешнему Лиону, на запад к Руану, Туру, Пуатье и к реке Дордонь. Киммиг считает, что с VIII века это продвижение идёт дальше на юг по течению реки Роны в Прованс, Лангедок, Руссильон и через Пиренеи в Каталонию. Процесс развития южнофранцузских и каталонских полей погребальных урн продолжался; с конца VI века в них появляются греческие привозные изделия, с середины тысячелетия в инвентаре всё больше заметно влияние средиземноморских зрелых культур; они продолжают существовать по крайней мере до III века. Здесь явно имело место продвижение нескольких ветвей племён погребальных урн, которые уже не участвовали в том процессе развития, что происходил в области их первоначального расселения. В связи с тем, что и на Иберийском полуострове имеются определённые признаки пребывания кельтов, некоторые исследователи считают племена полей погребальных урн в Испании кельтами (Бош—Гимпера,

Крафт, Наварро), другие же приписывают им скорее Лигурийский характер (М. Луи, Н. Ламбоглия, в последнее время и М. Альмагро). Положение, следовательно, остаётся невыясненным, и с этой точки зрения следует также расценивать гипотезы Бош–Гимпера о нескольких волнах кельтского продвижения в Испанию ещё в гальштаттское время, из которых одну он прямо называет гэльской (см. ниже), а другую — бретонской. Если согласиться с результатами работ испанских исследователей (Малакер де Мотес, Д. Альмагро и др.), то поля погребальных урн появились в Испании не раньше 700 г., то есть в то время, когда в области северо–западнее от Альп начался уже новый исторический процесс.

По иному толкованию поля погребальных урн приписываются венетам, индоевропейской группе из восточной части Средней Европы, которая в курганной области между Рейном и Дунаем создала смешанную языковую группу; и в этом случае по крайней мере часть племён полей погребальных урн в конечном счёте признаётся кельтами.

Предположения о принадлежности к кельтам племён полей погребальных урн высказываются и на Британских островах. Но и там нет полного единства взглядов. Мы видели уже раньше, что некоторые исследователи относят первое кельтское нашествие на острова ещё к рубежу между неолитом и бронзовым веком. Мнение же, что с племенами полей погребальных урн в поздний бронзовый век на Британские острова попали прото–кельты, скорее всего гэлы, защищают выдающиеся английские археологи; известный В. Гордон Чайлд полагал, что племена полей погребальных урн в Англии (и культуры позднего железного века) говорили уже по–гэльски. Следующая менее крупная волна, по всей вероятности, с голландского побережья, шла, как полагают С. и Д. Хоукс около 750 г.; ещё позднее более мощная волна проникла из Франции через Канал. Пауэл также убеждён, что носителями культуры раннего железного века на Британских островах были уже кельты и что по крайней мере часть их носила название „претаны" (претены). Необходимо указать, что после пышного расцвета южноанглийской уэссекской культуры на этой территории наступил некоторый застой; положение изменилось лишь после прилива новых пришельцев в эпоху полей погребальных урн.

Основные элементы этногенеза кельтов

Исходя из имеющихся в настоящее время данных, можно сказать, что в этногенезе кельтов вырисовываются два основных элемента — курганная культура бронзового века с более древними корнями и культура полей погребальных урн, опирающаяся на старую базу курганной культуры. Нам кажется наиболее правдоподобным, что новая протокельтская группа окончательно выкристаллизовалась лишь после смешения племён полей погребальных урн с курганными племенами, объединив различные докельтские элементы в одно крупное целое. Археологически вполне доказанный факт проникновения в поздний бронзовый век племён полей погребальных урн в Англию, а позже и в Испанию, может с точки зрения принадлежности их к кельтам означать, что эти племена находились тогда в состоянии указанного выше

процесса этногенического формирования. Ниже мы постараемся показать, что этот процесс был действительно необычайно важным фактором в развитии древней Европы.

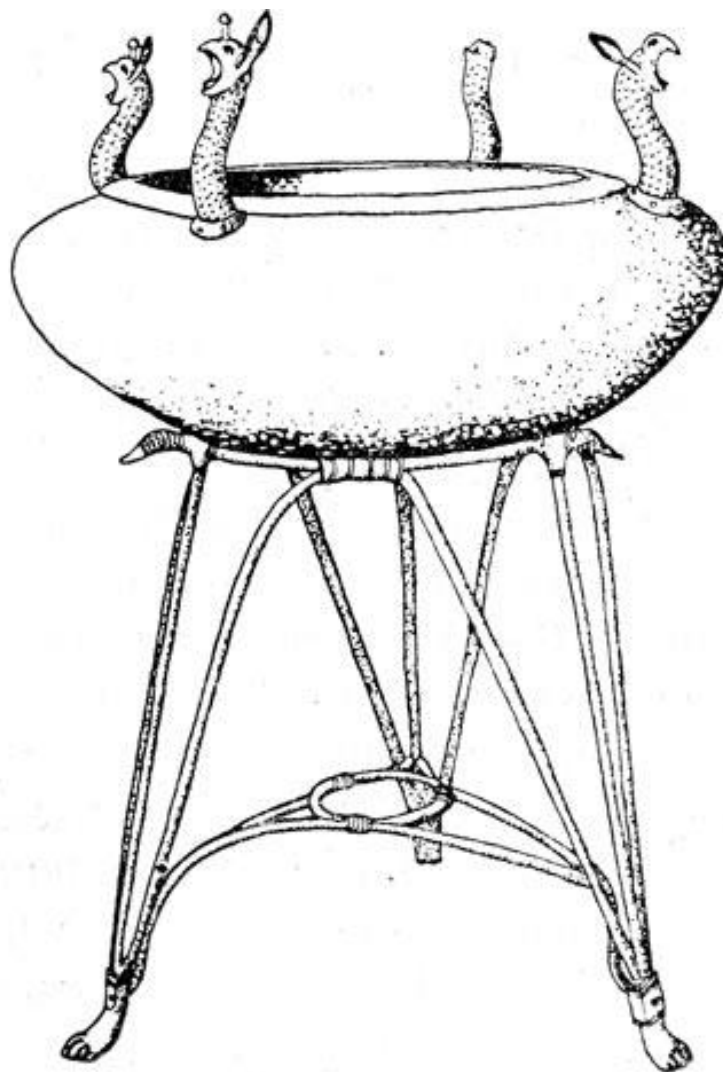

Рис. 3. Бронзовый котелок на треножнике. Сен-Коломб (Кот Д'Ор), Франция. Tumulus de la Garenne (Р. Жоффруа, 1958)

Перекрытие курганной области культурой полей погребальных урн в конечном итоге привело к объединению различных культурных элементов и подготовило почву для последующего весьма прогрессивного развития. Местные культуры под этими волнами пришельцев не погибли тотчас же; в результате постепенного слияния старых основ с новыми течениями создавалась та питательная среда, которая дала дальнейшему развитию новое направление. Это было введением к тому, что вскоре произошло на европейской арене: здесь появляются уже в исторически сложившемся облике как иллирийцы на юго-востоке, так кельты на западе и германцы на севере Европы. Нельзя сомневаться в том, что в этот решающий период праистории Европы уже выкристаллизовались отдельные

группы диалектов последующих крупных этнических и языковых групп и что в собственно гальштаттскую эпоху (ступень С и В по Рейнеке) в VII и VI веках до н.э. эти диалекты вполне сложились. Начиная с эпохи полей погребальных урн, кельтская общность в области северо-западнее от Альп проявляется всё ярче. Вся эта культурная область становится исходным пунктом быстрого дальнейшего развития, связанного с существенными переменами в экономической и общественной структуре. Совокупность всех данных, относящихся к собственно гальштаттской эпохе (ступень С—В), даёт нам полное право говорить уже о кельтской среде от восточной Франции вплоть до Чехии.

Ещё в период расцвета культуры полей погребальных урн (ступень А—В гальштаттской эпохи согласно прежнему делению) мы наблюдаем признаки приближения перемен в расслоении общества. Погребальный инвентарь в захоронениях в Гардте в Верхней Баварии ещё относится к эпохе полей погребальных урн: покойник, положенный на четырёхколёсную повозку и вооружённый бронзовым мечом липтовского типа, ножом и стрелой, был сожжён на костре, а его останки помещены в просторной погребальной камере (4 x 2 м) вместе с керамикой и бронзовой столовой утварью (ведро, кружка, ситечко). Затем количество подобных находок увеличивается. Кажется, что именно период В полон глубоких перемен. В его поздней фазе (В 2) появляются опять курганные захоронения, среди которых можно без труда различить богатые и бедные погребения. Если раньше курганы встречались не так часто, то в поздней фазе полей погребальных урн они появляются всё чаще даже в южногерманской ульмской области, в окрестностях Теутлингена, Сигмарингена, Мюнзингена, Балингена и других современных городов, где несколько позже возникают важные центры кельтского могущества. Погребальный инвентарь некоторых захоронений становится богаче, увеличивается количество керамики (захоронение в кургане в Сингене насчитывает 63 сосуда, в Ирингене — 38, в Эльльге — 30). Постепенно появляется и расписная керамика. И как раз в это время на территории, простирающейся от восточной Франции и Швейцарии до Баварии, появляются многочисленные поселения на возвышенных местах, иногда и укреплённые, словно части населения приходилось здесь искать защиты и безопасности. Некоторые из этих поселений на возвышенностях с довольно тесными жилищами уже систематически обследованы, например, Виттнауэр Горн в Швейцарии (кантон Аргау, на юг от Секингена). Массовые находки бронзовых изделий, закопанных в то время (в период В) в землю в восточной Франции и Рейнской области, также говорят о тревожном времени.

Многие исследователи ищут очаг опасности на востоке, в карпато-дунайской области, а некоторые из них убеждены в прямом проникновении чужеземцев из этой области до самой южной Германии. Правда, примерно в то же время на венгерской низменности появляются элементы, свойственные более отдалённым восточным областям, так наз. фракийско-киммерийскому округу. Считают, что напор скифов в южнорусской области вытеснил из степей, простирающихся на север от Чёрного моря, киммерийцев, заставил их двинуться как в Малую Азию, так и в низовья Дуная и что эта волна принесла с собой в восточную половину Средней Европы своеобразные детали конской сбруи, «фракийско-киммерийские» кинжалы и другие изделия. Некоторые исследователи полагают,

что в период киммерийского продвижения в юго–восточную часть Средней Европы приблизительно между 775—725 гг. должны были произойти и известные этнические передвижения.

Всё, что мы привели выше, свидетельствует о том, что, начиная с конца VIII века в процессе исторического развития интересующих нас племён происходят действительно существенные изменения. В то же время всё чаще начинает появляться железо, постепенно становясь широко используемым металлом, сначала по крайней мере в высших общественных кругах. В экономической жизни создаётся тип хозяйственной единицы в виде замкнутого двора (Бухау–ам–Федерзер); на Рейне, начиная с эпохи полей погребальных урн, развивается добыча золота, которое попадало в первую очередь, как мы увидим ниже, в руки знати.

Возрождение некоторых элементов старой курганной культуры в IX и VIII веках наблюдается по всей территории курганной культуры бронзового века, начиная с восточной Франции через южную Германию по самую Чехию. Часто на одних и тех же местах встречаются курганы с захоронениями, относящимися к бронзовому веку, к эпохе полей погребальных урн и к собственно гальштаттскому времени. Так например, в Чехии в Таянове–Гусине у г. Клатовы из 50 найденных курганов 14 относятся к бронзовому веку, 12 к периоду кновизско–милавечскому, 7 к периоду гальштаттскому, а 5 — к ещё более позднему времени (12 было разграблено до начала систематического обследования). То же наблюдается и в Уезде у Святого Кржижа в Пильзенской области и в других районах. Лишь изредка курганы гальштаттского периода встречаются обособленно. Возрождение курганных захоронений однако ни в коем случае не означает возврат к первоначальной курганной культуре бронзового века, а является лишь выражением симбиоза носителей курганной культуры с племенами полей погребальных урн, который в создавшейся новой среде создал и новую обстановку. Возврат к курганным захоронениям постепенно подвергался влияниям кельтской сферы и областей этрусско–италийской, карпатской или расположенных ещё далее на восток, где при похоронах представителей знати складывались сложные погребальные обряды. Они привились, по крайней мере, при похоронах наиболее выдающихся лиц, и в равнинных и плодородных областях средней Чехии, что особенно ярко проявилось в зрелой культуре биланской (по могильнику в Биланах у г. Чешский Брод). Южночешская курганная область была тесно связана с баварской курганной культурой (особенно в Верхнем Пфальце), во многих отношениях родственной и среднечешской биланской культуре.

Такое же положение мы наблюдаем на территории всего Подунавья от Австрии на запад по Францию. Вюртембергско–баденские курганы по своему инвентарю родственны эльзасским курганам (Хагенау). Обширные курганные гробницы появляются позже в Бургундии, в Франш–Комте и на запад от Швейцарии по направлению к Дижону и возвышенности Кот д'Ор. Вероятно, в гальштаттское время количество населения быстро росло, так как в некоторых областях в лесном массиве Фор де Муадон (департамент Юра) обнаружены могильники, насчитывающие много тысяч захоронений; некоторые исследователи даже

склонны предполагать, что в то время численность населения кое—где превышала в среднем численность населения в настоящее время.

II. Княжеская среда в гальштаттское время. Замки племенной знати и их связи со средиземноморской областью

В гальштаттский период окончательно завершился процесс формирования исторических кельтов и поэтому для их прошлого этот период имеет чрезвычайно важное значение. Своё название он получил от города Гальштатта, расположенного на берегу озера в горах в Верхней Австрии. В середине прошлого века там было вскрыто свыше тысячи погребений (большое количество погребений, кроме того, было разрушено ещё до начала раскопок). Находки в погребениях в большинстве случаев относятся к раннему периоду железного века, получившему по этому могильнику в семидесятых годах прошлого столетия название гальштаттского времени. Позже мюнхенский археолог П. Рейнеке разделил это время на 4 ступени (А—В), причём первые две ступени (А и В) по существу являются поздним бронзовым веком, когда железо в области севернее от Альп было ещё редким, дорогим и почти недоступным металлом. Теперь под понятием «гальштаттское время» мы подразумеваем собственно древнежелезный век, то есть ступени С и В по классификации Рейнеке. Оно начинается с VII века и охватывает более половины последнего тысячелетия до н.э.; к этому времени и относится большинство находок в гальштаттском могильнике.

Значение гальштаттского времени для завершения процесса этногенеза кельтов

Гальштаттская культура, в художественном стиле которой преобладали геометрические мотивы, медленно развивалась на предшествующей ей основе уже в эпоху племён полей погребальных урн и в период своего расцвета была распространена в первую очередь в средневропейской придунайской зоне. Своеобразные черты этой культуры вырабатывались главным образом в двух областях: в восточногальштаттской — простирающейся от Альп на западе до Карпатской котловины на востоке и до берегов Адриатики на юго—востоке, и в западногальштаттской, охватывающей территорию южной Германии и восточной Франции. В первой из этих областей в художественном стиле преобладали фигурные мотивы, во второй наблюдается большее тяготение к геометрическому орнаменту. Приблизительно на рубеже этих двух областей и расположен Гальштатт. Гальштаттское время в Средней Европе хронологически соответствует культуре Виллановы в Италии в области Болоньи и этрусской культуре в современной Тоскане, в своей ранней фазе (А—В по классификации Рейнеке) геометрическому стилю (дипильской культуре) в Греции и в островной области на юго—востоке.

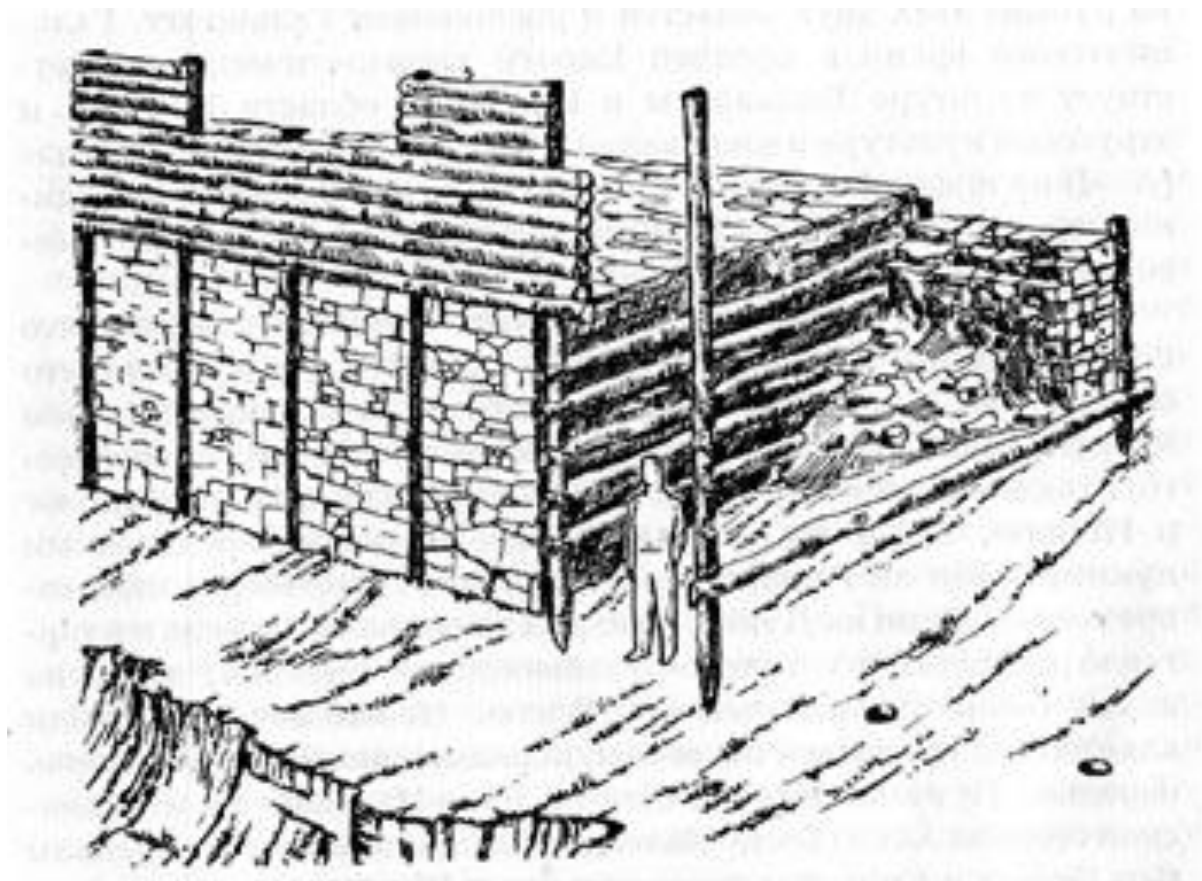

Рис. 4. Техника постройки укреплений, известная уже в гальштаттское время (замок Гейнебург) и применяемая в латенское время. Лицевая сторона крепостной стены расчленена вертикальными деревянными [балками], вбитыми в землю. На них покоится деревянная конструкция вала. Реконструкция Киммига.

В то время Гальштатт стал важным торговым центром, что проявилось и в повышении уровня культурного развития его обитателей. Мощной опорой расцвета была главным образом местная добыча соли и разветвлённая торговля ею, прежде всего с отдалёнными странами. Торговые пути шли как на юг в Италию, так и на север в Чехию. Важным перевалочным пунктом соли из Гальштатта и Галлейна–Дюррнберга стал современный Линц на Дунае; он играл также важную роль и в торговле графитом из чешско–будейовицкого бассейна; далее на запад товар отправлялся по Дунаю. Необыкновенно ожили альпийские проходы и перевалы, использовавшиеся ранее лишь изредка. Пути из Италии шли от Лаго–Маджоре на итальянской стороне Альп (Сесто–Календе, Беллинцона) через перевалы Сен–Готард и Сплуга и поворачивали в Швейцарию и в долину Рейна. Точно так же использовалось направление через Тауэрн на реку Зальцах или через Глокнер на реку Драву. Всё это оживление было вызвано не искусственно, а отвечало экономическому развитию и нуждам гальштаттского общества, особенно его господствующему слою. Повышались требования к транспорту, в соответствии с этим совершенствовалось и основное транспортное средство — колёсная повозка. В конструкции повозки были произведены важные изменения с таким расчётом, чтобы она могла служить для перевозок больших

грузов. Всеобщее распространение получили четырёхколёсные повозки на деревянных осях, колёса которых в большинстве случаев имели одинаковую высоту и были обтянуты узкими железными шинами (всего 2,5—4 см шириной), прибитыми к деревянному ободу коваными гвоздями. Они глубоко врезались в мягкую почву. Со временем у этих повозок появляются дальнейшие усовершенствования, задние колёса становятся выше (Брукан—дер—Альц), благодаря чему улучшается ход повозки, изменяется конструкция ступицы колеса, уделяется большое внимание её оковке, для чего комбинируется бронза с железом. Эти повозки служили исключительно для хозяйственных надобностей; однако вскоре появляются четырёхколёсные повозки культового назначения подобной же конструкции, но значительно богаче окованные и украшенные; ими пользуются при торжественных церемониях, и часто они помещаются вместе со знатными лицами в могилу, так как погребальные обряды приобретают особый блеск и сложность. Все эти повозки, многие десятки которых известны нам по раскопкам в области севернее от Альп и которые относятся к гальштаттскому времени, ещё не являются военными колесницами, предназначенными для быстрой езды; лёгкие двуколки такого типа появились у кельтов гораздо позже, в раннелатенский период.

Начиная с VII века наряду с повозками растёт и количество богатой конской сбруи. Вместо односоставных конских удил прежнего времени ныне появляются удила двухсоставные, длина которых (10—11 см) свидетельствует, по всей вероятности, о наличии новой, по-видимому более крупной породы лошадей с широкой челюстью (в предшествующее время удила были на 2—3 см короче). Вместо полукольцевых псалий распространяются стержневые псалии с тремя угловатыми отверстиями и загнутыми концами (рис. 2); они свидетельствуют о том, что при управлении конём было достигнуто [мастерство] большой ловкости и совершенства. Начиная с VII века (ступень C) появляется большое количество мелких украшений богатой конской сбруи — пуговичные и продолговатые бляшки с ушками на оборотной стороне, хомутики, кожаные ремни и подпруги, украшенные различными пластинками и в большинстве случаев оканчивающиеся четырёхгранными и ажурными крючками—застёжками. В это время появляются также конские парные ярма — деревянные, обтянутые кожей и украшенные по внешней стороне бесчисленным множеством бронзовых гвоздиков, пуговиц и бляшек, образующих геометрический узор. Наряду с более скромными встречаются роскошные ярма с крыльями по сторонам, украшенные, кроме того, бронзовыми розетками. Наиболее сохранившиеся и прекрасные образцы полного конского убора и особенно великолепные экземпляры ярм нам знакомы по многочисленным находкам в центральной Чехии (таб. I—II).

Общественное расслоение. Погребальные сооружения и княжеские захоронения

В конце VII века и на рубеже VI века в огромной области со зрелой гальштаттской культурой, где употребление железа вошло в обиход, примечательно появление под курганными насыпями просторных погребальных камер; стенки их часто бывали обложены деревом, а сами курганы иногда

окружены рвом. Особенно интересны пышные захоронения с четырёхколёсными повозками, с великолепными конскими ярмами и богатыми деталями конской сбруи, количество которых в некоторых могилах достигает нескольких сотен (Граденин у г. Колин в Центральной Чехии). Как правило, в них похоронены мужчины, часто с бронзовым или железным мечом в ножнах с крыловидным наконечником и множеством керамики, иногда богато расписанной геометрическими узорами. Обычно в этих захоронениях нет украшений, в частности фибул; только в Чехии, как исключение, в таких могилах преимущественно ранней фазы, находят арфообразные или очкообразные фибулы с восьмёркообразной петлёй, вообще являющиеся типичными лишь для юго-восточных областей. Зато здесь часто находят части кабаньих туш, при них железный нож, а в углу камеры большие амфорообразные сосуды, что свидетельствует о сложном погребальном обряде, а иногда и глиняные символы в виде полумесяца. Высота гробниц князей гальштаттского времени не превышает размеров, необходимых для помещения четырёхколёсной повозки и прочего погребального инвентаря. Над погребальной камерой сооружался деревянный потолок, а над ним насыпался курган.

Область этих богатых погребений начинается в Чехии; особенно среднечешская биланская культура богата их уникальными образцами. Благодаря стараниям колинского исследователя, врача Фр. Дворжака, в Граденине у Колина из них были спасены, кроме повозок и богатой конской сбруи, великолепные конские ярма (таб. 1); но и в пражской области, в Страшкове у г. Роуднице, в м. Льготке у г. Литомержице, а в последнее время и в г. Ловосице (таб. II, исследования 1956 г.) сделаны подобные же находки. Погребальные камеры обнаружены и в южночешской курганной области; аналогичные захоронения, в общем одинаковые (лишь керамика в каждой области имеет свой местный характер), встречаются в бассейне Майна (Гроссейбштадт, юго-западнее от Ремгильда) почти до границ нынешней Тюрингии, далее в Верхнем Пфальце и во всей южнобаварской и вообще южногерманской области. Далее на запад мы находим их в восточной Франции и в северо-западной Швейцарии. В то время во всей этой области наблюдалось сравнительное единообразие, так что некоторые находки, относящиеся к VII и началу VI веков, сделанные в разных отдалённых друг от друга областях, настолько схожи, что их легко можно спутать. В первую очередь это захоронения мужчин, преимущественно вождей, а в широком смысле захоронения знати вообще. Преобладают несожжённые костяки, но бывают случаи, когда рядом с главным захоронением костяка с мечом и ярмом находится кучка сожженных костей другого человека (Планяны у г. Колин в Чехии). Это однако не означает, что вся указанная область находилась под одной властью, была сплочена в крупное образование. Скорее можно предполагать, что это были независимые друг от друга группы патриархального характера с одинаковым общественным строем.

Много европейских исследователей (Коссак, Кремер, Пауэл и др.) убеждены, что такие княжеские погребения ранее всего появляются в Чехии, в Верхней Австрии и в Баварии и что отсюда этот сложный обряд захоронения представителей знати постепенно распространился далее на запад. Поэтому большинство подобных захоронений в Вюртемберге, Швейцарии, в области

верхнего течения Рейна и в части Франции (Бургундия) они считают более поздними, относя их главным образом к VI веку до н. э. или даже к переходу к следующему веку. Однако отдельные могильники, поскольку они были систематически обследованы, свидетельствуют о том, что здесь налицо нечто большее, чем простое заимствование пышного обряда. Перед нами по-видимому результат постепенных экономических и общественных перемен, происшедших на всей этой обширной территории, которые привели к выделению ведущего слоя во главе с начальником или князем; наряду с ним оставалась масса народа, которую в процессе дальнейшего развития не затронул рост общественного и культурного уровня господствующего слоя.

В этот период сложные погребальные почести ещё оказываются в первую очередь мужчинам, вооружённым обычно хотя бы мечом; роскошные украшения и драгоценные изделия, привезённые из других областей, отсутствуют. В отдельных могильниках мы находим не только просторные погребальные камеры со срубом и с названным выше инвентарём, включая повозки и ярма, но и более скромные погребальные камеры или совсем простые захоронения. Позже наряду с захоронениями мужчин появляются и захоронения женщин, можно сказать, всех членов определённого рода (или части его), сосредоточившего в своих руках власть над более крупным общественным образованием, по всей вероятности племенем. Сам собой напрашивается вывод, что постепенно складывается некая родовая знать, аристократическая верхушка, достаточно сильная и богатая, уверенная в прочности своего положения, которая приобретает возможность очень быстро повышать свой общественный и жизненный уровень. Различия между этой верхушкой и широкими массами быстро углубляются, как мы постараемся показать на основании результатов археологических раскопок за последние десятилетия.

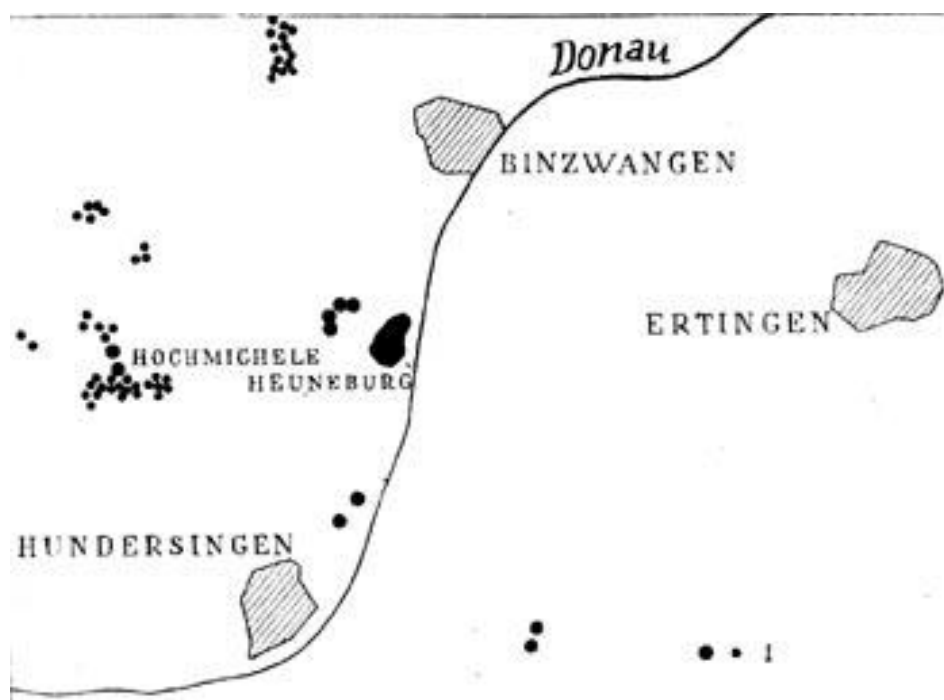

Рис. 5. Замок Гейнебург в верхнем Подунавье, позднегалльштаттского времени, окружённый группами больших и малых курганов (1 – большие и малые курганы).

В VI веке, в тот период, который археологи называют ступенью D (он делится ещё на раннюю фазу D1 и позднюю D2), положение существенно изменяется. Повозки ещё остаются в гробницах знатных лиц, но из инвентаря погребений исчезают длинные мечи, в то время как количество копий и длинных железных ножей увеличивается, а в некоторых случаях появляются короткие кинжалы с богато украшенной рукоятью, конец которой имеет вид подковы или форму буквы V. Кажется, что развитие аристократического слоя настолько стабилизировалось, что его представители стали и внешне отличаться от простого народа — они носили роскошные лёгкие кинжалы на поясе; менялась и боевая тактика по греческому образцу, и схватки один на один сменились групповым боем организованных отрядов. Постепенно исчезает богатая конская сбруя, несколько изменяется и одежда, а в погребениях начинают появляться украшения, сначала простые фибулы — дугообразные, змеевидные или ладьеобразные, фибулы в виде полумесяца с подвесками, а затем в поздней фазе (D2) особые коленчатые фибулы и в первую очередь литаврообразные и с поднятой украшенной пяткой. Для археолога эти мелкие украшения являются хронологическим показателем и в данном случае они свидетельствуют о том, что мы уже подошли к концу VI века или к 500 г. до н.э.

Мужская одежда состояла из куска ткани, верхние концы которой скалывались фибулой или булавкой, на бёдрах же она стягивалась поясом. Одежда женщин, наподобие дорийского хитона, скреплялась на обоих плечах. Специфический признак этого периода — распространение женских украшений, конечно, в первую очередь опять-таки среди ведущего слоя. Женщина, как и мужчина являлась равноправным членом аристократической верхушки, а после смерти её хоронили в пышном убранстве, резко отличавшемся от скромных украшений простого народа. Рождающаяся придворная среда жила в ущерб широким массам в невероятной роскоши, иногда — да будет нам позволено воспользоваться этим выражением — почти бесстыдной.

В то же время высший слой аристократии, по-видимому, уже родовой, судя по дальнейшим признакам, слой вождей отдельных племён, обладающих почти неограниченными возможностями, сознательно отдаляется от простого народа, отмежёвываясь от него как при жизни, так и после смерти. Представители этого слоя строят на возвышенных местах изолированные усадьбы, настоящие укреплённые замки, где и сосредоточивается их жизнь. Первоначально местные мастерские удовлетворяли всё растущие потребности, однако позже повсеместно появляются и привозные предметы роскоши из средиземноморских областей; таким образом, уже к концу VI века сильно развилась торговля со странами, находившимися далеко за пределами собственно кельтского мира. Весьма примечательно, что захоронения местных вождей, огромные курганы над их могилами воздвигаются в это время или на краю крупных могильников, или же на значительном расстоянии от них (Айслинген, Велленбург в Баварии и др.), а иногда даже совершенно изолированно. Ранее с подобным явлением или не приходилось сталкиваться вообще, или лишь в очень редких случаях. Захоронения вождей заметно группируются вокруг замков. В крупных курганах встречается и несколько погребальных камер довольно больших размеров, иногда площадью свыше 20 м².

Всё это показывает, что высший слой крепнул, рос и обогащался, явно стараясь подражать знати некоторых соседних некельтских областей и сравняться с нею в роскоши. В этом отношении VI век и переход к V веку имеют важное значение для кельтской среды, и потому мы постараемся более наглядно осветить положение в целом, пользуясь археологическим материалом.

В Чехии в это время ещё сохранялась также старая биланская «аристократия» и курганные знатные роды, однако многие данные говорят о том, что на этом периоде развития биланская область уже была не в центре общего развития, а скорее всего находилась на его периферии. В самом Граденине у Колина, прославившимся в предшествующий период несколькими княжескими захоронениями с конскими ярмами и колесницами, к этой эпохе можно отнести пока лишь могилу XXVIII. В ней на четырёхколёсной богато украшенной повозке был похоронен мужчина в возрасте около 50 лет; при нём находились детали конской сбруи с тремя железными удилами и драгоценными бронзовыми бляхами (фаларами) и бронзовая чаша; керамики же отличного и явно более позднего типа в могиле было мало (10 сосудов). Меча в могиле не было. Колесница, судя по конструкции и украшениям, была скорее праздничной, чем дорожной или военной. Следует напомнить, что и в некоторых других могилах в Граденине вместо мечей были лишь копья.

Центры развития в V веке. Замки племенной знати

В VI веке центр развития явно передвинулся далее на запад, отчасти на юг Баварии, но главным образом в область верхнего Подунавья и Рейна, в Южную Германию, северо-западную часть Швейцарии и восточную Францию. В то время там образовался специфический округ у северо-западного подножья Альп, собственный кристаллизующий центр кельтского мира (рис. 10). Именно здесь расслоение общества проявилось особенно ярко, отсюда были установлены самые оживлённые связи с южным культурным миром, из источников которого верхний слой кельтского общества пил жадными глотками.

В позднегалльскую эпоху наряду с укреплёнными городищами, где население искало защиты и убежища в случае опасности, мы впервые в истории западной части Средней Европы встречаемся с подлинной аристократической усадьбой, настоящим замком, по соседству с которым обычно находятся курганы с захоронениями его умерших хозяев. Эти усадьбы не всегда расположены на совершенно недоступных местах, как располагались некоторые первобытные городища, а находятся в местности более или менее открытой, так как, по всей вероятности, господствующий слой в течение известного времени чувствовал себя в полной безопасности. Поразительные результаты раскопок, произведённых в последние годы, раскрыли тайну Гейнебурга на верхнем Дунае. Другая аристократическая усадьба близ необыкновенно богатых княжеских захоронений была обнаружена на Монт-Лассуа у Шатильон-сюр-Сен. Признаки других усадеб имеются также в Вюртемберге в окрестностях Штуттгарта, Гоенасперге у Людвигсбурга с княжескими захоронениями Ремергюгель и Клайнаспергле. Богатые захоронения в области Цюриха (Альтштеттен), в которых найдено золото, допускают возможность нахождения другой подобной усадьбы где-то на

Ютлиберге на юго–запад от Цюриха, к сожалению, до настоящего времени систематически не обследованном. На швейцарской территории таких центров, по–видимому, несколько, судя по драгоценным привозным предметам в курганах. Равно и в области на северо–восток от Дижона с сильной концентрацией богатых захоронений необходимо предполагать наличие подобной аристократической усадьбы, возможно, на месте замка Грай на реке Соне.

Гейнебуре у Гундерсингена на левом берегу верхнего Дуная, недалеко от Зигмарингена (рис. 4—6, таб. III А—IV) представляет собой возвышенную укреплённую усадьбу, окружённую группами курганов. Это Малый Гейнебург (Большой Гейнебург находится приблизительно в 11 км севернее в лесах возвышенности Рауэ Альб). Замок Гейнебург был построен на мысообразном выступе коренного берега Дуная и занимал площадь размером около 300 x 150 м. Со стороны Дуная к замку примыкало предградьё. Подход к главным воротам был устроен так, чтобы нападающие оказывались под прямым обстрелом со стен замка. В позднегалльское время замок перестраивался не менее четырёх раз, обычно после пожара. Самые древние укрепления были из дерева, камня и земли. Однако одна из перестроек уже свидетельствует о развитой архитектуре (Гейнебург IV). На каменном фундаменте шириною в 3 м и высотой около 60 см была построена стена около 4 м высотой из кирпича, высушенного на солнце (местами она сохранилась до высоты 2 м); это первый случай использования кирпича в дунайской области. Из стены на одинаковом расстоянии выдавались четырёхугольные башнеобразные бастионы (пока было открыто 8); в местах, которые были более доступными и потому подвергались большей опасности, применялся не этот, а старый местный способ укреплений — стена с деревянной конструкцией (рис. 4). Камень для постройки привозился из каменоломни в Доллгофе, расположенной приблизительно в 5 км.

Кирпичные сооружения в Гейнебурге являются совершенно чуждым элементом в североальпийской области; они были сооружены по юго–восточным (средиземноморским) образцам, которые легко найти, например, на Сицилии (Джела) или в македонской области у Охрида и в замке Лариссе. По–видимому, с юга был приглашён и строитель, который построил эти сооружения в дунайской области. Но в новой среде эти сооружения приобрели иное значение. Размеры плоских кирпичей из глины, перемешанной с песком и соломой, как и ширина стен, правда, говорят о южных образцах, но густое расположение бастионов на расстоянии десяти метров друг от друга нельзя объяснить фортификационными соображениями; башнеобразные бастионы использовались в замке в качестве жилья. По всей вероятности, мы встречаемся здесь с некоей манией величия, старанием сравняться с южноприморской средой, что проявляется и в других отношениях. Сюда привозились, очевидно из Массилии, амфоры с вином для торжественных пиров (в Гейнебурге были в последнее время найдены их фрагменты), греческая чёрнофигурная керамика, провансальские товары и другие изделия южного происхождения. Последние укрепления в Гейнебурге, относящиеся к началу латенского периода, были построены уже не по южному образцу, а опять по старому местному способу возведения укреплений. Раскопки в Гейнебурге, которыми руководят профессора Ден и Киммиг, до настоящего времени не закончены. В окрестностях Гейнебурга находится девять княжеских

курганов, довольно богатых золотом; в одном из этих курганов, Гохмихеле, высотой в 13 м, по всей вероятности, как мы увидим далее, был похоронен местный властитель. Кельтский центр Латиско, возвышенное укреплённое место на Монт–Лассуа, находится приблизительно в 6 км на северо–запад от Шатильон–сюр–Сен; размеры верхней площадки на вершине — 500x120—150 м. В 1949 г. на западном склоне было открыто мощное укрепление, внутри которого находится богатый культурный слой мощностью 40—60 см; на позднегалльском слое здесь обнаружены более поздние слои латенской эпохи. Предварительные исследования дали пока огромное количество — сотни тысяч — обломков глиняных сосудов, в том числе сосудов, расписанных геометрическим узором (изредка и со звериными мотивами) и многочисленные обломки привозных греческих чёрнофигурных сосудов, относящихся ко второй половине VI века; найдено также около 200 фибул конца VI и начала V веков, литаврообразные фибулы и фибулы с богато украшенной пяткой, иногда со вставками из коралла, много серёг, колец и браслетов. Оружия, однако, не много, изредка встречались лишь кинжалы, наконечники копий и длинные ножи. Во многом эту усадьбу можно сравнить с другими возвышенными усадьбами на Марне, в Камп–дю–Шато–а–Сален в юрской области или с могильником в Жогассес.

Монт–Лассуа находится на перекрёстке важных путей в области, богатой железом. В 1953 г. у подножья этого холма в Викс (у Шатильон–сюр–Сен в области возвышенности Кот д’Ор) был раскопан очень интересный курган. В нём обнаружено захоронение княгини в возрасте около 35 лет, которое убедительно доказывает, что и женщина пользовалась в ведущем слое почётом и жила в роскоши. Под курганом, когда–то заметно выделявшемся на местности (диаметр 42 м, высота не менее 6 м), была сооружена деревянная погребальная камера (площадь 9 м²), а в ней на кузове колесницы покоилась молодая женщина с золотой диадемой на голове (вес 480 г, рис. 7, таб. XI—XIII) и большим количеством других украшений: браслетов, ожерелий из янтаря, фибул. Богато окованные 4 колеса повозки были прислонены к восточной стене могилы. В северозападном углу могилы стоял большой бронзовый сосуд, кратер высотой 164 см, весящий 208,6 кг. Это искусная греческая работа с полурельефным фризом на шейке, на котором чередуются пешие воины с возницами на двухколёсных колесницах, запряжённых четвёркой. Тяжёлые ручки сосуда внизу заканчиваются петлями в виде горгон с ухмыляющимися лицами (рис. 8, таб. XII). Крышка сосуда украшена посередине женской фигурой (таб. XIII).

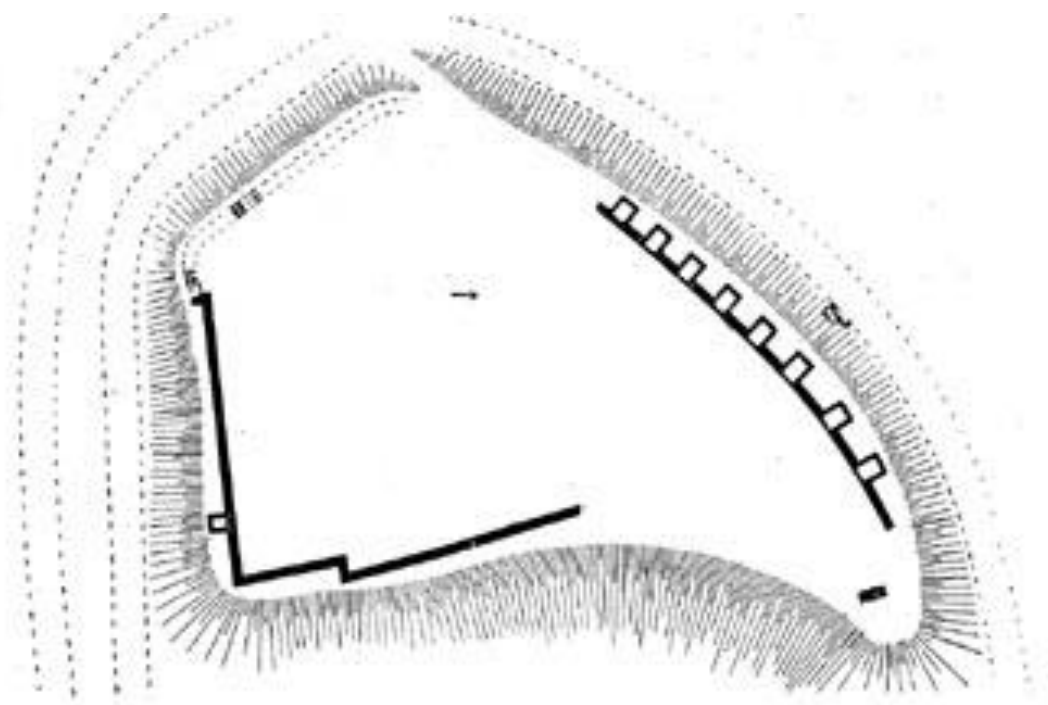

Рис.6. Гейнебург в верхнем Подунавье. Открытая часть замка позднегальштаттского князя (Гейнебург IV) с каменным фундаментом и бастионами, построены из кирпича по юго-восточным образцам. Раскопки Дена и Киммига.

Возможности кельтских вождей были почти неограниченными. Кратер такой работы и таких небывалых размеров не имеет пока аналогии среди находок в Европе, это своего рода уникум. В греческих мастерских такие вещи обычно делались меньших размеров, как свидетельствуют находки в Требениште у Охридского озера или в Италии и южной России. В данном случае же, очевидно, речь идёт об особом заказе для кельтского князя конца VI века, которому наряду с художественной ценностью импонировали и необычные размеры изделия. Трудности, связанные с перевозкой такой драгоценной вещи, были велики, так что, по-видимому, место сбыта и цена были известны заранее. Есть даже основания предполагать, что в Викс сосуд был доставлен греческим мастером, так как кратер был перед перевозкой разобран на отдельные части, точно обозначенные греческими буквами, а затем собран на месте. Золотая диадема с шарикообразными концами, украшенными крылатыми конями, возможно, является изделием причерноморских мастерских, находящихся уже в скифской области, как полагал Р. Жоффруа, нашедший эту могилу, или же изделием греко-этрусской мастерской, сделанным по «варварскому» вкусу, ибо она не имеет аналогий среди изделий, изготовленных в классическом стиле. В могиле была также бронзовая столовая утварь этрусской работы: клювообразный кувшин и 2 плоских сковороды. Аттический сосуд (киликс) с изображением группы воинов в чёрнофигурном стиле, вероятно, изготовлен около 525 г., другой аттический сосуди́к — по-видимому, незадолго до 500 г. Колесница в гробнице в Викс носит скорее культовый характер; подобные колесницы найдены в Оненгейме в Эльзасе (рис. 9) и в разных местах Франции, во Франш-Комте, в долине Соны и даже недалеко от Латиско, расположенного приблизительно в 3 км от Сен-Коломб. В

кургане Ла–Гаренн (Муссло) был найден железный треножник с бронзовым котелком–миской, представляющим собой изделие опять–таки греческих мастерских. Принимая во внимание определённое время обращения указанных выше импортов и типы фибул, мы можем археологически отнести погребение княгини в кургане в Викс к началу 5 века.

Приведённые примеры хорошо освещают положение господствующего слоя. Погребения, обнаруженные в некоторых других курганах, дополняют эту картину. Достаточно привести лишь несколько примеров позднегалльских княжеских курганов VI и начала V веков. У них много общих признаков, хотя они и не одинаковы. Прежде всего обращает на себя внимание монументальность погребальных сооружений. Сооружение же больших курганов возможно лишь при совместной работе большого коллектива, так как часто материал приходилось доставлять издалека. Внутреннее устройство курганов, особенно наличие нескольких погребальных камер, свидетельствует о том, что они служили постоянной усыпальницей, в которую постепенно хоронили членов определённой семьи, мужчин, женщин, а иногда и малолетних. Общим признаком является богатый инвентарь погребений, роскошно украшенные и окованные повозки, всё ещё четырёхколёсные, детали конской сбруи, вытканые золотом ткани, художественно обработанное золото, золотые венцы и диадемы, бронзовые сосуды и другие предметы, в более ранний период по преимуществу ещё местного производства; с течением времени, однако, увеличивается количество предметов, привезённых с юга, знать устанавливает более тесные связи с культурной средиземноморской областью.

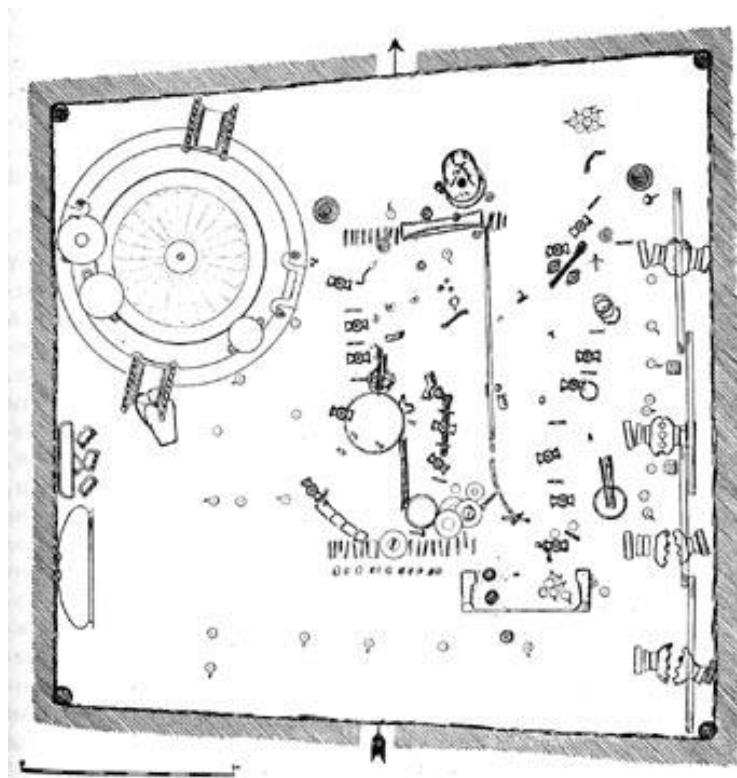

Рис. 7. Викс (Кот д'Ор), Франция. В 1953 г. французский археолог Рене Жоффруа обнаружил в погребальной камере захоронение примерно 35–летней княгини с золотой диадемой на голове и богатым инвентарём. План могилы, в углу большой бронзовый сосуд.

В VI веке с востока в Карпатскую котловину вплоть до Словакии проникает скифское влияние (могильник в Хотине у Ко–марно в Словакии и др.), и тем

самым создаётся скифский барьер по реке Тисе и вдоль современной словацко-венгерской границы. На скифских могильниках обычны конские захоронения, которые, например, встречаются и в бассейне Тисы (могильник Сентеш–Векерцуг в Венгрии). В кельтской среде, где на этом этапе развития роскошно убранный конь был нужен для увеличения пышности, в княжеские захоронения кони обычно не помещались. Лишь изредка мы встречаемся с такими случаями (Симмринген) или с находками лошадиных черепов в могиле (Гундерсинген), но и тут, по-видимому, играли роль особые мотивы индивидуального характера, так как захоронение лошадей не являлось частью сложного кельтского ритуала, складывавшегося к этому времени. Однако обычай той эпохи требовал помещения в могилу богатой конской сбруи.

Особенно много художественно обработанного золота мы находим в южногерманской области, в Бургундии и части Швейцарии. По всей вероятности, это местные изделия, так как здесь золото добывалось уже с начала позднебронзового века (ступень А—В), главным образом из рейнского песка в верхнерейнской низменности, куда его приносили воды реки Аары с территории между Берном и Люцерном. В позднегалльское время, как уже ранее отметил О. Парет, из золота изготавливались украшения, главным образом для женщин. У девушки, погребённой в деревянном срубе в Зирнау (Вюртемберг), были на руках золотые браслеты, а 18 золотых колечек, по всей вероятности для украшения волос, лежали под черепом. В кургане в Каппеле в прирейнской области было найдено ожерелье из золотого листа весом в 160 г, золотой браслет и другие украшения; в кургане в Инс у Берна — золотые бусы, а в Гунцвиль–Адисвиль — 4 ожерелья из золотых трубок и колец. В этот период особенно заметна в этой части кельтского мира концентрация золота; в более восточных районах, в том числе и в Чехии, золотые предметы, правда, кое-где попадаются, но это скорее исключение, чем правило.

Вернёмся однако к местам вечного сна тогдашних властителей кельтского мира, так как это поможет нам лучше понять значение археологически установленных фактов.

Курган Гохмихеле у Гундерсингена, расположенный по соседству с замком Гейнебург, до сих пор поражает своими размерами и высотой. В 1937—1939 гг. он был раскопан. В главной погребальной камере кургана площадью почти 20 м² (563х348х391х350 см), на обложенных деревом стенах висела сложенная в складки ткань. Погребение было когда-то основательно разграблено, но всё же в нём сохранились остатки повозки, первоначально также прикрытой тканью, золотые полосы и пластины, украшения пояса и некоторые другие вещи. Здесь покоилась женщина с ожерельем из янтарных и стеклянных бус; сохранился пучок её волос, коса, сплетённая из трёх прядей. Ткани с диагональным узором, остатки которых сохранились в могиле, даже с нынешней точки зрения были высококачественными. В соседней не ограбленной камере (242х306х350х296 см) находилось два покойника — мужчина и женщина. Мужчина лежал на бычьей шкуре. Около него были железный наконечник стрелы и диадема. На скелете женщины находились змеевидная застёжка и большое, длиною около трёх метров, ожерелье из нескольких сотен янтарных и стеклянных бус. Недалеко от этой камеры находилось захоронение мужчины с копьём и бронзовым поясом.

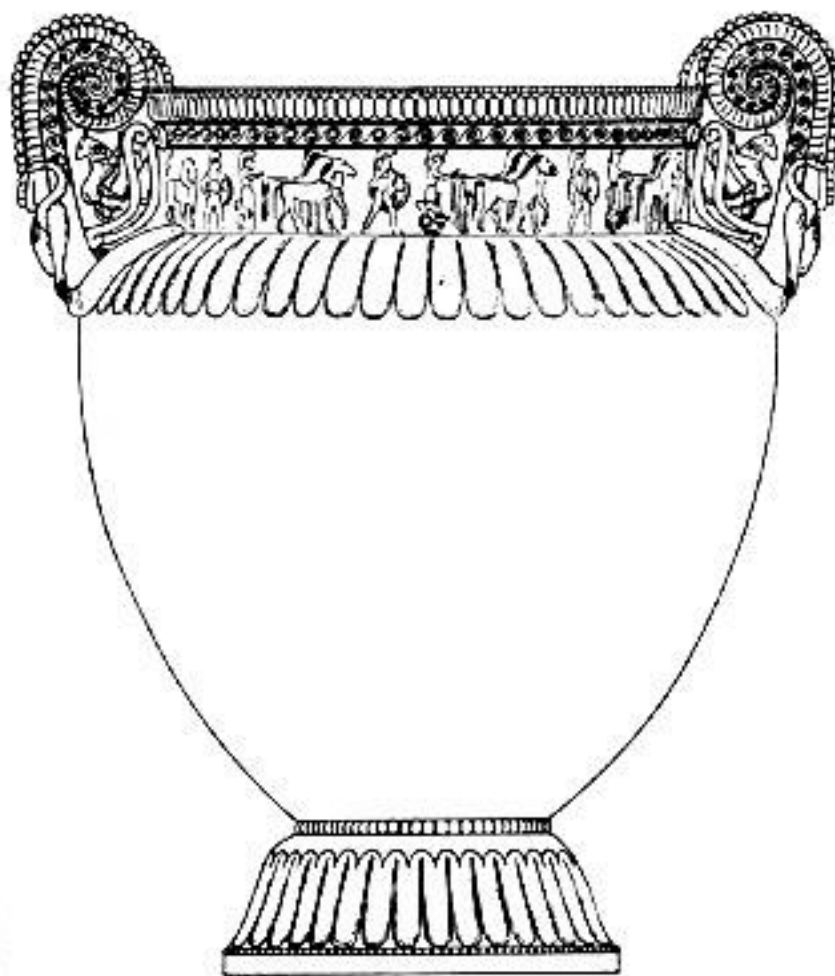

Рис. 8. Бронзовый сосуд из могилы княгини в Викс. Высота 164 см. См. также таб. №XI–XIII.

В Апремон (Верхняя Сона, Франция) в кургане диаметром в 70 м и высотой на менее 4 м также находилась четырёхколёсная повозка, обёрнутая тканью; в кургане была найдена чеканная золотая диадема (232 г), золотые фибулы и золотой сосуд. Вообще ткани — обычное явление в этих позднегалльских богатых могилах. В Гисгюбель—Гундерсингене I в деревянном срубе были обнаружены три захоронения, две женщины, а между ними пожилой мужчина. На одной из женщин была одежда с вытканной золотом каймой. В Таннгейме в Верхней Швабии (IV курган) повозка была прикрыта тканью крестообразного плетения со ступенчатым узором.

Размеры некоторых курганов поистине огромны. Первоначальный диаметр кургана в Бухгейме — 120 м, в Каппеле на Рейне — 74 м, в Гюгелынейме(?) у Расштатта — 70 м, а сохранившаяся высота 5 м. В Виллингене в области Шварцвальда соорудили курган на высоте 771 м над уровнем моря диаметром в 118 м и высотой 8 м; просторная погребальная камера этого кургана площадью свыше 36 м² представляла собою сруб из дубовых брёвен толщиной 20—35 см, деревом же был выложен и её пол. Курган ко времени его раскопок (1890 г.) был уже разграблен, в нём сохранились лишь остатки повозки. Равно и в Винтерлингене курган был расположен на значительной высоте над уровнем моря

(820 м). Нередко в этих курганах отдельные части инвентаря разложены на полосах берёзовой коры, а иногда ещё и прикрыты такими же полосами сверху (Сант–Андре–бей–Эттинг, Пуллах).

Ещё один памятник заслуживает особого внимания. Мы имеем в виду княжеский курган высотой 6 м в Пфлугфельдене (Ремергюгель), раскопанный ещё в XIX веке. В деревянной погребальной камере этого кургана (3,5х3,5 м) был похоронен мужчина в пышном одеянии, с золотой диадемой и железным кинжалом в бронзовых ножнах с инкрустированной янтарём рукоятью. В могиле находились также бронзовые сосуды, четырёхколёсная повозка, на которой, по всей вероятности, умершего перевезли из усадьбы (ступицы колёс были украшены чеканной бронзой) и богатая конская сбруя. Приблизительно в 3 м севернее от этого погребения находилось другое захоронение, также с предметами из золота и янтаря. Над всем этим был сооружён курган из тяжёлых каменных глыб, привезённых из окрестностей. В кургане более позднего времени в Клайнаспергле в той же области, о котором мы ещё будем упоминать, в деревянной погребальной камере лежала женщина в одежде, украшенной золотом, с серебряной цепочкой, бронзовыми сосудами, этрусским клювообразным кувшином и другими привозными предметами. Согласно требованиям варварского вкуса прекрасная античная миска из этого погребения была обтянута [пропущено] господствующего, имевшего огромные возможности. Результаты археологических исследований обрисовывают его профиль совершенно чётко и убедительно, обнажая суровую действительность; простой народ служил лишь основой могущества этого слоя, не имея никакой выгоды от роста его жизненного уровня. Изоляция верхушки становилась всё заметнее. Если в собственно гальштаттское время (ступень C) в захоронениях представителей знати находится большое количество керамики, являющейся также обычным инвентарём в могилах простых людей, то в позднегальштаттское время (ступень D) местная керамика теряет своё место в захоронениях знати и вождей и вытесняется характерными изделиями местных художественных мастерских, а позже и драгоценными привозными предметами из южных областей, довершающими роскошь, которой окружал себя высший слой. В замках знати появляются золотые ложечки и ситечка (Гейнебург), бронзовые столовые сервизы, а затем сверху ажурной золотой бляхой. Это захоронение женщины было по существу второстепенным, главная же погребальная камера, находившаяся в центре кургана (5х4 м), была ограблена ещё в древности.

Для читателя, конечно, ясно, что кельтская история в VI и V веках является по существу историей лишь одного слоя, слоя всё чаще [обнаруживающего] драгоценные украшения. В поселениях простого народа остались только местная керамика и простые бронзовые украшения, в лучшем случае бронзовые литаврообразные фибулы, простые бронзовые шейные гривны, а из привозных предметов стеклянные или янтарные бусы.

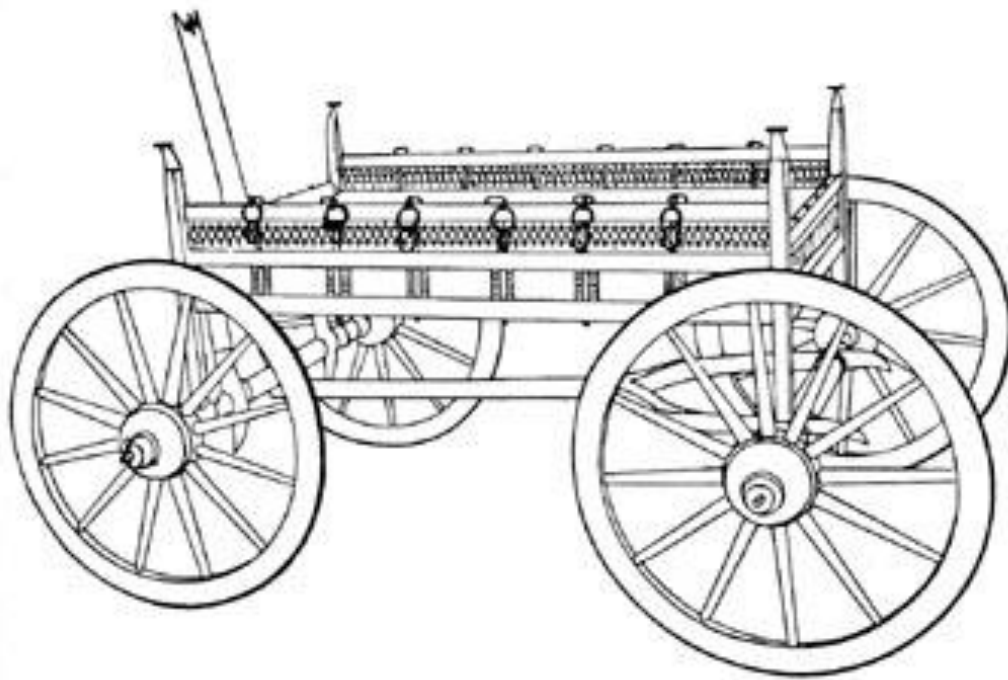

Рис. 9. Оненгейм в Эльзасе. Реконструкция четырёхколёсной повозки из кургана позднегалльштаттского времени.

Среди династий, погребавших покойников на повозках (мы позволим себе употребить это выражение), складывались традиции героической глорификации, основой которых служили сначала успехи на поле брани, а позже всё большая роскошь пиршественных чертогов, для которых южные области поставляли инвентарь и достаточное количество вина. Мы ещё увидим, что этот процесс в VI веке становится более интенсивным и что от поколения к поколению неустанно изощряется вкус, который вначале нёс ещё варварские черты, так что упор делался в первую очередь на внешний эффект; позже, особенно в период возникновения раннелатенского художественного стиля, уже более ценилась и художественная сторона. Но могли ли различия между обоими слоями увеличиваться до бесконечности? В определённое время настал перелом, который был неизбежен.

Опорой господствующего строя были не только наиболее плодородные равнинные земли, но и холмистые возвышенные области, которые до настоящего времени остаются по преимуществу скотоводческими. Необычное средоточие позднегалльштаттских княжеских захоронений в верхнем течении Дуная, на Рейне от Базеля до Неккара, в Бургундии или в области возвышенности Кот д'Ор наблюдается лишь до начала 5 века. Несмотря на то, что в течение известного периода высший слой, по-видимому, жил сравнительно спокойно, время от времени над ним сгущались тучи. О том, что происходило в V веке в этой северо-западной приальпийской области, мы пока можем только догадываться. Результаты археологических исследований однако показывают, что в V веке, когда кельты готовились к набегам на другие области Европы и когда они отчасти уже осуществляли эти набеги, средоточие княжеских усадеб и богатых захоронений заметно передвинулось на северо-запад, к среднему течению Рейна и к рекам Мозель и Сара. Прежние центры в верхнем Подунавье явно приходили в

упадок. Самым южным звеном этой непрерывной цепи является уже упомянутое княжеское захоронение в кургане в Клайнаспергле в штуттгартской области. Далее к югу до самой Швейцарии пока не обнаружено более поздних княжеских захоронений, относимых нами к раннелатенскому времени; прежние центры могущества в самом верхнем течении Дуная теряют своё значение. В самом средоточии богатых захоронений развитие приобретает другой характер; курганы постепенно исчезают, затем появляются бескурганные, грунтовые могильники, на которых в погребениях мужчин уже имеется оружие. Раньше эту перемену часто объясняли передвижением населения. Ещё П. Рейнеке считал, что в это время в южную Германию с запада проникли кельты. В настоящее время мы всё больше убеждаемся в том, что причины перемен кроются внутри, что речь идёт о тех же племенах и той же среде. Новый погребальный обряд всё чаще применяется с IV века, и мы видим уже хорошо вооружённое общество, а не отдельных его представителей, как это имело место ранее. Исчезает конская сбруя, появляется железный меч и копьё. Ввиду того, что такие могильники позднее встречаются и в более плодородных областях, некоторые исследователи высказывали предположения об эмансипации земледельцев, а Карштедт говорит даже о восстании земледельческого населения против господствующей знати, об освободительном процессе.

Нам, однако, кажется, что при объяснении этого явления следует учитывать и другие обстоятельства. Вся указанная выше территория позднегалльских княжеских захоронений становится в 5 веке главным плацдармом исторической кельтской экспансии; отсюда вооружённые отряды во главе со своими военачальниками отправлялись не только в соседние страны, но и в отдалённые области и даже в южные центры того времени, которые поставляли тогда кельтской знати предметы роскоши. Ещё раньше появляются признаки того, что густота населения на этой территории сильно возросла. Едва ли мы будем сомневаться в том, что при существовавшей общественной структуре были неизбежными внутреннее напряжение и волнения. Впрочем и сам по себе Гейнебург с его перестройками, главным образом после пожаров, может служить доказательством этих волнений, при которых, вероятно, имели место и нападения одного племени на другое. В период экспансии и колонизации именно недовольные отправлялись в новые области, предполагая, что там они улучшат своё экономическое и общественное положение. Такие недовольные могли быть не только в широких массах, но и среди господствующих родов. Тем самым напрашивается вывод, что при возрастающем кризисе не оставалось ничего другого, как хорошо вооружить большинство мужского населения и отправить его в грабительские набеги в другие районы Европы, чтобы удовлетворить требования широких масс. Нам известно по археологическим данным, что во главе этих вооружённых отрядов и дружин стояли вожди, снаряжение которых свидетельствует об их связи с княжескими усадьбами, а в легенде, приводимой Ливием, говорится о Белловесе и Сиговесе, племянниках короля битуригов Амбигата, которые во главе вооружённых отрядов отправились из перенаселённой страны на поиски новых мест для поселения (согласно предсказаниям, Сиговесу в качестве новой родины предназначалась область Герцинского леса, а Белловесу — Италия); на этом основании можно действительно предполагать, что вооружённые

отряды возглавили некоторые представители господствующих родов, которые в своей среде не находили полного удовлетворения своим требованиям и притязаниям. Очевидно в результате этого прежние районы, являвшиеся опорой знати, сильно обезлюдели, а оставшиеся на прежних местах властители вместе с подвластным им населением перемещали центры своего господства далее на северо-запад по направлению к среднему течению Рейна, к Мозелю, к подножью хребта Гунсрюк, короче говоря, в ту область, которую мы обычно называем гунсрюкопфальцской. Там их усадьбы продолжают существовать в полном великолепии ещё в течение V и даже начала IV веков до н.э.

Внутреннее положение в среднерейнских областях почти не изменилось. В погребальном ритуале сохранились установившиеся обычаи, только вместо четырёхколёсных повозок появляются и более лёгкие военные двухколёсные колесницы. В усадьбах знати роскошь не уменьшалась, а скорее росла, достигая кульминации, так как именно в эти среднерейнские усадьбы потом привозились с юга этрусские и греческие изделия. Вместо чёрнофигурной керамики появляются более модные краснофигурные изделия второй половины V века.

Концентрация княжеских захоронений, как об этом свидетельствуют новые находки, в раннелатенское время всё возрастала. Только в Саарской области известно не менее 8 богатых захоронений: в Бессерингене, Вайскирхене (2 захоронения), Шварценбахе (2 захоронения), Телей, Реммсвейлере и Фрайсене. Все они находятся в северной части области, у южного подножья хребта Гунсрюк и в холмистой области при реках Сааре и Мозеле. Эти большие курганы были исследованы главным образом в 19 веке, к сожалению без достаточного знания дела, но некоторые сделанные там находки, особенно золотые украшения, всё-таки сохранились. В двух курганах в Шварценбахе, юго-восточнее от мощных укреплений в Отценхаузене, открытых в 1849 г., были найдены два бронзовых клювовидных кувшина с фигуральными ручками, бронзовая амфора, ручки которой украшены фигурами силенов, мискообразный сосуд с золотой прорезной крышкой и множество золотых украшений, некоторые с маскообразными мотивами (рис. 22). В княжеском кургане в Дюркгейме (Рейнский Пфальц), в котором была похоронена женщина, были найдены золотая шейная гривна, два золотых браслета с масками, обломки золотых бляшек от пояса и бронзовая столовая утварь (клювовидный кувшин, треножник, ведро—стамнос). В Роденбахе у Кайзерлаутерна в большом кургане находились богатые захоронения мужчины и женщин; кроме остатков четырёхколёсной повозки, вооружения и частей конской сбруи, там было найдено 5 бронзовых сосудов (в том числе клювовидный кувшин), греческий расписной кубок и золотые украшения, в первую очередь золотой браслет и кольцо, украшенные масками, звериными мотивами и пальметками.

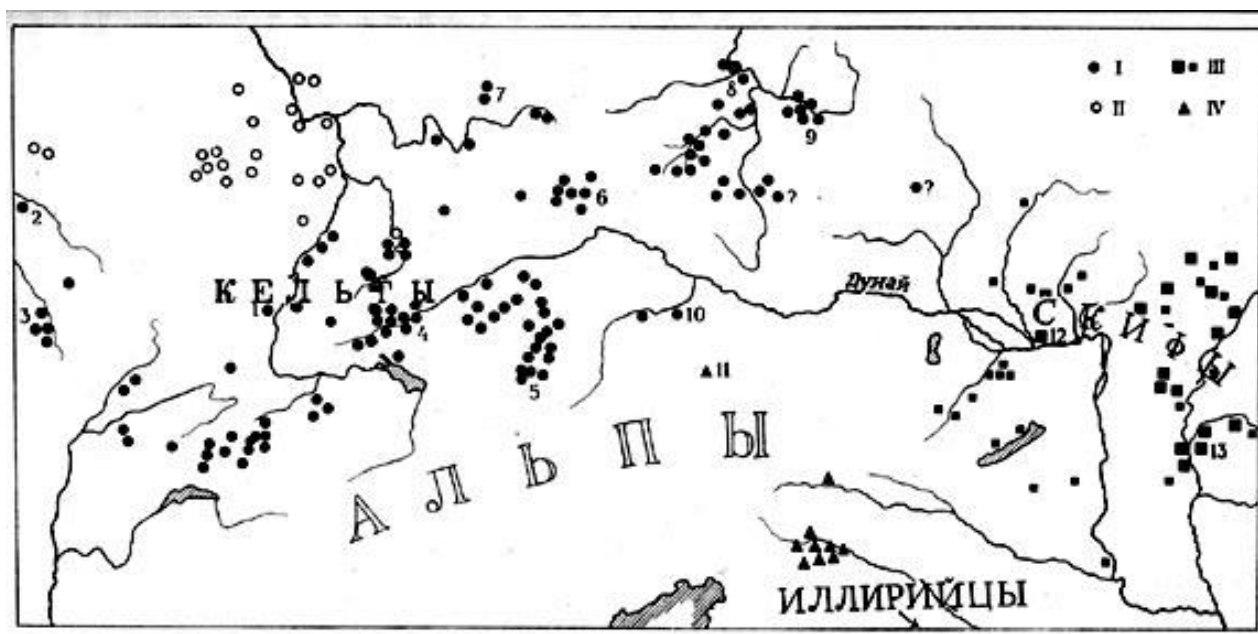

Рис. 10. Средняя Европа в гальштаттское время и в начале латенского времени: I погребения с повозкой или с ярмами и конской сбруей VII—нач. V вв.; II — поздние княжеские захоронения раннелатенского времени; III — скифские захоронения и отдельные могилы или находки (мелкие значки); IV — область находок бронзовых шлемов и панцирей. 1 — Оненгейм, Эльзас; 2 — Жогасс, Франция; 3 — Викс (Кот д'Ор), Франция; 4 — Гудернсинген-Гейнебург; 5 — Уффинг; 6 — Обервизенаккер-Парльсерберг; 7 — Гроссейбштадт (на юго-запад от Ремгильда); 8 — Лыготка и Ловосице в Чехии; 9 — Граденин у Колина; 10 — Уттендорф в Верхней Австрии; 11 — Гальштатт; 12 — Хотин в Словакии; 13 — Сентеш-Векерцуг, Венгрия. По состоянию находок 1959 г. Составил Я. Филип.

В 1954 г. к уже известным захоронениям прибавились ещё два кургана в Рейгейме на южной границе Саарской области в направлении к Лотарингии. В одном из них в дубовом срубе (346x270 см) покоилась княгиня с золотой шейной гривной (торквес), заканчивающейся на обоих концах человеческими и львиными головами. В погребении, кроме того, были золотые нагрудные украшения, золотые браслеты и кольцо, бронзовая маскообразная фибула, бронзовое зеркало с антропоморфной ручкой и целый ряд других драгоценностей и украшений. Около покойницы находился также уникальный бронзовый позолоченный кувшин с носиком, украшенным тонким рисунком, и две бронзовые тарелки, также являющиеся частью столового сервиза.

Как уже было указано, самым южным княжеским захоронением этого периода, которое представляет собою связующее звено с бывшим средоточием княжеских захоронений в приальпийской области, является расположенный среди плодородных полей курган в Клайнаспергле. Известное парное погребение в кургане у Вальдальгесхайме (Гунсрюк) по сохранившейся части своего инвентаря относится к древнейшим. В этом кургане были похоронены мужчина и женщина, но, к сожалению, из вещей, сопровождавших их, сохранился лишь набор бронзовых сосудов и золотые украшения (таб. XIV).

Связи княжеских усадеб с южной средой и возникновение раннелатенского художественного стиля.

В V веке в кельтском обществе рождалось замечательное декоративное искусство, покровителями которого были в первую очередь те вожди, с богатыми захоронениями которых мы познакомились на среднем Рейне и которые несколько позже появляются и в Шампани. Новое искусство возникло в господствующей среде, для которой были доступны художественные ценности образованного южного мира. Ещё в то время, когда основной центр находился на верхнедунайско–верхнерейнско–восточнофранцузской территории, торговые и культурные связи с югом приобрели необыкновенную интенсивность. Предпосылки для этого были созданы на обеих сторонах ростом могущества и повышающимися требованиями позднегалльштаттской знати и новой обстановкой в средиземноморской сфере. Около 600 г. на южнофранцузском побережье была основана Массилия (нынешний Марсель), быстро приобретшая важное торговое значение. Через этот город шли в его окрестности, а затем и в более отдалённые области вплоть до верхнего Подунавья в огромном количестве импортные, в первую очередь греческие изделия, что приближало культурную греческую среду к варварскому миру. Теперь уже не может быть сомнений в том, что торговый путь Массилия — долина Роны — Бургундские ворота приобрёл большую важность, так как по нему шли малоазиатские, родосские, греческие и местные провансальские изделия, которые попали даже в Гейнебург. Правда, ещё в VI веке оживились и проходы через альпийские перевалы, а на юго–восточной стороне Альп образовался в качестве связующего звена с северной Италией производственный центр, опирающийся на богатство области, в первую очередь на богатые месторождения железной руды; его владельцев мы находим в могилах в бронзовой броне, в шлемах, поножах и бронзовых чеканных рукавицах (Клейн–Клейн). Возросло и значение атестинско–адриатической области в северной Италии, где позже даже основывались греческие торговые колонии по течению реки По (Спина, Адрия) со складами греческих изделий, в том числе керамических, достигших расцвета в 5 веке. *Caput Adriae* (голова Адрии) приобрела важное значение и для части Средней Европы. На итальянской стороне Альп у озёр в окрестностях Беллинцона возникли опорные торговые пункты; товары шли через Альпы вплоть до Швейцарии и к Рейну. Таким образом, открылись огромные возможности, особенно для западногалльштаттского округа среднеевропейской зоны, и эти возможности использовались им полностью ещё в VI веке. Сюда привозились изделия греческих мастерских родосско–милетского типа, а позже и их итальянские подражания. Они изредка встречаются в могилах с повозками уже в позднегалльштаттской среде верхнедунайско–восточнофранцузской области (Вильсинген в области Зигмарингена, Каппель–ам–Рейн, Агнель Пертуис в долине Дуранс, в области Воклюз, на юге Франции у Массилии, Вьенна). Это главным образом бронзовые кувшины родосского типа середины VI века или несколько более раннего периода с тремя закруглёнными носиками, которые в отличие от более поздних этрусских кувшинов имеют более низкое и выпуклое туловище, а основание ручки (*attache*) украшено растительными узорами, отголосками геометрических мотивов. Такие изделия

встречаются и в других районах Средиземноморья, а их находки в Европе позволяют сделать заключение, что они попадали в верховья Дуная и прирейнские области главным образом через Массилию.

Рис. 11. Филоттрано у Анконы, Италия. Шлем этрусско–кельтского типа (высота самого шлема 16 см). Музей в Анконе, Италия

Но не только эти отдельные изделия родосской торевтики попадали тогда в североальпийские области. В 1851 г. в Грехвиль–Мейкирхе в кантоне Берн в Швейцарии в кургане, кроме остатков повозки, фибул (змеевидная фибула) и керамики, была обнаружена большая бронзовая ваза (гидрия), также греческой работы первой половины VI века. Особенно пышно украшена её шейка. Ручки вазы сделаны в виде крылатой повелительницы животных (так наз. персидская Артемида), окружённой четырьмя сидящими львами и увенчанной орлом и

змеями; в руке она держит зайца, по-видимому, символ плодородия (таб. V—VI). Это редкостный образец торевтической работы.

По всей вероятности через Массилию была доставлена и другая жемчужина торевтики, уже упомянутый бронзовый кратер, найденный в могиле княгини в Вискс. К этим изделиям следует также прибавить треножник с грифами из Ла-Гаренн (рис. 3).

В позднегалльштаттской области была очень распространена аттическая чёрнофигурная керамика, также ввозимая главным образом через Массилию. Она встречается по всему Провансу вплоть до Лангедока, а в последнее время была обнаружена и на городище Мальпас у Сойона, к югу от Баланса. Ввиду того, что мы встречаемся с ней также в области Болоньи и на Адрии, не исключено, что по крайней мере часть её шла даже через альпийские перевалы. Большая часть чёрнофигурной керамики относится к периоду, который называют галльштаттской ступенью B2, то-есть к концу VI века и примерно к 500 г. Нельзя однако не указать, что, по-видимому, и здесь имело место изготовление товаров на заказ, так как в месте их производства уже получила распространение краснофигурная керамика, и что импортёры старались удовлетворить желания заказчиков; обломок такого сосуда из Гейнебурга относится к крупнейшим образцам подобного вида. Чёрнофигурную миску из могилы в Клайнаспергле местный ювелир снабдил золотой оболочкой. Подобные привозные изделия, по-видимому, были долго в ходу.

Из областей к югу от Массилии импортировались также другие виды керамики, более простой, серой, украшенной волнистыми линиями, которую называют малоазиатской; это были обычные предметы обихода, которые находят на селищах, но не в могилах, например, в Камп-де-Шато у Салена в слое с двулитаврообразной фибулой и фибулой с украшенной пяткой, следовательно, периода начала V века. Из Массилии в Гейнебург привозили глиняные винные амфоры (их находят там в самом позднем, уже раннелатенском слое), которые изредка оказываются и в богатых захоронениях (Мереей, Мантош). По всей вероятности некоторые изделия этого типа привозились из самой Греции, другие же делались непосредственно в массильских мастерских (*amphores micasses*, согласно Ф. Бенуа; к ним относится также гейнебургская находка). Перевозка осуществлялась на мулах — в Гейнебурге был найден также зуб осла, первый в галльштаттской среде севернее от Альп.

Массильская торговля находилась ещё в полном расцвете, когда в заальпийской области в начале 5 века начинает более интенсивно развиваться этрусская торговля. Политические и экономико-торговые условия на Средиземном море в VI веке существенно менялись. Этрусское могущество опиралось на юрودские центры на побережье современной Тосканы, где начала развиваться художественная ювелирная (тонкой работы изделия, украшенные зернью) и торевтическая индустрия, в особенности изготовление бронзовых сосудов (Вульчи), которыми позже прославились некоторые города. Богатство этрусской среды опиралось на развитые торговые связи. Этрусски ещё в VI веке обладали преимуществом на море и распространяли свои товары по всему доступному им миру от черноморских областей до самых берегов Испании. В Среднюю Европу их изделия в то время попадали лишь изредка и случайно, в большинстве случаев

через культурные области северной Италии (бронзовая миска и пиксис из могилы в Кастенвальде у Кольмара, золотая бусина из Инс и золотая подвеска с зернью из Егенсторфа в бернской области, изредка встречается и этрусский треножник того типа, который в Италии обычно сопровождается чёрнофигурной керамикой). Главные этрусские рынки сбыта в конце VI века находились в Средиземноморье. Но на рубеже V века Этрурия теряет свои рынки сбыта в южнорусской области, в Греции, Малой Азии и на побережье Северной Африки. Опасным торговым конкурентом этрусков становится Карфаген, а затем и молодая Римская республика. В начале V века тиран Анаксилай закрыл для этрусков Мессинский пролив между Сицилией и южной Италией, а после разгрома в Гимере и Киме (Кумы) в 474 г. Этрурия была полностью изолирована. Ввиду того, что в то же время оживляется колонизаторская деятельность Массилии на побережье южной Франции и Испании, этрусская торговля ищет новые рынки, доступные ныне лишь на севере, за Альпами. Незадолго до 500 г. этруски овладели болонской областью в северной Италии (период Чертоза, продолжавшийся до вторжения кельтов) и почти одновременно их торговля проникает через альпийские перевалы на северо-запад и север. Тем самым необыкновенно возросло значение территории у североитальянских озёр, как место опорных и перевалочных пунктов (тессинская область в долине реки Тичино, окрестности Беллинцоны). Там появляются, кроме других предметов, бронзовые клювовидные кувшины, а позже и сделанные по их образцу глиняные.

Производство этрусских клювовидных кувшинов началось в Италии ещё в конце VI века и продолжалось довольно долго, возможно, целых сто лет. Вывозились не только обычные, но и сделанные на заказ (как показал Р. Фрей) изделия более крупных размеров. Главным поставщиком были мастерские в Вульчи. Клювовидные кувшины и остальные привозимые вместе с ними наборы металлических сосудов вскоре стали, по всей вероятности, по этрусскому примеру, деталью погребального инвентаря, но это не означает, что каждый клювовидный кувшин клался в могилу вскоре после его получения. Некоторые из них находились долго в обращении, и кельтские художники дополнительно украшали их гравировкой, например, клювовидный кувшин из Безансона. Шейка чешского кувшина из Хлума у Збирога (таб. IX), явно более позднего изделия и далеко не лучшего качества, также неумело украшена.

Первые поставки этрусских клювовидных кувшинов застали ещё на территории к северу и северо-западу от Альп позднегалльштаттскую среду около 500 г. и начала V века. Эти кувшины встречаются в захоронениях, в которых часть инвентаря ещё носит галльштаттский характер, например, в могиле княгини в Вискс или в могилах в Мереей и Гаттене. Черепки глиняных кувшинов, сделанных по образцу кувшинов клювовидных, найденные в Гейнебурге, свидетельствуют о том, что оригиналы были известны и пользовались популярностью и в верхнем Подунавье. Главный путь этих привозных изделий шёл однако несколько позже далее на север в княжескую среднерейнскую среду; самые северные находки были обнаружены в Бельгии.

Клювовидные кувшины, которые так часто являются частью инвентаря среднерейнских богатых захоронений, поставлялись не отдельно, а с целыми наборами бронзовой посуды для пиршеств, с треножниками, вёдрами и другими

Рис. 12. Художественные шейные гривны (торквес) с пластически обработанными маскообразными и печаткообразными концами являлись знаками достоинства их носителей: 1 Филоттрано, Италия (золото); 2 Франс-ле-Бюинсеаль, Бельгия (золото); 4 Оплоты у г. Подборжаны, Чехия (золото); 5 вальдальгесхейм (р-н Крейцах), Германия (золото).

сосудами для смешивания вина. Одновременно привозилось и вино, по всей вероятности, в большом количестве. Это подтверждается помимо прочего и

химическими анализами осадков на стенках сосудов, а один из лучших знатоков этих кувшинов, П. Якобсталь, даже полагал, что бронзовые сосуды были лишь дополнительным приложением к регулярным поставкам вина, а не предметом импорта.

Рис. 13. Декоративные мотивы латенского стиля: 1 Клайнаспергле у Людвигсбурга; 2–3 Вальдальгесхайм (р-н Крейнах); 4 Маннгейм, Германия (украшения на ножнах меча); 5 Кишкесег, Венгрия (ножны стиля «красивых мечей»); 6 Колчестер, Англия (зеркало с гравировкой, по Фоксу); 7 Талиан Дегерд, Венгрия; 8 Бюсси-ле-Шато (Марна), Франция (ножны меча, ширина около 4 см); 9 Эйлесфорд, Англия; 10 Хунсбюри (Нортантс) Англия; 11 – Марлбору, Англия; 12 Ла Тен, Швейцария (ножны меча).

Эти этрусские изделия попали и в Чехию и при этом, как кажется, более прямым путём через Альпы и зальцбургско–гальштаттскую область. К первоклассным этрусским изделиям относится клювовидный кувшин из кургана в Градиште у Писека (южная Чехия), найденный вместе с двумя бронзовыми мисками и золотыми ладьеобразными серьгами; остальные находки, в том числе золотые браслеты, не сохранились. В Градиште также несомненно была княжеская могила. находка относится к группе клювовидных кувшинов с фигуральными украшениями. Литое основание ручки (*attache*) сделано в виде четырёхкрылой сирены с человеческими руками и птичьим телом (таб. IX—X). Верхний конец ручки, охватывающий край горла кувшина, сделан в виде двух лежащих львов, а в углах носика исполнены в рельефе ещё две фигурки животных, очевидно тоже львов. Край носика украшен тремя рядами мелких выступов — «жемчужин». На шейке великолепная гравировка с мотивами цветов и розеток Кувшин является этрусским изделием 5 века.

Второй клювовидный кувшин, ручка которого не сохранилась, найден в Хлуме у Збирога (таб. IX). Это уже второсортное изделие с неумело украшенной шейкой. В окрестностях Писека найдена ручка с листообразным концом ещё от одного клювовидного кувшина. Ручки от подобных кувшинов найдены также в Чинове у Жатца и в Модржанах у Праги. Ввиду того, что сохранился найденный в кургане в Гостоуне в окрестностях Домажлиц бронзовый сосуд (*ситула*), ручка которого уже украшена мотивами «рыбьего пузыря», встречающимися как окаймление масок и на бронзовом фаларе, найденном в Горжовичках у г. Подборжаны (таб. VIII), представляется вероятным, что кельтская среда в части Чехии была подобной среде в области среднего течения Рейна. Она не достигла, правда, такого же уровня, но всё же была настолько известной, что даже сюда попали драгоценные предметы, привезённые с юга. находки клювовидных кувшинов на австрийской территории указывают направление импорта на север, а глиняные подделки клювовидных кувшинов из гальштаттско–зальцбургской области говорят о том, что их влияние не было лишь временным.

Таким образом, в V веке намечаются два центра, где более всего концентрируются богатые захоронения с иностранными привозными изделиями; главный центр по среднему течению Рейна, а затем в Шампани, и окраинный чешский или скорее чешско–австрийский центр, как самый восточный рубеж кельтского мира того времени, подвергавшийся отчасти и другим культурным веяниям.

В западный центр, кроме бронзовых изделий, ввозилось множество других товаров, особенно начиная со второй четверти V века: греческая краснофигурная керамика, а затем и различные изделия из южной Италии, позднекоринфские товары и т. п. В Чехию эти изделия не попадали.

При рассмотрении общего положения возникает весьма серьёзный вопрос — что же давали или могли дать потребители к северу от Альп в обмен за эти ввозимые с юга изделия? Можно допустить, что на западе это могло быть золото, которого там, должно быть, было достаточно, так как оно являлось обычным материалом, обрабатываемым в местных художественных мастерских. По мнению большинства исследователей главным эквивалентом были люди, рабы, затем сельскохозяйственные продукты, скот и кожи. Перевозкой товаров через

альпийские перевалы, по-видимому, занималось под наблюдением торговцев местное население Альп.

Изложенная обстановка, восстановленная главным образом на основании археологических находок, делает для нас совершенно понятными древнейшие упоминания о кельтах, относящиеся к V веку. Гекатей Милетский говорит о стране Кельтике по соседству с Лигурией, а греческий историк Геродот из Галикарнаса уже осведомлён о том, что истоки реки Дуная находятся в стране кельтов. Контакт высшего кельтского слоя с южной средой послужил достаточной основой для того, чтобы торговцы распространяли сведения о кельтах и их стране и в самых отдалённых областях тогдашнего мира.

В среде, где был высокий уровень жизни и постоянно повышались требования кельтской знати, во второй половине V века и первой половине IV века зарождалось собственное кельтское искусство, которое и было первым вкладом «варваров» в общеевропейскую культуру и с развитием которого с самой ранней фазы и до его завершения мы подробно познакомимся в одной из следующих глав. Кельтские художники создавали и доводили до совершенства своеобразный художественный стиль именно в то время, когда вооружённые орды кельтов хлынули в Италию и другие части Европы.

III. Военные походы кельтов в другие области Европы. Период кельтской экспансии и последующей средневропейской концентрации.

Бывший верхнедунайско-восточнофранцузский центр позднегалльско-латинской племенной знати, который ещё в VI веке находился в полном расцвете, около середины V века постепенно пустел. Увяла слава усадеб, уменьшилось количество богатых захоронений. Быть может внутреннее напряжение, вызванное перенаселением этих областей и огромными социальными различиями между массой народа и знатью, заставило ведущий слой найти выход из создавшегося положения, то есть отправиться с частью народа в поисках новых мест для поселений, сначала в соседние и близкие области, а затем и путём военных вторжений в более отдалённые страны. Перемещения в соседние области происходили ещё в то время, когда был широко распространён курганный способ погребения. Одна часть племён со своими вождями продвинулась к северу и северо-западу, на территорию, простирающуюся от нижнего течения Неккара до среднего течения Рейна и Мозеля, а несколько позже — в Шампань и другие части Франции. Другие группы перенесли свои поселения далее на северо-восток, на территорию Баварии, в южные, а отчасти и центральные районы Чехии, где усилили родственные им курганные роды, а, возможно, и в некоторые районы Франции в направлении на Галлейн-Дюррнберг. Определённого разрежения требовала обстановка и в Бургундии, Франш-Комте, в окрестностях Салена (Ле-Муадон, Алез), между верхним течением Сены и Соны, где большие курганные могильники свидетельствуют о быстро растущей концентрации населения. Поэтому можно предполагать, что движение происходило и в южном направлении. Всё это, конечно, ещё не было прямым напором на средиземноморскую греческую и римскую сферу. В рейнских областях это была

лишь временная оккупация территории, главным образом, левобережья, так как с севера уже усилился напор германских племён. На будущие времена территория между Рейном и Эльбой, за небольшими исключениями, была для кельтов потеряна.

Такова предположительная картина, составленная нами на основе археологических косвенных доказательств, так как изменение положения должно было иметь свои причины и последствия. В специальной литературе время от времени высказываются смелые предположения, что в то время кельты дошли до Норика и что даже Ниракс, кельтский центр, упоминаемый Гекатеем Милетским в V веке, можно отождествить с Нореей, о которой упоминают на рубеже эр, как о центре Норицкого царства где-то в Штирии. Археологических материалов для такого утверждения пока ещё недостаточно. Но весьма вероятно, что в конце V века первые кельтские отряды вторглись в северную Италию.

Кельты в Италии

Южный мир долго не подозревал, что он может стать жертвой стремительных набегов вооружённых полчищ в то время ещё мало известных заальпийских кельтов. Но около 400 г. эти набеги стали печальной действительностью. Через альпийские перевалы, по которым ранее шли южные товары на север в кельтские поселения, ныне проникали вооружённые отряды кельтов, жаждущие добычи и богатства. В первую очередь они направлялись в долину По, где располагались цветущие центры североитальянской этрусской сферы, влияние которой в V веке особенно сильно ощущалось в районе Болоньи (так наз. чертовский период, Чертоза у Болоньи). По-видимому, особенно много кельтов направлялось из восточной Франции, южной Германии и части Швейцарии. Трудно предположить, что они шли целыми племенами, скорее всего двигались лишь части племён, преимущественно группы недовольных, без страха пускающихся в авантюры. Древние источники утверждают, что первыми проникли инсубры в окрестности нынешнего Милана, за ними — бойи, лингоны и сеноны в Ломбардию. Богатые центры с доступной добычей манили эти вооружённые полчища и потому позже они хлынули дальше на юг к самому Риму, в Апулию и к берегам Сицилии. В более поздних сведениях говорится об этом движении, как о военной авантюре племянников короля битуритов Амбигата, один из которых, Белловес, направился в итальянские области.

Инсубры разрушили крупный этрусский город Мельпум и заняли миланскую область. Основная же масса кельтских племён осела по реке По, кеноманы в северо-восточной части, бойи в болонской области, лингоны на юг от нижнего течения По до самых Апеннин. Сеноны проникли ещё дальше, к адриатическому побережью в Умбрию между Римини и устьем Эзино севернее от Анконы; там они обосновались, и в течение некоторого периода эта область носила их имя (*Agas gallicus*, галльское поле). Но это была лишь первая фаза экспансии, так как только некоторые группы оседали на завоёванной территории, остальные же направлялись дальше. Они опустошали страну, всюду сеяли страх и ужас. На реке Алии примерно в 387 г. они разгромили римские войска и напали прямо на Рим. Галлы под предводительством Бренна опустошили и сожгли город и захватили

огромную добычу; устояла только одна часть города — Капитолий. Для Рима эта катастрофа имела огромные последствия. Вероятно лишь после этого галльского вторжения была осуществлена реорганизация римского войска и достроены каменные стены.

Нападение на Рим сильно обеспокоило южноитальянский мир греческих городов, так как галлы проникали всё дальше на юг, до самой Апулии, и всюду действовали как победители–захватчики. В южноитальянской Каносе они похоронили своего военачальника в усыпальнице, сооружённой для местного знатного рода.

После победы над латинами в 338 г. Рим стал крупнейшей военной силой в Италии и приобретал превосходство над приходящим в упадок союзом этрусских городов и над самнитскими племенами. В антиримском союзе однако всё время фигурировали галлы. Когда в 299 г. кельты вторглись в Этрурию, им ещё удалось разгромить римские войска у Клузия и объединиться с остальными племенами против Рима. Однако в 295 г. они были разбиты наголову у Сентина в Умбрии. После ряда кровавых столкновений кельты неустанно оттеснялись; римляне подчинили страну сенонов, а в 280 г. основали там гражданскую колонию Сена Галлика.

Всё это заставило инсубров и бойев призвать на помощь своих соплеменников из-за Альп; однако им, якобы, не удалось договориться между собой о разделе пахотной земли. Соппротивление галлов ещё не было сломлено полностью. Происходили новые восстания и набеги. Наконец в знаменитой битве у Теламона на этрусском побережье римские войска в 225 г. разгромили кельтов, и средняя Италия облегчённо вздохнула, так как ей в будущем уже не угрожала опасность кельтских набегов. На месте победы был воздвигнут храм, в который ещё долго после этого приносили дары в благодарность за освобождение. Через год после битвы у Теламона римские войска вторглись в область бойев в северной Италии и начали постепенное завоевание всей территории, занятой бойями и инсубрами.

Так приближался конец Цисальпинской Галлии. Между 225—190 гг. ещё продолжались жестокие бои. Когда же в 192 г. римляне сломили могущество бойев и разрушили их опору Бононию (современный город Болонья), то с 191—190 гг. значительная часть северной Италии перешла под власть Рима. Часть кельтов (вероятно и бойев) ушла на северо-восток, часть осталась, остальные, согласно Полибию, были в середине 2 века оттеснены к подножью Альп. Цисальпинская Галлия при Сулле сделалась в 82 г. римской провинцией и ещё в том же веке получила римское гражданство, так что от неё осталось лишь одно название. Только в некоторых могильниках у подножья Альп мы находим отголоски кельтской культуры, пришедшей в упадок в конце старой эры.

Кельтские набеги в Карпатскую котловину и на Балканы

В Подунавье, Иллирию и Паннонию, на территорию Герцинского леса вооружённые отряды кельтов вёл, согласно легенде, Сиговес. Мы не знаем точно, где осели эти первые отряды, так как древние писатели не оставили нам таких подробных сведений о карпатской области. На основе археологических данных можно предполагать, что на самом рубеже V и IV веков кельты в первую очередь

направились к самым богатым центрам того времени в придунайской области, в северный Зальцбург, в Галлейн–Дюрриберг и к Гальштатту, а затем и по направлению к Нижней Австрии. В течение IV века кельты совершали набеги и в Карпатскую котловину. Но там положение было несколько иным, так как кельты натолкнулись на скифский барьер по течению Тисы и им не оставалось ничего другого, как изменить направление главного движения и свернуть на юго–восток, к Балканскому полуострову. Все эти походы в Карпатскую котловину привели кельтов, конечно, в непосредственное соприкосновение не только со скифской культурой, но и с местными иллирийской и фракийско–дакийской культурами, а также способствовали налаживанию прямого контакта с тогдашним греческим миром.

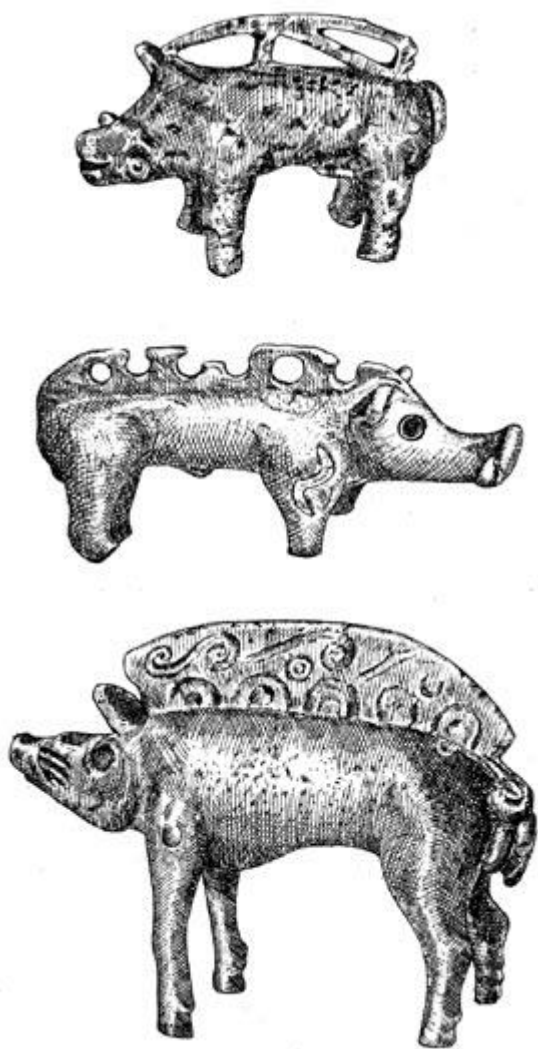
О пребывании кельтов в Средне–Дунайской низменности в период около 358 г. свидетельствует Помпей Трог, рассказывающий об их борьбе с иллирийцами. Александр Македонский в 335 г. принимает поемов(?) дунайских племён, среди них и представителей кельтов, возможно, из областей, расположенных вблизи Адриатического моря. Однако набеги кельтов становились всё ожесточённое и опустошительнее, так что, например, в 310 г. среди некоторых иллирийских племён возникла паника, когда до них дошли вести о странах, опустошённых галльскими набегами. В 298 г. одна группа кельтов проникла в современную Болгарию, но была отражена; другая группа дошла до Фракии. После смерти македонского царя Лисимаха (281 г.) перед кельтами открылись новые возможности. В Иллирике появилась сильная группа Болгия, отряды Керефрия напали на болгарскую территорию. В 279 г. кельты опустошили Македонию, царь Птолемей Керавн был убит, а македонцы укрылись в горах. Отряды Бренна и Акихория вторглись во Фракию и через Фессалию в Грецию. В Фермопилах Бренн натолкнулся на сопротивление афинского войска. Основные кельтские силы обошли Парнас и направились к святилищу в Дельфах, которое, якобы, опустошили. Страбон рассказывает, что в походе на Дельфы участвовали также тектосаги и что они захватили большие богатства; часть их, якобы, добралась до самой Толозы в южной Франции. Усилиями фокийцев и этолийцев кельтское продвижение было остановлено. Кельтские войска отступили в Фессалию (сам Бренн покончил в Гераклее самоубийством), а часть войск Бренна направились к Херсонесу.

Кельтские наёмники на иностранной службе.

Кельтские вооружённые отряды без колебаний поступали и на иностранную военную службу, так что следует говорить не только о продвижении народа, который искал новые земли, но и о походах искателей лёгкой наживы, для которых военная служба становилась ремеслом, профессией. В эллинистических армиях кельтские наёмники были совершенно обычным явлением. В состав армии Антигона Гоната, разбитой в 277 г. Пирром, входил кельтский отряд. В Мегарах в 265 г. отряд галлов взбунтовался из–за нерегулярной выдачи жалования. У Пирра, самого знаменитого из эпирских царей, также был отряд кельтских наёмников, которым он позволил осквернить усыпальницы старых македонских царей в Эги (Эдессе). Царь Никомед из Вифинии (область на малоазиатском побережье у Мраморного моря) призвал в Малую Азию большое количество галатов (кельтов), якобы около 20 000, половина которых была вооружена. Пришельцы

терроризировали малоазиатские города и угрожали даже Сирии. В 270 г. Антиох Сотер поселил их при реке Галис (нынешний Кызылырмак) и на соседней территории, примерно в той области, где в настоящее время находится столица Турции Анкара. С тех пор эта область называлась Галатией, кельты создали там нечто вроде государственного образования, но продолжали оставаться чужеплеменным меньшинством среди местного и греческого населения. В этой Галатии, кроме других кельтских племён, называют и тектосагов, с которыми мы встречаемся в разных районах кельтского мира того времени. Наконец в 244 г. малоазиатские кельты были разбиты пергамским царём Атталом I и его союзником Селевком, и галаты оказались сначала под пергамской, а позже (при Августе) под римской властью.

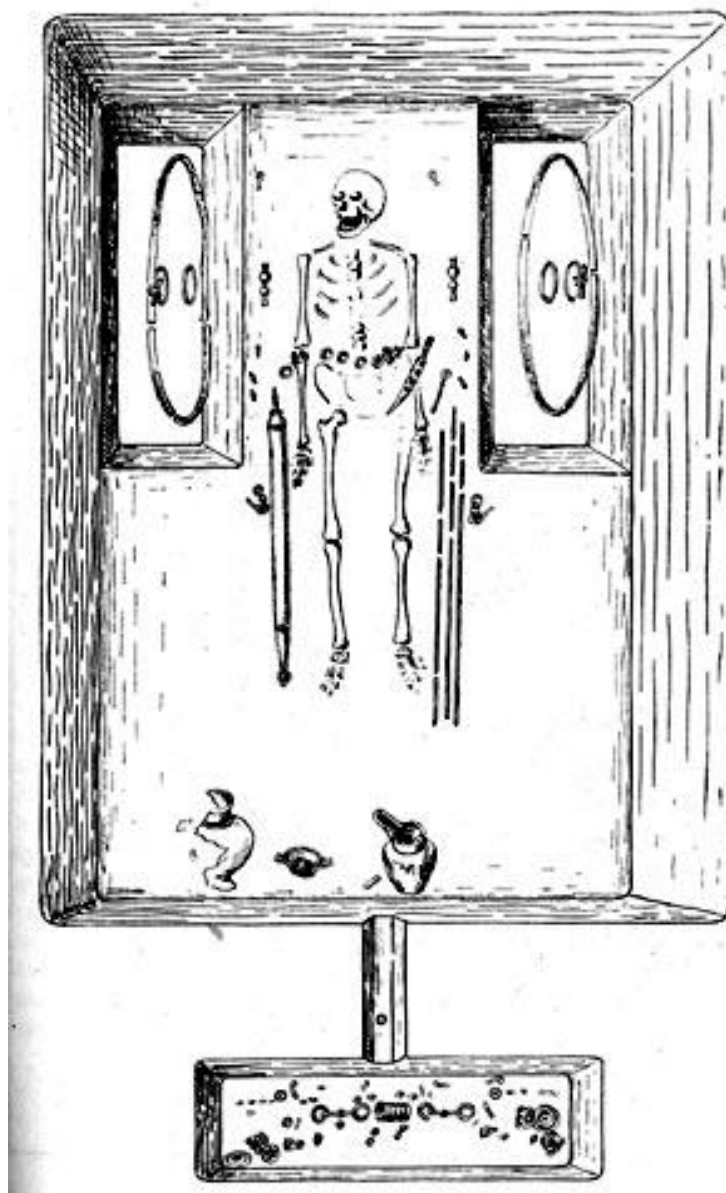
Кельтские наёмники попали даже в Египет. Антигон Гонат уступил один кельтский отряд Птолемею II Филадельфу (277 — 276 гг.); равно и Птоломей III держал кельтских воинов, которые позднее поселились в Египте. О кельтских наёмниках упоминается ещё в 187–186 гг. при подавлении восстания в Верхнем Египте.

Рис. 14. Бронзовые фигурки кабана латенского времени: Зальцбург–Райнберг, Австрия; Табор, Чехия (посередине); Бата, Венгрия (внизу).

Кельтские военные отряды на Балканах и в Греции, как указывают древние писатели, были многочисленны: говорится даже о 70.000 человек; эти данные несомненно преувеличивались современниками из-за стремительности кельтских атак, в которых принимали участие и конные отряды. Однако в Греции кельты не обосновались. Поэтому позже они отступили к северу, в малонаселённые области.

В Подунавье, в междуречье Савы и Моравы возникло государство скордисков, кельтского или скорее иллирийско-кельтского племени, с центром Сингидун в нынешней белградской области. Другие группы проникли в Боснию и во Фракию, основали даже своё кельтское царство, простиравшееся до самой Добруджи и имевшее несколько центров (Ратиария и Дуростор-Силистрия на Дунае, Новиодун в Добрудже). Его влияние проникало вплоть до Византии, и только в начале II века мощь этого царства была подорвана восстанием фракийцев.

Рис. 15. Сомм-Бионн (Марна), Франция. Захоронение кельтского воина с двухколёсной повозкой.

Таким образом, с конца 3 века положение на этой территории становилось для кельтов столь же неблагоприятным, как и в Италии, так что, по-видимому, кельтские отряды отступали всё дальше в среднеевропейские области, в Карпатскую котловину и, вероятно, на территорию чешских земель, как мы увидим ниже. В Карпатской котловине и на Дунае мы с трудом определяем территорию расселения кельтских племён и даже не всегда можем точно установить их этническую принадлежность. Среда была слишком насыщена некельтскими, особенно иллирийскими, группами. Где-то на границе Словакии в более позднее время жило племя осов, по всей вероятности иллирийское. На правом берегу Дуная, на юг от его дуги у Вацовав конце I в. до н. э. жили арависки (эрависки), племя, по-видимому, родственное осам, но судя по памятникам материальной культуры сильно кельтизированное. Кельты в придунайских областях уже раньше держали в страхе автаритов, которые в 310 г. бежали перед ними в ужасе. Нам не достаёт убедительных данных о судьбе карнов в Корутании и на среднем течении Дравы. В восточноальпийских областях жили также тавриски, а по обеим сторонам Дравы в её верхнем течении амбидравии. На территории таврисков добывались золото и железная руда, и римляне пытались проникнуть туда хотя бы экономически. Однако не совсем ясно, не является ли понятие «тавриски» лишь географическим и не подразумевается ли под ним всё население данной области независимо от этнической принадлежности.

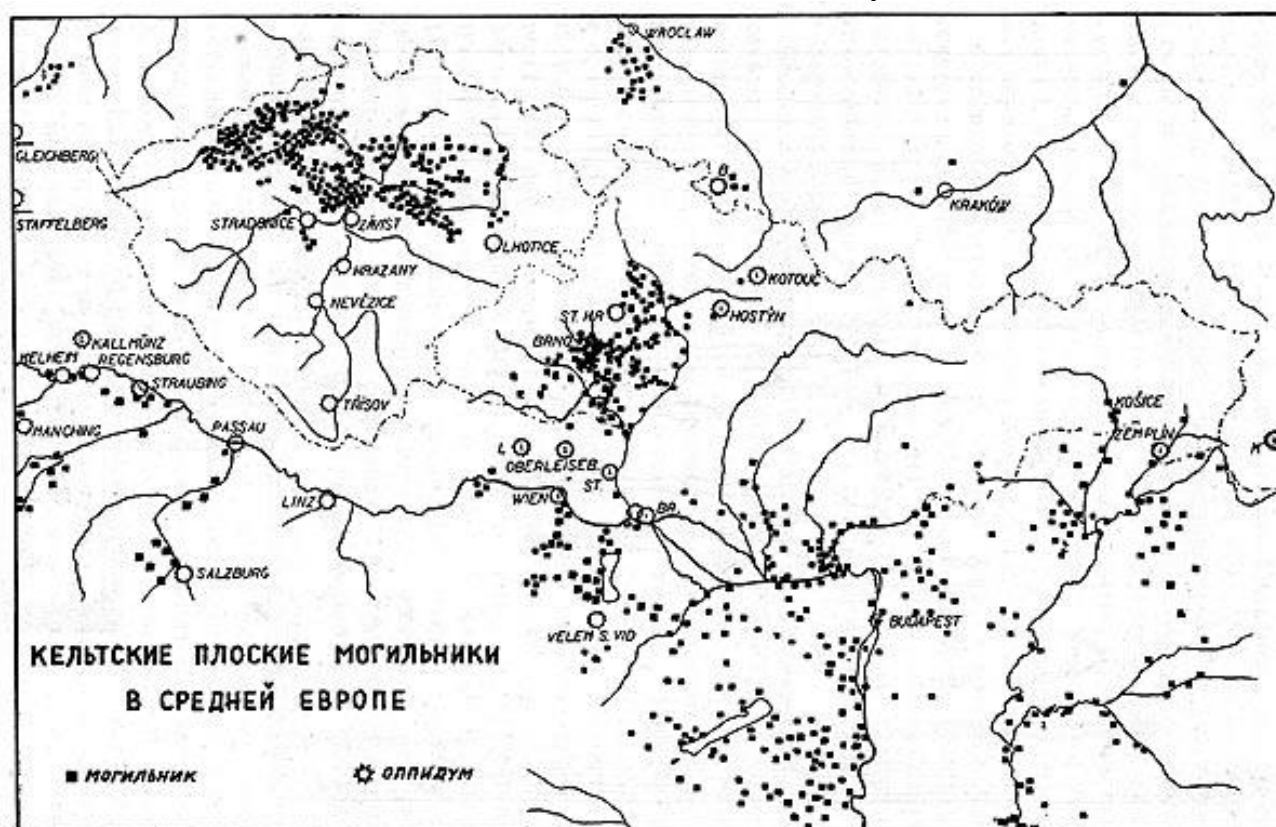

Рис. 16. Кельтские захоронения в Средней Европе периода кельтской экспансии.

После поражения кельтов в северной Италии римляне организовали наступление и на более северные области. Примерно в 182 или 181 гг. латинские колонисты основали город Аквилею, который вскоре стал посредником в торговле с расположенной на севере иллирийской и кельтской территорией. Отсюда на

север вывозились италийские изделия, а также вино и растительное масло; в обратном направлении шли рабы, скот и шерсть. Область, известная во времена Цезаря как Норик, на рубеже предпоследнего и последнего веков сделалась самостоятельным образованием, Норицким царством (*regnum Noricum*). Ещё в последнем столетии Норик играл весьма важную роль; только во второй половине века и особенно в тридцатых годах он попал под сильное римское влияние; в 16 г. при Августе он был включён в качестве *regnum Noricum* в состав Римской империи, а при Клавдии превращён в провинцию. Начиная со II века Рим приступает к систематическому проникновению в Карпатскую котловину. Ещё в 146 г. римские войска оказались у Сисции на реке Драве, в 119 г. они проникают туда снова. Равно и на территории самой Карпатской котловины возможности кельтских племён быстро уменьшались, и по существу лишь в Паннонии и соседних областях ещё в течение нескольких десятилетий сохранялись условия для спокойного развития. Однако в середине последнего века и там положение резко изменилось.

Кельтские племена в чешских землях и в Словакии

Из кельтских племён, живших на чешской территории, чаще всех упоминаются бойи (*Boii*), по имени которых и была названа страна *Boiohaemum* — Богемией. Мы не знаем точно, когда они пришли и как далеко простирались их поселения. Следует помнить, что часть Чехии, особенно её южная половина, была занята кельтами уже раньше (область курганной культуры) и что ещё в V веке результаты этого заселения сказываются и в части средней Чехии. Засвидетельствованный письменными источниками прилив кельтов, то есть приход военных вооружённых дружин, отличавшихся от местных курганных племён своей латенской культурой в её классической форме, несомненно имел место уже в IV веке. Об этом свидетельствуют кельтские могильники с большим количеством погребений воинов, концентрация которых в последующее время (кроме среднечешских областей) особенно бросается в глаза в районах под Крушными горами и по реке Огрже (рис. 16). Однако, судя по археологическим данным, могильники эти появляются в самом конце IV, а скорее всего даже на рубеже IV и III веков. Затем на могильниках хоронят непрерывно в течение III и II веков. Эти организованные военные отряды кельтов заняли в Чехии (и в Моравии) лишь самые плодородные области и в ранний период на старую территорию распространения курганов не проникли; по-видимому, они в общем не затрагивали старую кельтскую область на юге Чехии. В средней Чехии, конечно, было также более древнее население, что в настоящее время бесспорно доказано археологическими исследованиями. Здесь кельты образовали только верхний слой, сначала сравнительно слабый; он рос лишь с последующими приливами в более поздние времена после переменных успехов военных кельтских походов в остальные области Европы.

Мы видели уже ранее, что различные ветви бойского племени расселились и в других частях Европы; особенно в северной Италии в IV и III веках они располагали прекрасными военными отрядами, причинявшими много неприятностей римлянам в этрусской области. В конце III и начале II веков их

могущество было подорвано, и значительная часть бойев переменила места поселения. Предполагают, что они скорее всего двинулись на северо–восток, в придунайские области, но не исключено, что и в Чехию. Об этом мы можем судить по культурам италийских бойев и среднечешских и моравских кельтов, между которыми нет больших различий или же эти различия не так велики, как между среднечешской латенской культурой и курганной культурой южной Чехии. Курганная культура в южной Чехии в гальштаттско–латенскую эпоху опиралась больше на ранне–гальштаттскую базу и её процесс развития был иным, чем культуры тех кельтов, военные дружины которых оккупировали отдельные части Средней Европы.

Примерно в то же время, когда началось перемещение кельтов из североитальянских областей, приблизительно во II веке, заметно стремление среднечешских кельтов проникнуть хотя бы в некоторых местах в курганную область южной Чехии, где они ищут новые источники сырья, железную руду, золото в песке южнечешских рек (Отава), а по всей вероятности и графит.

Военные неудачи в различных частях Европы начиная с III века лишали кельтов отдельных территорий. Большая часть этих кельтов принуждена была или отступить в свои исходные области, в Галлию и соседние районы, или сосредоточиться на собственно средневропейской территории, где пока ещё им не угрожала такая же участь, какая постигла кельтов в Италии и на Балканах. Последствия этих перемен проявились и в экономике, так как при изменившихся условиях возможность дальнейшего развития давала не добыча, которая могла удовлетворить военные отряды, а лишь хорошо организованная собственная хозяйственная база с развитым производством и растущей торговлей.

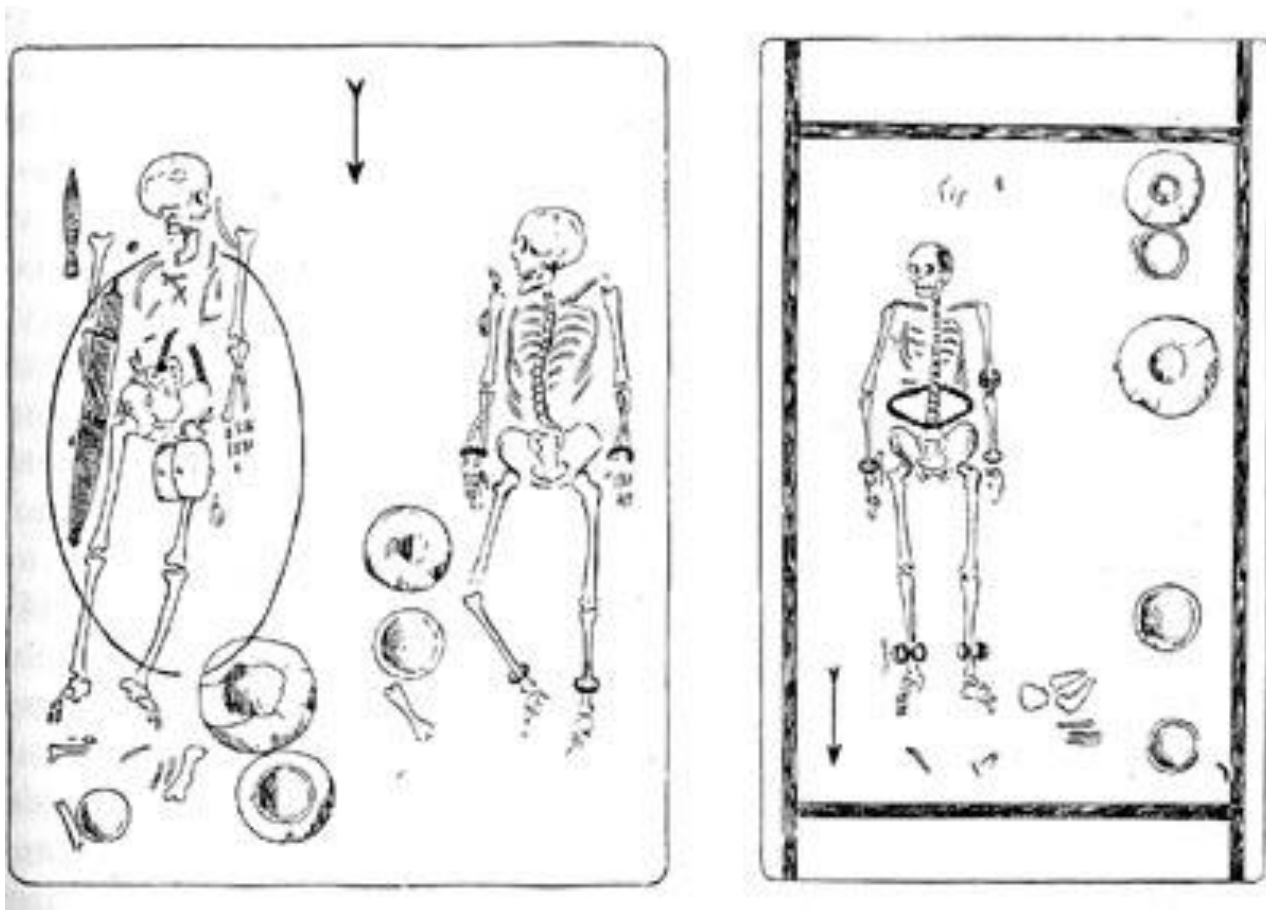
Имя бойев в связи с чешскими землями появляется в источниках южного мира только в конце II века, когда незадолго до 113 г. они отразили напор германского племени кимбров. Нельзя с уверенностью утверждать, что власть бойев распростанялась только на Чехию. Но расценивая археологическую ситуацию в Средней Европе во II веке, мы должны прийти к выводу, что их опорой должна была быть средняя и северо–западная Чехия. В этом веке кельтская среднечешская область процветала и была достаточно сильной, чтобы отразить нашествия чужеземцев; о южной Чехии того времени этого сказать нельзя. Необходимо напомнить, что в соседнем Верхнем Пфальце и в северо-восточной Баварии нет кладбищ, подобных среднечешским могильникам; они встречаются южнее, в баварских придунайских районах, на восток почти до Пассау. Если же некоторые группы бойев и были в части Баварии, то только на территории от Регенсбурга примерно до Пассау (у Пассау она называется Бойодурум), прямой же связи со среднечешской областью у них не было. Кроме того, на правом берегу Дуная, на восток приблизительно до реки Инн, жили реты, а далее к западу, вверх по течению Дуная, находилась территория винделиков, важным центром которой был оппидум Манхинг у Ингольштадта.

В начале последнего века количество захоронений на кельтских среднечешских могильниках заметно уменьшается; вполне возможно, что часть кельтов после столкновения с кимбрами ушла из Чехии, так как в последнем веке германский напор неустанно возрастал. В это же время уже со II века и ещё в начале последнего века увеличивалась густота кельтских поселений в области

паннонско–словацкой, где в результате последних археологических раскопок обнаружены многочисленные кельтские могильники, относящиеся к этому времени, особенно в южной Словакии и на левом берегу Дуная, а также в области г. Нитры. Нельзя поэтому исключить, что часть бойев ушла из Чехии именно в словацко–паннонскую область, где в последнем веке существовало сильное бойское княжество.

Другое мнение, опираясь на сообщение Страбона о том, что поселения бойев находятся по соседству с винделиками и что, следовательно, южная граница бойского княжества проходила по Дунаю, отождествляет бойев с курганной культурой в южной и юго–западной Чехии и в северо–восточной Баварии (Э. Шимек). В этом случае курганную культуру в археологии связывают с бойями, хотя в латенское время она совсем не соответствует экономическому и культурному уровню среднечешских кельтов. Кроме того, вопрос бойев здесь решается изолированно, вне связи с другими группами бойев в Европе, культура которых отличалась от курганной. Среднечешские могильники, в которых преобладают захоронения несожжённых покойников, Э. Шимек связывает с другим кельтским племенем, вольками–тектосагами, которому в таком случае следует приписать все находки в Моравии и Словакии. Согласно этому мнению существовал большой племенной массив вольков–тектосагов от Тюрингии по Словакию, включая Чехию и Моравию. В среде кельтских племён, принимая во внимание их частые перемещения, это было бы совершенно необычным явлением. С вольками–тектосагами мы, кроме того, встречаемся в латенское время также во Франции и на Балканах, а позже и в Малой Азии. Вольки–тектосаги якобы долго держались в Моравии ещё и в римскую эпоху, до самого 4 века, и их имя якобы сохранилось ещё в славянскую эпоху в имени «валахов». Остатками племени вольков должны бы быть и котины, другое кельтское племя, которое в римскую эпоху занималось добычей железной руды. Некоторые исследователи, однако, считают, что котины жили в Словакии, в гористой центральной области. Имя котин впервые появляется при Августе, приблизительно около 10 г. на так наз. тускульской элогии, надписи на камне, найденном юго–восточнее от Рима.

Вольки–тектосаги были, согласно Цезарю, народом когда–то храбрым и играли далеко не незначительную роль. Можно предполагать, что их поселения находились в Моравии, а с точки зрения археологической нельзя исключить, что это племя (или его меньшая часть) проживало в Моравии дольше, чем продолжалось компактное кельтское заселение средней Чехии. Делать же заключения о том, что их поселения существовали до IV века н.э., невозможно из–за отсутствия проверенных и убедительных археологических находок.

Рис. 17. Велка Маня в р-не г. Нитра, Словакия. Кельтская парная могила №38 (воин со щитом, у ног кости кабана) и могила №14 (захоронение женщины в могиле, обложенной деревом). Раскопки Б. Бенадика.

Мы уже указывали, что в первой половине последнего века существовало сильное бойское княжество в Паннонии на территории, простирающейся от озера Нейзидлер–Зее к востоку до самой южнословацкой низменности севернее от Дуная. В то же время необычайно возросло могущество даков, царь которых Бурвиста напал на кельтскую область. Около 60 г. (согласно последним данным румынской и венгерской науки) он разбил войска бойев и опустошил Паннонию, которую затем называли бойской пустыней. Большая часть бойев покинула эту территорию — мужчины, женщины, старики и дети, согласно записям, найденным в лагере гельветов, якобы в числе около 32 000. Они направились в Норик, где безуспешно осаждали Норею, затем присоединились к гельветам в современной Швейцарии. Вместе с ними они хотели двинуться далее в Галлию, но Цезарь заставил гельветов остаться в своей стране, а бойям, славящимся своей храбростью, указал места для поселения на территории эдуев в современной Франции. Там бойи прочно обосновались и занялись земледелием.

Царство даков, которое было причиной падения бойского княжества в Паннонии, существовало недолго. Бурвиста умер в 44 г., и его царство было разделено. Римский император Август перенёс затем римскую границу на Дунай.

Вторжение кимбров и тевтонов

Важным рубежом в развитии для кельтского мира на европейском континенте было вторжение кимбров. К концу II века это германское племя продвигалось из северной Ютландии на юг в поисках новых мест для поселения. Их напор около 113 г. отразили бои, по всей вероятности где-то западнее или юго-западнее Чехии. Кимбры потом повернули к скордискам на Дунае, а оттуда на запад к таврискам, где в 113 г. разбили римлян у Нореи. Напор кимбров вытеснил также гельветов с их прежней территории между Рейном и Дунаем в современную Швейцарию. Кимбры, соединившись с тевтонами, которые, возможно, были кельтским племенем, занимавшим территорию к югу от Майна, стали бичом не только для кельтов, но и для римлян. На кельтской территории в конце II века существовали укрепленные центры, оппидумы, и, по всей вероятности, в это тревожное время уделялось особое внимание их сооружению. В 109 г. кимбры одерживают победу на территории секванов и в союзе с другими племенами продвигаются до самой Аквитании. Дважды были разбиты римские армии, в 107 и 105 гг., и Италия опасалась прямого вторжения в страну. Наконец в 102 г. римский полководец Марий разбил тевтонов у г. Аквы Секстиевы, а кимбры, которые через Бреннерский перевал проникли в долину реки По, в следующем году были разгромлены недалеко от Милана у г. Верцеллы войсками Мария и Катуты.

Галлия в латенский период и во времена Цезаря

Самые подробные сведения о галлах в современной Франции и Трансальпийской Галлии оставил нам Г. Ю. Цезарь в своих «Записках о Галльской войне», которую он вёл в 58—51 гг. до н.э. Всю Галлию он разделяет на три больших области: в одной из них жили галлы, в другой аквитаны, а в третьей белги. Таково было положение в последнем столетии до нашей эры. Первоначально кельтские поселения не занимали всей территории современной Франции; лишь постепенно кельты продвигались от бывшей территории курганов на запад и юго-запад. В более позднее время в Галлии известно много крупных и мелких племён, известны поселения некоторых из них, в большинстве случаев носящие характер укрепленных городищ (оппидумы).

На запад от гельветов (они жили в современной Швейцарии) на другом склоне Юрской возвышенности находились секваны (Франш-Комте), ещё западнее — лингоны, а также эдуи, между реками Соной и Луарой, на территории которых на холме Бовре находился известный оппидум Бибракта. Их соседями на западе в поречье Луары были битуринги (оппидум Аварик); в качестве обитателей этой области называют и бойев. В Оверни и по реке Алье жили арверны, многочисленное племя с большими вооружёнными силами, занимавшее в течение известного времени ведущие позиции; на их территории находился город Герговия, известный по битвам в 52 г. при Цезаре. По реке Изер от современного Лиона (Лугдун) до самого Женевского озера простиралась территория аллоброгов, когда-то славившихся своими вооружёнными силами. Из других значительных племён следует упомянуть на севере сенонов в поречье Сены юго-восточнее современного Парижа. По Мозелю жили треверы.

Аквитания в начале римского периода представляла собою небольшую провинцию от Пиренеев к холмам в бассейне Гаронны. Здесь проживало

несколько племён, по преимуществу небольших; несмотря на то, что среди населения Аквитании были сильны кельтские элементы, оно отличалось от собственно галлов и приближалось скорее к иберийцам, населяющим нынешнюю Испанию.

Белги жили на территории к северу от Сены, южнее и западнее Арденн. Они были, якобы, особенно похожи на германцев. Первоначально они жили ещё севернее, но под давлением германцев переносили свои поселения на юг и местами глубоко проникли в современную Францию. Их образ жизни был очень прост и потому они не утратили отваги и мужества. У них не было такого количества городов и укреплений, как у других галлов, часто они считали заросли и болота достаточной защитой. Приблизительно из 15 племён, которые упоминаются в связи с этой территорией, следует назвать в первую очередь белловаков в области севернее современного Парижа. За ними далее к северу находились поселения амбианов и атребатов; по соседству с ними жили нервии, а дальше по реке Маас эбуроны. О менапиях, живших на побережье, Цезарь сообщает, что они никогда не вели с ним переговоров. Часть белгов впоследствии переселилась на британские острова.

Рис. 18. Короткие мечи и мечи знатных лиц позднегальштаттского времени: 1 — Гундерсинген, Вартемберг (позднегальштаттский кинжал, уменьшено в 7 раз); 2 — Гальштатт, Верхняя Австрия. Меч с ножнами, украшенный фигурными

мотивами (дл. 81 см). Оксфордский музей. — Антропоморфный и псевдоантропоморфный кельтские короткие мечи: 3 — Криеновице в Моравии (из кельтской могилы). 4 — Майнц-Кастель, Германия (украшенный золотом и серебром короткий меч дл. 45 см). 5 — Река Уитхем, Линкольншир, Англия (дл. 45 см). 6 — Диниеш Пуста, Венгрия (бронзовая рукоять антропоморфного меча). 7 — меч с медальонообразным наконечником из Варла-Гравей (Марна), Франция. 8 — Енишув Уезд у Билины в Чехии. Чеканные бронзовые кинжалы с прилегающим сердцевидным наконечником из кельтской могилы (уменьшено в 6 раз).

Положение в южной Франции.

Южнофранцузскую область при устье реки Роны постигла совершенно иная судьба. Со времени своего основания (около 600 г.) важное положение там занимала Массилия, окружённая оливковыми рощами и виноградниками, но без хлеба, который ей приходилось ввозить. Будучи торговым центром, она долго служила посредником между греческим миром и внутренними областями современной Франции. Позже она основывала на побережье свои колонии, например, на востоке Никею, а на западе, уже на испанском побережье у Пиренеев — Эмпорий и Роду. Внутренние области долгое время были отделены от кельтского мира лигурийским барьером. Кельты сюда проникли позже, но в III веке они там уже обосновались. В 218 г. их застал там карфагенский военачальник Ганнибал во время своего похода из Испании через Альпы в Италию, и галлы помогли ему тогда пополнить потери, которые он понёс при трудном переходе через Альпы. Рим проявлял особый интерес к южнофранцузскому побережью, и Массилия поддерживала с ним оживлённые связи. В то время римляне после пунических войн избавились от соперничества Карфагена в Северной Африке, овладели западным Средиземноморьем и проникли глубоко в современную Испанию, где в 133 г. разрушили кельтиберский центр Нуманцию. Тем самым, конечно, римский круг стягивался и вокруг южнофранцузского побережья, где римляне искали новые рынки сбыта. Когда же в 154 г. и затем в 124 г. саллии напали на Массилию, римские войска вторглись в страну и, разбив напавших, покорили и соседние племена. На север от Массилии римляне построили крепость Аквы Секстиевы и канал, который давал римским судам возможность проходить далеко вглубь страны. В 118 г. была построена вторая крепость, Нарбон, и в то время, когда собственно Галлия была ещё свободной, римляне основали здесь первую внеиталийскую провинцию, Нарбонскую Галлию (Gallia Narbonensis, Braccata, современный Прованс), как плацдарм для последующего экономического и культурного напора на галлов. С этого времени Галлию стали заполнять алчные римские торговцы, рос ввоз товаров из Италии, особенно вина. Впоследствии не один управитель Галлии привлекался к ответственности за то, что обогащался за счёт высоких ввозных пошлин, взимаемых с импортируемого вина.

При таком положении Массилия оставалась последним пунктом, не покорённым римлянами. В 49 г. она в конце концов подверглась осаде и была римлянами взята. Находясь под римским управлением, Массилия начала играть роль просветительного и культурного центра интеллигенции, так как сюда римская знать посылала своих сыновей для приобретения греческого образования.

Г.Ю. Цезарь в Галлии.

В последнем веке в средней и северной Галлии начался политический кризис. Старые княжества приходили в упадок и образовывались новые группировки как у арвернов, так и у секванов и эдуев. Этим положением сумел блестяще воспользоваться римский полководец Гай Юлий Цезарь. Используя дружественные отношения с некоторыми галльскими племенами, он в захватнической войне, продолжавшейся 8 лет (58—51 гг.), не только покорил гельветов, но и оттеснил возглавляемых Ариовистом германцев за Рейн, дважды проник в Британию и подавил крупное народное восстание галльских племён под руководством Верцингеторига. После победы Цезаря в битве у Аварика и попытке осадить Герговию в стране арвернов Верцингеториг на совете галлов в Бибракте на холме Бовре объявил себя верховным начальником, но у Алезии, севернее Бибракты, победу одержал Цезарь. Трансальпийская Галлия была покорена и тем самым открыта для романизации. Ещё в конце I века до н.э., при Августе, последовательно проводится пацификация всей галльской территории; она разделяется на 4 провинции (Нарбонская, Аквитания, Лугдунская и Белгика), и римское влияние усиливается во всех отношениях; оно проявляется в быту, в экономической жизни, искусстве, монетном деле. Старые оппидумы пустеют, основываются новые, организованные по образцу римских городов. В Галлии вскоре появляется множество римских торговцев и граждан, распространяется знание латинского языка, и римское влияние проникает через Галлию далее на север.

Ещё во времена Цезаря от Франции по Словакию существовал широкий пояс поздней кельтской цивилизации, ярким выражением чего являются укрепленные оппидумы. Но и он подвергается давлению с двух сторон: с севера германцев, которые, как когда-то галлы, направляются в цветущие центры, на этот раз кельтские, а с юга — рождающейся Римской империи, старающейся прорваться к Дунаю. В Галлии процесс романизации шёл очень быстро, и для многих центров кельтского могущества было целесообразнее опереться на более цивилизованный юг, чем на суровый германский север. И вот во второй половине последнего века римские торговцы и римские товары появляются в некоторых кельтских оппидумах к северу от Альп, а также в Чехии в Градиште у Страдониц недалеко от г. Бероуна.

Исторические кельты на британских островах

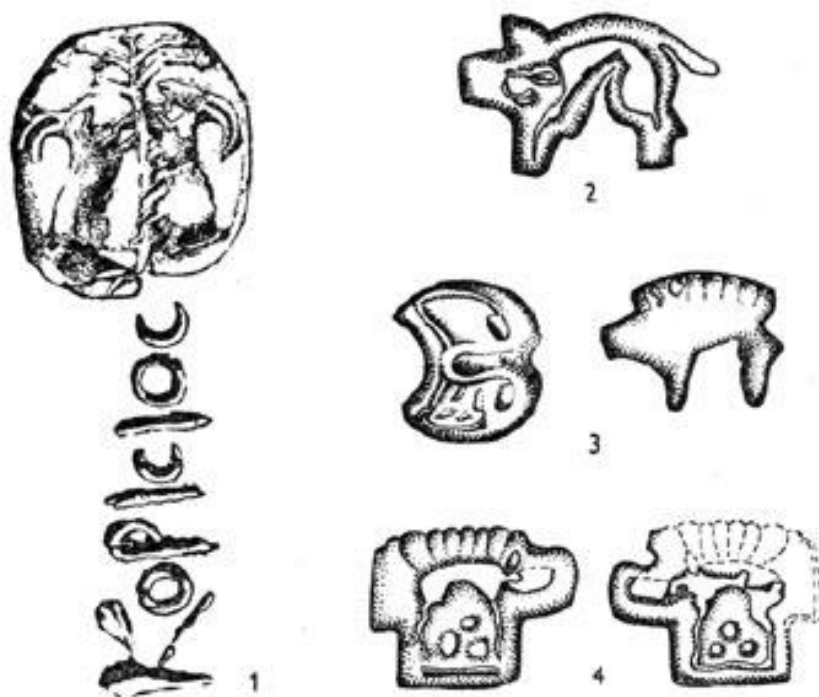
Заселение островов британскими племенами часто относят к концу IV века, а исходным пунктом считают французскую Бретань. В южной Англии затем называют ряд племён — думнонов в области оловянных месторождений в Корнуэлле, добунов в верхнем течении Темзы, ордовиков в Уэльсе и другие группы бриттов в Шотландии и Ирландии. Средневековые ирландские источники в первую очередь говорят о переселении думнонов, продвижение которых происходило за счёт вытеснения местного гойдельского населения. Примерно в середине III века из Франции прибыла новая волна кельтов откуда-то из бассейна Сены, которая направилась главным образом на восточное побережье Англии. Только с этого времени в Британии ярче проявляется латенская культура в прямом

смысле слова и начинается самостоятельное развитие британского латенского искусства.

В последнем веке наблюдается прилив в Англию племён белгов. Кантии поселились юго–восточнее современного Лондона в Кенте, катувелауны северо–западнее от них, на территории современного Кембриджа и Бедфордшира. Около 50 г. прибыли ещё атребаты и дуробриги (боясь оказаться под властью Рима), которые высадились на острове Уайт и на южноанглийском побережье Дорсета и Гэмпшира.

IV. Кельтские языки и древнейшие литературные памятники. Гэльско–гойдельские и галльские диалекты

В языке кельтов можно различить две главных ветви: Q–кельтскую и P–кельтскую. Первую группу составляют гэльские языки (ирландцы и шотландцы), в которых индоевропейское kw перешло в qu (к, с); их называют также гойдельскими языками, они древнее и, как полагают, на них говорили и те кельты, которые рано проникли на Иберийский полуостров. Другую ветвь составляют галльские языки, к которым, кроме континентальных диалектов, до настоящего времени относится язык жителей Уэльса и Бретани. В этой группе kw перешло в p (P–кельты); но когда это произошло, точно установить нельзя. Все приведённые языки имеют определённое сходство в запасе слов и в отдельных моментах склонения и спряжения; первоначально это были диалекты более или менее родственные.

Рис. 19. Клейма на клинках кельтских мечей из Швейцарии: 1 — Порт, клеймо с греческим именем мастера «Корисиос»; 2 — Базадинген (Тургау), клеймо с мотивом кабана; 3 — Мандах (p–н Ааргау), могила воина. Двойное клеймо со стилизованной человеческой маской, повёрнутой на бок, и кабана с хребтом,

покрытым щетиной; 4 — Брютизеллен (Цюрих). Двойное клеймо с мотивом кабана и три шара. — Зарисовки: Земский музей в Берне (Р. Висс).

Названия Гэль, Гэлия являются англоизированной формой названия, которым в течение долгого времени называли себя на собственном языке жители Ирландии. Название Гойдель, по-видимому, появилось только в конце VII века и возникло, вероятно, от слова Gwyddel, уэльского названия ирландского языка. Слово Gwynedd встречается в северном Уэльсе и происходит от названия ирландских поселенцев, которые в собственной стране до появления христианства были известны под названием фениев.

Галльским языком мы называем совокупность кельтских диалектов, на которых говорили в Галлии, в части Британии и в среднеевропейских областях в эпоху кельтской экспансии. Но и в Галлии (в широком понимании) не было полного единства. Цезарь указывает, что Галлия делилась на три части, из которых одну населяли белги, другую аквитаны, а третью галлы, и что все эти три группы племён отличались друг от друга языком и нравами.

Определённые круги среди этих говоривших по-галльски племён, в частности жрецы и крупные торговцы, несомненно владели хотя бы частично греческим языком, так как данные на таблицах, найденных в лагере гельветов во времена Цезаря, о численности бойев и других кельтских племён, были написаны греческим письмом. Равно и на клинке латенского меча, найденного в Порте в Швейцарии, выбита надпись «Корисиос» греческими буквами. Жреческое сословие друидов, весьма важный фактор в галльской среде, избегало записей и не оставило никаких письменных памятников. Наряду с греческой азбукой в кельтскую среду проникало и знание этрусской азбуки. В последнем столетии в собственно Галлии, а в меньшей мере и в некоторых кельтских среднеевропейских областях распространилось знание латинского языка. После побед Цезаря в Галлии латинский язык быстро распространился в высших кругах, но простой народ, особенно в сельских местностях, ещё долго говорил на галльском языке. В Средней Европе также удержались остатки кельтских племён и при изменившихся условиях. Пребывание их в Паннонии, например, засвидетельствовано письменными источниками и эпиграфическими памятниками. При усилившейся романизации современной Франции и части Швейцарии галльские языки как целое исчезли, а в романских языках сохранились лишь их отдельные элементы.

Современное знание галльского языка. Толкование географических названий

Итак, сплошных текстов на галльских диалектах не сохранилось. Современные знания галльского языка основываются главным образом на надписях, относящихся к IV—I векам, сделанных греческими, этрусскими и латинскими буквами. Эти надписи содержат по преимуществу некоторые личные имена и географические названия. К ним следует добавить и некоторые слова из произведений греческих и латинских авторов, заимствованные из кельтской среды, затем некоторые надписи на кельтских монетах, а также и галльские имена с надгробий и надписей римского времени как в Паннонии, так и на западе в

французско–рейнских областях; там металлические и глиняные изделия снабжались именами галльских ремесленников.

Толкование личных имён и географических названий весьма затруднительно и не единообразно даже среди специалистов. Не всегда также можно с уверенностью сказать, не являются ли некоторые географические названия, сохранившиеся до нашего времени и считавшиеся первоначально кельтскими, более древнего, докельтского происхождения.

Даже в самой Франции географические названия кельтского происхождения не так уж многочисленны. Они сосредоточены главным образом на территории между Рейном и Дунаем и по соседству с ней, что полностью отвечает и результатам археологических исследований. Кельтскими там считаются и названия некоторых рек — Рейна, Дуная, Неккара, Майна и Рур–Раура; поэтому считают, что раураки, о которых Цезарь говорит в связи с базельской областью, происходят из Рурской области.

Что касается древнего периода, то весьма древними считают названия с концовкой «брига» (–briga). Они означают укреплённое место и, согласно Г. Риксу, появились в то время, когда кельты в Галлии ещё не дошли на западе до атлантического побережья, но когда они уже проникали в Испанию. Позже якобы распространились названия с концовками «дунум» и «дунон» (–dunum, –dunon) подобного же значения, а именно в эпоху исторической кельтской экспансии, примерно в IV и III веках. В то же время для незащищённых поселений привились названия с концовкой «магус» (–magus, –magos). В качестве примеров можно привести в рейнской области названия Будобрига (Боппард) или Тародунум (Цартен). Конечно, картографическое изображение местонахождения этих названий не всегда вносит ясность. Названия с концовкой «брига», поскольку мы обращаемся только к тем, существование которых доказано уже в древности (а ни в коем случае не в средние века), наиболее распространены в северо–западной части Иберийского полуострова и в общем лишь sporadически встречаются в северо–восточной Франции и рейнских областях. Наоборот, названия, оканчивающиеся на «дунум», встречаются в значительной части Франции (кроме Аквитании) и в прирейнских областях, а местами и в верхнем Подунавье (в направлении на восток их количество убывает), в Британии и лишь sporadически на Иберийском полуострове. Бош–Гимпера использовал названия, оканчивающиеся на «дунум», для подкрепления своей кельтской теории, которая связывает каталанские поля погребальных урн с кельтами. Совершенно иное положение создалось на британских островах и особенно в Ирландии. Римская оккупация в Британии распространялась только на часть территории и началась примерно на сто лет позже, чем в Галлии. Сама Ирландия никогда не была покорена Римом, так что древний кельтский язык, предшественник современного гэльского языка, сохранялся без влияний извне, а позже возникла и самостоятельная литература. В римское время это были по преимуществу народные легенды, в которых отразились картины прошлых времён и которые позже были записаны. Эти сказания хорошо знали монахи ирландских монастырей и с течением времени делали их литературную запись на местном наречии; эти записи являются старейшим литературным памятником в «варварской» части Европы, следуя тотчас же за литературой греческой и римской.

Древнейшие памятники ирландской письменности

Древнейшими памятниками ирландского языка считаются огамические надписи V—VI веков. Их алфавит состоит из точек и чёрточек (линий) и предполагает хотя бы частичное знание латинского языка. Это письмо применялось главным образом в надписях на надгробных и подобных памятниках (приблизительно так же, как в северной Европе руны) чаще всего в южной Ирландии и на противоположном английском побережье.

В V и VI веках в Ирландии уже распространилось христианство, и ирландские монастыри в известном отношении взяли на себя задачу старых друидских «школ». Монахи, хорошо знакомые со старыми обычаями, сохранили древние сказания для будущего. Древнейшие образцы ирландского языка сохранились в церковных книгах VIII и IX веков, в которых латинский текст сопровождается примечаниями (глоссами) на родном языке монахов того времени. Эти церковные книги легко датировать, поэтому они становятся важным хронологическим критерием для оценки более поздних рукописей, относящихся даже к XV и XVI векам.

Содержание эпических поэм и героической мифологии этого более позднего времени иногда настолько насыщено фантазией, что лишь с большим трудом можно отделить действительность от выдумки; тема смерти и посмертного бытия часто является фоном всего повествования. Мы остановимся на этих памятниках ещё в дальнейшем изложении и в заключительной главе. Но так как они в известной мере дают нам возможность понять природу кельтского общества в древнейшие времена, мы приводим здесь хотя бы важнейшие.

Основные памятники ирландской письменности можно разбить на 3 цикла. Первый из них, «книга вторжений» (*Leabhar Gabhála*), часто считается схоластической компиляцией, относящейся ко времени между VIII и XI веками. В ней говорится о волнах пришельцев, пятой из которых были гойделы; они заставили якобы побеждённого врага искать спасения в больших мегалитических сооружениях (построенных на рубеже позднекаменного и бронзового веков). Некоторые исследователи, однако, считают это произведение генеалогической фикцией, которая пытается объяснить происхождение всех свободных ирландцев. Второй цикл рассказывает о переменных успехах в борьбе Ульстера против Ирландии, третий — о судьбе Финна и его сына Ойсина и даёт некоторые сведения о культе и древней общественной структуре.

В кельтскую литературу входит также рассказ об Артуре, кельтском короле Британии, который со своей дружиной боролся против проникновения германских англосаксов. Ко всему этому присоединяются истории различных мелких королевств. Шли века, в придворных стихах и произведениях сельских поэтов возрождались старые традиции, однако появлялись и новые влияния, а структура общества постепенно изменялась. В позднем облачении, таким образом, очень трудно найти первоначальное историческое ядро. Опорой исчезающего языка, нравов и обычаев был говорящий по-кельтски народ, в жизни которого сохранилось до более поздних времён много пережитков прошлого.

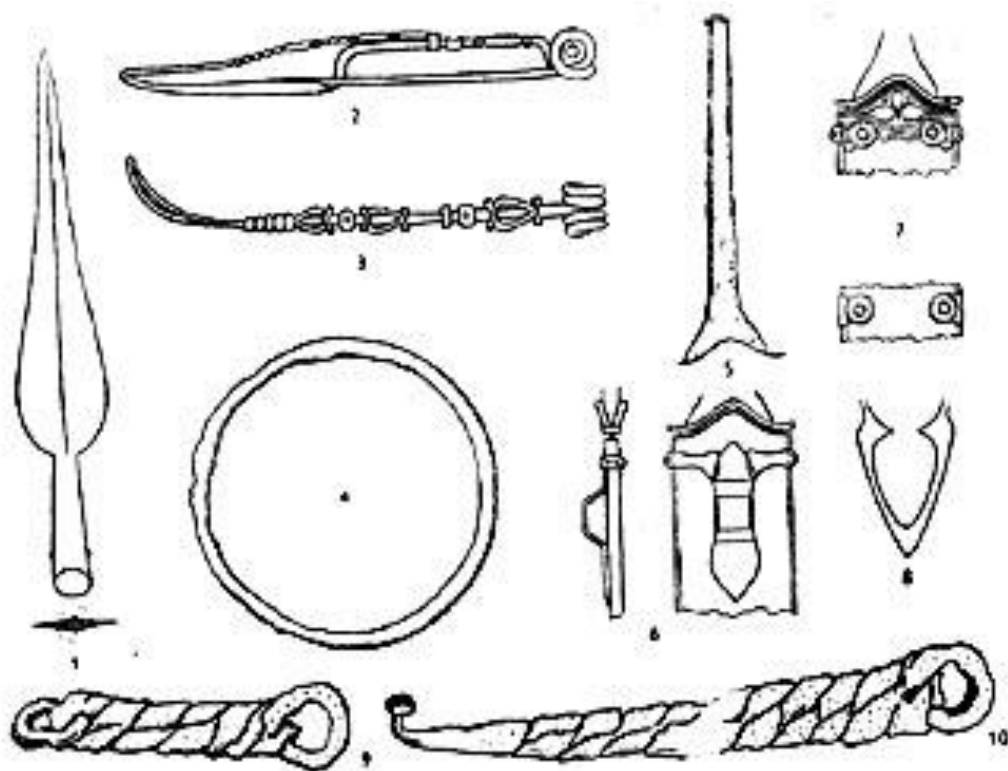

V. Кельтское общество и его структура. Внешний вид и характер кельтов

По описаниям некоторых древних писателей, кельты были высокого роста, с голубыми глазами, русыми волосами и нежной кожей. Под это описание, однако, нельзя подвести всех кельтов. Захоронения кельтских воинов, то есть представителей ведущего общественного слоя, найденные в Средней Европе, свидетельствуют о том, что в росте мужчин была большая разница. Так, например, на кельтском могильнике в Брно–Маломержицах наряду с вооружёнными мужчинами довольно маленького роста (длина тела около 150 см) были похоронены и воины среднего и высокого роста (в могиле №42 лежал мужчина ростом около 195 см). То же наблюдается и в словацких могильниках. В Горни Ятове–Трновце на Ваге погребения мужчин и женщин ростом в среднем 150—160 см — обычное явление, рост около 180 см встречается реже; в могильнике в Дворах на Житаве рост погребённых 160—170 см — частое явление.

И с антропологической точки зрения нельзя говорить о ярко выраженной расе. Произведённые некоторые антропологические измерения, например в швейцарских могильниках, свидетельствуют о чередовании длинноголовых (долихоцефальных) и короткоголовых (брахицефальных) типов. Старые и новые исследования костяков в Чехословакии и других среднеевропейских областях подтверждают, что в этногеническом отношении кельты не были однородны. Лишь в Чехии, как кажется, длинноголовость (долихоцефалия) встречается чаще, что несколько отличает среднечешских кельтов от моравских и австрийских, у которых чаще встречается короткоголовость (брахицефалия). Важен и тот факт, что длинноголовость, установленную в Чехии, мы встречаем и в некоторых сравнительно ранних словацких могильниках, особенно в Горни Ятове–Трновце и в обоих могильниках в Гурбанове. Но материалов для окончательных выводов всё ещё мало, так что эти результаты следует считать лишь предварительными.

В общем большой разницы между внешним видом кельтов и германцев не было. В своей «Географии», написанной ещё при Августе и Тиберии, это подчёркивает и Страбон, который наделяет германцев лишь более высоким ростом и более диким нравом. По внешнему виду иногда было чрезвычайно трудно отличить кельтов от германцев. Когда императору Калигуле нужны были при триумфе в 37 г. статисты, которые представляли бы пленных германцев, он заменил их кельтами из Галлии.

Рис. 20. Кобыльнице в Моравии. Погребение с трупосожжением №IX (кельтский воин с железным вибитым поясом (рубеж II и последнего столетий) (4–16 см, 9–12 см, 10–56 см).

Русые волосы также нельзя считать общим признаком, так как нам известно из различных источников, что кельты часто изменяли цвет волос искусственными средствами, различными растворами, мылом и красками. Кроме того они красились, и в Риме поэт Проперций упрекает свою возлюбленную в том, что она красится, как кельт. И мужчины мазали себе волосы каким-то известковым раствором, чтобы причёска лучше держалась, а затем зачёсывали их назад, что делало их похожими на сатиров. Поэтому-то мы находим в древности упоминания о длинных жёстких волосах кельтов. Как указывает Диодор, некоторые мужчины брились, другие носили бороды. Знатные брили щёки, но оставляли такие длинные усы, что они закрывали им рот.

Характер кельтов. Характеризуя кельтов, в древности обычно отмечали, что они воинственны, отважны и ловки, но иногда по-детски наивны. Война будто бы была их страстью (Страбон). Они любили битвы и приключения, равно как и забавы и пиршества. Их разговорчивость часто граничила с болтливостью. Они останавливали путников и купцов и расспрашивали их о тех странах, откуда те прибыли. Полученные сведения ими часто преувеличивались. Очень сильно у них было развито воображение, а по сообщениям древних источников и пристрастие к религиозным традициям. По словам Цезаря это был народ непостоянный, всегда падкий на всё новое и обладавший большой способностью подражать всему, что он видел и чему мог где-нибудь научиться. Археологические находки свидетельствуют о том, что кельты умели не только подражать чужим образцам, но что благодаря своим творческим способностям они переделывали их, давая им

своё содержание. У них было очень развито также стремление к внешнему блеску и пышности.

Кельтская одежда

Как сообщает Диодор, кельтский народ любил одежду пёструю, ткани в полоску и клетку. Ещё в гальштаттское время шерстяные ткани были высокого качества и с пёстрыми узорами. В ла-тенское время женщины любили украшать одежду цветами, а знатные женщины вышивали её золотыми нитками, как в древние времена. До римской оккупации частым украшением платья и плащей была якобы бахрома.

Одежда состояла из цветного хитона, некоего подобия блузы, и штанов. Сверху в зависимости от необходимости надевался плащ, зимой шерстяной, летом из более тонкой гладкой ткани. Штаны в европейской среде являются новинкой, до того времени они были известны лишь на востоке, в Персии и у скифов, но не в Риме. Письменные источники подтверждают, что кельты носили штаны (*brassae*), но не совсем ясно, существовал ли этот обычай у всех племён или только у некоторых. Инсубры и бойи в Италии носили штаны и светлые плащи. Гезаты, призванные из-за Альп на помощь, сражались по старинному обычаю в первых рядах нагими. Во времена Цезаря галлы в отличие от германцев носили более широкие и длинные штаны, до самых колен.

Одежду из ткани кельты скрепляли на плечах фибулами, воины обычно железными, знатные женщины бронзовыми, а иногда и серебряными, часто высокохудожественной работы, инкрустированными кораллами и эмалью. В некоторых захоронениях женщин бросается в глаза большое количество фибул на плечах и на груди. В захоронении женщины №184 в могильнике у Мюнзингена, в Швейцарии, было найдено 16 фибул; примерно 20-летняя женщина в Дитиконе, у Цюриха, была украшена 14 фибулами, в другой могиле была найдена 21 фибула. В Енишове Уезде у Билины в Чехии в могиле женщины было 6 бронзовых и 4 железных фибулы. Такие богатые погребения женщин ярче всего свидетельствуют об их пристрастии к украшениям; женщины носили золотые, серебряные и бронзовые кольца, шейные гривны и ожерелья, браслеты на руках и ногах, сапропелитовые круги и стеклянные браслеты, прекрасные поясные цепи и другие украшения, с которыми мы познакомимся позже. В мужских могилах украшения встречаются реже, однако большое внимание уделяется вооружению.

В талии кельтская одежда стягивалась поясом. В древние времена позднегальштаттские и раннелатенские пояса были богато украшены золотыми или бронзовыми нашивными украшениями и бляшками. Простой народ носил скромные пояса из ткани или кожи. В III веке, когда обстановка меняется и происходит экономическо-общественное расслоение кельтского общества, пояс становится важной частью одежды мужчины-воина и женщины свободных слоёв. С этих пор мужские и женские пояса резко отличаются друг от друга. Знатные женщины носят великолепные бронзовые поясные цепи, блестящие изделия литейщиков и эмальеров. Пояса эти состоят из литых пластинообразных звеньев, инкрустированных красной эмалью и соединённых между собой кольцами (рис. 24). Чаще встречаются более простые пояса в виде одинарных или парных

бронзовых цепочек, которые также бывают украшены красной или белой эмалью, как и пояса из парных цепочек, соединённых кольцами. К более поздним формам, которые мы находим в могильниках и оппидумах, относятся цепи из восьмёркообразных звеньев. При ношении поясной цепи её свободный конец пристёгивался к поясу, образуя петлю, которая украшалась ещё особыми подвесками на цепочках (рис. 25). Соединяющие крючки и застёжки отличались высокохудожественной обработкой.

К мужским поясам прикреплялись также ножны с мечом. Пояса делались или из кожи, или из бронзовых восьмёркообразных звеньев и обычно состояли из двух частей. К рубежу II и последнего веков относятся железные поясные цепи из плоских переплетённых звеньев с богатой чеканкой на лицевой стороне (горизонт чеканных «панцирных» поясов, встречающихся по всему кельтскому миру, рис. 20).

Кельтская обувь, как маленькие деревянные сандалии, так и полотняная или кожаная обувь с подошвой, была хорошо известна даже в Риме.

Торквес и его общественно–религиозное значение в кельтском обществе

Особое место среди украшений занимала шейная гривна, древнее название которой торк, торквес означало собственно гривну, сплетённую из нескольких прядей. Таких шейных гривен сохранилось мало. Чаще встречаются образцы, сделанные из массивного или полого стержня с концами более или менее печаткообразно расширяющимися. Торквес появляется во второй половине V века. Идея эта не кельтская, так как на востоке, например, в Персии, мы находим великолепные экземпляры в качестве образцов. В период развития раннего стиля латенского искусства в конце V и в IV веке кельтские мастерские изготавливали такие гривны из золота, как предметы большой художественной ценности; особенно богато бывают украшены оба конца этих гривен, преимущественно рельефными растительными и маскообразными мотивами. Эти великолепные гривны рассеяны по всему миру в тех местах, куда проникли вооружённые кельтские отряды; они встречаются во Франции, в прирейнских областях, в Италии, Альпах, Болгарии, а также в Чехии (Оплоты) и в Словакии (Миява, Грковце, рис. 12). Они носились представителями знати и были знаком их общественного положения и власти.

Позже изготавливались также бронзовые гривны, но более простые, с печаткообразными или шарикообразными концами (таб. XXVIII). Но и они встречаются не так часто, чтобы можно было говорить о них как о народном украшении; по всей вероятности, они также имели своё общественное значение, так как часто мы находим их в могилах воинов и богатых женщин.

Примерно во II веке положение постепенно изменялось. В период расцвета кельтского могущества изображения гривен появляются на монетах в сильно схематизированном виде, но сами гривны исчезают из погребального инвентаря. Однако они и их обломки встречаются в кладах монет в качестве сырья для чеканки монет. Торквес, первоначально золотой, перестал быть знаком общественного положения отдельных лиц в повседневной жизни и перешёл в мир

религиозно—мифологических представлений, где оказался в тесной связи с представлениями о богах и героях. Эта перемена произошла самое позднее во II веке, так как затем торквес появляется как на скульптурах южного мира, представляющих кельтских богов и героев, так и на оригинальных кельтских произведениях (голова из Мшецких Жехровиц в Чехии, таб. XX). На культовых котелках из Ринкеби или Гундеструпа мы находим те же мотивы (таб. XXIV—XXV).

Рис. 21. Развитие фибулы в латенское время. Фибула как популярное украшение является чувствительным хронологическим показателем и потому по её форме можно часто датировать и другие археологические находки.

Как указывает Посидоний, пища кельтов состояла из хлеба и большого количества мяса, сваренного в воде или поджаренного на горячих углях или на вертеле. Мужчины отделяли мясо от костей маленьким железным ножом, который носили на поясе рядом с ножами с мечом. Подавались говядина и баранина, а также солёная свинина (солонина) и печёная солёная рыба. Очень лакомой считалась свинина как жареная, так и сваренная в котле. Кости диких и домашних свиней — обычное явление в кельтских захоронениях; очевидно, они являются остатками погребального обряда и пиршества. В Ирландии, согласно легенде, нормальной порцией для борца считался даже целый откормленный поросёнок. Рыба также варилась в солёной воде с уксусом и тмином.

Большое общество во время еды садилось в круг. Кельты во время еды сидели на земле или на разостланных мехах, иногда перед ними ставился низкий столик. При этом соблюдались определённые правила первенства и гостеприимства. Места занимались в зависимости от общественного положения или военной славы. Самый знатный сидел обычно в середине. Чужестранцу предлагалась еда раньше, чем заходила речь о торговых и иных делах. Пища подавалась на глиняных, бронзовых и деревянных подносах; иногда к столу придвигалась жаровня с горячим углем и сковородами, с приготовленными на них кусками мяса. Во время некоторых пиршеств устраивалась борьба. Дружеское единоборство иногда превращалось в настоящее, так что борцы оказывались ранеными, нередко и смертельно. Победитель получал окорок как лучший кусок мяса.

Напитком богатых в Галлии и в соседних областях было вино, чистое или иногда разведённое небольшим количеством воды.

Употребление вина необыкновенно распространилось в верхних кельтских слоях ещё в VI веке, а позже, во время военных походов, эта привычка ещё больше укоренилась. Полибий прямо ставит в упрёк кельтским воинам неукротимое пристрастие к пьянству и обжорству. В большинстве случаев вино в западную половину кельтской области доставлялось с юга в провансальских и римских амфорах, которые иногда клались в могилы знатных лиц. Потребление вина распространилось также, хотя и в меньших масштабах, среди высших слоёв не только в верхнем Подунавье, но и в некоторых районах Средней Европы, особенно в Чехии. Ещё в V веке в Чехию попали наборы посуды для вина (клювовидный кувшин и миски из Градиште у Писека), а в последнем столетии, когда в кельтском мире сильно возросло римское влияние, мы находим амфоры для вина в оппидумах, как например, в баварском Манхинге, так и в Чехии на городище у Страдониц. Через Массилию долго привозили греческое и южнофранцузское вино, а затем отчасти и итальянское. Начиная со II века итальянское вино преобладает. Торговля вином на юге нынешней Франции полностью оказалась в руках итальянских торговцев. Занятие Прованса римлянами по времени соответствует развитию виноградарства в южной Италии. Впоследствии Галлия была её важным рынком сбыта вплоть до начала II века н.э. Простой народ пил пиво домашнего приготовления из ячменя, иногда более качественное — с прибавлением хмеля. В вино добавлялся также тмин. Простое народное пиво называлось «корма». Растительного масла среди кельтов

потреблялось мало, преимущество отдавалось коровьему маслу, которого было достаточно.

Во время пира по обычаю певцы (барды) величали присутствующих, в первую очередь хозяев. Пели они под аккомпанемент инструмента, похожего на лиру. У королей были свои особые барды, восхвалявшие их героические подвиги. Традиции придворного восхваления пустили глубокие корни и были живы ещё в средневековье.

Постепенно при официальных пирах создавался определённый церемониал, определявший различные сорта мяса для отдельных участвующих. В Ирландии королю подавалась нога, королеве окорок, возничему голова дикого кабана. По свидетельству Посидония, бедро подавалось всегда пользующемуся особым почётом мужчине. Во время военных походов пирами отмечались благоприятные результаты похода. Всеми одобряется чистоплотность кельтов, но их упрекают в жадности, с какой они поглощали пищу.

Структура кельтского общества

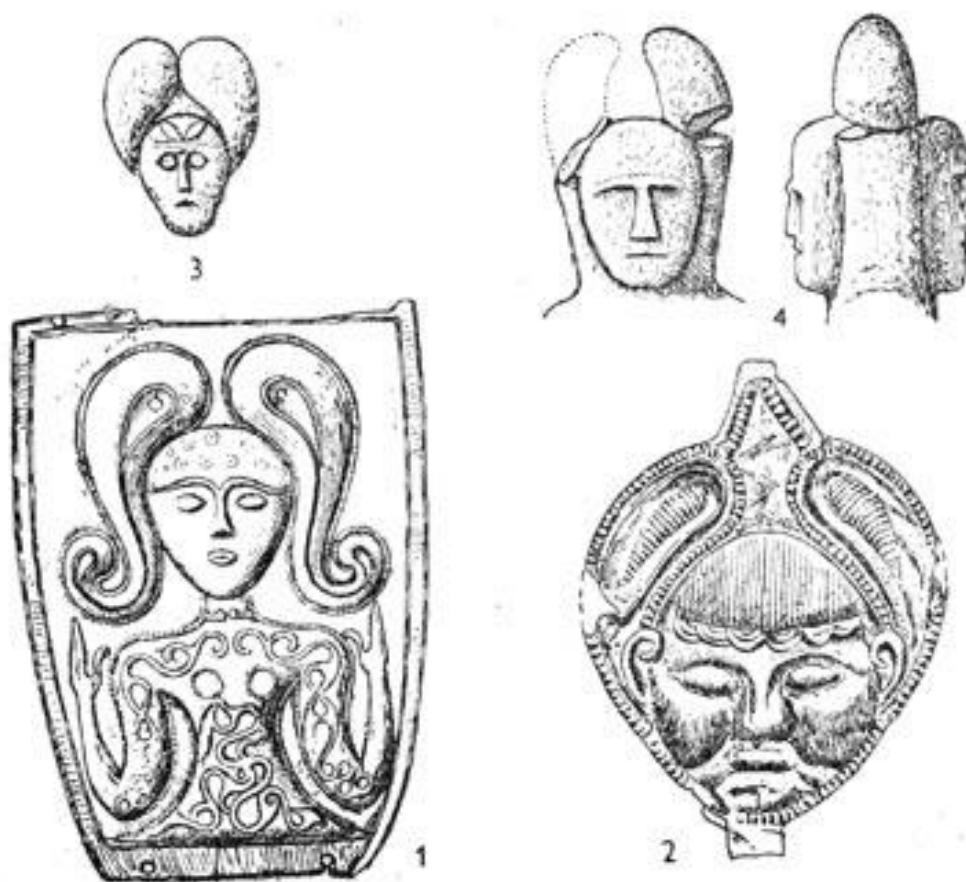
Семья и род.

Основными единицами кельтского общества были семья и род (по-ирландски «*fine*»). По свидетельству Цезаря, отец обладал неограниченной властью над членами семьи (в юридическом смысле), правом жизни и смерти (*potestas vitae necisque*). Если смерть кого-либо из мужчин вызывала подозрения, жену допрашивали и судили. Это не означает, что женщина не пользовалась уважением, особенно в высшем обществе. Нам уже известно, что в позднегалльстатский период некоторые женщины жили в небывалой роскоши и что им воздавались высшие почести и при похоронах. Как сообщают древние источники, кельтская женщина не уступала мужчине в отваге. В Ирландии и Галлии у мужчины могло быть несколько жён, но судя по ирландским данным, лишь одна из них была главной. Остальные занимали второстепенное положение, от второй жены почти до рабыни. В конце латенского периода многожёнство, правда, ещё разрешалось, но фактически общество требовало единобрачия. В том случае, когда отцовство ребёнка было ясным, мать не пользовалась какими-либо особыми правами. Следы материнского права можно наблюдать в положении внебрачных детей, которые носили имя матери. Ирландское право прямо связывало внебрачных детей с матерью и признавало за ними политические права. В более позднее время жена приносила приданое, на западе в серебре. Это имущество было общей собственностью супругов, после смерти одного его наследовал другой.

Членов семьи и рода объединяло сознание общей ответственности и общих обязанностей. Можно было лишить члена рода некоторых прав и преимуществ, но от обязанностей он не освобождался. Организация семьи определяла также порядок наследования, что иногда влекло за собой серьёзные осложнения в высших слоях и даже в королевской семье. Если у короля не было сына, который мог бы стать его преемником, преемник избирался из той же линии наследников (из линии его отца, дяди, двоюродного брата). Воспитание определялось также известными порядками и обычаями. В Галлии сыновья не могли появляться в

обществе вместе со своими отцами и не могли носить оружия, пока не достигали совершеннолетия.

Развитие родового общества в кельтской среде уже находилось на высокой ступени и сопровождалось многочисленными явлениями, создавшими предпосылки для формирования классового общества; этот процесс, однако, был прерван упадком кельтского могущества. Наличие родовой аристократии, правда, свидетельствует о прогрессирующей стадии разложения первобытно-общинного строя, но ещё не означает образования классов. Процесс развития был различным в Средней Европе, в Галлии и на островах. Здесь мы не будем рассматривать подробности, им будет посвящена отдельная работа; своеобразие положения на островах было подчёркнуто уже в прошлом столетии Ф. Энгельсом.

Рис. 22. Латенское искусство: 1 — Вальдальгесхайм, Германия; 2 — Шварценбах, Германия, мотив маски; 3 — Пфальцфельд (Ст. Гоар); 4 — Гольцгерлинген (Оденвальд), реконструкция головы с двумя лицами (столбообразная фигура из песчаника, см. также рис. 41)

Племена.

Высшим общественным образованием было племя (по-ирландски «туат», в Галлии — *civitas, pagus*), члены которого признавали общих предков. Следы родовой организации и тотемистического мышления ещё долго сохраняются (запрет некоторой пищи, культ животных, кельтское пристрастие к символам и т. п.).

Кельтских племён было очень много. Названия 60 галльских племён были, по свидетельству Страбона, написаны на алтаре, посвящённом Цезарю Августу, в Лугдуне (нынешний Лион). Некоторые племена были малочисленны, другие очень сильными, имели крупные вооружённые силы и боролись за первенство во всей Галлии. К ним нужно отнести в первую очередь арвернов и эдуев, из южнофранцузских племён саллиев, в состав которых, по-видимому, хоть частично входили и кельты. В 124 г. они были разбиты римлянами, когда предприняли враждебные действия против Массилии.

Во время кельтской экспансии части отдельных племён проникли в различные европейские страны. Нельзя предполагать, что в процессе дальнейшего развития состав племён не подвергся изменениям. Как известно из исторических источников, кельты часто переселялись с места на место и нередко часть одного племени отделялась и присоединялась к другому племени. Впрочем, археологические материалы из Карпатской котловины и Моравии дают основание предполагать, что во II веке кельты находились уже в самой тесной связи с древним исконным населением, из культуры которого немало перешло в латенскую культуру господствующего слоя. Некоторые группы, в том числе группы наёмников, поступавших на иностранную службу, в новой среде постепенно растворялись, сливаясь с исконным населением. Нельзя забывать, что латенская культура в узком смысле слова в Средней Европе является культурой лишь одной этнической группы и господствующего слоя.

Королевский сан и аристократия

Можно предполагать, что ещё в латенский период у многих кельтских племён был обычным королевский сан как древний институт, зарождение которого мы можем наблюдать ещё в позд-негалльштаттской среде княжеских городищ. Но в некоторых племенах короли приходили к власти уже путём выборов. Король, торжественно вступая на престол, становился носителем власти и всех прав; его сан обязывал его к широкому гостеприимству. В последнем столетии мы ещё встречаемся с королевским саном у сенонов и нитиоброгов. Известен также триумф Фабия Максима, когда в числе пленных шёл и кельтский король. Флор рассказывает, что его колесница была украшена серебром, а его оружие играло всеми цветами радуги, по-видимому, украшенное золотом, серебром и эмалью. Своей расточительностью славился король арвернов Луэрн, которого впоследствии разбили и взяли в плен римляне. Этот король арвернов, проезжая иногда в своей колеснице, разбрасывал народу золотые и серебряные монеты. Однажды он якобы приказал поставить четырёхугольную ограду, за которой поместил бочки с напитками и много еды для всех желающих.

Но общественная дифференциация возрастала, и аристократические семьи старались сосредоточить в своих руках как можно больше власти. Экономические конфликты и акты мести между отдельными семьями не были редкостью. Упадок королевской власти у отдельных племён был, согласно Цезарю, также результатом расширения системы клиентелы, так как этим путём аристократия приобретала небывалую власть. Вероятно, своё действие оказывало и возрастающее римское влияние, так как племена, постепенно отказывающиеся от королевской власти

(арверны, эдуи, гельветы), находились непосредственно под влиянием Нарбонской провинции. В Аквитании и в области бельгийских племён короли удержали свою власть и в более поздний период.

Рис. 23. Ступава в Словакии. Бронзовое украшение пояса с маскообразными рельефными изображениями.

Во времена Цезаря в Галлии уже преобладала аристократическая форма правления, которая, однако, часто приводила к напряжённому положению, борьбе отдельных партий и анархии. Господствующие круги старались опереть свою власть на систему клиентов, несколько напоминающую феодальные обычаи. О личной клиентеле у континентальных кельтов говорит Полибий, описывающий также её выгоды для высших слоёв. Согласно Страбону, галлы ежегодно избирали вождя, а во время войны во главе каждого войска был свой военачальник. В последнем столетии за первенство в Галлии боролись главным образом эдуи и секваны, так что Галлия была разделена на два лагеря. В своё время и арверны пользовались значительной властью. Арверн Цельтилл захватил власть над значительной частью Галлии, но был убит своими соплеменниками, так как мечтал о королевском сане. Его сын Верцингеториг организовал в 52 г. восстание против Цезаря, созвал своих подданных, а по необходимости заставлял вступать в свою армию бедняков и разный сброд. Захватив власть в свои руки и подчинив себе сенонов и другие племена, он стал верховным военачальником и жестоко расправлялся с провинившимися, стараясь сохранить дисциплину и послушание вооружённых масс.

В Ирландии по обычному праву общество было расчленено на туаты с королём, знатью и свободными гражданами. Король избирался из родственников своего предшественника, и не обязательно должен был быть сыном предшествующего властителя. Королевская власть включала также различные виды общественной деятельности, военные дела и заключение дружественных договоров с другими туатами. Свободными людьми являлись земледельцы и некоторые ремесленники, несвободными — рабы и смешанные семьи. Мелкие королевства, образованные из

отдельных туатов, не являлись государствами в подлинном смысле слова, в них не было организованного общественного управления. Свободный мужчина пользовался влиянием и уважением в зависимости от его положения и богатства. И в Ирландии, кроме родственных связей, была распространена система клиентелы. Клиенты были обязаны своему господину и защитнику военной службой и другими услугами, за что пользовались его покровительством и материальной поддержкой, не теряя при этом некоторых своих прав и собственности. Отдельное лицо пользовалось правами только в собственном туате.

Положение простого народа было далеко не завидным и иногда скорее походило на рабство. Многие утопали в долгах и притеснялись более сильными, угнетались большими повинностями и податями. Поэтому они искали защиты у аристократии. Чем богаче и знатнее был свободный галл, тем больше у него было таких подопечных клиентов.

Цезарь свидетельствует, что в кельтской Галлии были три основных слоя: друиды, всадники и народ. К этому необходимо ещё добавить определённый вид клиентелы, как уже было указано, который, однако, не был совершенно схожим с подобным же римским институтом.

Друиды

Жреческое сословие друидов первоначально было построено на иерархических началах и представляло собой замкнутую аристократическую корпорацию, которая ведала не только делами религии, но и пользовалась большим политическим влиянием, гораздо большим, чем слой всадников. Этот институт был общекельтским, известным на британских островах и в Галлии, и, очевидно, имел в течение определённого периода влияние и в Средней Европе; только в Испании и в северной Италии о нём нет ни письменных упоминаний, ни археологических данных. Мнение Цезаря, что этот институт возник первоначально на британских островах, является лишь его предположением. Древние источники (Цезарь, Плиний) приписывают друидам очень обширную сферу деятельности, но в настоящее время трудно проверить, насколько это соответствовало действительности.

Какова была сущность их учения, философских и религиозных представлений, нам известно лишь отчасти. Они верили в бессмертие души, смерть, по их представлениям, означала не конец, а лишь середину долгой жизни. Под их покровительством находились священные дубовые рощи и само название их возникло якобы от слова «дуб» («дрис»). Жертвы (например, белые быки) не приносились без ветви этого дерева, так как всё, растущее на дереве, они считали даром небес, а производимые в связи с этим действия — указаниями богов. Большим почётом пользовались также лунные эмблемы, так как галлы исчисляли время не по дням, а по ночам, и приносили священные жертвы ночью при свете луны. Кроме совершения жертвоприношений, иногда якобы и человеческих, друиды предсказывали будущее; они оказывали давление путём неблагоприятных предсказаний и определяли, какое время более подходит для решения важных вопросов. Друидам также поручалось воспитание аристократической молодёжи.

Однако письмом они не пользовались и не оставили письменных памятников: всё обучение велось устно.

Сословие друидов и «ватес» по существу пополнялось из рядов аристократов—всадников. Описывается особый случай транса друида во время выборов короля Тары. Друид съел мясо принесённого в жертву быка, впал в сон и только после этого обрёл способность установить правомерность акта и предсказать грядущее (так наз. бычий сон).

В более поздний период друиды уже не были ни столь замкнутой кастой, ни чисто жреческой корпорацией. В начале римской оккупации друидизм был ещё в полном расцвете, позже настал его упадок. Друиды боролись с романизацией, участвовали в восстаниях и потому римская власть была особо заинтересована в ликвидации этого института. Особенно долго этот институт удержался в Ирландии. Преемниками друидов там были «*filed*», основатели постоянных средневековых школ.

VI. Военная организация кельтов и их способ ведения боя

Ведущий военный слой и его вооружение

Кроме друидов важную роль в кельтском обществе играли вооружённые свободные «всадники», своего рода военная аристократия. На западе у кельтов не было постоянного войска, вооружённые дружины собирались во время грозящей опасности и войны. Когда угрожала опасность, по галльскому обычаю созывался военный совет, в котором участвовали все вооружённые мужчины. Созыв этого совета считался началом войны; бряцанием оружия и криком собравшийся народ выражал своё согласие с оглашаемыми решениями. Военные отряды и во время войны оставались разделёнными по племенам.

Особые условия на территории Средней Европы, занятой кельтами в IV—I веках, где, кроме кельтов, проживало много местного населения, требовали, чтобы определённая часть свободных членов общества находилась в неустанной боевой готовности. Об этом ясно говорят погребения воинов на могильниках в Чехии, Моравии и Словакии. Погребения мужчин, чаще всего вооружённых мечом в ножнах, копьём и дротиком, а иногда и щитом, составляют важную часть каждого кельтского могильника, иногда четвёртую часть всех зарегистрированных захоронений (Летки у Праги, Голубице в Моравии), в других местах около одной пятой или немного меньше. Общая картина говорит о том, что мы имеем дело не просто с погребальным обычаем, предписывающим класть в могилы свободных мужчин оружие, а с погребениями людей, действительно принадлежавших к военному слою. В некоторых мужских захоронениях отсутствует оружие, а иногда и другой инвентарь, так что не все мужчины погребались с полным вооружением. В то же время мужчины, захороненные с оружием, имеют явные следы военных столкновений. Следы заживших ран на черепах мужчин были обнаружены в кельтских могильниках в с. Забрдовице у Кршинеца, с. Дольни Добра Вода у Горжиц, с. Нова Вес у Вельвар и в других местах; в Кршеневицах в Моравии череп погребённого воина был два раза пробит ещё при жизни, в Трнове на Ваге у воина была зажившая рана на темени головы, в Гурбанове — зажившая рана на

лбу. Иногда у погребённых не хватает даже части конечности (в Червёных Печках у Колина — предплечья, в Брно–Маломержицах и Гурбанове в Словакии — правой руки). Всё это достаточно красноречиво говорит о характере этого военного слоя.

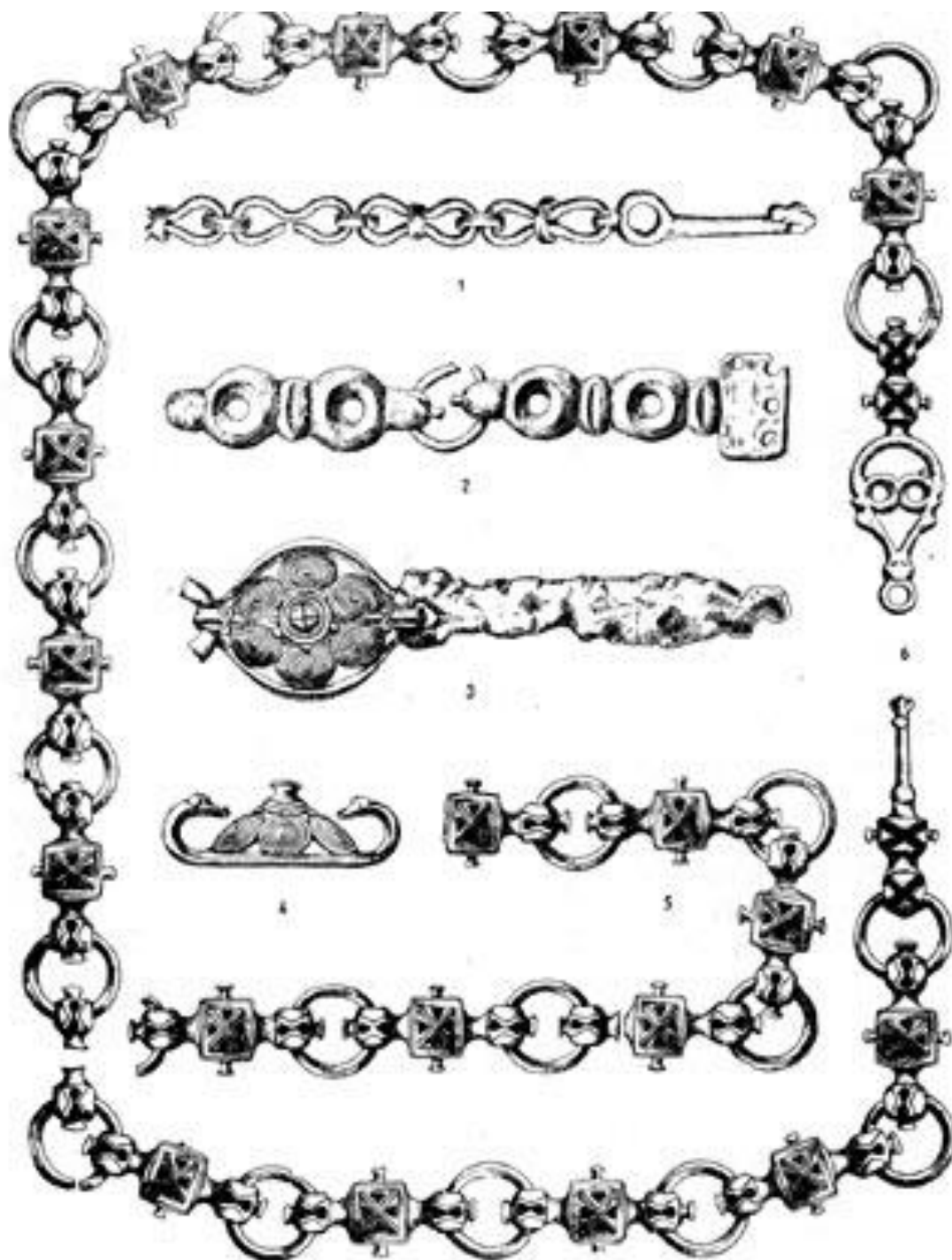
К этому же общественному слою воинов несомненно принадлежали и женщины, очень богатые захоронения которых встречаются на могильниках в непосредственной близости от погребений мужчин с оружием; иногда мужчина бывает похоронен в одной могиле с женщиной (Велка Маня в Словакии). Погребальный инвентарь этих захоронений женщин резко контрастирует с более скромным или совсем бедным инвентарём остальных погребений. Иногда эти женщины похоронены в роскошно убранной погребальной камере, обложенной деревом. Выше мы привели уже несколько примеров женских захоронений с большим количеством фибул; кроме того встречаются браслеты, ножные браслеты, кольца (в том числе золотые и серебряные), ожерелья, украшенные эмалью роскошные поясные цепи, сапропелитовые и стеклянные круги–браслеты, а обычно и кости кабана, оставшиеся после похоронного пира. На исследованных археологами могильниках количество женских захоронений с таким инвентарём доходит до 10% и более (Енишув Уезд у Билины в Чехии, Брно–Маломержице, Бучовице в Моравии).

Археологические исследования последних лет позволяют нам среди этой среднеевропейской прослойки, которую Цезарь называет «эквитес» (всадники), различить захоронения знатных лиц, начальников или вождей, поскольку захоронения эти совершались по разному. В первую очередь мы встречаем захоронения вооружённых мужчин и богатых женщин, которые были похоронены особым способом. В с. Горни Ятов–Трновец на Ваге тело пожилого высокого мужчины с оружием, завернутое в звериную шкуру, лежало в просторной могильной яме (могила №362), в которой были также кости почти целого кабана; могила была окружена рвом, составляющим квадрат, сторона которого равна 10 м. Так же была похоронена и женщина с богатым погребальным инвентарём (могила №233), могила которой тоже окружена квадратным рвом. Оба захоронения, по всей вероятности относящиеся к концу II века, несколько изолированы от остальных погребений с трупоположением. С тем же явлением мы встречаемся в кельтском могильнике в Голиаре. Остатки трупосожжения мужчины–воина (могила №29) и женщины с богатым инвентарём (могила №186), среди которого была роскошная бронзовая поясная цепь (рис. 25), находятся в непосредственной близости друг от друга и в отличие от остальных захоронений остатков трупосожжения окружены кольцеобразным рвом диаметром в 10 м. И в данном случае могилы несколько изолированы от остальных, что должно было подчеркнуть их значение.

Знаки достоинства знатных лиц

Основным оружием в латенское время был меч, затем копье или дротик, а позже и щит. Некоторые виды мечей и ножен были выразительным знаком власти и общественного положения и дают нам возможность выделить в военной прослойке военачальников. Прежде всего мечи, принадлежавшие военачальникам,

как правило, были более короткими, с антропоморфной или псевдоантропоморфной рукоятью. По всей вероятности их праобразом были позднегалльские кинжалы подобного же типа, особенно в области у северо-западного подножья альпийского хребта, откуда вооружённые отряды отправлялись в военные походы. Они появляются с конца V века и держатся долго, до самого начала последнего века, сначала ещё в курганный среде, а позже и в области грунтовых могильников на всей территории, которую охватывала кельтская экспансия, от Англии на восток вплоть до Карпатской котловины и даже до района Мукачева. В Чехии известно уже пять таких находок, такое же количество их найдено и в Моравии. Ствол рукояти этих мечей расщепляется наверху и внизу в виде дуги, так что общий вид напоминает букву «X» или человеческую фигурку. Между верхними рожками иногда на особом стерженьке прикреплена бронзовая человеческая головка (антропоморфные мечи) или другое украшение (псевдоантропоморфные мечи). Некоторые из этих мечей очень искусно обработаны, концы рожек украшены цветными вставками, а клинок выложен золотом. Меч в Немиланах в Моравии, украшенный золотом, лежал на груди воина, в захоронении которого находились ещё два железных меча. На бронзовой рукояти железного меча из Ключова у Чешского Брода были ямки и желобок в среднем звене для вставок. Ведущий военный слой придавал большое значение художественной обработке мечей и особенно ножен. Типу коротких мечей военачальников соответствуют и бронзовые ножны с медальонообразным наконечником (конец ножен украшен 3—5 овальными медальонами, иногда выложенными эмалью). И эти типы появляются с конца V века и держатся долго, в течение [пропущено] вироуанные, изредка встречаются и звериные орнаментальные мотивы (рис. 18). Мы находим эти мечи ещё в конце II века; часто они снабжены клеймом. Особенно много таких клейм известно пока в Швейцарии. По-видимому, по причинам магическо-религиозным на клеймах мечей очень часто встречается изображение кабана и человеческой маски, в одном случае на мече выбито греческими буквами имя мастера («Корисиос», рис. 19). В более поздний период особенно славилась производством богато украшенных ножен английская область.

Рис. 24. К одежде кельтских женщин ведущего слоя принадлежали бронзовые цепи, часто украшенные красной эмалью (№№5—6). Они были распространены главным образом во II и в начале I веков до н.э. и в Чехословакии. 1 — Леднице в Моравии; 2 — Нейдек в Моравии; 3—4 — Козланы в Моравии; 5 — Желеч в Моравии; 6 — Страдонине у г. Лоуны в Чехии.

Сами военные отряды были вооружены тяжёлыми железными мечами длиною свыше 80 см, которые носились в ножнах на кожаных, железных или бронзовых поясах. Эти тяжёлые мечи были обычными ещё в V веке (о них упоминает, например, Полибий при описании битвы у Теламона в 225 г.), и в среднеевропейских могильниках III и II веков они являются обычным инвентарём мужских захоронений; в большинстве случаев в таких могилах похоронены

простые воины—пехотницы из свободных слоёв или из клиентов. В вооружение входило также копье, которое вместе с древком и наконечником иногда достигало в длину более 2 м; копейщики были важной частью кельтских войск, и древние источники о них упоминают особо. Кельтский щит чаще встречается с середины III века; он был продолговатым, чаще овальным или четырёхугольным с закруглёнными углами. Первоначально эти щиты были деревянными, без сложной оковки, позже были снабжены умбоном в центре (защищающим руку, держащую щит), а по краям окованы бронзовым или железным листом. Реконструировать кельтские щиты легко, так как в некоторых местах они сохранились почти полностью (Латен в Швейцарии или массовая находка деревянных щитов с деревянными умбонами в торфянике в Хьортспринг в Ютландии); они представлены совершенно точно и в скульптурных изображениях кельтских воинов (таб. XIX). Мотив щита появляется и на кельтских монетах. Высота некоторых щитов достигала более 1 м, доходя иногда и до 170 см, так что в могиле они часто прикрывают всё тело воина (Велка Маня); они были однако довольно тонкими, в середине около 11 мм, по краям всего 3—4 мм. Эти археологические данные совпадают с рассказом Цезаря о том, что одним копьем можно было пробить и соединить друг с другом несколько галльских щитов, так что позже они стали скорее бременем, и галлы от них отказывались.

Броня и шлемы в кельтских войсках были редкостью и встречались только среди знати; те, что сохранились, отличаются художественной обработкой (рис. 11).

О мужских поясных цепях упоминалось уже выше. В Англии и в Бретани были найдены пращи, из которых метали камни. Простой кельтский воин кроме оружия имел очень мало украшений, чаще всего железные фибулы, которыми он скреплял свою одежду.

В период кельтской экспансии в составе войск кроме пехотинцев фигурируют также военные колесницы и конница. Боевая колесница на двух колёсах появляется с конца V века. Воины на этих колесницах быстро проносились в разных направлениях, выпускали стрелы, а стук колёс и ржанье коней вызывали панику в рядах врага. Избрав удобный момент, они спрыгивали с колесниц и сражались в пешем строю, возникшие же с колесницами отступали в задние ряды. Благодаря ежедневной тренировке кельты умели безукоризненно управлять лошадьми, так что могли остановить их и на самом быстром аллюре и повернуть обратно. Во время езды на колеснице они якобы бегали по дышлу и становились даже на ярмо. Захоронения с двухколёсными повозками изучены пока лучше остальных на западе, в рейнско-французской области. В Англии этот способ ведения боя удержался очень долго.

Рис. 25. Бронзовые поясные цепи кельтских женщин: 1 — Манхинг, Бавария. Общий вид застёгнутого пояса; 2—3 — Голиаре, Словакия. Крючки-застёжки поясных цепей, украшенные эмалью, в захоронениях женщин.

Конница континентальных кельтов, особенно на западе, комплектовалась из высших аристократических кругов. Она играла важную роль уже во время войн на Балканах и в Греции. Греческий автор Павсаний пользуется кельтским выражением III века «тримарцисиа», означавшим трёх всадников — одного

благородного и двух сопровождающих, которые могли подать ему свежего коня или в случае необходимости защитить его. Количество конников возрастало главным образом во время борьбы с римлянами. Остальные воины сражались в пешем строю в отрядах по племенам; часто на их штандартах было изображение кабана (рис. 14). Вообще кабан во всём кельтском мире играл особую роль, о чём мы ещё будем говорить в главе об искусстве и религиозных представлениях.

Способ ведения боя

Кельтские войска были известны своей отвагой и мужеством; женщины сражались так же отважно, как и мужчины. Вражеские укрепления кельтские воины брали с помощью деревянных лестниц, крепостные стены окружали, бросали на укрепления множество камней, чтобы на них никто не мог стоять. Во время штурма они делали крышу из щитов, подкапывали стены, поджигали ворота. Иногда кельты в качестве защиты использовали и повозки. С возвышенных мест одни метали стрелы, другие поражали врагов копьями и дротиками. Кипящая смола и куски сала, подаваемые из рук в руки, бросались в сторону врагов, чтобы не дать утихнуть пожару.

Бой отличался жестокостью. В некоторых областях кельтского мира иногда встречается особый культ отрезанных голов. По древним представлениям голова символизировала всего человека, и, вероятно, на основе этих представлений возник жестокий культ голов; воин привозил домой на шее своего коня отрезанную голову побеждённого врага, как военный трофей, и прибавал её к стене своего дома. Головы знатных лиц даже бальзамировались, а потом показывались гостям, как осязаемое доказательство храбрости хозяина. Об этом культе нам известно от древних писателей (Диодор, Страбон), он нашёл художественное отображение в южнофранцузских областях в особых святилищах, о которых будет упомянуто ниже (Энтремон, Рокепертус). Согласно Орозию, скордиски в нижнем течении Дуная использовали черепа врагов (в том числе и с волосами) в качестве кубков. И на кельтских монетах мы часто находим изображение воина, держащего в руке отрубленную человеческую голову. Необходимо указать, что на средневропейских кельтских могильниках иногда встречаются захоронения покойников, у которых отсутствуют головы, например, в Летках у Праги.

В древние времена кельты были даже отважнее германцев, и об их отваге с похвалой отзывается Цезарь ещё в последнем веке. Однако в этот период их мужество быстро шло на убыль, особенно там, где благодаря соприкосновению с южной высокоразвитой средой кельты привыкали к высокому жизненному уровню. Позднее в этом отношении самую большую роль сыграло римское влияние. Пришло время, когда кельты уже избегали столкновений и битв и отступали перед отважными набегами германцев.

VII. Экономическая база и уровень цивилизации кельтского общества

Дом и село

Большая часть кельтского населения жила в деревнях среди полей. Дома строились из дерева и крылись соломой, легко загорающейся, так что поджечь большое количество поселений в военное время не представляло труда. Сведения, сообщаемые древними писателями Цезарем, Тацитом, Страбоном и Плинием, в общем соответствуют результатам археологических исследований; они говорят не о каких-либо пышных жилых постройках, а скорее о хижинах, возведение которых не было ни сложным, ни слишком дорогим.

Найденные до сих пор основания домов в Средней Европе в большинстве случаев несколько углублены в землю, иногда до полуметра, а в некоторых местах и более. Чаще эти постройки были четырёхугольными. Вдоль длинной оси по краям дома находились два деревянных столба на расстоянии около четырёх метров друг от друга, которые, по-видимому, служили опорой основания крыши. У одной из стен, обычно более длинной, оставался небольшой земляной выступ — нечто вроде лавки. Примеров подобных построек достаточно (латенское поселение у Тухловиц в окрестностях г. Нове Страшечи, в Собесуках и Тршисколупах в районе г. Жатец, в Гостомицах у г. Билина в Чехии и др.). В большинстве случаев это небольшие дома, основание которых, как установлено, обычно достигает в длину 5—7 м. Но в Чехии пока ещё очень трудно отличить жилые постройки поселившихся здесь позже кельтов от построек исконного местного населения.

В позднелатенское время чаще всего начинают появляться постройки на каменном фундаменте (террасообразной кладки без раствора; последний применяется в кельтской области благодаря римскому влиянию лишь в конце последнего столетия); они известны и в Средней Европе, особенно в южной Чехии (Кбельнице у г. Страконице — хижина 6х3 м с каменным фундаментом). Иногда жилища углублялись в землю до каменистого основания (Куржимены у г. Страконице). Некоторые позднелатенские постройки довольно длинны (до 13х3,5 м), с глинобитным полом, отчасти выложенным камнями; стены из кругляка скреплены железными гвоздями и скобами, иногда оштукатурены, двери уже снабжены хорошими замками с железными ключами (Карлштейн у Рейхенгаля, Верхняя Бавария). Очаг помещался внутри жилища часто в небольшой нише. То же наблюдается и в некоторых оппидумах. Дома и хижины эдзев в Бибракте стояли на каменном фундаменте сухой кладки, а иногда также частично углублялись в землю, так что внутрь вели каменные ступени. Встречаются однако и свайные постройки и хозяйственные пристройки с кольцевым основанием, способы возведения которых были различными (использовались, например, плетни).

В некоторых областях четырёхугольные постройки с каменным фундаментом соединены стенами, образующими двор, а несколько дворов составляют деревню (Вассервальд у Цаберна в Вогезах). Внутреннее устройство домов различно; чаще всего они состоят из одного помещения, но иногда насчитывают несколько помещений, даже четыре. Система дворов встречается также в некоторых оппидумах, например, в Гразанах в Чехии.

В Шотландии и Ирландии кельты строили жилые дома сухой кладкой, с двойными стенами, промежуток между которыми заполнялся мелкими камнями. В болотистых низменностях Ирландии они воздвигали большие избы и на

искусственных островах, укрепленных деревом и камнем (crannogs). Кроме того в Ирландии существовало много тысяч «raths», укрепленных кельтских поселений, в большинстве случаев на возвышенных местах, защищенных земляным валом и рвом; в областях, богатых камнем, им соответствуют «cashets».

Земледелие и землевладение

Экономической базой кельтского общества были земледелие и скотоводство, которыми на западе кельты занимались сами. На востоке, особенно в Средней Европе, где кельты составляли лишь верхний слой, они отчасти опирались на сельскохозяйственное производство местного населения.

Земледелие в Галлии приносило значительные доходы, и в последнем столетии до нашей эры страна считалась богатой. Сам Цезарь в течение почти восьмилетней войны получал для своей многочисленной армии провиант, главным образом хлеб, непосредственно в Галлии. Там возделывались все виды зерновых — пшеница, ячмень, рожь и овёс. Ирландские кельты долгое время из зерновых возделывали главным образом ячмень, из которого варили кашу, пекли хлеб и приготавливали пиво; по-видимому, такое же положение было и в других местах. Кроме того, культивировались свёкла и репа, лён, конопля, затем лук, чеснок, некоторые виды овощей и растения, необходимые для получения красителей. Главным образом использовался колос, зерно. Зерно хранилось в особых складских ямах, вырытых в земле (silos) по соседству с домом или прямо во дворе; мы находим большое количество таких ям в оппидумах позднего времени (см. ниже), например, в Манхинге в Баварии. На юге современной Франции (оппидумы в Анзерюн, Cayla de Mailhac) складские ямы выкапывались в известковой почве, а позже в лангедокской области были заменены большими глиняными сосудами. Помол зерна в латенское время производился уже на ручных мельницах, состоящих из двух круглых жерновов того же типа, который в некоторых частях Европы сохранился до нового времени.

Важную роль играло скотоводство, которое в некоторых областях, в зависимости от их характера, например, в гористых районах Рейна или в Ирландии, имело первостепенное значение. Большую часть года стада паслись на лугах и пастбищах, летом перегонялись на более высокие места. Разводились главным образом свиньи, крупный рогатый скот, овцы и лошади. Свиноводство базировалось на наличии дубовых зарослей. Однако и охота на диких вепрей, кабанов (наряду с охотой на оленей и других диких животных), была весьма распространена; зубы кабанов, обычно окованные и обработанные в виде подвесок, являлись гордостью и украшением знати и клались в могилу. Уже начиная с гальштаттского времени мы находим в погребениях части скелета вепря, в захоронениях знатных лиц и целые костяки; в могиле женщины в с. Горни Ятов–Трнов на Ваге в Словакии, окруженной четырёхугольным рвом, находилось больше половины приблизительно годовалого домашнего кабана, как и в могиле воина №362. Кабан или по крайней мере его окорок является обычным приношением в латенских захоронениях; но голова всегда отсутствует. Реже там находят и кости крупного рогатого скота, весьма редко встречается коза и гусь (в четырёх могилах в Гурбанове в Словакии).

Сравнительно широко в Галлии было распространено овцеводство. Шерсть кельтских овец славилась даже в Риме. Выращивалось также много лошадей; согласно Тациту, галльская конница высоко ценилась ещё в римскую эпоху. Галлия снабжала римские армии на Рейне как тягловыми, так и верховыми лошадьми. Эпона, галльская богиня — покровительница лошадей, почиталась не только на западе, но и в восточных областях, например, в Паннонии.

В некоторых областях до настоящего времени сохранились следы древнего первобытного разделения земли на отдельные поля и клинья. Эту полевую систему часто считают кельтской, но она может быть и древнее, так как встречается и в тех областях, которые не были заселены кельтами: не только в южной Британии, но и в северо-западной Германии и Дании. В кельтской среде, конечно, полевая система была связана с представлением собственности на землю. Некоторые поля были точно определены или огорожены, другие оставались открытыми; размеры их различны. В особенности в Британии и Ирландии был распространен обычай окружать земельные участки рвами или различными заборами.

Кельтское понятие собственности на землю во время экспансии означало, собственно говоря, коллективную оккупацию вновь занятой земли. Эта завоёванная земля делилась между племенами, а затем внутри племени. Границей между племенами (особенно в Галлии) были пустопорожние земли, понятие границы отождествлялось с понятием пустыря или леса. Такие пограничные области между племенами служили также местом общих собраний или торговых сделок.

Французский учёный Г. Губерт, прекрасный знаток кельтского прошлого, предполагает, что на западе существовали два типа собственности: пахотная земля, принадлежащая семье, и пахотная земля, принадлежащая общине в целом. В Ирландии земля долго принадлежала племени, которое и разделяло её между семьями. В Галлии незадолго до римского завоевания большая часть земли принадлежала знатным собственникам; частная собственность там была известна и весьма развита. Во время экспансии право собственности на землю вытекало из права, основанного на победе отдельных групп или частей племени, которые и давали территории своё имя. Однако в стране имелось коренное население, и кельтский слой, как нам прекрасно показывают захоронения, вынужден был держать значительную часть мужского населения в состоянии боевой готовности, хотя, как кажется, регулярных воинских частей в виде гарнизонов не было. Действительное соотношение между собственностью на землю кельтов, с одной стороны, и коренного населения, с другой, нам не известно. Однако несомненно, судя по археологическим материалам, что коренное население продолжало вести хозяйство на своей прежней земле, хотя результаты его труда, по крайней мере частично, служили экономической базой господствующего слоя. Можно сделать заключение, что пришлые кельты на части земли вели хозяйство сами; об этом свидетельствуют и признаки перемещения населения внутри страны.

Ремёсла и развитая кельтская технология. Обработка металлов

Ещё в позднебронзовый век ремесло у кельтов вышло за границы простого домашнего производства. Возросшая добыча золота в рейнских областях послужила основой развития ювелирных мастерских, которые в большинстве случаев при помощи чеканки превращали золото в диадемы, венцы, браслеты и другие украшения. В гальштаттское время производство во многих отношениях специализировалось. Сложное изготовление деревянных повозок с хорошо обработанными втулками и спицами колёс требовало наличия искусных специалистов. Это ещё в большей степени относится к оковке этих повозок, при изготовлении которых железу придавали различные формы и часто комбинировали его с бронзой. Кузнечная работа уже на рубеже VII и VI веков достигает в Чехии довольно высокого уровня как в отношении изготовления кинжалов или мечей, так и художественной обработки чек гальштаттских повозок или сложных втулок и иных поковок. О высоком уровне этих работ свидетельствуют многочисленные находки. А так как речь идёт о местных изделиях, то несомненно, что уже в это время, самое позднее в VI веке, во всём кельтском мире, следовательно и в Чехии, была сильно развита металлургия, даже в гораздо большей мере, чем можно было бы судить по существующим находкам плавильных печей и следам металлургического процесса в целом.

Позднелатенская металлургическая техника сделалась основой средневропейской цивилизации вообще. Во время кельтской экспансии необходимо было снабдить военные отряды высококачественным оружием. С течением времени кельты овладели производством железа и кузнечной техникой во всех деталях и изготавливали специализированные орудия и инструменты: железные напильники, рашпили, свёрла со спиральным резцом, различные виды топоров, молотов и клещей, пробойники, кочерги, клёпки, специальные резцы для бондарей, ножи, пилки, косы, бороны, плуги и т.д. Разумеется, эти изобретения нельзя приписывать только кельтам. Во время своих походов кельты познакомились со способами производства в других, более развитых странах; заслуга же их состоит в том, что, стремясь увеличить производство, они не только внедрили различные рабочие процессы, но и приспособили к ним свои орудия, а затем весь этот технический прогресс стал достоянием Средней и Северной Европы. Кельты планомерно отыскивали железную руду, особенно там, где она выходит на поверхность. Так в Чехии возникли крупные центры в районе г. Нове Страшечи, далее у подножья Крушных гор, а позже и в южной части страны, в Моравии в области городов Простейов и Брно.

У одного дома в Мшецких Жехровицах у г. Нове Страшечи в Чехии, где также была найдена известная голова кельта из известняка, на пространстве перед крытым помещением находилась железоплавильная печь (горн); мастер, занимавшийся производством железа, одновременно занимался и изготовлением сапропелитовых кружков — украшений. Следы подобного сочетания обоих производств мы находим во многих местах в районе г. Нове Страшечи. Однако с конца III века и особенно во II веке производство явно приобретает массовый характер. Поэтому в Кладненской области существуют очень старые традиции, опирающиеся на обработку железной руды и сапропелита ещё в последние века до н.э. Первоначально это было домашнее производство. Однако количество сапропелитового сырья, полуфабрикатов и почти готовых изделий, найденных при

археологических исследованиях в области г. Сланы (Краловице, Горжешовице) и г. Нове Страшеци (Мшец, Мшецке Жехровице, Гонице и др.), намного превышает предполагаемый местный спрос. Сапропелиты (сапропеливые угли, неправильно называемые лигнитом) в области городов Кладно — Раковник выступают над угольными слоями часто на самую поверхность: это отложения, бурое угольное вещество, похожее на шифер; оно легко обрабатывается, и ему придавался вид чёрных кругов—браслетов (мы часто находим их в кельтских могилах) и небольших колец. Кельты в этих местах систематически добывали сапропелит, обрабатывая его для сбыта в отдалённые области. Другая, менее крупная область выхода на поверхность сапропелита в северо—восточной Чехии между городами Семилы и Ичин, эксплуатировалась лишь частично. Новейшие исследования М. Клауса обнаружили изделия из сапропелита даже в Пипинсбурге у Остенрода (область массива Гарц в Германии), а лабораторные анализы обнаруженных там находок и находок в Краловицах у г. Сланы доказали тождество материала. На этом основании можно предполагать, что уже во II веке до нашей эры была организована торговля этим сырьём и изделиями из него между Чехией и весьма отдалёнными странами.

Вскоре кельты переходят также к массовому производству железа и железных изделий. В с. Тухловице западнее г. Кладно была открыта целая металлургическая мастерская с батареей железоплавильных печей и со множеством железного шлака, в с. Хине — другая мастерская с печами, в г. Подборжаны — две печи, в с. Выклице у г. Усти на Лабе — подобные же печи. В Костомлатах у г. Нимбурк была обнаружена наполовину врытая в землю печь, предназначенная непосредственно для производства железа. Ко всему этому следует добавить развитое производство железа в кельтских оппидумах, как в Бибракте во Франции, так и в оппидумах в Чехии и Моравии (Градиште у г. Страдонице, Тршишов у г. Чески Крумлов, Старе Градиско). Благодаря хорошо организованному производству железо сделалось обычным металлом, доступным для всех деревенских поселений. Руда плавилась в шахтовых печах при помощи древесного угля; получаемому продукту иногда придавался вид гривен продолговатой формы с двумя заострёнными концами весом в 6—7 кг. Мы находим их, начиная с позднегалльштатского времени, в Швейцарии, южной Германии, во Франции и Англии, о них говорит и Цезарь, который хвалит умение аквитанских и битурижских горняков. Железо в болванках, вывозилось и в некельтские, в частности в германские, области и иногда играло роль монет при торговых сделках.

Не менее развита была и добыча серебра и особенно золота. Галлия считалась золотоносной страной. Однако в 3 и 2 веках галлы добывали золото в разных частях Европы, не только на берегах Рейна и Дуная, но и в южной Чехии на берегах Отавы, где Б. Дубский обнаружила [в] Модлешовицах хижину кельтского старателя. Ф. Ношенный приписал кельтам около 75 км² промытой породы в бассейне Отавы; весьма возможно, что промывка производилась также в области г. Сушице. Большое количество полученного этим путём золота шло на чеканку кельтских монет.

Домашнее производство и последующее массовое производство.

Отдельные производственные отрасли

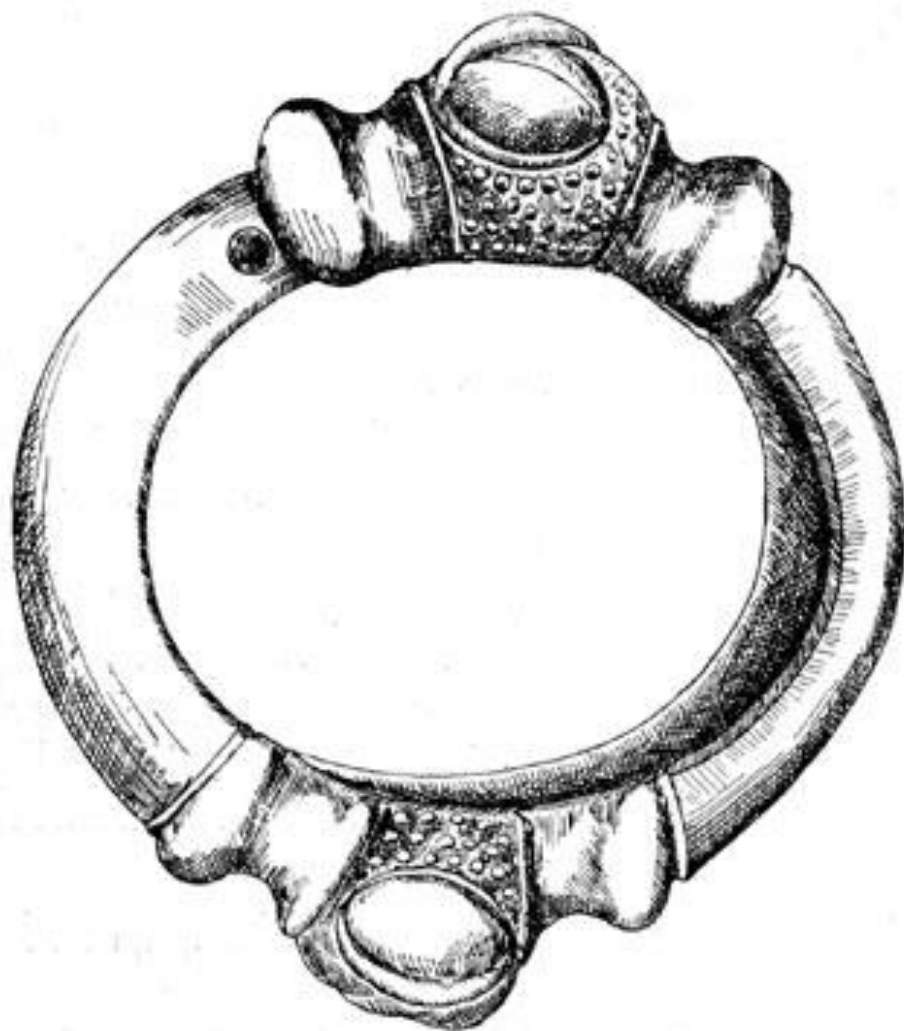
Можно было бы назвать много других производственных отраслей, от высококачественного домашнего производства до организованного производства массового характера крупных мастерских, которые уже во II веке работали не только на местный рынок, но и на вывоз в отдалённые области или которые кельтские предприниматели с конца II и начала последнего веков основывали также на некельтской территории, например, в части Польши или в средней Германии. Это, конечно, были не крупные предприятия, производство было в значительной степени распылено, так как в кельтском мире каждое племя и каждая область хотели иметь свои рудники, свои литейные и мастерские.

Блестящее искусство литья и чеканки металлов существовало ещё в гальштаттское время. Мы познакомились уже раньше с огромным количеством различных бронзовых застёжек и пуговицеобразных украшений на богатой конской сбруе, которых в некоторых могилах насчитывается до нескольких сотен, а также различных пряжек, розеток и других украшений ярм и разнообразных оковок повозок. В технике литья во всех подробностях были известны различные виды сплавов, и чем дальше, тем больше применялось литьё в обратную форму, особенно, когда в V веке мастерские начали изготавливать маскообразные фибулы и другие предметы с рельефами. Из воска искусно изготовлялась сложная модель будущего изделия, которая покрывалась глиняной оболочкой; когда глиняная оболочка засыхала, её обжигали, из готовой формы выливался растопленный воск, а форму наполняли расплавленной бронзой. По окончании процесса глиняную форму разбивали, так что каждое изделие по существу было драгоценным уникалом. Эта кельтская техника в латенское время неустанно совершенствовалась и достигла кульминации во III веке до н.э., в период наибольшего расцвета пластического стиля. В это же время весьма распространилась и художественная ковка, когда из железа делались сложные украшения, фибулы и разные розеткообразные браслеты (рис. 20), которые выдерживают самую строгую критику (Понетовице в Моравии). Письменные источники свидетельствуют о том, что кельтские ремесленники сумели завоевать известность и в высокоразвитых южных областях: в Риме жил кельтский кузнец Геликон, которого там называли Бреннус.

В более позднее время латенского периода сильно распространилось эмальерное искусство. Оно вытеснило гальштаттско-латенский способ украшения кораллами, который уже не удовлетворял растущего спроса и, начиная со II века, вставками из эмали украшались различные предметы ежедневного обихода и военные щиты, оковка ларцов для драгоценностей и детали конской сбруи. Мастерские эмальеров были рассеяны по всему кельтскому миру и их существование доказано в Чехии, например, в Градиште у Страдониц. С середины II века возрос спрос на стеклянные браслеты, часто украшенные бородавчатыми выступами (таб. XXIX) и продольными рёбрами с цветными стеклянными полосками на поверхности. Их производство было распространено в западной части кельтского мира, в рейнских областях, в части Франции и Швейцарии, где их находки особенно многочисленны. Здесь пустили корни традиции стеклоделия,

которое позже сыграло такую важную роль в римскую эпоху и эпоху переселения народов. Самый восточный пункт этого производства пока обнаружен в Баварии, в оппидуме в Манхинге, где были найдены также необработанные куски стеклянной массы, но не исключено, что это производство проникло и в Чехию, хотя у нас пока нет бесспорных доказательств этого. Однако и в Чехии мы находили значительное количество стеклянных браслетов и различных цветных бус.

Рис. 26. Пластический бронзовый браслет из кельтской могилы, Новый Бидшов, Чехия, Диаметр 56 мм. Венский музей.

Развитое кожевенное производство поставляло сырьё для седельщиков и сапожников, а большое количество кожи требовалось также для бытовых нужд населения и снаряжения воинов. Весьма распространены были кожаные куртки; мы находим их в качестве приношения на алтаре в Пергаме в Малой Азии, а торс героя в Энтретон облачён в такую же одежду. Длинный железный меч, который клали в могилу по галльскому обыкновению с правой стороны, чаще всего носился на кожаном поясе, из кожи же изготовлялся шлем или шапка. Некоторые французские области в кельтское время славились производством высококачественных тканей (Франш-Комте, Артуа, область лингонов). Аллоброги

снабжали тёплыми тканями войска Ганнибала во время его похода через Альпы в Италию. Древние писатели говорят также о высококачественных изделиях плотников и бондарей; это соответствует и результатам археологических раскопок, при которых наряду с остатками строений и укреплений находят специальные железные инструменты, например, для производства бочек, бочонков, стянутых обручами, и разных кадок. На берегах Атлантического океана развернулось строительство кораблей.

Особое значение имели гончарные мастерские, производившие керамику на гончарном круге. Этот совершенный способ производства появился в некоторых местах уже в V—IV веках, но большая часть керамики ещё долго изготовлялась вручную. Однако во II и в начале последнего века мы наблюдаем уже по всей Европе, в том числе и в Чехии, Моравии и Словакии, весьма густую сеть гончарных мастерских, в совершенстве владеющих производством керамики на гончарном круге. Иногда это были своего рода посёлки гончаров, как, например, в Братиславе у замка или в с. Шаровце. В них были целые серии гончарных печей с топкой, приводными каналами и глиняными колосниками с круглыми отверстиями. Такие центры, количество которых неустанно возрастало, снабжали широкую округу изделиями высокого качества и кроме чисто кельтских типов керамики изготовляли и типы, обычные для коренного населения, удовлетворяя его спрос. Сближение обеих групп населения в странах, оккупированных кельтами, теперь шло очень быстро, и развитая латенская культура оказала огромное влияние на культуру исконного местного населения, которое в других отношениях до этого времени во многом сохранило свою самобытность. Графитная керамика, на которую был большой спрос, вывозилась и в отдалённые области. Для периода расцвета кельтских оппидумов особенно характерна расписная керамика; в Карпатской котловине в последнем веке её производством занимались некоторые некельтские или лишь кельтизированные центры.

Равно и производство вращающихся мельниц для помола зерна было очень специализировано и опиралось на высококачественные виды каменного сырья, например, в Чехии у подножья Кунетицкого холма у г. Пардубице, в Словакии главным образом в районе г. Штявница. Эти мельнички, составленные из двух каменных кругов из зернистого материала (иногда они весят свыше 40 кг), у нас распространились лишь в латенское время (рис. 48), а затем были в обиходе и в течение средневековья и в начале нового времени.

В период расцвета латенской культуры кельтские мастерские владели почти всеми производственными процессами и технологией и в этом отношении действительно завершили развитие цивилизации в Средней и Северной Европе. Они создали основу, из которой исходили все последующие столетия. Мы видели уже выше, что неустанно возрастающая концентрация кельтского заселения в Средней Европе прямо вызывала эти глубокие общественно-экономические изменения. Необходимо было собственной хозяйственной деятельностью возместить то, что прежде приносила военная добыча, искать новые ресурсы, новые возможности и опереться непосредственно на среднеевропейскую среду. Поэтому этот период расцвета оказал на соседние области столь сильное влияние, сказавшееся и в районах, расположенных далеко на севере (до самого Балтийского моря и южной Скандинавии), глубоко в Польше и в значительной части Украины.

Предшествующая военная экспансия ныне сменилась экономическо–торговой экспансией, отдельные группы кельтских производителей даже основывали свои мастерские, по всей вероятности, и вне границ собственно кельтской сферы, например, в Польше, в области г. Кракова. Это переплетение кельтского и некельтского в середине последнего века зашло так далеко, что в некоторых европейских областях мы уже с трудом различаем, что является продуктом ещё чисто кельтским, а что местным. Технику производства перенимала также некельтская среда и развивала её в соответствии с потребностями и прочими условиями.

Об этом напоре кельтской цивилизации, экономики и торговли перед концом старой эры лучше всего свидетельствуют два характерных, специфически кельтских признака: укреплённые кельтские центры — оппидумы с большой концентрацией населения и кельтское монетное дело, древнейшее во всей Средней Европе.

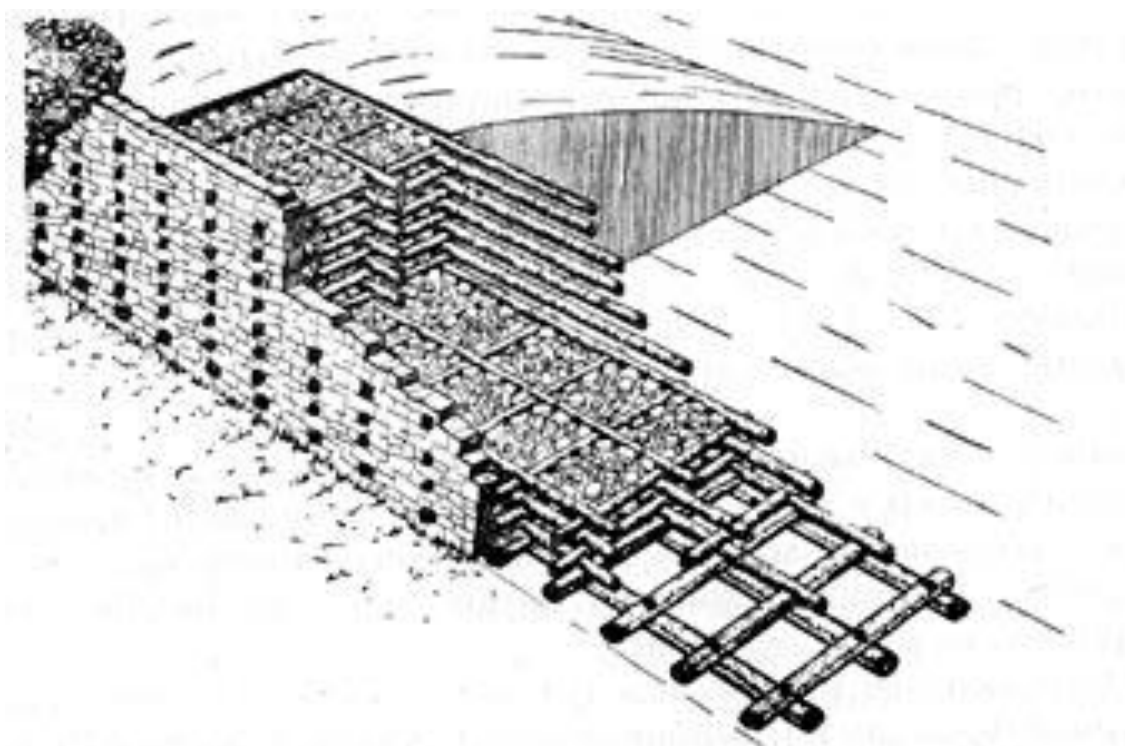
Кельтские оппидумы и их система укреплений

«Оппидум» означал первоначально укреплённое место, защищённое валом — стеной и рвом; обычно они были расположены на возвышенных или мало доступных местах. Название, по–видимому, возникло от латинского «*ob pedes*», так как это пространство, как замкнутый объект, приходилось обходить. В научной литературе отдельных стран этим названием пользуются для обозначения укреплённых мест самого различного характера; иногда под ним подразумевают места, служащие убежищем (рефугиум) для населения всей области во время грозящей опасности, а иногда места, постоянно населённые, со значительным производством, отождествляемые не всегда правильно с понятием древнейших городов. Характер кельтских оппидумов не одинаков, и без систематического обследования отдельных объектов трудно решить, что здесь было — рефугиум, усадьба князя или центр, напоминающий в некоторых чертах возникшие позже города.

Ещё в древние времена, кроме укреплённых замков князей, у кельтов были также укреплённые городища–убежища, часто расположенные на высоких недоступных местах, которые приобретают особо важное значение во время больших передвижений в позднегальштаттское и гальштаттско–латенское время, с конца VI и вплоть до IV века. К ним относится также много мест в Средней Европе, особенно в южнечешской курганной области. Городище Венец на холме Пржмо у Лчовиц в поречье Волыньки расположено на высоте 763 м над уровнем моря. На вершине до сих пор сохранились мощные каменные валы (отсюда название Венец). Сочетание крутых откосов и скалистых обрывов с каменным валом делало Венец почти неприступной крепостью с внутренним доминирующим детинцем (90х70 м, вал протяжением 1529 м) и с внешним городищем, разделённым на две части, окружность которых равняется 668 и 1140 м. Ещё в V веке, а время от времени и позже, в латенский период городище несомненно служило временным убежищем, но постоянного населения оно не имело, как и сильно укреплённое городище Седло у г. Сушице (таб. XVI).

Седло — самое высокорасположенное городище в Чехии (около 900 м над уровнем моря). И здесь были использованы скалистые склоны и обрывы, которые дополнялись каменным валом. Возникло сооружение продолговатой формы с осями 403х114—32 м, служившее убежищем уже в V веке, когда народ в беспокойное время уходил в леса и горы вместе со своим скотом; для временного пребывания здесь были построены простые хижины. Городище служило убежищем и в более позднее время, не только в латенское, но и в эпоху Римской империи. Эти убежища, однако, не были оппидумами в полном смысле слова. Необходимо напомнить, что в гальштаттско—латенское время был построен целый пояс таких более или менее крупных городищ, который шёл по нынешней юго—западной границе Чехии в направлении на Байрейт в Баварии и по территории на север от реки Майн в южной части Тюрингии.

С середины II века до н.э. кельтские оппидумы в настоящем смысле слова строились как стратегические укрепления и производственные центры, из которых многие на рубеже II и последнего веков представляли собою поселения с значительной концентрацией населения. Кроме влияния городской среды южного мира и южнофранцузского примера (см. ниже), сказывалось также давление извне, со стороны германских племён; натиск кимбров около 113 г. до н.э. был особенно силен. Этот напор на разные части кельтского мира вызвал во многих местах катастрофу, а потому и в других областях необходимо было своевременно принять меры предосторожности. Если учесть происходящие перемены в экономической структуре Средней Европы, то становится понятным, что группы, производящие большое количество движимых ценностей, предпочитали пребывание за стенами подобных сооружений.

Рис. 27. Murus gallicus, настоящее галльское укрепление конца II и первой половины I в. до н.э. В лицевой стороне стены видны лишь концы деревянных балок. — По исследованиям К. Г. Вагнера на оппидуме Манхинг у Ингольштадта.

Есть, конечно, разница между кельтскими оппидумами в современной Франции и Швейцарии и оппидумами в Средней Европе. Небольшие племенные крепости и крупные объекты, служащие убежищем, на западе существовали и раньше. О галльских оппидумах последнего столетия наиболее полные сведения нам даёт Г. Ю. Цезарь. Отдельные племена имели несколько оппидумов, у гельветов, по его словам, их было 12, из которых лишь некоторые были очень крупными. Во всей Франции мы можем предполагать существование не менее 200 оппидумов. Среднеевропейские оппидумы отличаются иногда более крупными размерами, и было бы ошибочным считать их во всех случаях образованиями городского типа. Некоторые из них действительно представляли собою важные укреплённые центры с мастерскими и собственными монетными дворами и основывались в местностях, где были ископаемые богатства, железная руда или графит. Иногда использовалось уже заселённое или укреплённое место. Другие оппидумы имели в первую очередь стратегическое значение, иногда лишь оборонительное, когда в последнем веке усилился германский напор, и наскоро воздвигаемые укрепления (кое-где уже не законченные) должны были хотя бы на время отдалить упадок кельтского могущества.

Стены укреплений кельтских оппидумов строились двумя способами. Описание Цезарем так наз. галльской стены (*murus gallicus*) в настоящее время подтверждено результатами многих археологических исследований. Этот способ применялся в первую очередь на территории современной Франции, где известно около 24 таких укреплений, затем в Швейцарии, в Бельгии, а кое-где и на британских островах. В Средней Европе такая стена встречается редко, самым восточным пунктом пока считается Манхинг у Ингольштадта, в Баварии. Галльская стена строилась на материковой земле (рис. 27—28), причём продольные и поперечные балки, скреплённые на перекрестиях длинными железными гвоздями (укрепление типа Аварик), образовывали клетки, заполняемые щебнем и камнем; лицевая сторона представляла собою стену сухой кладки из камня, уложенного слоями. Так сооружалась стена шириною до 3 м, устойчивость которой обеспечивалась её деревянной конструкцией; её трудно было пробить или поджечь, так как с внешней стороны были видны только концы поперечных балок, а не целые балки; за стеной, т.е. внутри укрепления, была ещё широкая наклонная насыпь, так что не только пехота, но и конница могла быстро подняться на укрепление высотой в несколько метров. Некоторые исследователи ошибочно утверждают, что этот способ возведения укреплений стал обычным лишь во времена Цезаря.

Он должен был быть известным ещё в конце II века, так как в Манхинге галльская стена обнаружена наряду с более старыми укреплениями.

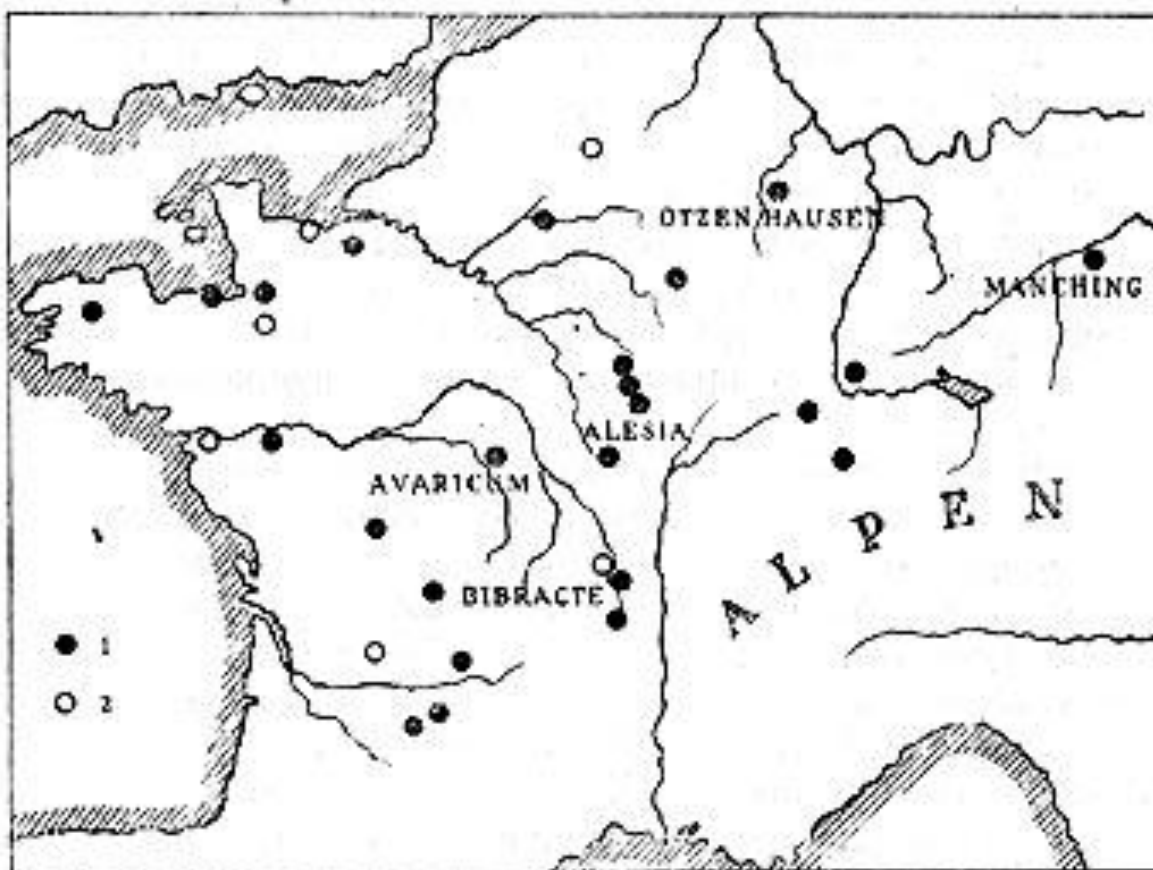

Рис. 28. *Murus gallicus*, главная область распространения. (1 — установленные находки, 2 — предполагаемые находки). Исправленная и расширенная карта М. А. Коттон.

Второй способ укреплений оппидумов более древний, он был известен ещё в гальштаттское время и широко применялся и в латенское время, иногда даже при перестройке оппидумов или реконструкции их укреплений, так что в некоторых оппидумах мы встречаемся с обоими типами (Манхинг). Со вторым способом мы познакомились уже в замке Гейнебург (рис. 4), а при археологических исследованиях он был обнаружен и в оппидумах Чехии. И здесь укрепление имеет деревянную конструкцию и каменную стену с внешней стороны, но последняя поддерживается вертикальными, врытыми в землю балками, видимыми издали; до настоящего времени в лицевой стороне таких стен мы обнаруживаем вертикальные пустые полосы.

Ворота в английских и германских оппидумах имеют часто «улицеобразный» (так наз. клещевидный) профиль: стены с обеих сторон загибаются внутрь и образуют узкий коридор, иногда длиной 20—40 м. И этот способ был уже известен в гальштаттское время. В Чехии, например, мы встречаемся с ним в городище Плешивец у г. Горжовице.

Сооружение многих из этих оппидумов было очень трудоёмким; необходимо было собрать огромное количество камня и дерева. Только при хорошо организованной работе крупных коллективов можно было в короткое время построить такие укрепления высотой и шириной в несколько метров.

Из галльских оппидумов Цезарь описывает Аварик, центр битуригов. Это единственный галльский оппидум, который Цезарь взял штурмом в 52 г. во время галльского восстания под руководством Верцингеторига и который несколько напоминает Отценхаузен в рейнской области, главный центр треверов. Многие галльские оппидумы возникли именно во время римского продвижения и вследствие сильного римского влияния приобрели полугородской характер. Аварик был якобы самым укрепленным и самым красивым, хорошо защищенным рекой и болотами.

Бибракту, главный центр эдуев на холме Бовре, примерно в 27 км от нынешнего города Отен, Цезарь описывает как самый крупный и самый богатый центр в Галлии; он сам перезимовал в нём после своей победы. Этот центр был расположен на значительной высоте, около 800 м над уровнем моря, на четырёх холмах, самый высокий из которых достигал 822 м. Он занимал площадь около 135 га, и по его склонам шли многочисленные террасы с жилыми домами. До настоящего времени это самый обследованный оппидум (раскопки производили Бульо и Дешелетт), и сделанные там находки во многом совпадают с находками в городище (Страдонице) у г. Бероун в Чехии. При раскопках были найдены многочисленные основания домов как галльских, так и римского времени. В галльских домах, построенных на каменном фундаменте сухой кладки или частично врытых в землю, в большинстве случаев было только одно помещение. Лишь после римского завоевания во второй половине последнего века здесь были построены обширные жилища, в которых было много помещений (с перистилиями и атриями). При императоре Августе (около V г. до н.э.) население переселилось во вновь основанный город Августодун (нынешний Отен), а в Бибракте осталось лишь святилище.

Алезия в стране мандубиев (нынешний Ализ–Сент–Рен), расположенная на высоком холме между двумя реками, была окружена стенами и рвом и занимала площадь около 97 га. Герговия (современный Клермон) занимала площадь 75 га, Новиодун — около 40 га. Оппидумы белгов (типа Фекамп) с поперечным валом, расположенные в большинстве случаев на мысе, часто имеют ворота улицеобразного (клещевидного) профиля. Но белги иногда считали лучшей защитой леса и болота; то же самое можно сказать и об Англии. Некоторые укрепления были возведены очень быстро. Нервии, которым угрожала опасность, обнесли якобы свой зимний лагерь насыпью в 10 футов и рвом шириною в 15 футов, окружностью около 3000 футов за неполные 3 часа. У них не было достаточного количества необходимых железных орудий, и они, якобы, вырезали дёрн своими мечами, землю выгребали руками и переносили её в своих плащах. Огромное количество людей, вероятно, выполнило эту работу очень быстро, но в данном случае речь шла не о постройке настоящей крепостной стены, а о временной защите лагеря.

Оппидум винделиков Манхинг у Ингольштадта в верхнем Подунавье в Баварии на важном перекрёстке торговых путей, расположен на высоте 360 м над уровнем моря и в настоящее время систематически обследуется. Укрепления, первоначально протяжением свыше 7 км и шириной до 12 м, окружали пространство приблизительно в 380 га, то есть почти в два раза превосходящее по размерам площадь Бибракты. Многочисленные находки оружия, сломанных

мечей, копий, железных поясных цепей и умбонов, как и лежащие в различных положениях человеческие скелеты говорят о военной катастрофе. Этому предположению отвечает и наличие двух типов укреплений: старые укрепления в виде настоящей галльской стены и усиливавшие их более поздние, воздвигнутые старым местным способом, с вертикальными деревянными столбами на лицевой стороне каменной стены. Широкая полоса вдоль внутренней стороны стены не была заселена и, вероятно, предназначалась для скота. Судя по находкам, очень густо был населён центр оппидума с местным производством оружия, стеклянных браслетов (стекло—сырец, по всей вероятности, сюда привозилось), керамики, развитым литьём металлов и собственным монетным двором. О местной чеканке монет свидетельствуют находки глиняных форм для отливки мискообразных полуфабрикатов — монетных кружков и готовых золотых монет. Недалеко от оппидума (Штейнбихль) находится кельтский могильник, второй был внутри оппидума (Гунсрюкен). В деревне Иршинг, примерно в 6 км на северо—восток от оппидума, в 1858 г. было найдено свыше 1000 золотых кельтских монет («радужные чашечки») в 1936 г. в самом оппидуме был обнаружен клад — сосуд с серебряными кельтскими монетами. Около 15 г. до н.э. оппидум был взят римлянами, и его кельтское название в римскую эпоху было забыто.

Оппидум Кельгейм на северном берегу Дуная приблизительно в 30 км на северо—восток от Манхинга (оппидум Алкимоеennis географа Клавдия Птолемея) был ещё обширнее (площадь около 600 га), его защищали два поперечных вала между двумя реками, Альтмюлем и Дунаем (рис.30). О других кельтских оппидумах на германской территории в этой связи мы можем лишь коротко упомянуть. Гейдеграбен у Грабенштеттена севернее Ураха в Вюртемберге, расположенный на высоте около 700 м над уровнем моря, представляет собою целую систему укреплений площадью свыше 1400 га и имеет 30 км в окружности; его внутренний центр (1700x1800 м) прекрасно защищён клещевидными воротами. Цартен у Фрейбурга в Бадене, Тародунум Птолемея, когда-то центр гельветов, окружён валом и рвом шириною в 12 м (до сих пор он не был систематически обследован); его площадь занимает около 200 га. Доннерсберг в Пфальце на Рейне, скорее рефугиум, одно из крупнейших укреплений в Германии, на высоте 800 м над уровнем моря, около 7,5 км в окружности, имеет более древнюю историю; сделанные там находки относятся к позднегалльштаттскому времени. Позже укрепления расширялись, но, очевидно, работы не были доведены до конца; ворота имеют клещевидный профиль. В Альткениге в области возвышенности Таунус на высоте 798 м над уровнем моря, защищённом двойным валом, обнаружены также находки галльштаттского и латенского времени; вместе с предградьем он занимает весьма обширную площадь. Размеры Штаффельберга, расположенного на возвышенности, полностью господствующей над окружающей местностью, значительно меньше (около 40 га, таб. XXXIV). Штайнсбург на малом Глейхберге у Ремгильда в юго—западной Тюрингии на высоте 600 м над уровнем моря занимает площадь около 65 га и окружён длинными каменными укреплениями протяжением свыше 10 км; он имел большое значение в начале латенского времени. Вопрос, кто же владел им в последнем столетии — кельты или уже германцы, пока без систематического обследования решить нельзя. Ряд оппидумов можно найти и на швейцарской территории, у Берна (Энге—

Гальбинзель), в Альтенбурге, у Шаффхаузена на Рейне, в районах нынешних городов Лозанна, Женева и др.

Оппидумы на чехословацкой территории

Поздние кельтские оппидумы в Чехии в большинстве случаев расположены так, чтобы они были хорошо защищены с севера или рекой, или каким-либо другим препятствием. Самый известный из них и пока самый важный — Градиште у г. Страдонице недалеко от г. Бероуна на правом (южном) берегу реки Бероунки, занимает площадь около 82 га и расположен на высоте около 380 м над уровнем моря. Здесь были обнаружены самые богатые находки, хотя место не было систематически исследовано, а разрыто во второй половине прошлого века без всякого плана. Находка клада, состоявшего приблизительно из 200 золотых монет, в 1877 г. сразу привлекла внимание к этому месту, и за короткое время — за 3 года — самозванными археологами и коллекционерами был разрыт и уничтожен один из важнейших и богатейших кельтских центров в Средней Европе. Интерес к находкам в Страдоницах быстро рос, и некоторые предприимчивые люди приступили к изготовлению фальсификатов, которые до настоящего времени засоряют различные музеи в Европе. В большинстве случаев они попали туда из бывших частных коллекций, из которых коллекция Бергера в настоящее время находится в Национальном музее в Праге, а коллекция директора металлургических заводов Гросса в Венском музее.

Городище у Страдониц расположено на мысе, образованном слиянием Габровского ручья с рекой Бероункой. Система укреплений мало известна, лишь в нескольких местах были обнаружены остатки каменной стены сухой кладки шириною до 2,5 м. Общее расположение даёт основание предполагать наличие собственно городища и предградья (таб. XXXV и XXXVII); находки доказывают, что здесь был постоянно заселённый оппидум, в котором сосредотачивалось значительное производство, литьё металлов, кузнечное дело (в том числе массовое производство железных фибул), мастерские эмальеров, гончаров и др. Нет сомнений в том, что здесь также чеканилась монета, так как кроме монет были найдены такие же предметы, как и в Манхинге (глиняные дощечки с углублениями для отливки мискообразных золотых кружков). Находки, относящиеся ко второй половине последнего века, ясно говорят об оживлённых торговых связях с римской территорией, откуда привозились в Чехию различные товары, некоторые виды фибул, бронзовые сосуды, геммы и амфоры для вина; среди находок обнаружены также рамки восковых табличек для письма и первые в нашей истории кавалерийские шпоры, а также ключи от дверных замков. В конце последнего века кельты, по-видимому, утратили власть над этим оппидумом и уже в начале новой эры, по всей вероятности, он находился некоторое время под властью германцев. Очевидно на основе некоторых находок, относящихся к периоду на рубеже эр, археолог И.Л. Пич, который публиковал материалы о находках в Страдоницах, высказал предположение, что здесь был двор германского вождя Маробуда.

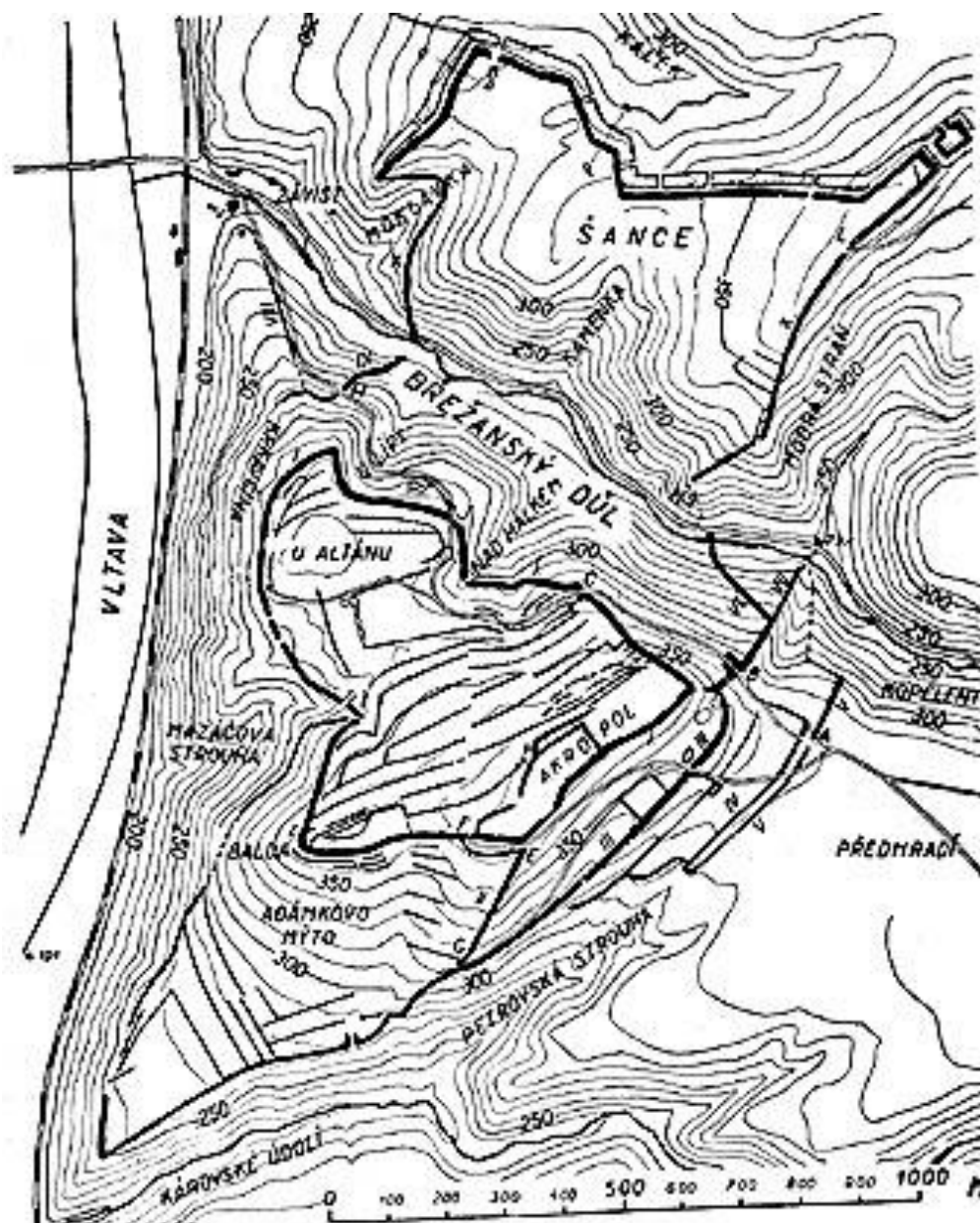

Рис. 29. Кельтский oppidum Градиште на Зависти у Збраслава. На вершинах холмов Градиште и Шанцы обширные укрепления. Собственно городище от площадки у «Алтана» к самому акрополю расчленено на узкие террасы. На площадке «Адамково мыто» находилось подградьё. Площадь всей крепостной системы равняется 170 га, городища — 27 га. Пока были сделаны лишь поверхностные исследования, систематические раскопки подготавливаются на ближайшие годы. Подробное описание: Протек — журн. «Паматки археологицке» 1947/48.

Обширная крепостная система Градиште на Зависти у г. Збраслав занимает вместе с так наз. Шанцами площадь около 170 га (само городище 27 га). Она состоит из двух частей, разделённых Бржежанским оврагом глубиной в 120 м. Собственно (южное) городище переходит на западе в площадку, возвышающуюся приблизительно на 150 м над уровнем Влтавы; на 50 м выше находится самый высокий пункт, акрополь (рис. 29 и таб. XXXVI и XXXVII). Всё городище

обнесено валом со рвом, местами (у акрополя) до сих пор высотой 6 м и шириной у основания 25 м. Площадь городища разделена на множество террас, на которых, по всей вероятности, стояли жилища. На южной стороне, приблизительно на 100 м ниже, расположено подградье («Адамково мыто»). От первоначальных стен из камня и дерева до нашего времени сохранился лишь каменный вал, до сих пор подробно не исследованный. В собственно городище были обнаружены следы заселения, относящиеся ещё к гальштаттскому периоду, а затем главным образом к раннелатенскому времени, к последнему столетию и его концу, между прочим и расписная керамика. Ведётся подготовка к систематическому исследованию городища, которое займёт продолжительное время.

К городищу соединительными валами через Бржежанский овраг присоединены так наз. Шанцы, тоже укрепленные, так что всё в целом образует обширную систему укреплений. К Шанцам примыкает выдвинутая вперёд какая-то крепостца, связывающая их с остальной местностью. Некоторые признаки указывают, что эта вторая часть системы строилась наскоро и не была закончена. Эта система укреплений в целом, общим протяжением около 9 км, с несколькими воротами, из которых некоторые имеют крылообразный (клещевидный) профиль, относится к наиболее мощным крепостным системам в Средней Европе, и её обследование в будущем несомненно даст ответ на много важных вопросов, касающихся эпохи рубежа старой и новой эр.

В настоящее время ведутся исследования в обширном оппидуме в Гразанах у г. Седльчаны на правом берегу реки Влтавы, приблизительно в 40 км южнее Праги. Оппидум расположен на мысе между Влтавой и ручьём Мастником на высоте около 400 м над уровнем моря. Место частично защищено скалистыми обрывами речного берега, но главным образом каменными стенами, на лицевой стороне которых остались вертикальные пустые полосы от столбов, врытых в землю. Нельзя, следовательно, в данном случае говорить о типичной «галльской стене». Площадь городища вместе с южным и северным предградьями составляет около 40 га. В городище вело по всей вероятности четверо ворот. Крылья ворот на севере, уже отрытые, были загнуты внутрь и образовывали проход длиной около 15 и шириной 6 м (таб. XXXVIII). В воротах и на дороге к ним сохранились до настоящего времени глубокие колеи от повозок, которые свидетельствуют об оживлённом движении. Ширина укреплений достигала 5—10 м, высота 4—5 м.

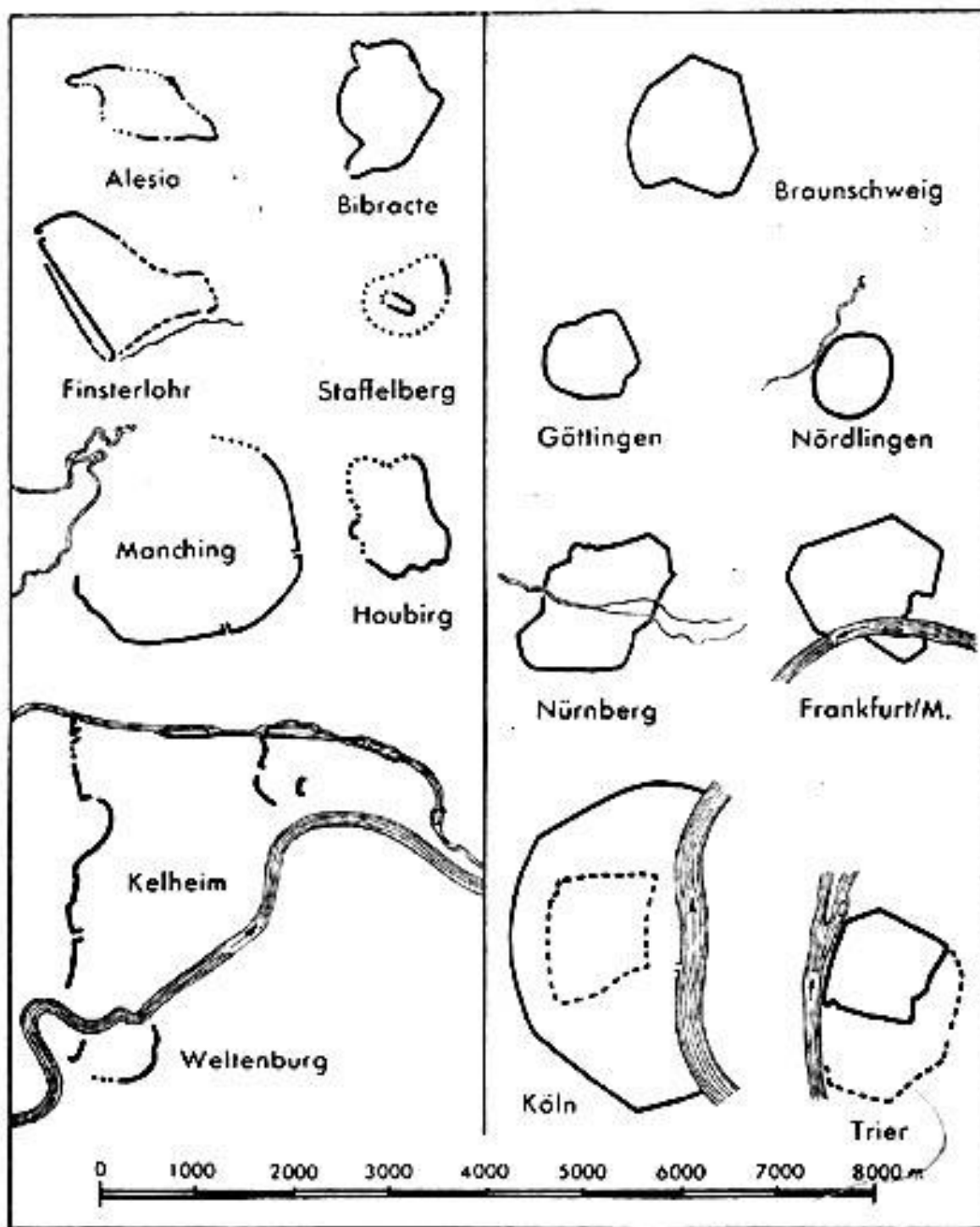

Рис. 30. Соотношение площади кельтских оппидумов и площади средневековых немецких городов, обнесённых стенами (по В. Кречеру).

Внутри оппидума находятся отдельные жилые объекты, некоторые из них в виде обособленных дворов с деревянным забором. Целая система вырытых колодцев обеспечивала население водой. По-видимому, этот оппидум являлся одной из последних твердынь кельтской власти в этой области. Исследования, которые уже в течение нескольких лет ведёт здесь Л. Янсова, до настоящего

времени не закончены. Другой оппидум находится в Невезицах (район Мировице) на выступе у Влтавы; его стена на лицевой стороне также была укреплена вертикальными балками около 30 см в ширину, расположенными на расстоянии около 90 см друг от друга; за стеной была насыпь. Одним из укрепленных пунктов позднелатенского времени по всей вероятности был и Звиков.

Самый южный чешский оппидум в Тршисове (район Чешский Крумлов) был основан в области, богатой графитом и железной рудой, на выгодном месте у изгиба Влтавы и устья Кремжского ручья на высоте около 549 м над уровнем моря. В западной части главного укрепления со рвом были ворота, образованные крыльями стены, загнутыми внутрь городища; стена из камня шириною в несколько метров с внешней стороны была укреплена столбами толщиной до 30 см, расположенными в метровых интервалах. Общая площадь городища составляет около 21 га, и, судя по находкам, оно относится к позднелатенскому времени. Находящееся на востоке Чехии Лыготицкое городище у г. Насаврки пока относится к самым маленьким, однако окружено внушительными валами и рвами, частично сохранившимися до настоящего времени. Находок пока там сделано мало, главным образом это обломки позднелатенских глиняных сосудов. Массовые находки золотых монет и железных изделий в области г. Колина показывают, что и там можно предполагать наличие важного центра, существование которого ещё не доказано.

Самым значительным моравским оппидумом является Стара Градиско у Оклук на Драганской возвышенности, укрепленное так же, как и чешские оппидумы. Городище занимает площадь около 50 га. Вдоль главной дороги стояли отдельные дома, в большинстве случаев деревянные, без единого плана, иногда обособленно, иногда скученно. У крепостных стен домов не было, по-видимому туда сгонялся скот. Внутреннее городище также было отделено от предградья каменной стеной и рвом. Систематические исследования, которые велись перед второй мировой войной И. Бемом, до настоящего времени не закончены, и их результаты не публиковались. Однако на основании находок оппидум следует отнести несомненно к позднелатенскому времени, и не исключено, что он продержался несколько дольше, чем страдоницкий оппидум.

Некоторые признаки говорят о том, что и Братислава в Словакии могла быть в позднелатенское время важным кельтским центром, возможно даже оппидумом. Там были найдены клады кельтских монет и обширные гончарные мастерские, но более подробному исследованию мешает густая застройка пространства домами. Что касается земплинского центра в восточной Словакии, то пока нельзя точно установить, относится ли он к эпохе кельтского господства или хоть частично ко второй половине последнего столетия, когда в Словакии проявились последствия напора даков.

Ещё во времена Цезаря существовал широкий пояс кельтских оппидумов с высоким уровнем цивилизации, тянувшийся от Англии через Францию и южную Германию (на север до бассейна реки Майн) и территорию Чехословакии до Карпатской котловины. Между ними поддерживались оживлённые торговые связи, что отразилось и на соседних областях. Цивилизация оппидумов на территории вправо от Рейна существовала несколько дольше, чем в собственно Галлии, куда уже в конце последнего столетия сильно проникла романизация.

Однако постепенно римское влияние проникало и в кельтские оппидумы Средней Европы. Вместе с тем в последнем столетии воздействие кельтской цивилизации на исконную среднеевропейскую среду достигло кульминации, накладывая на неё в значительной мере свой отпечаток и оказывая тем самым влияние на дальнейшее развитие её культуры. Усиливающийся напор германцев, однако, привёл к изменениям в политической обстановке.

В последнем столетии интересным явлением в части кельтского мира были обнесённые валом четырёхугольные площадки (Viereckschanzen). Мы находим их главным образом в южной Германии, они сосредоточены на территории от верхнего течения Неккара на юг до самого подножья Альп, а на восток — до Инна (до Регенсбурга), следовательно, в первую очередь в области Бадена, Вюртемберга и Баварии. В большинстве случаев они имеют квадратную форму (80х80 м и более), их земляные валы со рвом и возвышениями по углам сооружались без внутренней конструкции. Цезарь о них не упоминает, хотя они встречаются и в Галлии к югу от нижнего течения Сены примерно до среднего течения Луары. В предальпийской (?) области их насчитано уже свыше 250; иногда два таких сооружения расположены на небольшом расстоянии друг от друга (Гольцхаузен у Вольфратехаузена — на расстоянии 100 м, Нидерлайндорф у Роттенбурга — на расстоянии 40 м). Можно предполагать, что хотя бы в некоторых случаях более позднему сооружению вала предшествовал палисад (Гольцхаузен). Профиль некоторых сооружений сложнее, а вход, ведущий к центру, углублён в виде рва. В последнее время Кл. Шварц, опираясь на результаты новых исследований, приписывает им скорее культовый характер, предполагая, что они были предшественниками галльско-римских храмов. Ранее эти сооружения некоторые исследователи считали усадьбами или даже загонами для скота, а иногда и военными объектами. Некоторые из них находятся на территории оппидумов (Доннерсберг), другие — вблизи усадеб римской эпохи.

Торговля и транспорт

Кельтская область была издавна связана с отдалёнными странами, так как через Францию и южную Германию проходили важные пути. С положением в позднегалльштатское время и в начале латенского времени мы познакомились уже выше.

Альпы перестали быть препятствием для торговых связей, и некоторые места по обеим сторонам хребта превратились в перевалочные и важные опорные пункты торговли между отдалёнными областями. Археологические материалы говорят о том, что в латенское время, особенно в более поздний период, эта, торговля была хорошо организована. Дневные переходы на расстояние около тридцати километров предполагали наличие мест, оборудованных для отдыха и ночлега. Некоторые пункты позднелатенского времени иногда даже считают таможнями, например сам Латен в Швейцарии. Значение постоянных торговых центров возрастало вследствие экономических и социальных изменений и сооружения оппидумов. Некоторые из них основывались на перекрёстках старых торговых путей и славились своими торговыми связями. В особенно выгодном положении были такие места, которые были расположены на границе племенных

территорий, как Новиомагус (Нижон) у лингонов. Некоторые центры, приобретшие большое значение позже, в римскую эпоху, выросли на месте кельтских центров и рынков: Форум Юлия (Фрежюс), Форум Нерона (Лодев), Форум Сегусявора, Августомагуси др.

На кельтских рынках велась торговля самыми разнообразными товарами, в Бибракте находился крупный склад зерна, а на месте базара было найдено множество монет различных кельтских племён. Обширная система зерновых ям была обнаружена в прошлом году при раскопках оппидума Манхинг; равно и находки в Страдоницах говорят о весьма оживлённых торговых связях. Учащаются находки деталей конской сбруи, кавалерийских шпор и конских подков, относящихся к позднелатенскому времени; по-видимому многие дороги были уже вымощены камнем, и это заставляло предохранять лошадиные копыта подковами. Торговые связи были весьма оживлёнными, причём использовались самые различные средства. Частное движимое имущество отдельных лиц быстро росло и хранилось в домах под солидными дверными замками.

Кельтская монета — древнейшая монета в Средней Европе

Ещё в позднегалльское время вошло в обычай считать мерилем ценности куски необработанного железа приблизительно одинакового веса, которым придавали форму заострённых с обеих концов продолговатых гривен, расширяющихся в середине. С кельтской территории их вывозили во все соседние области, и они долго оставались, особенно в Британии, единицей стоимости. В остальном при обмене соблюдалось определённое соотношение. В Ирландии, согласно обычаю, 6 тёлок или 3 дойных коровы соответствовали стоимости рабыни; рабы-кельты принимались весьма охотно в обмен в средиземноморских областях; римские торговцы покупали, особенно в более позднее время, кельтский хлеб, мясо, галльское сало, ветчину и шерсть и поставляли в оппидумы различные изделия римских и провинциальных мастерских, а также южное вино.

Необычайный рост кельтского могущества в период наибольшего экономического расцвета и развития торговли вызвал необходимость чеканки собственной монеты, первой «варварской» монеты в Галлии и в Средней Европе. Ещё в IV веке кельтские военные отряды во время своих набегов на Грецию и Италию могли убедиться в том, как удобны деньги, а кельтские наёмники на иностранной службе получали своё вознаграждение в монете. Пока кельты с успехом совершали военные походы, в собственной монете не было необходимости. Но постепенно, начиная с III века, когда их экономической базой становится их собственное производство, выпускавшее продукции больше, чем было необходимо для удовлетворения местных потребностей, собственная кельтская монета сделалась предпосылкой дальнейшего развития.

В кельтском мире существовали две монетных системы: серебряные монеты и монеты, чеканенные из золота; значительно реже монеты чеканились из иного металла, из меди — бронзы или потина (бронзового сплава со значительным содержанием олова). В чешских землях кельты чеканили монету главным образом из золота, серебряных монет было меньше; восточнее, в Карпатской котловине, были более распространены серебряные монеты. На западе были в обращении

монеты из обоих металлов. Решающим было, конечно, достаточное количество нужного металла в определённой области.

Самые старые кельтские монеты появляются во II веке, главным образом с его середины, и являются подражанием македонско-греческим образцам. Таким образом служил статер Александра III Македонского с головой Афины Паллады с высоким коринфским шлемом на аверсе (лицевой стороне) и крылатой богиней победы Нике с лавровым венком в правой руке на реверсе (оборотной стороне). Такие золотые монеты первоначально имели греческую надпись (легенду), весили около 8,4 г и их диаметр достигал 18—20 мм (целые статеры; кроме того чеканились и их части — треть, восьмушка и двадцать четвёртая). Они известны в Чехии (массовая находка в г. Неханице у г. Градец Кралове, Старый Биджов) и во многих местах в Моравии, особенно в окрестностях оппидума Старе Градиско, а также встречаются и в Австрии и в части Венгрии. В последующее время чеканка этого типа становится грубее, отходя от первоначального образца.

В Средней Европе, с Силезии через Чехию и до Австрии обнаруживаются также золотые монеты с головой Афины Паллады на аверсе и фигурой воина со щитом, с поясом на бёдрах и поднятым копьём на реверсе, то есть с мотивами более близкими местной кельтской среде; они весят около 8,16 г, а диаметр их колеблется между 15—17 мм. Чеканка этих монет также постепенно становится грубее, рисунок превращается в неясные выпуклые очертания, а фигура воина иногда переходит в расплывчатый контур. Чистота золота однако часто достигает 97 %. По-видимому, они были в обращении в период расцвета оппидумов, так как их находят и в страдоницком городище. Иногда пользовались штампом типа Афина Алкис и для чеканки серебряных монет.

На монетное дело в современной Франции сильное влияние оказывала Массилия, которая с весьма раннего времени пользовалась монетами малоазиатских греческих колоний, затем чеканила собственную монету по их образцам, а с IV века выпускала собственные драхмы (с головой нимфы и львом, позже и с быком на реверсе); в Массилии чеканились также монеты бронзовые и потиновые. Равно и Рода, Эмпорий и другие колонии в северной части восточного побережья Иберийского полуострова позже чеканили собственную монету. Эти монеты попадали в Галлию, иногда и в Среднюю Европу, так как бронзовые монеты, вычеканенные по их образцу с изображением нападающего быка были найдены в Бибракте, так и в Страдоницах в Чехии. В собственно Галлии сильное влияние на чеканку монеты оказал статер Филиппа Македонского с головой Аполлона и бигой (двухколёсной повозкой с запряжкой и возницей). Изображение было упрощено, позже вместо двух коней появляется только один, как типичный признак галльских монет. Коню на реверсе затем приделали ещё человеческую голову (андрокефальный конь, то есть конь с головой мужчины). Греческие имена (имя Филиппа) на этих монетах вскоре потеряли чёткость и были заменены местными кельтскими именами; позже имена на монетах появляются лишь изредка, чаще всего на территории тренеров («Абукатос», на битурижском статере, «Нирос», на золотой монете нервиев или треверов, «Поттина», «Лукотиос», «Вокаран» и др; возможно, что это имена племенных вождей). Грубо отлитые «шарики» и «грудки» (глобулес) с почти неразличимыми изображениями встречаются как на западе в Галлии, так и в Чехии.

Рис. 31. Кельтская золотая монета в Чехии, самая древняя монета на этой территории: 1 — Неханице у г. Градец Кралове. Подражание статеру; 2 — Городище у Страдониц неподалёку от г. Бероуна. Монета со свернувшимся драконом; 3 — Копидлно у г. Ичин с изображением кабана; 4 — Нижбор-Страдонице у г. Бероун — «Раковина»; 5—6 — Городище у Страдониц вблизи г.Бероун. Золотые «радушные чашечки»

Позже в Галлии чеканились серебряные монеты по образцу римских республиканских денаров II века; в французско–швейцарской области с всадником, с конём и легендой «Кал», «Каледу», которые приписывают иногда эдуям (найлены как в Латене, так и на страдоницком городище в Чехии) или с человеческой фигурой, держащей в руке торквес.

В то же время чеканка монет распространилась также и на юго–востоке, в Норике, на территории румынско–венгерской, сербской и боснийской. В карпатских областях образцом для местных монет служили также тетрадрахмы (монеты достоинством в четыре драхмы) Филиппа II Македонского, которые ещё долго после его смерти чеканились для выплаты жалования войскам и для торговли с соседними варварами. Чеканка этой монеты, которая производилась преимущественно в Амфиполе (на эгейском побережье на восток от полуострова Халкиды), после падения македонской державы (битва у Пидне в 186 г. до н.э.) прекращается, и потому соседние племена чеканят собственную монету по её образцу. Некоторые типы этих монет, вероятно, чеканились и в современной Словакии, по–видимому из местного серебра; так наз. аудолеонский тип (на реверсе изображение коня и неясная легенда «Аудолеон») особенно часто встречается в окрестностях возвышенности Матра, родственный гонтский тип распространён от Бургенланда до самой братиславской области. Норикские серебряные монеты, с конём или всадником на реверсе и с головой Аполлона на аверсе иногда имеют легенду («Бойо», «Тинко», «Немет», «Андамати», и др.).

В Средней Европе и особенно часто в Чехии на рубеже II и последнего столетия до н.э. появляются золотые монеты (статеры) с изображением кабана на реверсе, что согласуется с тем значением, которое придавали изображению кабана кельты.

В Чехии мы находим также золотые статеры с грубым изображением головы на аверсе и с бегущим или преклонённым мужчиной с перекрещенными палочками в правой руке и статеры со свернувшимся драконом с открытой пастью на реверсе (Rolltier, этот мотив приписывается скифской области); они известны по находкам в Осове и в особенности в Страдошцах у Бероуна, а также и в других местах.

В первой половине последнего столетия распространяются два вида мисковидных золотых монет. Встречающиеся в западных областях мисковидные монеты, называемые в народе «радужными чашечками» (Regenbogensohiisselchen, так как на свежевспаханном поле они светятся после дождя, когда появляется радуга), распространены главным образом в Баварии и потому их приписывают винделикам; однако их находят по всей территории от восточной Франции и до самой Чехии. На них бывает изображён свернувшийся в кольцо дракон, а на реверсе — торквес с шестью шариками, а позже лишь голова дракона или птицы и простой венок; в прирейнских районах он комбинируется с треугольником (triquetrum). Таких монет больше всего находят в кладях. В Иршинге у Манхинга в Баварии их было свыше 1000, в Гагерсе южнее Манхинга — около 1400; они встречаются также в Швейцарии и в страдоницком оппидуме. Их беловатое золото часто уже не достигает большой чистоты (иногда менее 70%).

Тяжёлые золотые «грудки» (Goldknolle) до 90% чистоты и весом в среднем 7,45 г не имеют ещё ясно выраженной мисковидной формы. Рисунок на них груб, неясен, часто видны лишь нечёткие выпуклости. Они составляют часть известной находки монет, обнаруженной ещё в 1771 г. недалеко от деревни Подмоклы около

г. Збиорога в районе Рокицан (юго-западная Чехия). В бронзовом котелке, кроме серебряного браслета, находилось якобы около 5000 золотых монет, целых, третей и восьмушек, то есть золотой клад весом в несколько килограммов. Находка была расхищена, только часть (около 1260 монет) удалось собрать в конторе князей Фюрстенбергов. Большая часть этих монет была затем переплавлена в фюрстенбергские дукаты.

Рис. 32. Кельтские биатековые монеты первой половины первого столетия до н.э.: 1 — Золотая раковинообразная монета с именем «Биатек», Яровце — Ярдорф; 2 — Реца в Словакии; 3 — Братислава, Словакия (клад биатековых монет); 4 — Яровце (Братислава — окрестности)

Вторую группу мискообразных монет, распространённую в восточных областях, называют раковинообразными статерами или просто золотыми раковинами; в литературе их часто смешивают с радужными чашечками. Они бывают из высокопробного золота (до 97%) весом около 6,5 г; чеканились также их трети и восьмушки. Они изготовлены более грубо, на их реверсе — лучеобразный рисунок в мисковидном углублении (отсюда название «раковина», рис. 31), на лицевой, выпуклой стороне — клеймо с пятью лучами, напоминающее руку, иногда ещё с шариками или с двумя полумесяцами. Эти монеты встречаются

очень часто в кладах и в оппидумах (Подмоклы у Збирога, клад монет в страдоницком оппидуме, Старе Градиско в Моравии и др.). В некоторых местах раковинообразные монеты чеканились также из серебра.

Чеканка монет из серебра очень распространилась в последующее время, главным образом, по-видимому, для местного обращения. Серебряные монеты можно разбить на множество типов. «Эдуйские» монеты с изображением смотрящей влево головы, а на реверсе — прыгающего влево коня, весом около 0,45 г (в кладе в Вильенев-о-Руа из 15000 монет было около 2000 этого типа), монеты с крестом, а иногда ещё и с шарикообразными выпуклостями, называемые нумизматами тектосагскими (часто встречаются в Вюртемберге, Бадене и швейцарско-французской области, обычно весом около 7 г), карлштейнский мисковидный тип с изображением коня на реверсе, весом всего лишь около 4 г, и много других типов. В оппидумах встречаются все эти типы монет, например, в кладе в Страдоницах (свыше 500 монет). Некоторые из них, вероятно, чеканились прямо в Страдоницах, в частности монета весом 0,4 г с головой на аверсе и со скачущим конём с гривой в виде «жемчужин» на реверсе. Среди находок в с. Старе Градиско встречаются главным образом золотые монеты, серебряные же очень редки.

Самая поздняя кельтская монета.

На юго-западе Словакии часты находки больших серебряных монет (тетродрахм) типа «Биатек», которые являются самыми поздними кельтскими монетами в этой области, чеканившимися вплоть до занятия даками Паннонии и прилегающей части Словакии. По-видимому, они чеканились прямо в братиславской области, где имеются и другие следы густого позднелатенского заселения, и относятся приблизительно ко второй четверти последнего столетия, примерно к 75—60 гг. Для этих больших серебряных монет весом в среднем 16,5—17 г служили образцом римские денары последнего столетия. На их лицевой стороне — простое изображение головы или двух голов, из которых одна частично закрывает другую (рис. 32), на реверсе — изображение всадника, грифона, льва, кентавра или другого животного, а иногда свернувшегося дракона. Буквы на этих монетах — латинский капитель; это, собственно, самое древнее латинское письмо на чехословацкой территории. На монетах приводятся личные имена, по-видимому, князей или вождей, чаще других имя «Биатек» или «Биат» (отсюда название — «биатековая монета»), но и много других: «Ноннос», «Девил», «Бузу», «Титто», «Ковиомарус», «Фариарикс», «Маккиус» и др. Кроме больших серебряных монет чеканились и более мелкие, так наз. симмерингского типа (название по месту находки — Симмеринг-Вена), иногда с легендой «Ноннос».

Клады серебряных монет типа «Биатек» встречаются преимущественно в Словакии, в братиславской области. Из известных до настоящего времени 14 кладов 6 обнаружено в самой Братиславе (из последнего, найденного в 1942 г., было сохранено 270 монет), один был найден в Реце, остальные в Ступаве, Трнаве и Яровце (бывш. Дейч-Ярндорф). В последнем находился также золотой раковинообразный статер с легендой «Биатек» того же типа, какой встречается в Чехии без легенды; это говорит в пользу предположения, что часть кельтов (бойев) перенесла свои поселения в первой половине последнего столетия из

Чехии в наннонско–словацкую область. Находки монет типа «Биатек» встречаются и в соседней Австрии, в той части, которая является продолжением братиславской области. Закапывание этих кладов в землю в юго–западной Словакии несомненно связано с тревожными временами в период войны между боями и даками около 60 г. до н.э. После поражения бойев эти монеты, по всей вероятности, ещё были в течение короткого времени в обращении, но новые уже не чеканились.

Более сложен вопрос, кто же имел право в кельтском мире чеканить монету. Многие исследователи полагают, что монеты выпускали главным образом крупные представители знати, князья и вожди (легенды некоторых монет подкрепляют это мнение), определённые типы монет считают племенными или предполагают, что право чеканки их принадлежало оппидумам, которые также часто считаются местопребыванием князей. Процесс развития кельтского монетного дела в Средней Европе продолжался в общем около одного столетия. Установить точно размещение кельтских племён в Средней Европе довольно трудно, и вопрос, была ли структура средневропейских кельтских племён в период кульминации кельтского могущества, во время расцвета оппидумов, совершенно единообразной, остаётся открытым. В кельтских монетах ясно отражаются характерные черты всего кельтского развития. И в чеканке нет полного единства; мы обнаруживаем множество типов монет и значительные колебания в их весе. Поэтому двухплечные точные весы были неизбежной принадлежностью при торговых сделках и встречаются в оппидумах в большом количестве (Бибракта, Градиште у Страдониц, Тршисов, Старе Градиско и др.). В некоторых случаях, главным образом на западе, возникала даже необходимость особо клеймить или контрамаркировать уже выпущенные монеты.

Поэтому можно предполагать, что мест чеканки монеты было много и что они не всегда совпадали с центрами отдельных племён, так как даже производственные центры во время расцвета кельтской среды не всегда совпадали с политическим центром племени. Торговые и экономические интересы в то время уже полностью превалировали и старая племенная общность постепенно теряла своё первоначальное значение; объединение отдельных частей различных племён становилось обычным. Чеканка монет в некоторых оппидумах, например в Манхинге или в городище у Страдониц, с несомненностью доказана находками, главным образом глиняными табличками с мисковидными углублениями для отливки грубой формы монеты, которая затем путём чеканки приобретала окончательный вид. На некоторых из этих табличек до сих пор имеются следы золота. Но совершенно такие же таблички мы находим и на поселениях у г. Нове Страшеци (Тухловице). Очевидно каждый крупный производственный центр мог приступить к выпуску монет, соблюдая лишь в общих чертах установившиеся в монетном деле обычаи. При платежах же монеты взвешивались, и их стоимость определялась весом и качеством металла.

Во второй половине последнего столетия собственно кельтское монетное дело в Средней Европе приходит в упадок. Лишь кельтизированным эравискам в окрестностях Будапешта приписывают монеты, которые чеканятся по образцу римских денаров с середины последнего столетия. Мы находим их также в Словакии, часто с легендой «Ирависци», «Равис», «Равит». Равно и норицкие

монеты были в обращении до установления римского господства. В Галлии после победы римлян некоторые города сохранили ещё в течение короткого времени право выпускать собственную монету; но всё это было уже закатом самостоятельного кельтского монетного дела.

Кельтские монеты встречаются также в погребениях в качестве приношения, иногда прямо во рту умершего, и помогают нам более точно датировать находки. Значительная художественная ценность заставляет включить кельтскую монету в общие рамки кельтского искусства, так как на монетах обнаруживаются различные, типичные для кельтов мотивы: кабан, конь, воин, мотив отрубленной головы, торквес, трискелес–трикветрум, колесо с лучами и т. д.

VIII. Кельтское искусство и мир религиозных представлений

Геометрический стиль раннего железного века сменился на склоне гальштаттского времени более живой звериной и растительной орнаментикой, которую обогатили и мотивы человеческой головы, пользующиеся особою любовью в аристократической среде. С юга и юго–востока в кельтские усадьбы поступали дорогие привозные товары, новые образцы и новая мода. Однако вскоре, самое позднее со второй половины V века, при кельтских усадьбах начали возникать местные художественные мастерские. Работавшие в них ремесленники–художники сочетали собственное творчество и умение со знанием чужих образцов и мотивов; обрабатывая их по своему, они создавали те оригинальные украшения, в которых всё чаще проглядывали элементы зарождающегося латенского стиля. Раннелатенский стиль рождался при усадьбах, главным образом, между Мозелем, Сарой и Рейном. Это древнейшее чисто кельтское искусство имело несколько корней и ряд основных элементов. Южные и южно–восточные элементы были итальянского и греческого происхождения, и возможно, что непосредственно оттуда со временем приходят ремесленники–художники, чтобы предложить свои услуги кельтской знати. Ранние кельтские ювелирные мастерские часто работали с почти чистым золотом, до 99% чистоты. Доказательства существования таких мастерских представила археология. В Лангенхейме (Таунус) и Сеффервайхе (Эйфель) мы находим необработанный материал и заготовки, в Нейвидском бассейне недалеко от Кобленца (Коблиц) в разных местах обнаруживаем почти аналогичные изделия, вышедшие, по всей вероятности, из одной мастерской; это не только украшения, но и оковка повозок (Вальдгалльшейд, Бессеринген, Керлих). Не монументальная скульптура и архитектура, а художественное ремесло стало основной отраслью кельтского искусства, которое внесло крупнейший вклад в развитие Средней и северной Европы. Виртуозная техника обработки с самого начала сочеталась с особым тяготением к орнаментике и создавала изделия непреходящей ценности. Раннелатенский стиль, развивавшийся почти сто лет, примерно с середины V века, несёт многочисленные черты искусства примитивного, в котором лишь постепенно находят своё место все характерные элементы и мотивы.

Раннелатенский стиль кельтского искусства. Художественные ремёсла и кельтская орнаментика

Работы раннелатенского стиля ещё тесно связаны с импортируемыми изделиями второй половины 5 века. В некоторых чертах они исходят из образцов италийско-этрусских, в других из элементов более отдалённых, греческого, а также иранско-персидского и среднеазиатского происхождения. Ещё перед концом 5 века в кельтском искусстве появляется мотив человеческой маски, иногда увенчанной двулистной короной и сопутствующий ему мотив так называемых «рыбьих пузырей». Такие тонко отчеканенные маски мы находим на изделиях из золота и бронзы, основа которых часто делалась из железа. Так украшены, например, золотые пластины из Шварценбаха (рис. 22) и фалары (выпуклые украшения конской сбруи) из Горжовичек у Подборжан в Чехии. Фалары из Горжовичек — железные, но с лицевой стороны они обтянуты тонкой бронзовой пластинкой, на которой вычеканены чередующиеся человеческие маски, увенчанные «рыбьими пузырями» в сочетании с другими элементами украшений, расположенными по кругу (таб. VIII). Мотив маски был, без сомнения, заимствован в Средиземноморье и в кельтской среде прошёл различные стадии развития — от форм преувеличенно безобразных к более естественным. Кроме того, к нему прибавился мотив «рыбьего пузыря», как очень характерный кельтский мотив, долго потом пользовавшийся популярностью и заимствованный также кельтскими скульпторами.

Кельтское ювелирное дело, чеканка и литьё металлов вскоре начали развивать и новые мотивы. С юга были заимствованы некоторые растительные орнаменты, особенно листовидные пальметки, завитки и цветы лотоса, которые позже комбинировались с рисунком в виде буквы S (S-образные), образующим различные лировидные узоры, особенно типичные для кельтского искусства. Эти S-образные узоры, располагаемые рядом или соединённые друг с другом, иногда образуют сплошной ряд, а иногда два S-образных рисунка соединяются и образуют основной мотив S-образной лиры, часто комбинируемый ещё с пальметами — так называемые лировидные пальметки.

S-образные лиры украшают золотое кольцо из Роденбаха, изготовленное ещё в раннем стиле. Этот рисунок однако бытует очень долго и встречается в более поздние века на чеканенных изделиях, например, на бронзовых ножнах мечей (Енишув Уезд у Билины в Чехии, рис. 18) или на керамических изделиях как выгравированный, так и штампованный. Но и пальметки видоизменяются и используются самым различным образом: их соединяют с лирой в одно целое или используют только их половинку или лишь части в различных вариантах (полупальметки, серповидные пальметки и т. д.).

Равно и спираль чем дальше, тем больше проникает в кельтскую орнаментику. Ею пользуются в различных комбинациях. Она неустанно изменяется, становится массивней, набухает, приобретает пластичность и трубкообразно расширяется. Возникают правовращающиеся и левовращающиеся формы, которые в период расцвета кельтского искусства составляют весьма сложные композиции, иногда плоские арабески, иногда рельефно подчёркнутые членистые формы, вихревые схемы и трёхплечные вихревые узоры (трискелес, трикветрум). Постепенно появляется новая черта в кельтском искусстве: отход от точной симметрии, являющейся наследием галыштатского времени, и переход к свободной соразмерности, а иногда даже к асимметричности. Бесконечные варианты

нескольких основных криволинейных мотивов, исполненных с удивительным чувством и изобретательностью, составляют богатые композиции, в которых скрыта не всегда понятная нам символика.

Этот раннелатенский стиль кельтского искусства появляется вскоре после середины V века, как показывает содержание княжеской могилы в Клайнаспергле в Вюртемберге. Привозные аттические миски кельтский художник обтянул прорезной золотой бляхой, на которой выбитый жемчужнообразный узор комбинируется с более простым листообразным рисунком. Золотая оковка питьевых рогов, концы которых снабжены бараньей головой, также украшена жемчужнообразным орнаментом, а в одном случае и мотивом S-образно выгнутых козлиных рогов, образующих змеевидную волнистую линию. На золотых пластинках из княжеской могилы в Фершвайлере у Боллендорфа (Эйфельская область), которые по всей вероятности когда-то украшали шкатулку для драгоценностей, уже появляются чеканные лотосообразные цветы, всё ещё стереотипно расположенные по кругу, как и в гальштаттскую эпоху, и маски Силена с тремя рожами. Однако на золотом диске со вставками из коралла в Овре-сюр-Уаз (Сена и Уаза), который когда-то служил фаларом, в единую композицию сливаются маскообразные мотивы, рельефно подчёркнутые S-образные лиры и пузыреобразно-каплевидные узоры, перемежающиеся с жемчужнообразными линиями в качестве дополнительного украшения. В композиции появляется правильный ритм и, несмотря на всё ещё строгие рамки, значительная жизненность. На золотой пластинке из Вайскирхена, искусном изделии из золотого листа на железной основе, вокруг центрального овального рисунка расположены 4 человеческих маски, которые вкраплены в пухлые пузыри, окружённые жемчужнообразным орнаментом; так возникло художественное произведение, которое хотя ещё и несёт черты старого геометрического стиля, но производит совершенно новое впечатление. Рисунок, украшающий золотую прорезную крышку из кургана в Шварценбахе (Биркенфельд), уже исходит из совершенной композиции, листовидные и каплеобразные мотивы использованы в многочисленных вариантах и дополнены жемчужнообразным орнаментом, а S-образные мотивы по образцу трицветрума составляют трёхплечные узоры и, соединяясь, образуют рисунок S-образной лиры.

Украшения из могилы княгини в Рейнхейме в Саарской области во многом обнаруживают и влияние восточных вкусов. На пластически обработанных концах золотого торквеса находятся человеческие головы и маски львов, на богато украшенном браслете — мотив крылатой фигуры, застёжка заканчивается маской, а бронзовый кувшин с носиком и богатым гравированным орнаментом снабжён ручкой с пластическим изображением бородатой человеческой головы. В могиле находилось также бронзовое зеркало с антропоморфной ручкой.

Названный кувшин уже является образцом собственного кельтского производства. Кельтская орнаментика постепенно была доведена до необыкновенной виртуозности путём соединения масок различного характера, каплевидных и пузыреобразных узоров, спиралей, лирообразных рисунков и улиткообразных мотивов в продуманные композиции. Одновременно достигают высокого уровня и различные способы художественной обработки металлов, что

проявляется не только в литье и чеканке, но и в ажурных и инкрустированных кораллом и эмалью изделиях. И клювовидный кувшин IV века из Басе–Юте (Мозель), ранее часто считавшийся кувшином из Бузонвиля, уже является не привозной, а весьма совершенной кельтской работой, одним из лучших изделий кельтской торевтики. Рельеф, пластика и гравировка здесь комбинируются с инкрустацией кораллом и эмалью. Ручке кувшина внизу придана маскообразная форма, вверху — форма звериной, вероятно, волчьей головы. Его узкая форма несколько напоминает клювовидный кувшин из Галлейн–Дюррнберга (Зальцбург), также относящийся к IV веку, богато украшенный как пузыреобразными мотивами и пальметами, так и человеческими головами и звериными фигурками.

В работах раннего стиля во многом ещё используются архаические и субархаические (поархаические) классические формы, заимствованные в греческом мире и удержавшиеся в отдалённых от цивилизации областях весьма продолжительное время. Копируются этрусские мотивы (золотое кольцо из Роденбаха), заимствуются звериные мотивы из италийско–этрусской области (бутыль из Матцхаузена) и восточные образцы главным образом звериного характера. Чаще всего они встречаются в юго–западной Германии, части Франции и Бельгии, но их находят также в Чехии и Австрии. К ним относятся также уже ранее упомянутые маскообразные фибулы, по своей конструкции восходящие к италийской фибуле чертозского типа. Мы находим их в зоне от среднего течения Рейна на восток до средней Чехии. Их главным признаком являются человеческие и звериные маски различной трактовки, иногда в более реалистическом исполнении, а иногда в столь фантастическом виде, что мы с трудом отличаем мотив человеческой маски от звериной.

Некоторые чешские находки маскообразных фибул особенно примечательны и ценны (Паненский Тынец, Хинов у Праги, таб. VII—VIII). Поэтому вряд ли можно признать правильными предположения, что северо–восточная Бавария и чешская территория в раннелатенское время являлись особой восточной областью, иллирийской. Маскообразные фибулы встречаются также в Вюртемберге, Бадене и в рейнской области вместе с находками уже явно кельтского характера.

В этой связи следует уделить внимание и другим находкам на территории к северу от Альп. Оставим в стороне самые последние находки в Галлейн–Дюррнберге, сведения о которых ещё не опубликованы, и упомянем в первую очередь о мече из Гальштатта с ножнами, украшенными фигурным узором (рис. 18). Эти фигуральные мотивы не являются кельтскими и говорят скорее о южном, итальянском происхождении (Эсте, этруская среда), однако некоторые детали в одежде и вооружении свидетельствуют о местной среде. Вероятно, это изделие североальпийской оружейной мастерской возникло под сильным влиянием атестинской области (Эсте) в северной Италии. К тому же времени, вероятно к IV веку, относится также меч из кургана у Дражичек у г. Табора в Чехии, ножны которого украшены листовидным гравированным орнаментом, а сердцеобразный наконечник ножен — углублениями в виде медальонов для вставок из коралла (таб. XXVI).

Зрелый латенский стиль

Зрелый латенский стиль, называемый также вальдальгесхеймским, является выражением второй фазы кельтского искусства, начиная со второй половины IV века, и представляет собою уже сложившееся и зрелое искусство. По находкам мы считаем центром этого зрелого стиля область Рейна, часть Швейцарии и Францию, однако отдельные изделия рассеяны по всему европейскому континенту, всюду, куда проникли кельтские вооружённые отряды. Одновременно этот стиль является стилем периода кульминации кельтской экспансии. Могила в Вальдальгесхейме, в которой были найдены драгоценности (таб. XIV) и которая дала этому стилю второе название, и могилы в Филоттрано в Италии можно отнести примерно к тому же времени, к концу IV века. В обоих случаях это изделия зрелого стиля. Большая часть предметов из могил в Монтефортино у Болоньи, в Марцаботто и в других североитальянских городах также относятся к концу IV и к III векам; раннелатенский стиль кельтского искусства в Италии встречается редко. Искусно обработанные золотые шейные гривны кельтского стиля встречаются однако уже во всём кельтском мире. Иногда они целиком отлиты из драгоценного металла, иногда же их основа бывает из другого металла, некоторые полые. Одни носились долго и сильно потёрты, другие явно попали в могилу вскоре после их изготовления.

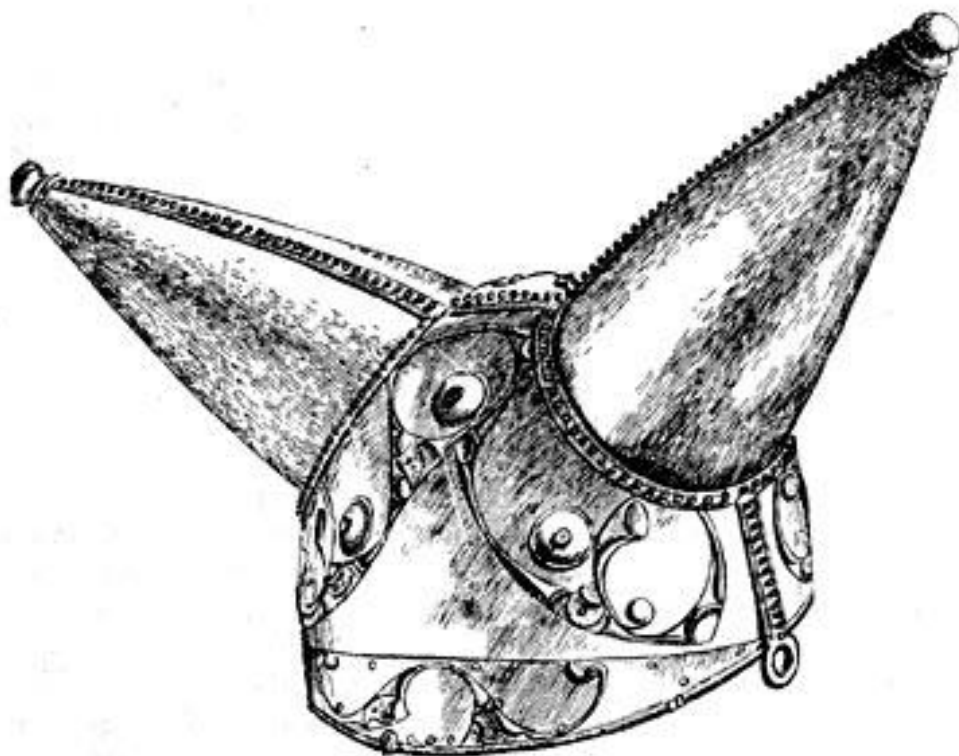
В течение III века в развитии художественных ремёсел наступает явный перелом. В результате изменяющегося экономического и политического положения искусство, служившее знати, отходит на задний план, и место собственно искусства занимает художественная «промышленность», изделия которой предназначены для более широких слоёв. Можно говорить об определённой демократизации среды, в которой однако военный слой сохраняет руководящее положение. Неустанно возрастающее производство снабжало кельтов различными изделиями, выпуск которых был более массовым, но не серийным: фибулами, подвергающимися различным изменениям в конструкции под влиянием моды (рис. 21), множеством ручных и ножных браслетов, поясными цепями и разными предметами обихода. Хорошо сделанное бронзовое украшение стало более народным, заметно также стремление распространить его и в некельтской среде. И в то время, разумеется, изготавливались более качественные украшения и тщательно отделанное оружие для высшего слоя, но разница между обоими видами изделий была уже не так велика.

Пластический стиль и стиль красивых мечей

В этом уже более массовом производстве нашёл применение пластический стиль, который особенно распространился во II веке. Вместо двухразмерного орнамента появился трёхразмерный, рельефный, часто дополняемый тонкой гравировкой. Его возникновение относится к более раннему периоду, но с конца III века он достигает кульминации в сильно расчленённых браслетах с S-образными и улиткообразными пластическими украшениями и в ножных браслетах, состоящих из отдельных полушариев (таб. XXIX—XXX), иногда почти бароккообразного характера, в различных розеткообразных и пальметкообразных браслетах, кругах с имитацией филигранных украшений, пластически расчленённых гривнах и фибулах. В Чехии и Моравии несколько мастерских

изготавливало блестящие образцы этого литейного искусства. В Карпатской котловине этот тип украшений встречается реже. Сырьём служила главным образом бронза, позже и железо, изделия из которого в виде фибул или браслетов впервые достигли в этот период высокого художественного уровня. На западе этот стиль проявляется не только в изделиях из бронзы, но и в блестящих работах ювелиров, переполненных улиткообразными и другими пластическими мотивами (например, браслеты из Орильяк–Кантал). Такие находки однако не так часты. Примерно в то же время появляется стиль «красивых мечей», названный так по ножнам, обработанным с большим совершенством и украшенным с лицевой стороны гравированными или вычеканенными узорами со звериными и растительными мотивами, иногда расположенными по диагонали. Их находят от Карпатской котловины на запад до самой Швейцарии, где мы встречаемся с ними в Латене ещё на рубеже II и последнего веков.

Следовательно, в более поздний латенский период особенно в западнокельтской континентальной области наблюдается заметный упадок местной художественной творческой деятельности, определённое обеднение, если рассматривать развитие с точки зрения первоначального размаха в ранний и поздний латенский период. Лишь в некоторых местах удержались художественные мастерские, производящие высококачественные изделия, украшенные зернью и филигранью драгоценности (Регели в Венгрии), поздние маскообразные украшения типа Маломержице–Брно (таб. XXIII) или художественно исполненные культовые котелки и другие предметы культового характера. Но производство более доступных по цене предметов было преобладающим. Творческий дух проявился отчасти ещё в кельтском монетном деле.

Рис. 33. Шлем с рогами из Темзы у моста Ватерлоо. Работа «темзенского» периода (около 25 г. до н.э.). По С.К. Фоксу

Островное кельтское искусство

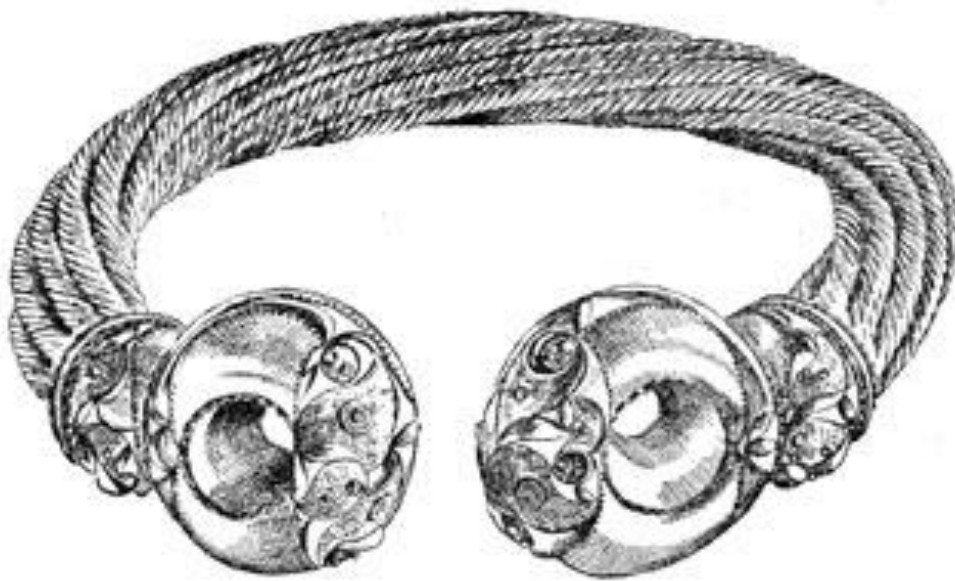
Кельтское искусство на британских островах носило совершенно своеобразный характер, своеобразным было и его развитие. Оно пышно расцветало именно в то время, когда уже миновала его кульминация на континенте, где оно постепенно приобретало форму массового производства среднего качества. Раннюю фазу островного искусства можно проследить примерно с середины III века, когда отдельные группы кельтских воинов, пришедшие откуда-то из Шампани и района среднего течения Рейна, покорили некоторые английские области, где до того времени господствовала окраинная гальштаттская культура. Только эти вооружённые группы принесли с собой зрелое латенское искусство с элементами вальдальгесхеймского стиля. О контакте с континентом говорят некоторые мечи и ножны, что полностью соответствует указанному времени. Однако нельзя утверждать, что позже художественные изделия латенского стиля привозились с континента в Британию регулярно и в большом количестве.

Английские музеи в настоящее время гордятся выдающимися произведениями кельтского искусства, преобладающая часть которых носит своеобразные черты местного производства. В Британии, как видно, вскоре возникли местные мастерские, в которых отечественные ремесленники соединяли техническое совершенство с оригинальным восприятием образцов, давая им своё содержание и достигая небывалой тонкости. Поэтому мы говорим об островном латенском искусстве, как об особой ветви кельтского искусства, различая в нём отдельные местные стили и школы (мастерские). Более старую фазу этого островного искусства Пигготт назвал стилем Торрс–Вандсворт. Раскопки в Торрс в юго-западной Шотландии прославились бронзовым шлемом для лошади и бронзовой оковкой пары рогов для питья, ранее ошибочно реконструированных с шлемом как одно целое.

Этот островной стиль комбинирует свободный пластический орнамент с линейным гравированным рисунком. В нём используются пальметки, спирали, лировидные мотивы и завитки, заканчивавшиеся в поздний период стилизованными и сильно схематизированными птичьими головками. Ранний стиль сосредоточен главным образом в юго-восточной части Англии; гораздо позже, только в конце II века, он проникает в Ирландию. Много находок сделано в реках или торфяниках и болотах, поэтому часто считают, что это votive дары. Среди этих находок первое место занимают части военного вооружения и детали сруби или повозок. Однако значительная часть находок носит поздний характер, в том числе и овальный умбон из Темзы в Вандсворте (лондонская область).

В последнем веке островное кельтское искусство достигло высокого уровня и, по мнению Фокса, в то время существовало не менее шести художественно-ремесленных школ. Знаменитый шлем с рогами из Британского музея (рис. 33), найденный в Темзе у моста Ватерлоо, является работой темзенской школы второй половины последнего века и относится к замечательнейшим кельтским изделиям в Британии; он украшен тонким рельефом, комбинированным со вставками из

эмали и напоминает некоторые более ранние работы, например щит из Вандсворта. И, напротив, так часто изображаемый щит из Баттерси, также из реки Темзы, с чеканными украшениями и вставками из красной эмали, несколько старше, исполнен в строгой симметричности во всех деталях, прямо—таки с формалистическим педантизмом. Из поразительных находок последних лет следует привести группу пяти кладов золотых украшений и монет, найденных в 1948—1950 гг. в Снеттишеме (Норфолк) в восточной Англии. В кладе Е находился торквес из золотого сплава (58 % золота, 38% серебра, вес 1085 г, рис. 34) и монеты галльских атребатов. Торквес с кольцевидными концами является выдающейся работой восточно—центральной школы также второй половины последнего века. В Британии это, по существу, первая большая группа находок золотых шейных гривен совместно с монетами. Прекрасные ножны для мечей, украшенные по всей лицевой стороне (Бугторп в Йоркшире, Лиснакрогера в Ирландии), также относятся по преимуществу к последнему веку.

Рис. 34. Электровый браслет из клада в Снеттишеме (Норфолк) в Англии, 2/3 нат. величины. С.К. Фокс.

На развитие кельтского искусства, в Британии в последнем столетии до н.э. оказало влияние несколько новых факторов. Около 75 г. до н.э. в юго—восточную Британию вторглись племена белгов. По—видимому, вожди белгов привели с собой из северо—восточной Галлии выдающихся мастеров, так как много прекрасных работ находится как раз в области, захваченной белгами, а иногда прямо в их могилах. С вступлением белгов в Британию связывают более реалистическое исполнение звериных мотивов и расцвет эмальерных работ. На бронзовых полосах деревянных вёдер мы видим в чеканке не только животных (рис. 13), но и человеческие маски и головы (Айлесфорд, Марлбору). В то же время вошли в моду металлические зеркала с богатой гравировкой, так что можно говорить об особом стиле зеркал.

Рис. 35 Онтрсмон (Экс-ан-Про-ванс), южная Франция. Столб с 12 рельефами голов в кельтско-лигурийском святилище («зал голов»). Длина камня в целом 160 см, ширина 34—38 см, высота голов 15—17 см

Появившиеся элементы римского влияния относятся ко времени двух походов Цезаря в Британию в 55—54 гг., но в общем островная область кельтского мира оставалась ещё целое столетие вне сферы прямого римского давления. Поэтому на рубеже двух эр, когда континентальное кельтское искусство заметно обеднело или пришло в упадок, островное кельтское искусство продолжало цвести без каких-либо помех до самой середины I века н.э., на севере же ещё дольше, по крайней мере до восьмидесятых годов этого столетия.

Рис. 36. Рокепертус (Буш-дю-Рон), южная Франция. Скульптура сидящего мужчины (бога или героя) в т. наз. позе Будды. Из святилища конца III или начала II в. до н.э. Известняк, следы раскраски, высота сохранившейся части 100—105 см. Музей Борели, Марсель

Кельтская архитектура и пластика

Кельты не проявили себя ни в создании крупных политических образований государственного характера, ни в монументальной архитектуре. Кельты не были творцами архитектурных памятников монументального характера, они были лишь строителями крепостей, которые говорят об их организаторских способностях и являются результатом хорошо организованной работы огромных коллективов. Обычные системы укреплений в кельтском мире возводились в соответствии с древними местными традициями. Об описываемой Цезарем типичной галльской стене, географически ограниченной определёнными областями кельтского мира, упоминалось уже в главе об оппидумах. Там, где всё же возводились постройки репрезентативного или монументального характера, это происходило под чужим влиянием и с чужой помощью. Это имело место при постройке крепости с бастиянами в Гейнебурге в позднегалльштаттский период и при постройках на южнофранцузском побережье в латенский период. В так называемой кельтской

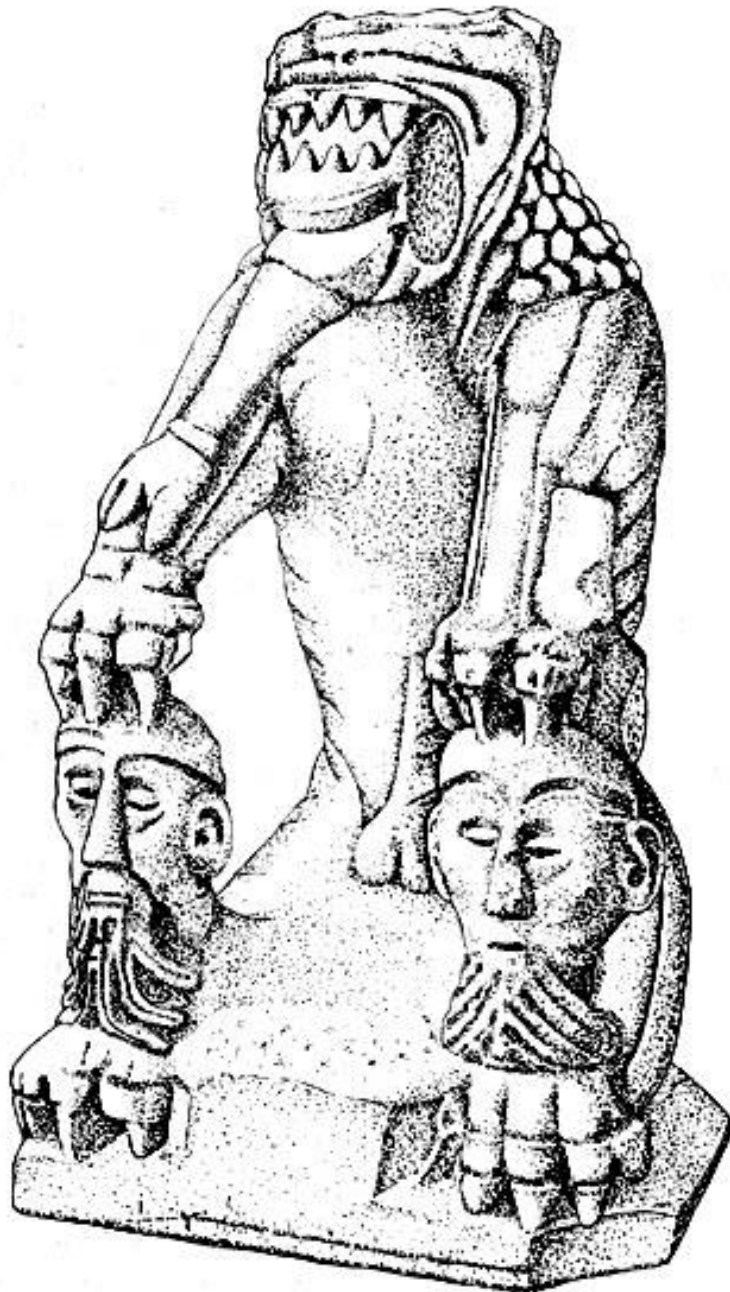
архитектуре и скульптуре необходимо принципиально различать южнофранцузскую территорию в окрестностях Массилии и в нижнем течении Роны, по существу кельтско–лигурийскую, от собственно кельтских внутренних областей, начиная с Франции на восток по чешские земли и Карпатскую котловину.

Южнофранцузская кельтско–лигурийская область

На территории, на которую кельты проникли самое раннее примерно лишь в конце IV века и где они соприкасались с лигурами, они оказались также в самом тесном контакте со сферой греческого искусства. Поэтому здесь нельзя говорить о чисто кельтском искусстве. Согласно преданиям, кельты учились технике возведения укреплений у греков. Такое утверждение касается не кельтов вообще, а именно этой южнофранцузской кельтско–лигурийской области, Галлии греческой (*Gallia Graeca*) в Провансе. На этой территории вскоре возникли оппидумы с крепостными стенами, правильными улицами и храмовыми постройками, что ясно говорит о заимствовании и копировании греческих и восточных образцов с их террасами, пропилеями (монументальными входными воротами с колоннами) и другими элементами, необычными для внутренних районов. По сравнению со среднеевропейскими оппидумами они более похожи на города. На юге Франции, таким образом, кельты узнали многое, многому научились.

Кельтско–лигурийский оппидум Энтретон (деп. Буш–дю–Рон), центр и одновременно святилище саллиев, построен в массильской области ещё в III веке и был позже разрушен римлянами в 124 г. до н.э. Его широкие стены из каменных квадров и с закруглёнными башнями сохранились на некоторых местах до высоты 4 м. Четырёхугольные дома каменной сухой кладки стоят тесно друг у друга, так что стены у них общие, и выровнены в широкие правильные улицы. От ударов колёс повозок дома были защищены особыми тумбами и плитами. В ямах–погребках находилось много местных и привозных сосудов для хранения запасов; не забыто и об элементарных требованиях канализации. Кое–где были обнаружены даже остатки простенькой мозаики. В этом поселении городского типа, где Ф. Бенуа уже несколько лет занимается раскопками, на самом высоком месте находилось святилище. К нему вела дорога длиною примерно в 100 м, окаймлённая скульптурами героев. В руинах святилища сохранились четырёхугольные известняковые столбы с вытесанными на них человеческими головами (рис. 35, 12 голов на одном столбе) — остатки так называемого «зала голов». В культовом зале в нишах каменных столбов грубыми гвоздями были прикреплены настоящие человеческие головы (культ отрубленных голов). В части, открытой до настоящего времени, найдено много обломков скульптур из известняка, в том числе голова ребёнка, голова князя с волосами, зачёсанными венком в виде диадемы, мужская голова с кудрявыми волосами, женская голова, камень с вытесанными на нём четырьмя головами (2 мужских и 2 женских), голова воина и почти целые скульптуры воинов. Это поистине целая глиптотека, коллекция скульптур и торсов, хотя и сильно повреждённых, так как римляне разрушили город в 124 г. и уничтожили святилище, как возможный центр будущего сопротивления.

Рис. 37. Статуя из Нова-Тараске де-Новэ (Буш-дю-Рон). Пожирающее человека чудовище, лапы которого опираются на две бородатые головы. Местный камень, доримская эпоха. Высота 112 см. Музей Кальвэ, Авиньон

Подобное положение было и в других местах Прованса. В оппидуме Рокепертус (Буш-дю-Рон) портик (фасад с колоннами) святилища составляли три каменных столба, когда-то раскрашенных, с углублениями в них для человеческих черепов. Над поперечным бревном наверху была помещена каменная, более полуметра в высоту фигура приготовившейся взлететь птицы, по-видимому, как символ пути на тот свет. Мы находим здесь и «Гермеса» с двумя головами, между которыми торчит клюв хищника. Все пропилен были разделены на 2 террасы. Скульптуры в сидячем положении («поза Будды») представляют бога или князя или же

героизированного умершего, одна с шейной гривной и браслетом, другая в одежде с поясом; они также носят следы первоначальной раскраски.

Всё это свидетельствует о том, что на юге Франции возникали местные скульптурные мастерские; в них создавались каменные статуи, в первую очередь религиозного и культового характера. Влияние греческой среды здесь очевидно. Местные художники однако не всегда правильно понимали образцы и идею отдельных замыслов и соразмерность пропорций в общей концепции. Некоторые черты скульптур этих героев в южнофранцузских святилищах особенно характерны: выдающиеся скулы, прямой нос с широкой переносицей, брови полукругом, волосы, низко нависающие над выпуклым лбом; некоторые из этих черт мы находим и в чисто кельтской скульптуре.

Рис. 38. Монбуи (Луаре), Франция. Деревянная статуэтка, найденная в священном колодце галльского храмового участка. Высота 58 см. Исторический музей в Орлеане

Знаменитая «Тараске» (рис. 37) из Новэ (Буш-дю-Рон), скульптура чудовища, тело которого напоминает льва, опирающегося лапами на две человеческих головы с длинными бородами, принимаемыми также за «*tetes coupees*» — отрубленные головы, сделана из местного известняка в доримский период. Может быть, это символ смерти, вечного молчания, мотива, который был особенно распространён в более поздний латенский период; однако её происхождение и истинное значение нам трудно определить в настоящее время. Культ черепов, по—

видимому, был очень распространён по всей территории. В кельто–иберийском оппидуме Пюиг Кастелар также были найдены человеческие черепа, в которых сохранились даже гвозди, которыми они когда–то были прибиты.

Кельтско–лигурийская область, благодаря своему географическому положению, с древнейших времён испытывала различные влияния. Путь из Италии шёл через Ниццу (Никея) и Ол–бию у Тулона на запад до Ампуриас в Каталонии. В самой Массилии, основанной примерно в 600 г., было святилище Артемиды со стелами ионического стиля (с сидящей богиней в нишах) того же характера, как в Эфесе в Малой Азии; остатки городских стен также несут отпечаток малоазиатского влияния. К более позднему периоду относится эллиническая стела (3—2 веков). Однако непосредственно по соседству с Массилией сохранилось много других и очень древних памятников. Долголетние, до сих пор незаконченные раскопки Т. Роллана в Сен–Блэз (деп. Буш–дю–Рон) открывают остатки хорошо сохранившегося греческого города Мастрамел, основанного ранее Массилии, самое позднее в 7 веке. В период кельтской экспансии этот город с хорошо защищённым акрополем был окружён мощными стенами. В кельтско–греческой скульптуре льва из Ле–Бо (Буш–дю–Рон) примерно III века проскальзывают черты восточных образцов, но сделана она из местного известняка. Некоторые поселения в Провансе и Лангедоке пережили долгие столетия, и местная среда постепенно подвергалась восточному и греческому, а затем иберийскому, кельтскому и римскому влияниям. В последней фазе сосредоточенный экономический напор и культурное влияние в соединении с последовательной романизацией проникал в остальные области Франции именно из этих южных районов.

Анзерюн (Эроль), оппидум на южнофранцузском побережье между Безье и Нарбоном в Лангедоке, возник на скалистом возвышении между устьями рек Орб и Од. Циклопические стены превратили его в V веке в первоклассную крепость. Затем сюда проникли иберийские влияния, и позже, в кельтский период, это место стало важным оппидумом, достигающим 750 м в длину и 300 м в ширину, в котором могло поместиться около 8000 жителей. Заселение его от неолита и бронзового века вплоть до кельто–иберийского периода подтверждается соответствующими отложениями культурного слоя. Мы встречаемся здесь с антикой, с греческими, итальянскими, этрусскими и раннеримскими влияниями; Ганнибалу в конце III века здесь были известны прежде всего кельты. В Глануме (по–гречески Гланон) в нижнем течении Роны в окрестностях Арля (Буш–дю–Рон) также сохранились остатки города по крайней мере с четырьмя фазами заселения. Древнейшие памятники кельтских времён с местным святилищем часто напоминают в скульптурных работах Энтретон и Рокепертус. С эллинистического времени там сохранились остатки стен II века, а также перистиль (колонный зал), окружающий ампливий (бассейн для дождевой воды), и мозаика, по–видимому, старейшая на территории нынешней Франции. Но и последующие столетия оставили тут свой след: много домов периода романизации середины последнего века и доказательства оживлённой строительной деятельности галльско–римского периода вплоть до последней трети III века. Город был разрушен германцами около 270 г. н.э. В Глануме сохранились старейшие в Галлии городские ворота середины последнего столетия (периода примерно 40 г.) с рельефами на боковых стенах, изображающими пленных галлов.

Романизация Галлии в этой южнофранцузской области быстро обрела прочные опорные пункты. Достаточно привести Арль с построенным во времена Августа театром, со сценой, достигающей 104 м в длину, и со множеством скульптурных украшений (мраморные фигуры танцовщиц), Оранж (Воклюз), где также ещё во времена Августа возник театр с водопроводом, римские мосты в Апта (Апта Юлия) или Вазийон Воконциорум (Везон–ля–Ромэн, Воклюз), когда-то важный кельтский город, а в период романизации богатейший город на левом берегу Роны, или, наконец, храмовые постройки у священного источника в Ниме. Непосредственно по соседству с Энтремоном возник город Аквы Секстиевы. Под всеми этими влияниями находилось затем и развитие в самой Галлии.

Кельтская скульптура в собственно Галлии и в Средней Европе

Древнейшей каменной статуей латенского периода можно было бы считать фигуру воина из Грезан (музей в Ниме), которую С. Рейнах считает кельтско–греческой работой, относя её ещё к V веку. Броня с поясом и, главное, с кельтским браслетом, по его словам, являются первой ступенью, ведущей к каменным пластикам Галлии и рейнской области. Трудно однако датировать её точно. Старейшие памятники кельтской пластики можно было бы искать ещё в гальштаттский период; однако нам известны главным образом мелкие пластики того времени, скорее художественно–ремесленные работы.

Как доказывают сделанные находки, кельтская фигуральная пластика внутренних областей бедна, редка, в большинстве своём схематична, более или менее столбообразной (стелообразной) формы, с декоративными элементами. Она встречается во Франции, в прирейнских областях и в Чехии. Она тесно связана с культовыми и религиозными представлениями, а кельтское тяготение к орнаменту, которое так ярко проявилось особенно в мелкой бронзовой индустрии, нашло своё отражение и в пластике. Галльские скульптуры лишь изредка достигают крупных размеров. Некоторые из них совсем маленькие и очевидно были лишь символами; часто в них сказываются пережитки старых времён и даже представления тотемистического характера.

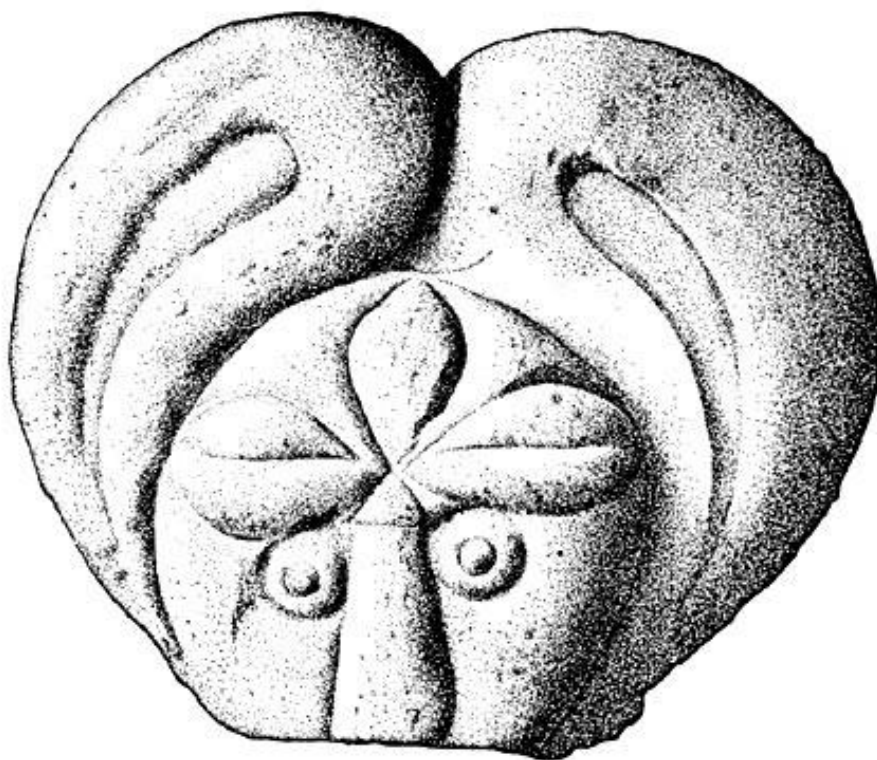
Известняковая статуэтка бога с изображением дикого кабана на груди и с кельтской шейной гривной — торквесом из Эффинье в бассейне Марны имеет всего 26 см в высоту и по технике напоминает деревянные пасти (таб. XVIII). По духу своему она кельтская, и иногда её относят к более древнему периоду, в действительности же она относится скорее к позднелатенскому времени, когда во всём кельтском мире мы находим бесчисленное количество кабаньих фигурок (рис 14); в большинстве своём это маленькие бронзовые статуэтки, возможно символического назначения, являющиеся яркими образцами стандартного производства; они исполнены также в рельефе на скульптурных работах или вычеканены на торевтических изделиях. Лишь очень редко такие статуэтки бывают крупных размеров. Бронзовый кабанчик из Неви–ан–Сюлли (Луаре) относится к числу таких более крупных бронз (высота 68 см); друиды очевидно спрятали его в период римской оккупации в землю на левом берегу Луары против главную святилища, находившегося на противоположном берегу реки у нынешнего Сен Бенуа–сюр Луар (Флориакум, Флери).

Рис. 39 Пфальцфельд (Ст. Гоар). Кельтский столб из грубого песчаника, высота сохранившейся части 148 см

Бронзовая статуэтка бога или героя из Буре (Сена и Уаза) в парижской области, сидящая фигура с оленьими ногами (см. ниже упоминание о боге Цернунносе) имеет всего 45 см в высоту. О её происхождении говорит кельтская шейная гривна — торквес и сине-белая вставка из стекла, типично кельтская, сохранившаяся до сих пор в левом глазу; руки фигуры не сохранились. Скульптура эта бронзовая, полая, составлена из двух частей, передней и задней (таб. XVII). Лантье и Губерт относят её ко II или последнему веку до нашей эры. Кажется, что это сравнительно позднее произведение.

Вопрос о различных деревянных фигурках, в том числе и фигурках идолов, более сложен. В латенское время их было, по-видимому, много, сохранились же лишь незначительные остатки торсов. В священном колодце галльского храмового района в Монбуи (Луаре) была найдена деревянная статуэтка, имевшая 58 см в высоту (рис 38), и голова другой, 22 см в высоту. Это статуэтки грубой работы ещё времён романизации Галлии, которые дают нам возможность составить хоть отчасти представление об этих «*simulacra*», как их называет Лукан.

Рис. 40. Гейдельберг, Германия. Голова из песчаника с типичными признаками кельтского искусства

Несколько экземпляров кельтских скульптур обнаружено в прирейнских областях и в Вюртемберге. Они опять-таки по преимуществу менгирообразные, столбовидные. Очень древние черты носит обелиск из Пфальцфельда в гунсрюкской области (рис. 39). Со всех четырёх сторон он украшен рельефами, которые ещё напоминают ранний стиль кельтского искусства; голову венчают «рыбьи пузыри», а рельефно исполненные S-образные узоры или соединены друг с другом или составляют мотив лиры. Этот пирамидальный столб из песчаника, 148 см в высоту, возможно первоначально заканчивался человеческой головой и может относиться к IV или III веку. Подобные древние черты несёт и обломок головы из Гейдельберга, сделанной из песчаника, 36 см в ширину (рис. 40), которая явно является частью крупного объекта. К латенскому периоду следует отнести и каменную фигуру из Гольцгерлингена в Вюртемберге, ранее считавшуюся славянской или средневековой (рис. 41). Её голова первоначально была двуликой (рис. 22) — мотив, с которым мы уже познакомились на юге Франции. Наконец, в этой связи необходимо упомянуть о четырёхгранном столбе из песчаника (сохранившаяся высота более 120 см, рис. 42), который был найден в 1864 г. в окрестностях Вальденбуха между городами Тюбинген и Штуттгарт; верхняя часть его не сохранилась. Орнамент в виде завитков и украшения пояса говорят о связи с латенской средой, хотя общий вид не слишком выразителен.

В этой связи нельзя не упомянуть голову героя, сделанную из песчаника, найденную по-видимому в священном месте, в Мшецких Жехровицах в окрестностях г. Нове Страшеци (Чехия), поскольку она является особо важной находкой для ознакомления с кельтской пластикой. На восток от прирейнских

областей это пока единственная находка, но из известных до сего времени пластик она является самым типичным кельтским произведением, возникшим в кульминационный период кельтского могущества в средней Чехии, скорее всего во II веке до н.э. И здесь можно предполагать некоторые юго–восточные влияния, однако общий вид, последовательная стилизация плоского человеческого лица, рта, усов, глаз и волос — всё это в целом носит выразительные кельтские черты; волосы обрамляют голову как венец скорее орнаментального характера, на шее — типично кельтский торквес (рис. 44 и таб. XX). Пока эта голова является редкостным уникалом без точных аналогий в Галлии и служит ясным доказательством того, что кельтская скульптура пустила корни и в Средней Европе. Это означает, что в чешских землях были такие же культовые обычаи, что и в Галлии, и что они даже менее подверглись южным влияниям. Голова была отбита от какой–то подставки или от целой статуи и происходит из одного из центров кельтского могущества в Чехии; а так как таких центров было в Средней Европе много, а в некоторых областях есть признаки явной концентрации кельтских могильников (рис. 16) и поселений, то можно ожидать, что в будущем будут сделаны новые подобные находки.

Кельтские маски

Очень важную роль в культовой жизни кельтов играла маска. Кельтские маски не представляют собою верных изображений богов или героев и не всегда предназначались для человеческого лица. Они скорее символы, служащие культовым целям, сильно стилизованы и часто по размерам гораздо меньше человеческого лица. Маска кельтского героя из пиренейской области во Франции, найденная ещё в 1870 г. (рис. 45), вычеканена из бронзового листа и надевалась на деревянный столб, как показывает отделка шеи. Высота её — 17,2 см, сзади она открыта, спереди вырезаны глазные впадины, которые первоначально были заполнены стеклом, эмалью или самоцветами. Волосы уложены спиралеобразно, усы и борода нанесены в виде S–образных завитков; форма носа и губ вместе с остальными признаками позволяют отнести её к III или II веку до н.э.

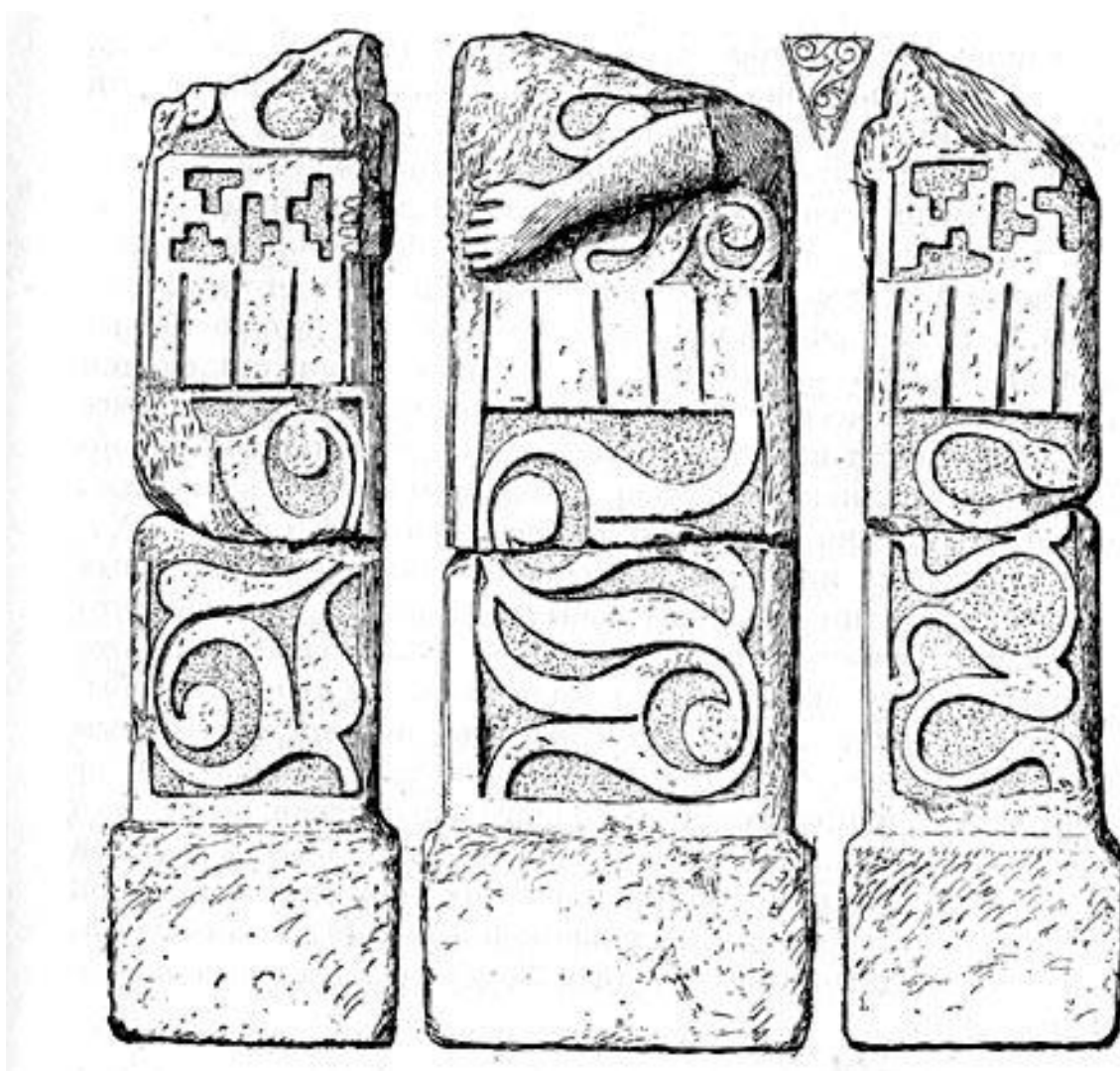
Рис. 41. Гольцгерлинген (Бёблинген), Германия. Стела из песчаника с головой бога, похожего на Януса, со сложенными руками. Высота 230 см. Музей в Штуттгарте. См. рис. 22

Высота мужской маски из Гарансьер-ан-Бос (Эр и Луар), найденной в 1864 г. в области у Шартр на юго-запад от Парижа, всего 9,8 см; она сделана из бронзового листа, сзади опять-таки открыта, усы отсутствуют (рис. 46); глазные впадины также пусты. В-общем в ней сохранён кельтский характер, хотя черты её более резки; относится же она скорее к более поздним кельтским бронзам.

От Пиренеев через Луару до Сены и Марны принцип масок в-общем был схожим. В конце латенского и в начале римского периодов появляются также железные маски (маска из Аллансона, деп. Эр и Луары, из храмовогоклада, высота 12 см). В музеях Чехии также имеются обломки железных масок (окрестности г. Кладно), однако датировать их трудно. Кельтские маски и головы, по-видимому, помещались иногда по сторонам жертвенных столов, судя по

находкам в Сан–Маргаретен в Лавантской долине, которые, впрочем, относятся уже к римскому периоду.

Рис. 42. Каменная статуя латенского времени из Вюртемберга (Вальденбух, на юг от Штутгарта). Четырёхгранный столб, верхняя попорченная часть отсутствует, высота около 120 см (Р. Кнорр, Германия)

Мелкие бронзы, как указано выше, были широко распространены в позднелатенское время и в начале римского периода. Это уже иной вид скульптуры, где появляются фигуральные изображения в ритуальной наготе, но уже в движении. Иллюстрацией могут служить несколько бронзовых фигур из Неви–ан–Сюлли (деп. Луара) или из Сан–Лоран–де–Буа (деп. Луары и Шер, фигурки танцовщиц, идущих мужчин и др.). Иной характер носят также работы римских художников, которые придают скульптурным изображениям галлов гораздо больше жизненности. Голова из Приллы (кант. Ваадт, Швейцария) представляет такой тип изображения швейцарского кельта. Художник исполнил её в бронзе (глаза из меди) и сохранил в ней некоторые черты кельтского искусства.

Кельтские священные места, ограждённые участки и святилища

Во внутренних районах кельтского мира, в рейнских областях и в чешских землях мы не находили в латенский период храмов и святилищ такого типа, как в южной Франции. Здесь есть лишь доказательства о существовании священных мест культового характера, ограниченных забором, валом или рвом, в большинстве случаев очень простым. Часто это был лишь участок земли, на котором находилась роща со священными деревьями или определённое дерево, а иногда просто кол или столб. Священными были некоторые леса и горы, «loci consecrati», священные места, где кельты приносили жертвы богам, как нам сообщает сам Цезарь.

Необходимо иметь в виду старые традиции и обычаи, которые удержались с предшествующих времён. В Кобенер Вальд между Кобленцом и Майном была обнаружена круглая площадка (Goloring) диаметром свыше 200 м, окружённая валом и внутренним рвом; в возвышенной центральной части находилась столбовая яма, в которой первоначально стоял деревянный столб, по-видимому довольно высокий. Захоронений на площадке не было, но в центре её и во рву были найдены гальштаттские черепки. Такие объекты пока имеют не много систематически открытых аналогий. В 1959 г. работники Института археологии Чехословацкой Академии наук открыли под руководством А. Рыбовой в Либеницах у Колина в средней Чехии овальный культовый объект длиной более 80 м (80x20 м), ограниченный рвом. В восточной половине объекта была система ям с широкой каменной стелой, отчасти искусственно обтёсанной, а перед ней овальное основание некоего жертвенного стола, составленное из крупных камней. Ввиду того, что рядом с ним были найдены следы дерева и две шейных гривны из проволоки, можно предполагать, что гривны в своё время находились на деревянном столбе (или столбах), а вокруг этого символа производились культовые обряды. Множество костей животных также говорит о жертвоприношениях. Керамика, найденная в этом месте (главным образом черепки), относится к гальштаттско-латенскому времени, примерно к IV—III векам. Во второй половине культовой площадки был найден костяк женщины, относящийся приблизительно к III веку, с погребальным инвентарём кельтского характера, с латенскими бронзовыми фибулами со свободной пяткой, с кольцами и браслетами. Это уже второй объект культового характера в Чехии. В первом, в Мшецких Жехровицах, по-видимому более позднем, была найдена голова героя (рис. 44).

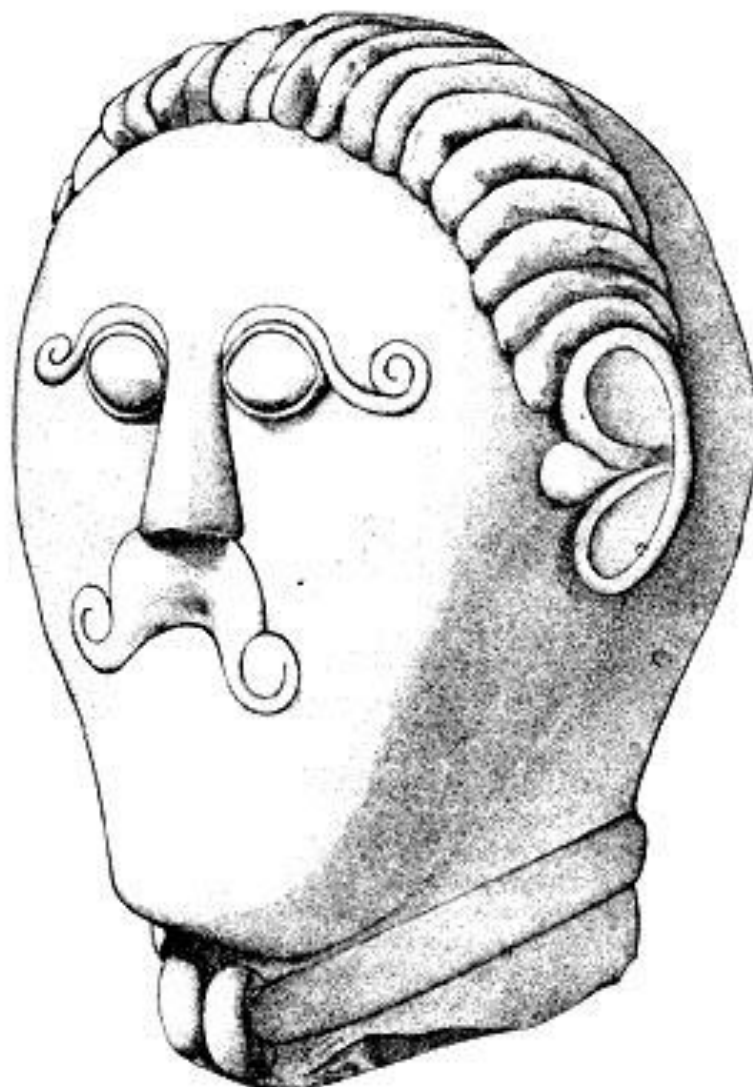

Рис. 43. Галл в домашней одежде. Галльско-римская работа прибл. II в., найденная у Анпуаньи-Оксерр (Ионнэ). Известняк, высота 45 см. Музей археологии в Оксерр

Нельзя забывать, что в латенское время роль символа божественного могущества играли также шейные гривны высокохудожественной работы. Серебряный торквес из Трихтингена в Германии (таб. XXII, железная основа), блестящая кельтская работа примерно II века до н.э., весит 6,75 кг и использование его в качестве шейной гривны мало вероятно; скорее всего он висел на каком-нибудь деревянном столбе или идоле.

В Фрилфорде в Беркшире было открыто место с шестью большими столбовыми ямами, идущими двумя параллельными рядами; у подножья одного столба был умышленно положен железный сошник; реконструировать всю площадку уже не было возможности. Судя по найденным в погребениях фибулам, можно говорить о латенском времени и периоде галльско-римском. В Экюри-ле-Репо были в центре огороженной площадки четыре столбовые ямы, расположенные по квадрату, с большой ямой посередине; вполне возможно, что там когда-то находилось крытое сооружение со священным столбом или изображением бога.

Упоминавшаяся выше голова кельта с торквесом, найденная в Мшецких Жехровицах, была обнаружена в яме, находящейся на прямоугольной площадке площадью 200х105 м с насыпным валом, разделённой внутри дополнительными валами на три части; несомненно, что и здесь было место культа.

Рис. 44. Мшецке Жехровице (р-н Ново Страшеци), Чехия. Голова кельтского героя, рисунок-реконструкция. Опора, высота 25 см (см. XX таб.)

Некоторые деревья наделялись божественными качествами или хотя бы магической силой. Доказательства этого имеются и в более поздних римских надписях или в ирландских текстах. В них упоминаются боги дуба и бука (*deus fagus* — бог бука, *deus sexarbores* — бог шести деревьев, *deus robus* — бог дуба и др.). Согласно Максиму Тирскому ствол дуба служил кельтам в качестве статуи Юпитера. В Ирландии встречаются упоминания о священном дереве (*bile*) и некоторые личные и племенные имена говорят о той же связи (ирландский Мак Ибар, сын тиса, название Эбуронес включает в себе также название тиса, галльское имя Гуидген означает, вероятно, сын дерева, леса или ольхи). Некоторые кельтские священные места были связаны с захоронениями или,

возможно, захоронения выдающихся лиц служили основой священности этих мест. Нам известней относящийся к раннему периоду камень из Штоккаха в Вюртемберге, связанный с трупосожжением под курганом. В северо–восточной Франции на Марне есть площадки, окружённые четырёхугольным рвом, служащие общими местами погребения для определённых родов. Обычай сооружать круг (ров) вокруг захоронения или вокруг всего кургана был довольно распространён ещё с бронзового века и сохранился в гальштаттское и латенское время. Из этого не следует, однако, что вообще кельтский храм был по существу огороженной могилой какого–либо героя.

В топонимике почти во всём кельтском мире широко распространено слово «неметон», которое, вероятно, также имеет связь со священностью места. «Неметон», по всей вероятности, кельтское святилище, не всегда было зданием: часто, по–видимому, это была только священная роща. В северо–западной части Иберийского полуострова упоминается Неметобрига, на территории атребатов в северо–западной Галлии Неметакум, в малоазиатской области — Друнеметон, как место собрания галатов; в Британии находился Вернеметон, в южной Шотландии — Медионеметон. В Ирландии, согласно Пауэлу, «фиднемед» означало священный лес, латинские глоссы присоединяют к слову «немет» слово *sacileum*, ограда, место культа. Автору глоссы VIII века известно слово «нимидас» — священное место в лесу или роще. Более поздние записи также говорят о лесе Немет, а по свидетельству древних писателей, друиды часто совершали обряды и жертвоприношения в лесах. В Швейцарии ещё в римский период почитались боги гор и рек.

Четырёхугольные священные объекты с насыпями, по всей вероятности, являются предшественниками кельтских святилищ, которые под римским влиянием превратились в четырёхугольные здания, часто окружённые колоннадой или оградой. Галльско–римские святилища этого типа, четырёхугольные и кольцообразные, иногда располагались и на вершинах холмов; о них мы упомянем ниже. Весьма почитались священные источники, родники, заводы и некоторые болота и торфяники, как об этом ещё в древности упоминает Посидоний.

Вотивные дары и жертвоприношения

Другим религиозным и культовым проявлением были жертвоприношения и вотивные дары иликлады в некоторых священных местах. В настоящее время жертвоприношениями считаются также крупные находки оружия в Латене и Порте (Нидау) в Швейцарии, хотя и не всегда эти утверждения вполне убедительны. Из двух с половиной тысяч найденных в Латене предметов более трети составляет оружие, железные мечи (некоторые с клеймами), копья, дротики и щиты.

О характере некоторых находок в настоящее время судить трудно. Известная находка в Чехии в духцовском горячем источнике (с. Лагошть), сделанная в 1882 г., содержала около 2000 предметов, главным образом фибул и браслетов, большая часть которых находилась в бронзовом котелке, иногда её считают вотивным кладом, иногда торговым.

Известно, что кельты совершали большие жертвоприношения перед битвами и после их победного конца, а на священных местах оставляли часть военных трофеев. Об этом упоминают Цезарь и Посидоний, а Страбон говорит о больших votivных кладах вольков–тектосагов в священных местах и заводах у Толозы (Тулуза). Там был, якобы, большой клад необработанного золота и серебра, который римляне захватили в 106 г. до н.э. Согласно Диодору, золото, как жертвоприношение богам, было обычным явлением в кельтских священных местах и «храмах», которых было очень много, и никто из местных жителей не осмеливался до него дотронуться.

На острове Англси (Ллан Керриг Бах, рис. 47) в последнем столетии старой эры сбрасывали со скалистого утёса в воду оружие, оковку повозок и цепи пленников или рабов, такие же места жертвоприношений мы находим и в Шотландии, Англии и других местах. В Шотландии ещё в начале нашей эры приносили в жертву целые коллекции таких votivных предметов, очень часто в котелках (Карлингварк, Блэкбурн Милл, Экфорд). Иногда же кельты использовали в этих целях предметы старые, повреждённые или поломанные. Великолепные щиты из Темзы у Баттерси или из Линкольншира (Уитхэм) были скорее потеряны при переходе через реку, чем принесены в жертву.

Рис. 45. Маска кельтского бога из области Пиренеев. В отверстия для глаз были первоначально вставлены эмаль или стекло. Бронзовый лист, высота 17,2 см. Музей Тарб, Франция

Оказавшись в тяжёлом положении, целые племена, семьи и отдельные лица (при болезни, опасности для жизни) приносили жертвы, прибегая к помощи друидов, чтобы приобрести расположение богов. О характере и способе таких жертвоприношений нам известно мало. Древние писатели коротко упоминают о жертвоприношениях скота, а иногда и людей. Некоторые галльские племена, по свидетельству Цезаря, плели из ивовых прутьев большие корзины в форме человеческих фигур, помещали в них живых людей и сжигали. Они полагали, что богам приятнее принесение в жертву таких людей, которые были пойманы при преступлении, однако при недостатке таких жертв в жертву приносились и невинные люди. Это было основано на веровании, что некоторых богов можно угодотворить сожжением жертвы, других её утоплением или повешением (см. ниже). Путём жертвоприношений обеспечивались также хороший урожай, рождение здоровых детей или удача в скотоводстве. Вся жизнь кельтов была проникнута такими обычаями, в которых довольно легко обнаружить пережитки более древних времён, когда постепенно развивались примитивные религиозные представления.

В различных культах и обрядах большую роль играли культовые котелки, простые и великолепной художественной работы. Блестящим образцом последних является серебряный культовый котелок из Гундеструпа в Ютландии. Он найден в 1891 г. в болоте в окрестностях Аалборга; его высота 42 см, ширина 69 см, вес почти 9 кг. Чеканные стенки котелка с внутренней и с внешней стороны покрыты серебряными позолоченными пластинками с изображением богов или героев, глаза которых инкрустированы синей эмалью. На одной из пластинок изображён бог Цернуннос, на другой бог с колесом (Юпитер–Таранис?) или трёхголовый бог, на третьей человеческая жертва, опускаемая вниз головой в кадку с водой. На внутренних пластинах мы видим воинов со штандартом или значком в виде дикого кабана, шеи некоторых фигур или головы героев украшены кельтским торквесом (таб. XXIV—XXV). Место изготовления этого котелка точно не известно. Согласно данным Дрекслера, он был сделан где-то на юго-востоке, на территории скордисков в нижнем течении Дуная; Хоукс и Рейнеке допускают, что это кельтско–лигурийская работа II века, захваченная кимврами и попавшая с ними на север. Некоторые же исследователи полагают, что это более позднее изделие, возникшее под влиянием восточных культурных течений (культа Митры), гораздо позже, вероятно, в северо-восточной Галлии. В Дании были найдены и другие котелки — в Ринкеби и в последнее время (1952 г.) в Бра в восточной Ютландии (бронзовый котелок с железным венчиком и фигуральными украшениями в виде бычьих головок, около 118 см в ширину и 70 см в высоту). О. Клиндт–Енсен полагает, что этот котелок мог быть изготовлен в латенское время в одной из мастерских в Моравии.

Утопление жертвы изображено и на котелке из Гундеструпа. Кажется, однако, что жертвоприношение или обет могли быть совершены и символично, путём ранения себя оружием и кропления собственной кровью священных предметов, алтаря или деревьев. Некоторые упоминания Тацита и Лукана допускают такие предположения.

Религиозные представления кельтов

Первоначально религиозные представления были очень тесным связующим звеном всего кельтского общества, и как сообщает Цезарь, народ в Галлии был очень предан религии. Как и все народы, кельты сохранили с древних времён некоторые магические обряды и ритуалы, при помощи которых они старались приобрести расположение разных божественных сил. Нельзя, однако, предполагать у них наличие чёткой веры в смысле более поздних мировых религий, много черт в мифах, культе и в священной терминологии является пережитком и наследием более древних времён. Источников для ознакомления с кельтской религией не так уж мало, но они редко заслуживают доверия. К ним относятся сообщения древних писателей, памятники с надписями галльско-римских времён, чаще всего латинскими или греческими, которые содержат, по крайней мере, имя какого-либо местного бога, далее филологические исследования о значении некоторых слов, сказания и старая ирландская [пропущено] и потому это *interpretatio romana* (римское толкование) не всегда правильно освещает кельтскую религию. Отчасти это относится и к сообщениям Цезаря. Все тонкости культа и различных обрядов чужестранцу трудно понять правильно, так как он не сжился с чужой средой, а ещё труднее человеку XX века с совершенно иным образом мышления и иными взглядами на сущность их религии.

При таком положении очень трудно добраться до существа кельтской мифологии. Кажется, однако, что кельтский партикуляризм процветал как в политической жизни, так и в религии, то есть первоначально у каждого племени были свои местные боги и культы, в которых мы лишь в очень общих чертах можем предполагать наличие общего представления о некоторых высших божествах, различно называемых отдельными племенами. Поэтому было так легко связывать имена местных богов с именами богов римских — Меркурия, Марса и других. Вполне даже возможно, что одному и тому же божеству в двух отдалённых областях приписывались различные атрибуты и функции. Неясное общее представление о таких существах, по-видимому, было, и на него опираются те, кто говорит о кельтском пантеоне, в котором племенные божества представляли собою лишь различные варианты, обусловленные местом и временем. Необходимо однако помнить, что кельты приходили в соприкосновение с древним местным населением (особенно в Средней Европе), с его собственным миром религиозных представлений, что при более длительном сосуществовании могло оказывать влияние на кельтские представления. При вступлении в писаную историю кельты уже прошли процесс развития первоначальных тотемистических представлений, но некоторые пережитки и отголоски их всё-таки остались. Вместо первоначальных родовых тотемов мы находим героев рода или племени.

Между подлинными богами и героями в кельтской религии нет ясной и определённой границы. Герои не являются сверхъестественными существами; они действительно жили как люди и только позже представления об этих людях соединялись с представлениями о высших существах. В ирландских легендах боги живут как люди, а люди переходят в мир богов. Бог и человек при определённых условиях в значительной мере сочетаются.

*Рис. 46. Мужская бронзовая маска из Гаронсьер–ан–Бос (Ер и Луар).
Бронзовый лист, высота 9,8 см. Музей де Шартр (Франция)*

По–видимому, действительности больше всего отвечает представление о племенных богах. Примерно так как в Ирландии был Дагда отцом рода и его покровителем, были и другие мужчины–боги очень тесно связанные с определёнными племенами. Особых богов Солнца и войны, вероятно не было; такие функции соединялись лишь с различными племенными богами. Точная специализация и определённый круг деятельности богов свойственны скорее лишь Средиземноморью и встречаются чаще в городской среде, а исконным кельтам это было совершенно чуждо или перенималось ими лишь дополнительно. Этим мы можем объяснить многочисленность имён кельтских богов, компетенции которых часто переплетаются. Весьма сложная символика кельтских представлений мешает нам проникнуть в самую сущность. В этой символике, как уже было указано, важное место занимал, кроме прочего, как на островах, так и на континенте, культовый котелок. В Ирландии магический котелок был символом изобилия и бессмертия и часто помещался на священном месте или в здании. При торжествах, известных под названием гобния, в котле варилось магическое пиво для питания и подкрепления божеств.

Некоторые божества, как самые важные, упоминаются ещё до романизации Галлии. Согласно Цезарю, самым высшим богом Галлии был покровитель дорог и купцов (примерно как римский Меркурий) и покровитель искусств, техники и

ремёсел; в Ирландии Луг был также покровителем всех искусств и военных доблестей, и, как мы уже видели, Лугдунум в Галлии приобрёл большое значение.

Бога Тараниса считают властелином небес; в галльском языке с древних времён это понятие связывалось с символикой колеса. На внутренней пластинке гундеструпского котелка мы видим изображение бога или героя с поднятыми руками, который дотрагивается правой рукой до колеса. Впрочем, маленькие бронзовые колёсики–подвески подобного характера представляют собой обычный инвентарь в кельтских оппидумах, у нас, например, в Страдоницах (таб. XXXV), и бывают изображены также на кельтских монетах. Бог с колесом позже появляется на бесчисленных галльских памятниках и сравнивается с римским Юпитером. Иногда он держит в руке колесо, иногда молнию (по–кельтски «таран», гром), но колесо в религиозных представлениях символизирует также солнце.

Поэт Лукан (I век н.э.) называет всего трёх кельтских богов — Тевтатеса, Эзуса и Тараниса. Но и эти божества определены не совсем ясно и не были распространены повсеместно. Согласно комментариям к этому тексту, Таранис, якобы, умиротворялся сожжением жертвы, Тевтатес — её утоплением (опусканием в кадку), а Эзус — повешением; последнее особенно важно для понятия священности деревьев. Тевтатес описывается Цезарем как бог войны. Его имя происходит от кельтского слова, обозначающего племя, а в римском понимании его уподобляют богу войны Марсу, а иногда Меркурию. Первоначально, вероятно, это было местное божество, защищавшее свой народ и во время войны; необходимо снова напомнить, что кельтское племя и в военное время составляло самостоятельное образование даже при совместных действиях многих племён.

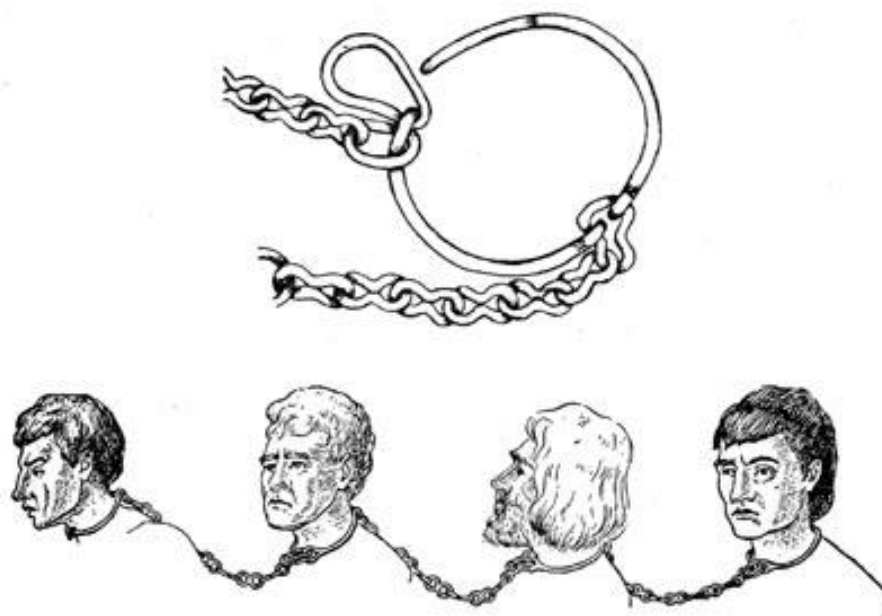
Эзус появляется позже, часто в образе Марса или Меркурия. Лукан делит эти старые кельтские божества на две группы. Одну из них составляют Эзус и Тевтатес (Марс, Меркурий), вторую Таранис — сочетание образов Юпитера и Диспатера, отца Дита (*dis pater*, которого галлы считали своим предком, ссылаясь на учение друидов); позже этот бог отождествлялся с Плутоном, богом подземного царства, но эти имена слишком неясны, чтобы они не могли быть именем какого–либо из племенных богов.

В Провансе, прирейнских областях и в Ирландии почитались также женщины–богини, в Ирландии этим богиням подчинялись даже боги мужского пола. Культ плодородия, плодovitости и подземного царства здесь являлся господствующим. Впрочем, культ матери–земли был известен в Европе в древности уже в позднекаменный век, и богини–женщины считаются порождением более древнего матриархального общества, отголоски которого сохранялись в сознании народа очень долго. Очевидно такого же древнего происхождения является и почитание троицы богинь–матерей (*matrea, matronae*), изображавшихся чаще в сидячем положении с атрибутами плодородия и плодovitости (рис. 49). Эта троица почиталась у тренеров и в других местах, а иногда вместо троицы встречается и одна женщина.

С изображением богов в так называемой позе Будды (сидячей) мы познакомились в южной и средней Франции (таб. XVII, рис. 36). Макробий, позднеантичный писатель, считает эту сидячую позу характерной для богов изобилия и плодородия (атрибуты: сума, крыло, корзина с плодами и т.д.). Часто

бог держит в руке змею с бараньей головой или галльскую шейную гривну (Гундеструп).

Таким образом, функции разных богов часто переплетались. При романизации кельтских религиозных представлений делались попытки сделать выбор мнимо стандартизованных божественных представителей, но в действительности заменялись имена и часто, насильственно или случайно, их объединяли с некоторыми римскими божествами. Поэтому очень трудно разобраться в многочисленных богах, которые упоминаются в галльской среде: Альбиорикс — царь мира, Манопос — великий юноша, Тонтиорис — владыка племени, Катурикс — царь битв, Огмиос — сопровождающий усопших с посохом и луком и др. Эдуи почитали бога, изображавшегося с молотом и посохом, часто в паре с сопровождающей его богиней. Источники приводят около 400 имён или прозвищ богов и богинь. В пиренейских областях, в Британии и в Норике имеются многочисленные надписи—посвящения (дедикации); в большинстве из них имена приводятся лишь один раз, а изображение их атрибутов очень разнообразно. Чаще всего эти атрибуты напоминают Марса или Меркурия, реже Аполлона, Сильвана или Минерву. Иконография отдельных божеств не была точно разработана, атрибуты отдельных богов часто совпадают. Лишь некоторые божества, как кажется, пользовались большей популярностью. Бог с оленем встречается в средней Галлии, бог со змеями на востоке. Беленус почитался в Галлии, в северной Италии и в Норике; богиня лошадей Эпона — в названных странах, в Британии и в кельтоибрийской области (рис. 49). Иногда божества изображаются в паре, бог и соответствующая богиня — Суцеллус и Нантосуэльта в Галлии, Видасус и Тиана в Паннонии и др. Но для кельтской среды особенно типична троица.

Рис. 47. Оковы из Ллан Керриг Бах, Англси, и пленные в этих оковах (реконструкция Фокса)

Мы познакомились уже с троицей матерей, но встречается и бог с тремя головами или с тремя лицами (рельефное изображение трёхголового бога в области Реймса, трёхголовый бог на сосуде в Бавэ), встречаются и бык с тремя рогами (tarvos trigarvao), троица животных или фигуры, обладающие способностью утроиться и т.д. Число «три» кельты считали символом силы и совершенства, трёхголовый бог был самым могущественным.

Божественный бык Дейотарос известен в галатской малоазиатской области, в символике встречаются ворон, голубь, баран, бык и другие животные. Галльский бог Цернуннос изображается с оленьими рогами, выше мы уже говорили о боге с диким кабаном в качестве атрибута.

В научной литературе иногда высказывается мнение, что божества, связываемые с определёнными животными, первоначально имели облик этих животных (священное животное племени, тотем), и что позже, когда боги приобрели более определённые человеческие черты, эти животные стали лишь их атрибутами. Пока, однако, известны лишь изображения богов с указанными атрибутами, которые в большинстве случаев относятся уже к более позднему времени. Большое количество мелких бронзовых, а также глиняных фигурок в галльско-римских храмах свидетельствует о votivных дарах кельтского народа и о его вере, которая жила длительное время ещё в римскую эпоху.

Определённым предметам или знакам приписывалась волшебная сила, предохраняющая от дурного глаза, чумы и других опасностей. Ещё в христианское время такие знаки были на стенах г. Клермон — они защищали население от чумы.

О роли друидов в кельтском обществе мы упоминали в иной связи, как и о бардах-певцах. «Эухаги» были, по-видимому, жрецами и пророками; далее приводятся «ватес», роль которых не совсем ясна.

В ирландских легендах сохранились описания очень сложных ритуальных обрядов. Молодой вступающий на трон король считался смертным супругом местной богини и вступал с ней в брак символическим преподношением чаши. Эту богиню он встречал в образе красивой девушки у колодца или источника. Когда король старел, богиня также превращалась из красивой девушки в старуху. Интересно, что в этих легендах фигурирует также комический персонаж в короткой одежде с большим посохом, который иногда везли на колёсах, с магическим котлом неисчерпаемости, омоложения и вдохновения. Поэтому очень важен тот факт, что мелкие бронзовые фигурки мужчин с посохом или с подобным предметом в позднелатенское время не являются редкостью и, что мы их находим и в чешском оппидуме Градиште у Страдониц. В Галлии подобный тип представлен в виде бога с молотом и чашей или миской (Суцеллус). Жиральдус Камбрэнсис, автор топографии Ирландии периода около 1185 г., с возмущением описывает очень архаичный обряд при вступлении на трон королей Ульстера. Король должен был публично оплодотворить кобылу, которую затем убивали, варили в воде, в этой воде король купался, а затем вместе с народом съедал мясо. Этот варварский обряд, вероятно, очень древнего происхождения, так как подобные конские жертвоприношения известны нам и в других частях света, например, в Индии.

Кельтский календарь исчислял время по ночам и был основан на наблюдениях за луной. Год делился на два основных периода, тёплый и холодный. Конец старого и начало нового года в Ирландии (самаин) праздновался около 1 ноября, когда скот сгонялся с пастбищ и собирался в одном месте. Накануне самаина освобождались магические силы, магические войска выходили из пещер и холмов. Вторым важным праздником было начало тёплого периода, «белтине» (кельтское слово, означающее огонь) или «кетшамейен», согласно Пауэлу (это название, быть может, можно поставить в связь с континентальным богом Беленусом). Он праздновался около 1 мая, когда скот выгонялся на общие пастбища; существовал обычай зажигать большие костры, между которыми проводили скот, что должно было защитить его от всех болезней. В Ирландии существовали и другие сезонные праздники — имболе в начале февраля, возможно, в связи с разведением овец, и лугнасад около 1 августа, по-видимому, ради обеспечения хорошего урожая; это последнее название перекликается с именем бога Луг и Лугдун (нынешний Лион), который когда-то был главным городом трёх Галлий. По воле императора Августа в 10 г. до н.э. там отмечался праздник около 1 августа, как и в Ирландии, а Луг тем самым был произведён в бога всех галлов в параллель римскому Меркурию.

Погребальный ритуал

Картину религиозной жизни кельтов дорисовывает погребальный ритуал. Со способами погребения в предшествующее гальштаттское время мы познакомились уже раньше, рассматривая княжеские захоронения. Во время военной экспансии кельтов укоренился обычай хоронить несожжённые тела в могильных ямах, достигающих более 1 м в глубину, на общих кладбищах, которые в археологии обычно называют грунтовыми (плоскими) могильниками (то есть с могилами, в настоящее время на поверхности не выделяющимися, в отличие от существовавшего ранее обычая насыпать курганы). Правда, следует указать, что этот способ погребения начал преобладать главным образом вследствие передвижения кельтов, кое-где и в старой области, но в первую очередь в занятых ими областях. Там, где не было больших перемещений, долго держался старый обычай хоронить в курганах, из которых некоторые, например во Франции, стали общими местами погребения определённых членов общества, по-видимому, главным образом членов одного рода. На той территории, где долго удержался обычай захоронений в курганах, латенская культура не везде распространялась одинаково быстро, иногда там очень долго сохранялись гальштаттско-латенские элементы.

В положении отдельных погребений на грунтовых могильниках не было полного единообразия: сказывались племенные и областные особенности. Вытянутые костяки в Карпатской котловине (в Словакии) часто лежат головой к югу, в Моравии же головой к северу; есть различие и между отдельными могильниками в одной и той же области. На кельтских могильниках этого вида можно отличить могилы воинов и богатых женщин, затем захоронения со скромным инвентарём и захоронения совсем бедные, в которых обычно нет никаких предметов; на некоторых могильниках последние составляют иногда 10—15% всех захоронений. Кроме вытянутого положения, мы находим

погребения в скорченном положении, особенно часто в области моравско–австрийско–карпатской. На некоторых моравских могильниках количество таких захоронений довольно значительно, и объясняется, очевидно, более тесным соприкосновением кельтов с местной средой, что в среднем Подунавье и в Карпатской котловине сказывается и в остальном инвентаре, главным образом, начиная со II века.

Умершие часто похоронены в деревянных гробах или в ямах, стенки которых обложены деревом. Иногда можно прямо говорить о погребальных камерах, например, в Брно–Маломержице или в Велке Мане в Словакии. Выдающееся общественное положение усопших подчёркивалось кольцевым или четырёхугольным рвом, которым обносили могилы (Трновец–Горни–Ятов, Голиаре в Словакии); этот способ бытовал и на западе и даже в более ранний период. В женских захоронениях бывают более богато представлены украшения, иногда и из драгоценных металлов. Керамика в ранней фазе среднеевропейских кельтских могильников встречается очень редко и появляется чаще только во II веке. Нам известны очень богатые захоронения ещё позднего периода, например, захоронение княгини в Дюрене (Баденская область), относящееся к рубежу II и последнего веков до н.э.; среди приношений там были также серебряные застёжки с зернью, браслеты из агата и стекла, золотые кольца, бронзовое зеркало с ручкой, бронзовые сосуды и серебряная монета.

Типично кельтским обычаем было помещение в могилу части вепря (дикого кабана). Это был очень древний обычай, существовавший уже в гальштаттское время, соблюдаемый и в латенское время, несомненно, в связи с погребальным обычаем и погребальным пиром. Кости других животных (телёнка, овцы, коровы) мы находим в могилах лишь изредка. Старый обычай трепанирования черепа (понижение внутричерепного давления путём вырезания овальной пластинки из черепа) бытовал и в это время.

Кроме трупоположения в грунтовых могильниках с III века укореняется и обычай трупосожжения, особенно в занятых кельтами среднеевропейских областях, где так хоронило местное исконное население. Среди пришельцев–кельтов трупосожжение прививалось неравномерно, в одних местах быстрее, в других медленнее. В некоторых могильниках конца II века и начала последнего века трупосожжение преобладает, но обычай хоронить несожжённые тела удержался наравне с трупосожжением до самого рубежа эр.

IX. Наследие кельтской цивилизации и культуры

С середины последнего столетия до н.э. кельтский мир оказался в тисках с двух сторон. С юга напирала Римская империя и быстро продвигала свои границы к Рейну и Дунаю, с севера двигались германцы, набеги которых становились всё стремительнее и опаснее. К концу столетия положение определилось. Кельты утратили на европейском материке решающие позиции, а Римская империя граничила непосредственно с областями, занятыми германцами. Таким образом, кельты на рубеже эр утратили своё могущество и политическое значение, но их вклад в цивилизацию и культуру остался важным элементом европейской

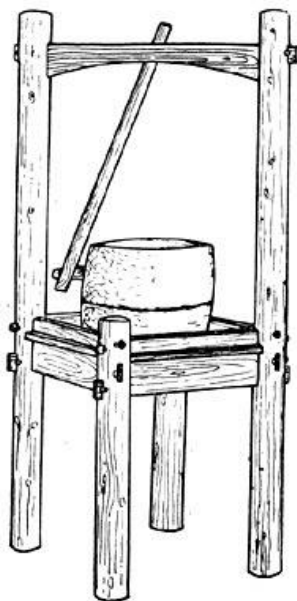
цивилизации как в области техники, так и в изобразительном искусстве и литературе.

Романизация Галлии и кельтское наследие

Для собственно Галлии галльская война Цезаря, победоносно законченная в середине последнего столетия, явилась рубежом. После неё наступил период романизации Галлии со всеми её последствиями. Мужчины были вынуждены сложить оружие и заняться в первую очередь сельским хозяйством, так как римские армии нуждались в большом количестве продовольствия.

Романизация шла с юга Галлии, где римляне обосновались уже ранее, создав там прочную базу для дальнейшего продвижения. Территория, когда-то занятая лигурийскими племенами, народом суровым и жестоким, мужчины которого обладали силой диких животных, а женщины не уступали им в силе и ловкости, была уже давно кельтизирована, а затем занята римлянами. В Провансе ещё при первом императоре Августе была введена новая организация, и он во всех отношениях стал очень похожим на Италию.

В новой эре Галлия снабжает римлян главным образом продуктами сельского хозяйства. На юге были оливковые рощи, плантации фиговых деревьев и виноградники, в остальной Галлии возделывались злаки и разводились все виды скота. Римляне сломили влияние и могущество друидов, опасных в моральном и интеллектуальном отношении, и ввели римское право. Римские чиновники и торговцы быстро наводнили всю страну. Для нового режима было весьма целесообразным опереться главным образом на кельтскую знать, бывших «всадников», которая после потери независимости и падения опикумов охотно и быстро приспособилась к римскому высокому уровню жизни. Строители и техники, призванные с юга, строили для них просторные жилые дома и деревенские усадьбы и обставляли их с южной роскошью; с установлением римской власти при возведении построек уже повсеместно применялся раствор.

Рис. 48. Ручная мельница раннелатенского времени. Реконструкция О. Майора по находке в Базеле

Рим, следовательно, опирался на земельную аристократию, сохранившую в своих сельских владениях обширную клиентелу. Римская администрация юридически закрепила власть господствующего слоя. Были составлены земельные кадастры, связанные с переписью населения и земельных владений; последние были обложены налогом. Земельные владения, тем самым, были индивидуализированы, фундус (поместье) превратилось в обособленную единицу, в которую входили леса, поля, виноградники, плавильни и мастерские; такая недвижимость получала и собственное наименование, не изменявшееся и при перемене его владельца.

Для местной кельтской аристократии особую привлекательность приобрели основываемые новые города, предоставлявшие возможность жить с удобствами и на высоком жизненном уровне, а часто и возможность стать римским гражданином со всеми правами и преимуществами. В этом отношении Рим уже на рубеже эр проявил большую активность. Количество городов быстро росло уже при Августе и его преемниках как в Галлии, так и в Швейцарии, а позже и в бассейнах Рейна и Дуная. Выше мы уже назвали много новых городов на юге современной Франции с их театрами, водопроводами и другими сооружениями. Жителей Вибракты Август в 5 г. до н.э. переселил в новый город Августодун (Отен). В то же самое время, когда возник Лион, называют и Раурику (позже Августа Раурика) в конце пути через Альпы по перевалу Бол. Сен–Бернар. Ещё при Цезаре для защиты от набегов знаменитой гельветской конницы была основана Колония Юлия Эквестрис, затем Новиодун и другие поселения. Сам император Август между 27 и 28 гг. до н.э. четыре раза посетил Галлию. Камбодун в районе нынешнего города Кемптен на берегу Иллера был основан во времена Тиберия (первоначальные деревянные постройки ещё в I веке были заменены каменными), как и лагерь легионеров Виндонисса в современной Швейцарии, в связи с сооружением укреплений в Германии в 17 г. н.э.

Схема городов была единообразной и была приспособлена военным нуждам. В центре был форум, площадь — место народных собраний и рынок, затем храм, базилика для официальных актов и отправления правосудия. На форуме перекрещивались пути, вокруг форума были расположены торговые кварталы и мастерские, на периферии в просторных домах с колоннадами жила аристократия. Строились прочные дороги — шоссе, в большинстве случаев на средства городов и собственников земли. Равно и колонизационная деятельность Рима в рейнских областях имела важное значение, которое можно приравнять к значению строительства в средние века. Возникали великолепные постройки и в сельской местности. Кроме домов вельмож скорее городского характера (вилла урбана), строились виллы–усадьбы (вилла рустика) с просторными жилыми и хозяйственными зданиями.

Безопасность провинции и всей империи обеспечивалась отборными войсками, римскими легионами, которые позже дополнялись вспомогательными отрядами из местного населения. Границы с германским миром на Рейне и Дунае требовали сильной и постоянной защиты, и десятитысячные гарнизоны проводили здесь долгие годы. Постепенно возник крепостной пояс с военными лагерями (кастра и касталли) римских гарнизонов, с небольшими крепостцами и сторожевыми

башнями. В первых двух веках эта военная граница (*limes romanus*, рис. 50) установилась в прирейнских областях, откуда тянулся пояс соединительных укреплений до самого Дуная, и продолжалась по Дунаю до Карпатской котловины. Военные лагеря были весьма благоустроенными, что должно было облегчить жизнь легионеров, прибывающих из южных стран, на негостеприимном и суровом севере. В жилые помещения подводилось центральное отопление (*буросаустум*), сооружались бани (*balneum*) и вводились другие усовершенствования. Под защитой крепости вырастали «*санабае*», посёлки маркитантов и торговцев, так что возникал целый военный город с собственным амфитеатром; неподалёку часто вырастал второй город, гражданский, в котором также было всё необходимое для обеспечения высокого жизненного уровня населения. При галльских городах затем возникали колонии ветеранов, отставных военнослужащих. Все эти существенные перемены оказывали влияние на жизнь как в Галлии, так и в провинциях на восток от Галлии, в Реции, Норике и в Паннонии до самой нынешней будапештской области.

Рис. 49. Некоторые боги Галлии галльско-римского периода: 1 — Эпона, покровительница лошадей (рельеф, Кабель Аллемань); 2 — Бог с коклюшками (бронза, Вьенна, Изера); 3 — Три богини-матери (рельеф из Вертоль, Кот-д'Ор). Музей Шатильон-сюр-Сен; 4 — Меркурий с четырьмя лицами (бронза, Бордо, Кабинет медалей); 5 — Нантосуэльта и Суцеллус, стела с посвящением из

Сарребурга; 6 — Галльско-римский юпитер с колесом и спиралями, бронза. Шателе, От-Марн (П.-М. Дюваль Les deux de la Gaule.)

Таким образом, победа Рима в Галлии не принесла с собой социальной революции. Большинство населения по-прежнему жило в деревнях, было более прочно привязано к земле. Романизация проникала туда значительно медленнее. Именно это деревенское население сохранило язык, старый быт, старые нравы и обычаи и иногда мятежами пыталось пресечь процесс колонизации и романизации. Кроме того, эти широкие круги с собственной продукцией сохраняли также старые технические знания и производственные методы, приспособлявая их к изменявшимся требованиям, так что галльские мастерские продолжали работать и в римскую эпоху и даже стали основой всего провинциально-римского производства.

Развитое кельтское производство керамики было предвестием крупного керамического производства в римский период. «Терра сигиллата», особо клеймёная благородная керамика с тонким красноватым покровом, часто украшенная рельефными фигурными и растительными мотивами, первоначально, т.е. в первом веке до нашей эры, производилась в Италии, в частности в Ареццо (ареццинские товары). Позже, при Тиберии, производство было перенесено в Галлию, сначала на юг, затем в центр и наконец в прирейнские области. Вскоре возникли мастерские во многих местах: в Ля-Грофесенк на юге, в Лезу в средней части, в Рейнцаберне и в ряде других мест, иногда и на другом берегу Рейна. Однако крупные гончарные мастерские арвернов в Ля-Грофесенк и в Лезу (Пюи-де-Дом) работали ещё до прихода римлян и снабжали значительную часть Галлии своими кувшинами и мисками. Производство благородной керамики, следовательно, перемещалось из Италии в галльские области со старой гончарной традицией, а отсюда изделия развозились не только в провинции, но и в области, расположенные севернее, в современную Германию, Польшу и в Чехию. Об участии местных гончаров в этом производстве свидетельствуют также клейма мастеров с галльскими именами. Это относится и к изготовлению бронзовых сосудов, поскольку позже им занимались в Галлии и в прирейнских областях, и к стекольной промышленности, которая в Галлии и особенно в рейнских областях в римскую эпоху пустила глубокие корни. С первыми шагами стекольной индустрии мы познакомились уже в период расцвета оппидумов, в которых по существу рождалась слава этой производственной отрасли.

В остальном, разумеется, общественная жизнь находилась под сильным влиянием италийских обычаев. И в старые кельтские верования в значительной степени проникали ныне римские представления, для старых кельтских богов находились соответствующие им боги в римском пантеоне, их имена отождествлялись и смешивались. Под влиянием римской среды и в кельтском мире появляется также храмовая архитектура более чёткого типа. С того времени, как начало сказываться непосредственное римское влияние, начиная с рубежа старой и новой эры, а затем и в эпоху Римской империи, воздвигаются многоугольные или круглые храмы, обычно с внешней галереей. В настоящее время таких храмов известно множество как на территории треверов и медиоматриков на Мозеле и Сапе, так и на территории эдуев и мандубиев между

истоками Сены и Верхней Луарой и далее на запад; мы находим их также в Британии, главным образом там, где поселились племена белгов, реже в Реции и Паннонии. Они воздвигались в стороне от поселений, что говорит о старых религиозных представлениях о священных местах на вершинах холмов, у истоков рек или на перекрёстках. Центром этих святилищ являлось небольшое помещение (cella), часто овальное, диаметром лишь 5—10 м; вокруг этого центрального помещения шла терраса, с внешней стороны открытая или с колоннадой. Эти святилища были местами культа кельтских божеств, в их устройстве перемежаются кельтские и римские элементы. Некоторые исследования, например в Трире, дают возможность предполагать, что в более старое время такие постройки воздвигались из дерева, но уже в I веке появляются каменные постройки на известковом растворе, как многоугольные, которые часто считаются более древним типом, так и круглые. Небольшой храм в Бибракте (Dea Bibracte) относится, по всей вероятности, к периоду, когда население уже переселилось в новый город Августодун (Отен); это подтверждается и тем фактом, что в храме было найдено 107 галльских монет и лишь 10 римских.

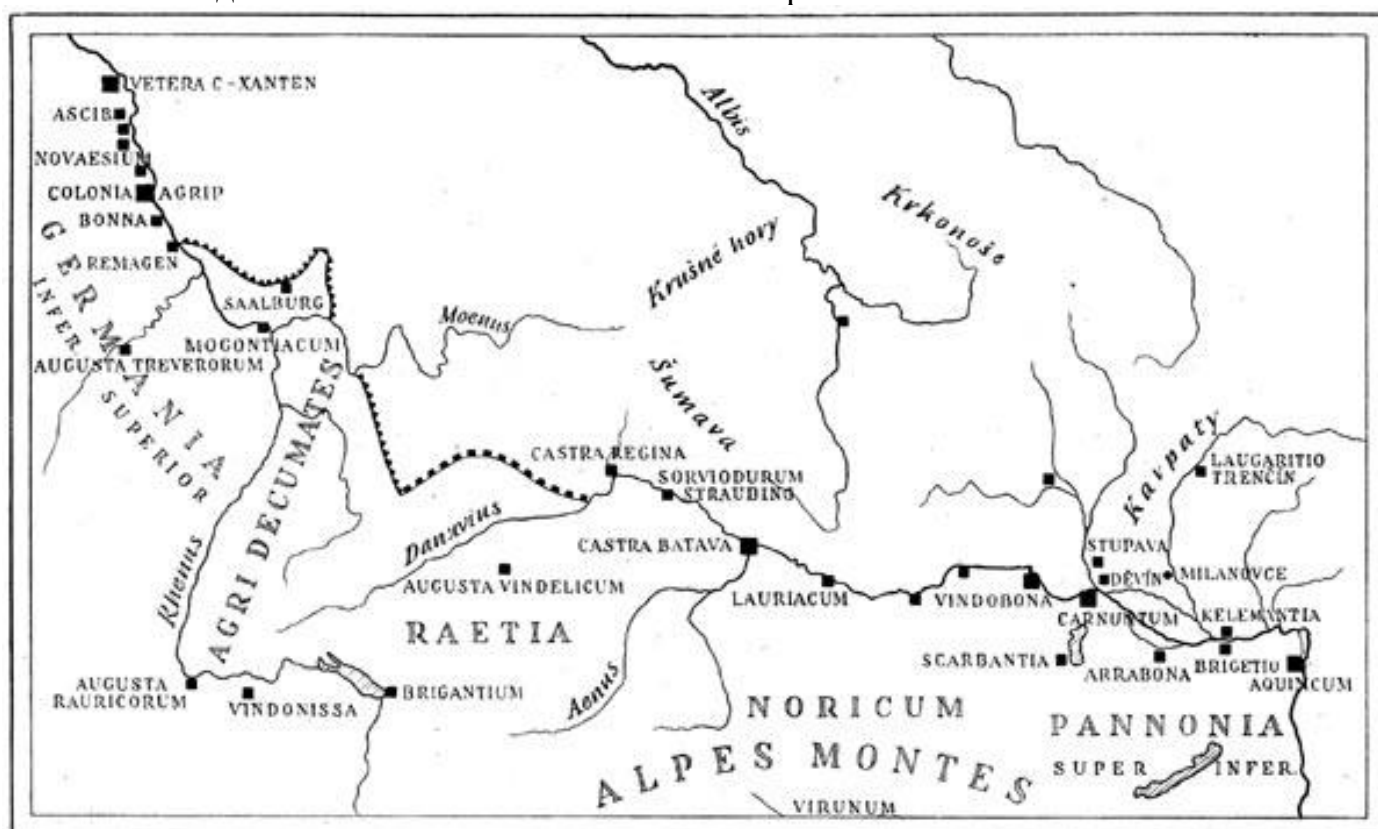

Рис. 50. Укреплённая граница на Рейне и Дунае и главные лагеря римских войск

Равно и в скульптуре, как и в прочих отраслях, сказывается римское влияние. Более полное использование пластической формы и более реалистический подход вытесняли старую кельтскую стилизацию и схематизацию как при изображении людей, так и животных. Кроме старых местных изображений кабана, собаки, коня, галльского петуха появляются изображения и чужеземных экзотических животных — льва и другие восточные мотивы. Статуи людей или головы из камня и бронзы обрабатываются совершеннее, реалистичнее, но старый кельтский

характер сказывается и здесь, как в типично кельтском щите, которым вооружён галльский воин из Мондрагона (таб. XIX), так и в кельтском оружии и в символах на триумфальной арке в Нарбоне или в блестяще исполненной бронзовой голове кельтского жителя современной Швейцарии (таб. XXI), которая несёт следы кельтской орнаментики в отделке волос и бороды. О многочисленных мелких вотивных статуэтках этого времени мы упоминали уже выше.

Часто трудно различить, что является произведением местного галльского художника, а что — работой того, кто несколько обжился в Галлии. Галльская атмосфера влияла и на художников, переселявшихся из других областей. Отдельные элементы взаимно переплетались. Влияние древнего кельтского искусства сказывается и в последующие эпохи, во времена меровингов, каролингов и даже во времена романского и готического стилей; оно проявляется и в пластике, где используются отдельные декоративные мотивы, в изображении человеческих голов и в их сочетаниях (Сен-Бенуа-сюр-Луар). Разумеется, над Францией пронеслось между тем много бурь, на неё напирала германцы, алламаны, а затем франки, она почувствовала и давление гуннов при Аттиле; местная среда, таким образом, воспринимала много новых веяний.

Однако ни инфильтрация римских воззрений и римского образа жизни, ни последующие волны различных течений не смогли полностью заглушить старые кельтские традиции. Они живы во Франции до сих пор в языке и в топонимике. Во многих случаях названия племён перешли в названия городов, остались названия гор и рек, донныне сохранились многие названия в сельскохозяйственной среде; часто они не имеют ничего общего с более поздней латынью, которая укоренилась лишь в церковной среде, когда церковь и храм одержали победу. Равно и многие черты феодального строя живо напоминают нам в некоторых отношениях то положение, которое в своё время было характерным для кельтского общества; в значительной степени это было предвестием последующего развития, в ходе которого были созданы окончательные предпосылки для победы нового общественного строя.

Рис. 51. Деталь разрисовки древних кельтских рукописей. П. Мейер, Атлантис 1957

Кельтские традиции в Ирландии и в Британии

Главным оплотом кельтских традиций и кельтского наследия остались британские острова и особенно Ирландия и Шотландия. Там процесс развития ничем не нарушался и в то время, когда кельтская Галлия уже подвергалась глубокой романизации, почти в течение всего I века н.э. После походов Калигулы покорение островной области продолжал Веспасиан, а в 86 г. н.э. Агрикола начал строить линию обороны между Клайд и Ферт-оф-Форт, которая была закончена, однако, лишь во II веке при императорах Адриане и Антонине Пие. В особенно выгодном положении находилась Ирландия, где не удалось укрепиться ни римской, ни позже англо-саксонской власти; она осталась культурным и религиозным центром кельтского мира, сохранив свой кельтский характер вплоть до нового времени. Но и Шотландия имела возможность сохранять кельтские традиции. Шотландцы, ирландские захватчики и поселенцы в северной Британии, проникали туда ещё во II веке, а в IV веке н.э. о них уже прямо говорят источники. Они основали шотландское государство, поглотившее старых пиктов и каледонцев и умножившее кельтское население в Уэльсе, Корнуэлле и на острове Мэн. Старые кельтские традиции держались там очень упорно. Ещё в 1249 г. там происходило торжественное возведение в должность шотландского короля. Король после церковной коронации в храме приводился в процессии к священному камню, где ему читалась вся его родословная на гэльском языке, а народ воздавал ему почести.

Островное кельтское искусство развивалось самостоятельно ещё в начале нашей эры, и римское влияние в конце I века коснулось сначала территории Англии. В это же время получила развитие особая кельтско-романская эмальерная индустрия, использовавшая стилизованный растительный орнамент и в общих чертах порою близкая галльским украшениям *terrae sigillatae*, часто применялась трёхцветная эмаль, что позволяло более ярко выделить узор на фоне. В северной Англии, на территории враждебно относящихся к Риму бригантов, ещё во II веке достигает высокого уровня художественная обработка металлов. Свою долю в художественно-ремесленное производство вносит и Шотландия, где изготавливаются шейные обручи с чеканным рельефом с видоизменёнными кельтскими узорами. Это, до известной степени, некое возрождение кельтского искусства, частично уже оплодотворённого южными элементами; в нём снова проявляются уже хорошо известные способности кельтов перерабатывать чужие образцы в собственном духе. Абстрактность кельтской орнаментики в островном искусстве была доведена до предела. Это уже не просто стилизация естественных форм, а совершенно новое творчество, создающее независимые от природы и действительности формы.

Когда восточной и центральной Англией в середине V века овладели англосаксы, часть населения Британии передвинулась в арморийскую область в Бретани, часть осталась. Ирландия же осталась кельтской, как и Корнуэлл, Уэльс и северо-западная Англия. Отстаивание кельтских позиций в этот период связано с

некоторыми именами, как, например, Аврелий Амброс и король Артур; их подвиги послужили основой нового цикла легенд.

Очень рано, ещё в IV веке, в Ирландии появляется христианство, которое пускает там весьма глубокие корни. В V веке обращению населения в христианство особенно помог Патрик. На территории отдельных племён в Ирландии возникали монастыри, мужские и женские, которые, однако, не образовывали единой организации, не были связаны единством устава и были вне системы папского централизма. Христианство в Ирландии, таким образом, уже начиная с IV века, развивалось изолированно и могло сохранять различные древние обычаи.

Новокельтский стиль и его отголоски на материке. Оформление книг

В VI веке группы ирландских миссионеров хлынули на европейский континент, в Галлию и в более отдалённые области. Особенно важное значение имела деятельность Колумбана младшего. Благодаря ему возникли монастыри в Бургундии (Аннеграй) и важный монастырь в Люксем (северо-западнее от Бельфора у подножья хребта Вогез), центр литературной деятельности и искусства иллюминирования книги. Из последователей Колумбана в начале VII века работали в Баварии Эустахий, а в Швейцарии Гавел; Килиан во 2 половине VII века добрался до самой Тюрингии (он был потом убит у Вюрцбурга). Позже эти пришельцы из Ирландии пользовались официальной поддержкой. Карл Великий пригласил к своему двору в 782 г. Алкуина из Йорка, по происхождению, вероятно, ирландца, и назначил его аббатом в Тур; в это же время возникла и придворная школа, *schola palatina*. Ирландские миссионеры обосновались также в епархиях Пассау и Зальцбург и, по всей вероятности, проникли даже в Моравию ещё до расцвета Великоморавской державы. Они распространяли не только веру; благодаря им появляются и некоторые типы церковных зданий.

Позднее кельтское искусство достигло полного расцвета в VII—IX веках, как в области художественной обработки металла, так и в области иллюминирования книг, носившего скорее каллиграфический характер (рисунки пером лишь слегка оттенялись красками). Этот новокельтский стиль, отчасти идущий по стопам старого кельтского искусства, особенно кельтской орнаментики, воспринял и много иных элементов, заимствованных из поздней антики, с юго-востока и востока и, наконец, из искусства коптов и сирийцев. Ирландская область сделалась оплотом христианства на европейском западе, и многие монахи с востока под напором исламской экспансии иногда были вынуждены искать убежища в этих западных монастырях. Некоторые элементы новокельтского стиля старое кельтское искусство не знало, например ленточную плетёнку и вообще плетёные узоры. Но зато бесспорно кельтский характер носит спиральный орнамент, который в ирландских работах превращается в трубкообразно расширяющиеся спирали или в вихревые спиральные узоры. Подобные элементы появляются как в украшении изделий из металлов, так и в иллюминировании книг.

Делались попытки разбить развитие этого новокельтского стиля на три главных периода следующим образом: в первом из них (с середины VII века) главное место принадлежит Ирландии и Шотландии, где возрождается художественное

творчество, в котором постепенно появляются и фигурные мотивы; во втором периоде, во время борьбы с викингами, спиральный орнамент отходит на задний план и на первое место выдвигается плетёнка; в третий период, с начала XI века, творческая деятельность сосредоточивается, главным образом, на предметах культа и церковного обихода — мощехранильницах, футлярах для евангелия, колокольчиках и др. Много изделий ирландского художественного ремесла хранится в музеях на островах, особенно в Дублине. Однако и на континенте встречается много изделий, связанных с новокельтским искусством. Такова, например, известная чаша Тассило (баварского герцога конца VIII века), которую некоторые специалисты считают подражанием англо-саксонскому образцу, и ряд других бесспорно южноанглийских изделий.

Большое значение имеет иллюминирование ирландских рукописей, независимо от того, было ли оно исполнено непосредственно в Ирландии (Scotia Major) или в Нортумберланде и Уэльсе или же в некотором из континентальных монастырей. Североанглийская область, где после введения христианства возникла самостоятельная ирландская церковь, позже, после 664 г., была присоединена к римской церкви, но и там в иллюминировании книг продолжало отражаться ирландское влияние, которое сказывалось и на материке. Иллюминирование книг в ирландско-английской среде достигло необыкновенного расцвета, и до настоящего времени сохранилось много памятников этого искусства. Это книги религиозного содержания, главным образом евангелия. Их богатое иллюминирование носит по преимуществу абстрактный и геометрический характер и даже фигурные мотивы подвергаются глубокой стилизации и орнаментации. Точное датирование книг представляет большие трудности. Некоторые рукописи относятся, по всей вероятности, ещё к VII веку. В VIII веке развитие этого вида искусства достигло своего расцвета (Дурроу, евангелие из Линдисферна, Эхтернах, Лихтфильд, евангелие из Св. Гавла в Швейцарии и много других). В роскошной евангелии из Келлса (Book of Kells, Ирландия, недалеко от Дублина), относящейся, вероятно, к концу VIII или началу IX века, абстрактная орнаментика комбинируется со звериными и фигурными мотивами, которые сами образуют почти орнаментальные узоры. Рукописи этого вида были рассеяны по всему кельтскому миру, повсюду, куда проникло ирландско-шотландское влияние.

На островах викинги дошли до самой Шотландии, ирландская же область оказывала сопротивление и в результате битвы у Клонтарфа в 1014 г. обеспечила для себя ещё определённый период расцвета и консолидации, когда художественное творчество ориентировалось главным образом на нужды церкви.

Это творчество следует уже оценивать с точки зрения средневекового церковного искусства. К памятникам в островной области необходимо причислить и каменные кельтские кресты, часто очень богато орнаментированные; некоторые из них относятся уже к XI веку (Керью в Уэльсе).

Кельтский дух снова ожил в Европе, когда с XI века бродячие певцы распространяли во Франции и Германии старые кельтские легенды, а придворный эпос облачал старый мир древне-кельтских сказаний в новое одеяние (Хрестьен де Труае, Готфрид из Штрассбурга и особенно Вольфрам из Эшенбаха), воспевая короля Артура, Персифаля, св. Грааль и Тристана и Изольду. Во время крестовых

походов в эти древнекельтские отзвуки вплетались многие восточные элементы. Когда под влиянием романтизма в XVIII веке снова возрос интерес к древнему прошлому народов, то именно кельтская среда и кельтское наследие и послужили богатейшим источником, вдохновлявшим выдающихся представителей европейской культуры: Гердера, Гёте, Шатобриана, Р. Вагнера и др.

Ирландский народ — единственный народ, который наиболее полно сохранил свой кельтский характер. До настоящего времени существует и кельтское литературное творчество, в котором отражается глубокая любовь к природе. С произведениями некоторых поэтов нашего времени (Груффилд в Кардифе, Ропер Эр Марсон в Бретани и др.) в переводе хотя бы частично познакомил европейскую общественность в 1944 г. известный знаток кельтского языка и литературы Я. Покорный.

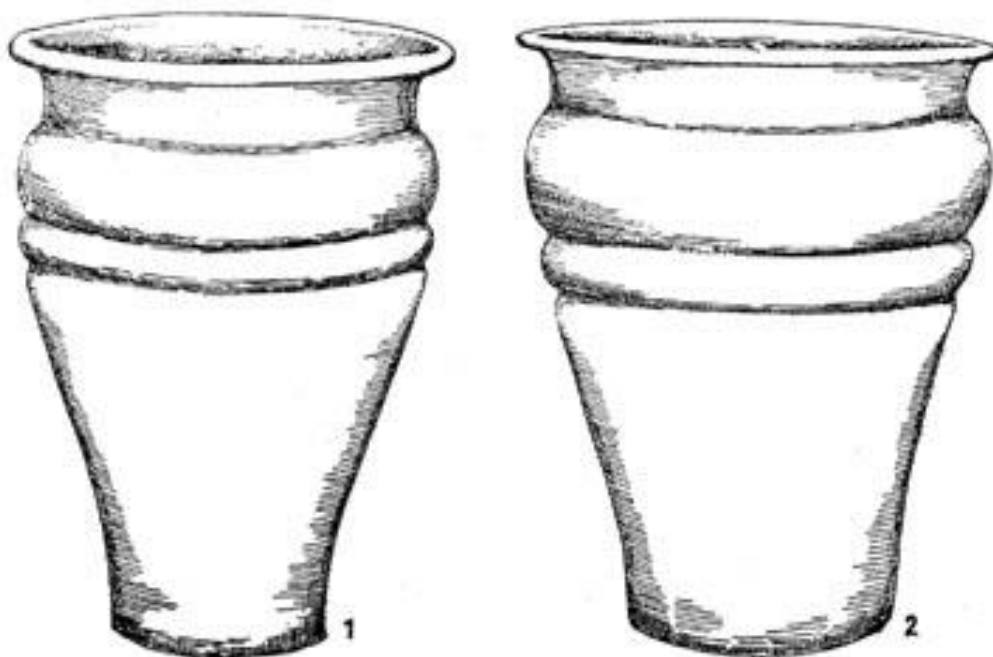
Кельтское наследие в Средней и Северной Европе

В Средней Европе границы Римской империи ещё до рубежа летоисчислений оказались у самых берегов Дуная. Области на юг от Дуная до его северо-южного течения сделались римскими провинциями, как Реция и Норик, так и обе Паннонии, Верхняя и Нижняя. Римляне подорвали могущество даков, а местами продвинули свою границу на север от Дуная. К югу от Дуная расцвела новая жизнь, влияние которой просачивалось и в южную Моравию и в Словакию, так как обе эти страны стали непосредственными соседями Римской империи.

Римское господство скоро опёрлось на систему военных крепостей и городов с гарнизонами легионеров при Дунае, Виндобоне—Вене, в Карнунте (Carnuntum), на современной австрийской территории против словацкого Девина, в Скарбанции—Шопроне у Низедерского озера и Аррабоне (нынешний Раб—Дьер), в Бригетии на венгерской территории против Комарно и особенно в Аквинке (Аквинкум) в современной будапештской области. На некоторое время, особенно во II веке, римская власть укрепилась также севернее в Мушове у Микулова в Моравии или в Ступаве в Словакии; в самое последнее время была найдена римская усадьба в Милановцах у г. Нитра. Известная латинская надпись на скале в Тренчине свидетельствует о том, что около 179 г. римская армия проникла в эту часть Словакии. Непосредственно по соседству с современной Моравией и Словакией возникли два особенно крупных центра, Карнунт, через который шли международные пути, и Аквинк с военным и гражданским городом; в этих местах количество населения достигало нескольких десятков тысяч. На южном берегу Дуная была построена римская дорога, вымощенная камнем, а сообщение по Дунаю поддерживал римский флот.

Однако остатки кельтских поселений и племенной организации бойев удержались в Паннонии несомненно в течение всего I века нашей эры, и кажется, что «*civitas Voiorum*» существовала ещё во II веке. Равно и кельтские имена в надгробных надписях свидетельствуют, что наряду с иллирийцами кельты составляли значительную часть тогдашнего населения; некоторые эмблемы на этих надгробных памятниках также говорят об их кельтском происхождении. Кельтские влияния заметно сказываются как в производстве, так и в художественных ремёслах.

Рис. 52. Керамика второй половины первого столетия до н.э.: 1 — Льготице у г. Насаврки (Хрудим). Высота 20,4 см. Музей в г. Пардубице и Национальный музей в Праге

В середине последнего столетия до н.э. в тяжёлом положении оказались также остатки чешских кельтов. С севера их уже долгое время сильно теснили германцы, а небольшие германские группы уже прочно обосновались в стране не только там, где Эльба переходит чешскую границу, но и в области г. Чешская Липа (Естржеби) и между городами Турнов и Чешский Дуб (кобыльская группа погребений с трупосожжением). Кельты спешно возводили оппидумы в южной части страны, но это не могло уже повлиять на ход событий. Примерно в 10—8 гг. до н.э. германские дружины растеклись по всей стране, вызвали падение оставшихся кельтских твердынь и вскоре во главе с Маробудом и племенем наркоманов образовали новую политическую силу. Не исключено, что Маробуд обосновался в одном из захваченных кельтских оппидумов. Можно предполагать, что в Чехии оппидумы ещё жили определённое время и при новой, германской власти, в начале нашей эры, главным образом там, где ещё работали некоторые кельтские мастерские.

Кельтское могущество в нашей стране пало, в Чехии, по всей вероятности, раньше, чем в Моравии, а власть бойев в Паннонии была уже за пятьдесят лет до этого сломлена напором даков. Однако нельзя забывать о том, что наследие кельтов между тем сделалось прочным достоянием культуры Средней и Северной Европы и послужило базой дальнейшего развития. Культура самих германцев, которые ускорили падение власти кельтов в Чехии, а позже и в Моравии, была уже сильно кельтизированной культурой. Ещё во II веке они переняли из кельтской среды много технических навыков в производстве, в изготовлении украшений (особенно фибул) и керамики. Иногда весьма трудно отличить, что является в материальной культуре германцев их собственным творчеством, а что

возникло под кельтским влиянием. Равно и в позднее римское время ещё явно сказывается кельтское прошлое страны, её кельтское наследие, а возможно, и существование некоторых мелких кельтских групп. Производство керамики на гончарном кругу прекратилось, но керамика, изготавливаемая ручным способом, и в начале новой эры по своим формам, отдельным элементам и способу производства, напоминает в Чехии и Моравии кельтские образцы. Производство украшений и особенно фибул во всём дунайском бассейне исходит из позднелатенских форм, в художественных ажурных и других работах постоянно используются мотивы кельтской орнаментики. Целые наборы кельтских железных орудий и инструментов, сельскохозяйственных и ремесленных, использовались во всей Средней Европе и почти без изменений сохранились до расцвета средневековья. Технические и технологические достижения кельтов пустили очень глубокие корни. Кельтские племена ушли со сцены как политический фактор, но их наследие сделалось основой дальнейшего развития и переживало в последующие эпохи моменты известного возрождения. Общим достоянием остались также многие названия, особенно некоторых рек и возвышенностей. Кельтского происхождения, по-видимому, названия Лабы, Огрже, Изеры, а возможно и Мже, а также некоторых рек в Словакии; кельтское происхождение приписывается старым названиям средневропейских возвышенностей, Герцинскому лесу («дубовый» лес), Судетским горам (горы «диких кабанов») и Габрете, древнему названию нашей Шумавы. Равно и многие имена «городов», приводимые во II веке alexandрийским учёным Клавдием Птолемеем, по всей вероятности, происходят от старых кельтских торговых центров в Средней Европе.

Кельтское влияние и латенская культура проникли не только на польскую территорию к северу от Карпат и оказали там сильное влияние на последующее развитие, но и на северо-восток, на территорию современной Украины. В Закарпатье кельтские поселения обнаружены в районе г. Мукачево, ещё далее на Украину проникло сильное культурное влияние и торговые связи, следы которых мы находим в культурах на рубеже летоисчисления, например в северном Причерноморье и в зарубинецкой культуре Поднепровья. Наиболее ярко это влияние отражается в производстве фибул, которые исходят из кельтских образцов.

Такое же положение было и в Северной Европе. Ещё в раннелатенское время различные кельтские изделия попали в Данию и в южную Скандинавию, например некоторые украшения, особенно фибулы, художественно исполненные культовые котелки, культовые колесницы с богатой оковкой. Эти кельтские импортные товары позволяют археологии разработать более точную хронологию развития Северной Европы и проследить элементы кельтской культуры и в более позднее время. Когда во II—III веках в галльско-римской среде настал период известного кельтского возрождения, носителем которого были, главным образом, народные массы, плодами этого возрождения воспользовался и север Европы. Отдельные элементы кельтского происхождения проявляются затем в VII—X веках в деталях украшений осеберской ладьи, в эллингском стиле и в других работах; конечно, исключительно этими элементами художественное творчество не исчерпывается,

это лишь реликты и отголоски, видоизменённые и дополненные в последующие эпохи.

Значение кельтов для европейской цивилизации не имеет аналогии в древнейшей истории Европы. В древнее время им принадлежит заслуга сближения «варварской» Европы с источниками развитой южной культуры и цивилизации рождающегося античного мира. Позже кельты использовали свои организаторские способности, свои технические достижения и содержание художественных произведений и создали ту экономическую и торговую базу, основные черты которой наложили свою печать на среду в целом. Они обогатили европейскую цивилизацию более совершенными производственными методами и процессами, ввели большую специализацию производства и тем самым создали предпосылки для последующего развития в средние века. Они завершили в Средней Европе древнейшее развитие цивилизации. Позже они потеряли свои политические и экономические позиции, но кельтские традиции с очаровательными отголосками в мелких художественных произведениях и их таинственным миром героических подвигов, легенд и сказаний, так упорно коренящиеся особенно на западе, сделали богаче сокровищницей европейской культуры, из которой черпали её выдающиеся представители. Современный мир часто даже не сознаёт этого.

Важнейшие работы проф. д-ра Яна Филипа

Профессор университета д-р Ян Филип родился 25 декабря 1900 г. в с. Хоцнейовице у г. Мнихово-Градиште в Чехии. Он изучал историю и географию, а также археологию у проф. Л. Надерле и проф. А. Стойкого на философском факультете Карлова университета в Праге. Начав практическую деятельность преподавателем гимназии, он одновременно состоял ассистентом названных двух профессоров, а затем занимал должность инспектора гимназий в Чехии. В 1938 г. он защитил диссертацию на тему о племенах полей погребальных урн и получил право преподавания в университете. В 1945 г. был назначен профессором первобытной истории и директором Института и семинара первобытной истории Карлова университета. С 1933 г. он редактировал журнал «Pamatky archtologicke» («Археологические памятники»), а затем и Журнал «Obzor prehistoncky» («Праисторический обзор»). С 1949 г. издаёт журнал «Archeoiogicke rozhledy» («Археологический вестник»). Опубликовал ряд научных работ («Porost arodnebitech v praveku» — «Растительность и климат Чехии в первобытный период», «Luzicka kultura v Ceskoslovensku» — «Лужицкая культура в Чехословакии», «Praveky vuz» — «Первобытная повозка», «Luzicka kultura v dobe latenske» — «Лужицкая культура в латенское время», «Obchodnisty ky Cech s Rimem v dobe Augustove» — «Торговые связи Чехии с Римом во времена Августа», «Keltska spolecnost v dobe latenske» — «Кельтское общество в латенское время», «Chronologische Probleme der Latene zeit in Europa» — «Вопросы хронологии латенского времени в Европе» и др.). Начиная с 1929 г. ежегодно выпускает «Bibliografle 4s prehistoric» — «Библиографию чехословацкой праистории», а после второй мировой войны публикует в польском журнале «Slavm Antiqua» Библиографию славянских древностей. До настоящего времени акад. Ян Филип опубликовал ряд монографических работ.

Академик Ян Филип

В настоящее время академик Я. Филип работает над составлением «Rukovetevropskeho praveku» — «Руководства по первобытной истории Европы».

За заслуги в деле сближения культур чешского и польского народов акад. Я. Филип награждён польским орденом «Золотой крест»; он избран членом датского и польского Археологических обществ, действительным членом Германского Института археологии и многих других научных учреждений. В 1952 г. был избран членом–корреспондентам Чехословацкой АН, в 1955 г. — академиком. С 1957 г. занимает должность вице–президента Чехословацкой АН.

I. Монографии

1. Popelnicovd pole a pocatkyželezne doby v Cechdch. (Поля погребальных урн и раннежелезный век в Чехии.) Прага, 1956—1957, 176 стр., 90 таб. и иллюстраций, 1 карта

2. Kulturnika pitoly z naseho praveka. (Очерки по культуре нашей первобытной истории.) I и II издание, Прага, 1940, 94 стр., 8 таб. и 17 иллюстр.

3. Umělecke řemeslo v praveku. (Художественные ремёсла в древнейшие времена.) Прага, 1941, 192 стр., 16 карт и 37 иллюстр. в тексте.

4. Pocatky slovanske hoosidleni v Ceskoslovensku. (Начала славянского заселения в Чехословакии.) Прага, 1946, 96 стр., 14 иллюстр. и 1 карта. Удостоено Научной премии Чехии за 1947 г.

5. Dejinnerofdtky Ceskehordje. (Первобытная история Чешского Рая.) Прага, 1947, 296 стр., 72 таб., 50 иллюстр. и карты.

6. Praveke Ceskoslovensko. (Чехословакия в первобытные времена.) Прага, 1948, 420 стр., 48 таб. и 103 иллюстр.

7. Praha praveka. (Прага в первобытные времена.) Прага, 1949, 170 стр., 117 иллюстр.
8. Pradzieje Czechoslovacji. (Чехословакия в первобытные времена.) Познань, 1951, 497 стр., 48 таб., 103 иллюстр. и карта.
9. Keltové ve střední Evropě. (Кельты в Средней Европе.) Прага, 1956, 552 стр., 132 таб. и иллюстр. в тексте. Удостоено Государственной премии в 1957 г.
10. Keltsko civilizácia je jej dedičstvo. (Кельтская цивилизация и её наследие.) I и II издание, Прага, 1960, 182 стр., 40 таб. и 52 иллюстр. в тексте.

Литература

Aberg, N.: Keltiska och by orientalska stilinflytelser i vikingatidens nordiska konst. Stockholm 1941.

d'Arbois de Jubainville, H.: Les Celtes depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'an 100 avant notre ère. Paris 1903. Applebaum, S.: The Agriculture of the British Early Iron Age, Proc. Prehistoric Society XX, Cambridge 1954. Behrens G.: Germanische und gallische Götter in römischer Gewand. Mainz 1954.

Behrens, G.: Kelten—Münzen im Rheingebiet. Prähist. Zeitschrift (Berlin) XXXIV/V, 1950. Benadlk, B. — Weick, ?. — Ambros, C.: Keltske pohrebiska na juhozápadnom Slovensku. Bratislava 1957.

Benoit, F.: L'art primitif méditerranéen de la Vallée du Rhône. Paris 1955. Biefikowski, P.: Les Celtes dans les arts mineurs gréco-romains. Cracow 1928. Bitte/, K.: Die Kelten in Württemberg. Berlin—Leipzig 1934. Böhner, R.: The Etruscans. London 1958. Böhm, J.: Male nejstarší města. Praha 1946. Bosch—Gimpera, P.: Les Celtes et la civilisation des urnes en Espagne. Préhistoire (Paris) 8, 1941. Bosch—Gimpera, P.: Les Mouvements Celtiques. Essai de Reconstitution. Études Celtiques 1950/51.

Bren, J.: Černošské náramky v českém latě. Praha 1955. Cibulka, J.: Velkomoravský kostel v Modři, Praha 1958. Clark, J. G. D.: Prehistoric Europe. The Economic Basis. London 1952. — Europa przedhistoryczna. Podstawy gospodarcze. Warszawa 1957. Clarke, R. R.: The Early Iron Age Treasure from Snettisham. Proc. of the Prehist. Society for 1954 (1955), XX. Dehn, W.: Die Heuneburg. Neue Deutsche Ausgrabungen, Berlin 1958, 127–145.

Dechelette, J.: Manuel d'archéologie IV, Paris 1927 (2 H3H–). Drack, W.: Wagengräber und Wagenbestandteile aus Hallstattgräbern der Schweiz. Zeitschrift f. schweizer. Archäologie und Kunstgeschichte 18, 1958, 1–67.

Duval, P.—M.: Les dieux de la Gaule. Paris 1957.

Engels, B.: Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats, 1884. Esperandieu, H.: Recueil général des bas-reliefs, statues et bustes de la Gaule Romaine, I–XIV, Paris 1907–1955.

Filip, J.: Keltové ve střední Evropě — Die Kelten in Mitteleuropa, Praha 1956. Filip, J.: Praveké Československo — La Tchécoslovaquie préhistorique, Praha 1948.

Filip, J.: Keltská společnost v době laténské — La société celtique à l'époque de LaTène. ARV—1953.

Filip, J.: Rod a rodina v předkeltském a keltském prostředí — Sippe und Familie im vorkeltischen und keltischen Milieu. Památky archeologické (Praha) 1961. Fox, A.:

Celtic Fields and Farms on Dartmoor. Proceedings of the Prehistoric Society for 1954, XX (1955). Fox, S. C.: Pattern and Purpose. Cardiff 1958.

Franz, L.: Eine keltische Niederlassung in Südböhmen. Praha 1942. Frey, O. H.: Eine etruskische Bronzeschnabelkanne. Besanc. on 1955. Goessler, P.: Der Silberring von Trichtingen. Berlin–Leipzig 1929. Grenier, A.: La Gaule Romaine. An Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore 1937.

Grenier, A.: Les Gaulois. Paris 1945.

Grenier, A.: La Gaule celtique. Paris 1945.

Henry, F.: Early Christian Irish Art. Dublin 1954. Holder, A.: Alt-celtischer Sprachschatz. Leipzig 1896—1904. Hubert, H.: Les Celtes depuis l'époque de La Tène, Paris 1950. Hubert, H.: Les Celtes et l'expansion celtique. Paris 1950.

Jacobsthal, P.: Rhodische Bronzekannen. Jahrbuch des Deutschen archäol. Instituts 44–1929, 198–223.

Jacobsthal, P.: Early Celtic Art. Oxford 1944.

Jacobsthal, P.—Langsdorf, A.: Die Bronzeschnabelkannen. Berlin 1929. Jansovd, L.: Keltiske oppidum u Hrazer. Archeol. rozhledy IV/1952, VIM/1956. Jenny, W. A.: Keltische Metallarbeiten. Berlin 1935. Joffroy, R.: Le trésor de Vix. Paris 1954.

Joffroy, R.: Les sépultures à char du premier âge du fer en France. Paris 1958.

Joffroy, R. et Bretzsch, D.: Les tombes à char de La Tène dans le Test de la France. Gallia (Paris) XVII, 1959.

Julian, C.: Histoire de la Gaule, I—III. Paris 1908—1909. Keller, J.: Das Fürstengrab von Rheinheim. Germania 33 —1955. Kendrick, T. D.: The Druids. London 1911.

Kenner, H.: Zur Kultur und Kunst der Kelten. Carinthia 1/141, 1951, 566—593. Kimmig, W.: Zur Urnenfelderkultur in Südwestdeutschland. Goessler-Festschrift 1954 (Stuttgart), 41–98.

Kimmig, W. — Hell, H.: Vorzeit an Rhein und Donau, Lindau–Konstanz 1958. Kimmig, W. — Rest, W.: Ein Fürstengrab der späten Hallstattzeit von Kappel am Rhein, Jahrbuch RGZM Mainz I, 179—216.

Klindt-Jensen, O.: Keltisk tradition i Romerske Jernalder. Kopenhagen 1952. Klindt-Jensen, O.: Foreign influences in Denmark's, Early Iron Age.. Kopenhagen 1950.

Klindt-Jensen, O.: Bronzekedelen fra Bra. Aarhus 1953.

Knorr, R.: Eine keltische Steinfigur der Latenezeit aus Württemberg. Germania V, 1921, 11 —17.

Koethe, H.: Die keltischen Rund- und Vierecktempel der Kaiserzeit. 23. Bericht, RGK, Berlin 1933, 10–108.

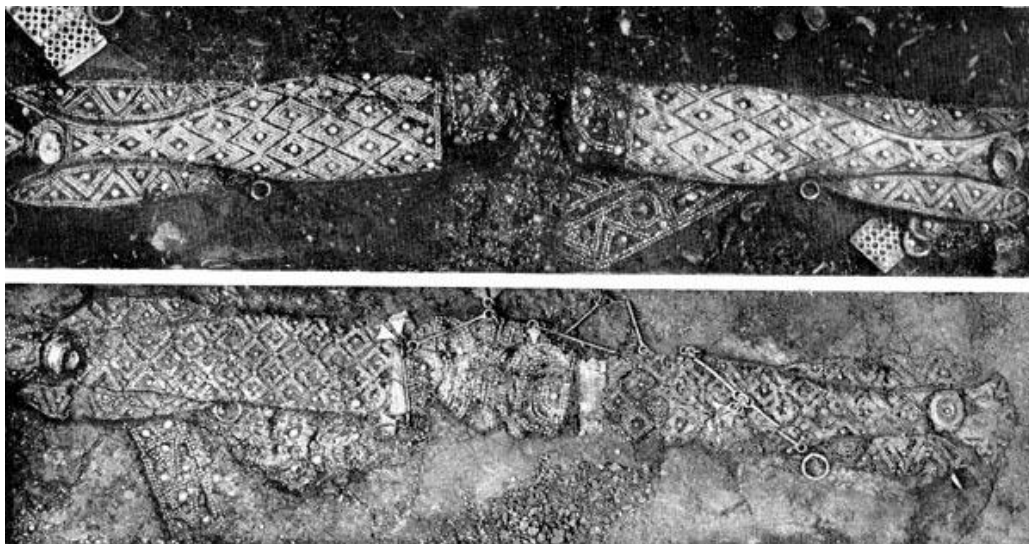
Kossock, G.: Kammergräber der Hallstattzeit bei Groß-Eibstadt, Neue Deutsche Ausgrabungen, Berlin 1958, 121—126.

Kossock, G.: Südbayern während der Hallstattzeit, I, II. Berlin 1959. — Koves, T.: Les vases des Celtes. Acta ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, IV, 1955.

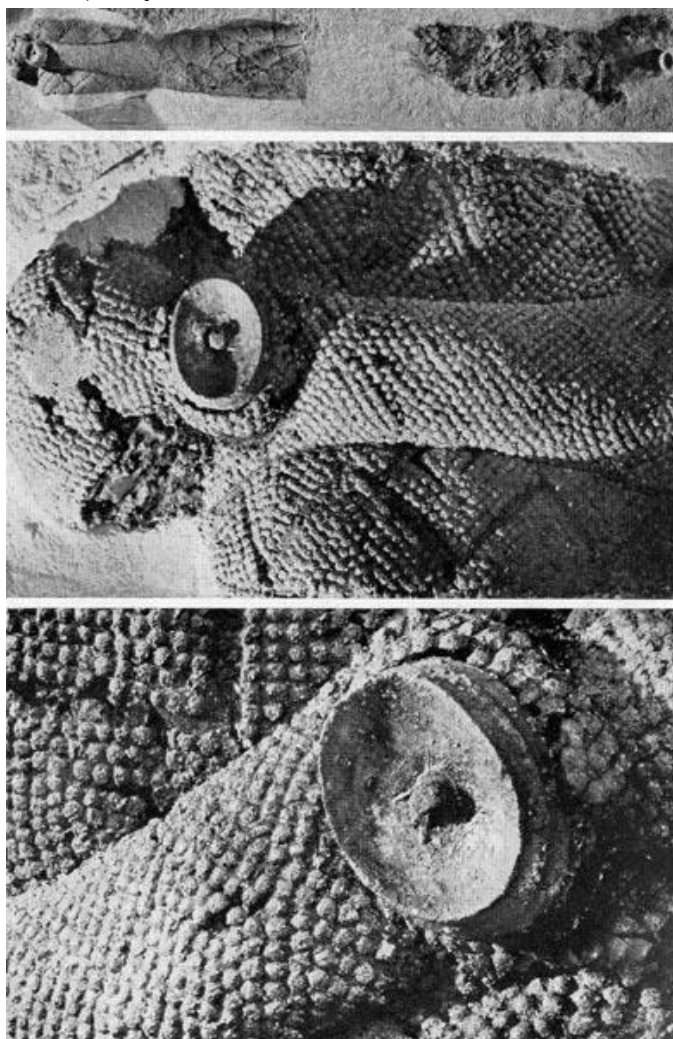
Locroix, R.: Un sanctuaire de source du IVe siècle aux Fontaines-Salées. Revue Archeol. de l'Est et du Centre-Est, VII, 1956, 245—264. Laet, S. — Lambrechts, P.: Traces du culte de Mithras sur le chaudron de Gundestrup Actes MI, Session Zurich 1950, 304—306 (Congrès Inter, des sciences préhist.).

Lambrechts, P.: Contributions à l'étude des divinités celtiques, Brugge 1942. Lambrechts, P.: L'exaltation de la tête dans la pensée et dans l'art des Celtes. Brugge 1954.

- Lantier, R.: La religion celtique. Histoire generale des religions. I, 1. Paris 1948.
- Lantier, R.: Die Kelten. Der Aufstieg Europas — *Historia Mundi*, München 1954, 400–458.
- Lantier, R. — Hubert, J.: Les origines de l'art français. Paris 1947. Lot, F.: La Gaule, Paris 1947. Malaquer de Motes, J.: Las culturas hallstatticas en Cataluna. *Ampurias* 7/8, 1945/46, 114.
- Meyer, P.: Inselkeltische Handschriften. *Atlantis* 1957, Heft 7. Moreou, J.: Die Welt der Kelten. Stuttgart 1958. Müller-Karpe, H.: Das urnenfelderzeitliche Grab von Hart. *Bayer. Vorgeschichtsblätter* 21, 1955, 46–75.
- Murphy, G.: Saga and Myth in Ancient Ireland. Dublin 1955. Navarro, J. M. de: The Celts in Britain and their Art. *The Heritage of Early Britain*, London 1952.
- Nejedly, Z.: Dejiny naroda ceskeho I. Praha 1953. Oliva, P.: Pannonie a pocatky krize rimskeho imperia. Praha 1959. Ondrouch, V.: Keltske mince typu Biatic z Bratislavy. Bratislava 1958. Poret, O.: Goldreichtum im hallstattischen Südwestdeutschland. *IPEK* 15/16, 1941/42, 76–85.
- Paulsen, R.: Die Münzprägungen der Boier. Leipzig–Wien 1933. Pic, J. L.: Starozitnosti zeme Ceske, II, 1, 2. Praha 1902–1903. Piggot, S.: British Prehistory. Oxford 1949. Pink, K.: Die Münzprägungen der Ostkelten. Budapest 1949. Pittioni, R.: Urgeschichte des österreichischen Raumes. Wien 1954. Pöschner, R.: Zaklady staroslovanskeho zelezarskeho hutnictvi. Praha 1958. Poore, R. — Roubier J.: Kelten–Römer. Olten und Freiburg im Breisgau 1958. Pokorny, J.: Keltologie. Bern 1953.
- Powell, T. G. P.: The Celts. London 1958.
- O'Rahilly, T. F.: Early Irish History and Mythology. Dublin 1946.
- Ralegh Radford, C. A.: The Tribes of Southern Britain. *Proc. of the Prehist. Soc. for* 1954, 1–26.
- Rice, I. Talbot: The Scythians. London 1957. Riek, G.: Ein hallstattischer Grabhügel mit Menschendarstellung bei Stockach bei Reutlingen. *Germania* 25, 1941, 85 — 89.
- Rix, H.: Zur Verbreitung und Chronologie einiger keltischen Ortsnamentypen. *Goessler-Festschrift*, Stuttgart 1954, 99 — 107. Rüdiger, J.: Der Kelten. *Bonner Jahrb. für CXLVIII*, 1948. Sanders, N. K.: Bronze Age Cultures in France. Cambridge 1957. Schiek, S.: Das Hallstattgrab von Vilsingen. *Goessler-Festschrift*, Stuttgart 1954, 150–167.
- Sjoestedt, M. L.: Dieux et heros des Celtes. Paris 1940. Stdhelin, F.: Geschichte der Kleinasiaten Galater. Berlin 1907. Sullivan, T. J., Sir: The Book of Kells. The Studio 1914. Simek, P.: Posledni Keltové na Moravě. Brno 1958. Vanecek, V.: Keltská a germánská kapitola z dějin státu. *Pravě-historické studie III*, Praha 1957.
- Varagnac, E. et A.: L'art gaulois. *Zodiaque*, Paris 1956.
- Vendryes, J.: La religion des Celtes. Paris 1948.
- Vetters, H.: Zur Frage der keltischen Oppida. *Carinthia* 1/141, 1951, 677.
- Vouga, P.: La Tène. Leipzig 1923.
- Wheeler, W. — Richardson, K. M.: Hill-Forts of Northern France. Oxford 1957 (CO C Ta T befl M. A. Cotton, Muri Gallici).
- Wyss, R.: Das Schwert des Korisios. *Archaeologia Helvetica* 5, Frauenfeld 1955.
- Zwicker, J.: *Fontes Historiae Religionis Celticae*. Bonn 1934–1935.

I. Роскошные конские ярма из княжеских могил в Граденице у г. Колин в центральной Чехии (погребения на четырёхколёсных повозках). Могила №46 (длина 124 см) и могила №24 (длина 126 см). Музей в Колине

II. Ловосице, Чехия. Конское ярмо из могилы биланской культуры (могила №III), найденной в 1956 г. (раскопки Р. Плейнера и В. Молхп). Общий вид и детали более сохранившегося крыла

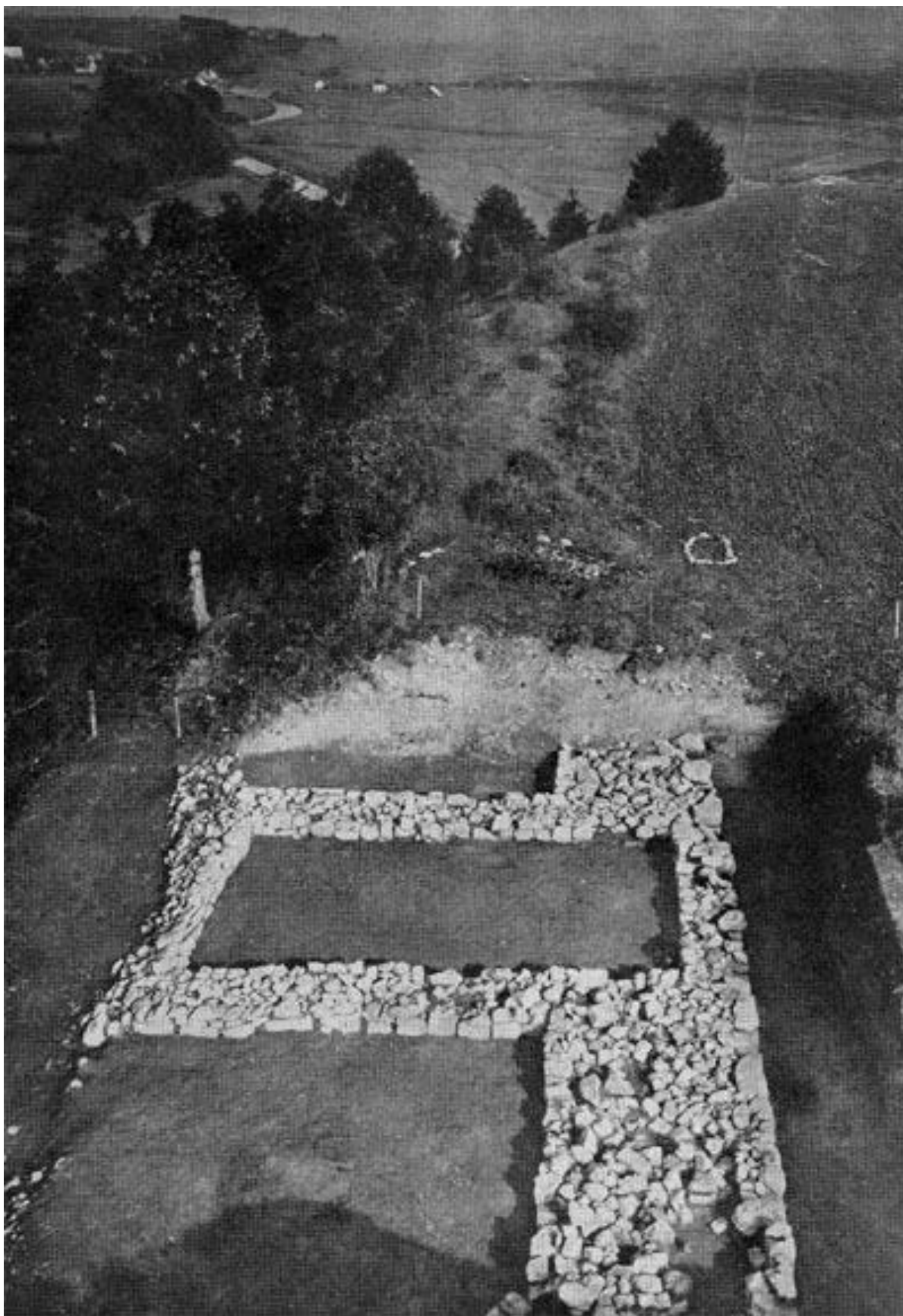

III. Граденин у Колина. Погребальная камера №28 с захоронением мужчины на четырёхколёсной повозке

III.A. Гейнебург недалеко от Зигмарингена в верхнем течении Дуная. Вид с востока на место, где в VI в. до н.э. находился замок раннегальштаттского времени. Снимок Гос. управления по охране памятников, Тюбинген

IV. Гейнебург в верхнем Подунавье. Каменные основания бастионов замка раннегальштаттского времени, построенных в верхней части из кирпича по средиземноморским образцам. Снимок Гос. управления по охране памятников, Тюбинген

V. Гренвиль—Мейкирх (кантон Берн), Швейцария. Бронзовая ваза (гидрия) из могилы с трупосожжением и повозкой. VI в. до н.э. Исторический музей в Берне

**VI. Гренвиль—Мейкирх (Кантон Берн) Швейцария Бронзовая ваза гидрия VI в. до н.э.
Деталь. Ручка сосуда в виде крылатой богини повелительницы зверей, окружённой
львами. Исторический Музей в Берне**

VII. Находки в Чехии относящиеся к раннелатенскому времени: 1 — Чишковице у г. Ловосице поковка с маскообразным мотивом из могилы с трупосожжением (длина 63 см). Музей в Тршебнице; 2 — Нова Гуть (Пильзен); 4 — Папенский Тынец. Бронзовая фибула (длина 15 см); 4 — Папенский Тынец (р-н Лоуны). Бронзовая маскообразная фибула, дл. 8,1 см. Национальный музей в Праге

VIII. 1 — Лагошть у г. Духцов, Чехия. Бронзовое кольцо (внутренний диаметр 22 мм). Музей Усти н/Л. – Тмице; 2 — Хинов у Праги. Бронзовая маскообразная застёжка, длина 5 см. Национальный музей в Праге; 3 — Горжовички у Подборжан. Пряжка сбруи с маскообразными украшениями. Бронза с железной основой. Диаметр 12 см. Национальный музей в Праге

1

1

2

IX. Градиште у г. Писек в южной Чехии. 1 — Бронзовый клювовидный кувшин этрусского происхождения (на верхнем снимке клювовидный носик), высота 23 см; 2 — Хлум у г. Збирога. Бронзовый клювовидный кувшин, высота 30 см. Национальный музей в Праге

Х. Градиште у г. Писек. Бронзовый клювовидный кувшин этрусского происхождения. Нижняя часть литой ручки (attache) в виде четырёхкрылой Сирены с человеческими руками и птичьим телом (деталь) См. таб. IX

XI. Виск (Кот-д'Ор), Франция Золотая диадема княгини из могилы с повозкой (золото, 24 карата, вес 480 г, диаметр самой широкой части 23 см). Музей в Шатильон-сюр-Сен

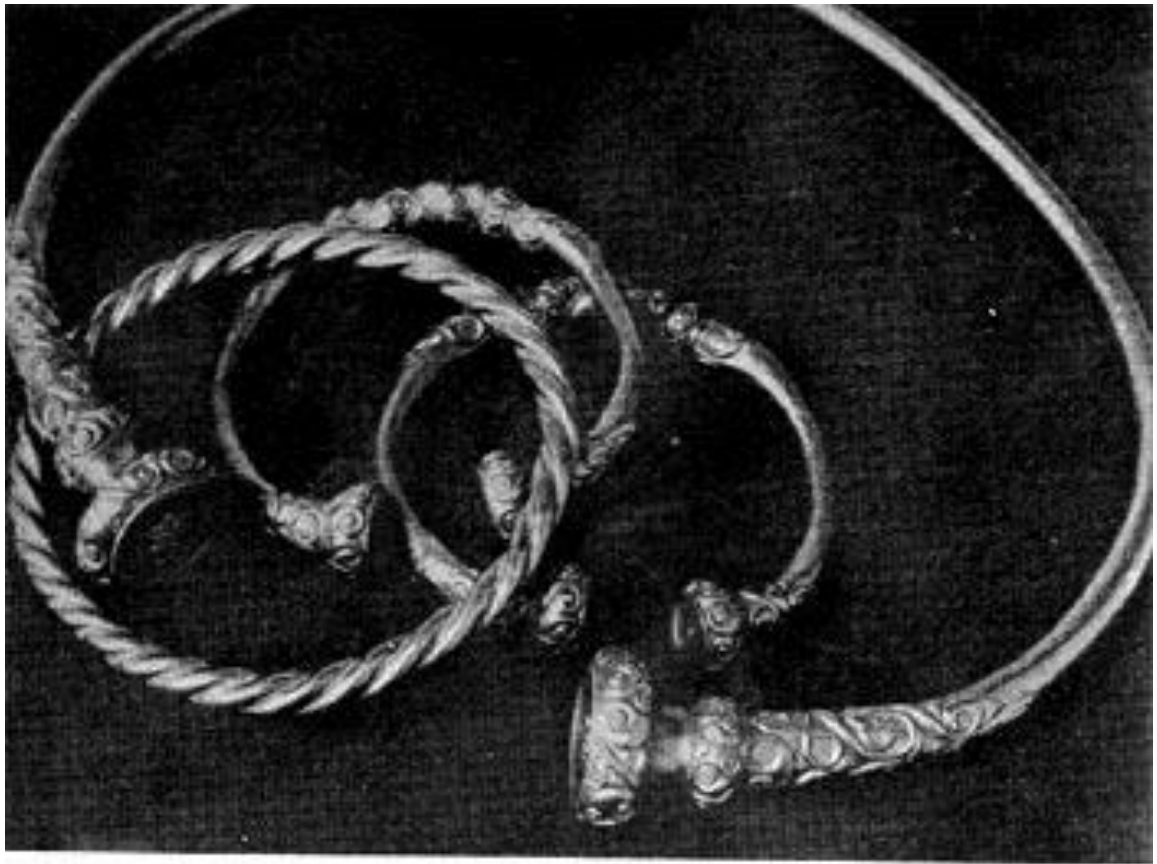
XI. Гохмихеле, княжеский курган, один из самых больших в Средней Европе. В настоящее время высота 13 м, диаметр 80 м. Фотография Киммиг — Гелл, 1958 г

ХП. Викс, Франция. Бронзовая ваза греческой работы из могилы княгини около 300 г. с золотой диадемой. Фотографии шейки сосуда с украшениями. См. также рис. 8. Музей в Шатильон-сюр-Сен

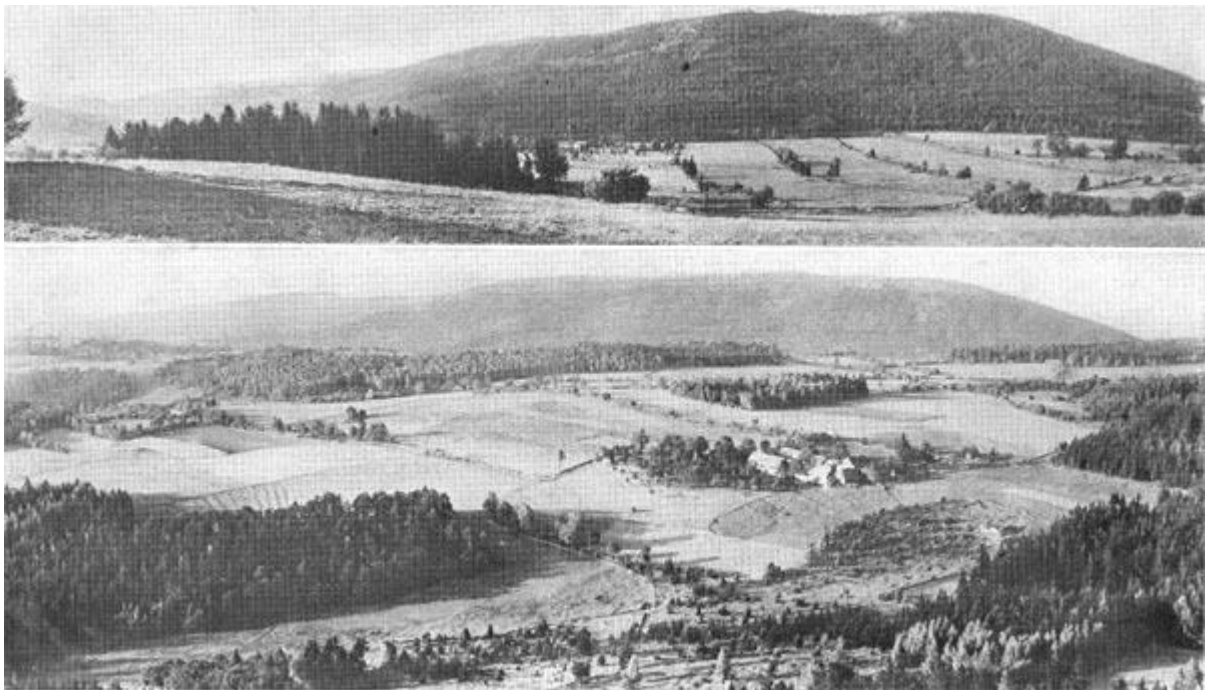
ХІІІ. Вискс, Франция. Могила кельтской княгини с золотой диадемой

XIV. Вальдальгесхейм у Бингсна в Рейнской области. Золотые шейные гривны из княжеского кургана, 4 в. — Градиште у г. Писек, Чехия. Бронзовый клювовидный кувшин, деталь украшения шейки

XV. Клайнаспергле у Лювигсбурга, Вюртемберг. Бронзовые сосуды из княжеского кургана

XVI. Седло у г. Сушице в южной Чехии. Городище гальштаттско–латенского времени на возвышенности

XVII. Буре (Сена и Уаза), Франция. Статуэтка бога с ногами оленя и с шейной гривной. Левый глаз заполнен эмалью. Высота статуэтки 45 см. Музей в Сен-Жермен-ан-Лэй

XVIII. Эффинье (Верхняя Марна), Франция. Статуэтка бога с шейной гривной и эмблемой кабана. Кремень, высота 26 см. Музей Сен-Жермен-ан-Лэй

**XIX. Галльский воин со щитом Мондрагон (Воклюз), Франция. Работа эпохи Августа.
Музей Кальвст, Авиньон**

XX. Мшецке Жехровице (р-н Нове Страшечи), Чехия. Голова из эпохи латенского времени. Высота 25 см. Национальный музей в Праге

XXI. Приллы (Ваадт). Швейцария. Голова швейцарского кельта. Работа римского художника. Бронза (глаза из меди), высота 27,5 см. Исторический музей в Берне

XXII. Трихтинген, Вюртемберг. Кельтская шейная гривна (торквес с железной основой) с бычьими головами. Латенское время. Диаметр 29,4 см, вес 6,75 кг. Музей в Штуттгарте

XXIII. Брно–Маломержице, Моравия. Бронзовые поковки с маскообразными мотивами, найденные на кельтском могильнике. Моравский музей в г. Брно

XXIV. Гундеструп (Аалборг), Ютландия. Серебряный культовый котелок, найденный в 1891 г. в торфянике. Общий вид. Высота 42 см, диаметр 69 см, вес 8,86 кг. Национальный музей в Копенгагене

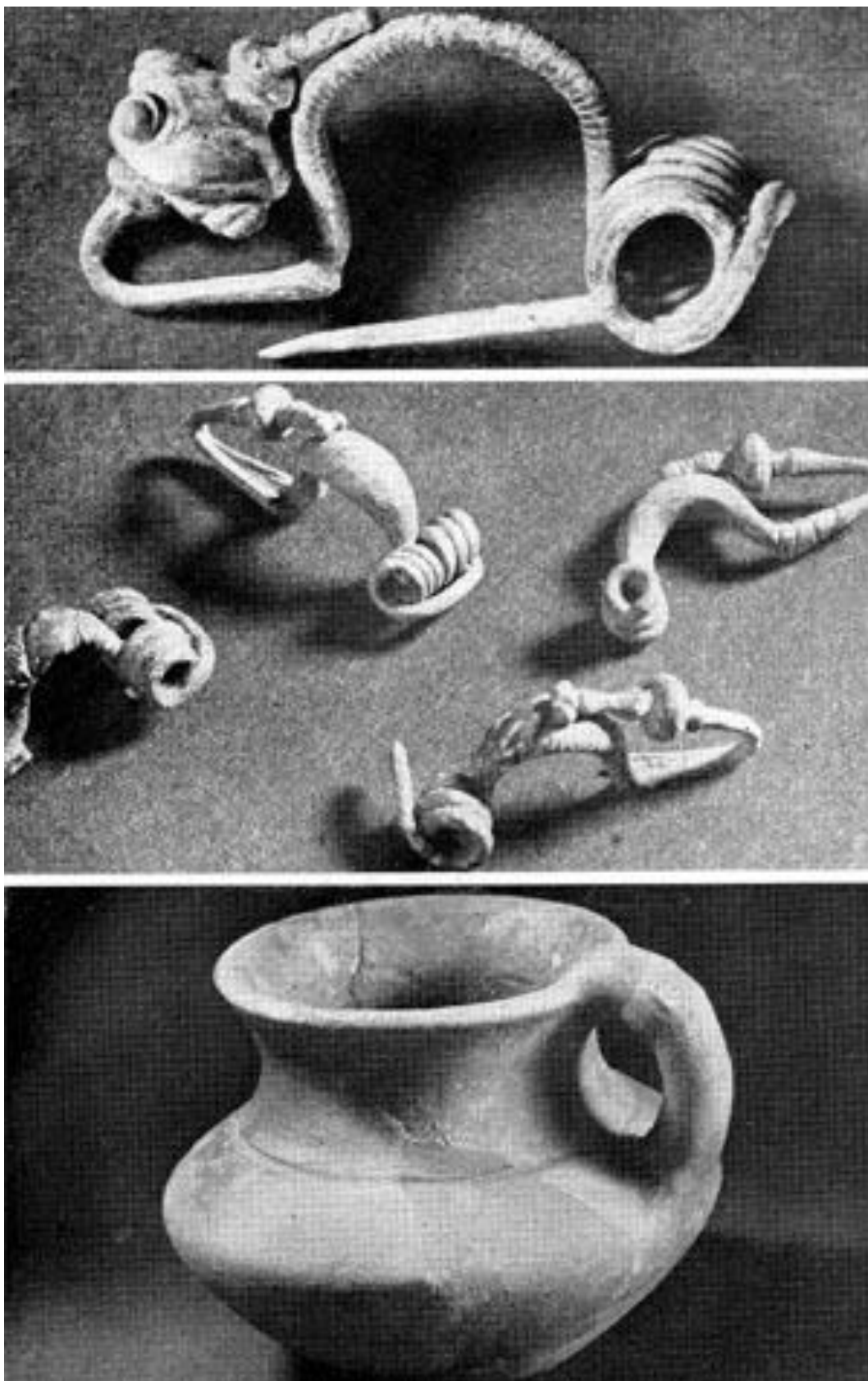

XXV. Гундеструп, Ютландия. Культовый котелок. Образец украшения одной из внутренних пластин (длин 25 см). Национальный музей в Копенгагене

XXVI. Ножны мечей латенского времени в чешских землях. Дракички у г. Габор, курган с трупосожжением. Ножны с наконечником (деталь), длина 565 мм. Позднелатенское время. Музей в Таборе — Харваты г. Оломоун. Верхняя часть ножен (обе стороны) из кельтской могилы около 100 г. до н.э. Музей в Оломоне

XXVII. Кошице, Словакия. Кельтские могильники с трупосжжением II в. до н.э. Музей в Кошицах (Пастор, 1954)

XXVIII. Прага–Забеглице. Бронзовая шейная гривна (торквес) и фибулы из кельтских могил. Диаметр гривны 11 см., длина фибул 5,6—6 см. Национальный музей в Праге

XXIX. Влканово (село Байч, р–н Гурбацово), Словакия. Бронзовые ножные браслеты из кельтской могилы. Диаметр 6,7 см. Институт археологии в г. Нитре. — Велка Маня (р–н Питра). Стекланный браслет из кельтской могилы. Словацкий музей, Братислава

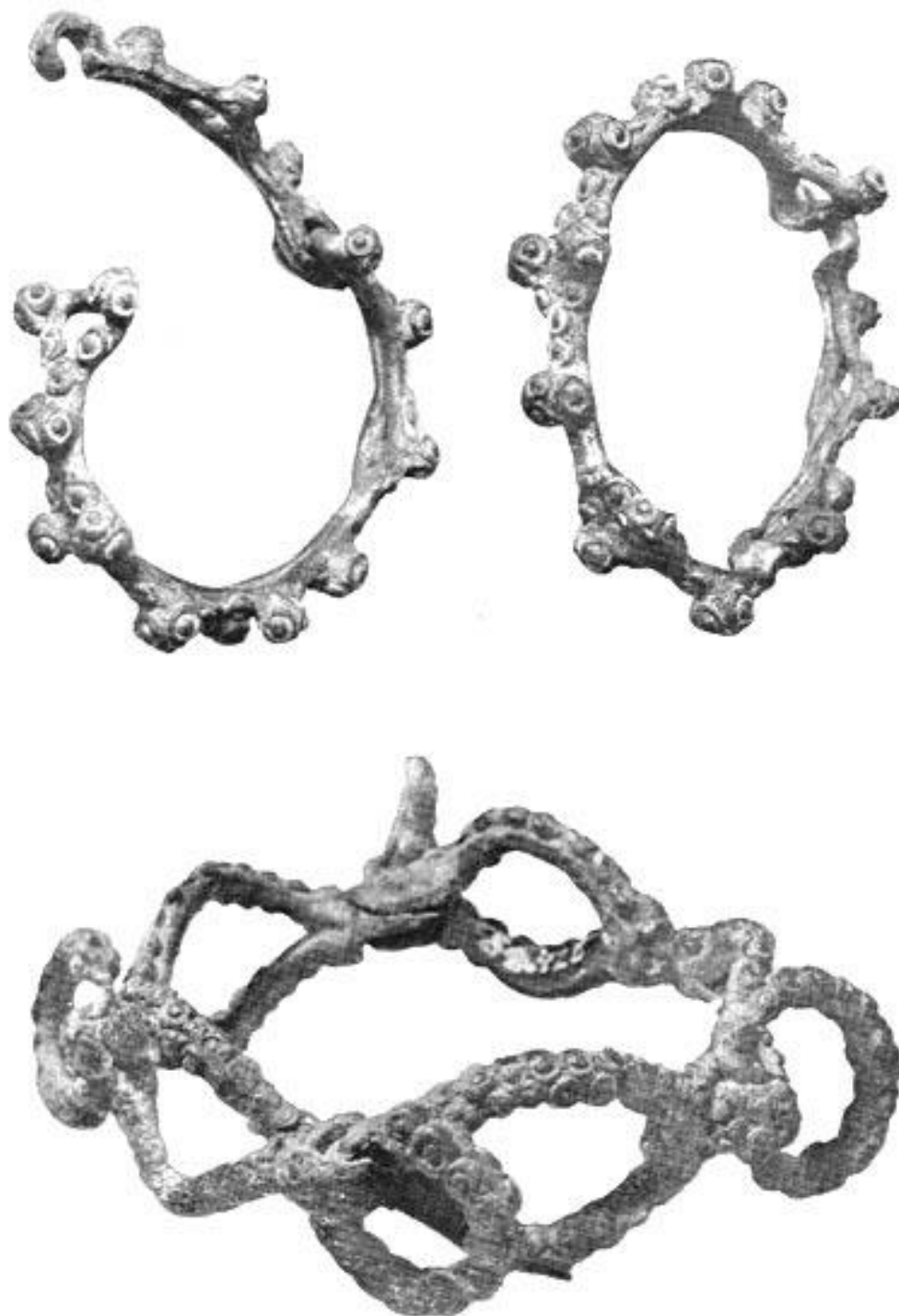

XXX. Бронзовые ручные и поясные браслеты из кельтских могил в Средней Европе. Прага Подбаба (Нова Юлиска), ажурный браслет диаметр 6—7 см. Городской музей в Праге — Моравский Крумлов, браслет, украшенный имитацией. В Моравском Крумлове — Райград у Жидюховиц в Моравии браслет из 6 полушарий, с рельефными украшениями. Диаметр 10,5 см. Моравский музей в г. Брно

XXXI. Художественно обработанные фибулы из кельтских могил III—II вв. до н.э.
Верхний ряд Ограда у г. Колин (длина 6 см), музей в Нолине. Пршемышлени (Прага, север), дл. 76 мм. Национальный музей в Праге — Велка Маня в Словакии, мог. №XIII (дл. 37 мм). Институт археологии в г. Нитре. — **Средний ряд.** Леднице, южная Моравия

(могила с труносожжением, дл. 37 мм). Моравский музей в г. Брно. — Жатец, Чехия
Музей в г. Жатец — Внизу Брно–Маломержице, мог. №17 (дл. 7,6 см.). Фибула с
вставками из эмали. Моравский музей в г. Брно

XXXII. Бронзовые браслеты с пальметками, раскрывающиеся, из могил женщин II в.
Высококачественная литейная работа кельтских мастерских в Чехии. Ледвице у
Духцов и (внизу) Пляняны у г. Колин. Музей в Духцове и Национальный музей в Праге

XXXIII. Образцы кельтской керамики, сделанной на гончарном круге. Из захоронений в Чехии и Моравии: 1 — Станьковице у г. Жатец, могила №3 (высота 32,5 см), музей в Катце; 2 — Коаланы у Бучовиц в Моравии, могила №8 (высота 18 см), Моравский музей в г. Брно; 3 — Либчевес у г. Билина, Чехия могила 8/1889 (выс. 17 см),

Национальный музей в Праге; 4—5 — Брно—Маломержице (могила с трупосожжением №55, выс. 23,3 см, мог. №29, выс. 44 см). Моравский музей в г. Брно

XXXIV. Штейнсбург Ремгильда в Тюрингии, расположенное на вершине городище. — Штафельберг, оппидум в бассейне Майна, снимок с самолёта

XXXV. Кельтский оппидум (городище) у Страдониц поблизости города Бероуна в Чехии. Различные мелкие бронзовые предметы. Национальный музей в Праге

XXXVI. Кельтский оппидум Градиште на Зависти у г. Збраелав в Чехии. Вид со стороны р. Влтавы на низкую часть городища (место «У алтанку») — Вал, окружающий детинец в верхней части городища. Фотографии В. Моухи, 1959 г

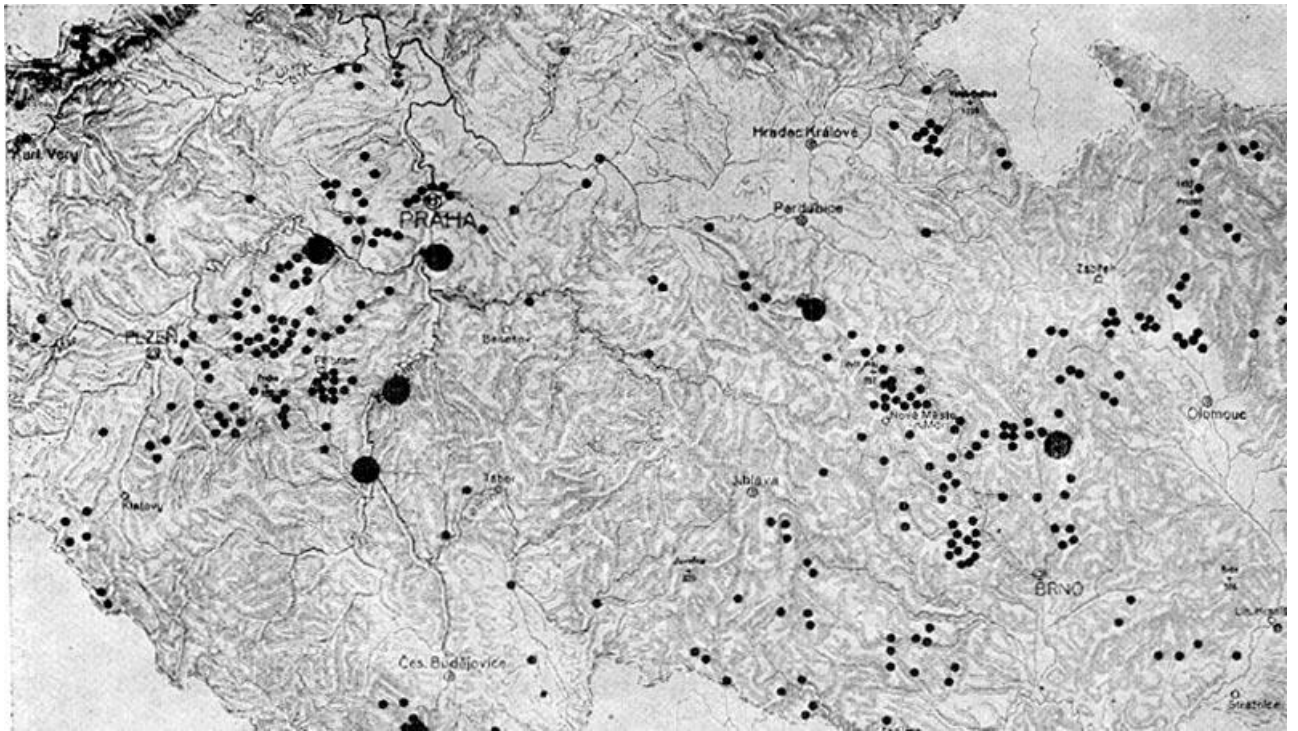

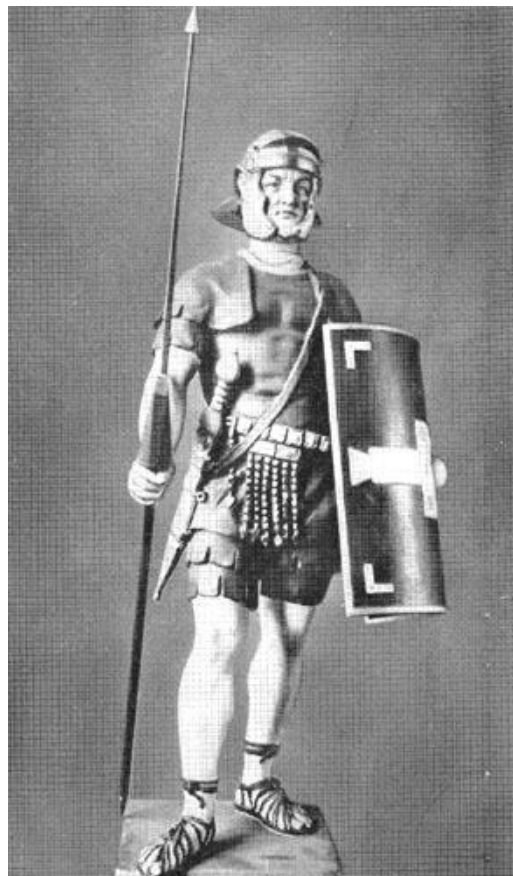
XXXVII. Кельтский oppidum Градиште у Страдониц, общий вид. — Внизу Градиште на Зависте у Збраслава, т.н. Шанцы. Общий вид вала, замыкающего северо-западную часть Шанцев. Фотографии Моухи, 1959 г

XXXVIII. Кельтский oppidum Гразан у г. Седльчаны в Чехии. Входные ворота oppidума (с загнутыми крыльями) и колеи на дороге, ведущей к воротам. Исследования 1959 г

XXXIX. Поверхностные местонахождения железной руды в чешских землях (по Р. Плейнеру) в чешских землях и расположение главных оппидумов (большие кружки).

XL. Римский легионер, хозяин Галлии после падения кельтской власти. Центральный музей в Майнце (реконструкция по находкам).

Armelle Duceppe-Lamarre.

Unité ou pluralité de la sculpture celtique hallstattienne et laténienne en pierre en Europe continentale du VIIe au Ier s. av. J.-C.

1. Introduction

Les nouvelles découvertes de statues au Glauberg en Allemagne (Frey, Hermann 1997), à Saint-Symphorien en France (Menez et coll. 1999), ainsi que la reprise des études comme à Roquepertuse (Lescure, Gantès 1991 ; Boissinot, Lescure 1998 ; Boissinot 2000 ; Rapin 2000), ou la publication d'un ouvrage de réflexions autour de la statuaire hallstattienne (Bonenfant, Guillaumet 1998) et les différentes contributions à cette chronique des *Documents d'Archéologie Méridionale* sont autant d'indices et de raisons qui marquent un nouvel intérêt pour un artisanat marginal de la culture hallstattienne et laténienne. Peu nombreuses, à la différence de ses voisines grecques et romaines, les sculptures celtiques méritent toutefois une étude à part entière. L'idée d'une synthèse étant encore prématurée, il n'est cependant pas vain d'évaluer le potentiel d'étude de la sculpture en pierre hallstattienne et laténienne à travers les prémices d'un corpus¹. L'inventaire montre une diversité iconographique le plus souvent limitée dans l'espace et le temps. Ce phénomène s'explique par l'individualité créatrice de chaque région concernée et de l'aptitude des artisans à traduire leur spécificité. Six grands groupes ont été déterminés, sans corrélations évidentes. Ce découpage suit une logique géographique et chronologique, reflet de la régionalisation des sculptures celtiques en pierre.

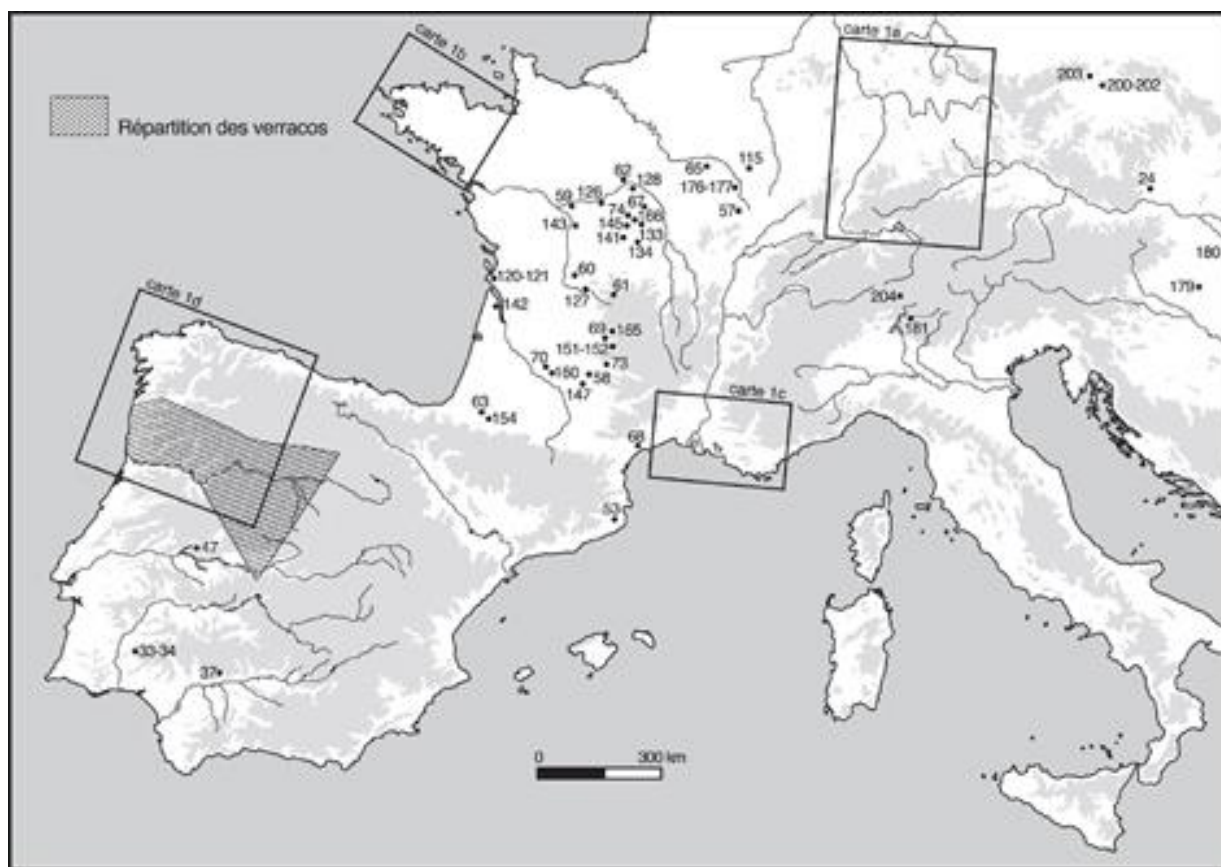
- 1 Le corpus présenté en annexe est basé sur celui réalisé pour l'obtention du DEA soutenu en (...)

Commentaires généraux

Le classement présenté à la fin de l'inventaire selon que l'on possède ou non une datation montre bien le faible pourcentage de sculptures provenant de contextes bien datés. On peut être optimiste en y ajoutant les sculptures dont l'étude iconographique permet une attribution quasi certaine. Cependant, il reste la moitié des sculptures recensées pour lesquelles l'attribution à l'âge du Fer est incertaine. La publication récente des sculptures de Paule démontre l'importance de la découverte d'exemplaires en contexte bien daté et bien étudié. Elle a permis à Y. Menez de regrouper un ensemble de sculptures en grande partie non datées, mais qui présentent les mêmes caractéristiques morphologiques, et de proposer de les attribuer à La Tène finale (Menez et coll. 1999, 399). Cette méthode présente toutefois le risque d'une attribution chronologique trop rapide, un type de sculpture pouvant persister pendant plusieurs décennies voire plusieurs siècles. C'est d'ailleurs le cas pour le groupe des personnages assis en tailleur, qui est connu durant toute la période laténienne.

La cartographie de la sculpture celtique en pierre met en évidence son caractère disparate. Les zones les plus importantes sont le sud de l'Allemagne et plus exactement le Bade-Wurtemberg, la Bohême, l'Armorique, le sud de la France et le nord de l'Espagne et du Portugal. En dehors de ces régions, le reste de l'aire culturelle celtique continentale n'est pas ou peu concerné, pour l'instant, par la sculpture. On dénombre toutefois dans les régions délaissées quelques sculptures le plus souvent datées de la fin du second âge du Fer. Il est difficile de raisonner sur la disparité des sculptures en pierre, des découvertes sont toujours susceptibles de modifier ce tableau, mais à titre indicatif on constate que les sculptures de l'âge du Bronze (Briard 1987, 44 carte) ont une répartition assez identique à celle de l'âge du Fer en Europe continentale². La présence de sculptures sur les côtes atlantique et méridionale indique peut-être une tradition de la pierre plus ancrée que dans d'autres régions. Cet argument ne constitue en aucun cas l'unique solution puisque le sud de l'Allemagne a livré les plus anciennes sculptures hallstattiennes en pierre. Là où la sculpture en pierre est inexistante, cela ne signifie pas une inaptitude des artisans locaux à utiliser la sculpture comme moyen d'expression. Grâce à quelques découvertes, on suppose l'existence d'un artisanat en bois d'excellente qualité en Europe protohistorique : figurines d'animaux de Fellbach-Schmiden (Planck *et al.* 1982), statue de divinité du port de Genève (Bonnet 1991, 522) et autres découvertes en Suisse (Brunetti 2001). Bien sûr, les

conditions particulières de préservation qu'exige le bois ne permettent pas d'apprécier suffisamment cet artisanat. Dans l'hypothèse d'une sculpture importante en bois chez les Celtes, la sculpture en pierre apparaîtrait comme une manifestation originale et sporadique de la culture celtique hallstattienne et laténienne. Sporadique, puisqu'elle existe çà et là à des périodes différentes, et originale par son répertoire iconographique qui laisse une place importante à la figuration humaine, un sujet assez peu privilégié dans l'art celtique.

répartition des sculptures préromaines en Europe continentale

Dans l'état actuel des recherches, on distingue six grands groupes.

Le groupe des stèles et statues hallstattiennes

Les sculptures les plus anciennes datent du VIIe et VIe s. av. J.-C. (n° inv. 01D Birkach ; n° inv. 15-16D Rottenburg-am-Neckar, fig. 1B ; n° inv. 20D Stockach, fig. 1A ; n° inv. 09D Hirschlanden, fig. 2B ; n° inv. 18D Stammheim, fig. 2A ; n° inv. 21 à 23D Tübingen-Kilchberg, fig. 2C). Elles proviennent essentiellement du sud de l'Allemagne. Cette région est bien connue sur le plan archéologique par le développement qu'y connaît la culture hallstattienne, caractérisée par la forte présence culturelle et économique des « princes celtiques ». Le mobilier précieux de fabrication locale ou importé du milieu cisalpin, découvert dans les tombes de ces princes, témoigne de cette réussite. Dans ce contexte, l'importation des stèles n'est pas attestée – les pierres utilisées étant d'origine locale – mais le sujet traité trouve des analogies avec la sculpture méditerranéenne.

Les sculptures hallstattiennes représentent l'homme sous la forme d'une stèle dont le sommet est taillé en cercle de manière à évoquer une tête. La bouche et les yeux sont indiqués par des incisions (Stockach fig. 1A). Sur d'autres stèles, plus grandes, la représentation des membres inférieurs et supérieurs s'ajoute à celle du visage (Stammheim fig. 2A). La plupart des détails anatomiques sont gravés, excepté sur la sculpture d'Hirschlanden qui est traitée en partie en bas-relief pour les bras mais surtout en ronde-bosse pour le reste du corps (fig. 2B). Il n'est donc pas excessif de parler de statue dans ce cas et non pas de stèle.

La découverte des sculptures hallstattiennes en contexte funéraire laisse penser qu'à l'origine les stèles ou la statue trônaient au sommet du tumulus pour marquer la tombe du défunt, à l'instar de nos pierres tombales³. La question de l'identité du personnage représenté est latente à ce type de situation. S'agit-il d'une représentation divine, d'une image symbolique du personnage inhumé ? La deuxième solution est la plus vraisemblable. L'image pétrifiée du défunt rappellerait à ces congénères son bon souvenir et éventuellement son rôle dans la communauté. L'apport des stèles et des sculptures à la compréhension des rites funéraires voire des cultes funéraires est important, en plus de compléter le répertoire iconographique de l'art hallstattien.

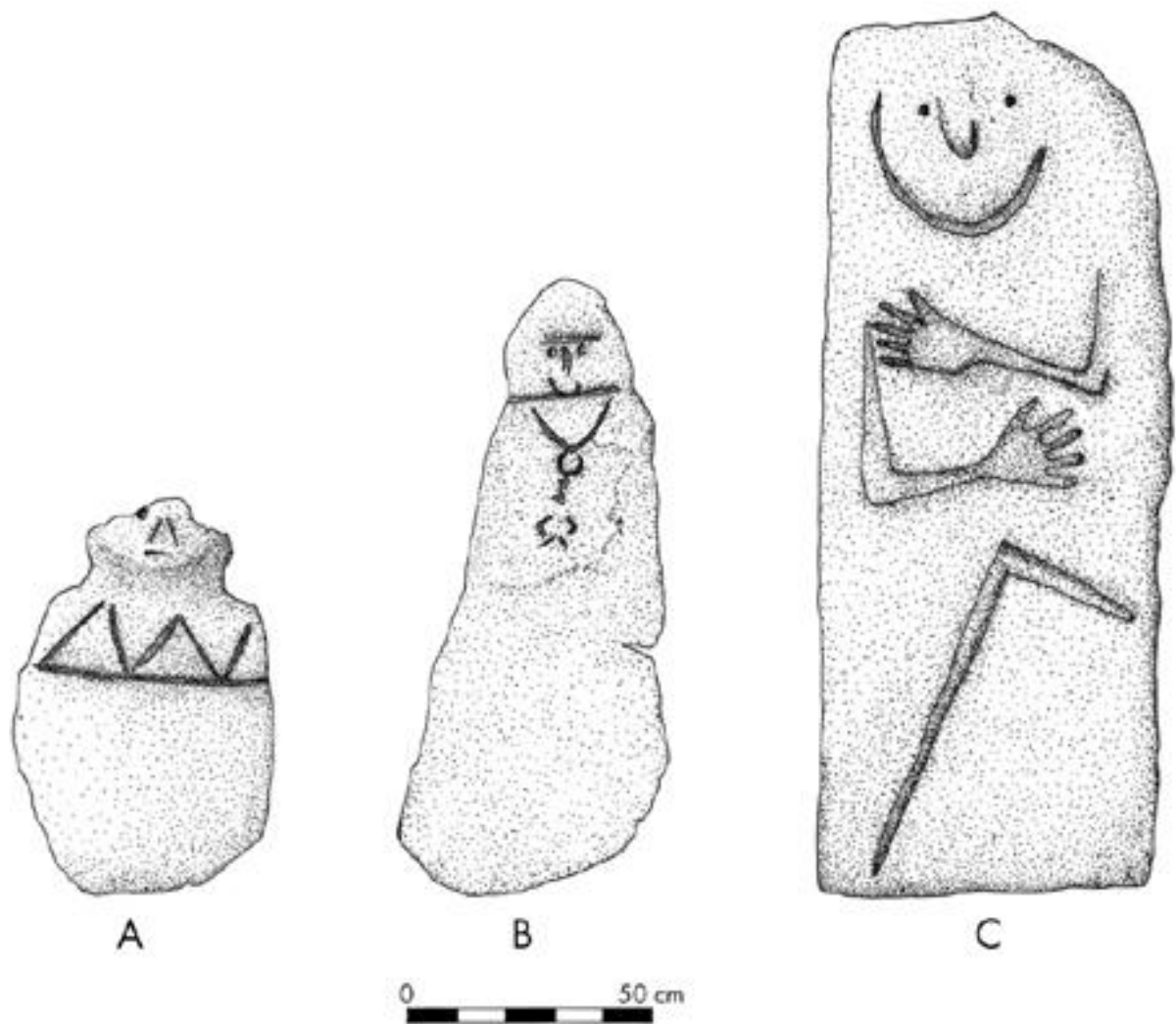
- **3 Une exception, la stèle du tumulus n° 7 de la nécropole de Rottenburg-am-Neckar, a été (...)**

Les stèles funéraires ou cippes sont connues en Italie au premier âge du Fer, leur style varie selon les régions : les stèles de la Lunigiana (Kruta 1992, 193, fig. 161), de Bologne (Kruta 1992, 214-215, fig. 182-184) ou de la Daunie (Kruta 1992, 195-197, fig. 162-164) : les stèles allemandes gravées, bien que plus récentes, sont comparables à ce phénomène péninsulaire. Elles procèdent d'une même conception : simplification du support, réduction à sa plus simple expression des parties anatomiques. Les analogies entre la sculpture de Capestrano (Kruta 1992, 197-198, fig. 165-167), de Nesactium (Fischer 1984 pl. 6-7) et de Hirschlanden incarnent clairement les influences des populations des côtes adriatiques : même frontalité et nudité ithyphallique qui ne sont pas sans rappeler le canon des *kouroï* grecs (Beeser 1983 : Bonenfant, Guillaumet 1998). On peut se demander dans le cas de Hirschlanden, quel en est le sculpteur ? Un artisan celtique connaissant la sculpture méridionale ou un artisan méditerranéen travaillant à la solde d'un personnage celtique ? Il est difficile de répondre. En revanche, la statue de Hirschlanden témoigne de l'impact des cultures méditerranéennes sur la culture hallstattienne qui ne se contente pas d'importer du mobilier mais véhicule aussi des idées et du savoir faire que les Celtes assimilent et adaptent à leur goût. Si la statue de Hirschlanden présente de fortes similitudes avec le monde méditerranéen, son appartenance à la culture hallstattienne se reconnaît à ses attributs : son torse, son épée et son chapeau.

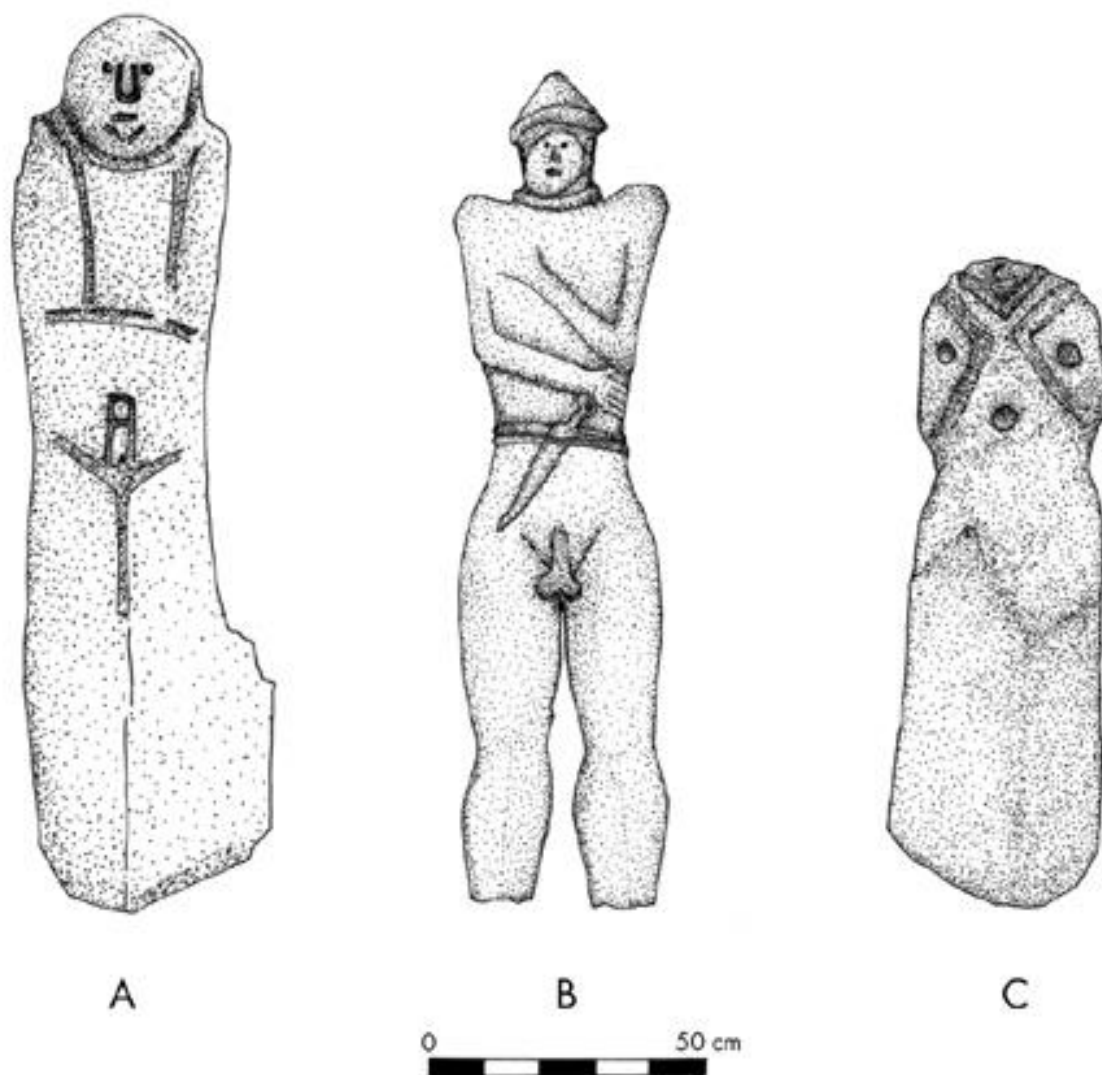
Les sculptures hallstattiennes allemandes forment un ensemble assez homogène qui ne trouve pas d'équivalent dans le reste de l'Europe celtique. La découverte fortuite en Suisse en 1961 d'une stèle anthropomorphe gravée, éventuellement datable de la période hallstattienne, constitue le seul exemple existant à ce jour hors de la région sud de l'Allemagne (n° inv. 204 CH, fig. 1C).

Le groupe de sculptures qui suit chronologiquement les sculptures allemandes hallstattiennes sont les stèles armoricaines à décors géométriques et curvilignes dont les récentes découvertes permettent de dater les plus anciennes des débuts de la Tène ancienne.

1 A : stèle de Stockach (Bade-Wurtemberg), dessin d'après Kimmig 1987 ; B : stèle de Rottenburg-am-Neckar (Bade-Wurtemberg), dessin d'après Kimmig 1987 ; C : stèle de Lumbrein, dessin d'après Kimmig 1987

2 A : stèle de Stammheim (Rhénanie), dessin d'après Kimmig 1987 ; B : statue de Hirschlanden (Bade-Wurtemberg), dessin d'après Zürn 1964 ; C : stèle de Tübingen-Kilchberg (Bade-Wurtemberg), dessin d'après Kimmig 1987

Le groupe des stèles armoricaines à décors géométriques et curvilignes

Les stèles armoricaines, nombreuses, sont de formes hautes (tronconiques, fig. 3A-C) ou basses (fig. 3D), lisses, cannelées, décorées de motifs géométriques, curvilignes ou de cupules (fig. 4). M.-Y. Daire et P.-R. Giot ont travaillé sur le recensement de ces stèles dans la région du Léon (Finistère) mais elles sont connues également dans le Morbihan et en Côtes-d'Armor (Daire, Giot 1989 ; Daire, Villard 1996, 138, fig. 11). Parfois en relation avec le milieu funéraire, elles sont le plus souvent hors contexte archéologique ou en remploi. Dans cette multitude de stèles, l'intérêt se porte en particulier sur les stèles ornées de décors curvilignes et géométriques (fig. 4). Pour le moment, onze stèles ou fragments décorés sont connus en Armorique. L'article de M.-Y. Daire et de A. Villard fait le point sur ces découvertes anciennes et nouvelles (Daire, Villard 1996 ; Milcent, Gomez dans ce volume). Le répertoire décoratif rappelle les décors des céramiques peintes ou les mosaïques grecques et surtout celui des motifs des céramiques estampées armoricaines du VIe-Ve s. av. J.-C.⁴ (Cherel 1996, 58, fig. 27 ; Daire, Villard 1996, 147-148, fig. 17). Mais sur les stèles et les céramiques armoricaines, les décors géométriques et curvilignes sont les thèmes décoratifs principaux à la différence des objets méditerranéens où ils occupent une position secondaire. Il est difficile pour le moment de distinguer avec rigueur le chemin emprunté par les motifs géométriques et curvilignes. Bien que les grecques, les essés et les svastikas soient utilisées depuis longtemps dans l'art, il faut admettre que les Grecs et les Romains les ont abondamment utilisés, excepté les svastikas. L'idée d'une influence méditerranéenne peut être proposée en raison des liens possibles engendrés grâce au commerce de l'étain qui est attesté entre les régions

méridionales et la péninsule armoricaine. Une influence venue de l'Europe celtique occidentale et orientale est également envisageable (Daire, Villard 1996, 151). Dans les deux cas le manque de preuve est patent. En effet, la faible présence de mobilier méditerranéen (par exemple la situle et son couvercle de type grec ou étrusque du tumulus du Rocher au Bono dans le Morbihan ; Giot 1995, 223) n'étaye pas suffisamment l'hypothèse des relations directes. Il est possible, comme le suggèrent M.-Y. Daire et A. Villard, que des objets périssables : étoffes, objets en bois..., qui aujourd'hui ont disparu, aient servis à véhiculer le répertoire décoratif (Daire, Villard 1996, 151). L'existence de liens avec les régions celtiques occidentale et orientale est tout aussi obscure, d'autant plus que les régions intermédiaires entre ces ensembles sont pauvres en vestiges de la fin du premier et du début du second âges du Fer. La céramique estampée armoricaine présente un répertoire iconographique proche de celui des stèles : c'est peut-être par l'analyse de ce type de matériel que se résoudra le problème des influences puisque le nord de l'Italie et les régions orientales de l'Europe ont produit de la céramique estampillée.

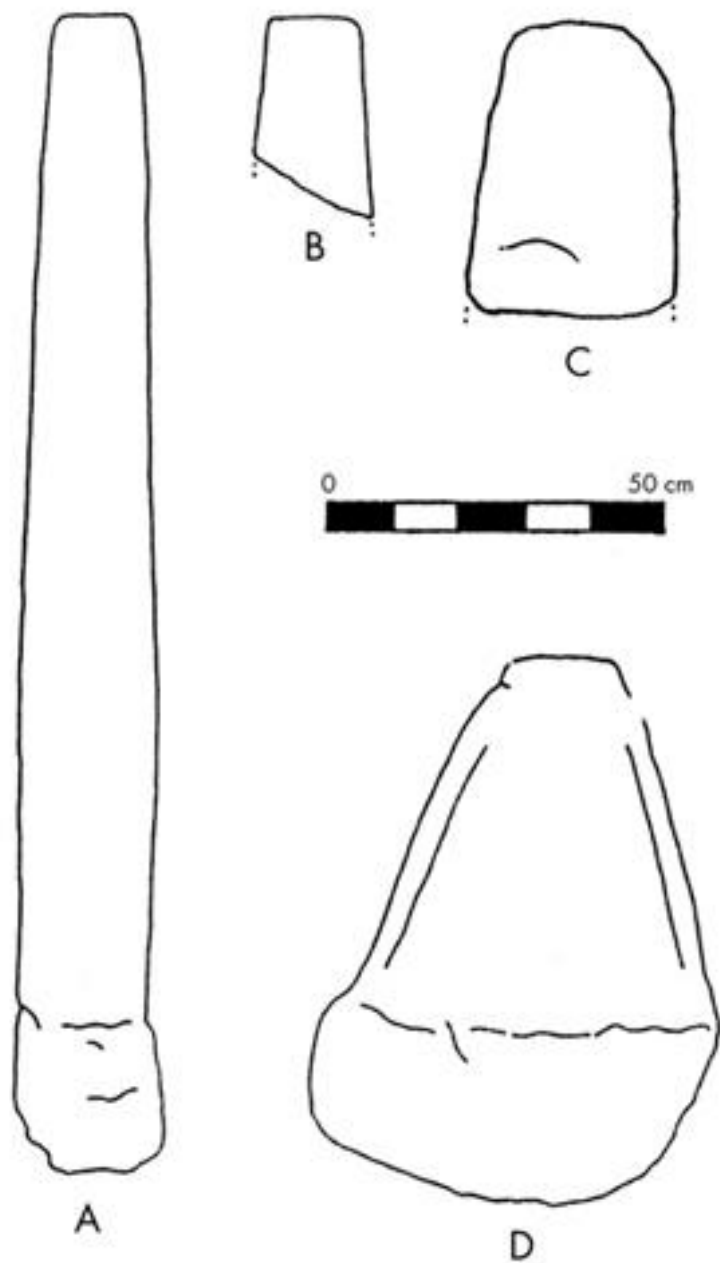
- 4 Les dates données ici sont à prendre à titre indicatif, la date d'apparition de la (...)

Grâce aux quelques stèles découvertes récemment en contexte archéologique, il est possible de les dater globalement de La Tène A5. La stèle de Kermaria datée jusqu'à présent du début du IVe s. av. J.-C. pourrait être plus ancienne en raison d'un décor plus proche du répertoire iconographique hallstattien que laténien⁵.

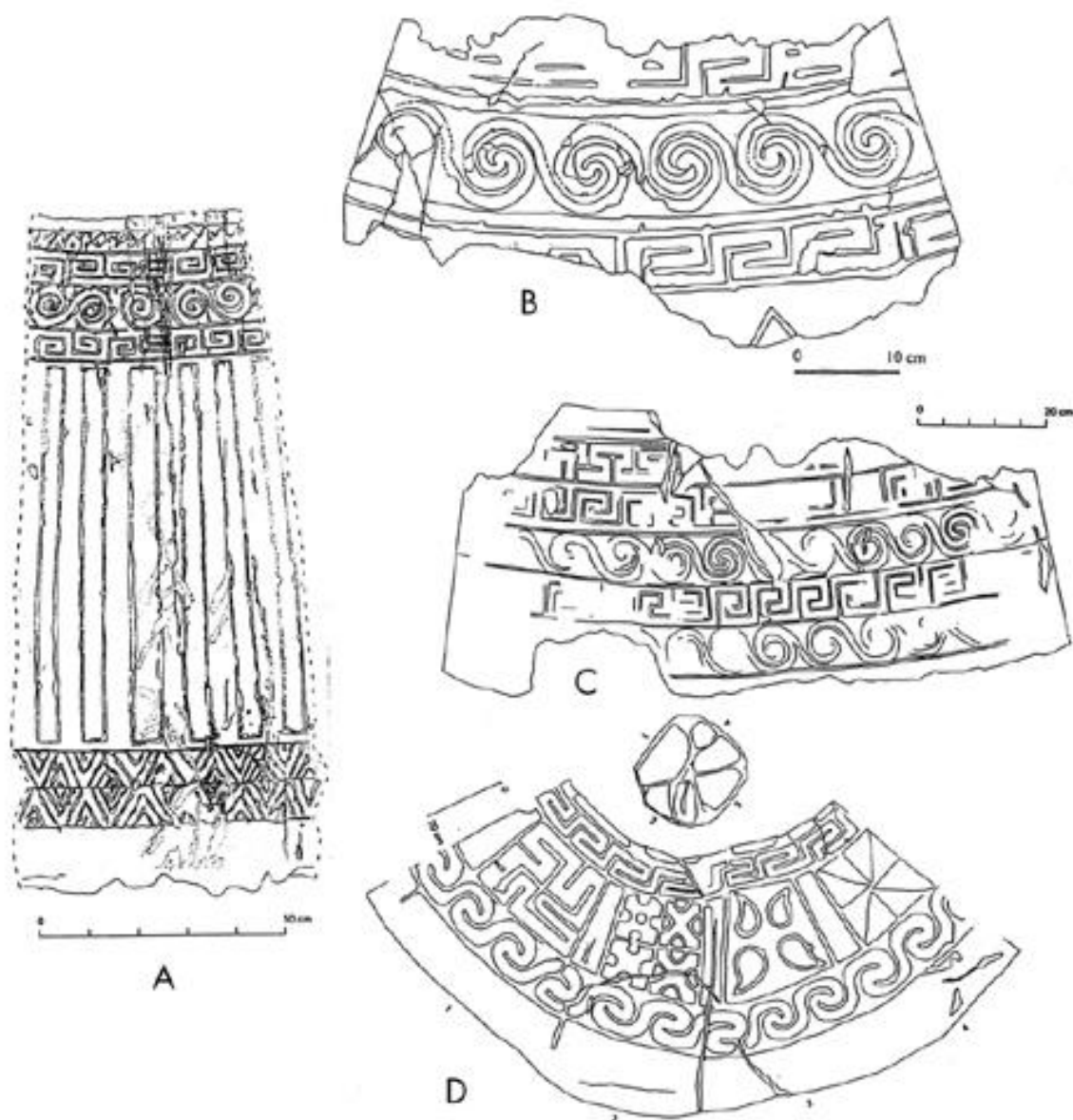
- 5 Il s'agit des stèles de Melgven et les stèles de Pont-l'Abbé, Keralio (Finistère) ainsi (...)

Ce type de stèle décorée, non anthropomorphe, n'a pas d'équivalent dans le domaine continental. C'est en Irlande, sur les pierres de Turoe (Duignan 1976, 202, fig. 1 : 205, fig. 2), de Castlestrange, de Killycluggin ou de Derrykeighan dont les décors linéaires imitent ceux des objets en métal insulaire, qu'il est possible d'établir un lien avec les stèles armoricaines (Raftery 1993, 255-258, fig. 2-5). Ce lien ne concerne pas les décors mais l'acte de sculpter en très faible relief des blocs de pierre dure dans le but de signaler un endroit, un espace : une sépulture, un point géographique important... Cette pratique est connue un peu partout en Europe depuis l'âge du Bronze, à la différence que les stèles sont anépigraphes et aniconiques⁶. On ne peut pas exclure, cependant, la possibilité d'une ornementation réalisée avec de la peinture. En Allemagne et en Italie, de grandes stèles en pierre ou même des piliers de bois sont attestés pour l'indication des tombes (Kimmig 1987, 255-256, fig. 2-3 : 275, fig. 23). Cependant, les stèles armoricaines, en dehors de leur fonction signalétique, conservent grâce à leur décor le témoignage d'une syntaxe symbolique et religieuse dont le sens nous échappe complètement aujourd'hui.

3 Silhouettes de stèles armoricaines d'après Daire, Villard 1996. A : Melgven, Kerviguérou (Finistère) ; B : Pont l'Abbé, Keralio (Finistère) ; C : Tréguennec (Finistère) ; D : Pont l'Abbé, Kermaria (Finistère)

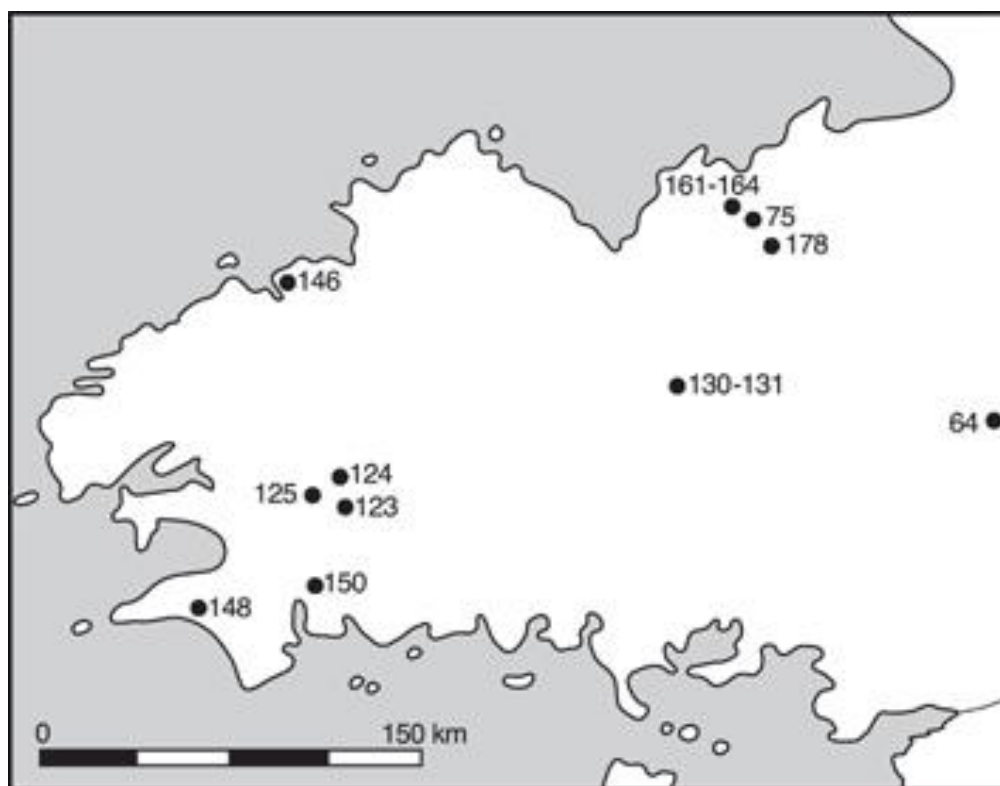

4 Décor en développée de stèles armoricaines d'après Daire, Villard 1996. A : Melgven, Kerviguérou (Finistère) ; B : Pont l'Abbé, Keralio (Finistère) ; C : Tréguennec (Finistère) ; D : Pont l'Abbé, Kermaria (Finistère)

Pour conclure sur ces deux premiers groupes, la sculpture sur pierre est parfois influencée par la figuration et les éléments décoratifs des pays méditerranéens et plus particulièrement par le milieu italique. Le groupe allemand et le groupe armoricain qui n'ont aucune parenté stylistique se confondent, cependant, sur le plan fonctionnel. Il est intéressant de constater la différence de traitement des stèles funéraires pour une même culture à une date presque similaire : ceci est le résultat des particularismes culturels de chacune des régions celtiques. Sur ce dernier point, le cas de la stèle de Bormio (n° inv. 181I) et celui des deux statues de Vix (carte n° 1, n° inv. 176 et 177F) illustrent bien la diversité des sculptures ainsi que la difficulté de les attribuer avec certitude à la culture celtique, leur figuration étant inhabituelle. Le fragment de la stèle de Bormio est sculpté en bas-relief et représente deux guerriers dont un sonneur de cor habillé d'une tunique, vu de profil, qui pour jouer a planté sa lance devant lui et y a accroché son bouclier rond décoré de motifs géométriques. Le second est un fantassin en armes, vu de face, tenant dans sa main droite une enseigne et dans sa main gauche un bouclier rectangulaire à décor de spirales et de losanges qui lui cache tout le torse et le bassin. Il est coiffé d'un casque qui semble surmonté de deux cornes ou d'un panache. Le niveau du sol est indiqué par une frise sculptée de losanges, dessous on distingue le début d'un décor non identifiable. Le sommet est bordé d'une frise de zigzags. Bien que trouvée hors contexte, l'étude stylistique menée par L. Pauli conclut à la datation de la stèle de Bormio dans le courant du Ve s. av. J.-C. (Pauli 1973). Mais le réalisme et l'éventuel caractère narratif distingue le bas-relief de Bormio des stèles allemandes et armoricaines. La proximité de l'aire culturelle de Golasecca, d'où provient la stèle de Bormio, avec la culture du peuple des Vénètes qui ont pratiqué dès le début des âges du Fer un art figuratif et narratif, notamment sur les situles, explique peut-être la particularité

de la stèle de Bormio. La présence de cette stèle dans l'aire culturelle de Golasecca reste un cas isolé et énigmatique : s'agit-il d'une importation ou d'une pièce plus récente ? Les mêmes doutes apparaissent au sujet des deux statues de Vix. L'une représente une femme assise dont la tête a disparu, aucun détail anatomique n'est évoqué et elle porte au cou un torque à tampon, l'ensemble s'inscrit dans un volume cubique (n° inv. 176F). La seconde est plus réaliste, toujours inscrite dans un volume cubique, il s'agit de la partie inférieure d'un guerrier assis avec les genoux ramenés vers la poitrine (n° inv. 177F). Il est habillé d'une cuirasse à lambrequins. Il tient devant lui un bouclier et une épée à son côté droit. Ces deux sculptures ont été retrouvées dans un fossé quadrangulaire situé à 200 m de la riche tombe de la Dame de Vix. Malgré la faible quantité d'objets qu'a livrés la fouille, la datation de ces sculptures est située vers la fin du VIe s. av. J.-C (Ha D2). L'existence de ces deux statues à cette période est tout à fait exceptionnelle. Elles pourraient représenter un couple défunt faisant partie de l'élite celtique, thème inconnu jusqu'à maintenant à cette date et dans ce contexte.

Ces deux exemples montrent la difficulté d'interpréter les sculptures dont le contexte archéologique est inexistant ou faible et dont la particularité iconographique ne facilite pas leur insertion dans des ensembles. Dans le troisième groupe des problèmes similaires ont été rencontrés mais la spécificité du sujet des sculptures permet de créer des groupes qui englobent également des pièces de la toreutique.

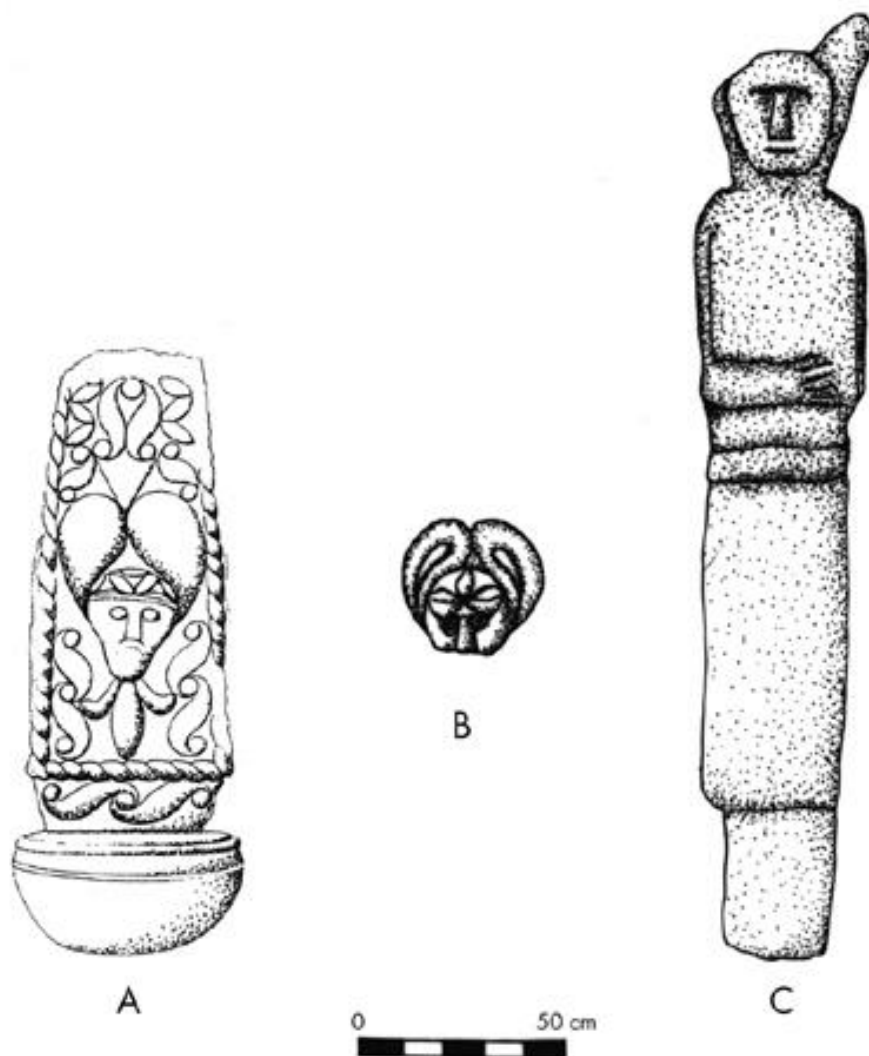

carte régionale : Bretagne

Le groupe rhénan : manifestation de l'originalité celtique

Un des motifs les plus intrigant de l'art celtique est celui d'un visage entouré d'une couronne de feuilles dite « feuilles de gui ». Son apparition résulte de la transformation de la frise classique de palmettes et de fleurs de lotus ou de lyre (Duval 1974 ; Verger 1987). Sur la garniture de Schwarzenbach apparaît la fleur de lotus aux feuilles bouletées et recourbées vers l'intérieur, formant un motif de corbeille. C'est au cœur de ce motif que sera placé un visage ou un masque, comme sur l'applique en or provenant également de Schwarzenbach (Duval 1977, fig. 8) ou sur la phalère en bronze et fer de Horovicky (Kruta 1975, pl. III n° 1, pl. IV ; Duval 1977, fig. 42). Cette couronne végétale associée au thème de l'homme aura un succès important dans le premier style de l'art celtique. On le retrouvera également plus tard dans la création des images monétaires. Les exemples les plus monumentaux de ce nouveau thème iconographique sont traduits dans la pierre. Le pilier de Pfalzfeld en Rhénanie (n° inv. 13D, fig. 5A) associe quatre visages ou masques en bas-relief à couronne de « feuilles de gui » à un décor d'éléments végétaux. À Heidelberg dans

le Bade-Wurtemberg, la partie supérieure d'un visage, traitée en ronde-bosse, présente les mêmes caractéristiques (n° inv. 07D, fig. 5B). L'association de l'image humaine et du végétal est très bien exprimée par la découverte sur le site du Glauberg, d'une sculpture de guerrier mesurant 1,86 m de haut (n° inv. 05D). Il est représenté debout, portant une cuirasse de type souple (Rapin 1999, 37, fig. 3B). Il est muni d'une épée à son côté et tient un bouclier ovale sur son ventre avec sa main gauche, alors que le bras droit est ramené sur la poitrine, dans un geste identique à celui de la statue de Hirschlanden. Son cou est orné d'un torque à pendeloques dont un exemple en or fut retrouvé dans une tombe du tumulus (Frey, Hermann 1996, fig. 111-116). Sa tête est complète et ressemble fortement aux exemples de Pfalzfeld et de Heidelberg. On peut d'ailleurs se demander si ces trois sculptures ne proviennent pas d'un même atelier, voire si elles n'ont pas été réalisées par le même sculpteur.

5 A : pilier de Pfalzfeld (Rhénanie), d'après Joachim 1993 ; B : tête de Heidelberg (Bade-Wurtemberg), dessin d'après Joachim 1989 ; C : stèle de Holzgerlingen (Bade-Wurtemberg), dessin d'après Kimmig 1987

La couronne et le visage en forme de poire, qui relève plus du masque, sont considérés comme pouvant être de caractère divin (fig. 5). S'agirait-il donc d'un guerrier héroïsé, d'un prince héroïsé ou d'une divinité humanisée cachant son véritable visage ? La statue du Glauberg découverte dans le fossé du tumulus était probablement placée à l'origine au sommet du tumulus. Cette proximité avec les tombes abonde dans le sens de la représentation d'un défunt héroïsé et non d'une divinité. Dans l'hypothèse que la statue du Glauberg représente le héros guerrier, choisi par la collectivité et les dieux, la présence d'un masque expliquerait l'impossibilité à l'homme de se présenter à visage découvert devant les divinités du panthéon celtique. Sur la statue d'Hirschlanden (fig. 2B) on remarque également l'apposition d'un objet plat sur le visage.

Quant à la datation du thème du masque surmonté d'une couronne de feuille, elle est située dès les débuts de La Tène ancienne. Son utilisation dans la toreutique a beaucoup aidé la datation de Pfalzfeld et de Heidelberg, leur contexte

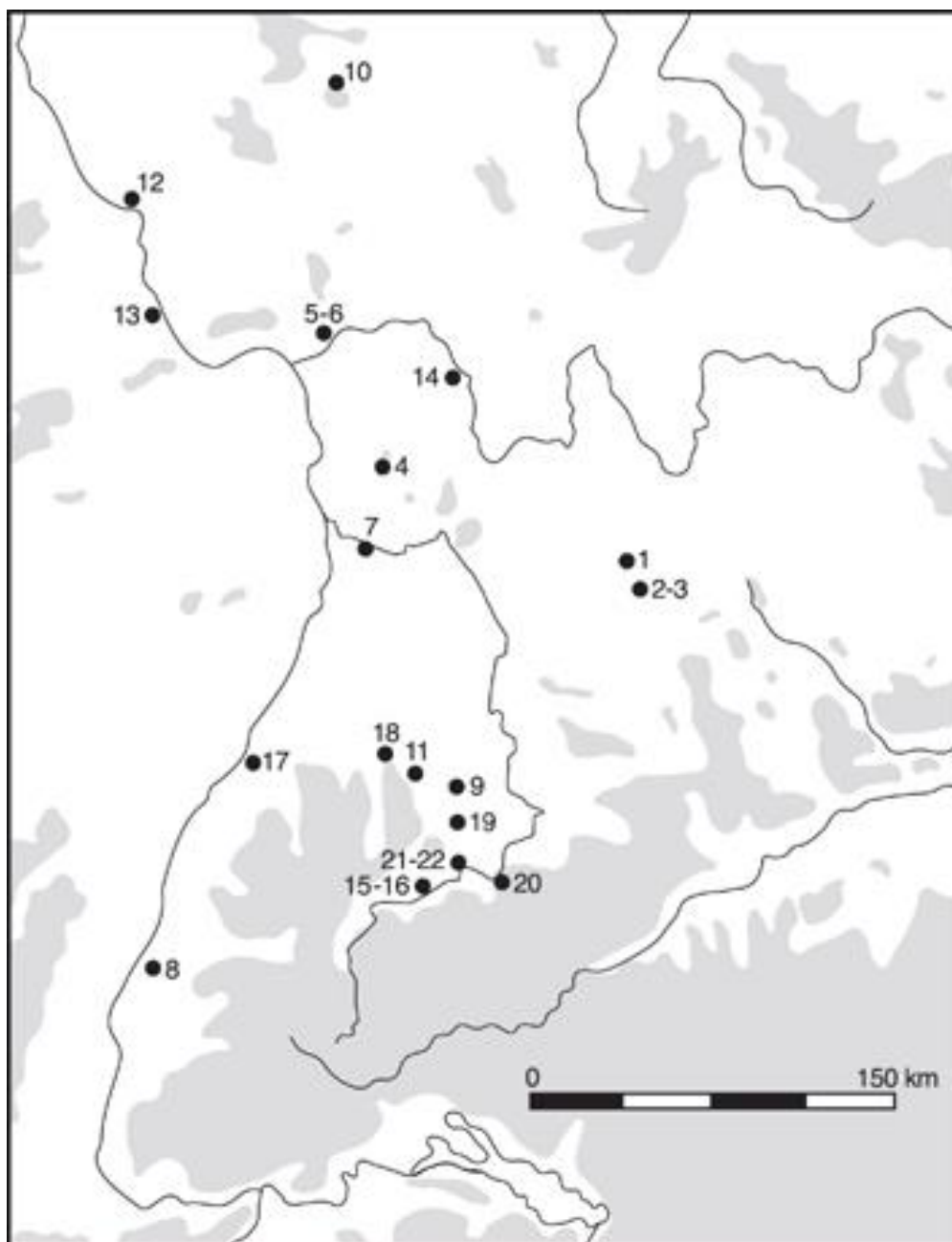
archéologique étant imprécis. Bien sûr, la statue du Glauberg est un maillon important qui permet de confirmer la chronologie de ce thème iconographique inscrit dans la pierre. Sur le plan géographique la répartition de ce sujet se concentre, tous supports confondus, en particulier en Rhénanie ainsi qu'en Bohême. C'est sur le site de Závist dans la fouille de la porte D qu'un fragment de couronne de feuilles, s'il s'agit bien de cela, fut découvert en position résiduelle (n° inv. 200CZ). En Gaule, il n'est attesté pour le moment que par deux fibules à masques provenant du gué de Port-à-Binson à Dormans (Marne) et du tumulus des Bossus sur la commune de Dompierre les Tilleuls dans le Doubs (Kruta 1989, fig. 1A-B ; Bichet, Milotte 1992, fig. 9, fig. 17 n° 6).

L'association de l'homme et du signe végétal est un leitmotiv dans l'art laténien. Le pilier de Steinenbronn (n° inv. 19D) était occupé dans sa partie supérieure par un buste d'homme, c'est du moins ce que suggère le bras gauche conservé, tandis que la base est décorée de séquences de frises de rinceaux celtisés (Kruta 1982, 49, fig. 3) qui caractérisent le style végétal continu du IVe s. av. J.-C. La tête de Msecké Zehrovice relève aussi de cette conception végétalisante : pièce unique, elle perpétue tardivement (entre le IIIe et I^e s. av. J.-C.) ce goût : ses sourcils et sa moustache se terminent en volutes alors que ses oreilles évoquent une palmette stylisée (n° inv. 203ZC, fig. 6C).

6 Barbet 1991 ; **B** : tête d'Entremont (Bouches-du-Rhône), dessin d'après Salviat 1987 ; **C** : tête de Msecké Zehrovice (Bohême), dessin d'après Duval 1977

Depuis le VIIe s. av. J.-C., l'image humaine fait partie du répertoire iconographique de la sculpture en pierre celtique hallstattienne et laténienne, sous les traits des guerriers parfois héroïsés associés à un registre végétal. Jusqu'à présent, on pouvait penser que la représentation des guerriers connaissait un renouveau dans le courant du IIIe s. av. J.-C., particulièrement dans le sud de la Gaule. Mais les dernières recherches démontrent une continuité de la représentation des guerriers depuis la période celtique hallstattienne. Pour le moment, les précurseurs de cet ensemble sculptural, dominé par les statues de Roquepertuse et d'Entremont, sont constitués par le buste de Grèzan (n° inv. 135F) et les deux de Sainte-Anastasie (n° inv. 155 et 156F). Ils sont remarquables par leur casque-capuchon et portent une armure traitée en bas-relief dans le cas du buste de Grèzan et gravée sur un des bustes de Sainte-Anastasie. Grèzan est daté du IVe s. av. J.-C. grâce à l'identification de la boucle de ceinture, d'un type identique à celui qui a été découvert dans une tombe de Mailhac dans l'Aude (Taffanel 1960, fig. 39 n° 34). Mais A. Rapin remet en cause cette attribution chronologique et propose une datation au premier âge du Fer en révisant justement la datation de la boucle. Quant aux sculptures de Sainte-Anastasie découvertes hors contexte archéologique, elles sont habituellement datées sans véritable raison, du IIIe s. av. J.-C. ; d'ailleurs A. Rapin propose également une datation plus haute vers le VIIe-VIe s. av. J.-C.

Allemagne

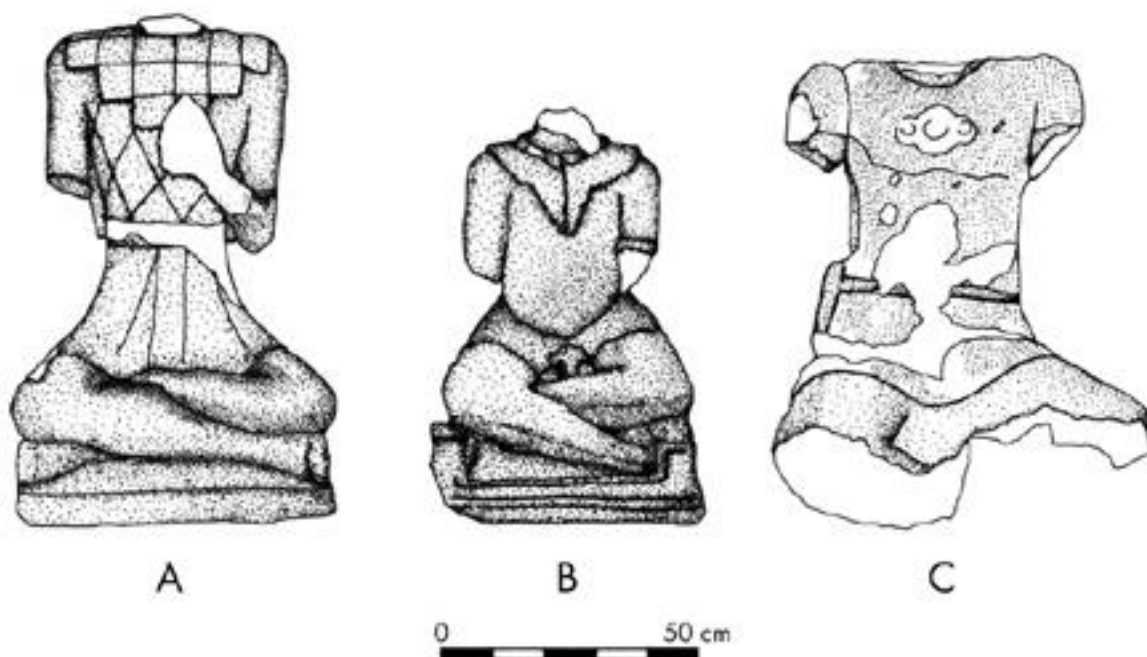
Le groupe languedocien et provençal : les personnages assis en tailleur

La représentation de personnage assis en tailleur est particulièrement concentrée dans le Languedoc oriental et dans la Provence occidentale. Roquepertuse et Entremont sont les deux ensembles les plus importants de ce groupe autant par la qualité de la sculpture que par leur mise en scène hypothétique sur le site (choix du site et architecture protectrice). L'étude de P. Arcelin, B. Dedet et M. Schwaller (1992, 223, tableau 1) a permis de distinguer deux groupes se fondant sur la différence de l'équipement mais aussi sur le style de la sculpture.

Le premier groupe est constitué par les sculptures de Roquepertuse (n° inv. 167-174F). Les deux statues restituées ont les épaules larges et la taille mince⁷. Elles sont habillées d'une cuirasse courte et d'un pectoral à degrés et à dossière. Elles sont parées de torques et de brassards (n° inv. 168F et 169F, fig. 7A). Tous les vêtements sont décorés de motifs essentiellement géométriques, gravés puis peints. Cette polychromie étudiée par A. Barbet (Barbet 1991) joue un rôle important dans la mise en scène du sanctuaire puisqu'elle accentue la valeur de ces héros-guerriers ou

héros-défunts, richement vêtus de cuirasses souples (Rapin 1999, 37). Le type de sculpture de Roquepertuse est attesté par des fragments à Rognac (n° inv. 153F), Glanum (n° inv. 117-119F, fig. 7B), Nîmes (n° inv. 136F), Castelvillh (n° inv. 157F), Constantine (n° inv. 122F) et aux Baou Saint-Marcel (n° inv. 129F) ; malheureusement ces exemples sont soit découverts en position résiduelle dans des niveaux du IIe et Ier s. av. J.-C., soit hors contexte. Les sculptures de Roquepertuse étaient datées jusqu'à maintenant du IIIe s. av. J.-C., mais la reprise de l'étude du site de Roquepertuse et de l'ensemble de la statuaire (Lescure, Gantès 1991 ; Boissinot, Lescure 1998 ; Boissinot, Gantès 2000 ; Rapin 1999, 37) a permis le recollement d'un fragment qui prolonge au niveau du cou la partie dorsale de la cuirasse (protège nuque) sur la statue la mieux conservée (n° inv. 168F, fig. 7A). Il forme ainsi un protège-nuque. Le type de cuirasse portée par les sculptures de Roquepertuse est du même type que celle du personnage assis au bord de la cruche en bronze du Glauberg (Herrmann, Frey 1996, fig. 47, fig. 83, fig. 74, fig. 98 à 103) et de la sculpture en pierre.

7 A : statue de Roquepertuse (Bouches-du-Rhône), dessin d'après Gantès, Lescure 1993 ; B : statue de Glanum (Bouches-du-Rhône), dessin d'après Barbet 1991 ; C : statue d'Entremont (Bouches-du-Rhône), dessin d'après Salviat 1987

Au vu de ces nouveaux éléments, il est possible de vieillir les sculptures de Roquepertuse d'un siècle ou deux. Cette nouvelle datation correspondrait à celle de la fabrication, le contexte dans lequel les statues furent découvertes restant bien du IIIe s. av. J.-C (Boissinot, Lescure 1998, 87-88). Les traces d'occupation de la seconde moitié du Ve s. av. J.-C. et du IVe s. av. J.-C. ont été repérées sur le site (Boissinot, Lescure 1998 ; Boissinot 2000 ; Boissinot, Gantès 2000). Il n'est donc pas impossible d'imaginer plusieurs états au lieu d'exposition des statues de Roquepertuse. Dans cette hypothèse, plusieurs générations auraient connu ces statues.

Le deuxième groupe est constitué par les sculptures d'Entremont (n° inv. 77-114F). Les bustes sont plus au moins complets, un seul indique la position assise en tailleur (n° inv. 77F, fig. 7C) et aucune des têtes découvertes n'a pu être raccordée. Les statues d'Entremont sont, sans aucun doute, équipées d'une cuirasse descendant à mi-cuisse avec un pectoral orné d'une agrafe de type différent (n° inv. 77-81F). Elles portent parfois un torque au cou (n° inv. 78, 80 et 81F) ou une épée au côté (n° inv. 77 et 80F). La nature guerrière de ce costume est incontestable. Cet ensemble, par rapport à celui de Roquepertuse, présente la particularité de posséder des sculptures féminines. Bien qu'aucune ne soit complète, il est possible de restituer leur silhouette d'après les divers fragments (n° inv. 94-96F). Elles sont assises et portent une cape à bordure ornée de carreaux, avec une partie dorsale frangée correspondant certainement à la continuité du tissu qui recouvre la tête. Elles sont parées de collier et de boucles d'oreilles dont le modèle en argent, presque identique, fut retrouvé sur le site (Willaume 1987, 108, fig. 83, 136, fig. 175 n° c).

Des torses protégés par une cuirasse furent découverts également sur les sites de La Cloche (n° inv. 144F) et de Fox-Amphoux (n° inv. 116F). La datation des sculptures d'Entremont est plus récente par rapport à celle de Roquepertuse,

elle est fixée en fonction de la date de destruction de l'oppidum survenue en 124 av. J.-C., événement au cours duquel les sculptures auraient été cassées. Leur présence sur le site remonte donc au moins au début du IIe s. av. J.-C. Mais ici encore l'étude de l'équipement et des accessoires renouvelle la datation (Rapin 2000, 83). Les statues de guerriers sont à placer à la charnière du IVe et du IIIe s. av. J.-C.

Le style de ces deux groupes est remarquable par leur réalisme, plus poussé à Entremont qu'à Roquepertuse. Il suffit d'observer les visages d'Entremont sur lesquels on perçoit parfois les cernes sous les yeux, les coiffures très complexes et la puissance des guerriers évoquée par leurs épaules larges et robustes (n° inv. 82-86F, fig. 6B). L'appartenance à la culture celtique de ces sculptures ne fait pas de doute en ce qui concerne les accessoires qu'elles arborent. On ne peut pas s'empêcher d'effectuer un rapprochement avec les sculptures du monde méditerranéen. En effet, les visages de la sculpture bicéphale de Roquepertuse avec les yeux en amande, les pommettes et le menton saillants qui est le seul témoignage du type facial existant sur ce site, sont proches des statues étrusques (n° inv. 167F, fig. 6A). Tandis que les statues d'Entremont semblent plus imprégnées du classicisme hellénistique. La proximité géographique des Celtes laténiens de la partie méridionale de la Gaule avec le monde méditerranéen a pu contribuer à la création de ce style. On constate ainsi l'originalité de ces populations qui face aux puissances méditerranéennes ont gardé leur individualité culturelle, empreinte de mixité.

La représentation de personnages assis en tailleur est un thème important dans le sud de la France. Mais quel sens donner aux ensembles sculpturaux ? L'homme assis sur le bord de la cruche du Glauberg est un exemple bien daté et ancien (seconde moitié du Ve s. av. J.-C). Il est par ailleurs accompagné par deux monstres hybrides (sphinx celtiques) dans une composition qui évoque le thème oriental du dompteur ou maître des animaux. À Roquepertuse d'après les dernières recherches, les statues ne seraient pas de simples guerriers mais des guerriers-défunts dont la mémoire était vénérée en raison de leur rôle passé dans la collectivité. L'éventualité d'un abaissement de la date des sculptures de Roquepertuse et d'un prolongement de leur utilisation renforce bien cette idée. Pour Entremont, F. Salviat privilégie une interprétation plus individuelle, à savoir la représentation de l'élite, de l'aristocratie qui vivait à Entremont et qui expose les symboles du statut social (parure), de la force (armure) et du pouvoir (têtes coupées) (n° inv. 88-93F ; Salviat 1987, 238). Ces interprétations sont bien sûr dans le domaine du possible mais ne doivent pas être considérées comme acquises. En revanche, l'importance qu'a pris la position assise dans la sculpture ainsi que sur d'autres supports à la fin de la période laténienne en Gaule et au début de l'époque gallo-romaine est indéniable. En effet, sur des potins figurent des petits personnages coiffés de tresses assis en tailleur, tenant un torque dans la main, comme le potin LT 8145 (La Tour 1892-1992, pl. XXXII) ou le bronze de Bouray (Duval 1977, 189, fig. 195). Cette posture est reconnue également dans la statuaire du début de l'époque romaine. L'exemple de la statue de Saint-Marcel (Indre) illustre bien l'adaptation du modèle laténien. Le personnage porte sur les genoux un plateau pour recevoir des offrandes, indiquant un caractère divin. Cet aspect est inexistant à la période laténienne. À Saint-Marcel, il est confirmé par le contexte de découverte de la statuette : un lieu de culte de type fanum (Deyts 1992, 17-18).

[carte régionale : Languedoc-Provence](#)

Le groupe ibérique : les *verracos* et les guerriers

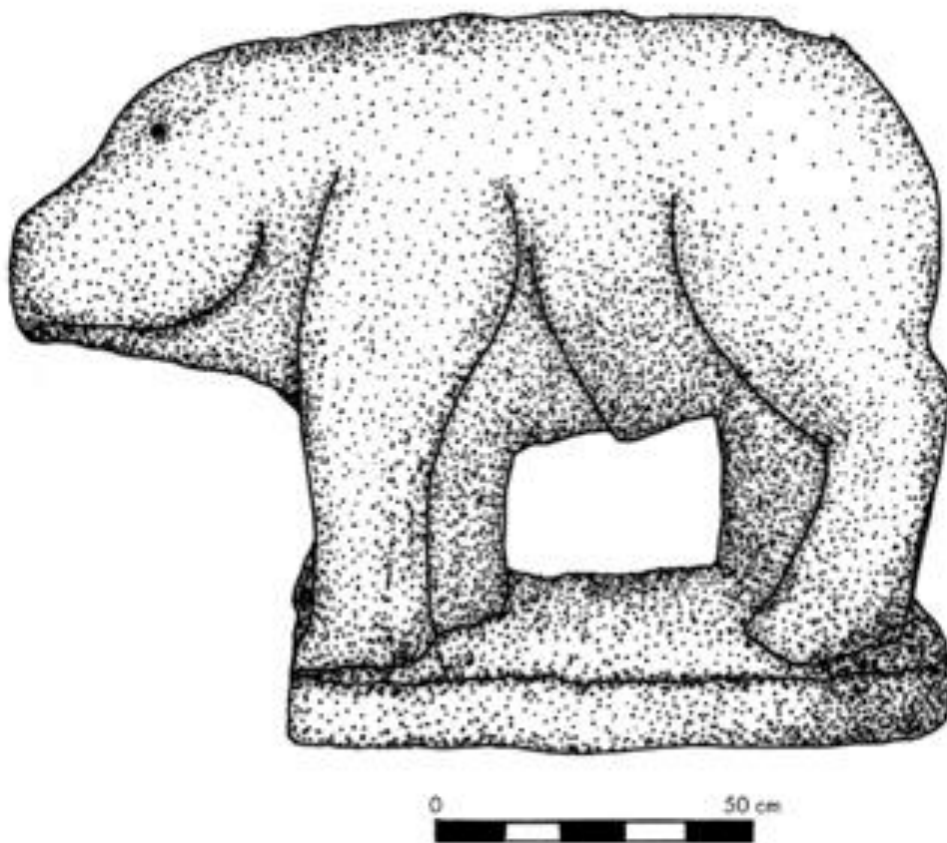
(carte n° 1d, 5)

La culture celtique du nord de l'Espagne et du Portugal qui se serait développée dès le VIIe s. av. J.-C. de façon autonome par rapport au reste de l'Europe celtique continentale (Almagro-Gorbea 1994 et 1995), a laissé une sculpture qui se distingue par sa monumentalité. Les ensembles les plus importants sont les *verracos* – statues représentant en majorité des taureaux, des sangliers ou des cochons – et les statues de guerriers⁸. On trouve aussi une quantité de têtes très stylisées qui portent parfois un torque, ou de frustes statuettes ithyphalliques. En dehors de la zone celtibérique, des sculptures, par le simple fait qu'elles représentent une tête dite « coupée », sont qualifiées de celtiques. Ces attributions sont dans le domaine du possible mais l'absence de contexte archéologique rend l'attribution définitive difficile. Bien que la chronologie du groupe des *verracos* et des guerriers soit aussi sujette à discussion, leur appartenance à la culture celtique est reconnue par les chercheurs.

- 8 La traduction de verracos par verrats renvoie directement aux mâles de l'espèce porcine. (...)

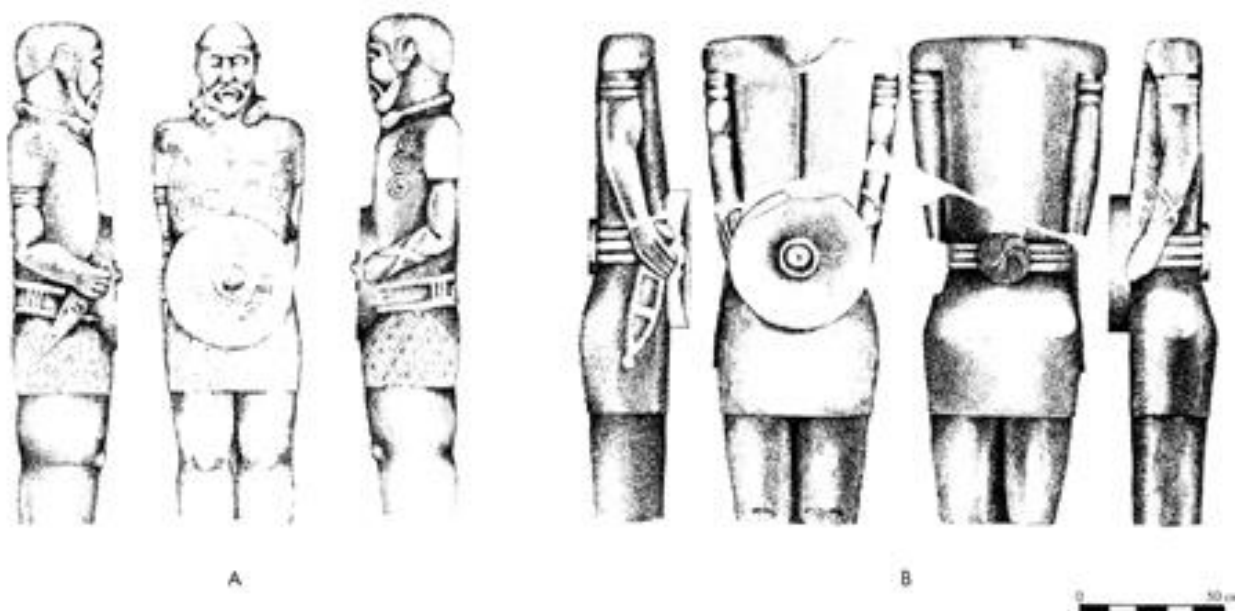
L'aire de répartition des *verracos* s'oriente autour des villes de Zamora, de Ségovie, de Tolède et d'Avila, ainsi qu'au sud de la Galicie et au nord du Portugal (n° inv. 30-33S, 34-36S, 42S). L'inventaire de G. López Monteagudo (1989) recense 280 sculptures dont certaines sont sans doute encore sur leur emplacement d'origine. Leur poids (elles sont taillées dans du granit) et leur taille (en moyenne 1 m de long sur 0,90 m) rendent leur déplacement difficile. Elles se répartissent entre 144 taureaux et 128 porcins. Le volume de ces statues s'inscrit approximativement dans un parallélépipède, le mouvement est parfois indiqué par une avancée de la patte (type A-1 de Francisca Hernandez Hernandez 1982) et la tête légèrement baissée. L'importance accordée aux détails anatomiques varie selon les bêtes, le corps est correctement décrit ou il est très schématisé. La tête, en particulier, se transforme parfois en cylindre, c'est le cas du taureau de Charmatín de la Sierra (n° inv. 36S). Sur les flancs de ces porcins et taureaux, on perçoit parfois des inscriptions latines qui interfèrent la datation de ces statues. Les plus anciennes pourraient dater du Ve s. av. J.-C. mais leur production ou leur utilisation aurait continué jusqu'à l'époque romaine. La détermination de la fonction de ces sculptures n'est pas aisée, certaines semblent être en liaison avec la protection des habitats (*cf.* les exemples du site de Las Cogotas n° inv. 30S, fig. 8), ou avec le milieu funéraire (cas de Charmatín, n° inv. 36S). Jesus R. Álvarez Sanchís propose, dans une étude sur les *verracos* de la vallée de Amblés (province d'Avila), la fonction de démarquage et/ou de délimitation des ressources en pâturage pour l'élevage du bétail (Álvarez Sanchís 1990). Ce serait en quelque sorte le moyen d'affirmer son pouvoir économique (plus les zones de pâturage sont grandes plus le bétail est abondant) mais aussi sa force, par le marquage d'un territoire considéré à partir de ce moment inviolable par des étrangers.

8 Verracos de Cardeñosa (Avila), dessin d'après López Monteagudo 1989

Les statues de guerriers du Portugal, quant à elles, proviennent essentiellement de la région du Minho et un peu du Trás-os-Montes (n° inv. 182-184P, 187-195P, 198P, 199P, fig. 9). Elles sont souvent très grandes et représentées debout. Elles peuvent mesurer jusqu'à 208 cm (n° inv. 195P, Santo Combo de Basto), voire plus (n° inv. 193P, Sanfins). Taillées dans le granite, elles ont les épaules carrées et robustes. Elles sont traitées en ronde-bosse mais les bras et les accessoires sont figurés en haut-relief, ce qui leur donne une impression générale de statue-colonne, aspect amplifié par des jambes puissantes, souvent soudées jusqu'aux genoux. Elles sont habillées d'une tunique à

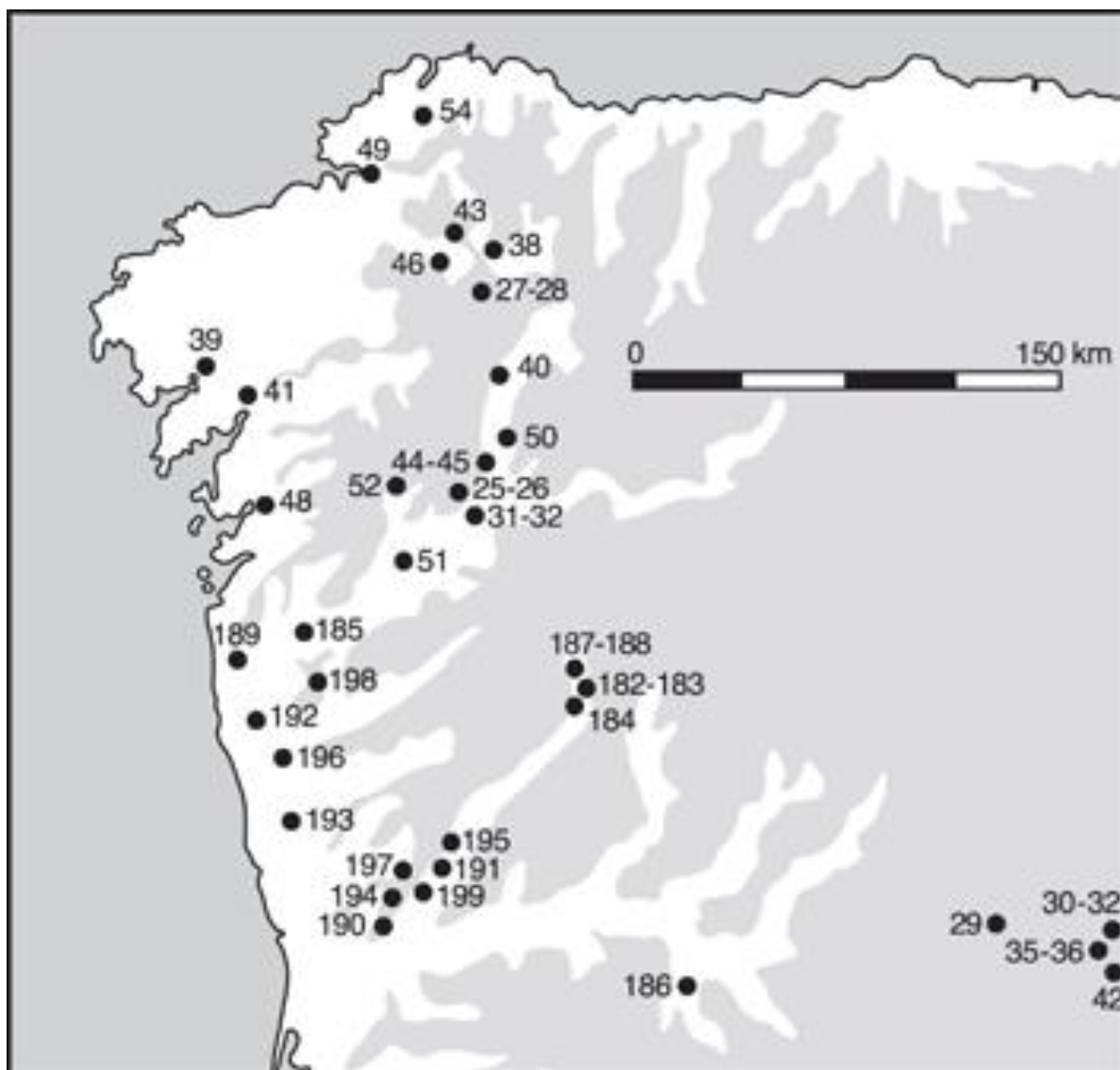
encolure échancrée et à manche courte descendant jusqu'à mi cuisse. Elle est resserrée à la taille par une large ceinture décorée, dans certains cas, avec un médaillon à rosette dans le dos (n° inv. 197P Santo Ovídio de Fafe, fig. 9B). L'habit est parfois orné de dessins gravés géométriques ou curvilignes, qui renvoient à des motifs de tissus de l'âge du Fer ainsi qu'aux décors des vêtements des statues de Roquepertuse. Toutes les statues portent au moins un brassard (simple ou à plusieurs ondulations) et/ou un bracelet au poignet. Elles sont armées d'une rondache ou *caetra* tenue sur le ventre avec la main gauche et un poignard dans la main droite ou accroché à la ceinture (fig. 9A et B).

9 Statues de guerriers ibériques d'après Silva 1986. A : Lezenho (Trás-os-Montes) ; B : Santo Ovídio (Fafe)

Comme pour les *verracos*, des inscriptions en latin sont parfois gravées sur les rondaches, posant le problème de datation pour ces guerriers trouvés hors contexte archéologique. Ils peuvent dater aussi bien de la période augustéenne – d'après la nature des inscriptions – que du IIIe-IIe s. av. J.-C comme le propose A.C.F. da Silva (1986). Sur le plan stylistique, les guerriers du Portugal forment un ensemble homogène, certains sont peut-être de la main du même sculpteur ou du même atelier (n° inv. 187P Lezenho, fig. 9A ; n° inv. 182-183P Campos ; n° inv. 185P Cendufe ; n° inv. 198P São Julião ; n° inv. 190P Mozinho et n° inv. 189P Meixedo). Leur fonction est difficile à définir, seule la statue de São Julião fut trouvée dans un remblai de fouille ancienne près de la ville de Citânia de São Julião. On peut supposer que les statues de guerriers se situaient à proximité des agglomérations et jouaient un rôle apotropaïque.

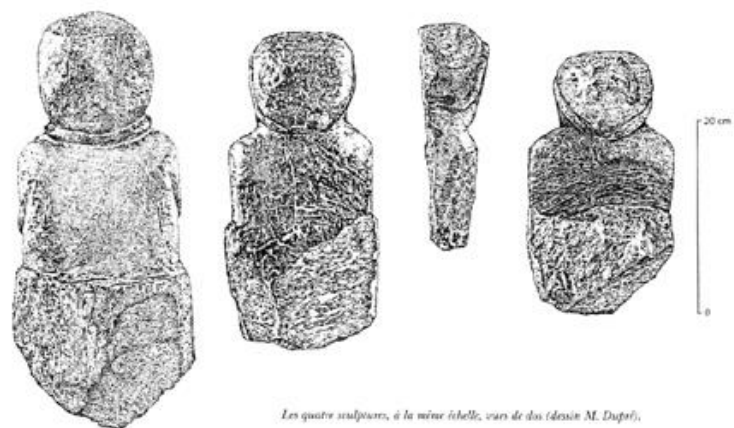
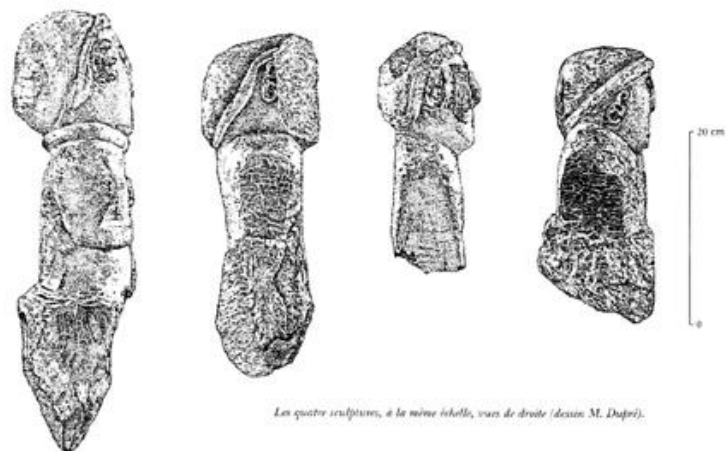
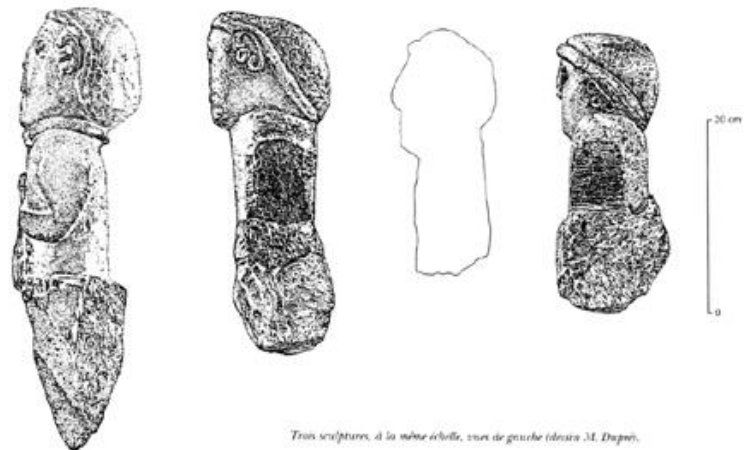
Le groupe des *verracos* est une manifestation originale de la culture celtique en Ibérie, dans laquelle le taureau a déjà une valeur symbolique forte. Les guerriers quant à eux sont à rapprocher du guerrier de Hirschlanden et du Glauberg, même frontalité, même hiératisme, même hésitation à décoller les bras du torse. Ce comparatisme inévitable doit être cependant nuancé, en raison des différences d'équipement : la panoplie de Hirschlanden n'est pas aussi complète que pour les sculptures des guerriers celtiques d'Ibérie et du Glauberg et son attitude ithyphallique lui confère un statut particulier. Si les sculptures de guerriers relèvent d'une thématique identique, leur expression, en raison des différences de datation et probablement des contextes dans lesquels elles étaient exposées, expliquent les distinctions entre le guerrier d'Hirschlanden, celui du Glauberg, ceux du sud de la France et ceux de la péninsule ibérique.

carte régionale : nord-ouest de la péninsule ibérique

Les bustes sur socles

Les cinq groupes sont fortement définis par leur origine géographique et chronologique. La publication récente de l'étude des sculptures de Paule, Saint-Symphorien (n° inv. 161 à 164^{LF}, fig. 10) annonce l'existence d'un sixième groupe réunissant des sculptures de type « bustes sur socles » (Menez et coll. 1999, 393-400). Ce classement apparaît intéressant, même si le manque de données chronologiques ne permet pas avec certitude d'en faire une sculpture spécifique de la fin de la période laténienne. En ce qui concerne leur répartition géographique, le type de sculpture ne concerne pas uniquement l'Armorique mais d'autres régions françaises et comme l'indique Y. Menez, il ne s'agit là que d'un état de la recherche, il est fort probable que les bustes sur socle existent en dehors des limites de la Gaule (Menez et coll. 1999, 398). Sur le plan morphologique, les bustes socles forment un groupe homogène, cependant une signification unique ne peut être avancée, en raison de l'absence de contexte de plusieurs de ces sculptures. La réflexion menée autour de l'interprétation des bustes de Paule, qui conclut à la proposition de la représentation des ancêtres, s'adapte bien à la nature du site. En revanche, la découverte du buste sur le site d'habitat de Levroux dans une fosse accompagnée, entre autres, d'un bois de cerf et d'un polissoir, invite à penser à une interprétation d'ordre divine (n° inv. 126^{LF}). Les objets remarquables apparaîtraient comme des attributs dans l'hypothèse de la représentation d'un dieu.

Conclusion

À travers cette modeste étude transparaît la difficulté de parler de la sculpture celtique en pierre de façon unitaire. Seules certaines régions du monde celtique sont concernées par la création sculpturale et ce à des dates différentes excepté pour les sculptures dites « bustes en socle ». Il serait donc plus juste de parler des sculptures celtiques en pierre et non pas de la sculpture celtique en pierre : ainsi les notions de diversité stylistique, chronologique et régionale sont introduites.

Le sud de l'Allemagne, l'Armorique, la Provence, le Languedoc et le nord de la péninsule Ibérique ont livré des sculptures toutes différentes les unes des autres qui reflètent, en partie, les différents faciès culturels du monde celtique. Le répertoire iconographique rencontré sur les sculptures en pierre n'est pas étranger à l'art celtique, il s'intègre facilement aux différents courants stylistiques, les mêmes décors se répétant sur d'autres supports. Comme les motifs des stèles armoricaines que l'on retrouve sur les céramiques armoricaines estampées du premier style, ou le visage couronné de feuilles décorant du mobilier métallique de La Tène ancienne. Les sculptures celtiques ne peuvent être isolées des grandes tendances de la sculpture ancienne européenne, notamment celle qui concerne l'apparition de la représentation humaine et plus particulièrement l'imagerie du guerrier-héros et/ou de l'aristocrate.

L'intérêt iconographique des sculptures en pierre n'est pas à prouver. Le renouveau de la chronologie de la sculpture du sud de la France est un fait important. En outre, la possibilité que leur durée d'exposition ait pu être de trois cents ans, apparaît une information qui au-delà des considérations matérielles et stylistiques est primordiale pour comprendre le fonctionnement des us et coutumes et la psychologie des Celtes hallstattiens et laténiens. En ce qui concerne la fabrication des statues et des stèles, aucun atelier n'a été mis en évidence pour le moment. Les problèmes autour de la production des sculptures celtiques (qui sculptait et où) restent donc entièrement à élucider.

Annexe 1

Inventaire des sculptures celtiques hallstattiennes et laténiennes en pierre d'Europe continentale

[cliquer ici pour accéder à l'inventaire](#)

Bibliographie

Álvarez-Sanchís 1990 : ÁLVAREZ-SANCHÍS (J.-R.) – Los « verracos » del valle del Amblés (Avila) : del análisis espacial a la interpretación socio-económica. *Trabajos de Prehistoria*, 47, 1990, pp. 201-233.

Arcelin, Dedet, Schwaller 1992 : ARCELIN (P.), DEDET (B.), SCHWALLER (M.) – Espaces publics, espaces religieux protohistoriques en Gaule méridionale. *DocAMérid*, 17, 1992, pp. 181-242.

Barbet 1991 : BARBET (A.) – Roquepertuse et la polychromie en Gaule méridionale à l'époque préromaine. *DocAMérid*, 14, 1991, pp. 53-81.

Beeser 1983 : Beeser (J.) – Der Kouro-Keltos von Hirschlanden. *FBW*, 8, 1983, pp. 21-46.

Bichet, Milotte 1992 : BICHET (P.), MILOTTE (J.-P.) – *L'âge du Fer dans le haut Jura*. Paris, MSH, 1992, 151 p., ill. (DAF, 34).

Boissinot 2000 : BOISSINOT (Ph.) – L'habitat de Roquepertuse. In : CHAUSSERIE-LAPRÉE (J.) dir. – *Le temps des Gaulois en Provence*. Catalogue d'exposition du musée Ziem de Martigues, Marseille, 2000, pp. 151-155.

Boissinot, Lescure 1998 : BOISSINOT (Ph.), LESCURE (B.) – Nouvelles recherches sur le « sanctuaire » de Roquepertuse à Velaux (IIIe s. av. J.-C.). Premiers résultats, *In* : Actes du colloque d'Aix-en-Provence, « Entremont et les Salyens ». *Doc-AMérid*, 21, 1998, pp. 84-89.

Bonenfant, Guillaumet 1998 : BONENFANT (P.-P.), GUILLAUMET (J.-P.) – *La statuaire anthropomorphe du premier âge du Fer*. Annales Littéraires de l'Université de Franche-Comté n° 667, Série Archéologie et Préhistoire n° 43, Besançon, 1998, 108 p., ill.

Bonnet 1991 : BONNET (Ch.) – Le premier port de Genève. *In* : *Les Celtes*. Catalogue d'exposition de Venise, palazzo Grassi. Bompiani, Milan, 1991, p. 151.

Briard 1987 : BRIARD (J.) – *Mythes et symboles de l'Europe préceltique. Les religions de l'Âge du Bronze (2500-800 av. J.-C.)*. Paris, Errance, 1987, 176 p.

Brunetti 2001 : BRUNETTI (C.) – Statue et mandibules, un dépôt votif de l'âge du Fer à Yverdon-les-Bains ? *Archéologie suisse*, 24/4, 2001, pp. 24-33.

Cherel 1996 : CHEREL (A.-F.) – *Ornementation et comparaisons des céramiques armoricaines du deuxième âge du Fer*. Mémoire de DEA de l'Université de Paris I sous la direction de O. Buchsenschutz, 1996, 233 p.

Daire, Giot 1990 : DAIRE (M.-Y.), GIOT (P.-R.) – *Les stèles de l'Âge du Fer dans le Léon (Finistère)*. Rennes, Association des travaux du Laboratoire d'anthropologie-préhistoire, 1990, 105 p., ill.

Daire, Villard 1996 : DAIRE (M.-Y.), VILLARD (A.) – Les stèles de l'âge du Fer à décors géométriques et curvilignes. État de la question dans l'Ouest Armoricaïn. *RAO*, 13, 1996, pp. 123-156.

Deyts 1992 : DEYTS (S.) – *Images des dieux de la Gaule*. Paris, Errance, 1992, 158 p. (coll. des Hespérides).

Duignan 1976 : DUIGNAN (M.) – The Turoe Stone : its place in insular LaTène art, *In* : DUVAL (P.-M.), HAWKES (C.) ed. – *Celtic Art in Ancient Europe, Five Protohistoric centuries, L'art celtique en Europe protohistorique : débuts, développements, styles, techniques*, 1976, pp. 201-217.

Duval 1974 : DUVAL (P.-M.) – Deux éléments fondamentaux du Premier Style celtique. *ÉC*, 16, 1974, pp. 7-19.

Duval 1977 : DUVAL (P.-M.) – *Les Celtes*. Paris, collection L'Univers des Formes, 1977, 325 p.

Fischer 1984 : FISCHER (J.) – Die Vorrömischen Skulpturen von Nesactium. *HBA*, 1, 1984, pp. 9-98.

Frey, Hermann 1997 : FREY (O.-H.), HERMANN (F.-R.) – Ein frühkeltischer Fürstengrabhügel am Glauberg im Witteraukreis, Hessen. *Germania*, 75/2, 1997, pp. 459-550.

Gantès, Lescure 1993 : GANTÈS (L.-F.), LESCURE (B.) – Les collections archéologiques du site de Roquepertuse (Velaux-Bouches-du-Rhône). *In* : *Les représentations humaines du Néolithique à l'âge du Fer*. Actes du 115e Congrès des Sociétés Savantes, Avignon 1990, sous la direction de J. Briard et A. Duval. Paris, éditions C.T.H.S., 1993, pp. 197-203.

Giot et al. 1979, 1995 : GIOT (P.-R.) et al. – *Protohistoire de la Bretagne*. Rennes, éditions Ouest-France, 1re éd. en 1979, 2e éd. en 1995, 437 p.

Hernández-Hernández 1982 : HERNÁNDEZ-HERNÁNDEZ (F.) – La escultura zoomorfa del occidente península. *Trabajos de Prehistoria*, 43, 1982, pp. 211-226.

Joachim 1993 : JOACHIM (H.-E.) – Une reconstitution du pilier de Pfalzfeld, *In* : BRIARD (J.), DUVAL (A.) dir. – *Les représentations humaines du néolithique à l'âge du Fer*. Actes du 115e congrès national des Sociétés Savantes (Avignon, 1990), 1993 pp. 265-270.

Kimmig 1987 : KIMMIG (W.) – Eisenzeitliche Grabstelen in Mitteleuropa, *FBW*, 12, 1987, pp. 251-297.

Kruta 1975 : KRUTA (V.) – *L'art celtique en Bohême. Les parures métalliques du Ve au IIe siècle avant notre ère*. 1975, 303 p.

Kruta 1982 : KRUTA (V.) – Aspects unitaires et faciès dans l'art celtique du IVe siècle avant notre ère : l'hypothèse d'un foyer celto-italique. Actes du colloque *L'art celtique de la période d'expansion du IVe et IIIe av. n. è.* (dir. P.-M. Duval et V. Kruta), 1982, pp. 34-49.

Kruta 1989 : KRUTA (V.) – La fibule « à masques » du gué de Port-à-Binson (Marne). *ÉC*, n° 26, 1989, pp. 7-22.

Kruta 1992 : KRUTA (V.) – *Les origines de l'Europe*. Paris, collection L'Univers des Formes, 1992, 408 p., ill.

La Tour 1892-1992 : LA TOUR (H. de) – *Atlas de monnaies gauloises*, 1892. Mis à jour par B. Fischer en 1992, non paginé [24] p., LV pl.

Lescure, Gantès 1991 : LESCURE (B.), GANTÈS (L.-F.) – Nouvelle approche des collections de Roquepertuse : l'étude du mobilier ancien (fouilles de Henri de Gérin-Ricard). *DocAMérid*, 14, 1991, pp. 9-18.

López Monteagudo 1989 : LÓPEZ MONTEAGUDO (G.) – Esculturas zoomorfas celtas de la Peninsula Ibérica. *Anejos de Archivo Español de Arqueología*, 10, 1989, 203 p., 88 pl.

Menez et coll. 1999 : MENEZ (Y.), GIOT (P.-R.), LAUBENHEIMER (F.), LE GOFF (E.), VENDRIES (C.) – Les sculptures gauloises de Paule (Côtes d'Armor). *Gallia*, 56, 1999, pp. 357-414.

Pauli 1973 : PAULI (L.) – Ein latènezeitliches Steinrelief aus Bormio am Stilfser Joch. *Germania*, 51, t. 1, 1973, pp. 85-120.

Planck *et al.* 1982 : PLANCK (D.) *et al.* – Ein neuentdecktes Viereckschanz in Fellbach-Schmidlen, Rems-Murr-Kreis. Vorbericht der Grabungen 1977-1980. *Germania*, 60, 1982, pp. 105-191.

Raftery 1993 : RAFTERY (B.) – La statuaire en bois et en pierre de l'Âge du Fer irlandais. *In* : *Les représentations humaines du Néolithique à l'âge du Fer*. Actes du 115e Congrès des Sociétés Savantes, Avignon 1990, sous la direction de J. Briard et A. Duval, Paris, éditions CTHS, 1993, pp. 253-264.

Rapin 1999 : RAPIN (A.) – L'armement celtique en Europe : chronologie de son évolution technologique du Ve au Ier s. av. J.-C. *Gladius*, t. 20, 1999, pp. 33-67.

Rapin 2000 : RAPIN (A.) – La statuaire de Roquepertuse. *In* : GUILLAUMET (J.-P.), RAPIN (A.) – *L'art des Gaulois du Midi*. *In* : *Le temps des Gaulois en Provence*, catalogue d'exposition du musée de Ziem de Martigues, 2000, pp. 81-83.

Taffanel 1960 : Taffanel (O. et J.) – Deux tombes de chefs à Mailhac (Aude). *Gallia*, 18, 1960, pp. 1-37.

Salviat 1987 : SALVIAT (F.) – La sculpture d'Entremont. *In* : *Archéologie d'Entremont Musée Granet d'Aix-en-Provence*, dirigé par Denis Coutagne, 1re éd. en 1987, 2e éd. en 1993, pp. 165-242.

Silva 1986 : SILVA DA (A.C.F.) – *A cultura Castreja no Noreste de Portugal*, 1986.

Verger 1987 : VERGER (S.) – Genèse celtique des rinceaux à triscèles. *JRGZM*, 34, tiel 1, 1987, pp. 287-339.

Zürn 1964 : ZÜRN (H.) – Eine hallstattzeitliche Stele von Hirschlanden Kr. Leonberg (Württdg.). *Germania*, 42, 1964, pp. 27-36.

Documents annexes

Il y a 1 document annexé à cet article.

- [inventaire des sculptures](#) (271k)

Notes de bas de page

1 Le corpus présenté en annexe est basé sur celui réalisé pour l'obtention du DEA soutenu en juin 1996 à l'École Pratique des Hautes Études (section iv) sous la direction de V. Kruta. Il a été complété et amélioré grâce à la participation des différents auteurs des chroniques ainsi que d'Anne Villard-Le Tiec et Yves Menez.

2 Pour les deux périodes les côtes atlantique et méditerranéenne sont les plus riches en sculpture en pierre. Cependant elle est, pour l'instant, absente en Europe centrale à l'âge du Bronze.

3 Une exception, la stèle du tumulus n° 7 de la nécropole de Rottenburg-am-Neckar, a été découverte sur la tombe recouverte par le tumulus et non exposée à son sommet (n° inv. 15D).

4 Les dates données ici sont à prendre à titre indicatif, la date d'apparition de la céramique estampée en Armorique n'est pas encore définie avec précision (Cherel 1996, 39 et 42).

5 Il s'agit des stèles de Melgven et les stèles de Pont-l'Abbé, Keralio (Finistère) ainsi que celle de la Forêt-Fouesnant, Poulgigou (Finistère).

6 Proposition selon l'analyse de Anne Villard-Le Tiec.

7 À ce sujet consulter les articles réunis dans le n° 17 de 1994 des DocAMérid sous le titre de « Structures de couverture et de signalisation et de réutilisation des sépultures protohistoriques du Midi de la Gaule et des régions périphériques ».

8 La traduction de *verracos* par verrats renvoie directement aux mâles de l'espèce porcine. Cependant, sous cette appellation sont regroupées également les sculptures de taureaux, d'ours et de chèvres (Hernandez-Hernandez 1982, 211).

Pour citer cet article

Référence électronique

Armelle DUCEPPE-LAMARRE, « Unité ou pluralité de la sculpture celtique hallstattienne et laténienne en pierre en Europe continentale du VIIe au Ier s. av. J.-C. », *Documents d'archéologie méridionale*, numéro 25, 2002, [En ligne], mis en ligne le 18 octobre 2006. URL : <http://dam.revues.org/document395.html>. Consulté le 10 décembre 2009.

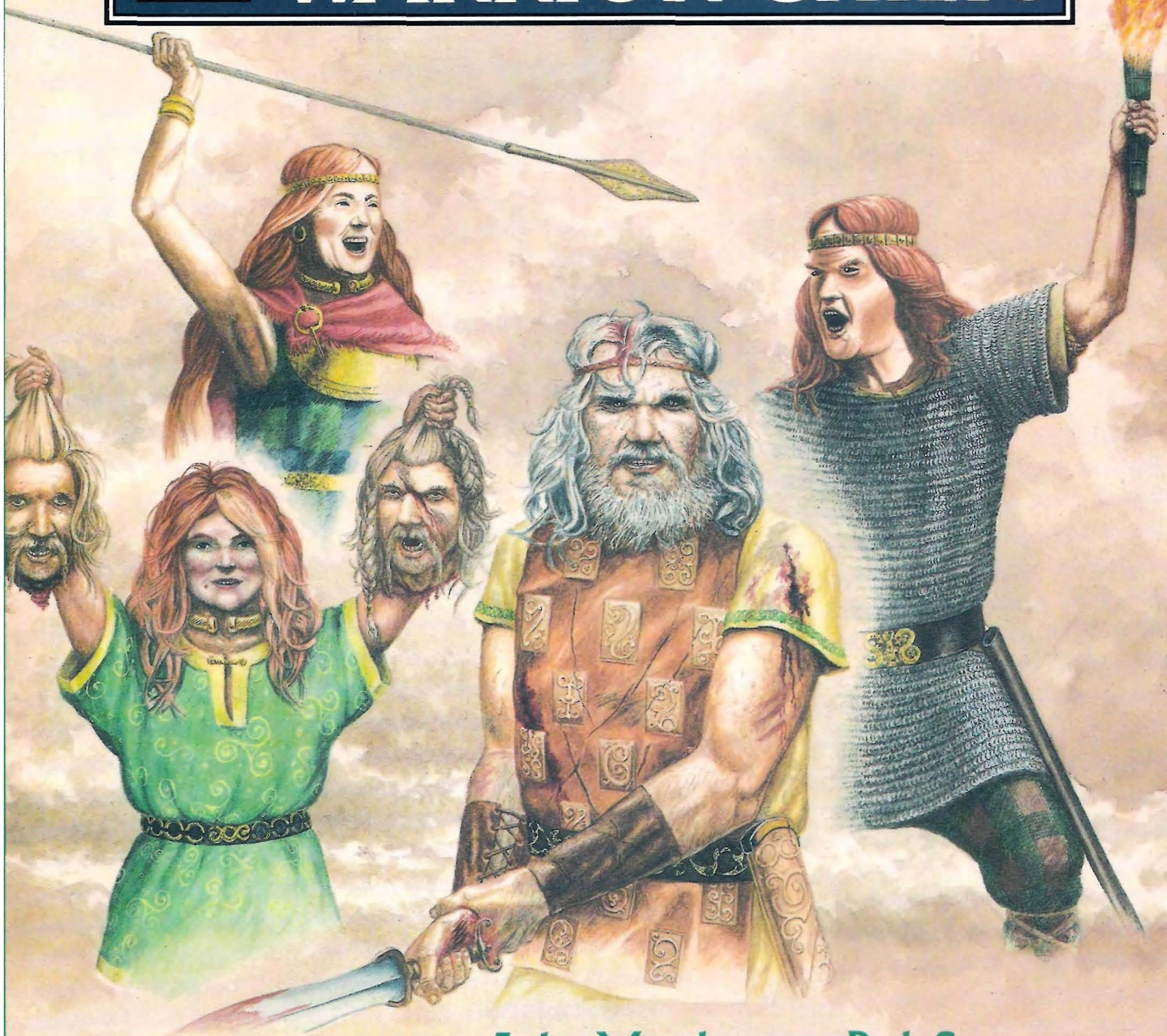
Armelle DUCEPPE-LAMARRE

HALMA – CNRS FRE 2537, Université Charles-de-Gaulle, Lille 3

CELTIC WARRIOR CHIEFS

John Matthews & Bob Stewart
Plates by James Field

CELTIC WARRIOR CHIEFS

John Matthews & Bob Stewart

Plates by James Field

Firebird Books

First published in the UK 1993 by Firebird Books

Copyright © 1988 and 1993 Firebird Books Ltd, P.O. Box 327, Poole, Dorset BH15 2RG
Text copyright © 1988 and 1993 John Matthews *Boadicea* and *Fionn MacCumhail*
R.J. Stewart *Cuchulainn* and *Macbeth*

Distributed in the United States by
Sterling Publishing Company, Inc.
387 Park Avenue South
New York, NY 10016

Distributed in Canada by
Sterling Publishing
% Canadian Manda Group
P.O. Box 920, Station U
Toronto, Ontario, Canada M8Z 5P9

Distributed in Australia by
Capricorn Link (Australia) Pty Ltd
P.O. Box 665, Lane Cove, NSW 2066

A Cataloguing-in-Publication Data record is available from the British Library

ISBN 1 85314 116 X

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Series editor Stuart Booth
Designed by Kathryn S.A. Booth
Typeset by Colset Private Limited, Singapore
Colour separations by Kingfisher Facsimile
Printed and bound in the United States of America

Contents

Cuchulainn - Hound of Ulster   5

The Cuchulainn Saga   7 • Weapons and Warrior Training   9
• Cuchulainn - Man and Legend   13 • The Cattle Raid of
Cooley   19 • Tragedy and Death   28 • Extracts from the Saga   32
• *Emain Macha — Navan Fort*   48 • *Character Names*   49 • *Further
Reading*   49

Boadicea - Warrior Queen of the Celts   51

The British Celts   53 • The Roman Invaders   58 • Power of the
Druids   64 • Queen of the Iceni   69 • In the Runs of the Iceni   72
• The Face of the Revolt   74 • The Sack of London   81
Suetonius and the Legions   84 • The End of the Revolt   88 •
Aftermath   92 • *The Notitia Dignitatum*   94 • *Chronology of the
Rebellion*   95 • *Further Reading*   95

Fionn MacCumhail - Champion of Ireland   97

The Figure of Fionn   99 • History or Myth?   100 • Fionn's Ireland:
Third Century A.D.   104 • Warriors and Weapons   108 • The
Heroes of the Fianna   113 • The Heritage of Story   115 • Fionn's
Magic   118 • Oisín and St Patrick   120 • The Boyhood Deeds of
Fionn   123 • How Fionn Got His Grey Hair   125 • How the Fianna
Won Their Horses   128 • The Hostel of the Quicken Trees   129
• Diarmuid and Grainne   133 • The Death of Fionn   136 •
Hero List of the Fianna   140 • *Fionn's Battles*   140 • *Further
Reading*   141

Macbeth - Scotland's Warrior King   143

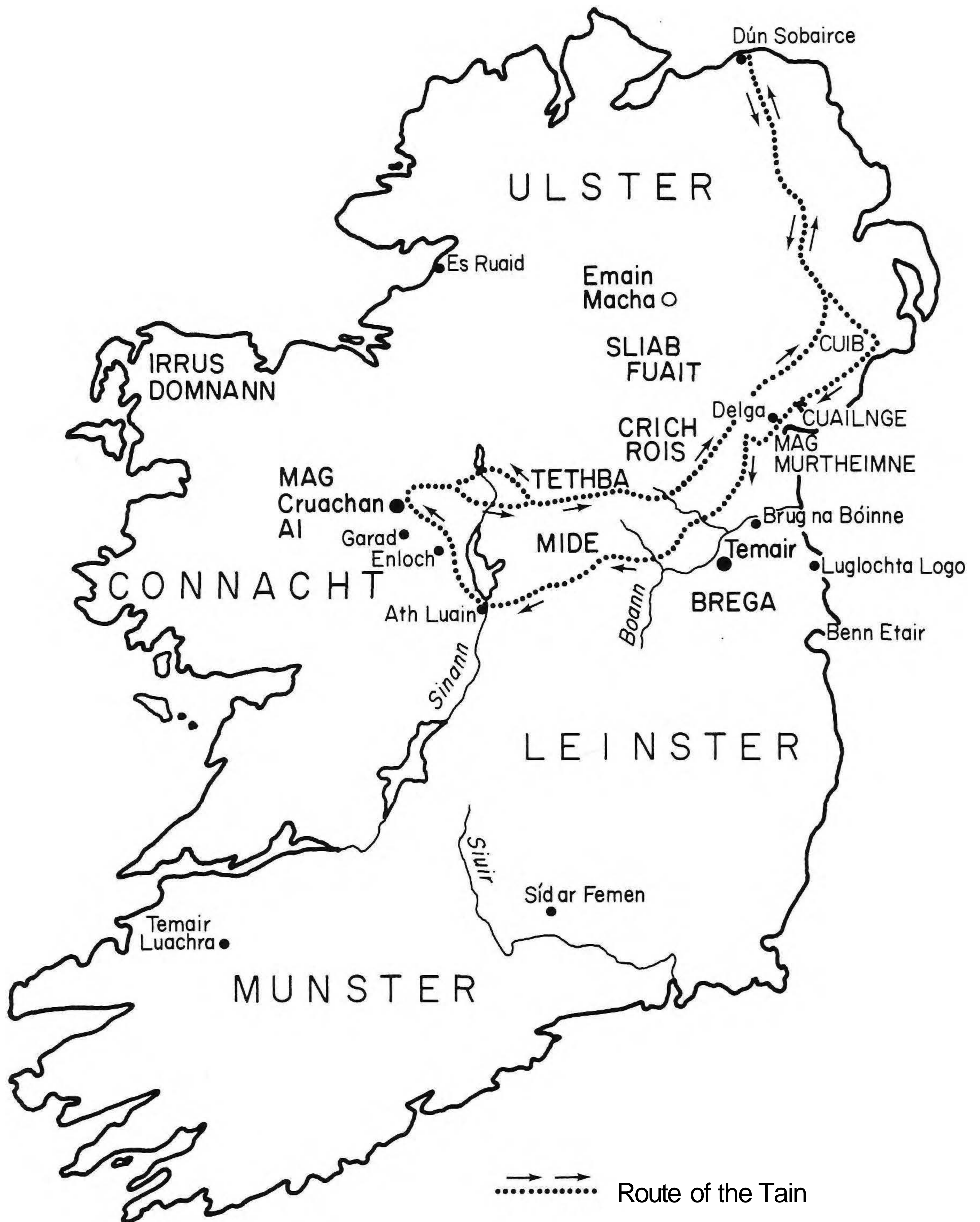
The Real Macbeth   145 • Macbeth the Man   148 • Macbeth's
Scotland: Eleventh Century   149 • The Rise to Power   156
• Macbeth as King   161 • Invasion, Downfall and Death   165
    Historical Legacy   170 • Holinshed's Chronicles   174
Genealogy of Characters   186 • *Further Reading*   187

Index   189

CACHALAIN

HOUND OF ULSTER

THE IRELAND OF CUCHULAINN

The Cuchulainn Saga

To examine Cuchulainn in depth has been the task of many great Irish language and Celtic scholars over the last century or more. In this simple retelling of those adventures are selected insights into the cultural background wherever facts can be confirmed. To look at Cuchulainn's culture, weapons, battles, and mythical or magical origins is to combine evidence from a number of sources.

First and foremost, the early Irish texts in which this great champion features are extensive and very complex. So, in looking at the basic, important themes and adventures, many of the lesser stories have to be omitted.

The Cuchulainn texts do not stand alone; they are related to a number of other Celtic legendary sources, many of which are not Irish but British. Thus we have to look at comparisons between themes in Cuchulainn and those in the legends of King Arthur as they arise in discussion of the champion and his adventures. As with the warriors of Arthur, or the ancient Greek heroes, we find the dim echoes of divinity in these legends of the origins of our hero; whoever or whatever Cuchulainn was originally, by the time the great tales and sagas had been built around the astonishing exploits of himself and his men, he was of magical and semi-divine proportions and ability.

The feats of the warriors of Ulster were indeed magical; they were able to kill hundreds of men with ease, they ate entire oxen and drank vats of alcohol; they cut the tops of hills away with their mighty swords, and boiled their bath water with their furious body heat.

The tales of Cuchulainn also consist of a rich complex of magical and pagan religious symbols, found as adventures, mysterious locations, curious taboos, and a host of other specific and often rather startling features within the structure of the epic tales. Clearly, there is far more to Cuchulainn than his superhuman strength and skill in arms. These abilities and natural gifts may be one of the main reasons why his adventures have survived. Yet underneath these heroic deeds runs a deeper and more enduring layer of high adventure, transformation and growth, and the perilous mysteries of the Otherworld or Underworld.

Finally, there is hard physical archaeological evidence that corresponds to material in the Cuchulainn texts. This includes physical locations such as the

fortress of Emain Macha (now called Navan Fort), many early finds of weaponry and armour, and the most significant use of natural locations such as islands, rivers, and countries in the development of the legends.

It soon becomes clear that Cuchulainn moved not merely in a localised circuit of Ulster in Northern Ireland, but upon a broader basis to Britain in general. This ease of movement from Ireland to Scotland reveals a culture in which an overall unity - loosely defined as Celtic - seems to have existed. Such a unity is supported by the writings of classical authorities, such as Julius Caesar, who took some care to describe the religion of the Celts, certain aspects of druidism, and the fact that the culture had a type of religious unity, despite being decentralised politically or geographically. We find exactly this same picture in the Cuchulainn tales; the unity was found through religious and magical practices and beliefs, which transcended tribal boundaries; yet powerful kingdoms made war upon one another within this overall unity. This last aspects of conflict out of deep unity is a typically Celtic characteristic, and persists even today.

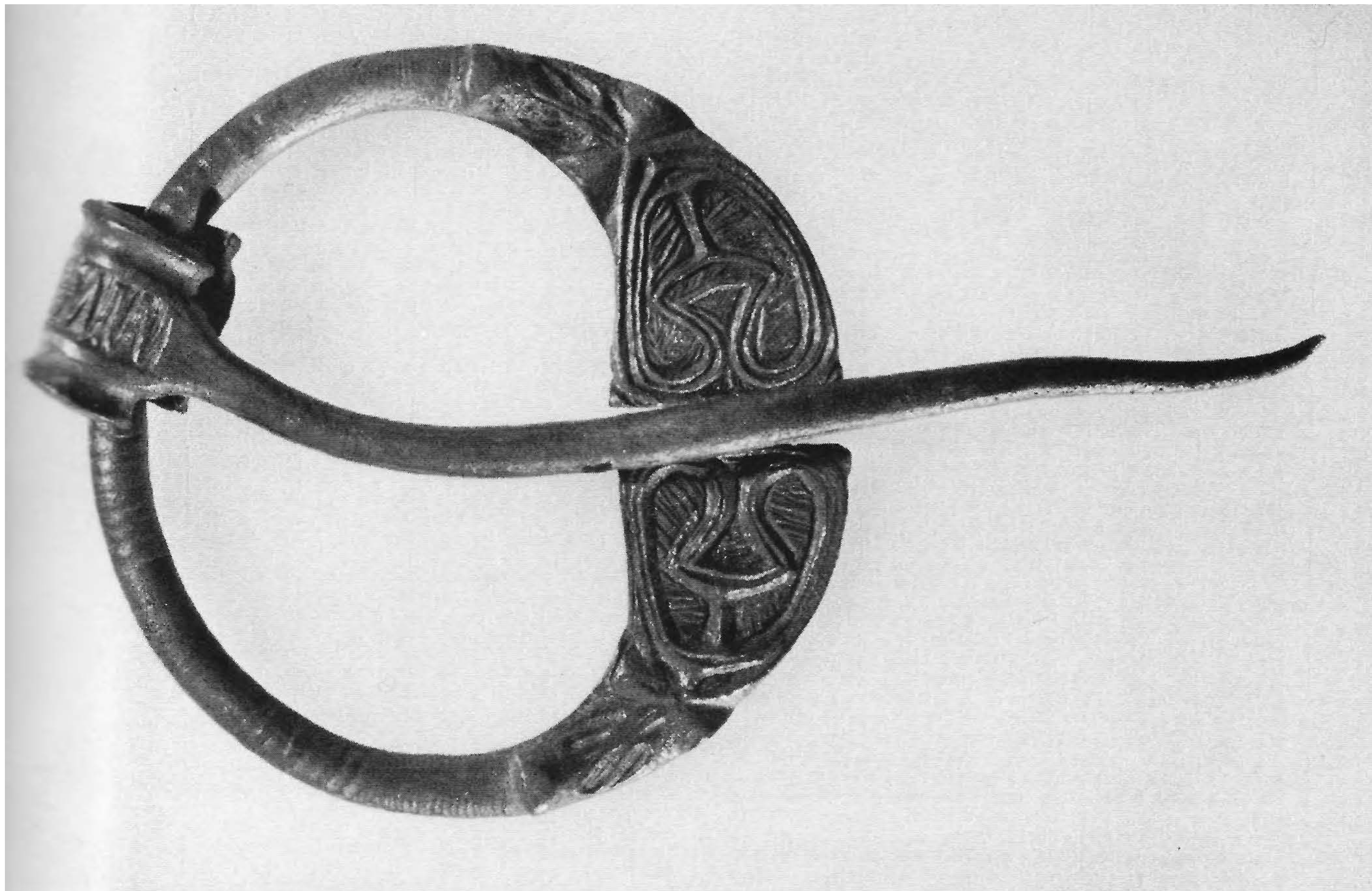
Origins of the Saga

The preservation of the Cuchulainn saga is as remarkable as its origins; the extended story-cycle comes from a bardic or oral tradition of great sophistication. The complexity of the descriptions, the cultural ambience, and the vast body of material that corresponds to historical and archaeological or early literary parallels leaves us in no doubt that this is the product of a civilised and complex people. That the original culture was heroic, consisted of head-hunters and warriors and had a strict magical-religious foundation does not in any way debar us from calling the pagan Irish sources for Cuchulainn civilised. They had central locations, such as Emain Macha, now known as Navan Fort, a highly organised governmental structure, and extremely well defined rules of behaviour for all aspects of life.

The origins of the translated material used here are even more curious than our speculations and knowledge about pagan Celtic civilisation. They were transcribed by monks, probably from oral tradition, and preserved in monastic libraries. The oldest example of Cuchulainn tales is the *Book of the Dun Cow* from the monastery of Clonmacnoise. *The Book of Leinster* was transcribed by Finn mac Gorman, the Bishop of Kildare. When we examine the broader spectrum of preserved material, it is clear that monastic chroniclers and transcribers took great care to set out the oral tradition. This was still maintained in the days of the early Church in Britain and Ireland by bards and poets, the descendants of the same druidic caste system which plays such an important role in the adventures of Cuchulainn and the Red Branch warriors.

Curiously, the overt pagan and magical elements were not written out of the Cuchulainn material, as we might expect. The short examples quoted here might have been enlarged by a significant number of extracts which clearly demonstrate magical arts, pagan religion, and druidic lore. Those included tend to bear directly upon the skills, adventures, and doom, of

warriors; but they reveal this totally un-Christian element. There are, of course, Christian interpolations and deliberate alterations of chronology in the full body of the Cuchulainn texts. But it is clear that the Irish monks held the Hound of Ulster and his not so distant pagan world in great respect; so much so that they did not suppress or rewrite or destroy, as many other Christians have done through the centuries.

Bronze brooch from Emain Macha, now in the British Museum.

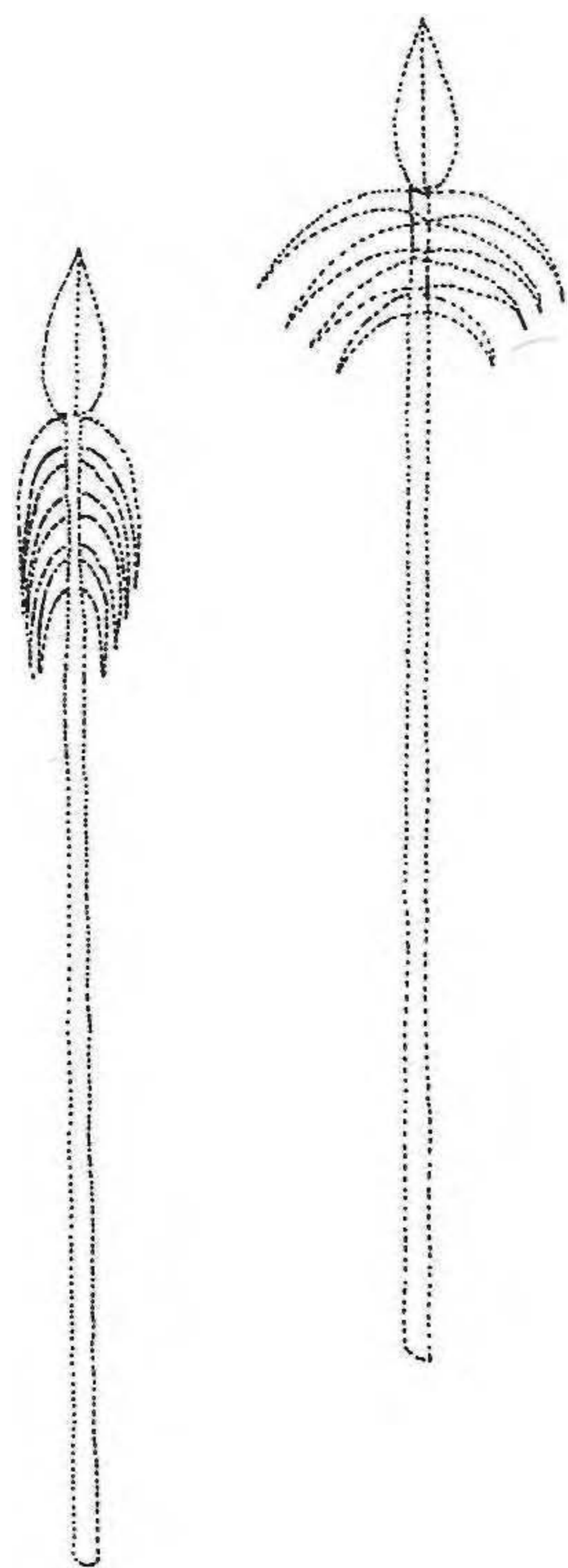
In the context of this account of the hero, literary and historical comparisons are unimportant other than to show the drama and power of the basic character and tales. The reader who wishes to go into the subject in depth will find an immense wealth of other reference material, scholarship, and speculation. The most recent detailed annotated translation is *The Tain* by Thomas Kinsella.

Weapons and Warrior Training

The weapons of Cuchulainn's culture were basically those of the early Celts, with a number of very specific and individual items unique to certain characters. In addition to the actual hardware, we may also include a number of other less usual but certainly very prominent and important weapons used in

Late Bronze Age sword, now in the British Museum. This weapon is probably very close to the kind carried by Cuchulainn.

Reconstruction of the gae bulga, Cuchulainn's barbed spear which was thrown with the feet.

the various conflicts in which the Champion of Ulster was engaged. These are, of course, the magical weapons, skills, and illusions which abound through the Cuchulainn legends.

Basic weapons were the spear, sword, sling - and the shield which could be used as an offensive weapon with sharpened rims. Many of these weapons were famed in themselves.

Spears

The Gapped spear of King Conchobar.

The Venomous spear of King Conchobar.

The *Culghlas* or blue-green spear of Conall the Victorious.

The *Cual gae* or grouping of spears and swords; perhaps similar to the medieval *chevaux de frise*.

Swords

Caladcholg, the sword of Fergus Mac Roich (Roy) which stretched to the length of a rainbow; this was a sword from the *sidhe* or Otherworld.

The sword of Manannan mac Lir which left no sign of stroke or blow behind.

The *Cruaiden cadatchenn*, Cuchulainn's hereditary sword; the name means something like 'dear little hard one'.

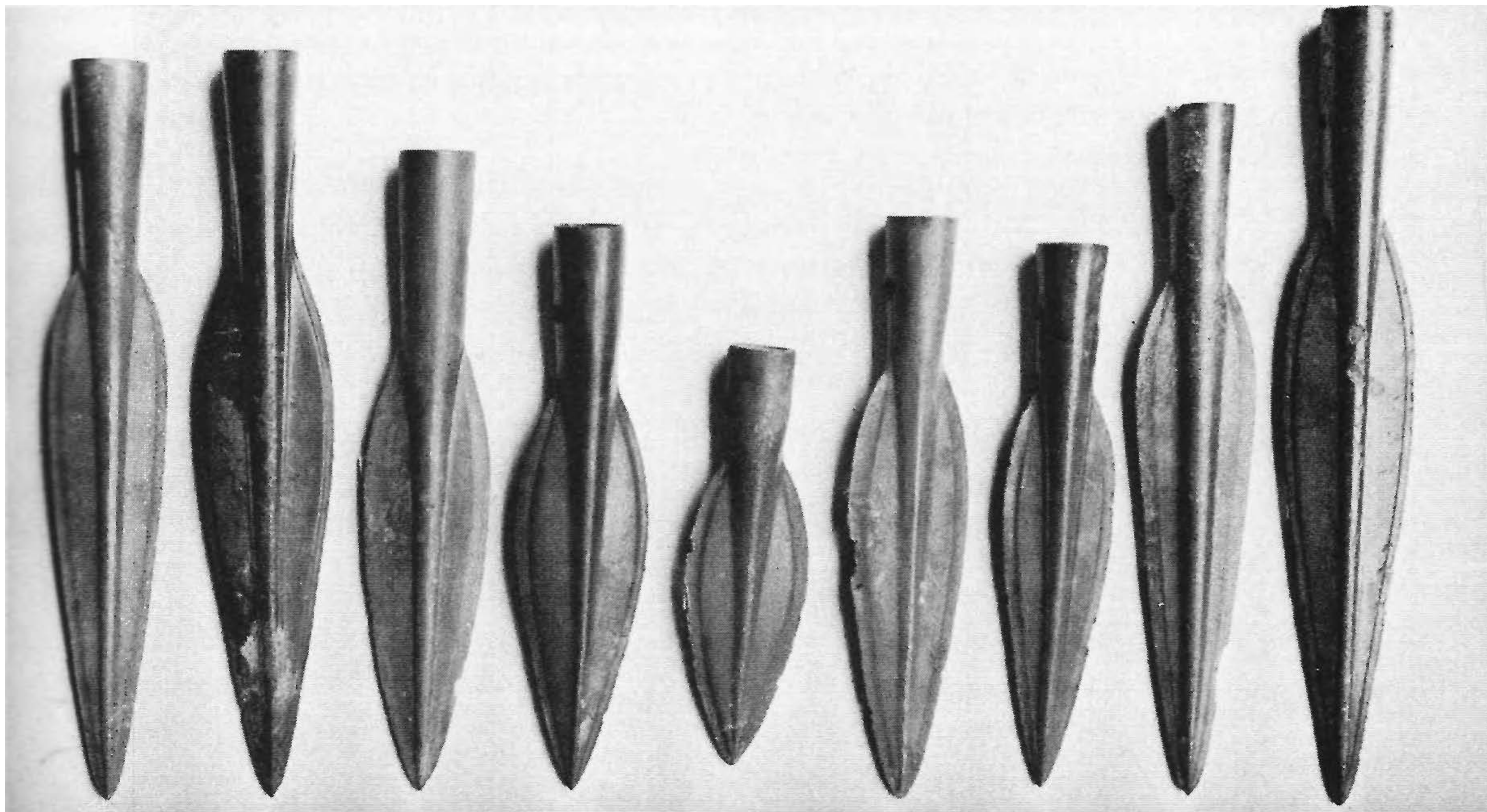
Shields

The Bright Rim of King Conchobar.

Cuchulainn's shield of dark crimson with a pure white silver rim.

Missive or throwing shields with sharp edges, used as offensive weapons.

One such shield cut off the hero Sualtam's head in a mysterious accident leading to a magical prophecy.

The large bossed shield of Fergus Mac Roich, with fifty bosses that could each bear the weight of a hog, and a great central boss of red gold.

* * *

Celtic bronze socketed spearheads of about 700 B.C., showing typical leaf-shaped design.

Body armour was worn by certain heroes, sometimes in conjunction with chariots with scythe bearing wheels, trained war horses and special spears such as five-pointed weapons and the *gae bulga*.

This curious and highly individual weapon was a type of harpoon with retractable barbs, similar to a number of tearing or lodging spears and arrows used in historical warfare. The *gae bulga* was originally given by Scathach the warrior woman to Aoife, who Cuchulainn conquered as a test and task in service of Scathach. Therefore, it seems that it was passed from the second warrior woman to the Champion of Ulster at the time of her defeat. This is significant, as an indication of the powers of fate, for it was Aoife's son (by Cuchulainn) who was tragically slain by his father, using the *gae bulga*. It is worth quoting in full the technique described for throwing this deadly weapon, from the duel between Cuchulainn and Ferdiad:

Then Cuchulainn asked Laeg [his charioteer] for the *gae bulga*. The manner of the weapon was this; it had to be set down the stream, and cast from between the toes. It made the wound of one spear entering the body, but it had thirty barbs to open and could not be withdrawn from the body but must be cut out . . . the servant set the spear down the stream and Cuchulainn caught it between the toes of his foot and threw an unerring cast at Ferdiad. . . .

The *gae bulga* passed through Ferdiad's firm deep apron of wrought iron, and broke the great stone as large as a mill stone (set over his lower body as a shield) into three parts. It passed through these protective coverings into his body, so that every crevice and every cavity of him was filled with its barbs.

The standard techniques and motifs of fighting included single combat (rather than multiple pitched battles), seen later to good effect in the context of the Cattle Raid of Cooley. Champion charioteers and chariots were used as fighting units and there were formalised or ritualised modes of combat and challenge. Raiding and stealing over tribal boundaries were common sources of combat.

Unusual techniques of deliberate conflict, widespread in all tales, included magical attacks such as weakening or debilitating sleep, illusions of great armies, monstrous beasts and opponents from the Otherworld. There were also the druidic techniques of satire, undeniable requests, music and poetry, and *geasa*, a system of unavoidable taboos which were often used as weapons or tactical devices to gain power or control situations.

Divine intervention, the continual and essential intervention of gods and goddesses or other supernatural beings occurs very often in the legends. Indeed most of the tales hinge upon such intervention, often through a complex chain of events, *geasa*, parentage, meetings, challenges, tests and dedications.

The Duel

The duel between the Hound of Ulster and Ferdiad provides us with another detailed and colourful description of heroic combat techniques:

'Do you remember, the throwing weapons that we used to practise with Scathach?' said Ferdiad.

'I remember them indeed,' replied Cuchulainn.

'Then let us use them against one another,' said Ferdiad.

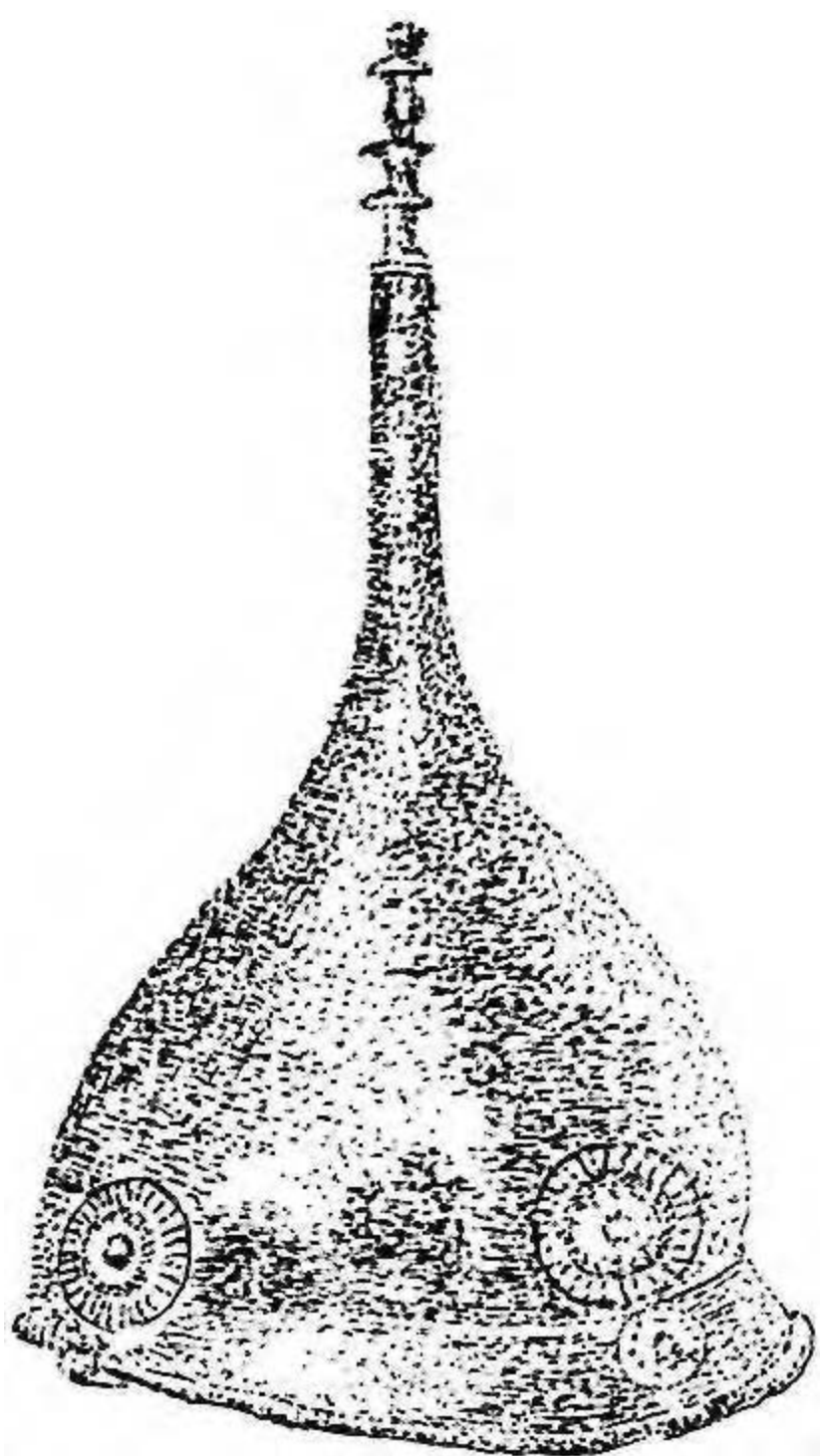
The account then continues:

So they took their throwing shields in their hands, and their eight turned handled spears, and their eight little quill spears, and their eight ivory hilted swords, and their eight sharp ivory handled spears. The weapons flew back and forward between them like bees on the wing on a sunny day. Till midday they fought with these weapons. . . .

Warrior Training

During the scene described above, both champions referred to their training together under the instruction of the warrior woman Scathach. During this part of the Cuchulainn saga, we find once again some interesting detailed observations upon the traditional techniques taught to the ancient Celtic warrior:

At last, when the full lore of soldierly arts had been mastered by Cuchulainn; the apple-feat, the thunder-feat, the blade-feat, the supine-feat, the spear-feat, the rope-feat, the body-feat, the cat's-feat, the salmon-feat of a chariot chief, the throw of the staff, the whirl of a brace

Typical bronze helmet from a Celtic grave. The use of bronze for armour and weaponry appears to have persisted among Celtic tribes long after the appearance of iron.

chariot chief, the spear of the bellows (*gae bulga*), the *boi* of swiftness, the wheel-feat, the breath-feat, the *brud geme*, the hero's whoop, the blow, the counter blow, running up a lance and righting the body upon its point; the scythe chariot and the twisting around spear points . . . when he had learned all this a message came to him to return to his own land, and so he took his leave.

This list is extremely detailed, and derives from a precise tradition of combat techniques.

Cuchulainn - Man and Legend

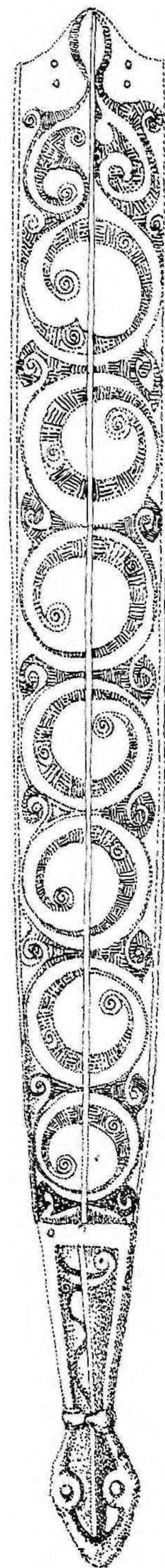
According to Irish tradition Cuchulainn, as leader of the great hero band of Ulster, lived at the beginning of the Christian era. Indeed, his king Conchobar MacNessa, is said to have died of fury upon hearing of the death of Christ. This interesting rationalisation of early Irish history is likely to be religious propaganda, but like many traditions may have some element of truth within it. We may reasonably date a historical Cuchulainn to the first century B.C. at the very latest. As we shall soon discover, many elements of his story and his culture obviously come from a much earlier period.

It seems likely, as with many legendary heroes (such as King Arthur and the Knights of the Round Table) that a fusion of historical tradition and magical or mythical tradition surrounds Cuchulainn and the band of warriors of Ulster. In such cases, a real hero becomes part of a myth, such as that of the victorious sun. This occurs not merely because he seems to be a brightly-shining and divine person, when tales and songs are woven around him, but because such heroes and kings, even as real persons, were part of a pagan culture in which they held a semi-divine status. Cuchulainn is said to have been a son of the Gaelic sun-god; this may be myth or a poetic memory of the fact that such warriors were dedicated body and soul to the early gods and goddesses of pagan Ireland.

Lineage of Cuchulainn

On his mother's side Cuchulainn was the grandson of the Dagda, whose name simply means 'the good god'. The Dagda was a primal giant figure, one of the dimly remembered but extremely potent first deities of the Celts; humorous and scurrilous tales were told about this lusty, powerful, hungry giant. As if this grandparentage was not sufficient, Cuchulainn was also said to be the son of Lugh Long Hand, whose name means 'Light', a very direct image of the ancient Celtic sun god.

The mother of Cuchulainn was Dechtire, daughter of Maga, granddaughter of Angus 'Son of the Young', and half-sister to King Conchobar. Thus the King and his hero were related.

Bronze scabbard from Co. Antrim, Ireland; a typical weapon from the sagas.

King Conchobar and his Court

King Conchobar MacNessa, blood relative and ruler of Cuchulainn held court at Emain Macha. As with so many apparently mythical sagas, there is a physical location attached to the tradition of Conchobar and his court. Near Armagh, the extensive prehistoric fortress, Navan Fort is imposing and atmospheric to this day. Archaeologists are still investigating this ancient and impressive site, which ceased to be used around 90 B.C.

Prom here, Conchobar ruled the kingdom of Ulster which extended southwards as far as the Boyne. It was at this location that the astonishing band of heroes assembled, under the undisputed leadership of Cuchulainn.

The relationship between Cuchulainn and his mythical or divine father and grandfather becomes all the more apparent when we study the descriptions of his nature and his physical attributes. He was small and insignificant in size, yet no one could look full upon him in his glory without blinking. The very heat of his burning body could melt snow and ice for yards around; he glowed red and when he dipped his body to bathe in the sea, the waters hissed and steamed. Perhaps the most dramatic description of Cuchulainn is his battle fury, which was the most ferocious ever known among the many Celtic heroes and warriors:

Among the clouds over his head could be seen seething pouring showers and sparks of red fire, which his savage wrath caused to mount upwards above him. His hair became tangled about his head, as if it had been branches of a red thorn bush stuffed into a strongly fenced gap. . . . Taller thicker and more rigid than the mast of a great ship was the jet of dusky blood which shot upwards out of the very centre of his scalp, to be scattered to the four cardinal points (of east, south, west, and north). From this fountain was formed a magical mist of gloom, resembling the smoky pall which drapes a royal hall, at nightfall of a winters day.

(Tain Bo Chuailgne)

Birth of Cuchulainn

Like many heroes with a curious semi-magical or divine origin, Cuchulainn had a miraculous birth. His mother Dechtire was sitting at her wedding feast, about to be married to the Ulster chieftain Sualtam. Into her cup of wine flew a mayfly, which she swallowed without noticing its presence. Soon she fell into a deep sleep in which the sun-god Lugh appeared to her as if in a dream. Lugh told her that it had been no mere mayfly that she had swallowed, but himself.

After delivering this revelation, Lugh transformed Dechtire and her fifty maidens into the shape of a beautiful flock of birds, and so they disappeared without trace. After months had passed, the warriors of Emain Macha were lured out to hunt, drawn by the appearance of a flock of birds.

Riding in their chariots until nightfall, pursuing the elusive flock, the men of Ulster suddenly realised that they had been lured to the Brugh na Boyne which was the home of the gods and goddesses of the land. Before the warriors arose a splendid hall, of a beauty and size such as they had never before seen. A tall, handsome chieftain, very richly attired, came out of the hall and welcomed them, offering them hospitality. When the warriors

entered this marvellous place, they found seated there a beautiful woman and fifty lovely maidens; upon the tables was set a feast of meat and wine such as would grace the hall of a great king.

The Ulster warriors rested for the night, and during their rest they heard the cry of a new born babe. In the morning, Lugh revealed his true name to them, and told them that the woman was no other than the half-sister of Conchobar, and that she had given birth to a child who was to be taken back to grow up among the warriors at the Ulster court. Thus the mother, the baby boy and maidens returned; all the heroes, Druids, poets, and lawgivers of Ulster gave the best of their skills and wisdom to the infant as instructed.

Naming of Cuchulainn

At first the baby boy was called Setanta but this was to change in that most magical manner by which heroes acquire their true names, i.e. through unusual and highly symbolic circumstances. As a child, Setanta was the

The Court House in modern Dundalk, the town traditionally cited as the home of Cuchulainn.

related . . . and Emer finally promised that she would marry him if he could take her away from her warlike family.

Scathach the Warrior Woman

However, Forgal the Wily lived up to his name, and devised a plan by which he hoped to be rid of this troublesome suitor. Deliberately, he went to visit Emain Macha pretending never to have heard of Cuchulainn. When he saw this remarkable youth win at every game, challenge, test, and feat of arms or skill Forgal declared that such a hero should go to the island of Scathach the Warrior Woman, situated in Alba (Scotland). This curious stronghold, usually identified as the Isle of Skye (Scathach is pronounced 'Sca-hah') was difficult to reach, and even more difficult to escape from unscathed. Forgal hoped that rather than gain training in arms from the fearsome Scathach Cuchulainn would meet his death.

The tradition of Celtic warrior women is not limited to this reference to Scathach, for women were accustomed and sometimes obliged to bear arms as late as the sixth century. That the great heroes should go for arms training to a warrior woman living on an isolated island is not so unusual when we

The Isle of Skye, where young men like Cuchulainn, from Scotland and Ireland, were trained by the warrior woman Scathach.

The boy hero killed the huge hound of Culann with his hurley stick, thus earning his name Cuchulainn, which means 'Hound of Cilann'.

remember that the most terrible and warlike of the Celtic deities were always female.

Cuchulainn's travel to the isle of Scathach is particularly magical; it is an Otherworld journey undertaken by the hero to gain wisdom, skill, and most important of all, to be transformed. Cuchulainn left behind his two closest friends, Laegaire Battle Winner and Conall the Victorious; they lost heart and returned to Ulster.

First he crossed the Plain of Ill Luck; here the feet of men could stick fast and be pierced by razor-sharp grass blades; he entered the Perilous Glens filled with devouring beasts; then he came to the Bridge of the Cliff. This bridge tilted upwards whenever anyone tried to cross, throwing all comers to their death. Three times Cuchulainn tried to cross this bridge, which would give him access to the stronghold of Scathach, and three times he failed to cross. Finally, his heroic fervour came upon him, causing his face to shine like the sun (who was his father). Taking a great leap - the salmon leap - of the hero which involves twisting and turning against the flow - Cuchulainn landed in the middle of the tilting bridge. As it rose up vertically, he slid down to the other side.

At last he gained access to the stronghold of Scathach, and threatened her with his sword until she agreed to teach him all her famous skill in arms. Like so many hero sagas, this tuition, part of a bargain or test (for the hand of Emer) involved Cuchulainn in yet another task, for he fought and conquered Aoife, another warrior Queen as part of his bargain with Scathach. The curious wooing and winning of Emer is a primal version of a myth known all over Europe, rooted in pagan religious belief, in which a young power or hero must win the beautiful maiden from her ogre-like father or guardian.

Cuchulainn Marries Emer

When the newly skilled Cuchulainn returned to Ireland, he attacked the stronghold of Forgall the Wily in his scythed chariot. The fortress had triple walls, typical of the threefold symbolism of the Otherworld which repeatedly occurs in the tales about Cuchulainn.

Cuchulainn slew the defenders of the stronghold and finally killed Forgall. Pursued by the remaining warriors, whom he killed whenever they drew too close, Cuchulainn reached Emain Macha. There, after such a violent courtship and meeting, he married Emer. This remarkable couple, the ultimate hero and the most beautiful and skilled maiden in Ireland, were given honour and precedence in the court of King Conchobar MacNessa.

It seems unlikely that much of the above tale of Cuchulainn's wooing and marriage is based upon historical truth, yet there are many aspects to it which seem to be borne out by early Celtic tradition, custom, and evidence from literature and archaeology.

Once again we encounter a mixture of genuine cultural material; the tradition of warrior women, with idealised figures of the hero and his lover, fused into a myth of good overcoming evil, or perfection overcoming chaos.

The Cattle Raid of Cooley

The most famous and extensive of the adventures of Cuchulainn is the tale of the war fought over the Brown Bull of Cualgne (pronounced 'Cooley').

The legend tells of two bulls of fairy or immortal lineage that were in Ireland at that time. When we use the word fairy in this context, we are not dealing with the weak tinsel creatures found in Victorian fantasies, but with the true fairies of Celtic tradition. These are powerful, terrible and beautiful immortal beings, similar to gods and goddesses, who are tall and fair to look upon. As late as the eighteenth and nineteenth century in Ireland and Scotland, Gaelic speakers still confirmed their belief in the people of the *sidhe* or fairy mound, and could still see them with the 'second sight'. The story goes on to say how the bulls were each transformed from other shapes and origins. First they were the swineherds of the gods Bodb (King of the Sidhe of Munster) and Ochne (King of the Sidhe of Connaught).

The two swineherds were in rivalry with one another, changing shape in pursuit of their endless quarrel. They became ravens to battle for a year, then water creatures, then they fought as human champions, and finally changed into eels. One of these magical eels swam into the River Cruind in Cualgne in Ulster, and was swallowed by a cow belonging to Daire of Cualgne. The other swam into the spring of Uaran Garad, in Connaught, where it was swallowed by a cow belonging to Queen Medb.

From this curious origin were born two bulls, the Brown Bull of Ulster, and the White Horned Bull of Connaught.

The Dispute

The White Bull was proud and scornful; he did not want to be the property of a woman, so he left the herds of Queen Medb and went into those of her husband Ailill. When the King and Queen counted their possessions one day, having nothing better to do, they found that they were equal in all things but one. Queen Medb had no bull to equal the White Bull in the herd of her husband Ailill.

So Medb sent bards with flattering gifts and words of praise to Daire, asking him to lend her the Brown Bull for the space of one year. Daire was about to agree to this request, when he overheard one of the Queen's men boasting that if the Bull was not lent freely, then the Queen would command her champions to take it by force. Naturally, Daire swore that under no circumstances would Queen Medb have the great Brown Bull.

So did the great war of the Cattle Raid begin; Queen Medb of Connaught raised all the armies of Ireland to fight against Ulster on account of the refusal of the loan of the Brown Bull. She made Fergus Mac Roich, an Ulster warrior who had previously quarrelled with King Conchobar MacNessa, the leader of this great host.

It was assumed that the war would be easy; the heroes of Ulster were suffering a magical sickness which came upon them each year as a result of an

The head was a sacred object to all the early Celts. This three-headed urn dates from the third century B.C. and is now in the Landesmuseum, Klagenfurt, Austria.

ancient curse laid upon them by a goddess who had once been insulted by an ancestor of King Conchobar. Queen Medb called up a prophetess and asked her what she saw of the warriors of Ulster. The account which follows is from a translation of the saga, edited by E. Hull, and the spelling of Irish names is thus not standardised:

So that night they pitched and encamped, and between the four fords of Aei - Athmaga, Athbercna, Athslisen, and Athcoltna - there was a mass of smoke and fire. Until the far end of a fortnight they tarried in Rath-Cruachan of Connacht, with quaffing and all pleasure, so that all the more lightly anon they should face their travel and their hosting. At which time it was that Meave bade her charioteer to put-to her horses for her; to the end she should go and confer with her wizard, to require of him foreknowledge and prophecy.

When she had gained the place where her magician was, she required of him foreknowledge and prediction accordingly, saying: 'Many there be which this day, and here, do part from their familiars and their friends, from their country and from their lands, from father and from mother. Now if so it be that not all of them return safe and sound, upon me it is that they will discharge their lamentation and their curses. For all which, however, there neither goes forth, nor yet stays there behind, any that to us is dearer than are we ourselves. Thou therefore find out for us whether we come back or not. The wizard answered: 'Whosoever comes or comes not, thou thyself shalt come.'

The driver wheels round the chariot, and the queen returns. But Io, she saw a thing that was a marvel to her: a woman close to her, on the chariot's shaft and facing her. The damsel's manner was this: in her right hand she held a weaver's sword of white bronze with seven headings of red gold on its ends, and wove a bordering. A spot-pied cloak of green enveloped her, and in it at her breast there was a bulging massive brooch. She had a high-coloured, rich-blooded face; a blue and laughing eye; lips red and thin; glistening pearly teeth, which indeed you might have taken for a shower of white pearls fallen and packed into her head. Like unto fresh coral were her lips. Sweeter than strings of peaked harps played by long-practised masters' hands was the sweet sound of her voice, of her gentle utterance. Whiter than snow shed during a single night was the lustre of her skin and flesh, filtered through and past her raiment. Feet she had that were long and most white; nails pink and even, arched and pointed; fair-yellow gold-glittering hair: three tresses of it wound round her head, while yet another fell downwards and cast its shade below her knee.

Meave scanned her, and she said, 'Girl, at this time, and here, what doest thou?'

The young woman answered: 'I reveal thy chances and thy fortunes, and Ireland's four great provinces I gather up and muster against the Raid for the Kine of Cuailgne.'

'And for me wherefore dost thou this?'

'Great cause I have,' the girl explained; 'for I am a woman bondmaid of thy people.'

'And who art thou of my people?'

'I am Feidelm the prophetess, out of Cruachan's fairy hill.'

'Well, then, O prophetess Feidelm, how seest thou our host?'

'I see them all in red, I see them all becrimsoned.'

'Yet in Emania, Conachar for sure lies in his pangs,' said Meave; 'my messengers have been to him, and nought there is which we need fear from Ulster. But, Feidelm, tell us the truth of the matter: O woman-prophet Feidelm, how seest thou our host?'

'I see all red on them, I see crimson.'

'But Cuscraidh Menn Macha, Conachar's son, is in Iniscuscraidh in his pains; my messengers have been to him, and nought there is which we need dread from Ulster. But, Feidelm, tell us the truth of it: O Feidelm, O prophetess, how seest thou our host?'

'I see red on them, I see crimson.'

'But at Rathairthir, Eoghan mac Durthacht is in his pains: my messengers have been to him; nought is there which we need fear from Ulster. But, Feidelm, tell us true: Feidelm, thou woman-seer, how seest thou our host?'

'I see all red on them, I see all crimson.'

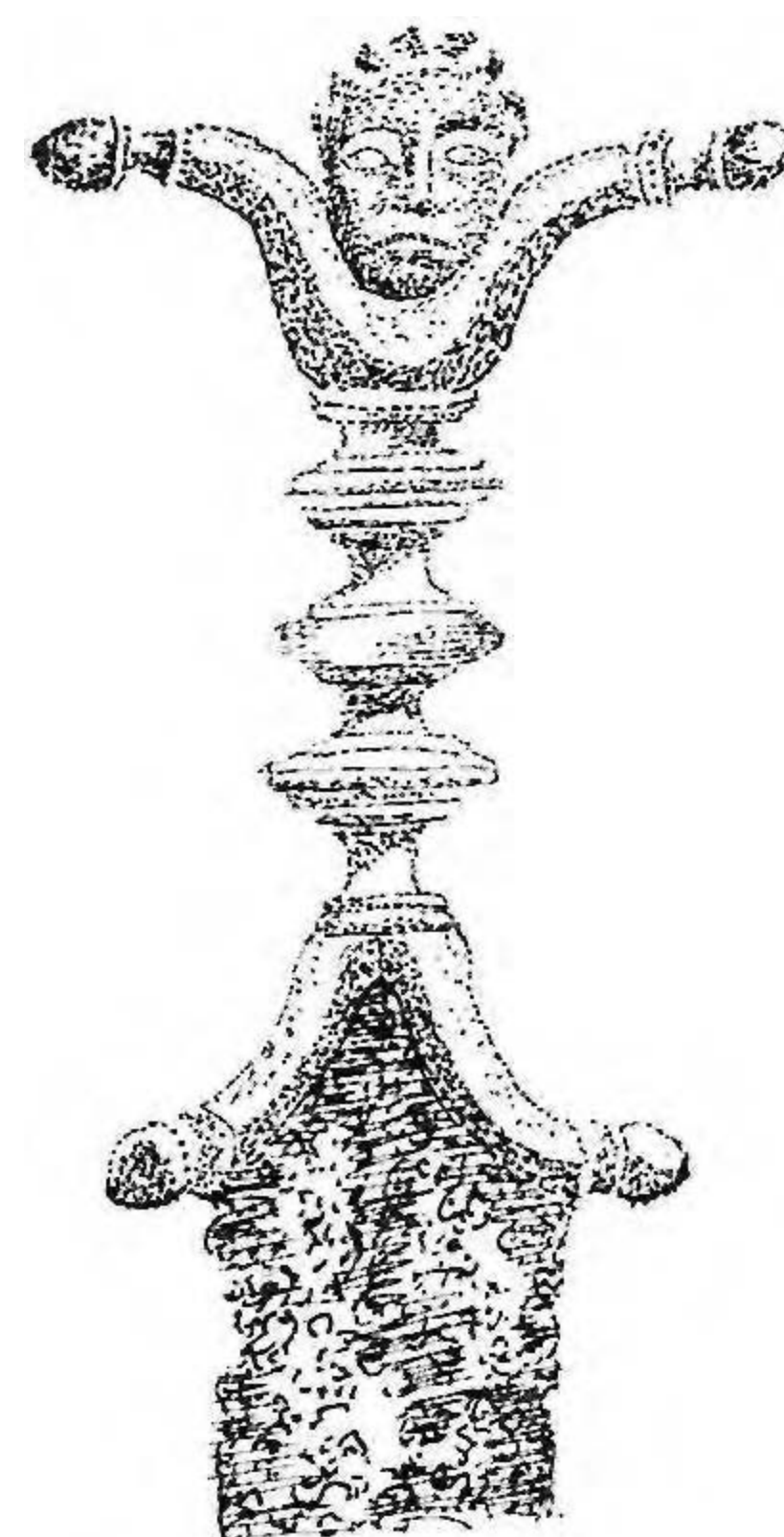
'Why, Celtchar mac Uitechar within his fort lies in his pangs: my messengers have been to him; nought is there which we need to fear from Ulster. But, O Feidelm, tell us true; woman-seer Feidelm, how seest thou our host?'

'I see red on them, I see crimson.'

'The manner in which thou deducest all this I approve not,' said Meave. 'For when the men of Erin shall have congregated to one place, among them doubtless will be quarrels and affrays and broils and onslaughts: as regards either taking the lead or bringing up the rear, concerning precedence at ford or river, concerning priority in killing a swine, a cow, a stag, or other game. But, Feidelm, tell me true: O prophetess Feidelm, how seest thou our host?'

'I see red on them, I see crimson. I see a small man who shall demonstrate weapon-feats,' . . . and here now she began to foretell and to foreshow Cuchulainn to the men of Erin, and she made a lay:

A small man I see, one who shall demonstrate weapon-feats, but at the price of many wounds in his smooth skin; the 'hero's light' is on his brow, and victory's arena his forehead is. The seven gems of an heroic champion are in the midst of both his eyes; his understanding is plain to perceive, and a red mantle, clasped, wraps him round. A face he has that is the noblest, best, and towards a woman-bevy great modesty he does observe; a stripling young and of complexion beautiful, but to the battle he shows a dragon's form. Like to Cuchulainn of Muirthemne his semblance and his valour are; who this Cu of Culann's from Muirthemne may be, I indeed know not, but this much full well I know: that by him the present host will all be red. In either one of both his hands, four small swords belonging to superlative sleight-feats he holds; he will attain to ply them on the host, an extraordinary act which drives men to eschew him. When, over and above his sword and spear, his *gae bulga* as

The sword was an important weapon of the Celts. This bronze hilt is from the second century B.C. and was found at North Grimston in Yorkshire, England.

well he brings into play - he, the man who clad in scarlet mantle acts the sentinel - on all spaces he puts down his foot. His two spears point over the chariot's left; the frenzied one lets himself go: as to the form which to me hitherto has been revealed as worn by him, to me 'tis certain that his fashion he will change. For the battle now he sets forth, who unless he be provided against will prove to be a bane; for the combat 'tis he comes towards you, even Sualtach's son Cuchulainn. Your hosts now safe he will hew down, and make your slain to thickly lie: by him ye shall lose all your heads - she-prophet Feidelm conceals it not. From skins of heroes blood will pour, the memory of which shall be lasting, long; there shall be mangled bodies, women shall lamentation make, all by the 'Hound of the Forge,' whom now I see.

Thus far then the prediction and prognostication and the head and front of the story; with the occasion of its being found and made, and with the bolster-conversation which Ailell and Meave held in Cruachan.' (*The Cuchullin Saga* edited: E. Hall)

Cuchulainn was the only man in Ulster not affected by the curse of weakness; it was his task to defend almost single handed the Ulstermen against the hosts of Queen Medb.

Although Fergus had been insulted by King Conchobar, he sent a message warning the warriors of Ulster that the host of Medb was about to march upon them. Thus, Cuchulainn was keeping watch, forewarned, when the opposing army arrived.

Single Combat

Although an army set out to do battle, combat was primarily undertaken on a single basis; chosen warriors fought one another rather than an all-out pitched or mobile battle between all concerned. We find similar single combats in ancient poems such as the *Iliad* where the Greek warriors attacking Troy undertook selected duels to the death in order to settle specific aspects of the war. Equally, such single combat was seen as preferable to debilitating, all-out combat which would render both sides useless regardless of whoever gained the ultimate victory.

This economy of manpower is perhaps the basis of the ancient heroic single combat, for such fighting comes from times and cultures where manpower was scarce. Furthermore, it was regarded as the height of barbarism to waste many lives when allotted and specifically chosen champions were an integral part of the culture. It was the primary role of such champions to act for many men; this was their reason for living, fighting, and dying. In this sense, we might say that heroic warfare was more civilised than modern warfare in which thousands of lives are heedlessly wasted. The ancient concept of heroic combat persisted until as late as the Great War of 1914-18, in which early aerial combat retained some of this chivalric or heroic duelling quality. Paradoxically, this was also the war in which the modern concept of wasting many lives for the sake of relatively unimportant objectives was so strong a feature.

So we find the champion Cuchulainn as the sole defender of Ulster, while his companions are stricken by a magical weakness and sleep. Instead of

merely overwhelming him by strength of numbers, as we might expect, the army of Queen Medb engages the hero in single combats, one after the other.

None of the warriors who challenged Cuchulainn returned; he killed them one by one. Between duels, he harassed the great army with his sling, slaying many men each day. He also killed the totem beasts belonging to the Queen; the dog, the bird, the squirrel. He generated such fear that no one dared to leave the camp. When one of the Queen's serving women wore her mistress's golden headdress, she was immediately slain by a well aimed stone from Cuchulainn's sling.

Eventually, Queen Medb, wanting to see this astonishing champion of Ulster face to face, sent a bard to ask Cuchulainn to parley. He agreed, and at the meeting Medb was amazed at his youth and seeming innocence. There he was, a mere seventeen years old, without a beard, yet destroying her vast army day after day. In the time honoured manner of powerful women, she offered the hero her own love and friendship, with great honour and possessions, if only he would come over to the side of Connaught and forsake Ulster. Despite his refusals, she repeated her offer over and over, until Cuchulainn warned that any further messengers of temptation would be slain.

In the end, he offered curious terms of battle, which the Queen was forced to accept. He agreed to fight one of the heroes of Ireland every day, and as long as the combat ensued, the main army was allowed to march forwards to gain ground. But as soon as the combat was over, the army must cease to move. Medb thought this a better bargain than to lose many men daily and gain no ground at all.

As an incentive to her warriors, Medb offered the love of her daughter Findabair (or Finnabar) who eventually died of maidenly shame on discovering that she had been the object of such a bargain. Yet despite the hand of the Queen's daughter as an incentive to do great deeds, not one hero of the army could kill Cuchulainn. However they did distract him sufficiently and

Medb's men managed to steal the Brown Bull and fifty heifers while the hero was engaged in the series of combats.

The Morrigan

As with all ancient sagas or hero-cycles, the Cattle Raid of Cooley is a complex sequence combining myth and cultural history. After his remarkable exploits in single combat, reflecting actual styles of combat used by the ancient Celts, Cuchulainn next encountered a supernatural adversary.

So great were the warlike achievements of the Champion of Ulster that he attracted the attention of none other than the primal great goddess of war herself, known in Irish tradition as the Morrigan or Morrighu. It may be significant that in another legend altogether, Cuchulainn's grandfather, the Dagda, makes love to the Morrigan in an explicitly lusty creation and conflict myth. In other words, the Morrighu is concerned with the powers of life and death; as such she would be the natural patroness of heroes such as

Cuchulainn. While sleeping deeply and resting from his series of single combats, Cuchulainn was awakened by a great shout from the north, which in Celtic legend is the realm or region of the dead, justice and of the primal element of Earth. He ordered his driver Laeg to make the chariot ready and seek out the source of such a miraculous shout.

Travelling northwards, Cuchulainn met with a woman riding towards him in another chariot. She wore a red dress, a long red cloak, had red hair and eyebrows and carried a long grey spear. Courteous as all such heroes were, the Champion of Ulster hailed this apparition and asked her who she might be; she replied that she was a king's daughter who had fallen in love with him as a result of his wonderful exploits. This motif, in which a goddess seeks out a hero and declares her love for him is found in a number of myths world-wide, and has direct parallels in British and Greek tales from heroic cultures.

While Cuchulainn was adept at martial arts, he seems to have been rather naive when it came to recognising and dealing with supernatural beings, a failing common to many heroes. He told the red haired woman that he had more important things to concern himself with than a woman's love. The Morrigan then replied that she had been helping him throughout the battle, through her love for him, and that she would still continue to help him in return for his love. Unfortunately, Cuchulainn replied that he did not need any female help in battle. Despite the extremely broad clues as to her true identity, the Champion failed to recognise the goddess.

'If you will not have my love and help, then you shall have my hatred and enmity,' she said. 'When you are in combat with a warrior as good as yourself, I shall come against you in many shapes and hinder you, until your opponent has the advantage.'

Cuchulainn drew his sword to attack this threatening woman, but saw only a crow sitting upon a branch. The crow was the totem bird of the goddess, and then the Champion finally understood that he had rejected the help of the great goddess.

On the following day, a great warrior called Loch came to meet Cuchulainn in battle. Scornfully, he refused to fight a beardless youth, so Cuchulainn rubbed blackberry juice into his chin until it appeared darkened with a growing beard. Then the Champion discovered what it meant to have the goddess against him rather than for him; while he was in combat with Loch, she came against him three times. The first time she came in the shape of a heifer which tried to knock him over; the second time she came in the shape of an eel which wrapped around his legs as he stood in running water; the third time she came against him as a wolf that seized his sword arm.

But Cuchulainn broke the heifer's leg, trampled upon the eel, and poked out one of the eyes of the wolf. Yet every time he was hindered by these beasts, the warrior Loch wounded him deeply. Despite the worsening odds, Cuchulainn finally killed Loch with a cast of his magical spear, the thirty barbed *gae bulga* made from the bones of a sea monster.

After this threefold conflict and the hero's success against both goddess and champion, the Morrigan appeared again to Cuchulainn in the shape of an aged crone. She requested that he heal the wounds that he had inflicted upon her in her animal shapes, and finally a true pact was made between mortal and immortal.

Lugh and Cuchulainn

Just as the goddess appeared to Cuchulainn and ultimately helped him after conflict in which he was made fully aware that she was his patroness, so did his father the god Lugh appear. This sequence of apparitions and divine intervention is not merely a whim or trick of the story-teller's art; it is central both to the historical culture of the ancient Celts and to the magical, mythical and transformative adventures which the hero undertakes.

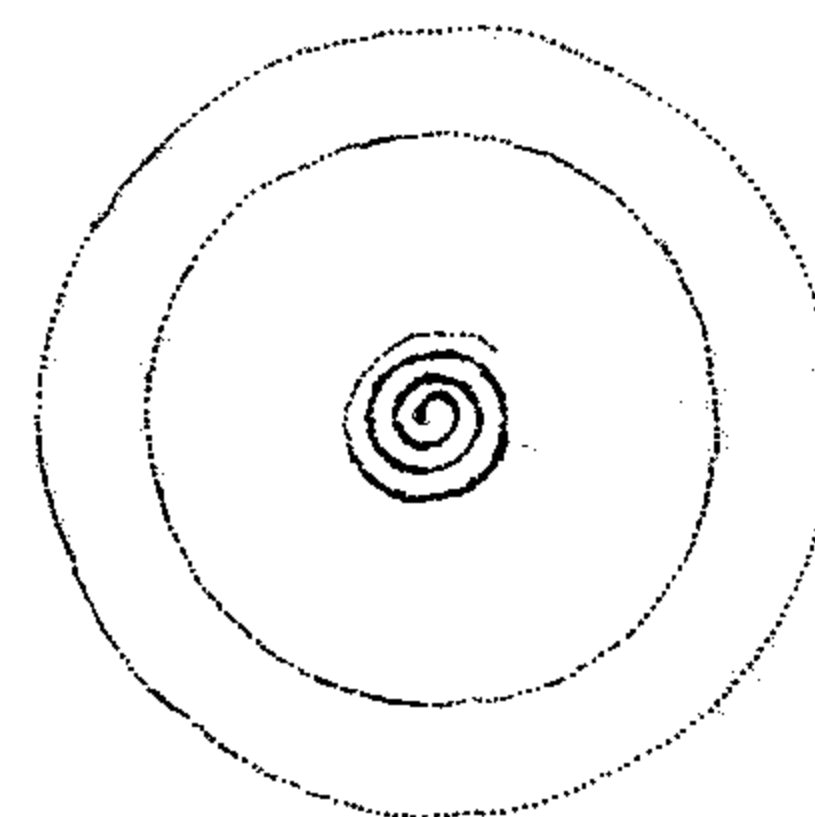
Cuchulainn's qualities are partly hereditary, from his parentage, and partly through training and support by the feminine personae of the warrior woman Scathach and the great goddess the Morrigan. Nevertheless, in some respects, he is still extremely young, and while showing natural strength and speed, trained skill, and remarkable qualities of endurance, he seems to be emotionally immature. Much of the hidden aspect of this sequence of tales leads the hero towards emotional and spiritual maturity. In this sense the hero sagas of the Celts are not dissimilar to the educational or exemplary tales connected to the martial arts in Eastern cultures; no matter how fast, strong or deadly the warrior is, it is ultimately his spiritual maturity that is at stake, not merely the winning and losing of battles.

Exhausted by continual combat, Cuchulainn suffered from lack of sleep; he could only snatch short rests, with his head on his hand, his hand on his spear, and his spear on his knee. Finally, his father Lugh the Long Handed took pity upon the champion, and appeared to him in the shape of a tall, handsome man in a green cloak, golden silk shirt covered with embroidery and carrying a black shield and five pointed spear. He cast his son into a magical sleep for three days and nights. While Cuchulainn slept, Lugh healed his many wounds with magical herbs; and when he awoke the Champion was completely refreshed and whole.

During this magical sleep, the boy troop of youthful warriors from Emain Macha came to fight against the army of Medb. Although they slew three times their own number, they were wiped out entirely.

Fergus and Cuchulainn

The next champion set against Cuchulainn in the war over the Brown Bull was his foster father Fergus. After much persuasion from Queen Medb, Fergus set out against the Champion, but without his famous sword. The two warriors made a remarkable agreement on the field of combat. For the sake of their years together when Cuchulainn was a child, Fergus asked Cuchulainn to only pretend to fight, and then to run away. Naturally, Cuchulainn declared that he was unwilling to be seen running away from

Impression of sharp-edged throwing shield as described in the Cuchulainn sagas.

anyone, even his own foster father. Fergus promised Cuchulainn that if he ran away on this occasion, then Fergus would, in turn, run away at some future time of Cuchulainn's choice. In this way, the Champion of Ulster showed some beginnings of wisdom, for he agreed to this trick, knowing that a future benefit might be superior to a momentary triumph, or even to the momentary shame of fleeing from combat. So during the man-to-man combat, Cuchulainn ran off and Fergus was able to return to the army and claim that he had fulfilled his duty.

Cuchulainn and Calatin

Next to be sent against the Champion of Ulster was the magician or Druid Calatin. Queen Medb ordered him to fight Cuchulainn with the assistance of his twenty seven sons and his grandson. This she justified by declaring that they were all of one body, that of Calatin, and that therefore she was not breaking the agreement to send only one man into combat.

The sons of Calatin had the notorious reputation of using poisoned spears which never missed their mark; any man wounded by such spears was soon certain to die. When Fergus heard of this dishonourable trick, he sent another Ulster exile called Fiacha to watch the combat and report back to him. Fiacha could not restrain himself from helping the outnumbered Cuchulainn, and between them the two warriors killed Calatin and his family.

Cuchulainn and Ferdiad

Medb now called upon the warrior Ferdiad who had been senior to Cuchulainn during the time of arms training on the island of Scathach. This provides an interesting insight into the manner in which such training schools were run, for Cuchulainn was Ferdiad's junior and servant during the early part of his training. Also the hero had been fostered to Fergus, a common practice among the Celtic tribes, leading to a stable structure of relationships between various families or clans. So another bond now appeared in the context of Ferdiad, who had a role similar to that of elder brother or senior student in arms.

At first Ferdiad refused to fight Cuchulainn, on account of their time together training under the instruction of Scathach. Queen Medb threatened that if he refused this combat, she would have him satirized so terribly that he would die of shame, and his name would be notorious for ever. This is a curious insight into the culture, for satire was not the weak concept of idle humour that it has become today. One thing that was feared by all champions, no matter how strong, was to be satirized by a poet. In a culture in which oral tradition held everything together (there being little or no written word) a satire would long outlast the memory of a living man. Satires were rapidly spread about the land, and any man who had been satirized was soon known to everyone as an object of insult and shame. Medb also offered a carrot with her stick, for she promised Ferdiad great rewards, and bound herself by a six-fold oath of surety that he would indeed be rewarded as promised.

So Ferdiad went reluctantly to combat. Cuchulainn met him with a warm welcome, but was told that his old companion had come to do battle rather than to celebrate friendship. They fought all day with neither gaining any advantage. At sunset, they retired to rest, and Cuchulainn sent half of his healing herbs to Ferdiad, while Ferdiad sent half of his food to Cuchulainn. Their horses were tended in the same stable, and their charioteers slept by the same fireside. This pattern was repeated on the second and third days, when they parted in great sorrow, knowing that on the next day one of them would die. This time the horses did not share a stall nor the charioteers share a fire; on the fourth day Cuchulainn killed his old companion with a low cast from his spear, the *gae bulga*.

When he saw Ferdiad dying, the battle frenzy faded from Cuchulainn. He took up the warrior into his arms, carrying him across the river so that he might die with the men of Ulster rather than with the army of Ireland as was the ancient custom. He made a lament over the body of Ferdiad, declaring that all had been a mere game and sport until this moment . . . 'yesterday Ferdiad was greater than a mountain, today he is less than a shadow.'

By this point in the conflict, the Champion of Ulster was so covered in wounds that he could not let his clothes touch his body, holding them off with hazel twigs and padding the spaces in between with moss and grass. The only part of his body not covered in wounds was the left hand which held his shield.

The Summoning of the Men of Ulster

Cuchulainn lay in this terribly wounded state, his groans of agony heard at great distance by his *human* father, Sualtam. The Champion persuaded his human father not to tend his wounds, but to ride immediately to the stronghold of Emain Macha and try to arouse the sleeping men of Ulster from their magical lethargy.

Sualtam mounted upon Cuchulainn's great war horse Gray of Battle and made haste for the stronghold of King Conchobar. There, he gave three great shouts:

'Men are being killed, women stolen, and cattle lifted in Ulster!'

But no one heeded the first two shouts. With his third shout he partly awakened the Druid Cathbad, who cursed him for disturbing the sleep of the King.

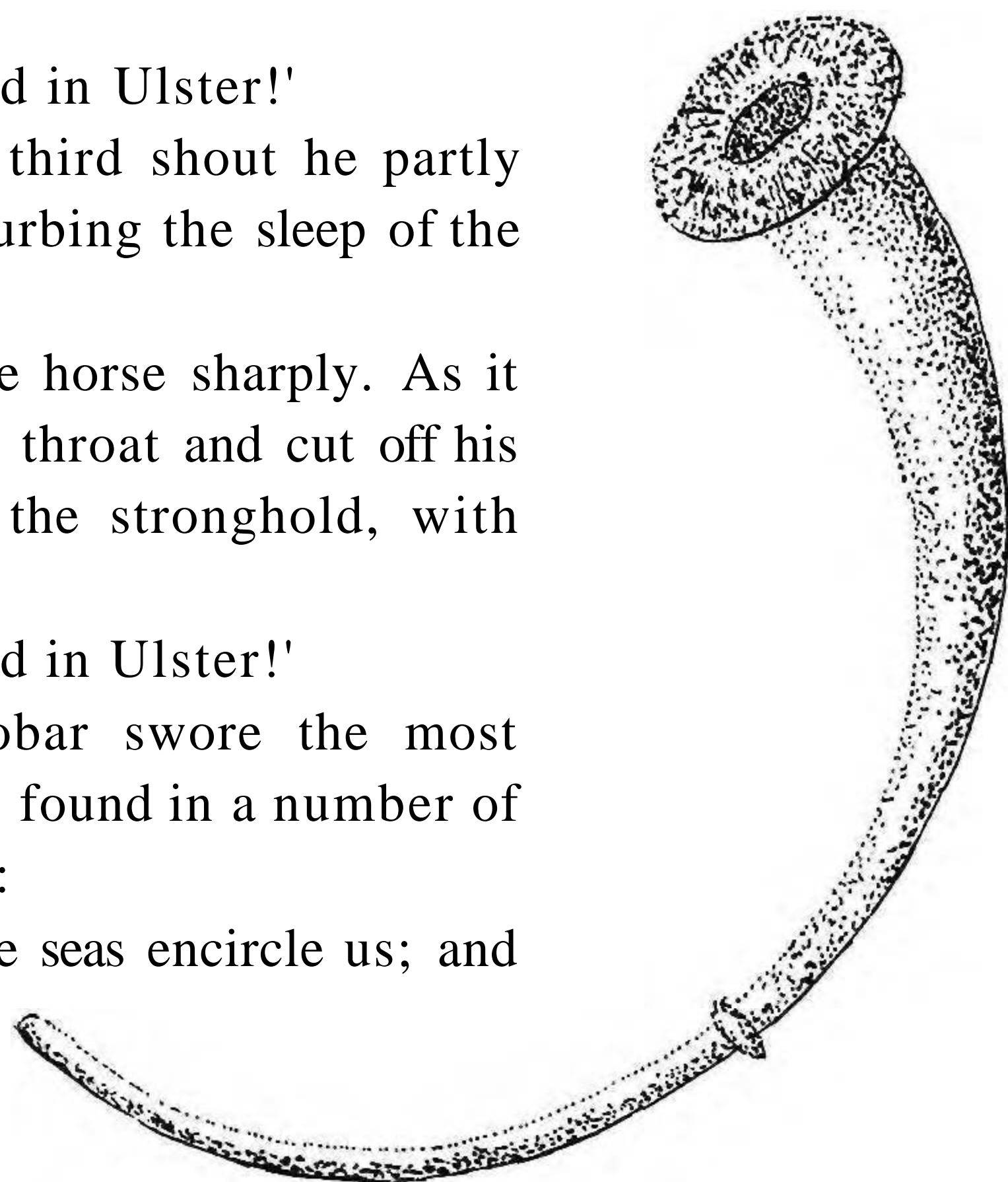
So great was the rage of Sualtam, that he turned the horse sharply. As it reared, the sharp shield edge pressed against the rider's throat and cut off his head. The uncontrolled battle horse charged through the stronghold, with Sualtam's severed head still crying out:

'Men are being killed, women stolen, and cattle lifted in Ulster!'

Now the host truly awakened, and King Conchobar swore the most powerful oath known to the Celtic world, one which is found in a number of ancient tales, histories, and in oral tradition even today:

'The heavens are over us, the earth is beneath us, the seas encircle us; and

Bronze trumpet from Lough-na-Shade, Co. Armagh, Ireland.

unless the heavens with all their stars fall upon us or the earth gives way beneath us, or the seas flood in to drown the land, I will restore every cow to her stable and every woman to her rightful home!'

Messengers were sent to rally Ulster, and soon a battle was being fought such as had never before been seen in Ireland. Cuchulainn heard the noise of this great conflict, and despite his terrible wounds, arose to challenge Fergus as he led the army of Queen Medb. But rather than fight again, the Champion of Ulster reminded Fergus of his oath to run away when asked to do so; then Fergus ran from Cuchulainn, and when the great hosts saw their leader running, they ran also.

The Last Combat

The Brown Bull of Cualgne had travelled with the army into Connaught, where he challenged the White Bull of King Ailill. During the terrible battle which fell out between them, the Brown ripped the White to pieces, tossing his loins as far as Athlone and the liver to Trim. After this fight, the Brown Bull returned to Cualgne, where he became maddened with rage and killed all that moved before him. Finally, his heart burst with the power of his great bellowing, and so he died.

Thus ended the remarkable exploits of Cuchulainn during the Cattle Raid of Cooley.

Tragedy and Death

Like so many great heroic characters, the life of Cuchulainn is bound up not merely with stupendous feats of strength and martial skill, but also with unavoidable doom and tragedy. We found earlier how he had received his training in arms from the formidable warrior woman Scathach, and that during this training period he agreed to fight another warrior princess, Aoife, who he defeated and forced to bear him a son.

Cuchulainn Kills his Son

Cuchulainn's son Conlaoch (pronounced 'Connla') was the cause of tragedy through a subtle but inevitable process. When Aoife heard the news that Cuchulainn had married Emer, she decided to make the son into a weapon against his father. She taught him all her considerable skill in arms and sent him to Ireland; but before taking leave of her son, she put three *geasa* or immutable taboos upon him. The first was that he should not turn back, the second that he should never refuse a challenge, and the third was that he should never tell anyone his name.

When Conlaoch arrived at his father's home in Dundalk, he was met by the warrior Conall, who, according to most ancient custom asked him his name and lineage. Normally, he would have replied with his name, his father's

name, and a list of his illustrious ancestors and relatives. This was an essential formality in the heroic culture of early Britain and Ireland; any man refusing to give such a lineage would have been highly suspect. Conlaoch's refusal, according to the *geas* laid upon him by his mother, caused Conall to challenge him to a duel, which of course Conall lost.

Next Cuchulainn himself came and asked the strange young man to reveal his lineage; Conlaoch replied:

'If I was not under a *geas* there would be no man in the world whom I would rather tell my lineage to, for I love your face.'

But the magical prohibitions of Aoife his mother had done their work, and father was forced to challenge son. In the terrible battle that followed, Cuchulainn shone with his famous hero light. Then Conlaoch realised that by a cruel twist of events he was fighting his own father, who he had come to find. He flung his spear sideways deliberately to miss the glowing hero, but Cuchulainn had already cast his terrible *gae bulga* which could not be withstood. The hero's son died, but not before he had identified himself to his father.

Cuchulainn's grief was terrible, and the men of Ulster were afraid that his madness would be turned violently upon them. In an attempt to save both the hero and his companions from further tragedy, the Druid Cathbad cast a spell upon Cuchulainn, such that he saw the waves of the sea as armed opponents. He battled with the waves until he collapsed from exhaustion.

The Final Battle

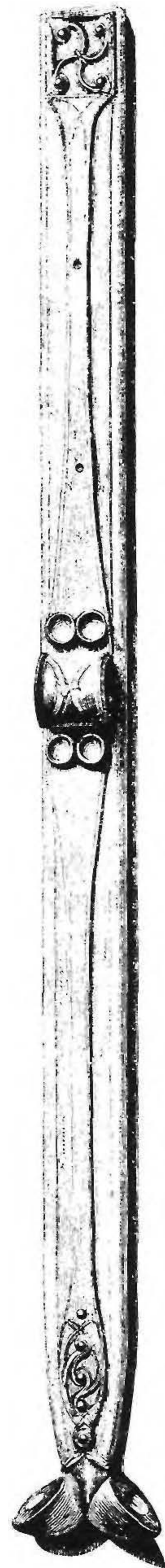
As might be expected in such a remarkable hero, Cuchulainn's death was brought about by a woman. Queen Medb, after her defeat in the Cattle Raid, held meetings with all the families who had had relatives killed by Cuchulainn. She worked upon them continually to seek revenge for their loved ones against the Champion of Ulster.

However, her deadliest weapons were the three daughters of Calatin the magician. She sent these three to Alba (Scotland) and to Babylon to learn magical arts.

When the three daughters returned from their training, they were able in every aspect of the magical arts, and could summon illusions of battle hosts with their formidable skills. Finally, Queen Medb waited until the period of weakness and lethargy fell upon the men of Ulster, just as she had done during the Cattle Raid. Thus, Cuchulainn faced alone her combined forces, both human and non-human.

As the massed forces of Queen Medb and her associates marched into Ulster and ravaged the land, King Conchobar MacNessa called a council of war. His warriors and Druids were too weak to fight, yet the King did not wish Cuchulainn to battle single-handed, for it was known that if the Champion fell, then the land would be luckless forever.

To keep the Champion from entering into battle until his fellow warriors were fit and active enough to assist him, the King ordered the women, the

An early Celtic bronze scabbard from Scotland, showing the grace and skill lavished upon their weapons by the early Celts of the Cuchulainn era.

bards, and the poets to divert Cuchulainn in every possible way, keeping him idle at Emain Macha. But while this desperate ploy was under way and Cuchulainn was feasting and talking, the three daughters of Calatin appeared. They created an illusory army out of grass, thistles and withered leaves, and caused the sound of trumpets and the roar and scream of battle to be heard all about Emain Macha.

Only when Cuchulainn was convinced by Conchobar's Druids that it was all an illusion did he restrain himself from rushing into battle. But it was clear to Conchobar that his Champion would soon be lured out into death unless he was further protected from enticements and tricks. The Champion was moved to the magical valley of Glean-na-Bodhar (Glen na Mower) which means 'Deaf Valley'; even if all the men in Ireland were to shout at once around this valley, no one inside would hear them.

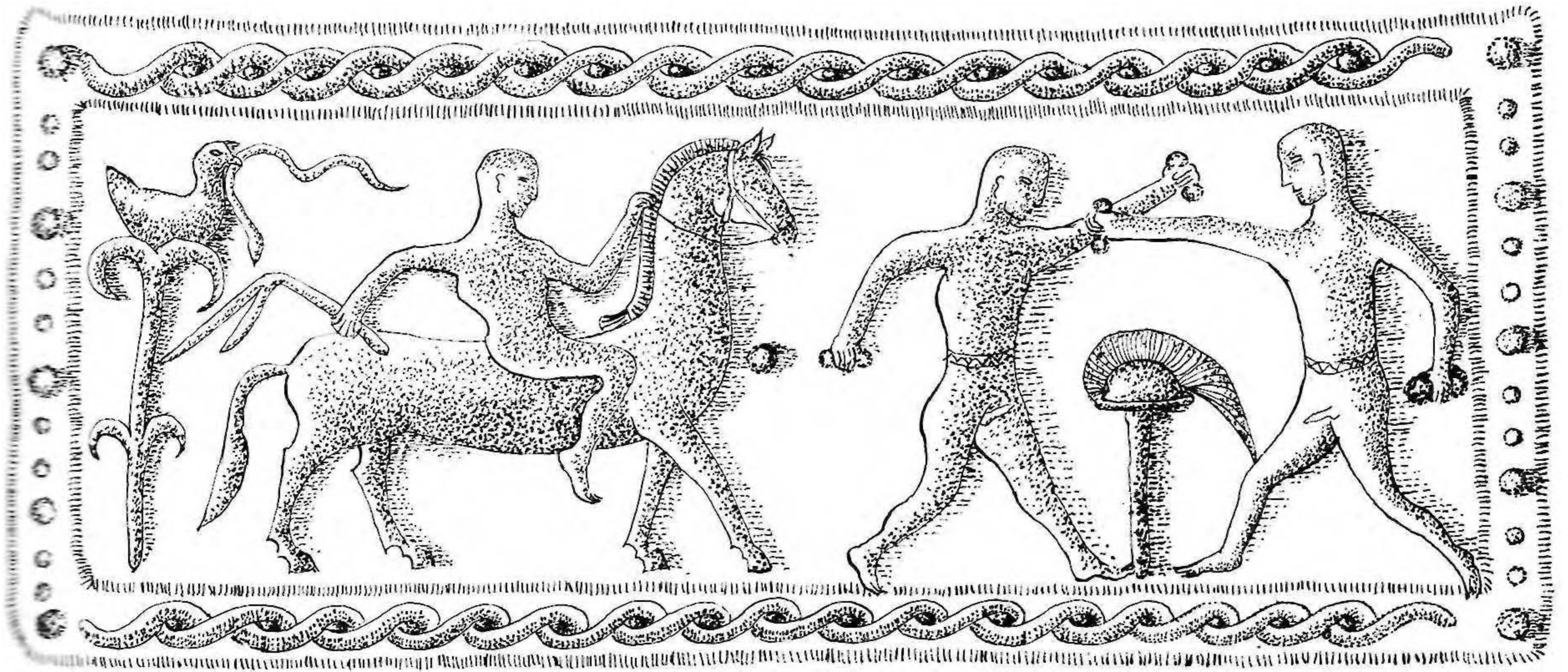
Once again, the daughters of Calatin worked their arts of illusion, until it seemed that a vast host surrounded the valley, with fires raging and women shrieking. This noise reached even into the magical Deaf Valley, and although the women and Druids attending Cuchulainn tried to drown it, the Champion was certain that battle had come to his very resting place. Finally, Cathbad the Druid convinced Cuchulainn that it was still an illusion and that he need not venture out to battle.

But the last attempt to trick the champion into combat succeeded. One of the daughters of Calatin took the shape of a lover of Cuchulainn, crying out that Ulster was being ravaged. Despite all attempts to restrain him, Cuchulainn had his chariot harnessed and rode out to find the invading army. The omens for this last battle were bad; the Gray of Macha refused to be bridled and wept tears of blood; the Champion's mother Dechtire brought him wine three times, and each time it turned to blood when it touched his lips. When he crossed the first ford, he saw an Otherworld maiden washing clothes and armour, an important death vision. Just as if he was a stranger, or as if she did not recognise him in person, she told him that she washed the armour of Cuchulainn, who would shortly die.

Next the champion met three ancient hags roasting a hound on rowan spits. This apparition was an aspect of the Morrigan, the death goddess, and the hound was Cuchulainn's own totem animal as his name meant Hound of Culann. The three hags asked the Champion to share their feast, but it was taboo for him to eat the flesh of hound. Finally, they shamed him into eating, by saying that he was too proud to eat the humble food of three poor old women, yet was only too willing to spend his time idly feasting in the halls of chieftains and kings. It is significant that Cuchulainn failed to recognise what was happening, for he ate the meat, and by so doing half of his body was paralysed.

Cuchulainn carried three spears into battle, and each one, it was predicted, would kill a king. The first tactic used against the Champion of Ulster was that three Druids were sent to ask for the three spears; it was considered highly unlucky and dishonourable to refuse any request from a Druid.

When the Champion was in the midst of conflict, fighting the ravaging army single handed, the first Druid came up to him and asked him for his spear.

'Give me one of your spears, or I will satirize you . . .'

'Take it,' said the champion, 'Never have I been satirized for lack of generosity . . .' So saying he cast the spear at the Druid and killed him. But an opposing champion, Lugaid son of Curoi, took the spear and killed Laeg the charioteer. The loss of his charioteer was a desperate blow indeed, and

with it the second Druid came to Cuchulainn and asked for a spear, saying that he would lampoon the province of Ulster if he was refused the gift.

'I need not give more than one gift in a day,' said Cuchulainn, 'But never let it be said that Ulster was satirized on my account . . .' and he threw the spear through the head of the Druid. But Erc the King of Leinster snatched the spear, and killed the Gray of Macha with it.

'Give me your spear,' asked the third and last Druid sent to Cuchulainn by his enemies, 'or I will satirize your kindred . . .' Once again, the champion speared the Druid, but this time Lugaid son of Curoi threw the spear back at Cuchulainn himself, wounding him to the death. Thus was the prophesy of the spears fulfilled, for Laeg had been king of the charioteers, and the Gray of Macha had been king of the horses, while Cuchulainn was the king of all champions.

In his death throes, Cuchulainn asked his enemies to allow him to reach a lake to drink and then return to the battle. He bound himself to a standing stone by the lakeside, so that he could fight and die standing up, for he had lost the ability to walk. Before its death, his horse, the Gray of Macha, supported him in battle, and killed fifty men with its teeth, and thirty with each of its hooves. But the hero light was fading from the Champion of Ulster and his face became as pale as snow. Finally, a crow, the death bird of the Morrigan, came and perched upon his shoulder.

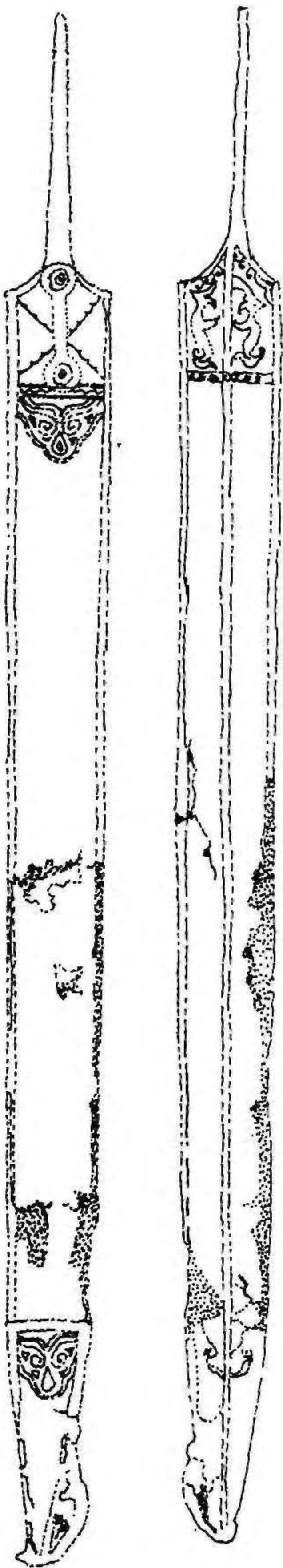
A fine Celtic clasp showing a rider and two warriors fighting. It typifies both the attention to detail and the story telling elements frequently found in early Celtic culture and art across Europe.

Certain now that the Champion was dead, his enemies cut off his head.

With the death of Cuchulainn the power and prosperity of Emain Macha failed, as did the warriors of the Red Branch of Ulster.

Extracts from the Saga

Decorated swords of the late Iron Age, from the La Tene Celtic culture of around the fourth century B.C.

Having described the main adventures of Cuchulainn, and examined the primal heroic culture in which the warriors of Ulster lived, we can consider some examples from the early poems that preserve their legendary history.

The extracts which follow are taken from *The Cuchullin Saga* edited by Eleanor Hull in 1898, published by David Nutt of London. Spellings of Celtic language names were not standardised at this time, and the various translators who contributed used variant spellings, including the hero's name. The translations quoted have been selected to follow the main theme of our earlier chapters, and to demonstrate the rich colourful language and imagery of the sagas.

Firstly, we have a description of *The Hero*, which is both dramatic, powerful, and fantastic. Clearly, we are not being told of a human figure, but of a divine hero. Cuchulainn was the son of Lugh, the Sun God, and many of the features of our extract seem to indicate a magical image or god-form. The varying colours of his hair, multi-faceted eyes, and other attributes that seem bizarre to the modern reader are all associated with themes such as The Four Elements, the Seven Planets, and the mysterious powers of the Sun God. By way of contrast, we have a description of Ferdiad, Cuchulainn's heroic adversary; his appearance is more human, but clearly his arms and armour are of a magical and marvellous nature.

Our second example is a description of the famous *Battle Fury* of Cuchulainn. Once again, the imagery is full of magical potency, and terrible transformations. The historical Celts were noted by Greek and Roman historians for charging naked into battle, driven by a mystical frenzy that seemed to make them invincible; such behaviour persisted well into later centuries. Clansmen as late as the medieval period shunned armour, carried only small shields and the long Celtic sword, and even at that late period were still prone to charging naked into combat! The spirit of the Champion of Ulster was shared by many lesser heroes. In this quotation we also have a description of the armoured, spiked, and scythed chariot sometimes used by Cuchulainn.

The third extract is of a very different nature, being *Cuchulainn's Instructions to a Prince*. It is easy to forget, amidst the heroics and wonders, that the early Celts had a complex sophisticated culture. There were many rules of conduct rooted in an oral tradition of honour, religion, and tribal unity. The set of instructions reflect some of the concepts that underpinned Celtic culture for many centuries.

In *Cuchulainn and the Morrigan* we return to the supernatural theme that

While still a beardless boy, Cuchulainn slew three great champions and cut off their heads. Primal Celtic culture regarded the head as a sacred object of power, and head hunting was part of the ritual of war.

underpins his adventures. It is partly through his relationship to this primal Celtic goddess of death, procreation, and life, that Cuchulainn is so successful, for she is also goddess of war. Only after she withdraws her support can the Champion of Ulster be defeated.

Our last translation is *The Death of Cuchulainn* in which the desperate and in many ways ritualised end of the hero is described in detail.

The Hero

A handsome lad truly was he that stood there; Cuchulainn son of Sualtam. Three colours of hair had he; next to the skin of his head the hair was brown; in the middle it was crimson; on the outside it was like a diadem of gold; comparable to yellow gold was each glittering long curling splendid beautiful thread of hair, falling freely down between his two shoulders.

About his neck were a hundred tiny links of red gold flashing, with pendants hung from them. His headgear was adorned with a hundred differ-

The modern, romantic statue of Cuchulainn which stands in Dublin Post Office, Eire.

The Morrigan - the terrifying Irish goddess of war, death, and procreation - confronts Cuchulainn. During his combats with the warriors of Queen Medb, Cuchulainn was first aided by the Morrigan; then through his own ignorance of her divinity, he caused her to turn against him.

ent jewels. On either cheek he had four moles, a yellow, a green, a blue and a red. In either eye he had seven pupils, sparkling like seven gems. Each of his feet had seven toes, each of his hands seven fingers; his hands and feet were endowed with the clutching power of hawk's talons and hedgehog's claws.

He wore his gorgeous raiment for great gatherings; a fair crimson tunic of five plies all fringed, with a long pin of white silver gold encased and patterned, shining like a luminous torch with a brilliance that men could not endure to look upon. Next to his skin was a body vestment of silk, bordered and fringed all around with gold, silver and white bronze braided together. His silken vestment came to the upper edge of his russet coloured kilt.

The champion carried a trusty special shield coloured dark crimson with a pure white silver rim all around its circumference; at his left side hung a long golden hiked sword. Beside him in his chariot was a lengthy spear, together with a keen aggressive javelin fitted with a hurling thong and rivets of white bronze. In one hand he carried nine heads, and nine more in the other; he held these heads as emblems of his valour and skill in arms, and at the sight of him the opposing army shook with terror.'

'And Ferdiad put on his battle suit of armour before the coming of Cuchulainn. It was a kilt of striped silk with a border of spangled gold next to his white skin. Outside, well sown over it was an apron of brown leather over the lower part of his body. Over that again he placed a stone as big as a millstone to defend his body below. And above all he put on his firm, deep apron of purified iron over the great stone, through dread of the *gae bulga* on that day.

Upon his head he wore his crested helmet of battle on which were four gems flashing in each quarter; it was studded all over with crystals and precious stones and *cruan* and with the brilliant rubies of the eastern world. In his right hand he took his destructive sharp pointed strong spear, and on his left side hung his curved sword of battle with a golden hilt and red pommel of gold. He slung upon his back his huge large bossed beautiful shield on which were fifty bosses each of which would bear the weight of a full grown hog, and with a great central boss of red gold.'

Cuchulainn in Battle Fury

'Then it was that he suffered his *riastradh* or paroxysm, whereby he became a fearsome and multiform and wondrous and hitherto unknown being. All over him, from his crown to the ground, his flesh and every limb and joint and point and articulation of him quivered as does a tree, yea a bulrush, in mid-current.

Within in his skin he put forth an unnatural effort of his body: his feet, his shins, and his knees shifted themselves and were behind him; his heels and calves and hams were displaced to the front of his leg-bones, in condition such that their knotted muscles stood up in lumps large as the clenched fist of a fighting man. The frontal sinews of his head were dragged to the back of his neck, where they showed in lumps bigger than the head of a man-child aged

one month. Then his face underwent an extraordinary transformation: one eye became engulfed in his head so far that 'tis a question whether a wild heron could have got at it where it lay against his occiput, to drag it out upon the surface of his cheek; the other eye on the contrary protruded suddenly, and of itself so rested upon the cheek. His mouth was twisted awry till it met his ears. His lion's gnashings caused flakes of fire, each one larger than fleece of three-year-old wether, to stream from his throat into his mouth and so outwards. The sounding blows of the heart that panted within him were as the howl of a ban-dog doing his office, or of a lion in the act of charging bears.

Three-headed deity, a recurrent theme, on a Celtic vase from Bavay, France. Cuchulainn himself is described as transforming his face during fits of frenzy, linking human and divine powers.

Among the clouds over his head were visible the virulent pouring showers and sparks of ruddy fire which the seething of his savage wrath caused to mount up above him. His hair became tangled about his head, as it had been branches of a red thorn-bush stuffed into a strongly fenced gap to block it; over the which though a prime apple-tree had been shaken, yet may we surmise that never an apple of them would have reached the ground, but rather that all would have been held impaled each on an individual hair as it bristled on him for fury.

His hero's paroxysm projected itself out of his forehead, and showed longer than the whet-stone of a first-rate man-at-arms. Taller, thicker, more rigid, longer than mast of a great ship was the perpendicular jet of dusky blood which out of his scalp's very central point shot upwards and then was scattered to the four cardinal points; whereby was formed a magic mist of gloom resembling the smoky pall that drapes a regal dwelling, what time a king at night-fall of a winter's day draws near to it.'

The Battle Chariot

'This distortion being now past which had been operated in Cuchulainn, he leaped into the scythed chariot that was equipped with iron points, with thin edges, with hooks, with hard spit-spikes, with machinery for opening it, with sharp nails that studded over its axles and straps and curved parts and

Gold bracelet (La Tene style) typical of the type of adornments worn by Cuchulainn. This is from the Celtic region of Bad Durkheim, Germany. Celtic jewellery spread across Europe with movement of tribes and through trade.

tackle. Then he delivered a thunder-feat of a hundred, one of two hundred, one of three hundred, one of four hundred, and stood at a thunder-feat of five hundred; and he went so far, because he felt it to be obligatory on him that in this his first set-to and grappling with the four provinces of Erin, even such a number must fall by his hand. In which guise then he goes forward to assault his enemies, lending the chariot such impulse that its iron shod wheels sank in the earth and made ruts which well might have served as earth-works of defence; for both stones and rocks, both flags and the earth's bottom-gravel on either hand were heaped up outside the wheels and to an equal height with them.

The reason which moved him this day to make such hostile demonstration round about the men of Erin for he careered round them in a circle was that he designed thus to ensure that they should not escape him, neither should dissolve away from him, before he should have avenged the boy-corps on them. Then he charged them, and all round the host on their outer side he drew a fence built up of his enemies' carcasses. An onfall of a foeman on foemen indeed was this attack of his, for they fell sole to sole and trunk to trunk. Thrice in this wise he made the circuit of them, thereby leaving them laid in slaughter: the soles of three against the headless bodies of three more.'

Instructions from Cuchulainn to a Prince

The detailed instructions which follow - in their originally translated style - are a curious mixture of pagan Celtic ritual and belief, and of a code of conduct which is most familiar to the modern reader as that of King Arthur and the Knights of the Round Table. It is likely that the material was drawn from an enduring oral tradition, preserved by bards or poets, but elaborated and refined through repeated transcription and commentary by monastic chroniclers who finally set the Cuchulainn tales into written form:

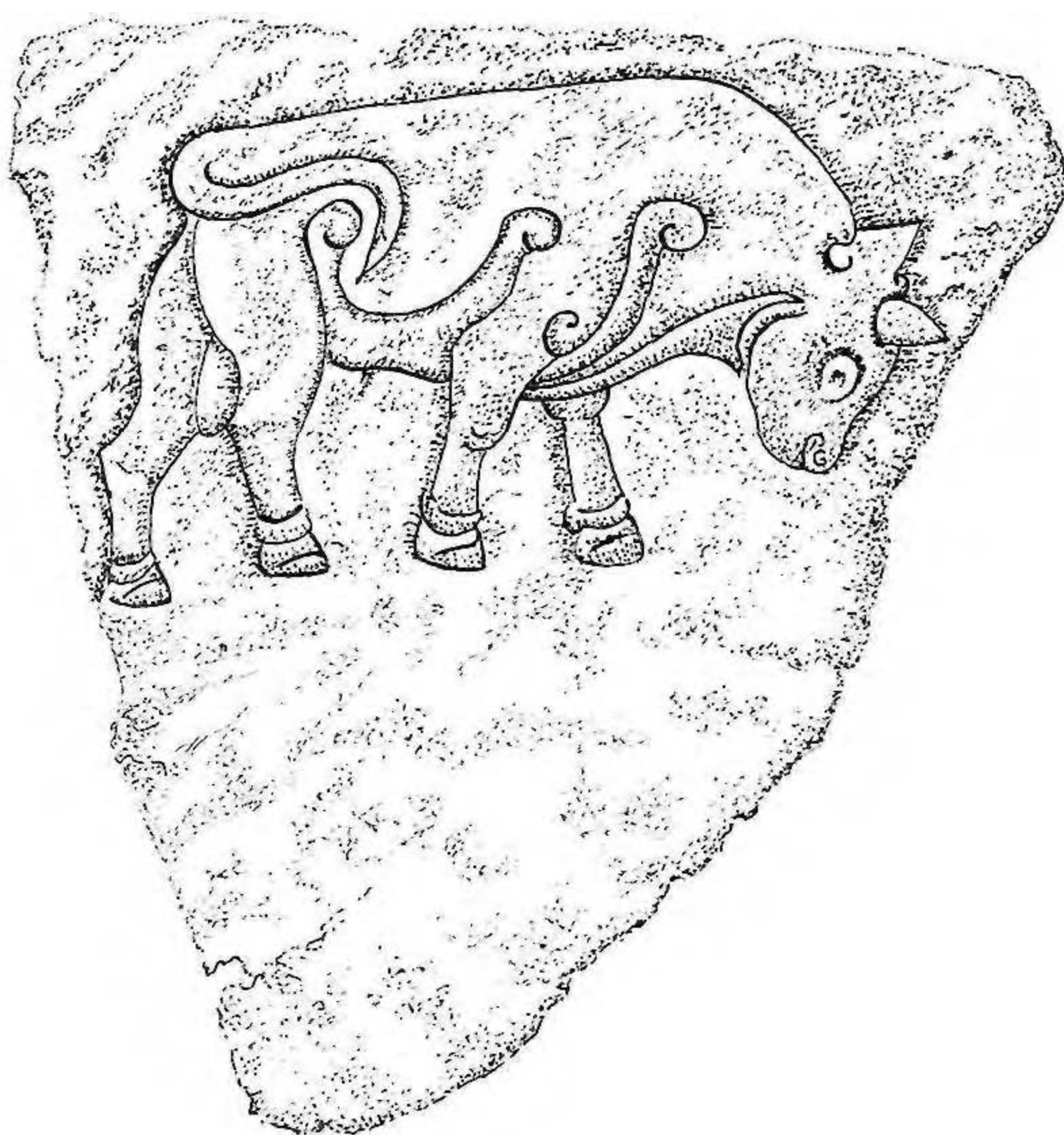
'A meeting of the four great provinces of Erin was held at this time, to seek out a person on whom should be bestowed the sovereignty of Erin; because it was deemed an evil that the Hill of Supremacy and Lordship of Erin, Tara namely; should be without the rule of a king; moreover, they deemed it an evil that the tribes should be without a king's government to judge their houses. For a period of seven years the men of Erin had been without the government of a king over them; that is, from the death of Conaire at Bruidhen da Derga to the time of this great meeting of the four provinces of Erin in the court of Erc, son of Cairbre at Tara of the Kings.

Now these were the princes that were gathered to that meeting: Meave and Ailell, Curoi, Tighernach son of Luchta, and Finn Mac Rossa. These would not admit the Ultonians to their council in the election of a king, because they were of one accord opposed to Ulster.

A bull-feast was prepared by them, that by its means they might discover on whom the sovereignty should be bestowed.

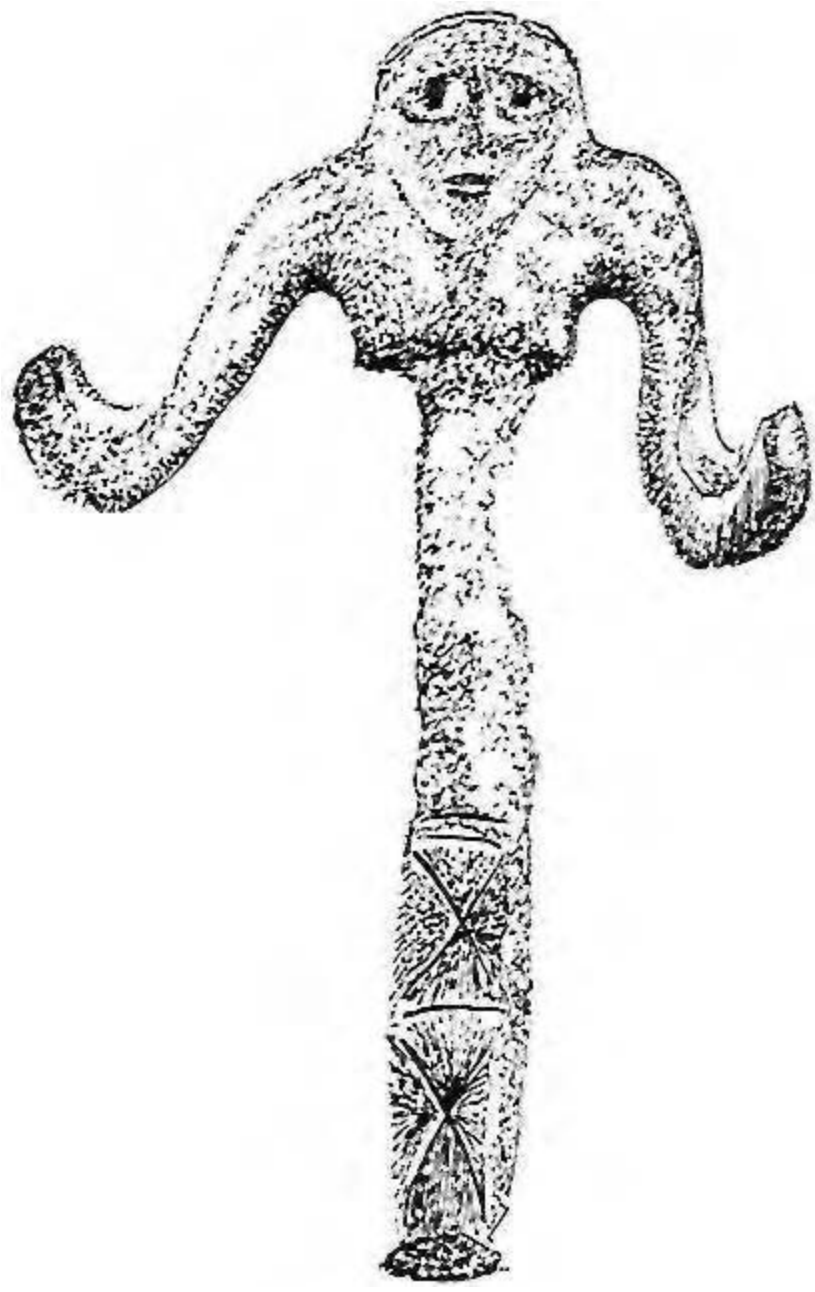
This was the manner in which the bull-feast was prepared. A white bull was killed, and one man ate his sufficiency of the flesh and of the broth; and he slept after having partaken of that meal, and a charm of truth was pronounced upon him by four druids. Then in a dream was shown to him the form of the man who should be made king, and his appearance and manner, with the sort of work that he was engaged in. Out of his sleep the man uttered a cry and he described to the kings the thing he saw, namely, a young man strong and noble, with two red streaks around him, and he sitting over the pillow of a man in a decline in Emain Macha.

Then was a message sent with this description to Emain Macha. Now the men of Ulster were at that time gathered round Conachar in Emania, where Cuchulainn lay upon his bed of sickness. The messenger told his story to the king and to the nobles of Ulster also. Then said Conachar, 'There is with us a free and nobly descended youth of that description, namely Lugaid, the son of

Typical Pictish/Celtic style bull, as shown in many carvings and manuscripts, and one of the great magical or sacred animals of the Celts.

Iron and bronze linchpin from a chariot wheel (La Tene style). The chariot was one of the principle weapons used by the early Celts, and features prominently in the Cuchulainn sagas.

the Three Fair Twins: the pupil of Cuchulainn; over whose pillow he sits alone within, solacing his tutor, that is Cuchulainn, who is in his bed of decline.

Suddenly Cuchulainn arose and began to instruct his pupil. These are his words:

"Stir not up sharp and ignoble contests. Be not flighty, inaccessible, haughty. Be not intractable, proud, precipitate, passionate. Be not bent down by the intoxication of much wealth.

Be not like a flea who fouls the ale in the house of a provincial king. Make not long sojourn on the frontiers of strangers. Do not visit obscure persons and those without power. Let not prescription close on illegal possession. Let witnesses be examined as to who is rightful heir of the land. Let the historians combine to act uprightly before you. Let the lands of the brethren, and their increase, be ascertained in their lifetime. Let the genealogical trees be added to as children are born. Let the living be called to their possessions; on the security of their oaths let the habitations of their ancestors be revived. Let the heir be established in his lawful patrimony. Let strangers be driven out by force of arms.

Speak not haughtily. Discourse not noisily. Mock not, insult not, deride not the old. Think not ill of any. Make no demands that cannot be met. [Grant nothing, refuse nothing, lend nothing without good cause.] Receive submissively the instructions of the wise. Be mindful of the admonitions of the old. Follow the decrees of your fathers.

Be not cold-hearted to friends, but against your foes be vigorous. Avoid dishonourable disputes in your many contests. Be not a tattler and abuser. Waste not, hoard not, alienate not. Submit to reproof for unbecoming deeds. Do not sacrifice justice to the passions of men. Lay not hands on the possessions of others, lest you repent it. Compete not, that you may not excite jealousy; be not lazy, lest you become weakened; be not importunate, lest you become contemptible. Do you consent to follow these counsels my son?"

Then Lugaid answered Cuchulainn in these words: "These precepts are worthy to be observed without exception. All men shall see that none of them shall be neglected. They shall be executed if it be possible."

Lugaid then returned to Tara with the messengers. He was proclaimed King. That night he slept at Tara, after which all of the assembly returned to their own homes.'

(trans: *Book of the Dun Cow*)

Cuchulainn and the Morrigan

When Cuchulainn lay in sleep in Dun Imrid, he heard a cry sounding out of the north, a cry terrible and fearful to his ears. Out of a deep slumber he was aroused by it so suddenly, that he fell out of his bed upon the ground like a sack, in the east wing of the house.

He rushed forth without weapons, until he gained the open air, his wife following him with his armour and his garments. He perceived Laegh in his

harnessed chariot coming towards him from Ferta Laig in the North. 'What brings thee here?' said Cuchulainn. 'A cry that I heard sounding across the plain,' said Laegh. 'From which direction?' said Cuchulainn. 'From the north-west,' said Laegh, 'across the great highway leading to Caill Cuan.' 'Let us follow the sound,' said Cuchulainn.

They go forward as far as Ath da Ferta. When they arrived there, they heard the rattle of a chariot from the loamy district of Culgaire. They saw before them a chariot harnessed with a chestnut horse. The horse had (but) one leg, and the pole of the chariot passed through its body, so that the peg in front met the halter passing across its forehead. Within the chariot sat a woman, her eye-brows red, and a crimson mantle round her. Her mantle fell behind her between the wheels of the chariot so that it swept along the ground. A big man went along beside the chariot. He also wore a coat of crimson, and on his back he carried a forked staff of hazelwood, while he drove a cow before him.

'The cow is not pleased to be driven on by you,' said Cuchulainn. 'She does not belong to you,' said the woman; 'the cow is not owned by any of your friends or associates.' 'The cows of Ulster belong to me,' said Cuchulainn. 'You would give a decision about the cow!' said the woman; 'you are taking too much upon yourself, O Cuchulainn!'

'Why is it the woman who accosts me?' said Cuchulainn. 'Why is it not the man?' 'It is not the man to whom you addressed yourself,' said the woman. 'Oh yes,' said Cuchulainn, 'but it is you who answer for him.' 'He is Uar-gaeth-sceo Luachair-sceo.' 'Well, to be sure, the length of the name is astonishing!' said Cuchulainn. 'Talk to me then yourself, for the man does not answer. What is your own name?' 'The woman to whom you speak,' said the man, 'is called Faebor beg-beoil cuimdiuir folt scenb-gairit sceo uath.'

'You are making a fool of me!' said Cuchulainn. And he made a leap into the chariot. He put his two feet on her two shoulders, and his spear on the parting of her hair.

'Do not play your sharp weapons on me!' she said. 'Then tell your true name,' said Cuchulainn. 'Go further off from me then,' said she. 'I am a female satirist, and he is Daire mac Fiachna of Cuailgne; I carry off this cow as a reward for a poem.' 'Let us hear your poem,' said Cuchulainn. 'Only move further off,' said the woman. 'Your shaking over my head will not influence me.' Then he moved off until he was between the two wheels of the chariot. Then she sang to him. . . .

Cuchulainn prepared to spring again into the chariot; but horse, woman, chariot, man, and cow, all had disappeared.

Then he perceived that she had been transformed into a black bird on a branch close by him. 'A dangerous enchanted woman you are!' said Cuchulainn. 'Henceforth this Grellach shall bear the name of the 'enchanted place" (*dolluid*),' said the woman; and Grellach Dolluid was it called.

'If I had only known that it was you,' said Cuchulainn, 'we should not

The Sheela-na-gig a primal goddess of sexuality, found in various carvings in Britain and Ireland. The savage Morrigan may be related to this type of image.

have parted thus.' 'Whatever you have done,' said she, 'will bring you ill-luck.' 'You cannot harm me,' said he. 'Certainly I can,' said the woman. 'I am guarding your death-bed, and I shall be guarding it henceforth. I brought this cow out of the *Sidh* of Cruachan so that she might breed by the bull of Daire mac Fiachna, namely the Donn of Cuailgne. So long as her calf shall be a yearling, so long shall thy life be; and it is this that shall cause the Tain Bo Cuailgne.'

'My name shall be all the more renowned in consequence of this Tain,' said the hero:

I shall strike down their warriors
I shall fight their battles
I shall survive the Tain!

'How wilt thou manage that?' said the woman; 'for, when thou art engaged in a combat with a man as strong, as victorious, as dexterous, as terrible, as untiring, as noble, as brave, as great as thyself, I will become an eel, and I will throw a noose round thy feet in the ford, so that heavy odds will be against thee.'

'I swear by the God by whom the Ultonians swear,' said Cuchulainn, 'that I will bruise thee against a green stone of the ford; and thou never shalt have any remedy from me if thou leavest me not.' 'I shall also become a grey wolf for thee, and I will take from thy right hand, as far as to thy left arm.'

'I will encounter thee with my spear,' said he, 'until thy left or right eye is forced out; and thou shalt never have help from me, if thou leavest me not.'

'I will become a white red-eared cow,' said she, 'and I will go into the pond beside the ford, in which thou art in deadly combat with a man, as skilful in feats as thyself, and an hundred white red-eared cows behind me; and I and all behind me will rush into the ford, and the 'Faithfulness of men' will be brought to a test that day, and thy head shall be cut off from thee.'

'I will with my sling make a cast against thee,' said he, 'so that thy right or thy left leg will be broken, and thou shalt never have help from me, if thou dost not leave me.'

Thereupon the Morrigu departed into the *Sidh* of Cruachan in Connacht, and Cuchulainn returned to his dwelling.

Cuchulainn's Death (from the *Book of Leinster*)

When Cuchulainn's foes came for the last time against him, the land was filled with smoke and flame; weapons fell from their racks, and the day of his death drew nigh.

The evil tidings were brought to him, and the maiden Levarcham bade him arise, though he was forewarned with fighting in defence of the plain of Muirthemne. Niamh, wife of Conall the Victorious, also urged him, so that he sprang to his arms, and flung his mantle about him; but the brooch fell and pierced his foot, forewarning him.

Then he took his shield, and ordered his charioteer, Laegh, to harness his horse, the Gray of Macha. But Laegh said: 'I swear by the God by whom my

people swear, that though all the men of Conchobar's fifth were round the Gray of Macha, they could not bring him to the chariot. I never gainsaid thee until to-day. Come, then, if thou wilt, and speak with the Gray himself.'

Cuchulainn went to him. And thrice did the horse turn his left side to his master. On the night before, the Morrighu had unyoked the chariot, for she liked not Cuchulainn going to the battle, for she knew that he would not come again to Emain Macha.

Then Cuchulainn reproached his steed, saying that he was not wont to deal thus with his master. Thereat the Gray of Macha came, and let his big round tears of blood fall on Cuchulainn's feet. And Cuchulainn leaped into the chariot, and started southwards along the road of Mid-Luachair.

And Levarcham met him, and besought him not to leave them; and the thrice fifty queens who were in Emain Macha, and who loved him, cried to him with a great cry. But he turned his chariot to the right, and they gave a scream of wailing and lamentation, and smote their hands, for they knew that he could not come to them again.

The house of his nurse that had fostered him was on this road. He used to go to it whenever he went driving past from the north or south, and she kept for him always a vessel, with drink therein. He drank a drink and fared forth, bidding his nurse farewell. Then he saw somewhat, the Three Crones blind of the left eye, before him on the road.

They had cooked a hound with poisons and spells on spits of the rowan-tree. Now, one of the things that Cuchulainn was bound not to do, was to go to a cooking-hearth and consume the food. Another of the things that he must not do, was to eat his namesake's flesh. He speeds on, and was about to pass them, for he knew that they were not there for his good.

The triple goddess on a Roman-Celtic carving from Cirencester, England. This persistent theme emphasises multiple head and eyes as Celtic symbols of divine power.

Then said the Crone to him, 'Stay with us a while, O Cuchulainn.'

'I will not stay with you, in sooth,' said Cuchulainn.

'That is because the food is only a hound,' quoth she. 'Were this a great cooking-hearth thou wouldst have visited us. But, because what is here is little, thou comest not. Unseemly is it for the great to despise the small.'

Then he drew nigh to her, and the Crone gave him the shoulder-blade of the hound out of her left hand. Then Cuchulainn ate it out of his (left) hand, and put it under his left thigh. The hand that took it, and the thigh under which he put it, were stricken from trunk to end, so that their former strength abode not in them.

Then he drove along the road of Mid-Luachair around Sliab Fuad; and his enemy, Erc son of Cairpre, saw him in his chariot, with his sword shining redly in his hand and the light of valour hovering over him, and his three-hued hair like strings of golden thread over an anvil's edge beneath some cunning craftsman's hand.

'That man is coming towards us, O men of Erin!' said Erc. 'Await him.' So they made a fence of their linked shields, and at each corner Erc made them place two of their bravest, feigning to fight each other, and a satirist with each of these pairs; and he told the satirists to ask Cuchulainn for his spear, for the sons of Calatin had prophesied of his spear that a king should be slain thereby unless it were given when demanded.

And he made the men of Erin utter a great cry, and Cuchulainn rushed against him in his chariot, performing his three thunder-feats; and he plied his spear and sword so that the halves of their heads and skulls and hands and feet, and their red bones were scattered broadcast throughout the plain of Muirthemne, in number like unto the sand of the sea, and the stars of heaven; like dewdrops in May, and flakes of snow and hailstones; like leaves of the forests and buttercups on Magh Breagh and grass under the feet of the herds on a summer's day. And grey was that field with their brains after the onslaught and plying of weapons which Cuchulainn dealt out to them.

Then he saw one of the pairs of warriors contending together, and the satirist called on him to intervene, and Cuchulainn leaped at them, and with two blows of his fist dashed out their brains.

'Thy spear to me!' says the satirist.

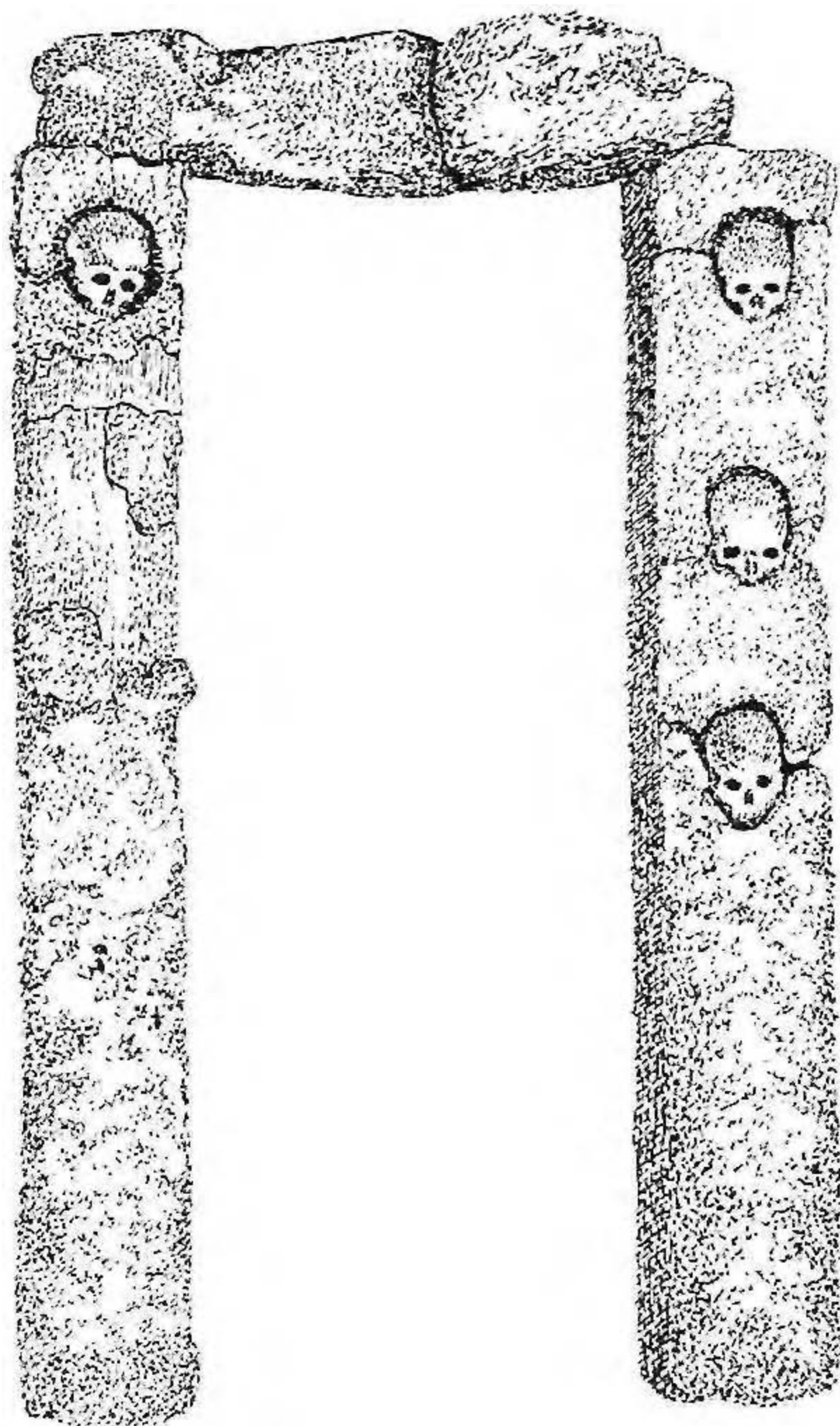
'I swear by the oath of my people,' said Cuchulainn, 'thou dost not need it more than I myself do. The men of Erin are upon me here, and I too am upon them.'

'I will revile thee if thou givest it not,' says the satirist.

'I have never yet been reviled because of my niggardliness or my churlishness,' said Cuchulainn, and with that he flung the spear at him with its handle foremost; and it passed through his head and killed nine on the other side of him. And Cuchulainn drove through the host, but Lugaid son of Curoi got the spear.

'What will fall by this spear, O sons of Calatin?' said Lugaid.

'A king will fall by that spear,' say they.

Niches for sacred heads were a feature of Celtic sites, as in this reconstruction of the religious sanctuary at Roquepertuse, Bouches du Rhone, France.

Then Lugaid flung the spear at Cuchulainn's chariot and it reached the charioteer, Laegh son of Rianganbar, and all his bowels came forth on the cushion of the chariot.

'Then,' said Laegh, 'bitterly have I been wounded, etc'

Thereupon Cuchulainn drew out the spear and Laegh bade him farewell. Then said Cuchulainn, 'Today I shall be champion and I shall also be charioteer.'

Then he saw the second pair contending, and one of them said it was a shame for him not to intervene. And Cuchulainn sprang upon them and dashed them into pieces against a rock.

'That spear to me, O Cuchulainn!' said the satirist.

'I swear by the oath of my people, thou dost not need the spear more than I do. On my head and my valour and my weapons it rests to-day to sweep the four provinces of Erin from the plain of Muirthemne.'

'I will revile thee,' says the satirist.

'I am not bound to grant more than one request in one day; and moreover, I have already saved my honour by payment.'

'Then I will revile Ulster for thy default,' says the satirist.

'Never yet hath Ulster been reviled on account of any refusal or churlishness of mine. Though little of my life remains to me, Ulster shall not be reviled this day.'

Then Cuchulainn cast the spear at him by the handle, and it went through his head and killed nine behind him, and Cuchulainn passed through the host even as we said before. But Erc son of Cairpre took the spear.

'What shall fall by this spear, O sons of Calatin?' says Erc, son of Cairpre.

'A king falls by that spear,' say the sons of Calatin.

'I heard you say that a king would fall by the spear which Lugaid long since cast,' he replied.

'And that is true,' say the sons of Calatin, 'thereby fell the King of the Charioteers of Erin, namely Cuchulainn's charioteer, Laegh mac Rianganabra.'

Thereupon Erc cast the spear at him and it lighted on the Gray of Macha. Cuchulainn snatched out the spear, and each of them bade the other farewell. Thereat the Gray of Macha left him with half the yoke hanging from his neck, and went into Gray's Linn in Sliab Fuad. Then Cuchulainn drove through the host, and saw the third pair contending, and he intervened as he had done before. The satirist demanded his spear, and Cuchulainn at first refused it.

'I will revile thee,' quoth the satirist.

'I have paid for mine honour to-day. I am not bound to grant more than one request in one day.'

'Then I will revile Ulster for thy default.'

'I have paid for the honour of Ulster,' said Cuchulainn.

'I will then revile thy race,' said the satirist.

'Tidings that I have been defamed shall not go back to the land to which I myself shall never return; for little of my life remains to me,' said the hero. So Cuchulainn flung the spear to him, handle foremost, and it went through his head and through thrice nine other men.

' 'Tis grace with wrath, O Cuchulainn,' says the satirist.

Then Cuchulainn for the last time drove through the host, and Lugaid took the spear and said, 'What shall fall by this spear, O sons of Calatin?'

'A king will fall thereby,' say the sons of Calatin.

'I heard you say that a king would fall by the spear that Erc cast this morning.'

'That is true,' say they; 'the King of the Steeds of Erin fell by it, namely the Gray of Macha.'

Then Lugaid flung the spear and struck Cuchulainn, and his bowels came forth on the cushion of the chariot, and his only horse, the Black Sainglend, fled away, with half the yoke hanging to him, and left the chariot and his master, the King of the Heroes of Erin, dying alone upon the plain.

Then said Cuchulainn, 'I would fain go as far as that loch to drink a drink thereout.'

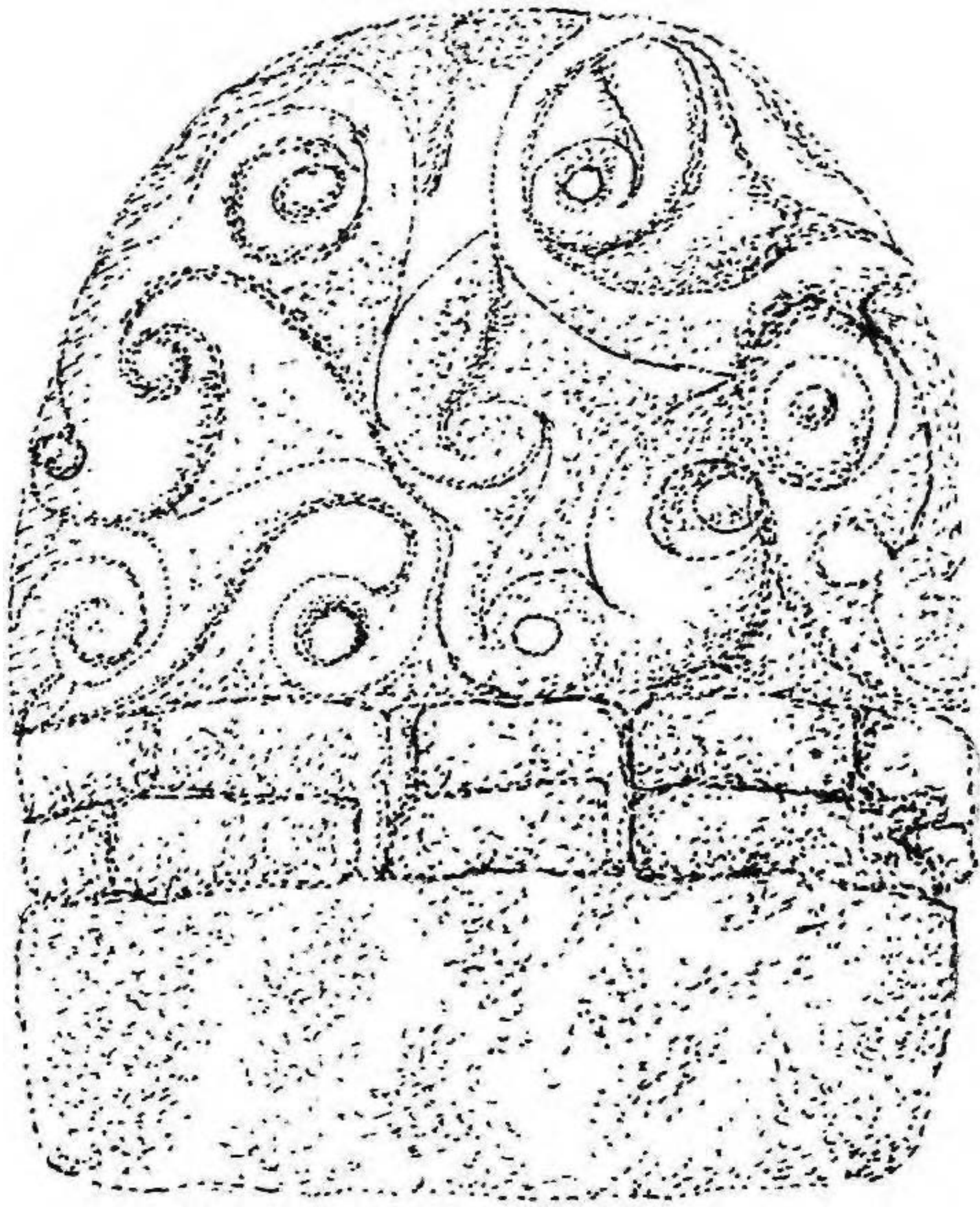
'We give thee leave,' said they; 'provided that thou come to us again.'

'I will bid you come for me,' said Cuchulainn, 'unless I shall return to you myself.'

Then he gathered his bowels into his breast, and went on to the loch. And he drank his drink, and washed himself, and came forth to die, calling on his foes to come and meet him.

Now a great mearing went westwards from the loch, and his eye lit upon it, and he went to the pillar-stone that is in the plain, and he put his

breast-girdle round it that he might not die seated nor lying down, but that he might die standing up. Then came the men around him, but they durst not go to him, for they thought he was alive.

'It is a shame for you,' said Erc, son of Cairpre, 'not to take that man's head in revenge for my father's head that was taken by him.'

Then came to Cuchulainn the Gray of Macha to protect him, so long as his soul was in him, and the 'hero's light' out of his forehead shone above him. And the Gray of Macha wrought the three red onsets around him. And fifty fell by his teeth and thirty by each of his hoofs. Hence is the saying: 'Not keener were the victorious courses of the Gray of Macha after Cuchulainn's slaughter.'

Then came the birds and settled on his shoulder.

'There were not wont to be birds about that pillar,' said Erc, son of Cairpre. Then Lugaid arranged Cuchulainn's hair over his shoulder, and cut off his head. And the sword fell from Cuchulainn's hand, and it smote off Lugaid's right hand, so that it fell to the ground. And they struck off Cuchulainn's right hand in revenge for this. Then Lugaid and the hosts marched away, carrying with them Cuchulainn's head and his right hand, and they came to Tara, and there is the grave of his head and his right hand, and the full of the cover of the shield of mould.

From Tara they marched southward to the river Liffey. But meanwhile the hosts of Ulster were hurrying to attack their foes, and Conall the Victorious, driving forward in front of them, met the Gray of Macha streaming with blood. Then Conall knew that Cuchulainn had been slain. Together he and the Gray of Macha sought Cuchulainn's body. They saw the corpse of Cuchulainn at the pillar-stone. Then went the Gray of Macha and laid his head on Cuchulainn's breast. And Conall said, 'A heavy care is that corpse to the Gray of Macha.'

The Turoe Stone, a late Iron Age cult stone from Ireland.

Celtic helmet, from fourth century Italy. Made of iron with bronze and coral decorations, it is typical of the highly decorated arms and armour described as being important in the Cuchulainn poems.

Then Conall followed the hosts, meditating vengeance, for he was bound to avenge Cuchulainn. For there was a comrade's covenant between Cuchulainn and Conall the Victorious, namely, that whichever of them was first killed should be avenged by the other.

'And if I be the first killed,' said Cuchulainn, 'how soon wilt thou avenge me?'

'On thy death-day,' said Conall, 'before its evening I will avenge thee. And if I be the first slain,' says Conall, 'how soon wilt thou avenge me?'

'Their blood will not be cold upon the earth,' says Cuchulainn, 'before I shall avenge thee.'

So Conall pursued Lugaid to the Liffey.

There was Lugaid bathing. 'Keep a look-out over the plain,' he said to his charioteer, 'that no one come upon us without being seen.'

The charioteer looked past him.

'A single horseman is coming to us,' said he, 'and great are the speed and swiftness with which he comes.'

Thou wouldst deem that all the ravens of Erin were above him. Thou wouldst deem that flakes of snow were specking the plain before him.'

'Unbeloved is the horseman that comes there,' says Lugaid. 'It is Conall the Victorious mounted on Dewy-Red. The birds thou sawest above him are the sods from the horse's hoofs. The snow-flakes thou sawest specking the plain before him are the foam from the horse's lips and from the bits of the bridle. Look again,' says Lugaid, 'by what road is he coming?'

'He is coming to the ford, the path that the hosts have taken,' answered the charioteer.

'Let that horse pass us,' said Lugaid; 'we desire not to fight against him.'

But when Conall reached the middle of the ford he spied Lugaid and his charioteer and went to them.

'Welcome is a debtor's face!' said Conall. 'He to whom thou owest debts demands them of thee. I am thy creditor,' continues Conall, 'for the slaying of my comrade Cuchulainn, and here I stand suing thee for it.'

Then it was agreed to fight on the plain of Argetros, and there Conall

wounded Lugaid with his javelin. Thence they went to a place called Ferta Lugdach.

'I wish,' said Lugaid, 'to have men's truth from thee.'

'What is that?' said Conall the Victorious.

'That thou shouldst use only one hand against me, for one hand only have I.'

'Thou shalt have that,' says Conall the Victorious.

So Conall's hand was bound to his side with a cord. There, for the space between two watches of the day, they fought, and neither of them prevailed over the other.

When Conall found that he prevailed not, he saw his steed the Dewy-Red by Lugaid. And the steed came close to Lugaid and tore a piece out of his side.

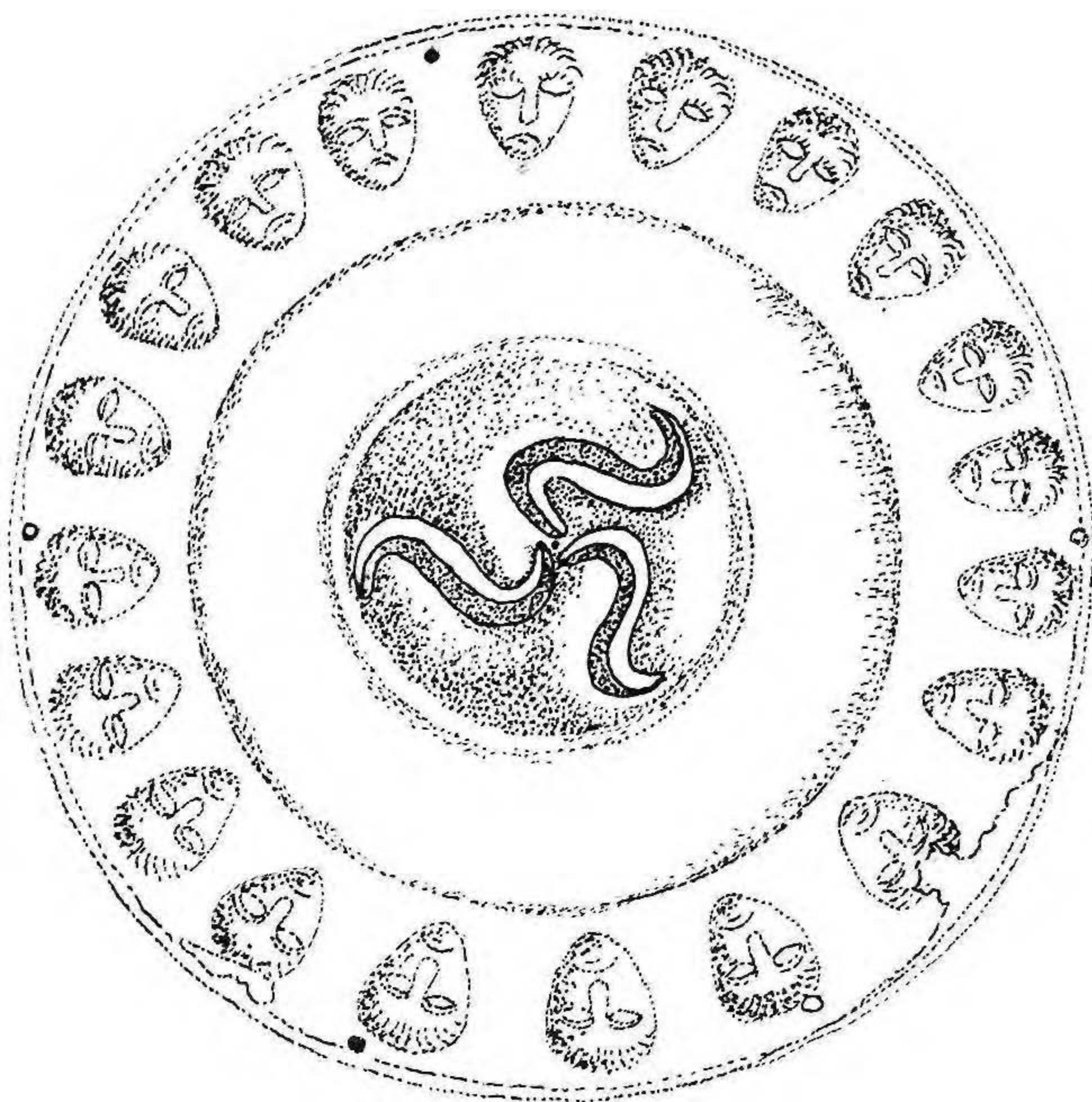
'Woe is me!' said Lugaid, 'that is not men's truth, O Conall.'

'I gave it thee only on my own behalf,' said Conall; 'I gave it not on behalf of savage beasts and senseless things.'

'I know now,' said Lugaid, 'that thou wilt not go till thou takest my head with thee, since we took Cuchulainn's head from him. Take therefore my head in addition to thine own, and add my realm to thy realm, and my valour to thy valour. For I prefer that thou shouldst be the best hero in Erin.'

Then Conall the Victorious cut off Lugaid's head. And Conall and his Ulstermen returned to Emain Macha. That week they made no triumphal entry.

But the soul of Cuchulainn appeared there to the thrice fifty queens who had loved him, and they saw him floating in his spirit-chariot over Emain Macha, and they heard him chant a mystic song of the Coming of Christ and the Day of Doom.

Early Celtic silver horse decoration, showing severed heads and the triskele or triple symbol of divinity.

Emain Macha

Emain Macha, now known as Navan Fort, is situated in Northern Ireland a few miles west of Armagh. It is the ancient royal capital of Ulster and is associated with Celtic culture, both through the Cuchulainn saga and from the evidence of archaeology. Its present condition is that of a large mound inside an immense circular hilltop enclosure. The term 'fort' is an unfortunate hangover from early days of archaeology, for like the royal enclosure of Tara in Meath (once seat of the High Kings of Ireland), Emain Macha is more likely to have been a ritual site rather than a defensive one. The site forms part of a complex in the area, which includes Lough na Shade nearby, where skulls, bones, and a remarkable bronze trumpet were found in the eighteenth century.

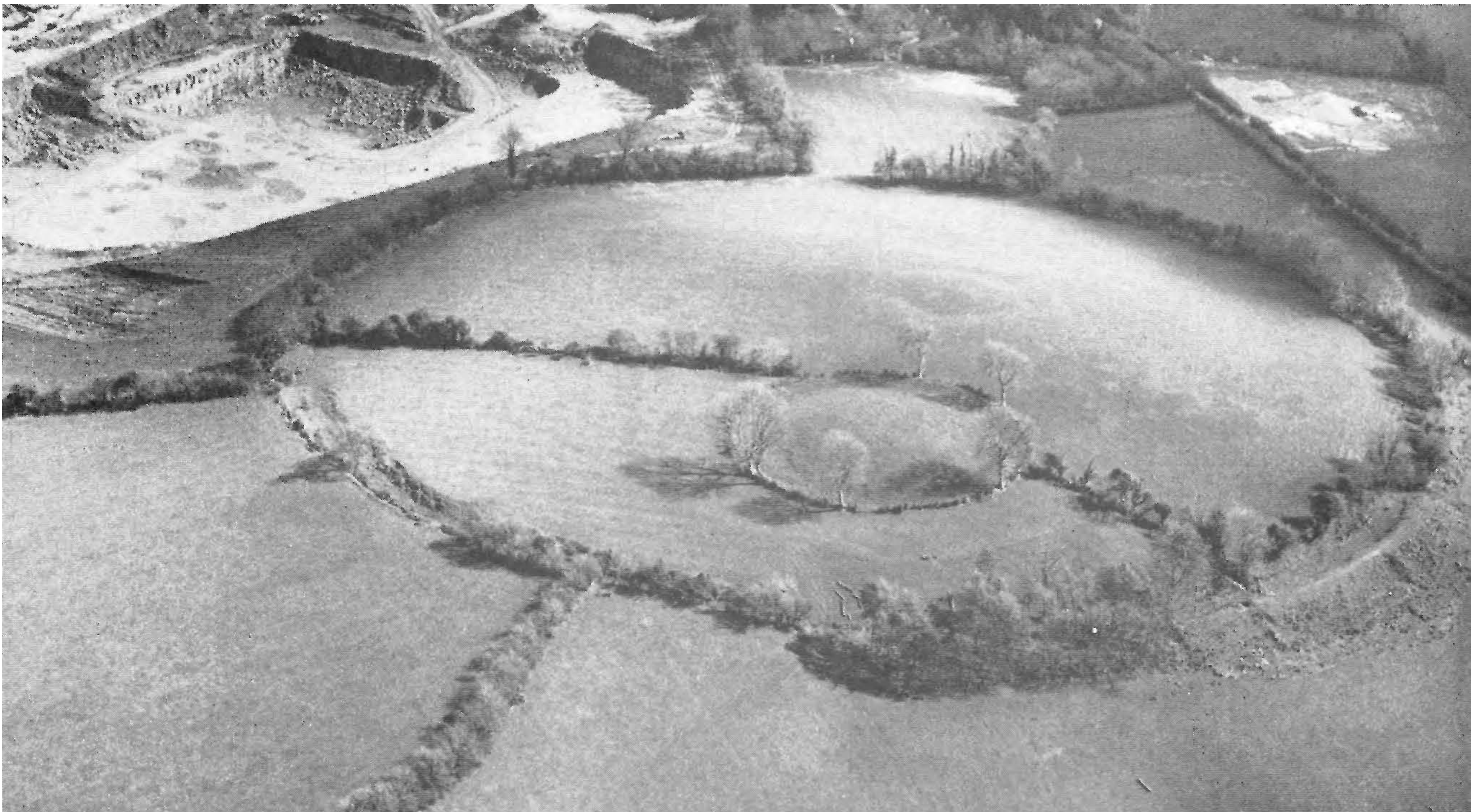
There is evidence of use from the Neolithic period, four to five thousand years ago, and occupation from around 600-100 B.C. It is this last period that is likely to connect to the tales of Cuchulainn, King Conchobar, and the warriors of Ulster, though some of the material preserved in the sagas could equally apply to much earlier Celtic culture. Excavation has shown that around 100 B.C., the site was considerably enlarged; a complex and sophisticated structure approximately 120 feet in diameter

was built, consisting of five concentric circles of about 275 posts, with a large central post approximately 36 feet in height. With its original roof, this structure formed a huge conical building, very similar to those described in the sagas. Clearly, the poems preserved by later Christian monks echoed oral tradition and collective or family memory of this impressive period of development. The vast building is likely to have been a ritual centre for the people of the region.

Within a short period of its building, boulders were piled between the posts and the entire structure set alight. The remains were then covered with earth and turf, eventually creating the grassy mound which can still be seen today. Archaeologists suggest that this burning and mound-building was of religious rather than of military significance; destructive invaders would not be likely to commemorate their victory with such careful cairn building and covering of the remains.

Although some excavation was made as early as 1963, research was not completed until 1971, and has not yet been published. Certain famous artefacts have found their way to museums from earlier discoveries in the region.

*Emain Macha, Navan Fort,
associated with the warriors of
Ulster in Irish tradition.*

Character Names

This is a short list of names occurring in the narrative, with their role or function briefly described.

- Aoife* A warrior woman defeated by Cuchulainn
- Bragh Na Boyne* Prehistoric site; dwelling place of gods
- Calatin* Evil magician serving Queen Medb
- Cathbad* Druid serving King Conchobar
- Conchobar* King of Ulster
- Conlaoch* The son of Cuchulainn
- Cuchulainn* The Champion of Ulster
- Dechtire* Mother of Cuchulainn
- Emain Macha* Navan Fort, seat of King Conchobar
- Emer* Wife of Cuchulainn

- Ferdiad* Hero, brother in arms to Cuchulainn
- Fergus Mac Roich* Foster father of Cuchulainn
- Fiacha* An Ulster exile in Medb's army
- gae bulga* A thirty-barbed spear
- Laeg* Charioteer to Cuchulainn
- Loch* A champion of Queen Medb
- Lugh* The Sun God (father of Cuchulainn)
- Medb* Queen of Connaught
- Morrigan or Morrighu* Goddess of war, death, life, sexuality
- Scathach* Warrior woman who trains Cuchulainn
- Setanta* Original name of Cuchulainn
- Sualtam* Human father of Cuchulainn
- Tain Bo Chuailnge* The Cattle Raid of Cooley, the epic poem

Further Reading

Gantz, J. (trans.) <i>The Mabinogion</i> Penguin, Harmondsworth, 1976	Newark, T. <i>Celtic Warriors</i> Blandford Press, Poole, 1986
Hull, E. <i>The Cuchulainn Saga</i> London, 1898	Rees, A. and B. <i>Celtic Heritage</i> London, 1961
Kinsella, T. (trans.) <i>The Tain</i> London, 1970	Ross, A. <i>Pagan Celtic Britain</i> London, 1974
McCana, P. <i>Celtic Mythology</i> London, 1970	Stewart, B. and Matthews, J. <i>Warriors of Arthur</i> Blandford Press, London, 1987
Meyer, K. and Nutt, A. <i>The Voyage of Bran</i> London, 1898	

BOADICEA

WARRIOR QUEEN OF THE CELTS

In adopting the more traditional, but possibly now unfashionable, spelling of Boadicea for the great Celtic Queen's name, perhaps one should recall the preference of that noted British archaeologist Sir Mortimer Wheeler. He stated clearly that 'Boadicea' sounded like the sort of lady one would dine with, but never with someone called 'Boudicca'!

ROMAN BRITAIN

*With words that courage show'd, and with a voice as hie
(In her right hand her Launce, and in her left her Shield,
As both the Battells stood prepared in the Field)
Incouraging her men: which resolute, as strong,
Upon the Roman's rusht: and shee, the rest among,
Wades in that doubtfull warre . . .*

Drayton: *The Polyolbion*

The British Celts

In 50 A.D. Ostorius Scapula, the Roman governor of the province of Brittannia, declared confidently that with the capture and transportation to Rome of Caractacus, already termed 'the last of the Celts', Celtic opposition to the Roman occupation would soon cease. Ten years later, he was proved drastically wrong when a violent revolt exploded in the territory of the Iceni, one of the largest tribes in Britain. Led by their Queen, Boadicea, they swiftly overwhelmed and massacred the populations of Camulodunum (Colchester) and Verulamium (St Albans), decimated a large part of the IX Legion, and went on to capture and burn London. Before she was finally defeated by the XX and XIV Legions under the command of Suetonius Paulinus, the name of Boadicea had become synonymous with terror and savage attack. She has ever since kept her place in the forefront of a small band of British heroes whose names have become part of a national heritage.

Yet who was this woman, who achieved such remarkable feats of war? What kind of warriors did she lead into battle with such resounding success? The story is a complex one and there are few reliable sources. Yet, a coherent picture does emerge if first we look at the kind of people from which she sprang.

The Celts

Our earliest impressions of the Celts come from classical sources. Posidonius, Strabo and Polybius described the Celts as tall, fair and ruddy-complexioned, loving the arts of war, feasting and drinking, famous hunters and fighters. To the Greeks, and later to the Romans, they seemed savage and barbaric: headhunters who tattooed themselves with strange patterns and went naked into battle. Yet their culture was far from backward. They loved literature and the arts, decorating everything - pots, mirrors, drinking vessels, weapons and horse-harnesses - with intricate and beautiful designs. Their sense of justice was almost as pronounced as their pride, which was considerable, and they were amongst the first people in Europe to develop a sophisticated system of laws to govern daily living.

Their religion, under the guidance of a druidic priesthood, was complex and highly mystical. They were close to the earth and its natural forces to a

The famous Gundestrup cauldron from Denmark shows Celtic warriors with long shields and spears, mounted men, and trumpeters - the latter must have added to the frightening noise produced by the warriors themselves.

degree unusual even for an ancient people. Their pantheon of gods was every bit as developed as those of Rome or Greece.

Diodorus Siculus, writing in the first century B.C. describes them as:

Terrifying in appearance, with deep-sounding very harsh voices. In conversation they use few words and speak in riddles, for the most part hinting at things and leaving a great deal to be understood. They frequently exaggerate with the aim of extolling themselves and diminishing the status of others. They are boasters and threateners and given to bombastic self-dramatization, and yet they are quick of mind and with good natural ability for learning.

While all of this is undoubtedly true as far as it goes, it is also something of a generalization. The classical writers tended to gloss over certain details, lumping *all* Celts together as one nation, irrespective of tribal differences. However, Tacitus did go so far as to distinguish racial types within the various areas of Britain. Thus the Caledonians were described as large and red-haired; the Silures or Welsh as shorter and with black curly hair, and the inhabitants of the South as resembling the Gauls.

This is an important distinction, which one has to keep in mind when discussing the Celts. The term 'Celtic' is itself really a linguistic or archaeological term for a people of very mixed origin. They seem to have come from an area in what is now the Steppelands of Russia, and to have migrated north and west in search of better lands and a warmer climate. Somewhere about 400 B.C., they settled in areas of Europe which today correspond to parts of Italy, Switzerland, Germany and Eastern France. They spoke a language which is the ancestor of contemporary Irish, Welsh, Gaelic and Breton, but they were so loosely confederated that to call them 'a people'

is really something of a misnomer. It would be more accurate to see them as a large number of fiercely independent tribes, who settled wherever they could find land suitable for farming and grazing their herds of cattle.

Though they were called *Keloi* or *Galatai* by the Greeks, and *Celtae* or *Galatae* by the Romans, we do not know for certain what they called themselves. *Cymru* 'the companions', is one possibility, which may also be translated more simply as 'the People'.

Tribal Society

The Celtic tribe, or *Tuath*, consisted of a number of families which according to Welsh and Irish laws extended back four generations. But, while a family was legally defined as man and wife (or wives, the Celts were polygamous) and their children, this could be further extended to include descendants of a common grandparent on the male or the female side.

The basic family unit was known as the *gelfine*, the larger as the *derbfine*, and within these two groups there was a shared responsibility for the apportioning of land and goods.

Wealth was calculated in terms of cattle and slaves. If a nobleman had a large herd of cattle, he hired out beasts to clients in return for a fee, and most important, for service. This meant that if a man owned a large herd, he also had more clients; the more clients he had the larger was the force of men he could put in the field in time of war, or to raid neighbouring tribes for more cattle, thus enabling him to raise more clients, and so on . . .

Caesar makes much of this in his description of the Celtic peoples, stressing a clear dividing-line between nobility and client. In reality, this was probably less distinct than it appeared to be. In a warrior society like that of the Celts, there were many opportunities for people to raise themselves to the status of the nobility, and with so much interrelatedness there was always a family tie of some kind to call upon.

To be a client did not imply curtailment of freedom. Class was defined according to whether or not one was free or unfree. The unfree, or slaves, consisted of men and women taken in raids, or of conquered people from earlier native races. The client- gave service to a nobleman in return for cattle or goods: it was not uncommon for a chieftain to give a gold arm ring or torque to a warrior who had served him particularly well. Indeed, freedom was so very particularly important to the Celts, that it was doubly hard for them to accept Roman rule. After all, such rule meant disarming and paying fines for any insurrection, as well as involving a substantial loss of lands, which were given piecemeal to retired Roman army veterans. When the time came for Boadicea to raise her clan, as well as those of her neighbours, her first cry was one of 'freedom!'. It made her task far easier, even without the already powerful circumstances of her own treatment at the hands of corrupt Roman officials.

The overall ruler of the tribe, the patriarchal or matriarchal head of the most senior family, was known as a King, or *Ri*. There were thus many kings

This bronze figurine found near Rome gives a splendid idea of the warrior Celt as he appeared in battle - naked except for helm, belt and neck torque, he is poised in the act of throwing a spear.

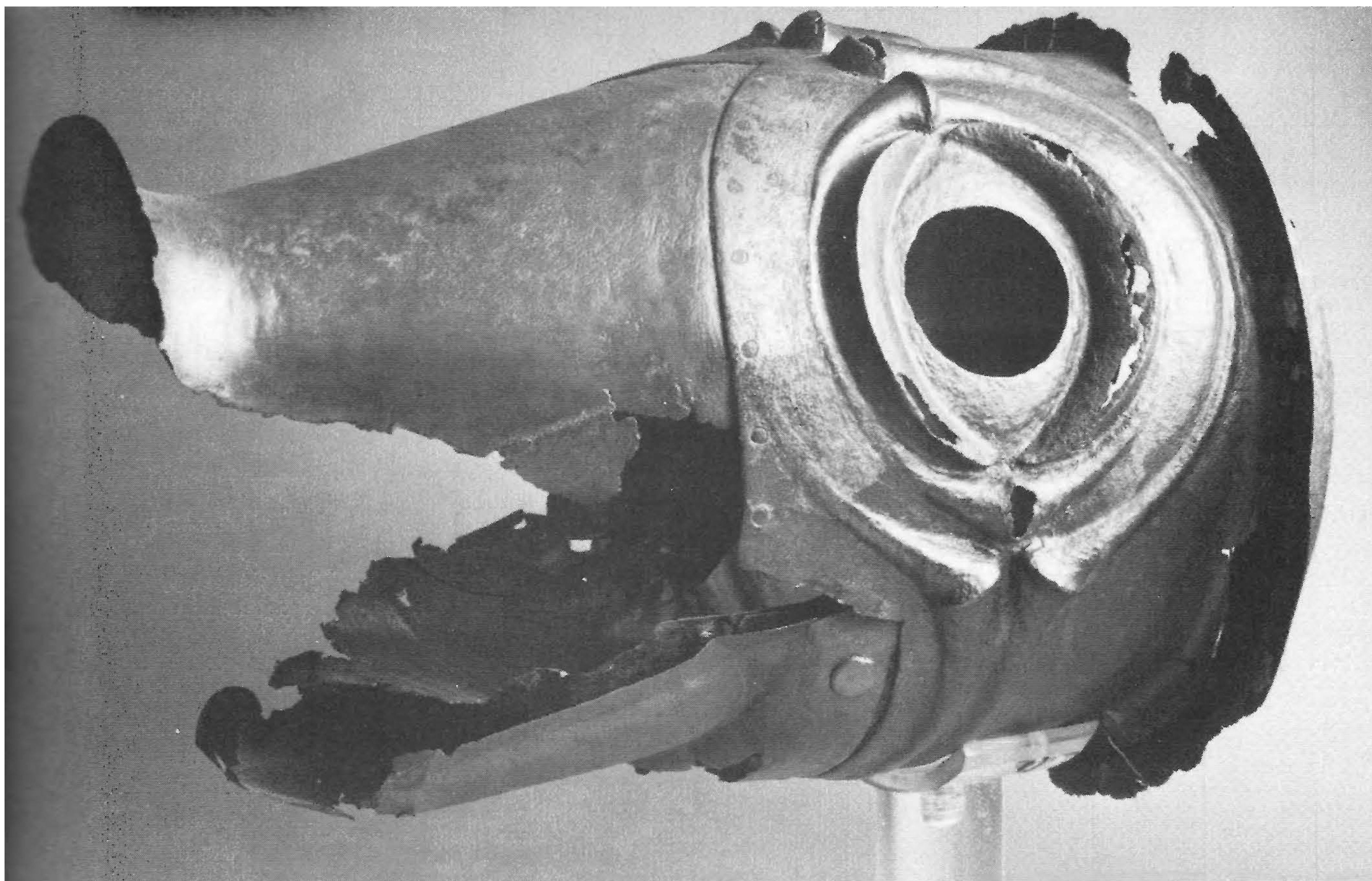
and queens in the Britain of Boadicea's time, a fact which made it extremely difficult to form any kind of united front against the Romans; each petty ruler was fiercely independent of the others. Getting them to fight side-by-side was like trying to get two neighbouring dogs to fight for a single piece of territory.

The main tribes in Boadicea's time were - in the south of Britain - the Coritani, the Dobunni, the Catavellauni, the Atrabates, the Belgae, the Durotriges, the Trinovantes and her own Iceni. Their territory was probably bounded by the Wash on the east coast, and the Devil's Dyke, and what are now the towns of Stowmarket and Peterborough, taking in most of the fenland between. Since there were no such things as boundary markers - or if there were they are long-since vanished - it is virtually impossible to tell where the lands of one tribe and another met or divided. Nevertheless, reference to the map will give a general idea of the positions of the various tribes.

Warfare

We shall have good reason to look again at the way in which Boadicea fought her rapacious rebellion, but it is worth making a few preliminary remarks about the Celtic way of war, and to consider the (perhaps inevitable) reason why it repeatedly foundered against the disciplined wall of the Roman Legions.

The Celts were probably among the finest natural warriors in the world at that time, but they certainly knew nothing of discipline. Every warrior fought for himself, for his personal glory (which tended to be further exaggerated afterwards) and for booty - which comprised heads as much as weapons or jewelry. Again and again, we see the truth of Caesar's remark that only the first charge of a Celtic force was of any note - after that it was easy for the legionaries to mop up the remains! Yet, that first charge was certainly something to be feared. Here is Polybius' description:

... the noise of the Celtic host terrified the Romans; for there were countless trumpeters and horn blowers and since the whole army was shouting its war cries at the same time there was such a confused sound that the noise seemed to come not only from the trumpeters and the soldiers but also from the countryside which was joining in the echo. No less terrifying were the appearance and gestures of the naked warriors in front, all of whom were in the prime of life and of excellent physique.

(trans: Ritchie)

The nakedness was in part caused by sheer bravado; in part a lack of sufficient body armour except among the rich and noble. Celtic blacksmiths were skilled workers, but never seem to have considered mass-producing armour or weapons for the ordinary warriors, who had to depend on the magical protection of the patterns painted on their bodies.

This certainly made them of striking appearance, with their limed hair combed into fantastic spikes or ruffs. Strabo tells us that it was socially

The head and mouth of a bronze Celtic trumpet found in Scotland. Accounts of Celtic warfare abound with descriptions of their war trumpets and the terror they inspired in their enemies.

unacceptable for a warrior to put on more than a certain amount of weight, and that there was a belt-tax levied whenever expansion went beyond a certain hole on the belt!

But by far the most feared and practical weapon ever used by the Celts must be the chariot. These light, two-wheeled carts, pulled by two strong and agile horses, had a single driver, and a warrior mounted behind him with a clutch of deadly throwing spears. Together they made a fighting team which was the scourge of the Roman legions.

But we must rid ourselves of one striking error which still lingers in the minds of many people even today. This is that Boadicea thundered onto the battlefield in a chariot with scythes on the wheels. No single example of such an equipped chariot has ever been unearthed in Britain, nor does Caesar mention them, despite having a good deal to say on the subject of chariots in general. Finally, as has often been wryly pointed out, a scythed chariot would have been as likely to inflict damage upon Boadicea's own warriors as on the Romans.

This being said, there is little doubt of the effectiveness of these vehicles in war. The Celts had certainly developed special skills when it came to fighting from a chariot - typically, perhaps, considering the nature of the Celtic personality, there was an element of bravado and sport about the whole thing. Thus, the warrior would often run out along the central pole, between the galloping horses, fling his spears at the enemy and then retreat to the bucking and careering platform in order to use it as base from which to fight with sword and mace.

Apart from mobility, which enabled the warriors to attack and retire at speed, the sheer noise of the chariot wheels thundering over the ground, mixed with the screams of the horses and the shouted war cries, must have been a shocking and terrifying sight.

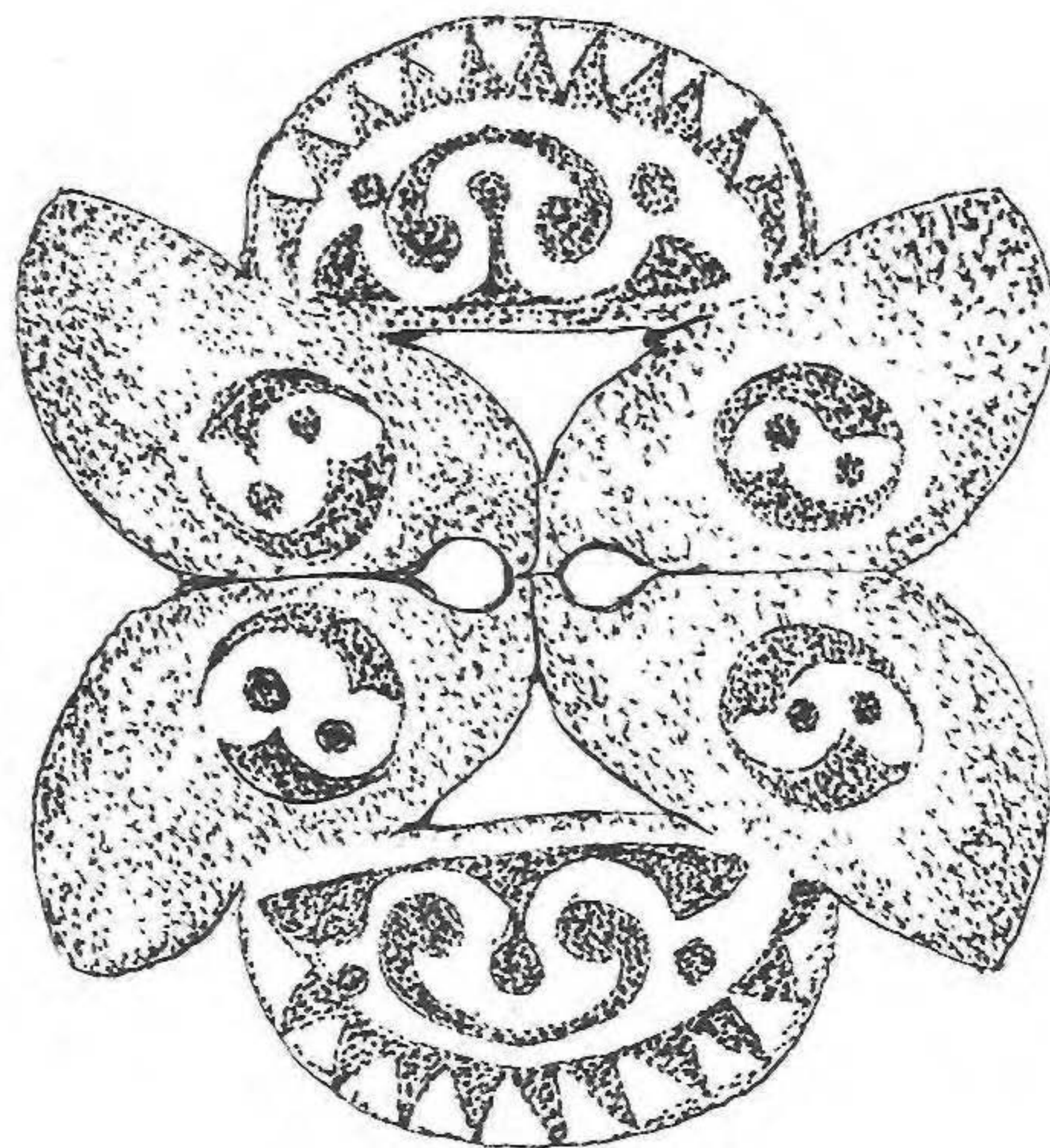
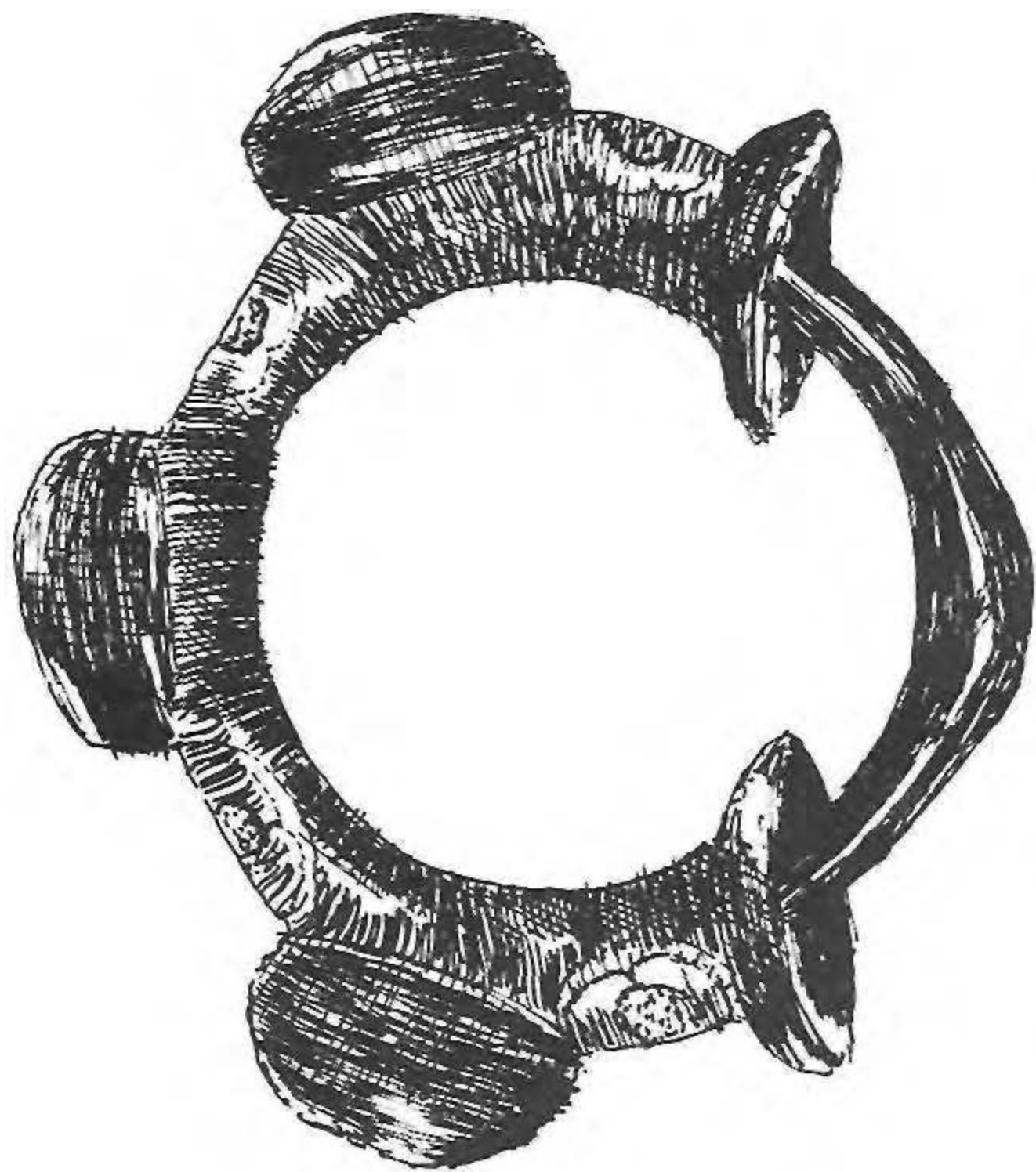
Caesar certainly seems to have thought so, since he devoted several pages to the skills of the Celtic charioteers in his description of the fighting Britons. But just what they were pitting themselves against we must now examine.

The Roman Invaders

Julius Caesar had probably been receiving secret reports about Britain for some time before he made his first visit in 55 B.C. Certainly, he seems to have had a very good idea of what to expect when he arrived there. His account of the country is included in his history of the *Conquest of Gaul*, and is detailed and reasonably accurate. When it comes to describing the island he had this to say:

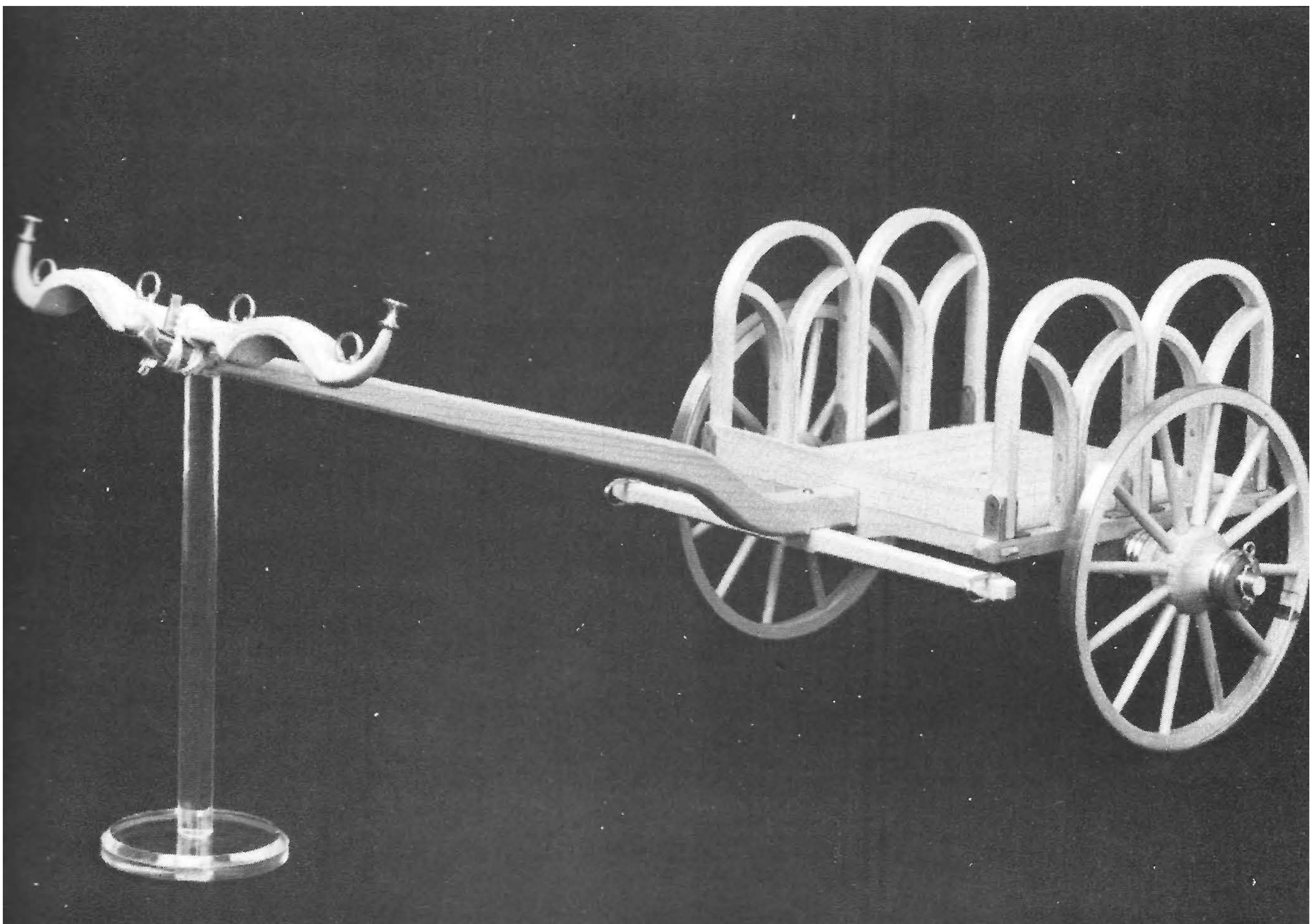
The island is triangular with one side facing Gaul. One corner of this side, on the coast of [now] Kent, is the landing place for nearly all the ships from Gaul, and points east; the lower

*Bronze decorations from an Ice-
nian chariot horse harness show
the heights which the artistic
abilities of the tribes could attain.*

*This reconstructed chariot is based on fragments discovered in a hog at Anglesey (Mona). It is of the kind that both
the defenders of the island against Suetonius Paulinus and Boadicea's own warriors would probably have used.*

corner points south. The length of this side is about 475 miles. Another side faces west, towards Spain. In this direction is Ireland which is supposed to be half the size of Britain, and lies at the same distance from it as Gaul. Mid-way across is the Isle of Man, and it is believed that there are also a number of smaller islands, in which according to some writers there is a month of perpetual darkness at the summer solstice. Our inquiries on this subject were always fruitless, but we found by accurate measurements with a water-clock that the nights are shorter than on the continent. This side of Britain, according to the natives' estimate is 665 miles long. The third side faces north; no land lies opposite it, but its eastern corner points roughly in the direction of Germany. Its length is estimated at 760 miles. And thus the whole island is 1,900 miles in circumference.

(trans: S. A. Handford)

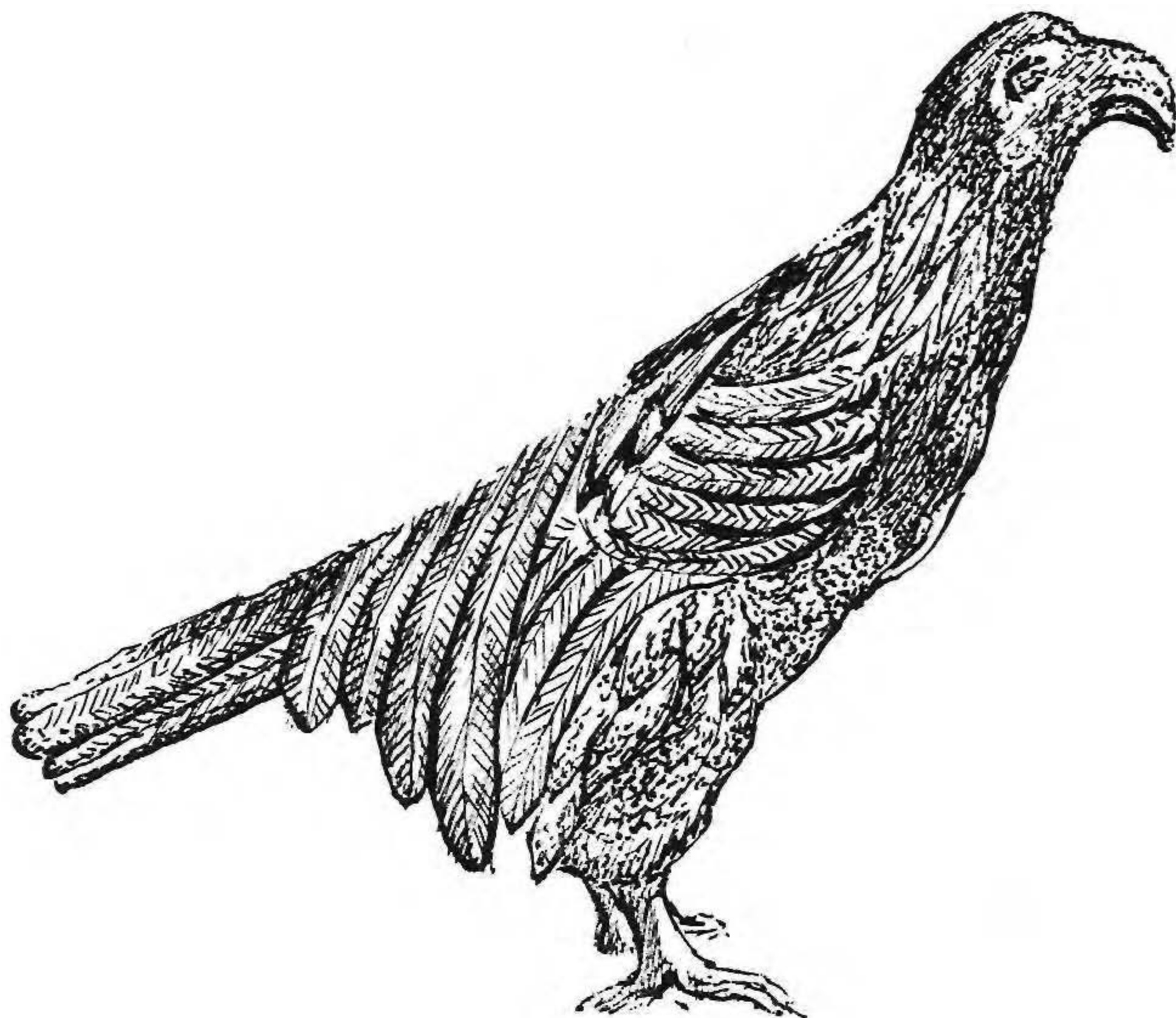
It seems probable that this detailed, if rather baroque, description of the island, which Caesar had not seen and which indeed he never saw in anything like its entirety, is drawn in part from reports and from the works of earlier writers. The point being that, although this first attempt at invasion (as well as the one that followed it in 54 B.C.) were failures, Britain was very firmly established in Roman consciousness as a rich, fertile and ill-defended land which should clearly be a part of the Empire. It meant that however many years might elapse between, the Romans were bound to return.

And return they did, almost 100 years later, led by a very different commander - the remarkable Emperor Claudius. His campaign was staggeringly effective, and within two years Britain had become another province of Rome, with a large army of occupation installed in a growing network of forts strung out across the country.

Yet between the two invasion attempts, the one successful and the other not, links between Britain and Rome remained. On his second visit Caesar had negotiated a treaty which included an annual tribute and hostages. This

This aureus (sovereign) was issued around 51-2 A.D. to celebrate the Emperor Claudius' victory over the Britons and shows a triumphal arch bearing the word DEBRITTAN.

soon ceased after Caesar's assassination in 44 B.C. and with all the upheavals and civil wars that followed, it was some time before Rome again turned towards Britain with thoughts of conquest. Links of another kind, those of trading and political alliance, continued to be built up, thus affording Claudius, when the time came, both additional information for his campaign and a firmer foothold among the natives.

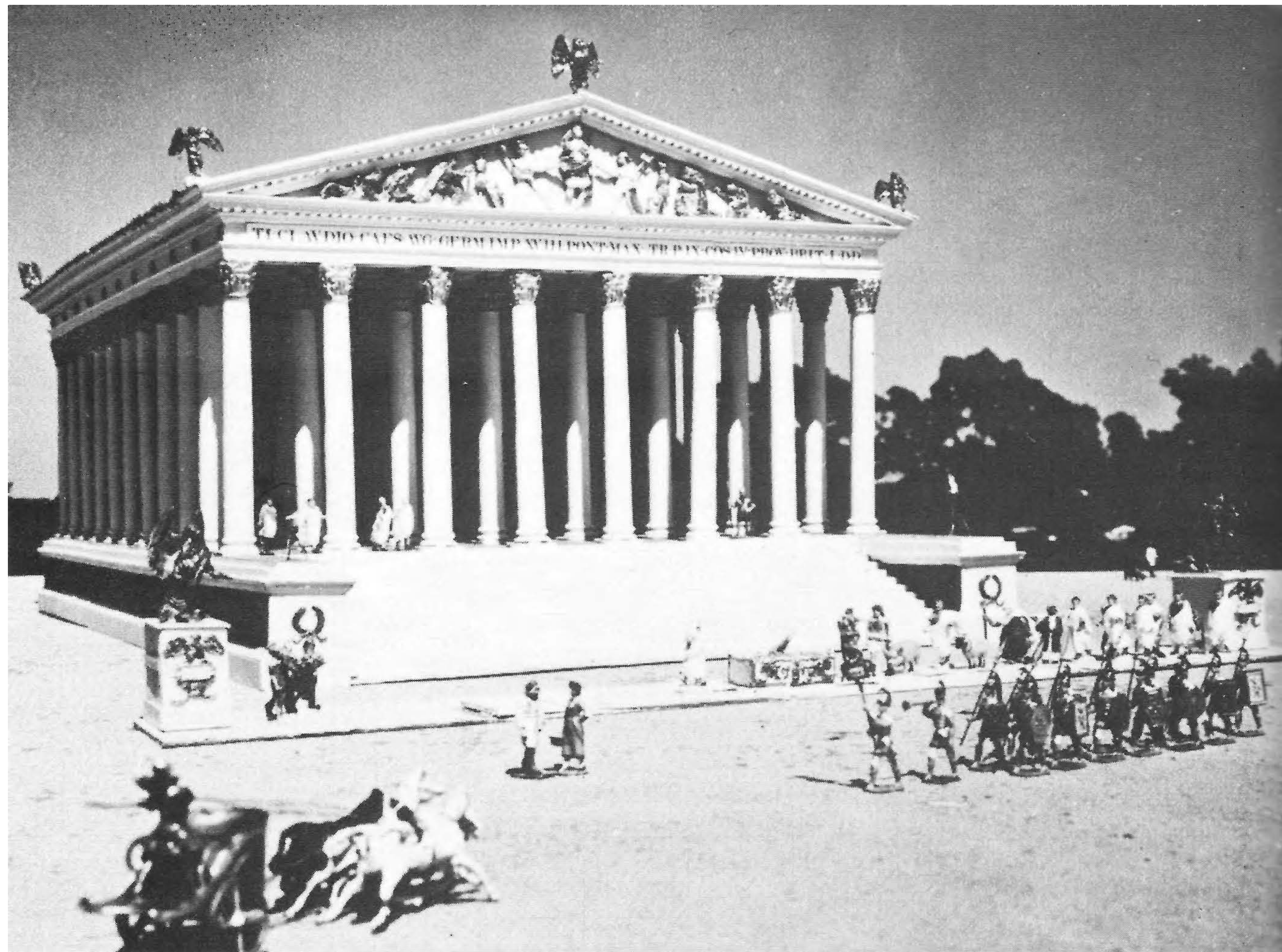
Claudius arrived in 43 A.D. - or rather his general Alius Plautius, whom he had commanded to go ahead and win every battle except the last - to which Claudius himself was to be summoned to take command - arrived with II, IX, XIV and XX Legions (some 24,000 men). They landed on a tiny island off the larger mass of Thanet, in what is now the south eastern county of Kent.

At first, they met with little resistance beyond the odd raiding party as they marched through the dark forest of the Kentish weald. But at the River Medway, they met a fully fledged war-band under the leadership of two brothers, Togodumnus and Caractacus, sons of the redoubtable King Cunobelinus (whom Shakespeare later made famous as Cymbeline). Cunobelinus had reigned over the powerful Catavellauni tribe as well as several tributary tribes for a number of years, and had left a strong and well-established kingdom to his sons' rule.

A long and ferocious battle took place at the mouth of the Medway estuary. But once the Romans had succeeded in crossing the stretch of water, victory followed. Against the splendidly carefree tactics of the Britons, the Romans were hard, ruthless and subject to an iron discipline which made them virtually undefeatable in battle. Again and again we hear of battle-maddened Celts hurling themselves against the Roman shield-wall, only to be repulsed. In contrast, the iron-shod boots of the legionaries pressed ever forward, step by step, until their adversaries were either exhausted or overwhelmed.

This gilded bronze eagle, discovered during the excavation of the Roman basilica at Silchester, may be part of a military standard. The eagles were carried into battle before each Legion and were regarded almost as gods. To lose such a standard brought disgrace and ill-luck to the legion it represented.

A model of the magnificent temple at Colchester dedicated to the Claudius, as it must have looked at the time of the revolt. It was never completed, and Boadicea destroyed it utterly when the defenders of Colchester took refuge there.

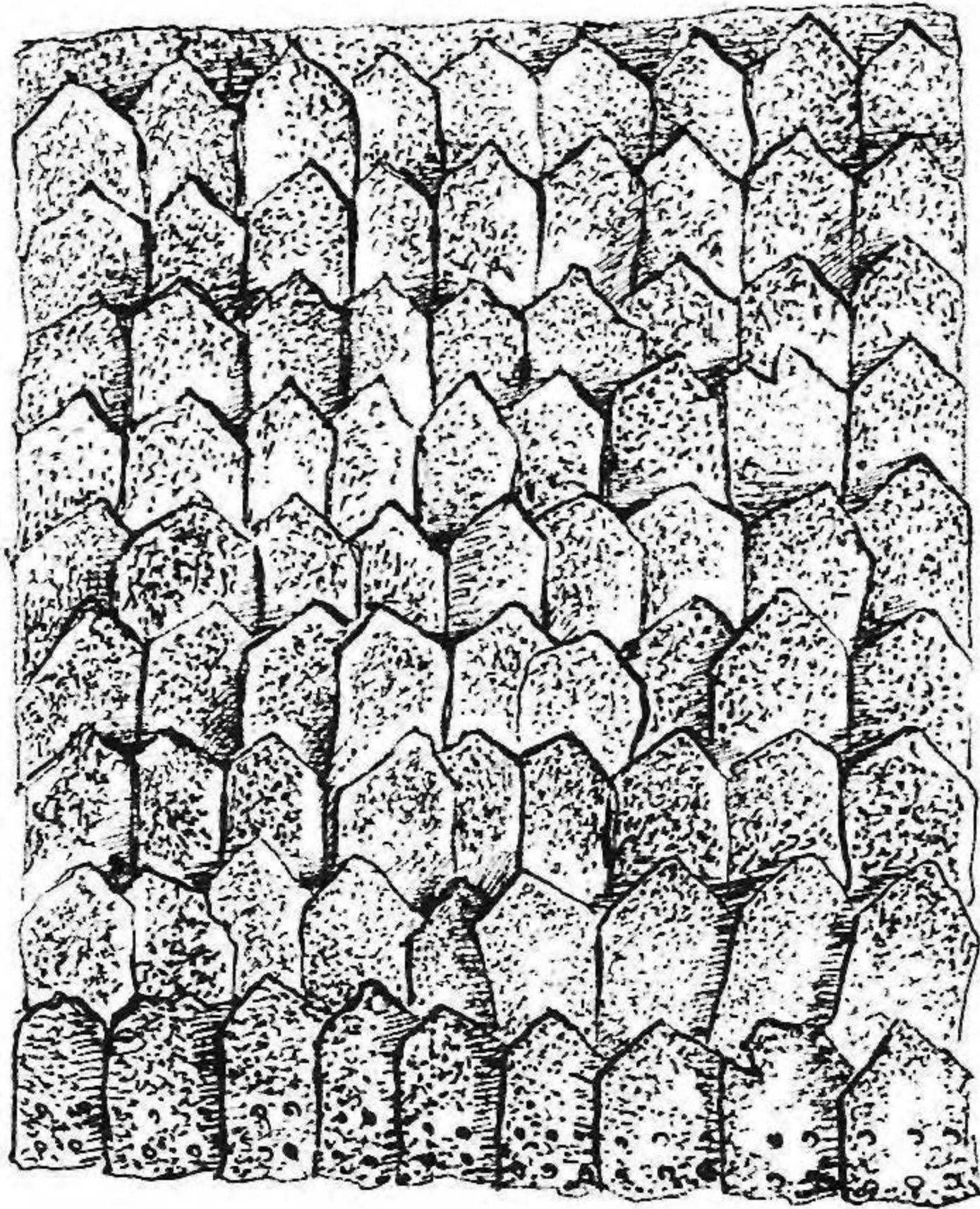
At London - then only a small trading post - a second battle ensued, in which Togodumnus fell and the Britains were routed. Plautius pushed on towards Camulodunum (Colchester), the Catavellauni capital, where he expected to stage a final victory.

Plautius sent word to Claudius in Gaul, and the Emperor - with reserve troops, elephants, and a sweating baggage train - proceeded there with full speed. Caractacus, desperate by now, and unable to raise any support from neighbouring tribes, fell back before the advancing Roman army and finally fled to Wales, where he could count on the help of wild Silures.

After this, British defence virtually collapsed; several chieftains, among them Prasutagus, Boadicea's husband, made haste to capitulate, and became tributaries of the invader in the hope of better terms of settlement. They became official allies of Rome with the status of vassal, and were allowed to continue nominal rule over their lands and people. Indeed, Cogidumnus of the Regnenses, became so romanized that an inscription found at Chichester in Sussex reads:

To Neptune and Minerva this temple is dedicated for the welfare of the divine house by the authority of Tiberius Claudius Cogidumnus king and legate of Augustus in Britain. . . .

Though Britain could by no means be described as conquered, it was forthwith declared a province. Camulodunum, former capital of the Catavellauni, became the official centre of government, with Alius Plautius as governor and a procurator under him to handle tax-collection and civil affairs.

Work began at once on the building of a great temple to the gods of Britain and Rome, and after the death of Claudius in 54 A.D., it was dedicated to him as *Divus Claudius*, awarded, as were most emperors of the time, the status of godhead.

Fragment of Roman scale armour from Northumberland. Only officers or the more heavily armoured cavalry units would have possessed this kind of protection.

Britannia

This was far from the end of the story. In the ensuing four years, Plautius established bases at Ratae (Leicester) and on the borders of Wales. He sent his most able commander Vespasian (later, to become Emperor himself) in command of the II Legion to subdue the Belgae and the Durotriges, who occupied regions roughly equivalent to the modern counties of Somerset and Dorset.

Vespasian fought thirteen battles against the natives including a massive assault against Maiden Castle in Dorset, where subsequent archaeological evidence suggests a massacre of men, women and children.

By the time Alius Plautius departed, handing over the governorship to Ostorius Scapula, all of Britain south of a line drawn across from Bath to London and including most of Essex had been subdued. The IX Legion was established at Colonia (Lincoln), the II at Isca (Caerleon) and the XIV and XX at Viroconium (Wroxeter).

The capture of Caractacus took another two years and was only accomplished by the treachery of Queen Cartimandua of the Brigantes, who handed him over together with his family into Roman hands. He was taken to Rome

itself, where he so impressed Claudius that he was awarded a pension and allowed to live out his life there. He is said to have looked at the buildings of the eternal city and remarked: 'And yet the owners of these must needs covet our poor huts?'

It was shortly after this that Ostorius Scapula made his confident statement about the end of British resistance, which was to be proved so dramatically wrong. However, something like a *Pax Romana* did exist in Britain for a time, and the new province began to experience some of the more welcome effects of Roman rule. The countryside became more settled, and the steady flow of trade goods, pottery, wine and cloth, began to enter the country. The pro-Roman dignatories were encouraged to adopt the ways of their conquerors, building houses for themselves in the style of Roman villas, complete with hypercaust (underfloor heating) and vineyards.

Though the tendency thus begun was not to reach fruition for 100 years after the initial period of conquest, it began almost as soon as the last active resistance ended - or was thought to have ended - with the capture of Caractacus.

There was also a move to bring in settlers, mostly legionary veterans who were granted allotments of land in return for which they were expected to keep an eye on the native population in case of any signs of revolt. The first of these was established in the old British capital of Camulodunum, and thus became one of Boadicea's first targets when she began her revolt against the conquerors. Ostorius' hope seems to have been that while the regular legions were away policing less-settled areas, the presence of the veterans at Camulodunum would keep things stable in the south - another error for which the Romans were to pay dearly.

Thus stood matters at the beginning of 59 A.D. when Suetonius Paulinus arrived to become the new military governor of Britain.

Power of the Druids

It has been stated by more than one commentator on Roman Britain that the Druids had a great deal to do with the forging and fuelling of the revolt - partly because of their natural animosity towards the invaders, but mostly in retaliation for the destruction of the great Druid college on Anglesey.

This may be partly true, but the situation was considerably more complex than it would at first appear. Much of this complexity stems from previous misconceptions about the nature of druidism and the activities of the Druids in Celtic Britain.

Indeed, so much has been written about the Druids that is *total* fiction that it is now extremely hard to extract the truth. Yet they were certainly a power

Before the battle which ended the Icenian revolt, Boadicea harangued her troops from the step of her chariot. Flourishing a spear, she demanded vengeance for the wrong done to her.

in Britain (as in Gaul) and the classical accounts we do possess tell us a certain amount.

The Druids did not, as is still commonly believed, build Stonehenge, or indeed any of the great megalithic monuments with which Britain is so liberally littered. Indeed, though they may have used these sites on certain occasions, they seem generally to have worshipped (or at any rate gathered) in groves of sacred trees. The idea that these were primarily oak trees may stem from the connection made by Greek lexicographers between their word for oak, *drus* and the Celtic (Irish) word *druid*.

The Origin of the Druids

We do not know the origin of the Druids, though it is possible that they migrated to Gaul and later Britain from the area of the Mediterranean or North Africa, sometime during the Bronze Age.

This has led in turn to speculation as to whether they were influenced by the teachings of Pythagoras (around 500 B.C.) which spread from classical Greece into Alexandria and thence to the rest of the Western world. They seem to have shared a belief in reincarnation, the transmigration of souls and the sacredness of all life, animal as well as human. There are also tantalizing references to a Greek traveller named Aristaeus of Proconnesus, who visited Britain (or a country which may have been Britain) and found there a place where men worshipped Hyperborean Apollo in a circular stone temple in the midst of a plain. Stonehenge? Possibly. But were these the Druids? They do indeed seem to have worshipped the sun - or at least to have taken care to observe its risings and settings. But there is no specifically solar deity in the Celtic religion - despite a number of solar heroes whose strength increased and decreased with the rising and setting of the sun.

Diogenes Laertius (200-250 A.D. records a meeting between Alexander the Great and a wandering Celt, who may or may not have been a Druid. It has been pointed out by at least one commentator that when asked if he feared anything, his reply: 'Not so long as the sky never falls or the sea does not burst its bounds' does have a familiar ring to it. The same formula is repeated several times throughout Celtic literature, almost as a kind of invocation, though whether it was of Druid origin we cannot say.

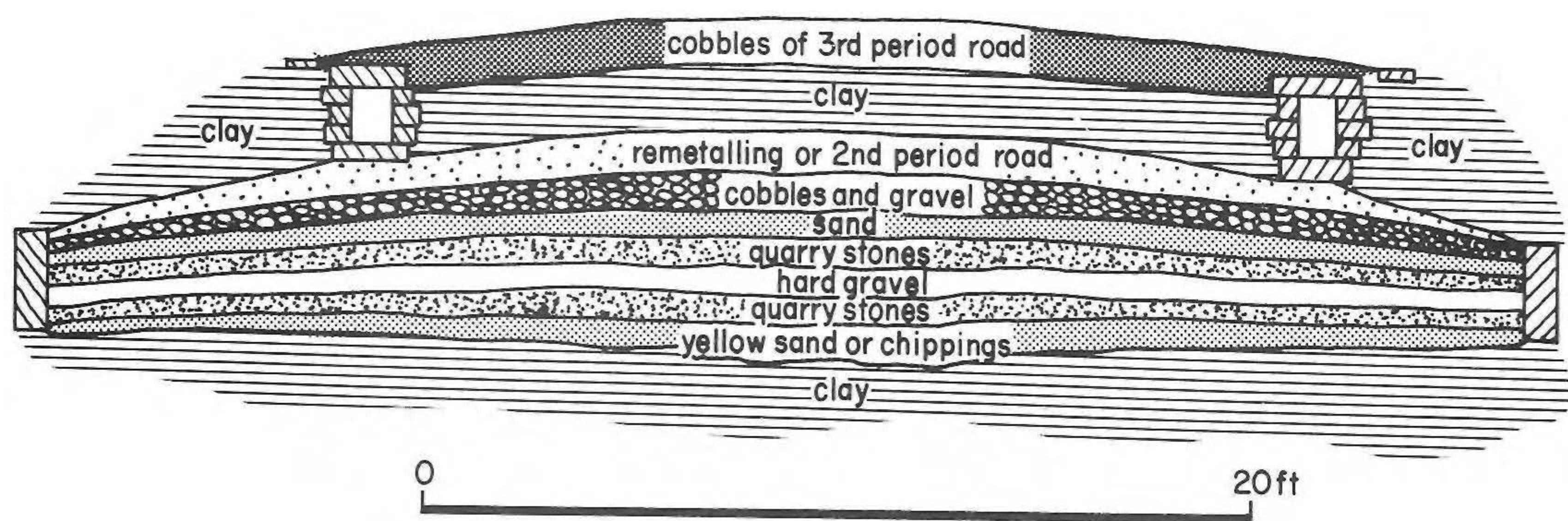
Shamanism

Another Greek, Pliny the Elder, in a dissertation on the medicinal properties of mistletoe, gives us the famous connection of this plant with the Druids, who were said to hold it in the highest esteem: so much so that any tree on which it grew - it is a parasite - was at once regarded as sacred.

The reasons for this may well lead us to a very important factor in our understanding of druidism. One of the properties of mistletoe not mentioned by Pliny is the hallucinogenic drink which is distilled from it. The method by which this was attained is long since lost - mistletoe is deadly poison in its natural state - but it may have given the Druids their means of entry to the

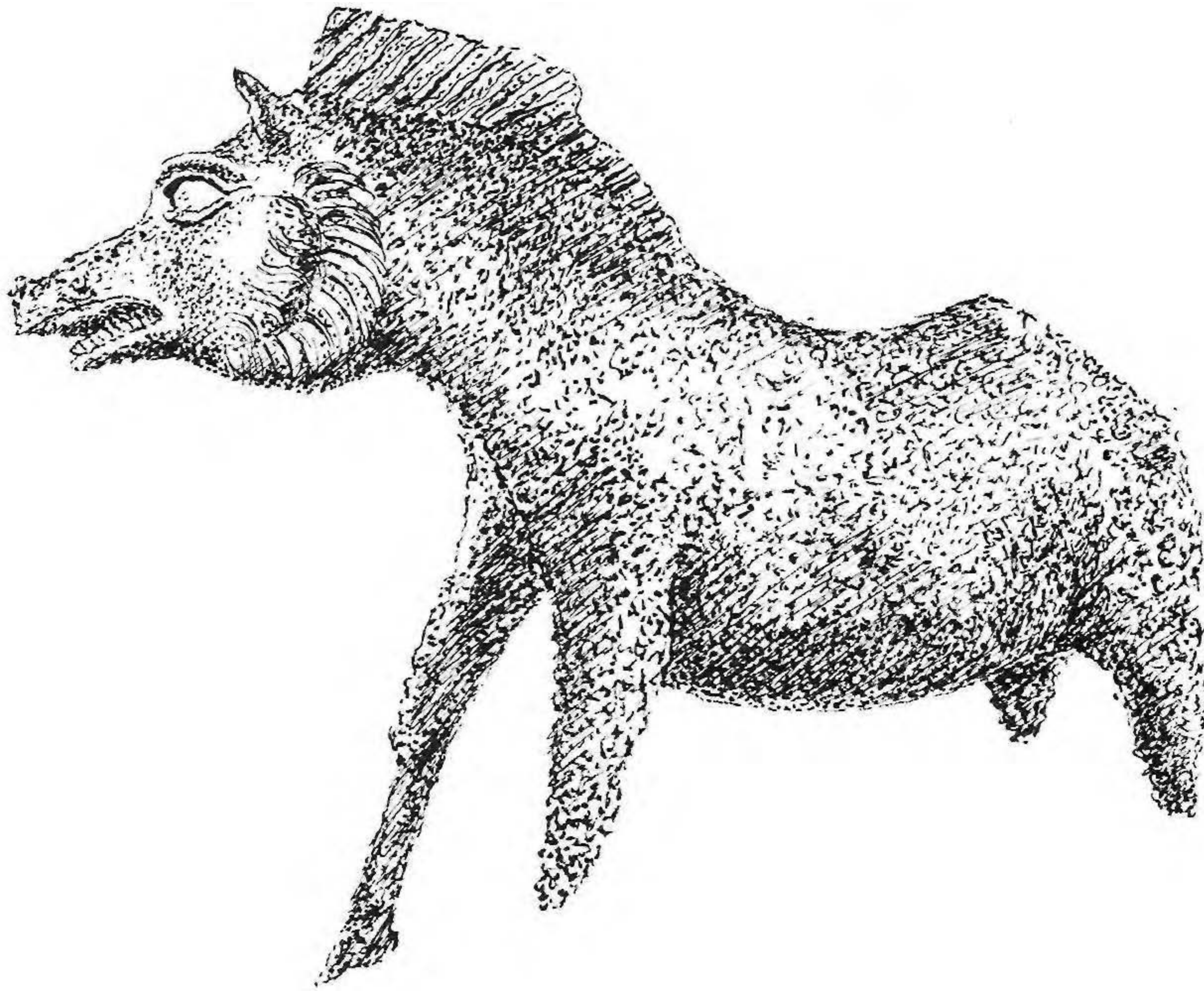
Before her triumphal campaign, Boadicea sought the guidance of Andraste, the goddess of victory in Celtic Britain. Boadicea released a hare from beneath her cloak; according to which path it ran, so was victory or defeat determined.

Typical construction of a Roman road. The system of roads built by the Romans enabled messages to be delivered speedily and troops to be moved more effectively. This lonely stretch crosses Wheedale Moor in Yorkshire.

inner realms of the spirit where they could learn remarkable truths and make prophecies for the future of the people.

This puts them on a par with the shamans of other ancient people, who were the preservers of tradition and the inspirers of the tribes in their care as well as guarding their religious truths and knowledge. This seems precisely the function of the Druids in Britain and Gaul.

Druids and Druidism

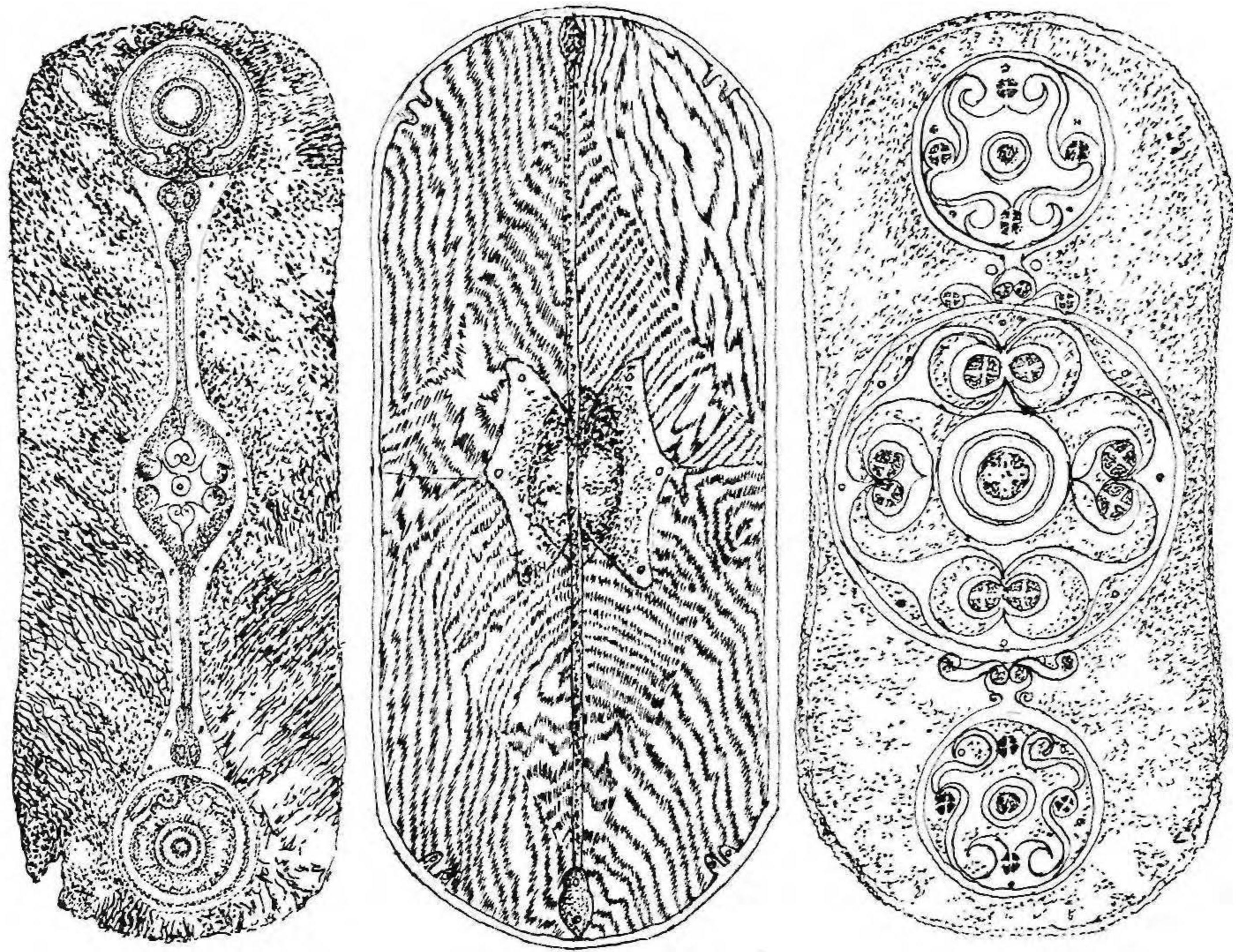
Even assuming this to be true, there is still a basic confusion between the Druids themselves and druidism. It would probably be a mistake to view this as in any way the 'official religion' of Britain, either during Boadicea's reign or at any other time. The druidic colleges, like the one despoiled by Suetonius Paulinus on Anglesey, was one of several such establishments both in Britain and Ireland. But the Druids who ran these were historians, archivists, lawgivers and teachers rather than priests in the properly understood meaning of the word.

If we see them in this light, much of the speculation and fantasy concerning the Druids fall away. They taught the arts of poetry and song, compiled genealogies and generally preserved the history of the people. Much of this they kept in their heads, expecting their pupils to learn immense amounts of poetry and lore by heart. They were also lawgivers, as Caesar's testimony shows:

They act as judges in practically all disputes whether between tribes or between individuals; when any crime is committed, or a murder takes place or a dispute arises about an inheritance or about a boundary, it is they who adjudicate the matter and appoint the compensation to be paid and received by the parties concerned.

A bronze boar, possibly from a Celtic war-helm. It was recognised as a symbol of strength, fierceness and potency. Helmets and chariots bore decorations in the shape of the boar to give their wearers added strength and protection. The clan totem of the Icení was either a horse or a boar.

These three Celtic shields from different periods and places show the consistency of design over the years. Made from wood or leather, and covered with decorations in bronze, they protected the warrior from shoulder to knees.

All this seems a very far cry from the usual image invoked by the word 'Druid'; that of blood-soaked rituals performed at dawn over stone altars, or for that matter the traditional cloaked, white-bearded patriarch who seems to belong rather in a Biblical scene than in a picture of ancient Celtic life.

In retrospect it seems probable that the blood sacrifices talked of frequently by commentators, though they may indeed have taken place, were presided over by a native priesthood which had little or nothing to do with the Druids. Certainly the Celts were a war-like, often savage people (as indeed were the Romans, despite their much-vaunted civilization) but they were no more or less so than any other ancient tribal society. The picture sometimes presented of Druid sacrifices with men held in wicker cages which were then set on fire, is almost certainly far from the truth.

What we should try to see is a body of enlightened men and women, to which membership was a highly sought honour, who endeavoured to preserve and educate, and who above all sought to hold in trust the sacred heritage of the people.

Thus, we have on the one hand the 'Druids-as-known', and on the other 'Druids-as-wished-for' - the former being of a very different tenor from the latter.

Rebellion

Teachers then, guardians of wisdom and tradition, poets, historians and genealogists; these were the primary functions of the Druids, all of them important within the Celtic world. This would indeed have given them

considerable power and influence, and had they chosen to give support to Boadicea it would have been more than sufficient to tip the scales in her favour. That they did indeed give her this support seems likely. Equally likely is the effect that news of Suetonius Paulinus' attack upon Anglesey would have had. Tacitus gives a vivid portrait of the event - though it should be noted that he does not designate the Druids as targets.

On the beach stood the adverse array, a serried mass of arms and men, with women slipping between the ranks in the style of furies in robes of deathly black and with disheveled hair they brandished their torches; while a circle of druids, lifting their hands to heaven and showering imprecations, struck the troops with such an awe at the extraordinary spectacle that, as though their limbs were paralyzed, they exposed their bodies to wounds without an attempt at movement. Then, reassured by their general, and inciting each other neer to flinch before a band of females and fanatics they charged behind the standards, cut down all who met them, and enveloped the enemy in his own flames.

(trans: John Jackson)

Queen of the Iceni

For many years she was called Bunduica and believed to have a co-regnant named Voadicia. Then, for a while, she became Bonducca and later still the familiar Boudica or Boadicea. Whatever, her real name means 'victory', the early spellings resulting from poor mediaeval manuscript transcription and inaccurate Elizabethan versions of Tacitus, whose account of her story was unknown at all until the sixteenth century.

We can follow the mutations of her name far more easily than we can put flesh onto the bones of her life. We know much about the military details of the revolt of 61 A.D.; we know her end; and we know something of what drove her to begin. Yet, though her name is widely known, we really know very little more. -

How old she was when she died we can infer only from the fact that she had two teenage daughters (thus making her between thirty and forty); we know from Dio Cassius what she looked like:

In stature she was very tall, in appearance most terrifying, in the glance of her eye most fierce, and her voice was harsh; a great mass of the tawniest hair fell to her hips; around her neck was a large golden necklace; and she wore a tunic of divers colours over which a thick mantle was fastened with a brooch. This was her invariable attire.

(trans: E. Cary)

Beyond this there is little to add. Imagination suggests a strong and stubborn woman married to a weak husband. Prasutagus' haste to bend the knee to Roman rule must have gone hard with his wife, who was almost certainly of equally royal blood, but had no love for the conquerers. Even if she had not at first felt animosity, her later treatment at the hands of greedy and unscrupulous officials would only have increased her dislike to full hatred.

The Celtic warrior and his charioteer. In pitched battle they were an unbeatable team -fast, manoeuvrable and deadly. Drawn by two swift and sturdy ponies, they would hurl themselves against the opposing force and discharge their spears. Then the warrior would leap down and engage the enemy directly, while the charioteer withdrew to the fringes of the battle.

We can speculate that she received warrior training which fitted her for the battles to come. The Celts made no distinction between men and women when it came to fighting, and many ran training schools for teaching warriors of both sexes. Certainly, the Romans had a healthy regard for them as adversaries, as the historian Ammianus Marcellinus tells us:

A whole troop . . . would not be able to withstand a single Gaul if he called his wife to his assistance. Swelling her neck, gnashing her teeth and brandishing her sallow arms of enormous size, she begins to strike blows mingled with kicks as if they were so many missiles sent from the string of a catapult.

The Iceni

Of the tribe which came to be at the middle of the revolt, we know only that it appears to have been made up of two distinct groups of people, whose arrival in Britain dates from between 500 B.C. and 150 B.C. The first influx probably came from the area of Europe now occupied by the Netherlands and Belgium, the second from the Marne Valley area in France. The first were a peaceable people, who mixed with the earlier native population and taught them the skills of iron smelting. The second were of a more militant, warrior class who were better armed and accoutred than their forbears, and soon overran large tracts of what are now Lincolnshire and Essex, setting up places from which they ruled over the former inhabitants as a military elite.

In time, these elements blurred into a more homogenous whole which is recognizable in the Iceni as they appear at the time of Prasutagus and Boadicea.

Judging by treasure and quantities of coins discovered in the areas known to have been occupied by them, the Iceni seem to have been a wealthy tribe. This fact must have contributed both to 'Prasutagus' desire not to lose out to the Romans, and the strong desire of the latter to acquire as much as they could.

There seems to have been a well established Icenian coinage from as early as 10 B.C. and this has given us a clue to their probable totem animal - the tribal guardian who protected them from ill-luck, monsters or attack. This is a curious beast which at once bears a strong resemblance to a boar and a horse. Depending upon which period one examines, this seems to alter from genera-

tion to generation, almost as though the coiners themselves were unsure - though doubtless this was a matter of style rather than uncertainty.

There are no coins from the period of Prasutagus' reign, a fact which has led some commentators to believe that client-kings were not allowed to mint their own coinage once the Romans had established theirs. Perhaps Prasutagus was simply being cautious and trying to retain a hold over his considerable wealth in order to provide for an always uncertain future. On his death, he was found to have willed half his kingdom to the Emperor - an undoubted contributory factor in the causes of the revolt.

The Horse Breeders

The Iceni seem to have possessed another kind of wealth - horses. There are persistent rumours of their being horse breeders, though on the face of it this would seem unlikely due to the large areas of marshland in the Iceni country of eastern Britain.

Boadicea's army certainly contained a significant number of chariots. These required a special kind of horse; small, compact, powerful and agile.

The romantic image of Boadicea and her daughters as portrayed in this nineteenth century group which stands in the Civic Hall, Cardiff.

In fact, the kind of horse which archaeological evidence has found most frequently in Britain. They may have been a cross breed of the cold-blooded beasts found in much of Northern Europe, and the Arab 'barb'.

There is really no firm evidence to point to the Iceni as the possessors of large herds of horses, but we are allowed to speculate. Perhaps the shrewd Prasutagus chose this means of conserving his wealth, while at the same time providing the chariot beasts necessary for sudden or unexpected warfare. So, to this kingdom, suddenly in 60 A.D., Boadicea ascended as queen; Prasutagus' death had sown the seeds of the rebellion soon to follow.

In the Runs of the Iceni

We have little or no evidence of the Icenian situation prior to and after the death of Prasutagus. All that we can do is surmise and draw parallels from the prevailing Celtic society which was shortly to fragment in Britain.

At the death of Prasutagus, Britain had been nominally subdued to the Roman yoke some eighteen years. The idea was still new enough and repugnant enough for tribes to think of revolt, but there is no evidence that Prasutagus personally desired this. With the steady encroachment of the Romans upon tribal territory, from the south-west northwards, any local king would have realised the inevitability of having either to totally defeat the Roman army, or of coming to terms with the fact of Imperial control. By becoming a client king, sworn to be federate to Rome, Prasutagus wisely took the most reasonable alternative. Tribes to the south of him had already realised the impossibility of military superiority; other tribal kings had discovered cultural and political benefits from peaceful secession and alliance.

Such a decision would not have pleased the more traditional of his followers who, inculcated with generations of ancestral pride in their battle prowess and respect for the royal bloodlines of their race, would have urged a fight to the death. Older men, perhaps retired war veterans themselves, would have urged younger relatives to vaunt their prowess and make ready for war. They would have roused their blood with daring deeds of past glory - rival tribes being raided, women carried off, insults avenged. This was contrary to Prasutagus' policy.

We have no knowledge of Prasutagus' age at his death. He is unlikely to have been a young or middle-aged man. The description of Boadicea suggests a mature woman, and it was usual for a woman to be up to one or two generations younger than her husband in an age where women frequently died in childbirth. Prasutagus was probably an elderly man or at least one who had the best part of his active life behind him. The city of Camulodunum was at the borders of his territory, steadily developing in testimony of Rome's conquering magnificence. Knowing himself to be near the end of his life and

wanting to ensure the future existence of his tribe, he acceded to the rationalist's way out: he swore allegiance. How he restrained his hot-headed tribesmen - all of whom would have voiced their very strong objection to his decision in open council - is not known. But restrain them he did, keeping himself and his tribe within the *Pax Romana*.

The Honour of the Tribe

This peaceful solution was dear bought. Icenian honour was brought low. Whatever obvious resistance and opposition might have been voiced was countered by the sheer order and organisation of Roman conquest. This insidious web of bureaucracy soon wound its way into every aspect of Icenian life. Taxes had to be paid and where Icenian families would doubtless have groaned at tribute owed to their overlord in any case, giving tribute to Rome via him was a worse case. Roman officials would have been attached to Prasutagus' court as subtle reminders of conquest and their different standards of elegance and behaviour would have been resented.

What struck at the heart of Icenian honour was the reading of Prasutagus' will, leaving half his kingdom to the Emperor. While this document was obviously drawn up in secret, and probably under a good deal of political duress (Prasutagus doubtless had Roman officials who dropped hints on the correct form in such matters), the shock to Boadicea must have been considerable.

We only know that Boadicea was governing in the name of her daughters, who were Prasutagus' legal heirs under British law, though not the only likely or possible ones under Celtic custom. It is possible that the girls were as yet unmarried and that suitable husbands had to be found for them from within the prescribed royal branches of the family: men who were mature and able enough to rule in the name of their wives and carry on the good name of the Iceni in battle. It is on this point of the viability of female heirs that the subsequent outrages should be balanced. Roman law did not make allowance for such inheritance of mere females; British law made no distinction.

As Boadicea was herself mature and able, she assumed the throne in their name and thus held the tribe together. There is no thought of her being a cipher in tribal policy. She may have sternly and privately disagreed with her husband's policies, while supporting him publicly in his seemingly cautious regime of submission to Rome. Her subsequent behaviour leads one to believe that she was his chief wife; used to issuing orders, to being obeyed and capable of laying down the law to her husband. Her anger at his betrayal of their life's work must have been extreme. But, while she later gave rein to her anger, there is no suspicion that she was uncontrolled or unprincipled. Her duty was clear: to bind the tribe to her and to protect her daughters' rights.

It was Rome's mistake that its commanders did not take Boadicea seriously - either as a royal woman or as a mother. Female rulers were risible to them. They had the standing joke of Cleopatra in Egypt, with whom Julius, that erstwhile conqueror of Britain, had a brief dalliance. Queens were

for seducing, for manipulating. Rome should have been warned: queens were also treacherous, dextrous in attack and ruthless when cornered. Cleopatra took poison to avoid the inevitable Roman triumph in which she would have been dragged when Augustus Caesar finally caught up with her.

No one thought of seducing Boadicea or marrying her off to another pliant client king: she was a woman of maturity, her character was indissolubly formed, her years of political sexuality behind her. She was not a commodity. But her daughters were.

These unnamed girls were probably in their early teens. They were a dangerous factor in the political balance. To the Roman mind, virgin daughters of a dead king might be as hazardous as a massed army of Icenian tribesmen - let only one man of power marry one of them and power could be focused and the flame of revolt be fanned.

The Treacherous Lioness

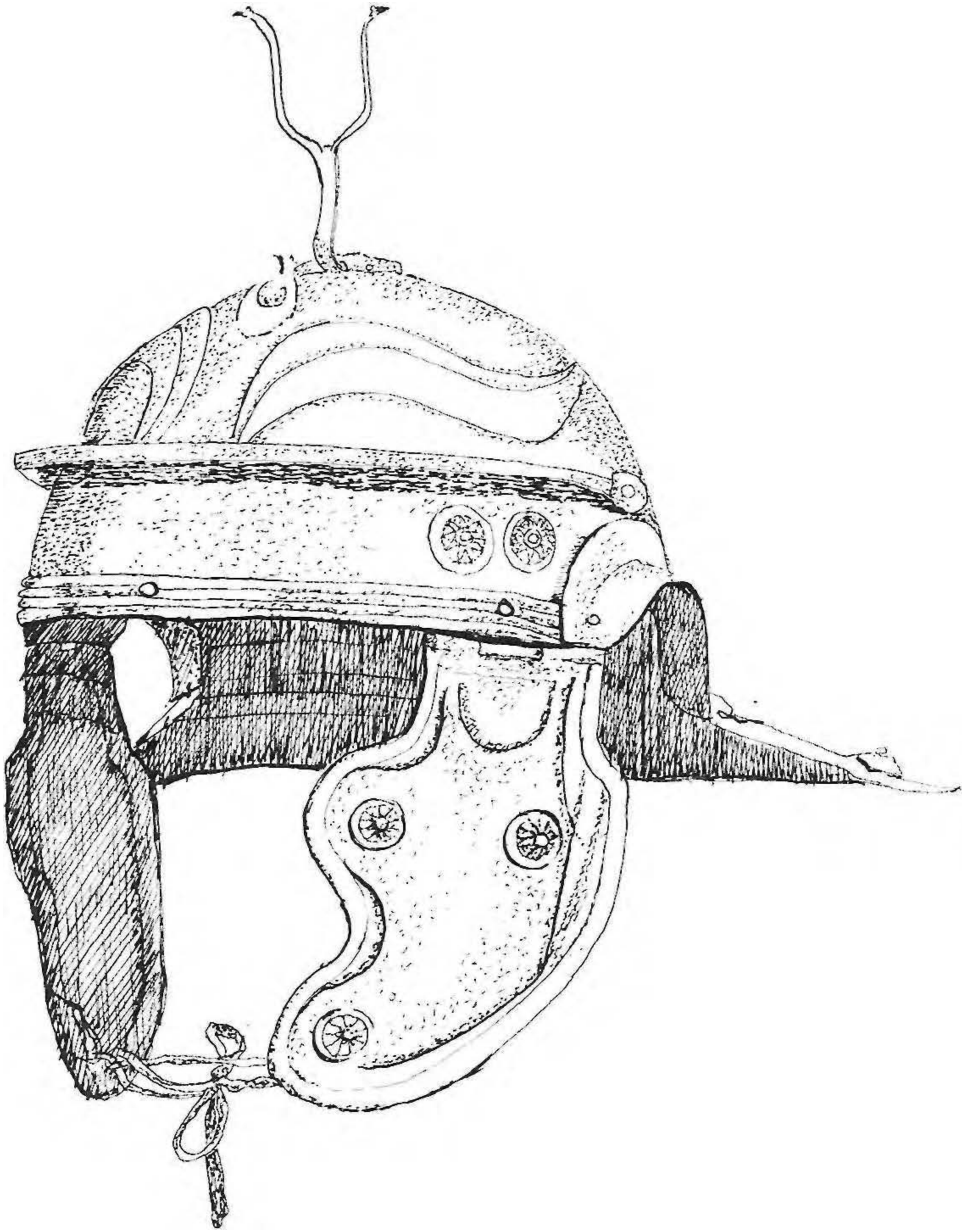
When the officials finally came to strip Boadicea of her governing rights, they clumsily drew all the wrong conclusions. The Icenian queen's righteous anger could be cooled by the scourge. The daughters could be conveniently deflowered and made less desirable to a nobleman of discernment. It was customary for the public executioner to deflower virgins before their deaths, lest the gods be offended, within Roman tradition. The young daughters of attainted consuls were inevitably raped before being thrown to their deaths or strangled.

That Boadicea might have bided quietly at home after such treatment was not to be countenanced. While she might not care on her own behalf, she had her daughters to fight for. Rome had raped the sovereignty of Britain; now it had raped the daughters of an Icenian king, women of the royal kingmaking blood. The Romans would have done better to kill all three women. A directionless battle might have ensued: one easily won by Rome. As it was, the Iceni rose on the command of an outraged mother. The 'treacherous lioness' as the chronicler Gildas called her, was aptly named by him. 'The lion may look proud and disdainful in his tree, but it is the lioness who hunts and brings home prey for her cubs'. The Icenian queen was now ready to rend any who harmed her offspring.

The Face of Revolt

It is never easy to judge the exact measure of cause and effect, especially long after the events in question. In the case of the British revolt of 61 A.D., there are two clear contributory factors, but far more that lay beneath the surface. The temporary *Pax Romana* was only superficial; beneath it the native population seethed with unrest and anger. In many cases, their lands had been taken

away from them, with little or no recompense, and (as at Camulodunum) given out in parcel form to retired Roman army veterans. Added to this was the very nature of the petty Roman officials placed over them for the task of collecting taxes and tributes and seeing that everything conformed to Roman neatness. In effect, it was the behaviour of some of these officials which touched off the smouldering fuse which was to ignite the south under Boadicea's leadership. Given the nature of Prasutagus' will, the government officials moved in to collect the extraordinary tribute to the Emperor. Finding only Boadicea and her daughters to oppose them, they went about their business as crudely as possible - in the hope, we may assume, of getting all.

At least, this is how things seem to have been. The current Procurator, Catus Decianus, seems to have been a greedy man, not above taking a large share of any goods that were to hand - as were his officers, mostly retired army men and slaves.

Thus, given the treatment she received and the seemingly pre-planned rape of her daughters, small wonder at Boadicea's rage. She and her family had been outraged in every way possible and her tribe made to suffer. She herself, as Queen of the Iceni, had been publicly humiliated.

This Roman helmet of the Imperial-Gallic type from a reconstruction by H. Russell-Robinson dates from roughly the period of the Icenian rebellion and is the kind that would have been worn by the Legionaries. It is made of iron and would have borne a crest.

A Romanized relief of the Celtic goddess Brigantia, here identified with Roman Minerva, whose attributes she bears - her spear and wings of victory. The Icenian goddess, Andraste, of whom no representation remains, may have been similar.

Goddess of War

Before the revolt was even properly under way, Dio Cassius puts into the mouth of Boadicea a noble speech worthy of the greatest Roman orators, with metaphors ransacked from classical literature in which she compares herself favourably with Nitocris, Semiramis and Messalina. It is here that we read of her invocation to the Icenian goddess Andraste, to whom she speaks as a woman to a woman.

The goddess Andraste is only mentioned in Dio Cassius: we have no other information about her attributes or mythos. It seems reasonable, since Celtic scholars give the meaning of Andraste as 'Invincible', that she was a goddess

of battle. She may well have been akin to Brigantia, the titular goddess of the Brigantian tribes of northern Britain.

Dio Cassius tells how Boadicea let a hare out of a fold of her garments and set it speeding towards the oncoming enemy as a means of divining the battle's outcome. Whichever side it ran on was considered the auspicious side. The hare has ever been a beast of the shapeshifter, a creature of the moon. The nature of Boadicea's invocation to Andraste leaves us in no doubt what she is said to have thought of the Romans. She impunes their soft comforts, their pederasty and their womanish emperors (particularly Nero). She takes to herself the attributes of the goddess and invokes her protection upon her tribe: 'Mistress, be thou alone our leader!'

It is possible that the wholesale slaughter of civilians which followed was in the nature of a ritual sacrifice to propitiate Andraste in her sacred groves. Certainly, Andraste's hare ran before the chariots of the Iceni for a good many months before her protection expired.

Paulinus and the Druids

Meanwhile, Suetonius Paulinus as military governor, a hard and dedicated soldier with experience of fighting natives in Spain and Gaul, and a knowledge of mountain terrain which may have influenced his choice, began an action which was to antagonize further the already angry Britons.

He had already spent the first two years of his office, from his arrival in 59 A.D. to the spring of 61 A.D., familiarizing himself with the particular problems facing him in Britain. It was clearly not a 'settled' province, and at the end of this time he was convinced that the main backbone of native resistance centred on the Druids, and in particular their college on Mona (Anglesey).

He was probably only partially correct in this belief; but apart from any Druid involvement, Mona had certainly become a sanctuary for a considerable number of refugees and dissidents, who remained there awaiting an opportunity to stir up trouble against their oppressors.

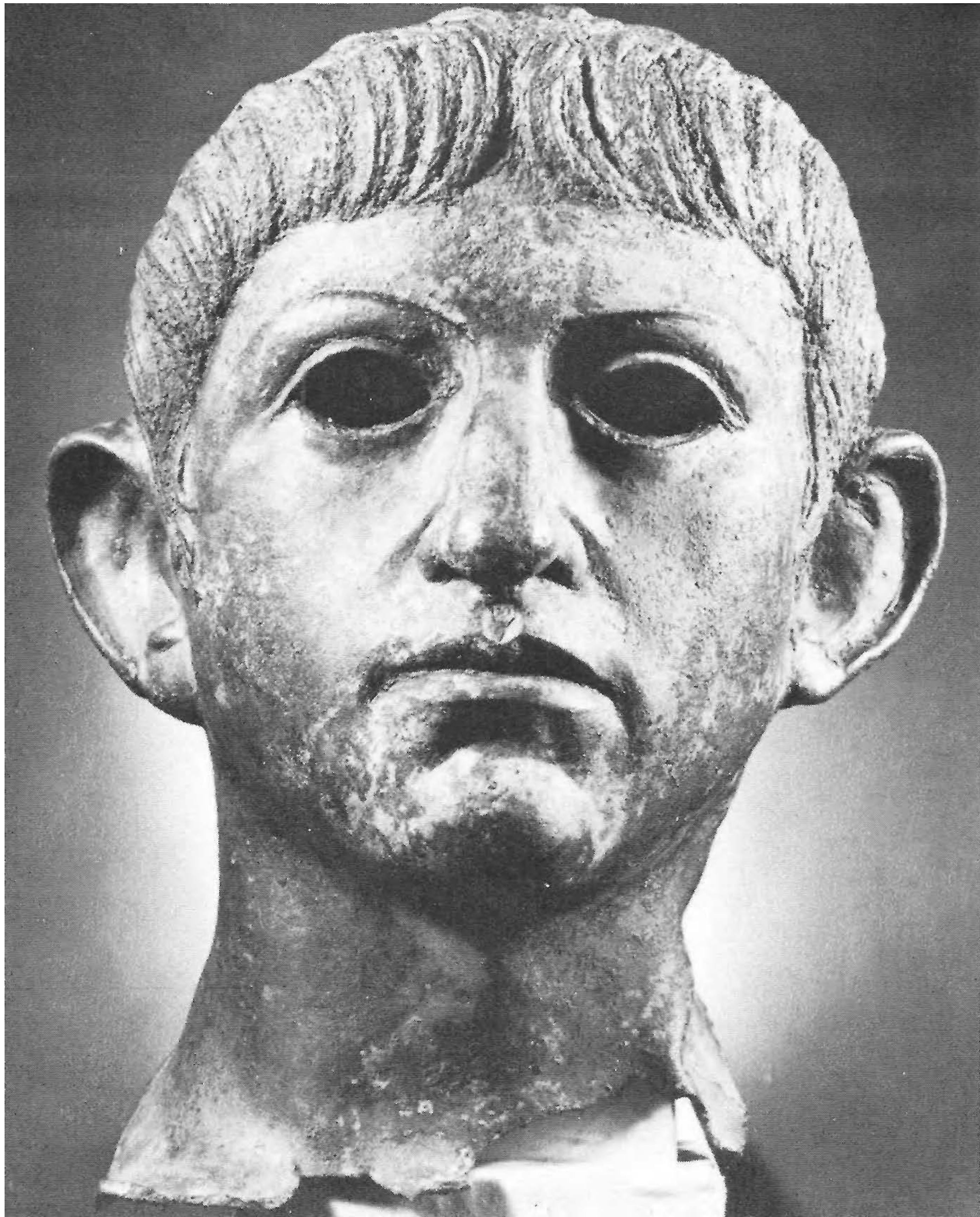
At least, this is how Suetonius Paulinus saw matters, and thus, in the spring of 61 A.D., not long before Catus Decianus sent his collection squad into Iceni territory, Suetonius marched on Anglesey with every intention of laying it waste.

It seems safe to assume that the Roman general had already secured large areas of the territory occupied by the Silures and the Deceangli, and that he had wintered at Deva (Chester) on the River Dee. From there, he had overseen the building of large numbers of flat-bottomed boats with which to cross the Menai Strait. As Tacitus' laconic narrative tells us:

By this method the infantry crossed; the cavalry, who followed, did so by fording or, in deeper water, by swimming at the side of their horses.

Yet even as Suetonius' army celebrated its victory by cutting down the sacred

This bust of the Emperor Claudius was found in the river Alde, where it may have been dropped by Boadicea's army after the destruction of Colchester. Perhaps it stood in the entrance to the great Claudian temple where the defenders made their last stand.

trees on the island, news came that the Queen of the Iceni had risen in revolt and that the Trinovantes had joined with her. The south was in flames.

The Fall of Camulodunum

Suetonius immediately sent orders to Cerealis Petillius, the commander of the IX Legion, to quell the rebellion. However, it took this general precious time to gather a large enough force from the scattered forts and camps in which they were billeted. In that time, Boadicea marched on the city of Camulodunum (Colchester) and totally destroyed it.

Had Cerealis moved more quickly, or had the Procurator Catus Decianius been able to send more than the meagre 200 ill-armed veterans he managed to scrape together in response to a panic-stricken call from the citizens of

On this sword blade found at South Shields is the image of the legionary eagle and standards inlaid in bronze. This kind of weapon probably belonged to a high-ranking officer and would have been jealously guarded.

Camulodunum, things might have been very different. As it was, the Britons met with virtually no resistance until they reached the temple of Claudius, hated symbol of their subjugation and a permanent reminder of the man who had conquered them.

In fact, the temple, which had been dedicated to Claudius shortly before his death in 54 A.D., was still incomplete. However, its massive walls were the only defensible area in the city, since the walls of the earlier Roman fort had been pulled down to make room for the expanding township.

Here, then, the desperate defenders, men, women and children, gathered to make their last stand, hoping to hold out long enough for relief to arrive from the IXth Legion. They were not to know that Boadicea had laid a carefully prepared ambush in the woods along the road towards Camulodunum. There, her army cut the Legion to pieces, leaving only a handful of cavalry, with which Petillius ignominiously escaped.

Thus, no help was forthcoming, and effectively the citizens of Camulodunum were doomed. The Iceni and the Trinovantes, who had been forced to contribute to the cost of building the Claudian temple, destroyed it utterly, along with the entire population, estimated at some 2,000 people, including army veterans and pro-Roman Britons living in the town.

Suetonius Strikes

Two things then happened. The Britons, elated to a point of madness by their success, began rampaging across the country, looting and burning any settlement of Roman or pro-Roman standing they could find. Suetonius Paulinus, with news of the fall of Camulodunum ringing in his ears, took a fast galley to Deva and pushed on at full speed with a detachment of cavalry towards Londinium (London) which lay directly in the path of Boadicea's victorious army.

Fortunately for the governor, the Celts were still celebrating their success and had scattered across the country, otherwise they might have been waiting for him as they had for Petillius outside Camulodunum - when events would probably have been very different. As it was, the Governor of Britain arrived to find the people of Londinium in a state of petrified fear. The Procurator, Catus Decianus, whose actions had helped fuel the rebellion, had fled to Gaul from where he disappears in recorded history.

The only hope for London was in Suetonius Paulinus. Having grasped the gravity of the situation, he realized that his only hope lay in abandoning London to its fate, in the hope that it would hold up Boadicea long enough for him to gather sufficient troops to face her on ground of his own choosing.

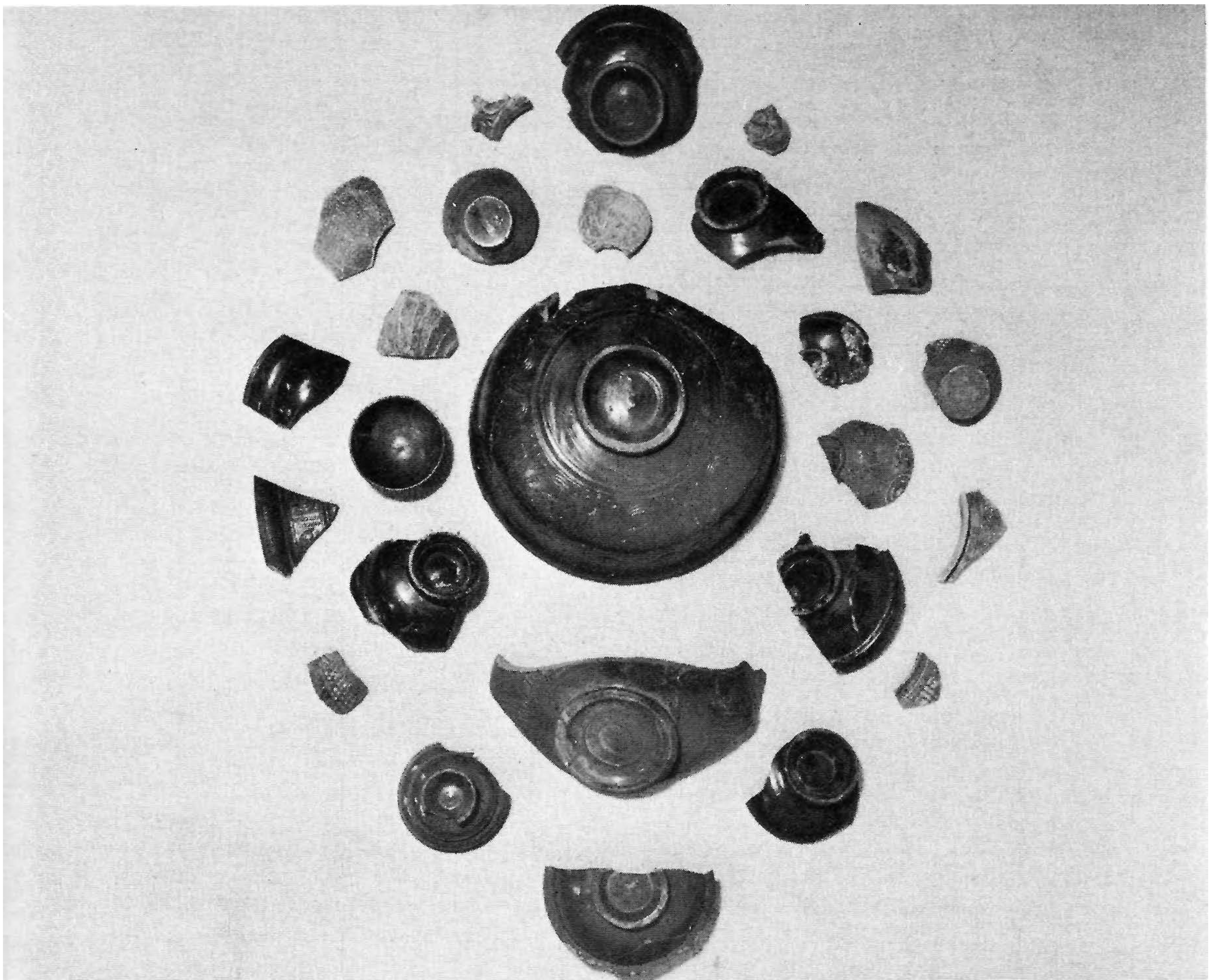
Therefore, he did the only thing possible in the circumstances - offered his protection to any refugees who wished to accompany him on the road south. There he could billet them on the still pro-Roman king Cogidumnus, who seems to have willingly promised his support. (He must have had to make a swift decision on which side to back: had Boadicea triumphed he would

Camulodunum (Colchester) was the centre of Roman government in Britain. It was here that Boadicea first struck, overwhelming the city and reducing it to rubble and ashes.

certainly have been killed; had he backed her and Rome become the victor, his comfortable career would have been swiftly over.)

A number of citizens elected to travel with Suetonius and straggled south. It was now early July of 61 A.D. Nothing stood between Boadicea and the huddle of houses and official buildings shambling beside the River Thames.

A selection of pottery from the period of the rebellion. They are blackened and burned from the holocaust which struck the city in 65 A.D.

The Sack of London

Dig anywhere within the compass of the earliest Roman settlement in London and at a certain level - about twenty feet down - you are bound to encounter a layer of ash and blackened pottery-shards. This is the legacy of Boadicea's sack of Londinium. She left it a smoking ruin scarcely days after Suetonius had withdrawn.

In those days, London extended barely two miles from its centre - the crossing-place of the River Thames at (now) London Bridge, where two roads

The Roman army, led by Suetonius Paulinus, met the Iceni at Mancetter, near Watling Street, and defeated them utterly. Boadicea took a fatal dose of poison after the battle, rather than suffer the ignominy of capture.

the events, so there may well be an element of exaggeration. But Boadicea clearly felt no regrets. She led the sacrifices to the goddess Andraste, whose name appears to mean Victory, but who surprisingly enough appears nowhere else in the history of the Celts.

Boadicea must already have been planning the next stage in her campaign, for though she had little control over the warriors who wanted to spend time exacting a full recompense for past wrongs done to them, she knew that ahead lay Verulamium, and somewhere beyond it Suetonius Paulinus and the Legions. Time was against her and she may have chafed at the delay caused by the excesses of her tribesmen. She also knew the impossibility of trying to do more than direct them, in their own time, towards the next objective. It was this delay which cost her the rebellion and, ultimately, her own life.

Suetonius and the Legions

What kind of man was it that Boadicea faced in her battle to free Britain from Roman domination? Gaius Suetonius Paulinus was a hardened soldier with several campaigns behind him. He had fought in North Africa against the Moors some years previously, leading an army as far as the Atlas Mountains in his urge to quell an incipient rebellion. It was probably at this time that he attained consular rank, though he had to wait a further seventeen years before being given the military governorship of Britain.

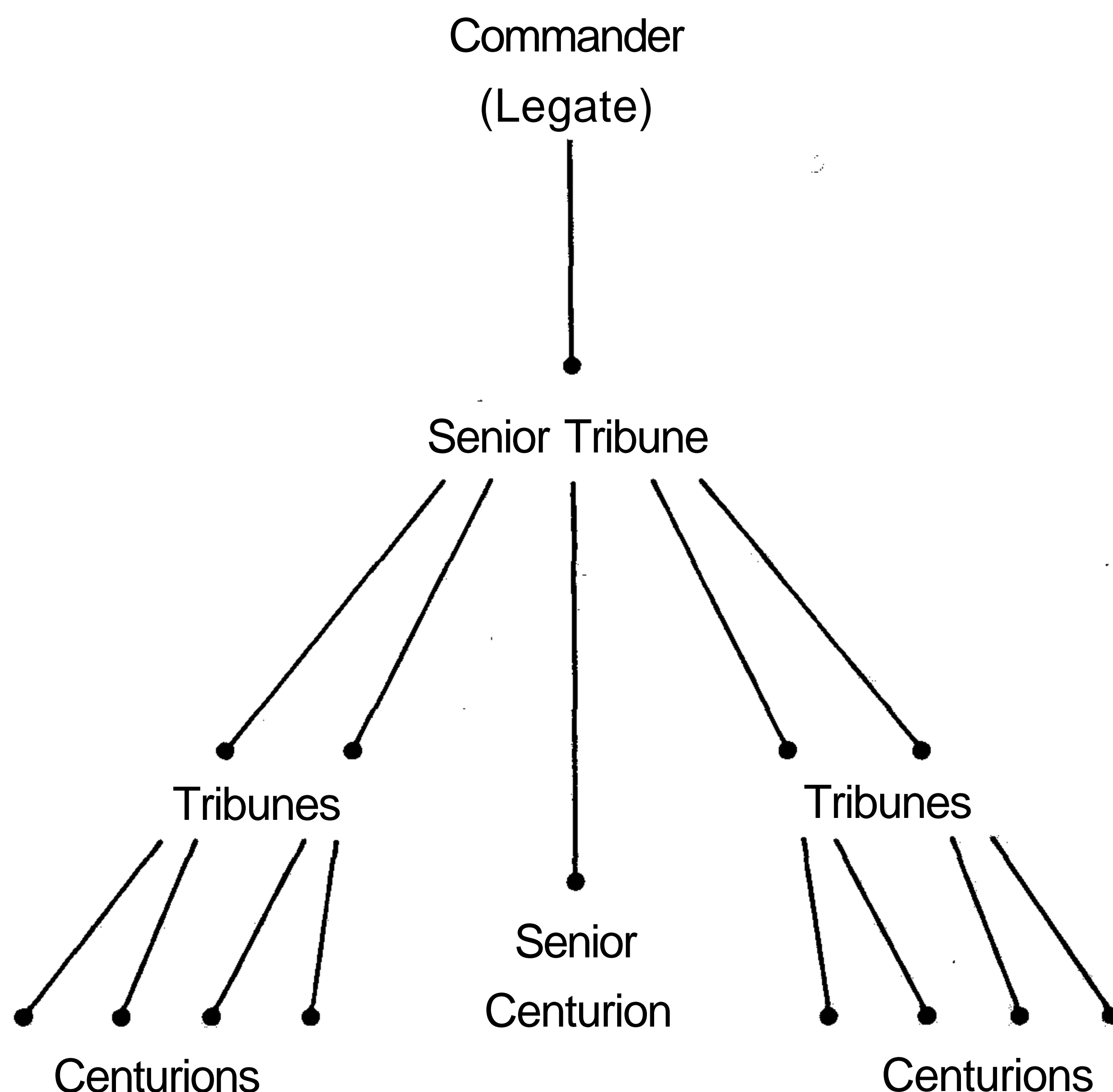
He arrived to find the province in a state of some confusion. The previous governor, Quintus Verianus, had lived less than a year before succumbing to the climate. Though the south seemed peaceful, the northern tribes, especially the Brigantes, were a constant threat to Roman security in the island.

Verianus had been a milder man, though still an able soldier, whose brief had been to take a more conciliatory attitude to the native population. Suetonius set out to crush any revolt and to police the island with his Legions in such a way as to allow no opportunity for insurrection. His first major campaign, as we have seen, was against the Druid sanctuary on Anglesey, which was carried out with typical military precision and iron determination. Suetonius was, in short, a professional and typically Roman soldier.

The Legions in Britain

The Legions within Suetonius' command at this time were the II Augusta, IX Hispana, XIV Gemina and XX Valeria. The II was probably stationed at Isca (Caerleon) and in the Severn and Wye valleys; the IX at Lindum (Lincoln); while the XX was ranged along the borders of Brigantia. The XIV was first of all stationed at Viroconium (Wroxeter) but moved to Deva (Chester) at the start of the campaign against the Silures and the attack on Mona (Anglesey). It had, in all probability, been drafted from the Rhine

army, which had already the greatest experience in fighting Celtic peoples in Gaul and Germania.

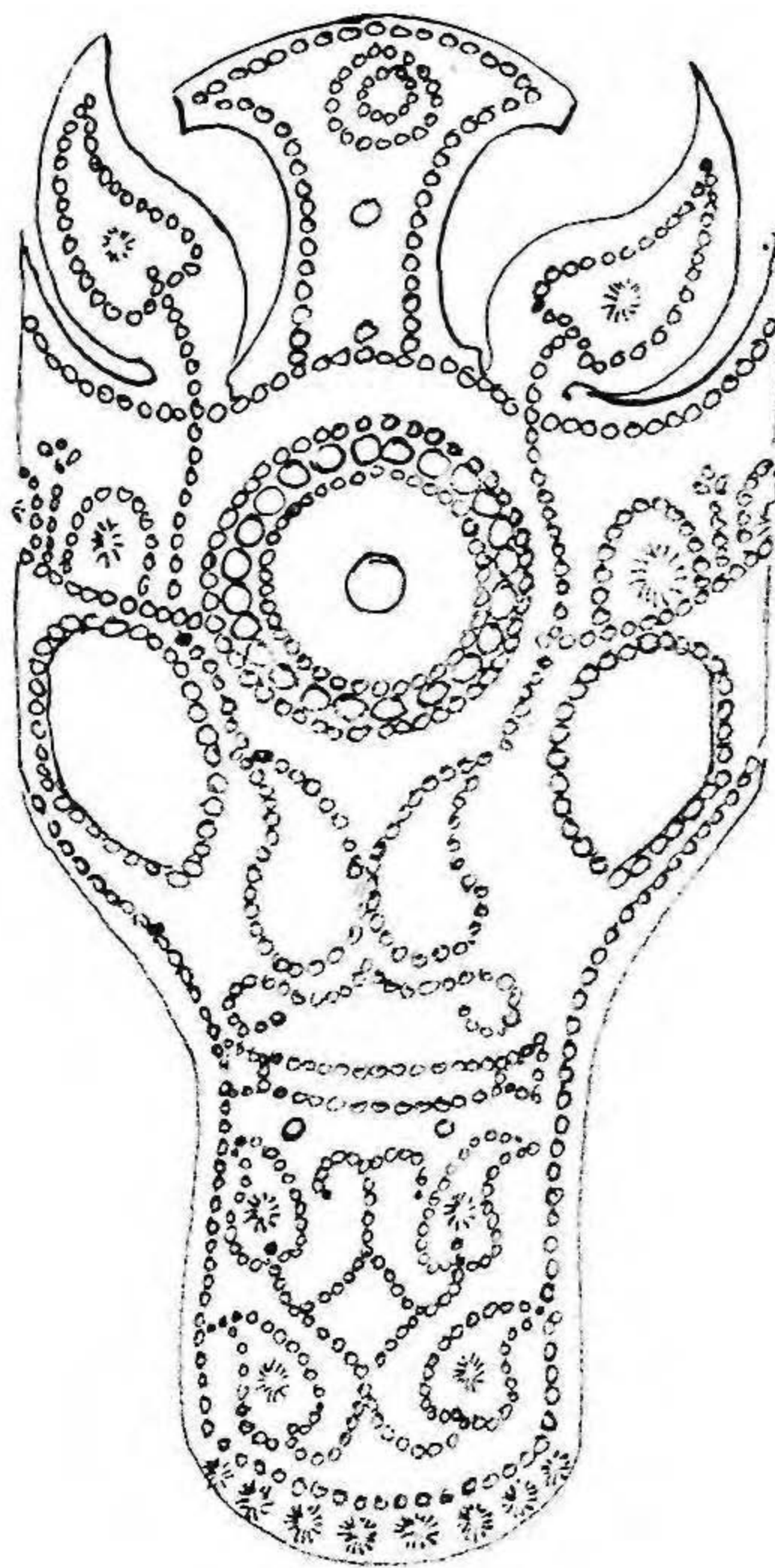
Staff structure within the Roman Legions.

In general, a legion consisted of 6,000 men. These were divided into ten cohorts, further divided into eight centuries. Nine of the cohorts were normal, with the tenth, 'double' century forming the elite core of the legion under the command of a senior centurion.

Initially, only those born into Roman citizenship were permitted to join the army, but this soon became impracticable and it became normal to confer citizenship along with a commission. Thereafter, the legions consisted of people from many nations, and one might find within any one legion Goths, Gauls, Scythians, Samartians or Asturians from Spain. In the same way, Celtic warriors from Britain were sent to fight on Rome's furthest frontiers.

Each legionary served a term of 20 years, during which time it was possible for him to rise through the ranks to the position of centurion, commanding eighty men and answering directly to a prefect or tribune. There were five of these tribunes, four of equal rank and a fifth who answered directly to a commander.

In addition, a number of prefects commanded several cohorts of auxiliaries, which normally consisted of native militia, fighting in native dress and with their own weapons, rather than the mailed uniform of the regular legionary. Unlike the legions, they were regarded as irregular troops, and though they served five years longer than the legionaries, they received lower pay and seem to have been given the hardest and most arduous tours of duty.

Though the Romans made little use of cavalry in Boadicea's day, it was an important part of the Legions' strength. This leather horse mask was probably used for parade wear rather than daily use. It gives an idea of the splendour of which they were capable.

Any soldier could re-enlist at the end of an initial term of duty - but there was no discharge from the Legion except in exceptional circumstances, or because of severe wounds. Men who had lost limbs or were otherwise incapacitated were often kept on as camp servants, but there was no official pension until they had served for a number of years. Of course, it was the apportioning of native lands to retired veterans which caused such ill-feeling among the tribes at the time of the rebellion.

The regular soldiers were trained to a standard which stands comparison with modern day commando or special forces. They had to be able to scale embankments, leap ditches and swim rivers and straits - as well as marching for twenty miles in five hours carrying a full pack, which might contain three days' rations and a mess tin, together with a saw, axe and shovel. This last item, along with a wicker-work basket, was used to throw up an earthen bank around their camp at night. This was standard procedure whether the stopping time was one night or ten.

Of course, each man also had to carry his weapons and the armour he wore. This was usually of leather strengthened with strips of iron, though some senior officers wore mail shirts of overlapping scales.

Their weapons consisted of two, six-foot throwing spears, with hardened wooden shafts and iron heads. It was this *pilum* which was to inflict such terrible havoc among the close-packed Celtic warriors in the final battle of the rebellion. Additionally the legionary carried a short stabbing sword called a *spatha*, and a dagger. These were intended for close work, and the typical action of a Roman unit was to form a shield-wall behind which they advanced, step by inexorable step, striking between swiftly raised shields and then rapidly recovering themselves. Their long shields, made of several layers

Typical image of a Roman officer, so hated by the Celts. From the tomb of Marcus Favonius Facilis, Colchester.

of wood, were designed to protect the body from neck to thigh, and were thus ideal for such work.

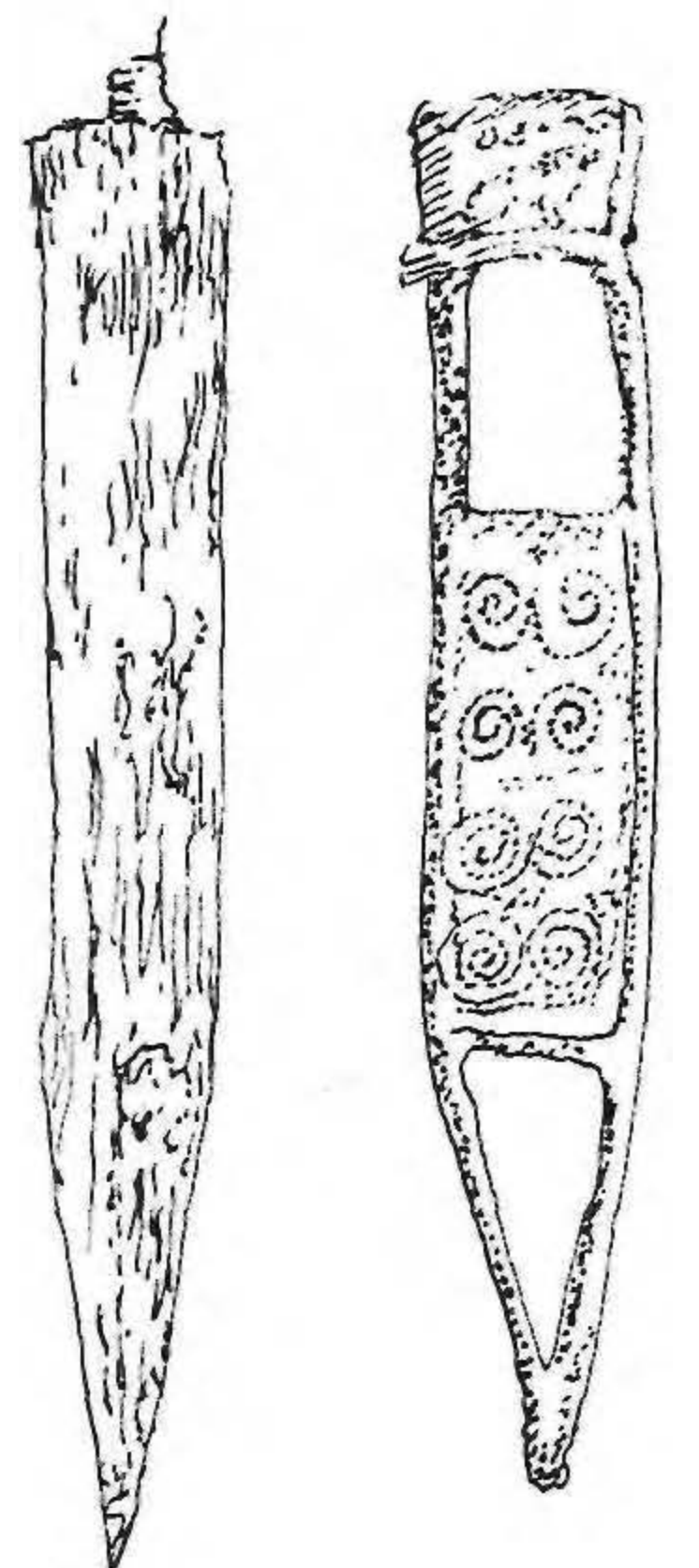
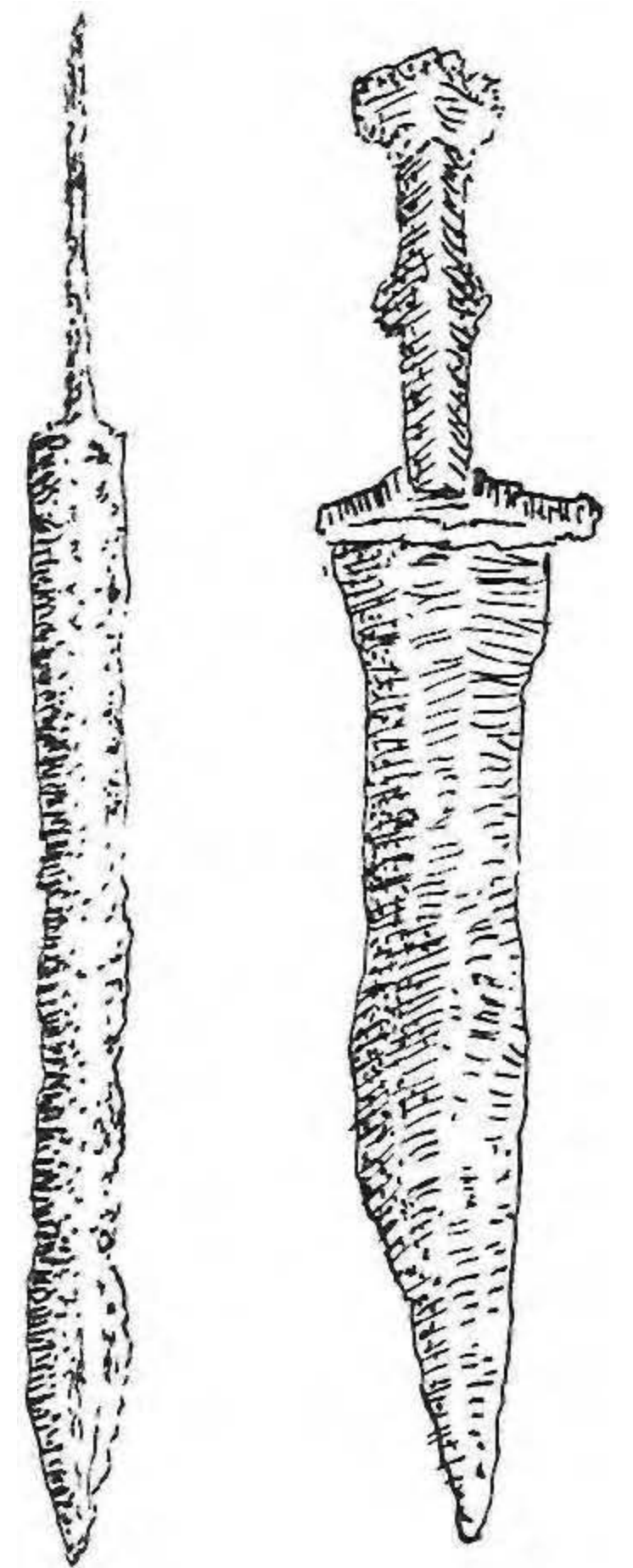
Their only really weak spot was their legs and feet, which were virtually undefended in order to give them better mobility; there must have been many casualties with wounds in these areas. Otherwise they were virtually invulnerable, with their hard leather helmets protecting their heads and necks. Once a powerful wedge of legionaries moved forward against an enemy, there was little that could stop them short of a head-on cavalry charge.

Rome's own use of cavalry was still limited at this time - the usual tactic being for the mounted units to remain on the wings, while the infantry did the hardest part of the work. Then they would fling into the fray to mop up the remaining enemies or those who tried to flee.

Within the Legions were positions for masons, surveyors, engineers and sappers, as well as signallers, medical orderlies, armourers and clerks. Some of these specialized troops were present in every Legion, which had to be self-sufficient and self-governing during its long months away from base.

Once a foothold had been established in Britain by Aulus Plautius in 43 A.D., immediate building was instituted to set up an expanding network of forts and armed camps throughout the country. These were connected by a system of roads which were still recognised as being one of the finest achievements of their day and whose remains as highways can still be seen.

Against such disciplined, well-armed and highly trained soldiers, moving at speed along a growing system of roads, the wild tribesmen had little chance when it came to direct conflict. On the one hand, Britons were experts at guerrilla tactics, as they demonstrated in their destruction of the XX Legion

Weapons carried by every legionary included the spatha (two-edged sword), pugio (dagger) and gladius (broad-bladed sword), here shown with a decorated scabbard.

outside Verulamium. On the other hand, the Romans were past masters of the art of flexible movement in battle, with a complex system of signals which enabled a commander to move units of force at will.

A fast system of couriers with connecting post stations along the whole length of the roads enabled messages to be sent at great speed. Hence, the way that Suetonius was able to get word of the rebellion while he was still far away in Wales.

All of this made the Roman Legions probably the best army in the world. So Boadicea's initial success is all the more impressive - though she had elements of surprise on her side, as well as a feeling of moral indignation which acted as fuel to her already enraged followers. Let us look now at the final act in the drama, and at the meeting between these two implacable foes.

The End of the Revolt

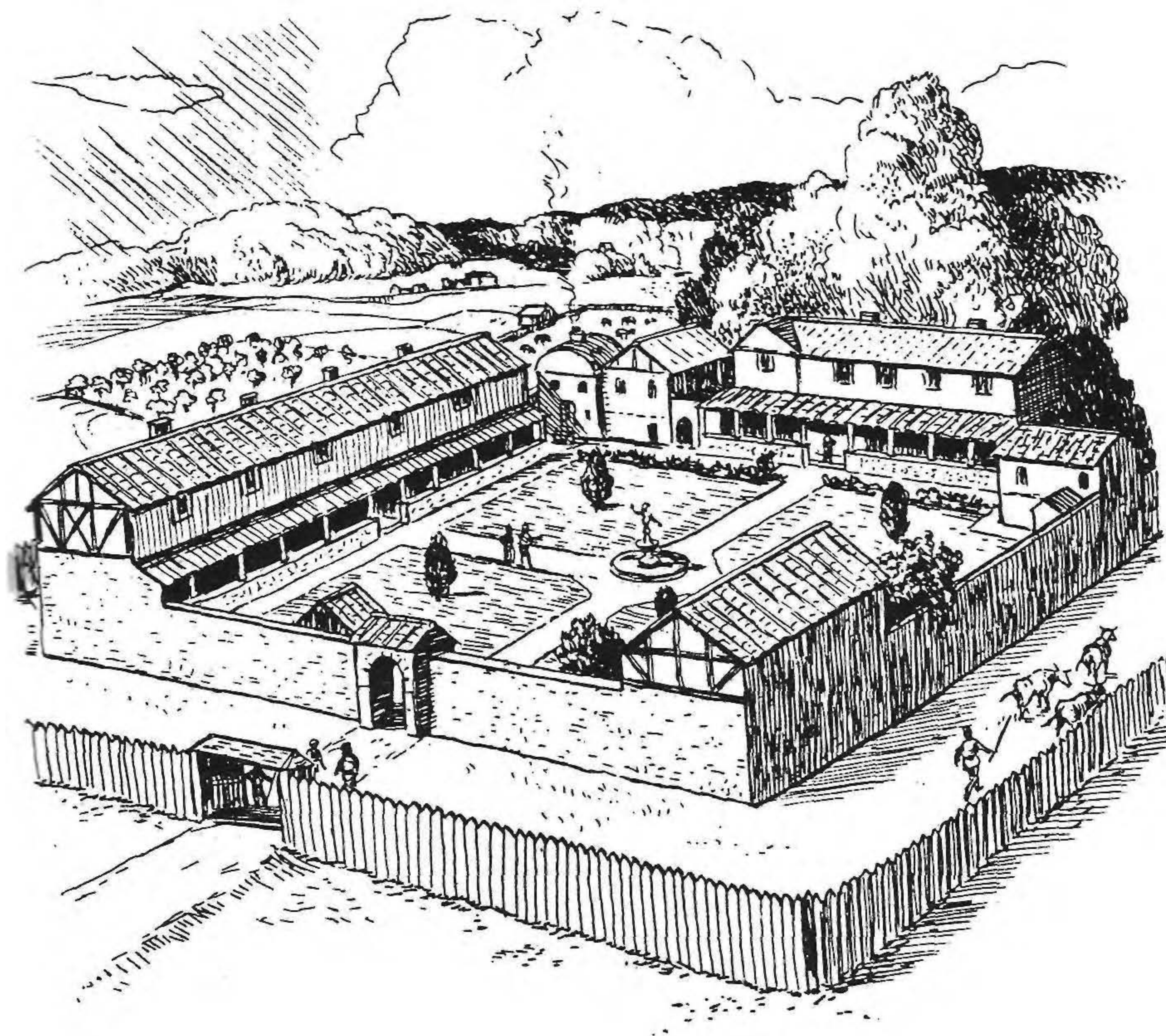
Finally succeeding in gathering her battle-sated warriors around her, Boadicea now pressed on towards Verulamium (St Albans), the third important township on which she unleashed her fury. However, unlike both Camulodunum and Londinium, Verulamium was almost totally British, its population consisting almost entirely of Catavelaunii, a tribe so staunchly pro-Roman they had earned the hatred of their neighbours. There was probably also an element of tribal rivalry present in this, which the general atmosphere of slaughter and warfare restimulated.

Whatever the reasons, Verulamium met the same fate as the other towns. The fine Roman-style houses, the basilica and other public buildings were burned to the ground and the inhabitants wiped out with as much savagery as had been meted out to the Roman citizenry of the other townships.

Classical accounts of the revolt estimate the number of dead at 70,000. This is almost certainly an exaggeration, given substance by the passage of time; but enough evidence exists to suggest a truly frightful slaughter of men, women and children. It seemed that nothing could stop Boadicea from sweeping across the country and either killing or driving out every Roman in Britain. Only Suetonius Paulinus now stood between her and this objective, and he still lacked the forces to meet the Iceni and Trinovantes in direct conflict with any real hope of winning.

Therefore, he continued to withdraw, and according to Dio Cassius began to grow short of food - a reasonable supposition if his base was still in Wales and his supplies correspondingly far removed. By now, he had been joined by the rest of the XIV Legion, as well as detachments of the XX and II Legions, and daily awaited the arrival of the remainder of the II, who were then stationed at Isca Dumnonorium (Exeter) under the temporary command of Peonius Postumus, the camp prefect.

For some reason Poenius failed to answer the call to join the XIV and XX Legions - possibly because he was under attack from the Durotriges, who had also risen in revolt following Boadicea's dramatic victories.

When the conflict was finally over, this unfortunate officer fell on his sword rather than face the disgrace that would have resulted from his failure to follow a direct order - thus also incidentally robbing his own Legion of a share in the honour of defending the province against the terrible Iceni queen.

Reconstruction of a Roman villa of the kind which may well have been occupied by Codgidumnus, the staunchly pro-Roman King of the Atrabates. Many similar unprotected farmsteads between Colchester, London and St Albans, fell victim to Boadicea's war-host.

The Last Battle

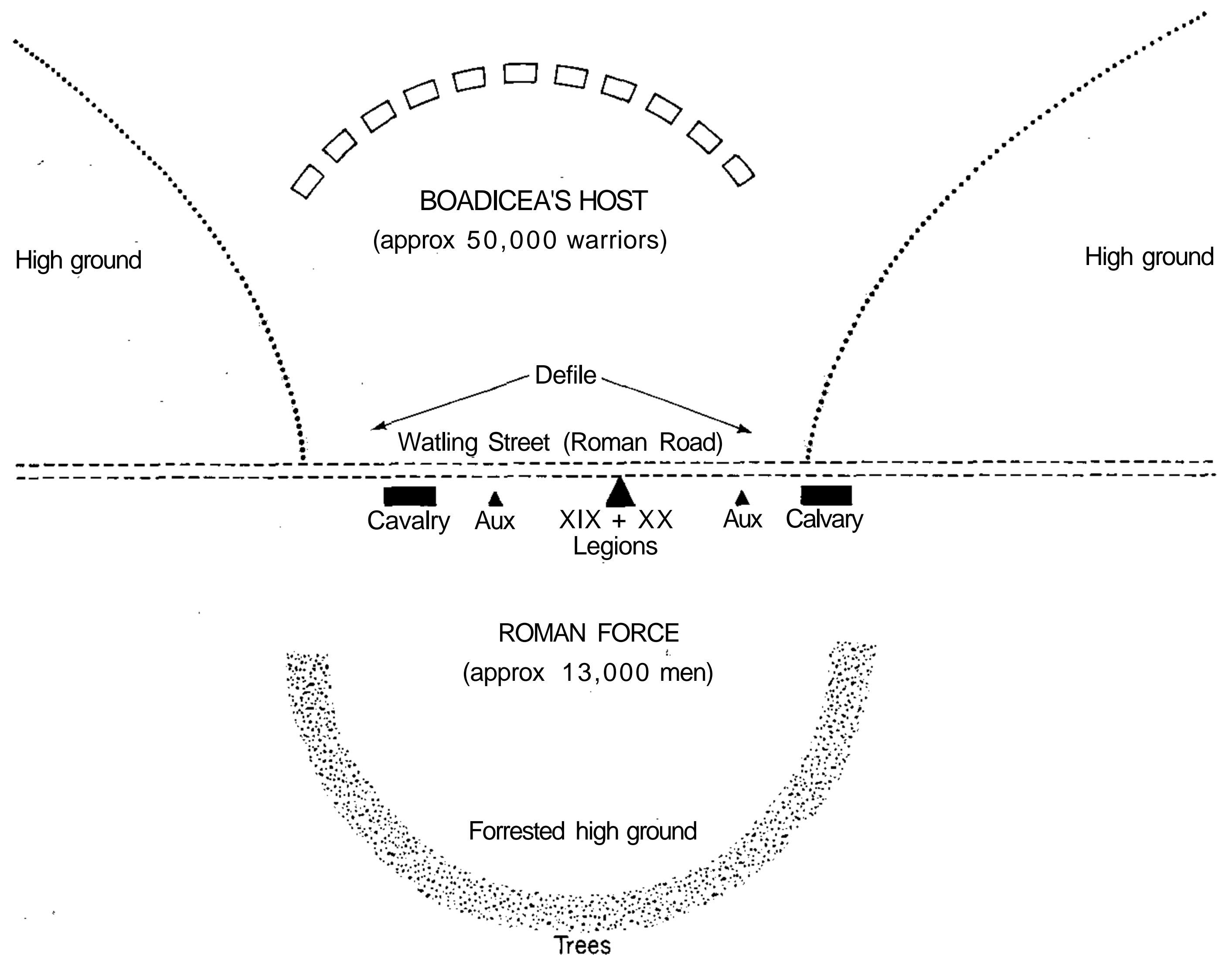
We really have no idea where the final confrontation between Boadicea and Suetonius took place. A site in what is now Leicestershire, near Mancetter, to the south-east of Atherstone and close to the line of Watling Street, has been suggested by Graham Webster, the leading authority on the revolt. Paulinus, he points out, would have chosen a position to give him the greatest tactical advantage, and going on the information included in Tacitus, he suggests that:

It was at the approach to a narrow defile which meant that the Britons were forced to advance into a front of diminishing width: the greater their force the more packed they would have become in their eagerness to reach the Romans

(Boudica: Webster)

Behind lay a thick forest, on rising ground that gave plenty of protection to

Likely plan of the battle between Boadicea and Suetonius.

Paulinus' rear. Ahead the ground was open, affording no cover to the advancing Britons. It seems quite astounding in retrospect that Boadicea allowed herself to be drawn into giving battle in such terrain; but by this time her army - which has been estimated at anything between 100,000 and 230,000 - had gained a frightening momentum. The Britons believed that nothing could stop them - after Camulodunum and the IX Legion, after Londinium and Verulamium, they would simply roll over the Roman army and leave nothing but dead in their wake. So certain were they of victory that they had even brought their wives and families with them in huge wagons. These now formed a semi-circle behind the war-host, effectively enclosing them between two walls - the Romans in front and their own people behind. Tacitus says that women and children were even seated on top of the wagons to view the spectacle of Rome's defeat.

Against this imposing host of Celtic warriors were ranged an estimated 11-13,000 Roman soldiers, consisting of the XIV Legion, detachments of the II and XX at the centre, as well as cavalry and auxiliaries on the wings.

Both Dio and Tacitus record the speeches of the respective leaders before the battle - Dio's is lengthy, bombastic and wholly unlike anything a British leader would have uttered. Tacitus, whom we must remember was reporting events actually witnessed by his uncle, may get closer to the truth. At least we get a feeling of the kind of words that might well have resounded above the shouting, screaming, chanting warriors of the British side, or over the silent, waiting ranks of the legionaries:

Mounted in a chariot with her daughters before her, she rode up to clan after clan and delivered her protest: it was customary, she knew, with Britons to fight under female captaincy, but she was avenging, not, as a queen of glorious ancestry, her ravished realm and power, but, as a woman of the people, her liberty lost, her body tortured by the lash, the tarnished honour of her daughters.

(trans: J. Jackson)

The gods themselves were on their side, she continued, as witnessed by their just success. One Legion they had destroyed already, the rest were skulking in their camps and would never face so vast an army as their own. Let the men go home if they wanted, the women would finish this on their own! We may imagine Boadicea's harsh voice ringing out across the field, her red hair flaming, her strong arms raised, shaking a bloodied spear towards the Roman army.

Even Suetonius, according to Tacitus, broke his customary silence, commanding his men to 'ignore the noise and threats of these savages', pointing out that there were more women than men in their ranks and that they would soon give way before soldiers who had beaten them so often in the past. To this few, he claimed, lay the honour of the Legions and of Rome, so:

Keep close order, when you have thrown your javelins, push forward with the bosses of your shields and swords, let the dead pile up, forget all about plunder, win the victory and it's all yours.

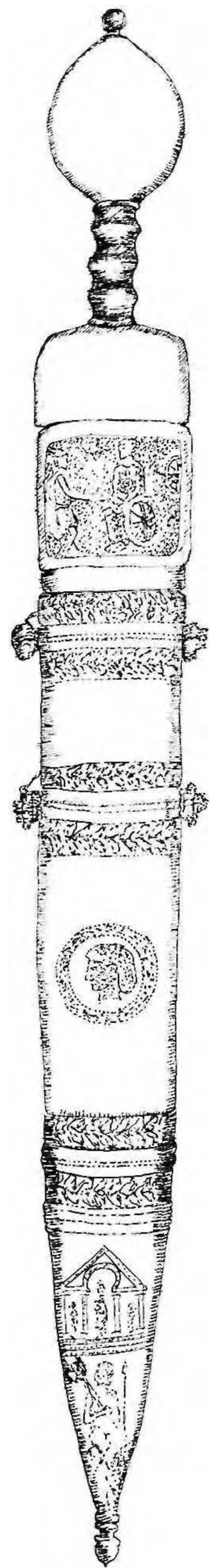
(trans: Webster)

And so the Britons came on. There was little room for the usual wave of chariots, the shouted insults, thrown spears and swift withdrawals; the whole mass of the British host advanced together, and were met with a hail of Roman javelins, unyieldingly followed by a second. Many fell, and then the Legions began their advance. Supported by cavalry on both flanks to prevent any of the Britons escaping, they pressed forward with the inevitability of a steel ram. Three wedges were driven deep into the press of Celts who had no room to swing their long swords against the short *pila* of the legionaries.

They were cut down in swathes and began to retreat, only to find their backs hampered by their own wagons and families. In a few hours, it was over. Hundreds, perhaps thousands of Britons lay dead in great mounds; women and children and old men, even the oxen which had pulled the carts to the site were slain and blocked all retreat. In all, some 40,000 Britons probably fell that day, against less than a quarter of that number of the Romans. We cannot know the exact figures, and Tacitus and Dio undoubtedly exaggerate.

Dio Cassius tells us that Boadicea fell sick and died, although whether in captivity or not, he does not state. Tacitus inclines to her taking poison. In whatever manner her death took place, the revolt was over.

If Boadicea did indeed take poison, the reasons are not far to seek. She had probably been captured and had no wish to be packed off to Rome to form the central tableau of the Conquest of the Britons in the triumphal train of Suetonius. Like Cleopatra of recent memory, she preferred the honourable

A gladius, the Roman legionary's favourite weapon. Crouched behind his huge shield, he flicked the blade in and out, thrusting rather than hacking. An excellent weapon for close work, the grip is made of bone or wood, and the leather scabbard shown here decorated with medallions of victory or the god of war.

way out. It is also possible that she had other reasons for no longer clinging to life. History does not tell us of the fate of her daughters. Had the Romans captured them in battle they would doubtless have told the world. The girls would have been either summarily executed or perhaps married to men of no account. It is likely that they perished in battle, possibly the last affray.

Without her daughters to fight for and bereft of the protection of Andraste - whose nemetons she had liberally watered with the blood of Romans - Boadicea died.

No other woman after her has left such a mark upon British history. In terms of leadership, determination and ruthlessness not even Eleanor of Aquitaine nor Margaret of Anjou (the queens of Henry II and Henry VI respectively), nor Elizabeth I, possessed Boadicea's stature. She remains alone, a solitary pyre on which the hopes of Britain's independence smouldered fitfully and were consumed utterly.

It is impressive testimony that both Tacitus and Dio Cassius treat Boadicea's impossible plight with sympathy, while decrying her bloodthirsty slaughter of their fellow citizens. Barbarian and female she might have been, but her cause was a just one. To a Roman, honour and courage were virtues which cancelled many faults. These qualities Boadicea had in plenty. Both historians accord her the tribute of a worthy and noble adversary. Dio said:

Let us, I say, do our duty while we still remember what freedom is, that we may leave it to our children not only its appellation but also its reality. For, if we utterly forget the happy state in which we were born and bred, what, pray, will they do, reared in bondage?

Aftermath

Reinforced by 2,000 legionaries from Germany, as well as 1,000 cavalry and 4,000 auxiliaries, Suetonius now set about a systematic and terrible retaliation against the tribes of southern Britain. Calling upon the name of *Mars Ulator*, god of vengeance, he marched through Iceni and Trinovant territory, burning crops and farmsteads and slaughtering any Britons he found. He seems, indeed, to have become somewhat deranged, pursuing his trail of vengeance with a savage determination, almost as though some of Boadicea's blood-lust had communicated itself to him after her death. At any rate, he kept the army 'under canvas' for the remainder of the year - which must have made him extremely unpopular with the legionaries, who would normally have wintered in the comparative comfort of a stone fort.

Only the appearance of a new Procurator, Julius Classicanus, put an end to these events. Some kind of quarrel seems to have occurred between the two men, and we may suppose that it was over Classicanus' desire to take a more moderate line with the Britons.

In dispatches to Rome, he requested the recall of Suetonius, and finally got his way in the following year. A new Governor, Petronius Turpilianus, duly arrived, whose policy was one of mediation rather than attrition, and by

the end of the year the province had begun to settle back to a more peaceful existence.

Boadicea's failure after her initial triumph, remained in the minds of the Britons sufficiently to deter them from making another serious attempt at revolt. The northern tribes were either forced into submission or contained behind Hadrian's Wall and Britain became in every way a Roman province, though the shockwaves sent out by Boadicea's unparalleled success and the violence and wholesale slaughter caused by the revolt, continued to cause ripples in Rome's attitude to her provinces for some time thereafter.

It may be said that the rebellion finally helped to make the state of things in Britain better than they had been before - there seems to have been a genuine attempt to recognize the tribes as civilized people rather than as painted savages. Temples were raised to Celtic gods in the guise of their Roman equivalents - though the Druids, their power broken by Suetonius, were never again permitted to re-establish anything like a formal organization.

Not until the gradual break-up of the Empire some 500 years later caused the withdrawal of the Legions, was there any effort on the part of the Britons to reassert themselves. By which time they had a new adversary to contend with - the Saxons. But by then many of the tribes had been thoroughly romanized, and the face of Britain had changed forever.

Boadicea Remembered

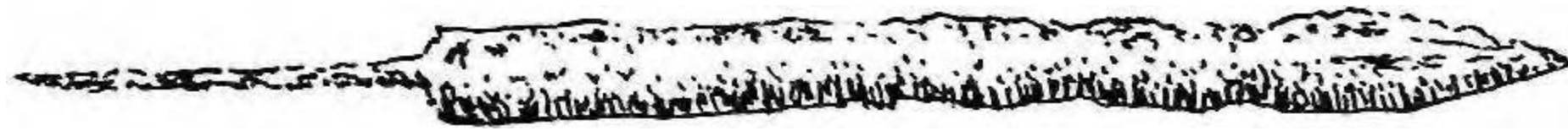
Boadicea is best remembered for her courage and leadership which was, however, no match for the iron discipline of the Legions. As Caractacus had learned before her, it was virtually impossible to weld the fiery, independent tribes into anything like an army. Once the momentum of their early victories was spent, they collapsed, and were cut down. Rome triumphed as she had always done, though suffering a blow which she would never quite forget.

Boadicea assumed her place in history as one of the truly great heroines of Britain and is remembered as a champion of the people - though she has had a chequered career at the hands of writers through the ages. The irascible sixth century historian Gildas called her 'a treacherous lioness'; while at the other extreme the poet Tennyson apostrophized her as a great English heroine.

She was, first and foremost, a warrior queen: proud and unbending to the Roman yoke. Justice was certainly on her side in the beginning, and she could scarcely have been expected to appeal to Rome for redress of the wrongs done to herself, her family and her people. She took the only way, and blazed a trail of blood which has never been forgotten. The revolt of 60 A.D. is only a minor episode in the history of Rome, as indeed it is of Britain. Yet, in the end, one has nothing but respect for Boadicea and her wild tribespeople. As Lewis Spence memorably, if rather extravagantly, put it:

Vaster than any form in the early saga of this sea-fortress of the north looms the shade of Boadicea, triumphant even in name and memory, among the world's greatest exemplars of womanly vigour, a goddess in armour descending to the succour of a folk enslaved.

The Notitia Dignitatum

The *Notitia Dignitatum* is a list, compiled in the third or fourth century A.D. of the principal officers and their areas of responsibility within the Empire. It was transcribed and copied successively up until the seventeenth century, when it was probably destroyed, and much of it is thereby corrupt. Within a larger whole, the *Notitia Orientis*, and the *Notitia Occidentis*, which deal respectively with the eastern and western halves of the Empire, are set the chapters dealing with the province of Britannia. It gives a fascinating glimpse of the division of Britain into areas with forts and officers responsible for units of the legions. Although the *Notitia* dates from after the period of the rebellion, it is unlikely to have changed much in the preceding years. Also, this organization itself may have been a result of the revolt, after which things became much tighter within the province.

The text is that of O. Seeck (1876) incorporating the amendations of A. L. F. Rivet and Colin Smith (1979), with translations from the Latin original by Caitlin Matthews. The inclusion of? in place names indicates tentative identification.

Vicarius Britanniarum was the substitute for an absent or deceased provincial governor. He was responsible for the parts of Britain which, like the rest of the Roman Empire, was divided into provinces and dioceses for easier administration: *Maxima Caesariensis* was South East Britain; *Valentia* was north of the Wall; *Britannia Prima* was South-East Britain; *Britannia Secunda* was Britain north of the Humber; *Flavia Caesariensis* included the Midlands and Wales.

Comes litoris Saxonici per Britanniam **Count of the Saxon Shore** in Britain was directly responsible for the following officers and dispositions:

Praepositus numeri Fortensium, Othonae Military Officer of the Fortenses regiment at Bradwell

Praepositus militum Tungrecanorum, Dubris Military Officer of the Tungrecani regiment at Dover

Praepositus numero Turnacensium, Lemannis Military Officer of the Turnacensi regiment at Lympne

Praepositus equitum Salmatarum Branodunensium, Branoduno Military Officer of the Dalmatian cavalry, Brancaster

Praepositus equitum stablesianorum, Gariannonensium, Gariannonor Military Officer of the Stablesiani cavalry, Burgh Castle

Tribunus cohortis primae Baetasiorum, Regulbio Tribune of the First Baetasium Cohort, Reculver

Praefectus legionis secundae Augustae, Rutupis Prefect of the Second Augustinian Legion, Richborough

Praepositus numeri Abulcorum, Anderidos Military Officer of the Abulcorium regiment at Pevensey

Praepositus numeri exploratorum, Portum Adurni Military Officer of Scouting (Spying) regiment, Porchester.

The Dux Britanniarum **Duke of Britain** was responsible for the following officers:

Praefectus legionis sextae Prefect of the VI Legion at York

Praefectus equitum Dalmatarum, Praesidio Prefect of the Dalmatian cavalry at?

Praefectus equitum Crispianorum, Dano Prefect of the Crispinian cavalry, Doncaster? Jarrow?

Praefectus equitum catafractariorum, Morbio Prefect of cataphracts?

Praepositus numeri barcariorum Tiridiensium, Arbeia Prefect of the Tiridatian regiment, South Shields

Praefectus numeri Nerviorum Dictensium, Dicti Prefect of Nervian regiment, at Wearmouth?

Praefectus numeri vigilum, Concangios Prefect of the Watch, Chester-le-Street

Praefectus numeri exploratorum, Lavatres Prefect of the Scouting regiment, Bowes

Praefectus numeri directorum, Veneris Prefect of the Pathfinding regiment, Brough

Praefectus numeri defenscrum, Braboniaco Prefect of the Defensive regiment, Kirkby Thornton

Praefectus numeri Solensium, Maglone Prefect of the Solensium troops, Old Carlisle

Praefectus numeri Pacensium, Magis Prefect of the Pacensian troops, Burrow Walls?

Praefectus numeri Longovicanorum, Longovicio Prefect of the Longovi troops, Lanchester

Praefectus numeri supervenientium Petrueriensium Derventione Prefect of the Superventores regiment, Malton

The Dux Britanniarum also had responsibility for 24 further Prefects and Tribunes posted along the Wall.

Chronology of the Rebellion

Much of Lewis Spence's information, on which the following is based, has been superceded by modern archaeological evidence. Nevertheless, there seems no reason to quarrel with his suggested time-scale of events.

60 A.D. Death of King Prasutagus.	61 A.D. Early July Suetonius arrives at Londinium. Londinium sacked. Suetonius retreats across the Thames in the direction of Regnum, conveying the fugitives from Londinium part of the way to that place. Mid July Verulamium sacked. Mid July-Mid August Suetonius takes up a position south of the Thames. Mid August He recrosses the Thames and marches northward to Londinium. End of August Meets Boadicea in battle. September-October Suetonius gathers forces in Britain into one army 'to finish the war' and ravages the territories of the hostile tribes. October-November Reinforcements sent from Germany. They go into winter quarters.
61 A.D. Early March Suetonius departs for Anglesey. The outrages on the Icenian royal family take place. Mid March-May Partition of Icenian territory proceeds. Annexation to Roman colony. Mid March-May Suetonius makes preparations to attack Anglesey. May-June Hosting of the Iceni and other tribes. June Suetonius attacks Anglesey and proceeds to demolish native monuments, etc. End of June Suetonius receives news of unrest among the tribes. Early July Boadicea attacks Camulodunum.	

Further Reading

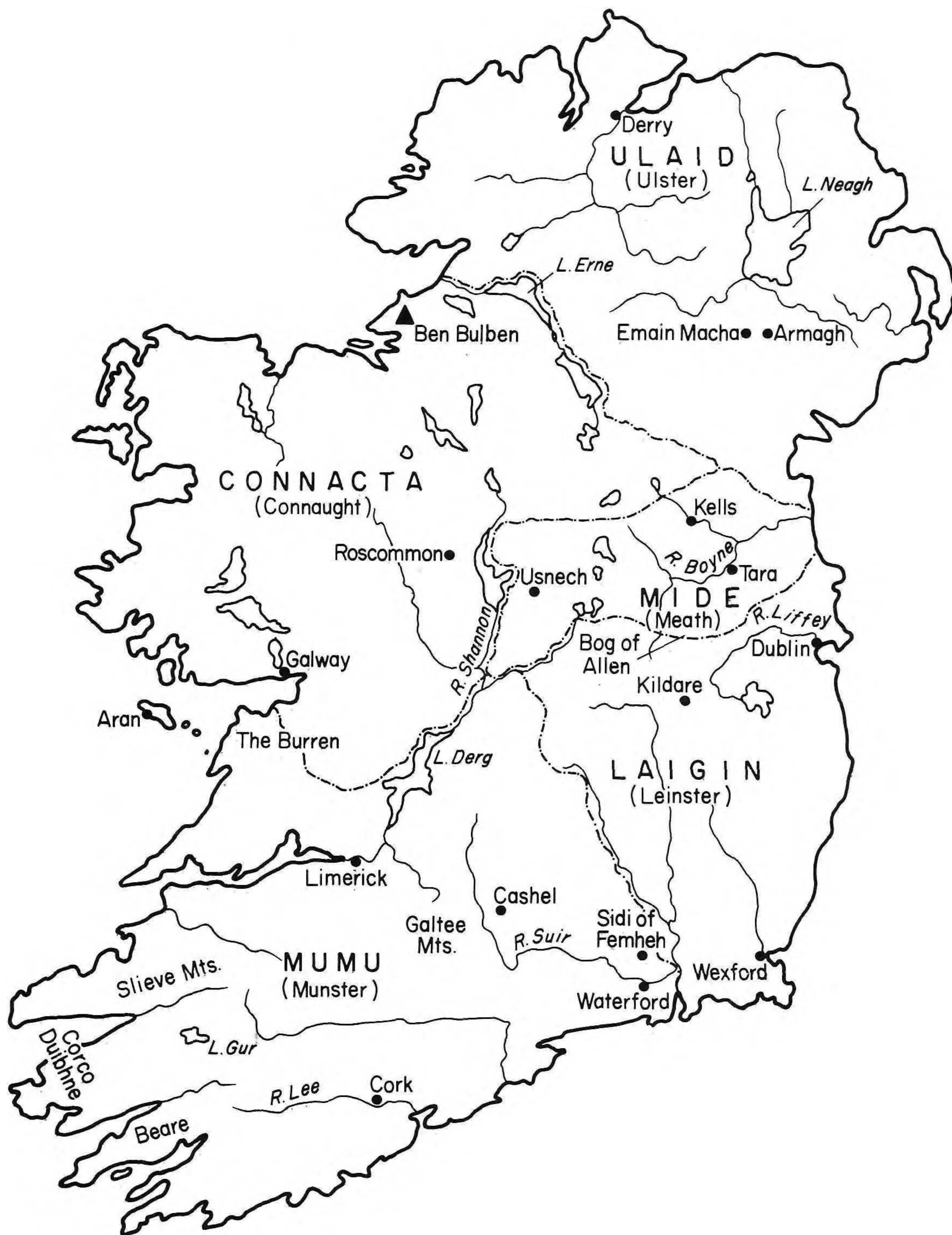
Brannigan, K. <i>Roman Britain</i> Readers Digest, 1980. Caesar <i>The Conquest of Gaul</i> (trans. S. A. Handford) Penguin, 1951. Clayton, P. <i>A Companion To Roman Britain</i> Phaidon, 1980. Cunliffe, B. <i>The Celtic World</i> Bodley Head, 1979. Dio Cassio <i>Roman History</i> (trans. E. Cary) Loeb Classics, 1925. Durant, G. M. <i>Britain: Rome's Most Northerly Province</i> Bell, 1969. Frere, S. <i>Brittania</i> RKP, 1967. Gildas <i>The Ruin of Britain</i> (trans. M. Winterbottom) Phillimore, 1978. Goodall, D. M. & A. A. Dent. <i>The Foals of Epona</i> Galley Press, 1962. Lindsay, J. <i>Our Celtic Heritage</i> Weidenfeld, 1962. Mellett, M. <i>Warrior Queen</i> Pan Books, 1978. Merrifield, R. <i>The Roman City of London</i> Longman, 1965. Newark, T. <i>Celtic Warriors</i> Blandford Press, 1986. Norton-Taylor, D. <i>The Celts</i> Time Life International, 1976.	Piggott, S. <i>The Druids</i> Thames & Hudson, 1968. Ritchie, W. E. & J. N. G. <i>Celtic Warriors</i> Shire Press, 1985. Rivet,'A. L. F. & C. Smith. <i>The Place-Names of Roman Britain</i> Batsford, 1979. Robinson, H. R., <i>The Armour of Imperial Rome</i> Arms & Armour Press, 1976. Ross, A. <i>The Pagan Celts</i> Batsford, 1986. Scullard, H. H. <i>Roman Britain, Outpost of Empire</i> Thames & Hudson, 1979. Smurthwaite, D. <i>Ordnance Survey Complete Guide to the Battle-fields of Britain</i> Webb & Bower, 1984. Spence, L. <i>Boadicea</i> Hale, 1937. Tacitus <i>The Agricol & the Germania</i> (trans. H. Mattingly) Penguin, 1944. Tacitus <i>The Annals</i> Books XIII-XVI (trans. J. Jackson) Loeb Classics. Webster, G. <i>Boudica: The British Revolt against Rome AD 60</i> Batsford, 1978.
---	--

FIONN MAC CUMHAIL

CHAMPION OF IRELAND

THE IRELAND OF FIONN

*Long, long ago, beyond the misty space
Of twice a thousand years,
In Erin old there lived a might race
Taller than Roman spears.*

Standish O'Grady

The Figure of Fionn

In Ireland, as well as in parts of Scotland today, people still speak of the hero Fionn mac Cumhail (Finn MacCool) as though his adventures had taken place only a few generations ago. Strange and wondrous tales are told of him: how, with his fearsome band of followers, the Fianna, he built the Giant's Causeway in a night; how he married a Faery Woman; and how he came to taste the flesh of the Salmon of Wisdom, from which he knew all things that were and had been and were yet to be. Others see him as a great and noble-hearted warrior of Ireland, whose deeds are recorded in the very substance of the land.

For the reality behind these tales, we have to turn to Ireland in the second and third centuries A.D., when the fierce and colourful Gaelic warriors lived, quarrelled and fought amid the hills and valleys and mountains. There Fionn, the warrior, chieftain, poet and seer saw his strange beginning; there gods and goddesses, the people of the *sidhe*, mingled with human men and women, and the border between the real world and the twilight realm of Faery was narrow and uncertain. In such times, you might meet an old woman on the road and only discover later that she was a goddess who held the sovereignty of the land as her lawful gift. Or the deer you were chasing might suddenly turn into a beautiful woman (as in the case of Fionn's wife Sadbh) only to vanish again, years later, as suddenly and unexpectedly as she had come.

In this world and in a time that was timeless, heroes like Fionn, or his son Oisín, or his grandson Oscar, or Cúchulainn, the 'Hound of Ulster', all moved in a twilight realm that was neither wholly real nor wholly imaginary. Questions of origin and historical status are still hotly debated. Yet beyond a certain point, an impenetrable wall is met with: history merges with myth and folk-lore, and the once bright figures become shadowy beings again.

Of Fionn himself, we have the following description, written down some 1,000 years after he may actually have lived, but still vibrant with the presence of a man who was as real to the writer as his own kith and kin.

And as to Finn himself, he was a king and a seer and a poet; a Druid and a knowledgeable man; and everything he said was sweet-sounding to his people. And a better fighting man than Finn never struck his hand into a king's hand, and whatever anyone ever said of him, he was three times better. And of his justice it used to be said, that if his enemy and his own son had come before him to be judged, it is a fair judgement he would have given between them.

And as to his generosity it used to be said, he never denied any man as long as he had mouth to eat with, and legs to bring away what he gave him; and he left no woman without her bride-price, and no man without his pay; and he never promised at night what he would not fulfil on the morrow, and he never promised in the day what he would not fulfil at night, and he never forsook his right-hand friend. And if he was quiet in peace he was angry in battle, and Oisín his son and Oscar his son's son followed him in that.

(trans: Lady Gregory)

History or Myth ?

Contention still rages over the historicity of Fionn and the Fianna. Some hold them to be entirely mythical, a product of oral tradition and folk-lore; others say that Fionn was the historical captain of the warriors of King Cormac mac Art, High King of Ireland from 227-266 A.D.

According to the Annals of Ancient Ireland - written, it is true, long after the events they describe - Cumhail, Fionn's father, was the uncle of an earlier High King, Conn of the Hundred Battles. Conn's death is placed in the year 157, while Fionn's death is said to take place in 283 A.D., although the Battle of Gabhra, where he fell, is ascribed to a year later. These dates are close enough, and form a pattern sufficiently similar to establish a probable span for Fionn's life of the years 224-283 A.D., making him in his sixties at the time of his death and placing him firmly during the reign of Cormac.

The Fianna (Fionn's men), were a highly mobile, national militia, recruited from the war bands of the many local chieftains and Kings of Ireland - all serving, nominally, under the aegis of the High King at Tara. There seem to have been seven such bands, each consisting of some 3,000 men and a commander. Fionn, like his father Cumhail, began by commanding the men of Leinster and Meath - specifically the clan Bascna - but came in time to be captain of the whole Fianna, more than 20,000 men.

Their task was to protect Ireland's coastline from invasion, and to help keep the King's law or as the Annals of Clonmacnoise express it 'to uphold justice and to prevent injustice', as well as 'putting a stop to robbery, exacting the payment of tribute, putting down malefactors'. To do this successfully they were placed, in certain instances, outside the law, so that even their kin were unable to claim compensation in the event of the death of any one of the Fianna while on active service.

The setting up of this elite core of warriors is placed at the door of the King, Cormac mac Art, who is described as Ireland's first law-maker, and as conquerer of Alba (Scotland) and of most of Ireland itself. In the words of the unbiased chronicler of Clonmacnoise, he was:

Absolutely the best king that ever reigned in Ireland before himself . . . wise, learned, valiant and mild, not given causelessly to be bloody as many of his ancestors were; he reigned majestically and magnificently.

(trans: C. Mageoghagan)

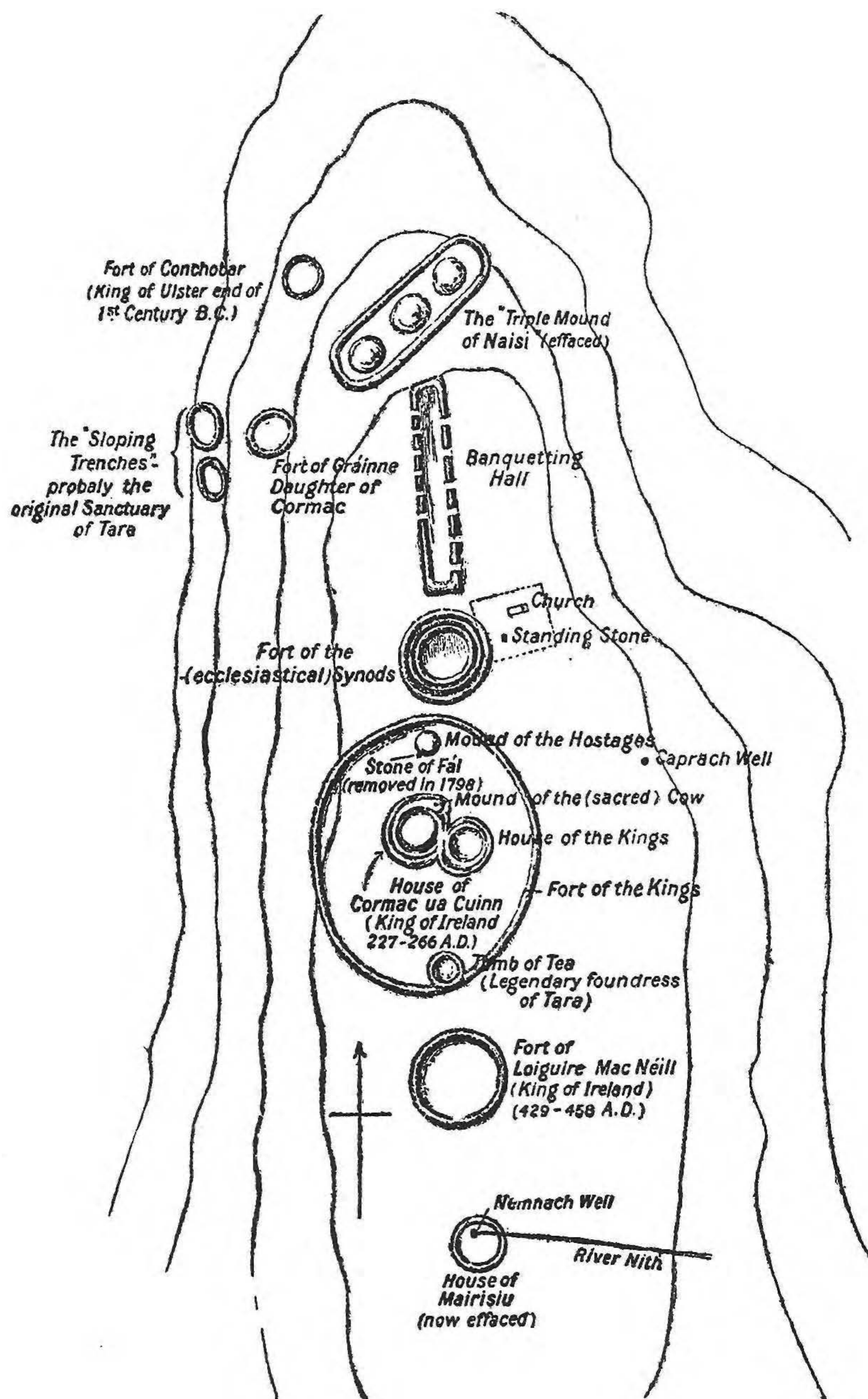
None of this can be proved historically. Nevertheless, scholars have tended to accept it as probable, if not provable. Documents relating to the period are non-existent, and the later accounts, written down by monkish scribes hundreds of years later, are often inaccurate and contradictory.

The image which we derive from a reading of the cycles of stories relating to Fionn and Cormac may themselves be wide of the mark. That there was a High King in Tara may well have been recognised by all; but there were many who would not have acknowledged him or his right to command them, or to draw upon them to furnish men and arms for the Fianna.

A very similar situation existed in Britain some 300 years later, when fear of the invading Saxons caused the scattered and quarrelsome chieftains to band together under a leader who was neither a king nor owed allegiance to any one master. He too, like Fionn, commanded a band of dedicated soldiers, drawn from many areas of the country and also mobile by reason of their equestrian status.

The Giant's Causeway in Co. Antrim is said to have been built in one day by the 'giant' Fionn when he became tired of getting wet feet everytime he crossed to Scotland to steal cattle. This stems from a much later idea of the figure of Fionn.

The principle sites of the Hill of Tara (after R.A.S. Macallister). Tara was the place of Kings for many generations before and after the Fianna, as the many archaeological remains still testify.

This man was Arthur, who like Fionn became mythologised into the towering figure of King Arthur, surrounded by his glittering Knights of the Round Table. With Arthur, it is clear that we are dealing with the memory of a remarkable man, whose legendary stature is a measure of his human qualities. Similarly, in the case of Fionn, there may well have been a real character, whose unique abilities enabled him to hold together a band of warriors from the many tribes, and then to command such loyalty from them that they became an unequalled force in the land.

Certainly, there is a roughness and humanity about the Fianna which make them far more believable than most heroes. Their stories take place in the open air, unlike the later Arthurian material which is more courtly in its setting. The Fianna's favourite pursuits were hunting, fighting and making love, and as we shall see in the stories retold later, they were not above placing personal safety above unnecessary heroics - despite their immense personal bravery. Fionn himself appeared so unwaveringly honest that he was often in trouble because of it: once he had given his word, we are told over and over again that 'he could not refuse' - not even if it meant, as it often did, putting himself and his men at great risk.

As with Arthur, we may never know the truth about Fionn. The best that can be said is that archaeological evidence points to a resurgence and consoli-

The King-mound at Tara. Here all of Ireland's high kings were installed, including Cormac mac Art, whom Fionn and the Fianna served.

dation in Ireland during the period of Cormac's reign. Also, we know that the attempts on the part of the Roman armies in Britain to infiltrate the Celtic kingdom across the narrow seas met with significant lack of success. Perhaps the numerous battles of Fionn against 'the King of the World' may recall his powerful repulsion of the most powerful fighting force then in existence.

Fionn's Ireland: third century AD.

The Fionn cycle takes place in two worlds: that of the real Ireland and that of the otherworld, Tir-nan-Og or Tir-fa-Thon, the dwelling of the Lordly Ones. Between these two worlds, the free-ranging Fianna passed at will, their adventures taking them to and fro across the boundary of the unseen world at any time.

The reality of third century Ireland was a wild untamed land of forest, hill and marshland, teeming with game, birdlife and fish that stocked the rivers to bursting.

The people who lived there were farmers, Celts who had migrated from Europe almost a thousand years before. They kept cattle, pigs and goats, tilled the land and knew the arts of milling and weaving. They dressed in simple clothes dyed with bright colours, bathed frequently and cared about their appearance. They were a proud and warlike people, as their stories show, and they loved nothing better than to band together to raid their neighbours' lands for cattle and slaves. One of the most famous wars in their history began with such an event - the Cattle Raid of Cuailgne (Cooley) - in which Queen Medb (Maeve) of Connaught stole a famous bull from the lands of the Ulstermen and precipitated a conflict which involved Ireland's first great hero, Cuchulainn, and ended in his death.

The cow was, indeed, the basis of Ireland's economy until the eighth century, which finally saw the introduction of a coinage. By this standard, a cow was worth about an ounce of gold. Previously the measure was one cow to three slaves, usually female since these were believed to work harder and to be less likely to run away. The word for a female bonds slave was *cumhal*, which caused at least one writer to assume that Fionn was the son of a slave! Burglary was virtually unknown, most local crime being based on the theft of cattle. After all, cattle could make a poor man rich overnight if he had the strength of arm to keep what he had acquired.

When they were not fighting, raiding or hunting, the people of Fionn's day lived in isolated farmsteads called forts - though these were not always intended for military use or defence. Circular, between 130 and 160 feet in diameter, they consisted of a flattened area surrounded by a bank and ditch set off with a wooden palisade. Within were several huts - depending on the size of the family - while the land outside the fence was cultivated, with the

livestock left to run free. Some 40,000 of these forts still exist in Ireland, where they are thought of as the dwelling places of the Faery people and are thus never ploughed or built over.

Chieftains and kings lived in larger versions of these forts, called *raths*. They were heavily defended and patrolled by warriors in constant readiness for attack. A system of roads connected these greater establishments and a law was enforced which said that they must be tended and kept open on three occasions; in winter, when the land became harsh and cruel; during time of war, when the movement of men was all important; and during the time of the horse-races - for then, as now, the Irish loved to hold races and to bet huge sums on their favourites.

There were something like 150 small kingdoms in Ireland at the time of Fionn and the Fianna. Each had its own ruler and, when allied, these formed a province under a greater king, who in turn owed allegiance to the High King - though this office was not really established until the beginning of the eighth century, some 500 years after the time of the Fianna.

Fionn's lord, Cormac mac Art (who was also, later, his father-in-law) was one of the first and greatest to claim the title. He established his capital at Tara and raised the Fianna from every province in the land, giving each lord a part in the defence of the realm while at the same time strengthening his own position.

The choice of Tara for the High King's seat was no accident. Ancient Ireland was divided into five provinces: Connaught (West), Ulster (North),

Staigue Fort, Co. Kerry, shown in a nineteenth century photograph. A circular rath of the kind once occupied by Irish chieftains during the period when the Fianna were active.

The gatehouse of Dun Aongus, Co. Galway, a fort probably named after Aengus mac Og. Its massive stones bear witness to the wealth of its builders and the style in which they lived.

Leinster (East), Munster (South), Meath (Centre). Tara, traditionally the place of power where all true kings of Ireland were made, was in Meath. Geographically this is nowhere near the centre of the country, but mythologically it was correct.

By the same ancient system of division, the provinces were held responsible for the provision of certain skills among their inhabitants. Thus, Connaught was famed for its learning, Ulster for its warriors, Leinster for prosperity, Munster for music and Meath for kingship. Lists of the people and qualities expected to come out of these places - as though they grew there like cultivated crops - are still extant.

Tara itself, with its great hall, could offer hospitality to a hundred men in the style to which the Celts were accustomed: beer had to flow and meat had to be plentiful. Precise rules governed the seating arrangements of the guests, as they also governed the portions of meat they could be expected to receive. Thus, hunters received a pig's shoulder, as did harpists; while the King's fool, or his doorkeepers, got only chins. The seating plans from ancient manuscripts show both how complex were the rules, and how precise.

Despite his position as overlord of Tara, there were many who refused to accept Cormac's right to call himself High King. He had to establish his right through conquest initially, and even with the support of the Fianna, his tenure was never a strong one. Nonetheless, like all the High Kings then and after, he accepted the complex system of laws governing his occupations and duties. As an ancient manuscript puts it:

The seating arrangement (opposite) in Cormac's banqueting hall at Tara, where Fionn and the Fianna may often have dined. The plan was almost symmetrical, with charioteers, for example, seated in each of the top left-hand and right-hand places. Furthermore, as well as each occupation and profession having its place, each group had specified food for the feast.

[Faint handwritten text, likely bleed-through from the reverse side.]

Sundgud zart
und chynoda mthg
zun apud: e chazze die
mthg: nton d

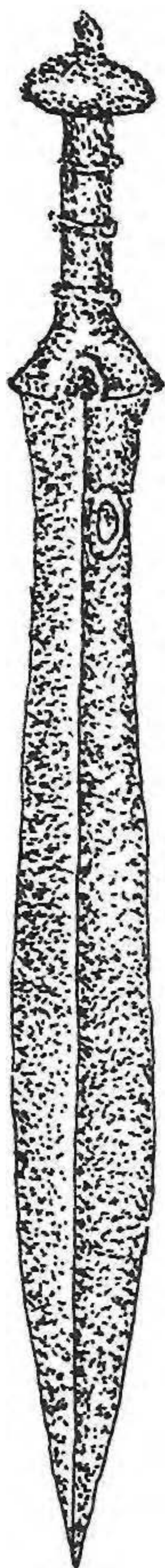
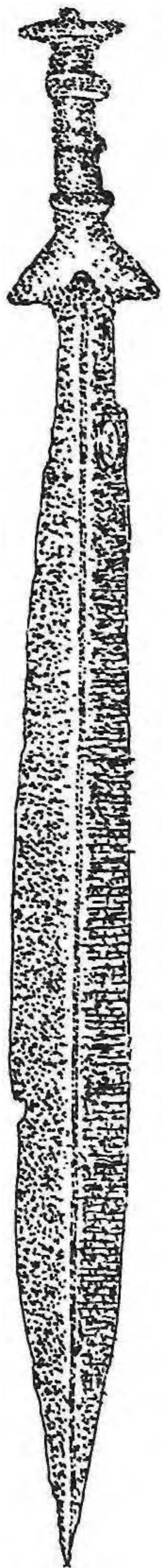
(Faint handwritten text, likely bleed-through from the reverse side)

[illegible]

[The page contains dense handwritten text in a cursive script, likely from a medieval manuscript. The ink is dark and the parchment shows signs of age and wear.]

dobin dais nind ipe loang d...
 can ame eera cana eera...
 nuro yame dgra deidung n...
 elat ol vltant colpta cam...
 Cozngre reuth gye cuming...
 Pl came naitt en naethan...
 con niental eptean...
 Camimam maff mungu com...
 Doyt ne dr...
 vletant d...
 Cunt eali p...
 Carlum...
 el...
 Annam...
 Nedamine...
 t...
 w...
 m...
 m...
 m...

There are seven occupations for a king; Sunday for drinking ale, for he is not a lawful chief who does not distribute ale every Sunday; Monday for judgement, for the adjustment of the people; Tuesday at chess; Wednesday seeing greyhounds coursing; Thursday at marriage duties; Friday at horse-racing; Saturday at giving judgements.

(The Brehon Laws)

The fact that two out of the seven are given over to law-making and only one to lovemaking indicates the importance of the former to the Celtic people - indeed they were among the first Western cultures to develop an intricate system of laws governing daily life.

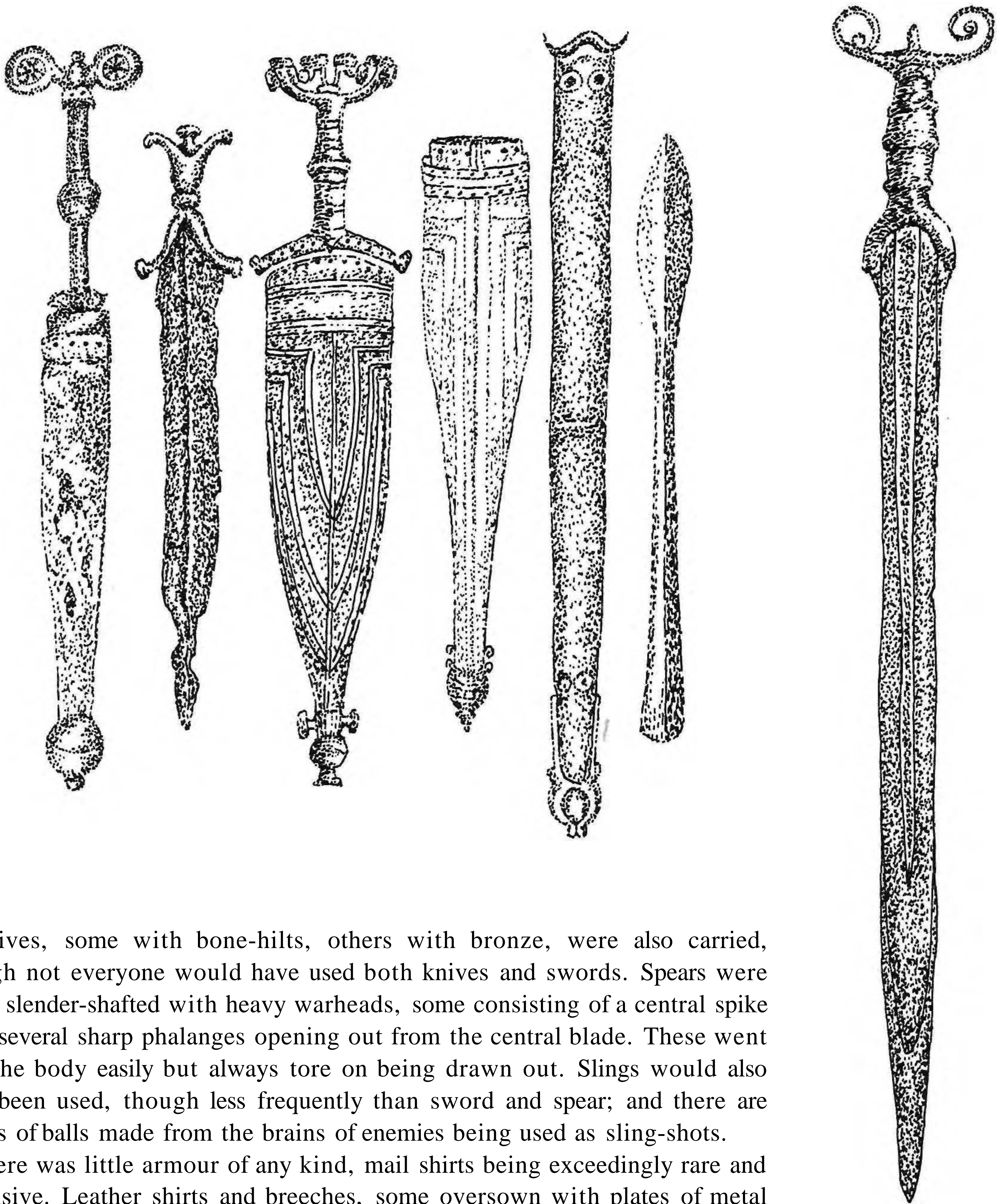
Warriors and Weapons

The Celtic warriors were amongst the fiercest and most terrifying of the ancient world. Their culture gave the warrior pride of place and expected him to perform bravely at all times. He often went into battle naked, both from bravado and as a magical act in which he expected to be protected by his gods. With his hair whitened with lime, combed into fantastic shapes, his body patterned with tattoos, he always attacked furiously, screaming his war shout or chanting extravagant boasts of his own past deeds of bravery.

The Celts were also headhunters, believing the head to be the seat of the soul, possession of which lent strength to oneself. Accounts of warriors with belts of skulls, severed heads decorating their chariots and horse harnesses abound. In earlier times, there had been a widespread use of the chariot in which the warriors would career up and down in front of their enemies, flinging spears or shouting insults until they were met by a champion from the opposing side. The Fianna, however, never seem to have used chariots. They were light-clad, mobile and ranged freely across the country on their swift horses, dismounting to give battle with swords and spears.

These weapons were of iron, long and heavy-bladed swords with bronze hilts made in three parts - guard, grip and pommel. They were an improvement over the earlier bronze-bladed weapons which tended to be more flexible. We hear of warriors straightening these beneath their feet during battle. The average sword was 3 feet in length with the hilt being some 6 inches of this. Blades tended to be about 2 1/2 inches broad, tapering to 1 7/8 inches. They were used to cut and hack rather than to stab, and were carried in bronze sheaths with bronze chapes, which enabled their users to hold the scabbard behind one knee and draw the sword forth one-handed, whilst holding their shield with the other. Later, shorter swords became the fashion, worn slung across the upper part of the body. The Fianna would probably have used both kinds.

Knives, some with bone-hilts, others with bronze, were also carried, though not everyone would have used both knives and swords. Spears were long, slender-shafted with heavy warheads, some consisting of a central spike with several sharp phalanges opening out from the central blade. These went into the body easily but always tore on being drawn out. Slings would also have been used, though less frequently than sword and spear; and there are stories of balls made from the brains of enemies being used as sling-shots.

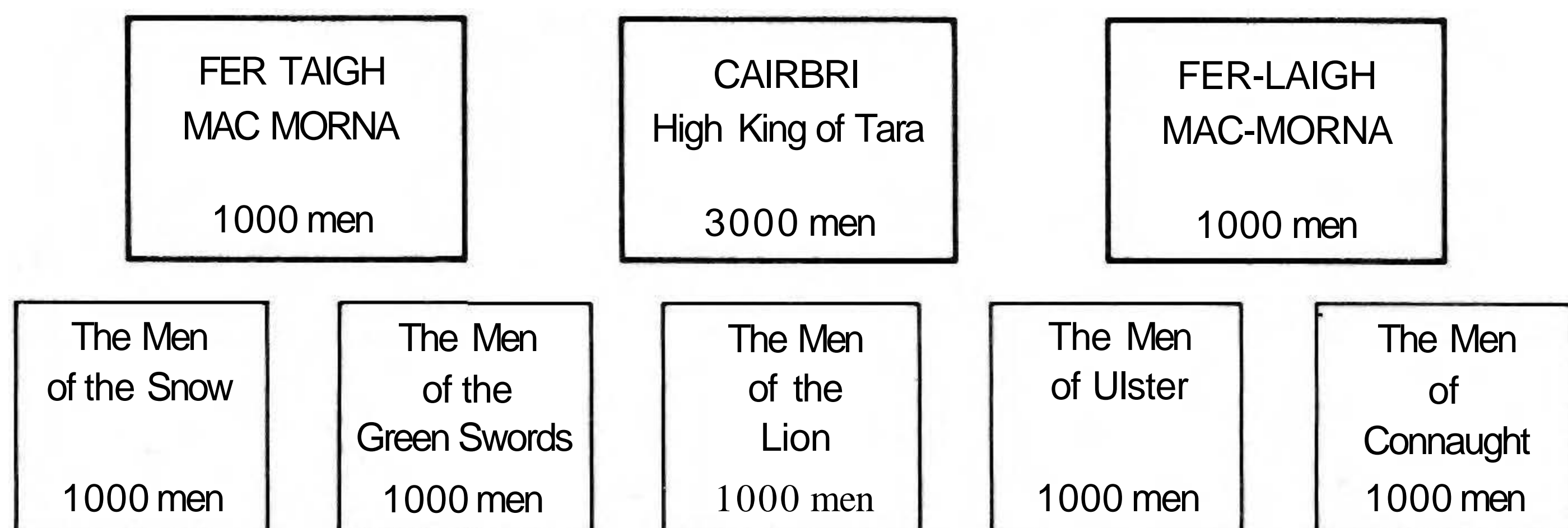
There was little armour of any kind, mail shirts being exceedingly rare and expensive. Leather shirts and breeches, some oversown with plates of metal or waxed linen, would have been worn by the wealthier warriors. However, to wear armour of any kind would have militated against the Celtic warrior's sense of honour.

Fionn is described as preparing for the Battle of Gabhra as follows:

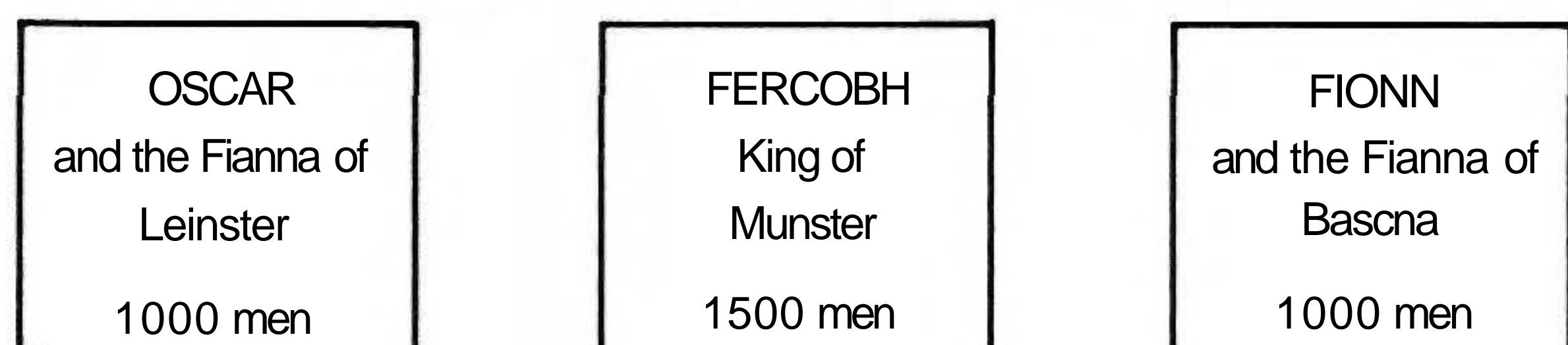
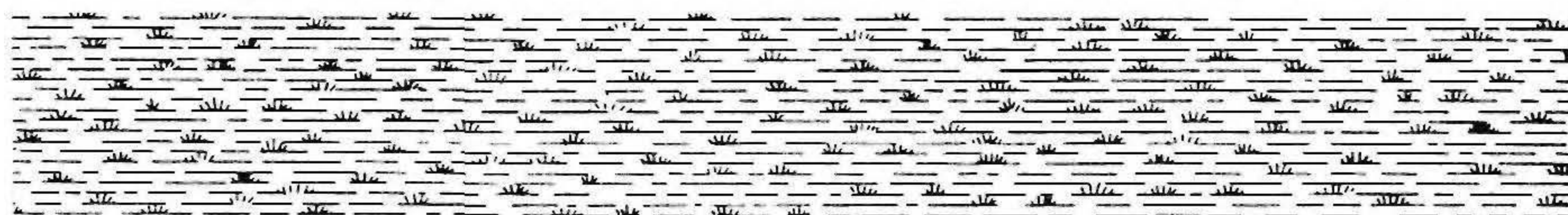
Then rose the royal chief of the *fiana* of Ireland and Scotland and of the Saxons and Britons, of Lewis and Norway and of the hither islands, and put on his battle-dress of combat and contest, even a thin, silken shirt of wonderful, choice satin of the fair-cultivated Land of

(Opposite and above) a selection of Celtic weapons coming from many different sites and periods. This array indicates the variety and artistic qualities instilled by the Celts into their tools of war.

The Five Pillars of the High King's Army Commanded by the Five Sons of Ureiu

Plan of the Battle of Gabhra, which took place in 297 A.D. on high moorland near the Hill of Gabhra in Co. Meath. This depiction is based on surviving manuscript sources and on records of the names of those who fought. Whether the battle actually took place at this site and in this manner can neither be proved nor disproved.

Promise over the face of his white skin; and outside over that he put his twenty-four waxed, stout shirts of cotton, firm as a board, about him, and on the top of those he put his beautiful, plaited, three-meshed coat of mail of cold refined iron, and around his neck his graven gold-bordered breastplate, and about his waist he put a stout corslet with a decorated, firm belt with gruesome images of dragons, so that it reached from the thick of his thighs to his arm-pit, whence spears and blades would rebound. And his stout-shafted martial five-edged spears were placed over against the king, and he put his gold-hafted sword in readiness on his left, and he grasped his broad-blue, well-ground Norse lance, and upon the arched expanse of his back he placed his emerald-tinted shield with flowery designs and with variegated, beautiful bosses of pale gold, and with delightful studs of bronze, and with twisted stout chains of old silver; and to protect the hero's head in battle he seized his crested, plated, four-edged helmet of beautiful, refined gold with bright, magnificent, crystal gems and with flashing, full-beautiful, precious stones which had been set in it by the hands of master-smiths and great artists.

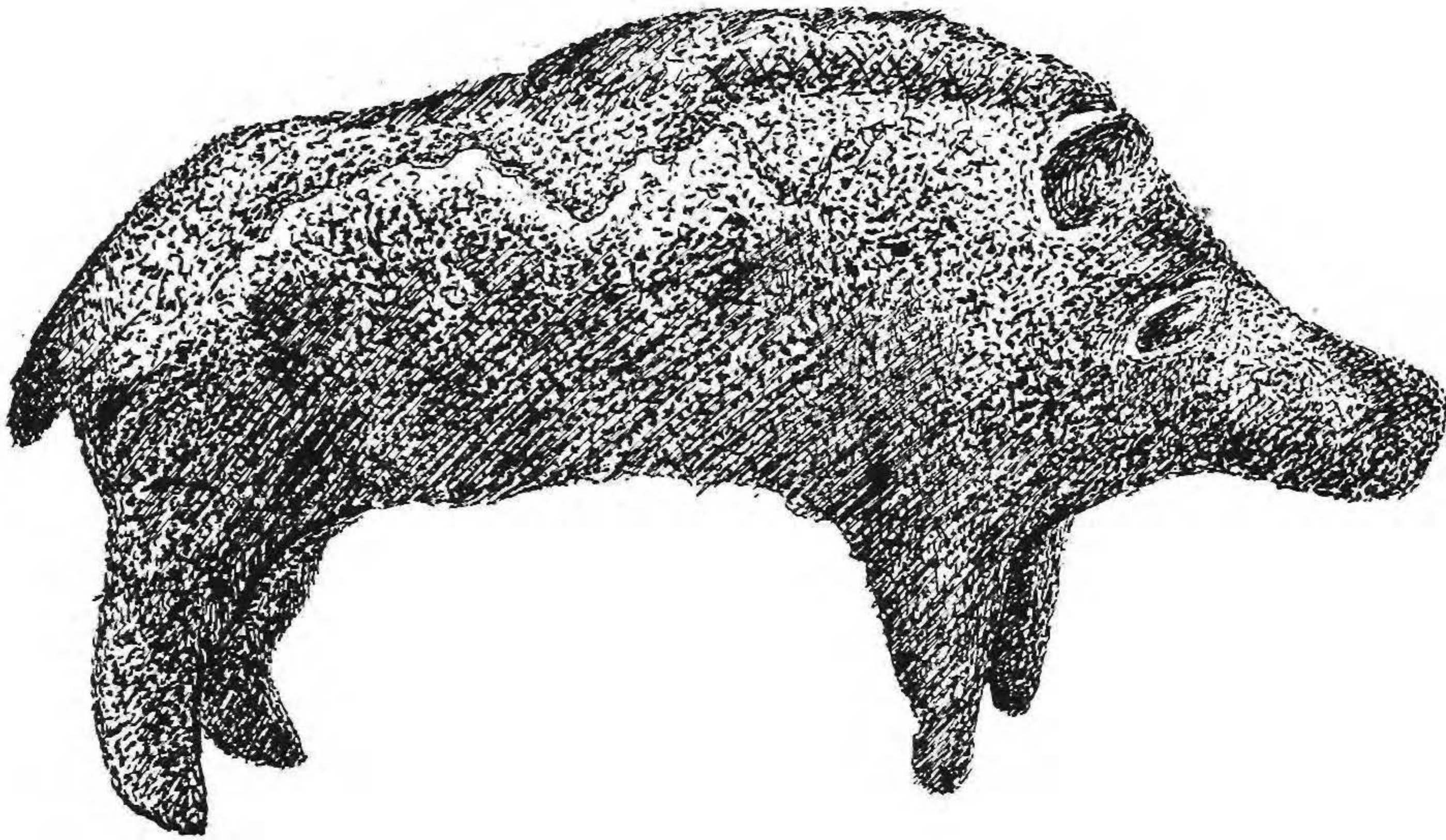
(Fianaigecht trans: Kuno Meyer)

Helmets varied in form, but were at base a bronze cap with horns or peaks added. At the Battle of Mucrine (250 A.D.), some were described as 'crested' - perhaps in the likeness of Roman helmets which some well-travelled mercenaries would have seen. Shields, either oblong or round, were made from wicker work or hide. These were strengthened by strips of iron and bronze, and sometimes had a central boss which could be highly decorated.

Other weapons included battle-axes, used for throwing or hand-to-hand combat; and bronze or iron-tipped maces, often with elaborately carved hilts.

Weapons were sharpened on a ceremonial whetstone known as the 'Pillar of Combat' which was also struck in time of war or to announce single combat. It was set up outside the King's hall on the green.

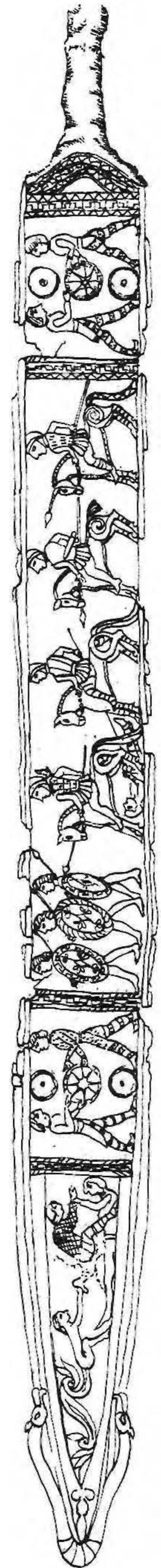
Bronze helmet crest in the shape of a boar, showing the kind of beast often hunted by the Fianna. One such, the Boar of Ben Bulbin, caused the death of Diarmuid O'Duibne, the greatest of Fionn's heroes.

War bands such as the Fianna all comprised three classes of men, who were bound by law to give a certain number of days' weapon-service to their king or overlord. These formed the main part of the war band, but were supplemented by the mercenaries which the king maintained at a fixed rate of pay. These were drawn from many places, including Britain and Scandinavia, and were much hated by the irregular soldiery, who, in most cases, did their stint of service and hurried home to wife and harvest. Men of uncertain allegiance would sometimes be paired with a 'safe' man in battle, often being yoked to him by the leg!

The King had an *aire-echta*, or champion, who avenged family insults or murders, and who was responsible, in time of war, for guarding the most vulnerable passes into the King's domain. He had five men to serve under him, while the King himself had a personal guard (*lucht-tighe*) of personal warriors.

Female warriors were not unknown among the Celts, though they seem to have primarily served in the capacity of trainers. Many of the greatest heroes were taught by women: Cuchulainn by Scathach, who ran a kind of warrior-school; Fionn by Liath, whose training methods included throwing him into deep water, to teach him how to swim, and racing with him until whoever was the faster would strike the loser with a peeled wand. Women also seem to have cared for the sick and those too old or severely wounded to fight. Hostels for the sick were administered at public expense.

As part of their task was the defence of Ireland's coast, the Fianna had an intricate system of look-outs and signals posted at clifftop, ford and passes of strategic importance. Signals were passed by relays of runners (often women) or by beacon-fires at night. The Fianna could thus be at the site of an attack in record time. Battles were often very organised affairs, joined by mutual agreement on certain days and at specified times.

Although this decorated Iron Age scabbard dates from a period several hundred years before Fionn, the stylized images of mounted warriors give a good idea of how the Fianna may well have looked.

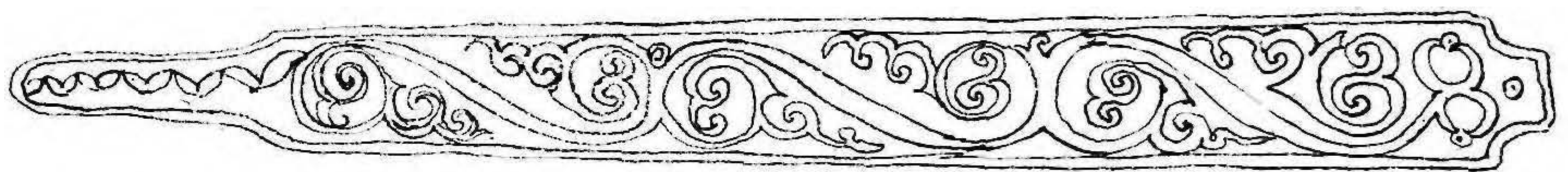
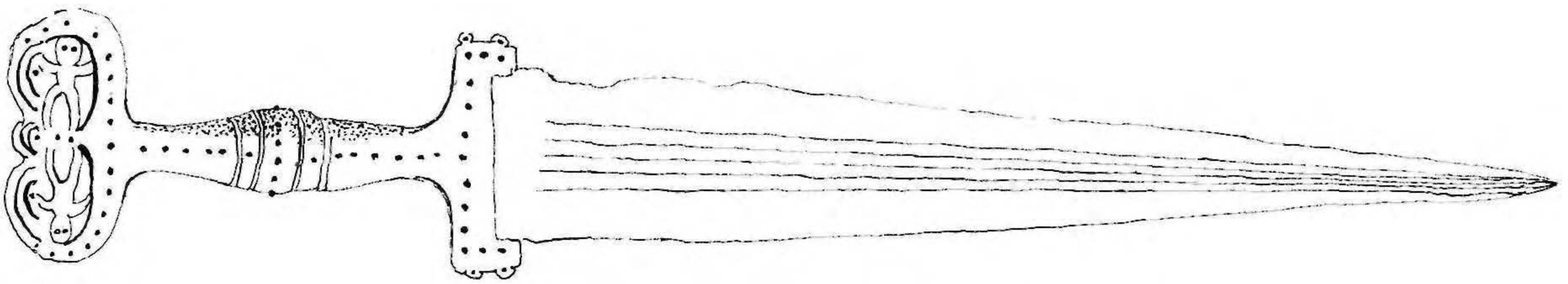

Camps must have resembled impromptu fairgrounds, such as the Irish erected at certain festival times, everything ordered in streets of booths or tents with the King's tent set on an eminence and trenches with palisades thrown up round the whole.

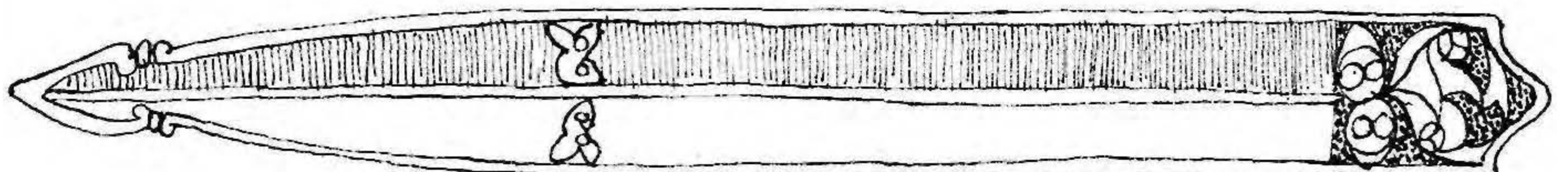
Before battle, each warrior took a stone and these were piled in cairns. Afterwards, those stones not claimed enabled the number of the dead to be calculated.

Thus, the Fianna kept Ireland safe and law-abiding throughout their existence. Despite our lack of detailed historical knowledge, we can say without doubt that they must have been one of the finest bands of fighting men ever to have existed.

This short sword is a product of the Celtic Hallstatt culture. It would have been carried by a nobleman of the kind who served with the Fianna.

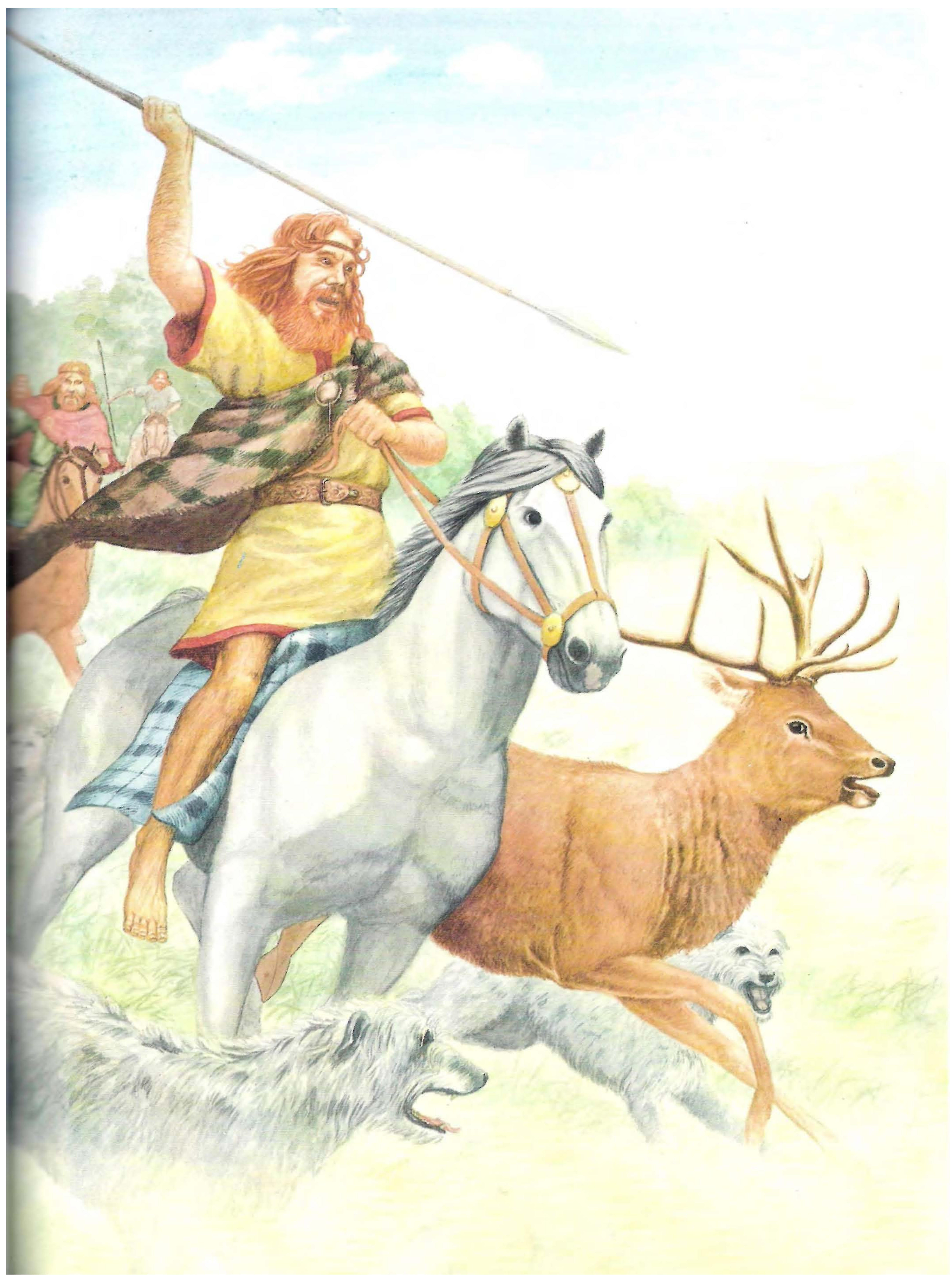

Swords and scabbards discovered as far apart as Toome in Co. Antrim, Worton in Lancashire and Mere in Somerset. These examples of weaponry show how defined the style and design became during the Celtic era.

The Fianna were the greatest hunters in Ireland, famed for their horsemanship and courage in the chase. The greatest of all the hunters was Fionn himself here in the act of spearing his quarry, his favourite hounds by his side.

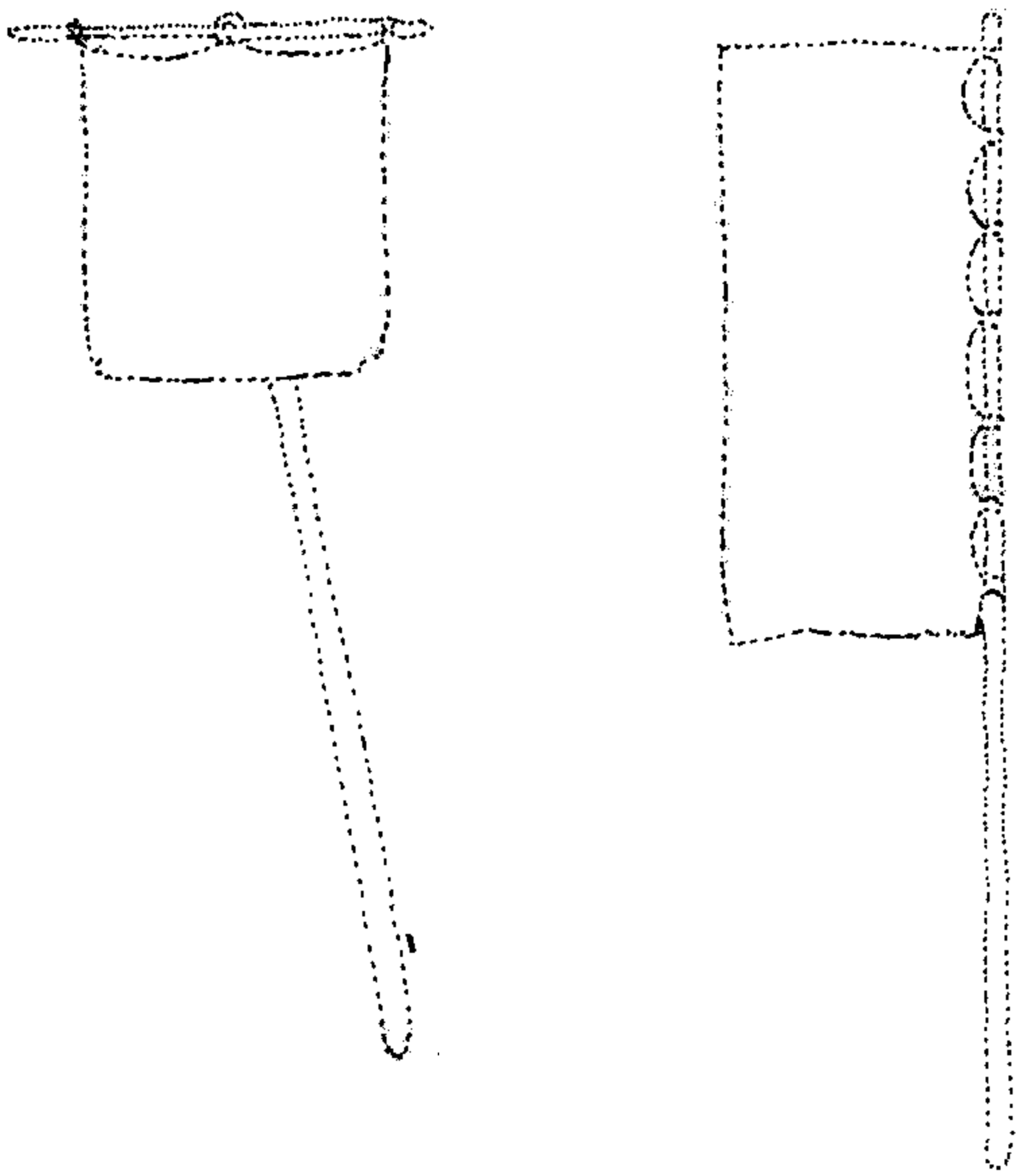

Banners of the Fianna. The stories speak of such bratach (banners) being borne before the heroes in battle. Of stiffened cloth, they possessed the magical quality of each hero and could even hack and maim, attacking enemies with a force of their own. These reconstructions are all based on original sources and show possible ways in which the banners were carried into battle

The Heroes of the Fianna

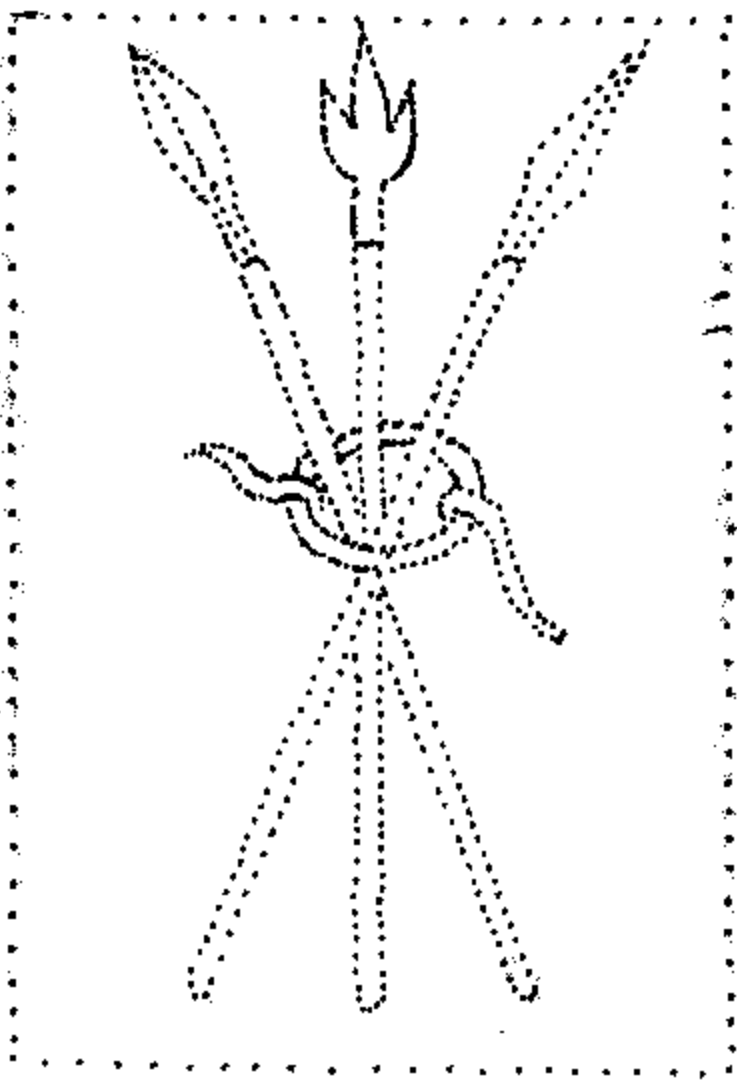
Nothing quite like the Fianna has existed before or since. Unlike other war bands of the time they were drawn from every province and part of Ireland. They owed allegiance only to Fionn (though they must in fact have existed before, since Fionn's father Cumhail was their commander before him) and through him to the High King. But they did not spend all the year fighting; from Beltain to Samhain (April to October) they hunted and lived off the land, seldom remaining in one place more than a few nights. The rest of the year, they were liable to be billeted on noble or freeborn people without charge - part of their wages for the protection of the land. What their regular wages were is not recorded, though Fionn once speaks of giving one man 'three times fifty ounces of gold and silver in one day'.

Certainly they were well clothed:

And there were fifty of the best sewing-women in Ireland brought together in a rath on Magh Feman, under the charge of a daughter of the king of Britain, and they used to be making clothing for the Fianna through the whole of the year. And three of them, that were king's daughters, used to be making music for the rest on a little silver harp; and there was a very great candle-stick of stone in the middle of the rath, for they were not willing to kindle a fire more than three times a year for fear the smoke and the ashes might harm the needlework.

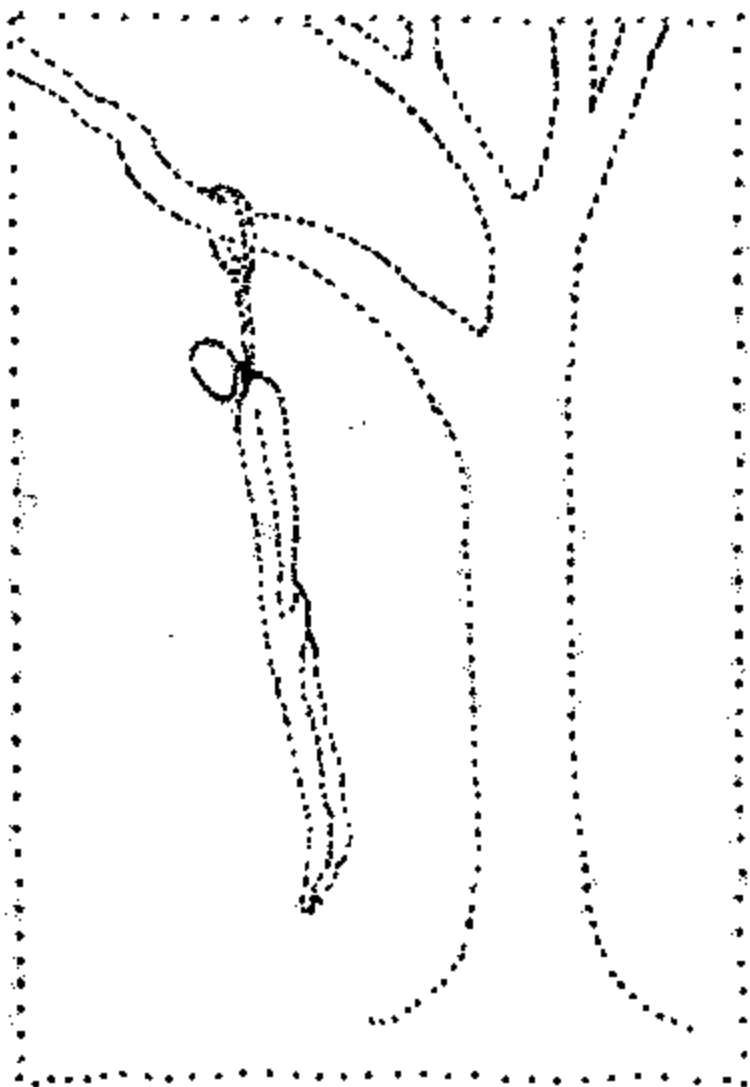
(Gods and Fighting Men: Gregory)

Though they were thus well cared for, the Fianna lived a wandering life, rarely staying in one place more than a few days. For this reason, there are many places in Ireland and Scotland which are associated with the Fianna - yet few large fortresses or sites carry their name. Fionn himself had his headquarters at the Hill of Almu (or Allan) in Kildare, though there are no signs today of the fortified Dunn from which the Fianna once rode to hunt and battle. From there, riding in small bands, the whole of Ireland and much

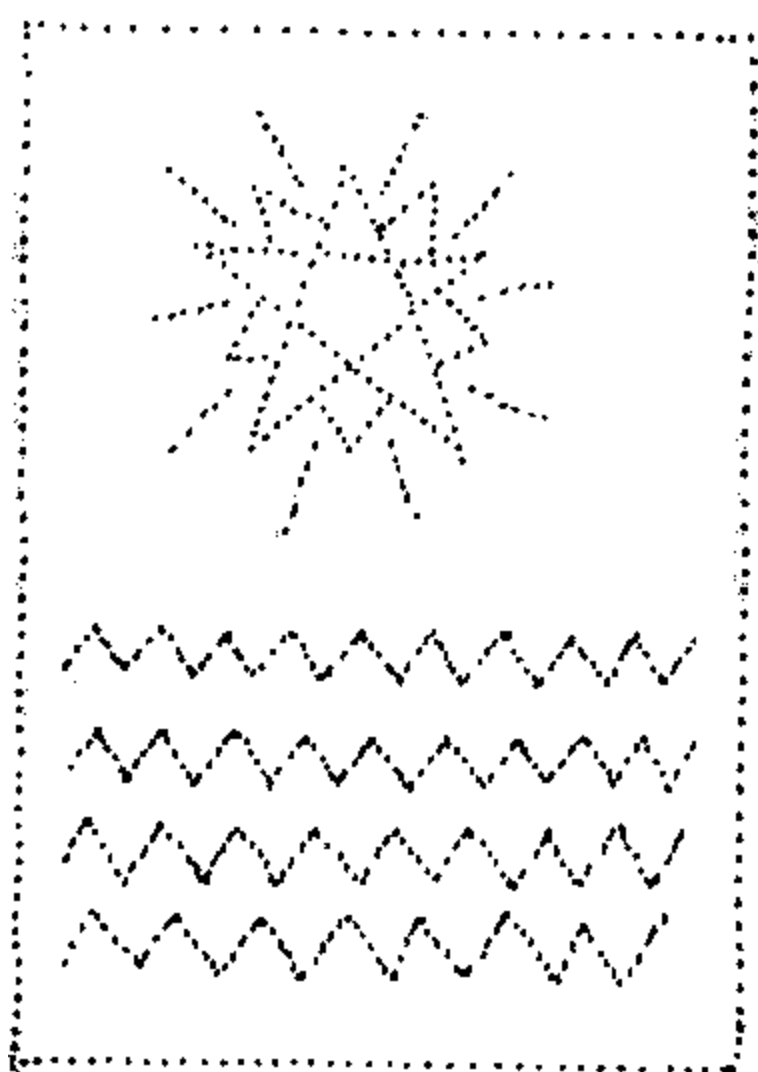
*Oscar's Banner Squab
Ghabhaidh Terrible Sheaf*

*Goll Mac Morna's Banner
Fulang Doghra Prop of
Lamentation.*

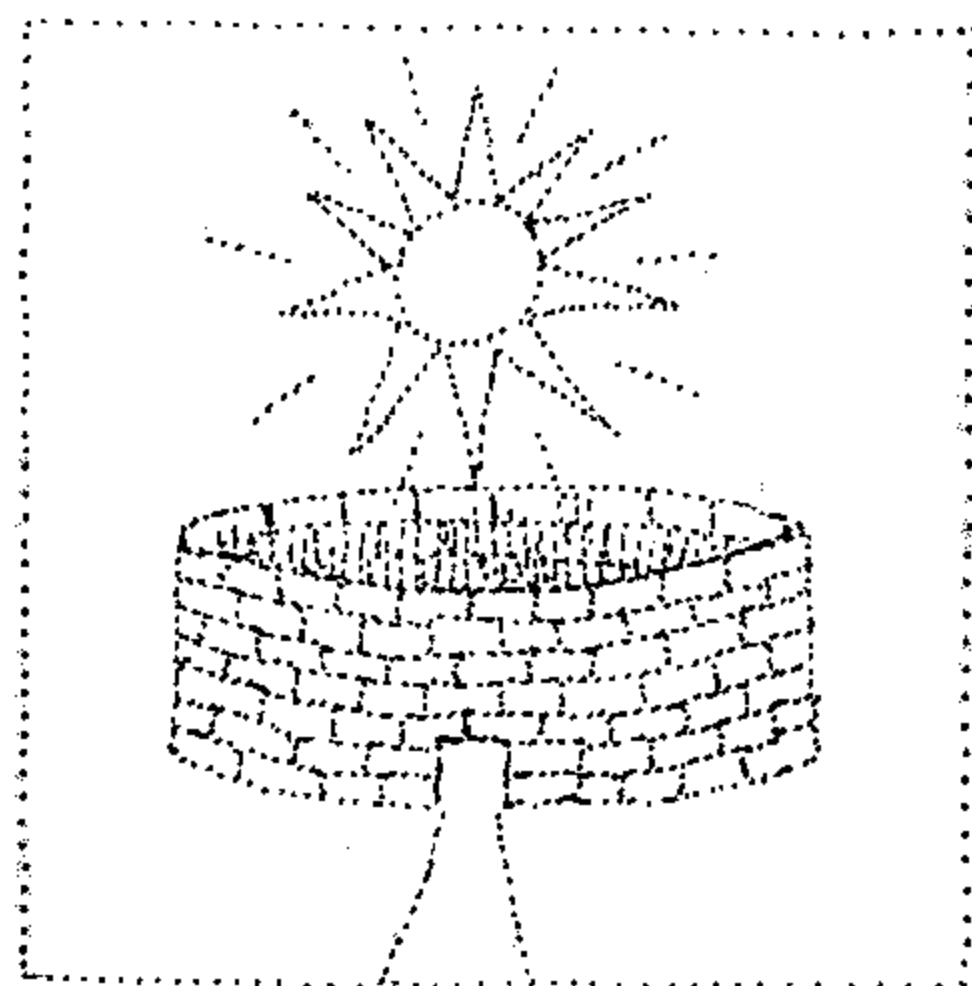

Diarmuid, Fotla and Conan Maol held the Ford of the Quicken Trees against hundreds of Fionn's enemies, whilst he and the rest of the Fianna were kept in enchanted imprisonment in the Hostel of the Quicken Trees.

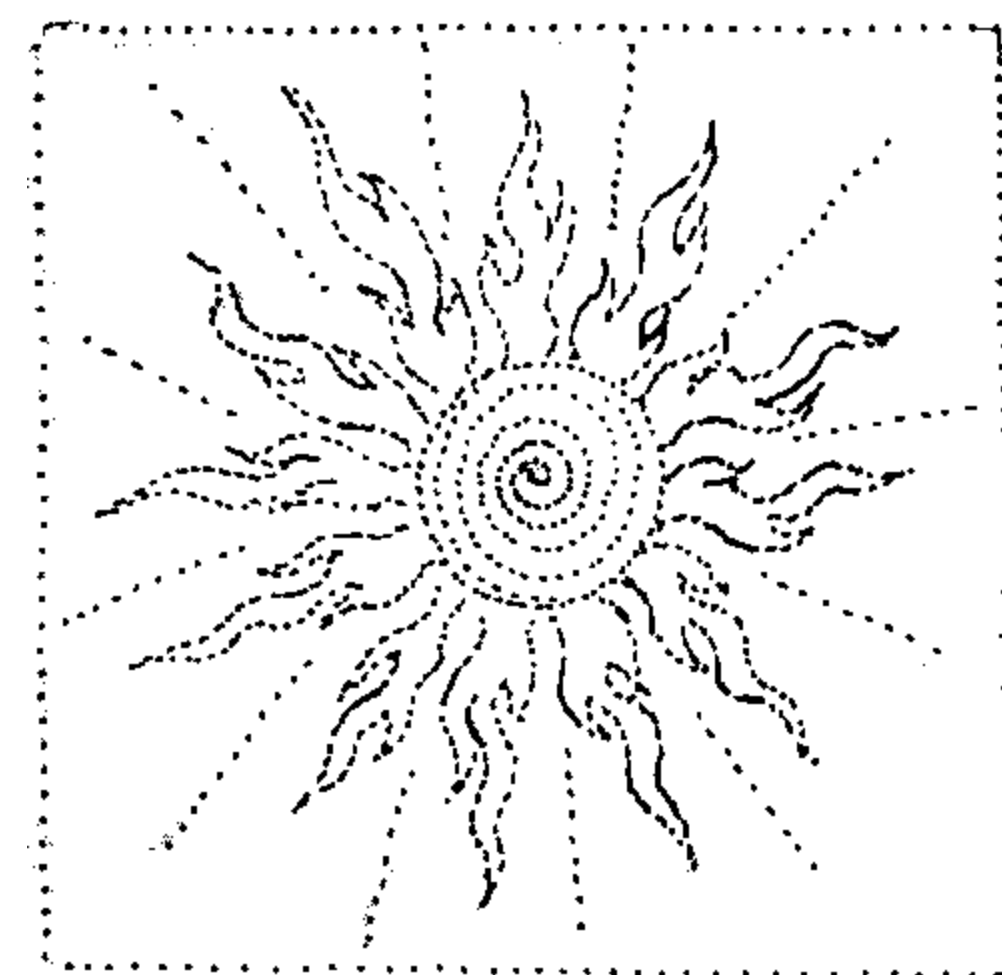

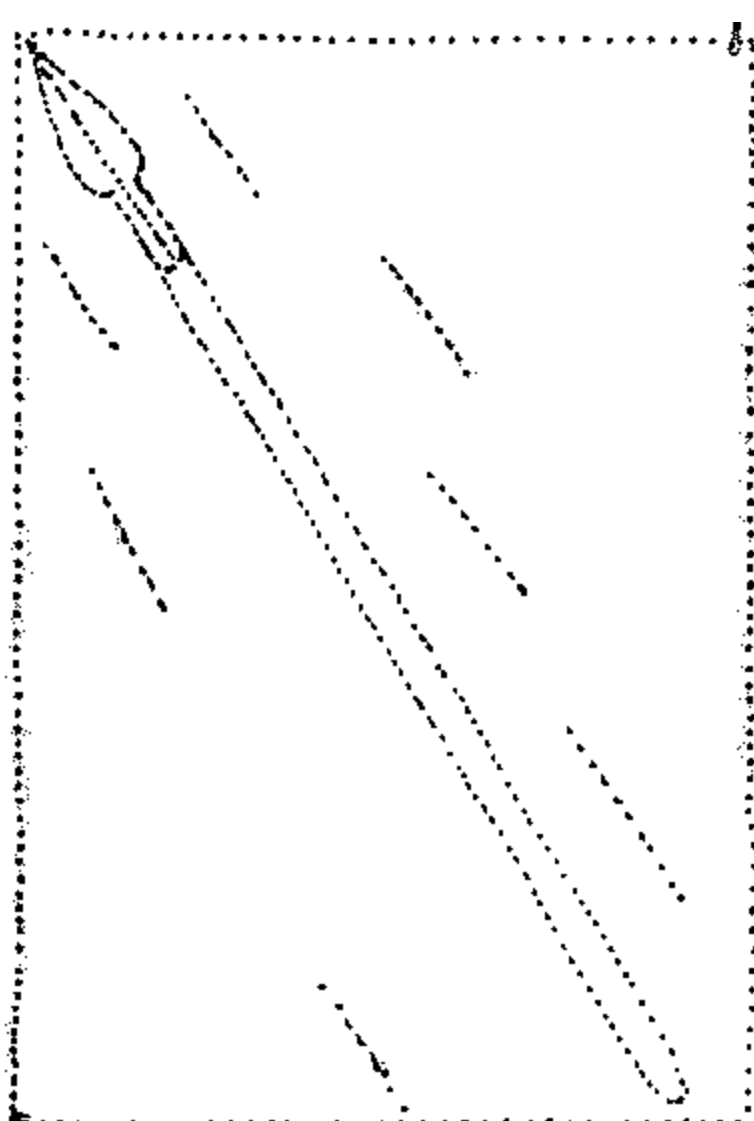
Diarmuid O'Duibne's Banner
Loch Luinneach *The Lively*
Light.

Oisín's Banner Dun Naomhtha
Sacred Citadel

Fionn's Banner Dealbh Ghreine
Image of the Sun.

The Raighne Clan's Banner
Aoincheannach Oir *The*
Single-headed Golden One.

of Scotland was their province - though they remained always ready to answer the *Dior A, Fionn*, the Call of Fionn.

Many of the Fianna were of otherworldly origin - strange folk who came to take service with Fionn mac Cumhail for a year, and who at the end of that time vanished again into the mists of Tir-nan-Og. People like Dubh, Agh, and Ilar (Black, Battle and Eagle) who undertook as Gregory says to 'do the watching for all the Fianna of Ireland and of Alban' or to 'take the weight of every fight and every battle that will come their way'. While the third offered to 'meet every troublesome thing that might come to my master . . . And I have a pipe with me . . . and all the men of the world would sleep at the sound of it, and they in their sickness.'

Among the most famous of the Fianna were Caoilte mac Ronan, Fionn's nephew, who was famed for his swiftness of foot - at full speed he appeared like three men and could overtake the March wind. There was also Diarmuid ui Duibhne who 'never knew weariness of foot, nor shortness of breath, nor, whether in going out or coming in, ever flagged.' He also possessed a beauty spot which made him irresistible to women. Another, Conan Maol, began as an enemy of the Fianna and had to pay a fine for his part in the death of Fionn's father. Later he joined the Fianna but continued to mock them with his 'foul-mouthed tongue'. Goll mac Morna was also Fionn's enemy at the start, but he relinquished the leadership of the Fianna in Fionn's favour and became his faithful follower. His huge and cheerful humour was famed among all the company of the Fianna.

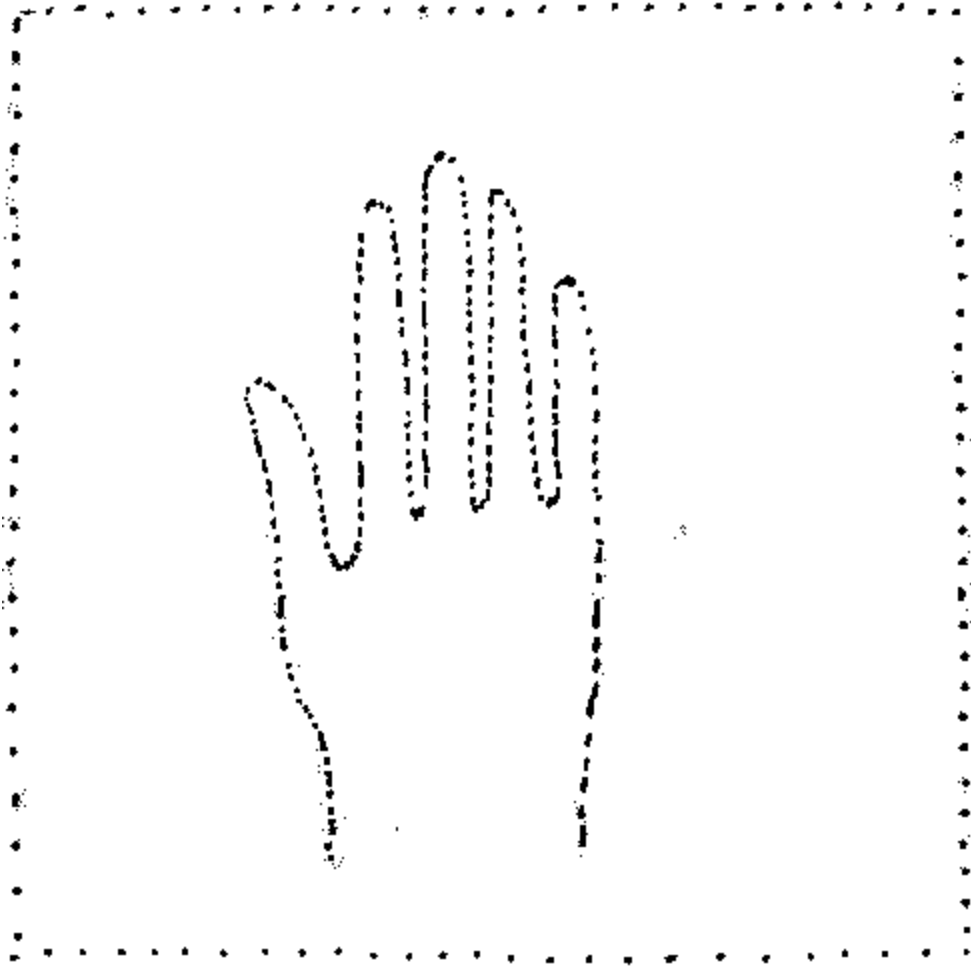
These and many more made up the great company, whose motto was:

Truth in our hearts.

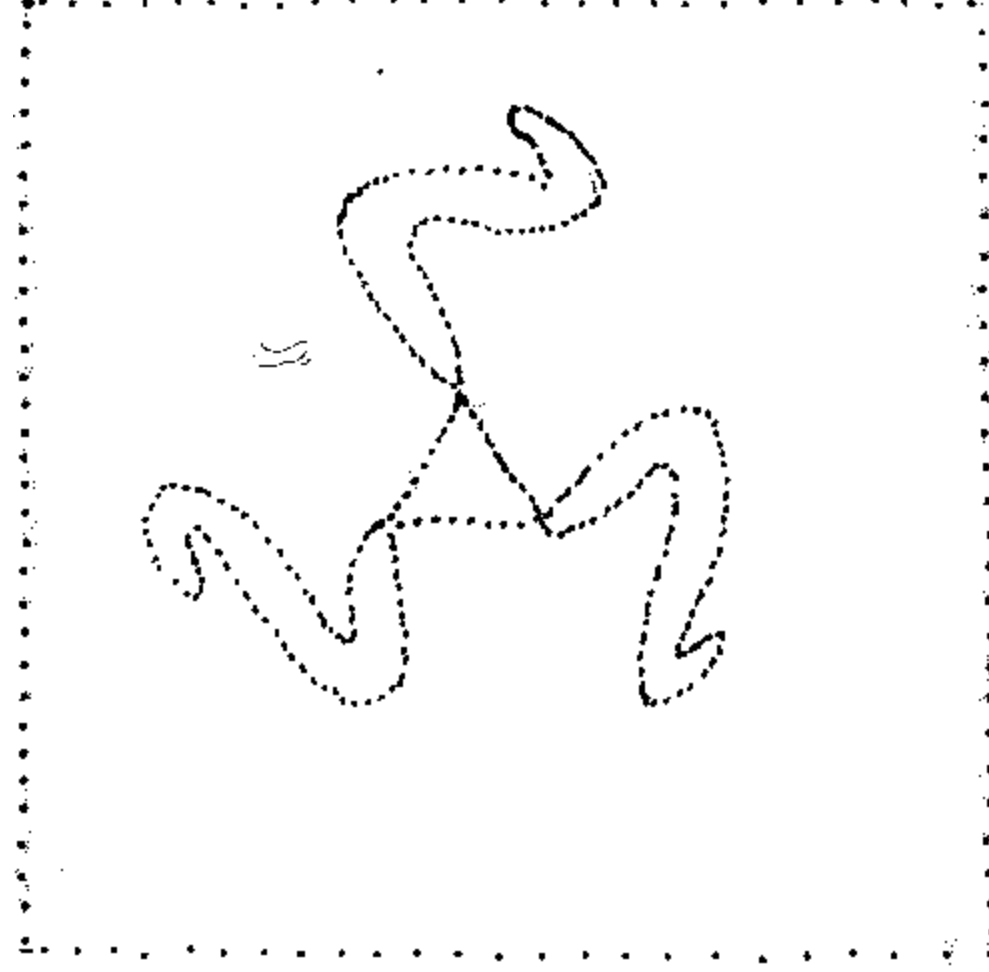
Strength in our hands.

Consistency in our tongues.

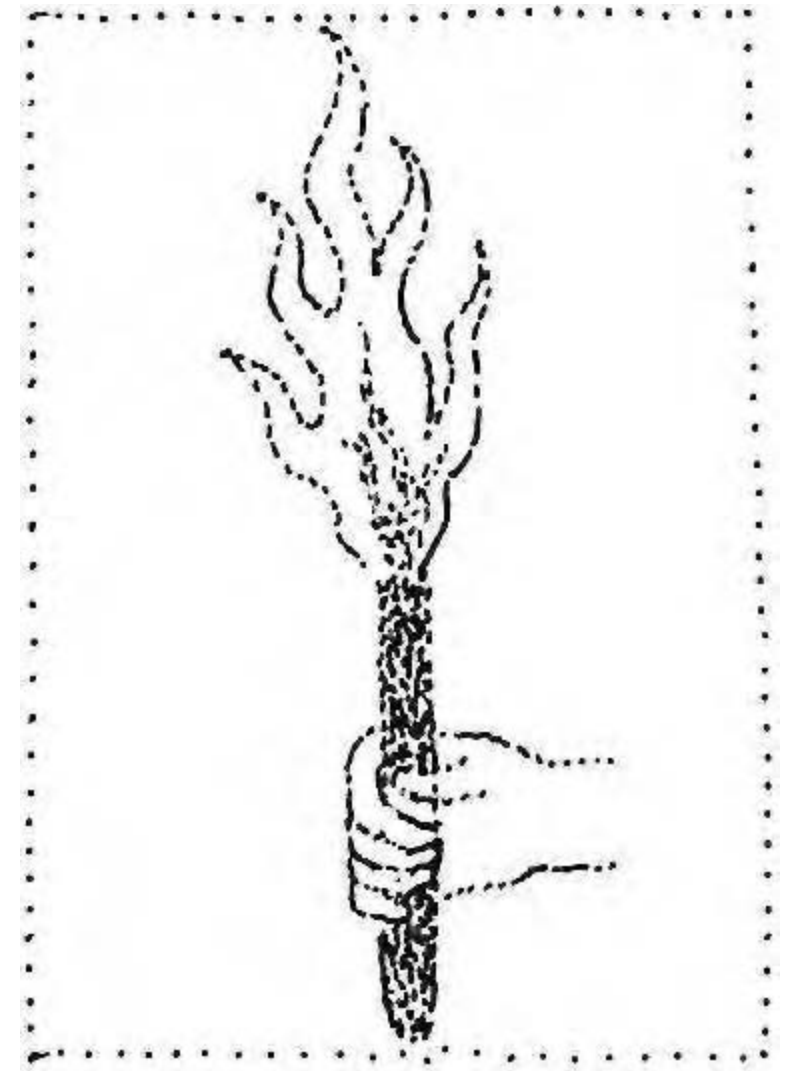
Requirements for admission to the Fianna were rigorous and demanding. Among other tests the would-be applicant had to be able to leap over a pole held at head high and knee high without breaking stride, pull a thorn from his heel while running across rough country, and to dodge spears hurled at him by a ring of warriors while he was half buried in the earth. Small wonder

*Mac Ronan's Banner Lamh Dhearg
Red Hand.*

*Caoilte's Banner Tri Chosa
Three Legs.*

*Faolan's Banner Coinneal
Chatha Torch of Battle.*

that the Fianna were the finest body of fighting men in Ireland and Scotland, who were never defeated until their enemies banded together to overthrow them at the battle of Gabhra in the year 284.

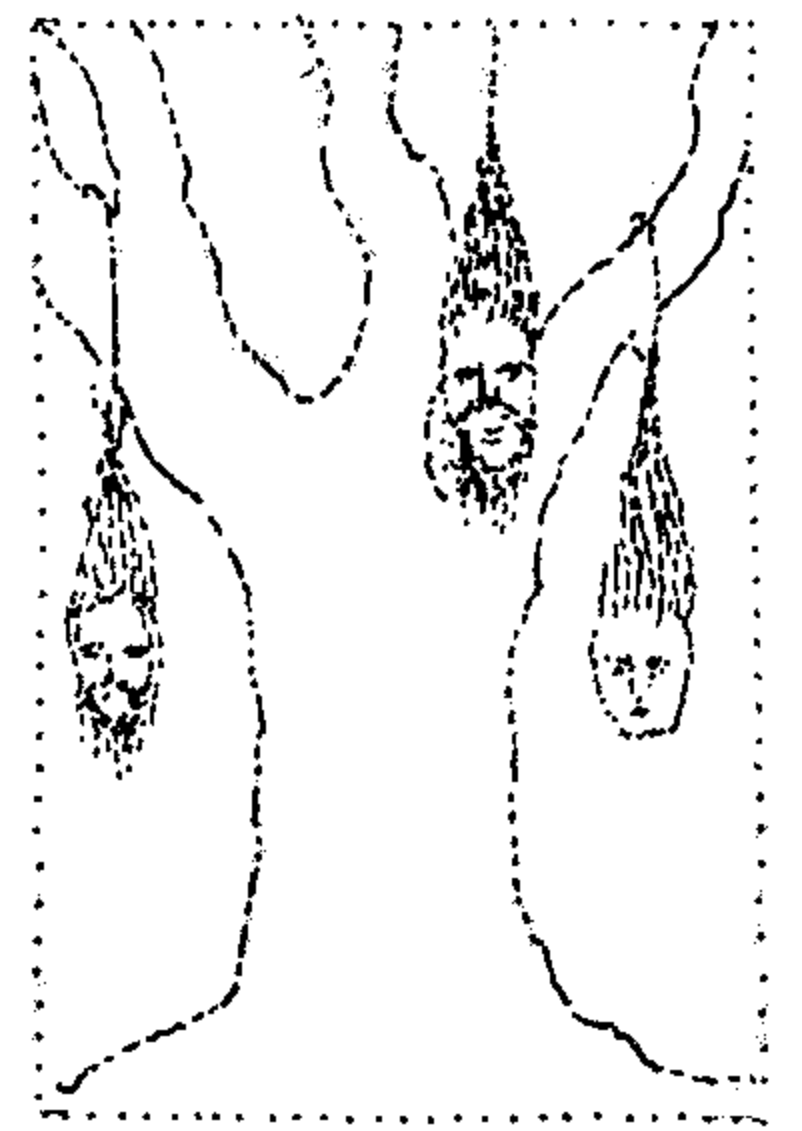
The Heritage of Story

The stories of Fionn and his heroes are as old as the hills of Ireland, though they were not in fact written down until the early Middle Ages. Before that they circulated orally. When the Irish Gaels (called *Scotti*) infiltrated into the West of Scotland (then the dwelling-place of the Picts) in the first century A.D. they took with them the tales of Fionn mac Cumhail. So, in time these stories came to be as much a part of Scottish Highland folklore as that of Ireland.

By the tenth century, when the great hero-cycle of Cuchulainn and the Red Branch Knights was first being recorded, tales of Fionn were being told by the common people by the fireside all over Ireland. These stories were to them what the tales and songs of Robin Hood were to the Saxon peasants in England a hundred years later. They have continued to be told and retold right into the present - with new stories still being added in Scotland and Ireland as late as the nineteenth century.

Literary references began to appear around the eleventh century, and in the twelfth this blossomed into a fully fledged series of ballads about Fionn and his warrior band. This shows parallels between the Robin Hood ballads already mentioned, the Arthurian cycle, and the Homeric ballads upon which the Greek poet based his great works the *Illiad* and the *Odyssey*.

By the sixteenth century, new stories were being written, and Fionn's fame had outstripped that of other, once more famous heroes. But Fionn's greatest moment came in the eighteenth century, when the Scottish poet James Macpherson (1736-1796) wrote a series of epic poems based on the

*The Mac Lugach Clan's Banner Graobh Fhuileach
The Bloody Tree.*

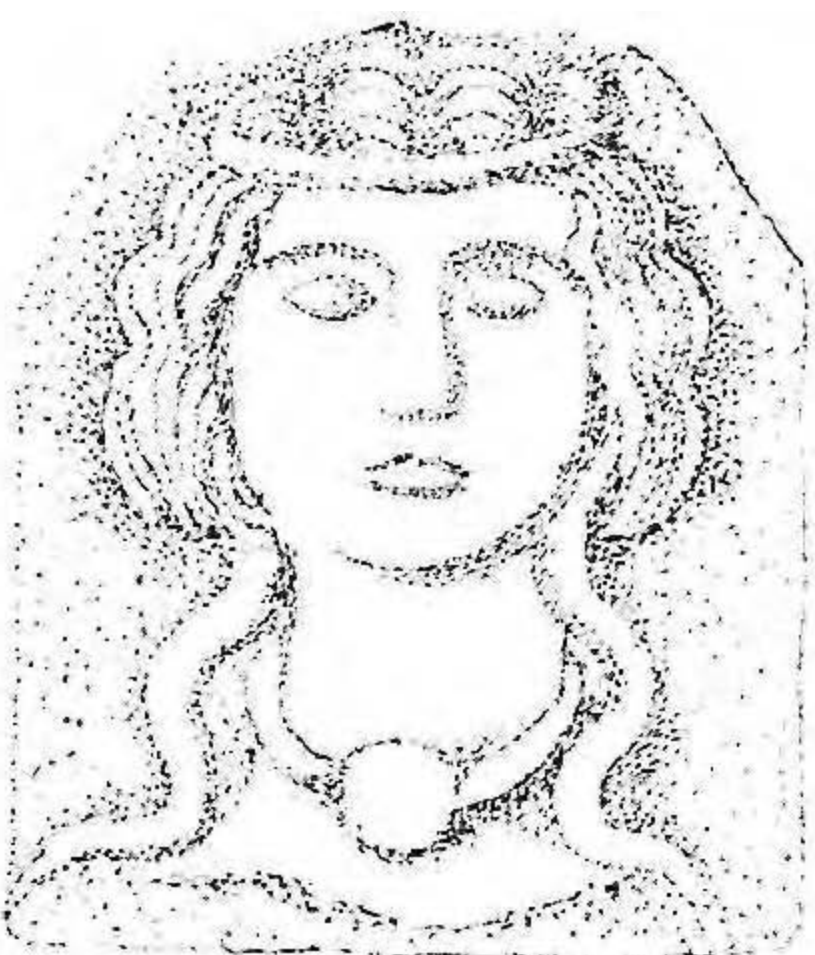
stories of Oisín (Fionn's son) and the hero he called Fingal. Had he chosen simply to publish these under his own name they might have vanished without trace. Instead, however, he elected to pass them off as translations from the ancient Scots and Irish Gaelic. This so excited the antiquary-mad populace of the time that these books became best sellers and placed the name of Fionn and Oisín in the minds of a vast number of readers. Both Napoleon and Goethe loved to read these stirring tales, believing them to be real. Indeed, they caused such a revival of interest in ancient Celtic stories that they inadvertently touched off what was to become known as the Celtic Twilight, a literary movement which attracted writers as varied as Matthew Arnold, W. B. Yeats, Fiona Macleod and Lady Augusta Gregory, to whom we owe our own present day knowledge of the Fionn cycle.

Macpherson's forgeries, for such they were in time recognized to be, touched off such a furore in literary circles that people almost came to blows as they alternately attacked or defended the poet's scholarship. In fact, Macpherson had used some original sources for his work, adapting and altering them to suit the taste of the time - just as all the many story-tellers had done since the time of the Fianna.

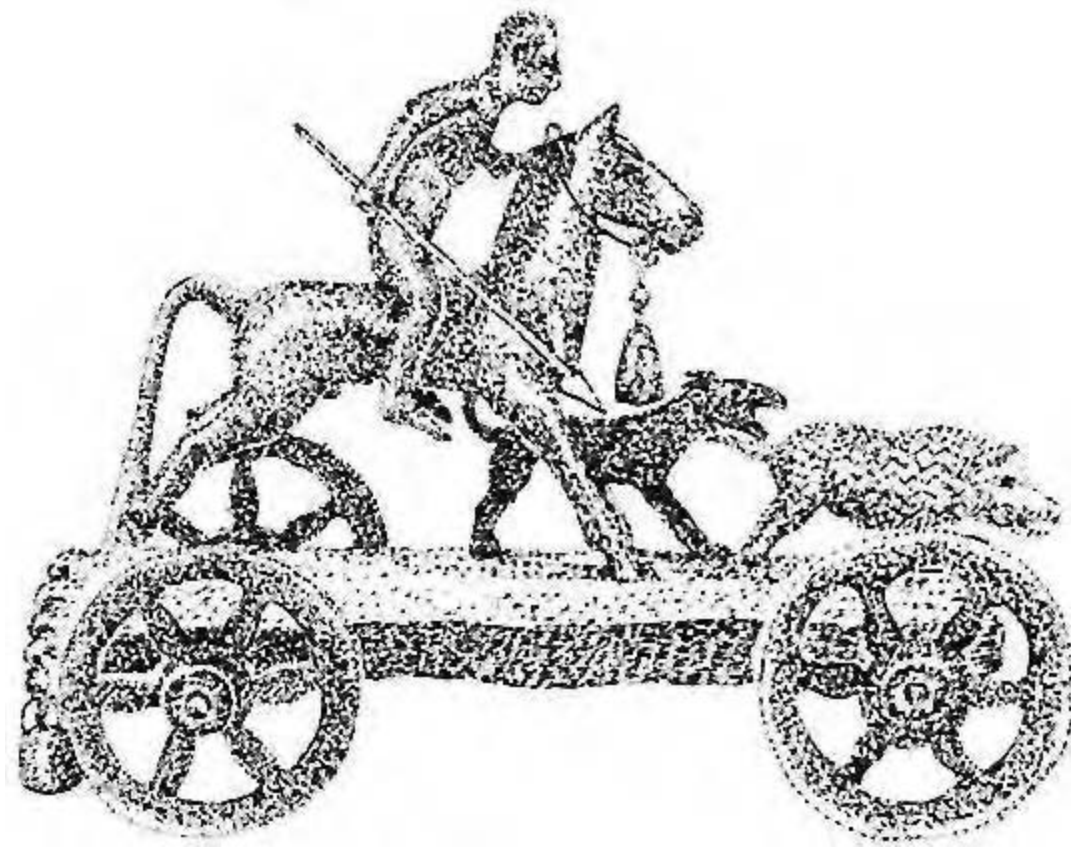
Today, the Fionn cycle is possibly the least well known of the great mythical cycles. Yet its range is as wide as any of the tales of Arthur, Cúchulainn, Charlemagne or Sigurd. There are stories of heroism to be sure, but there are stories which contain elements of high comedy, high tragedy, magic and love. The story of Diarmuid and Grainne and their flight across Ireland from the wrath of Fionn is one of the great love stories of all time, and certainly influenced the composition of its more famous sibling story of Tristan and Isolde in the Arthurian saga. The magic, rich and otherworldly, is of a high quality - we may think of the intervention of Angus Óg in the Diarmuid saga, or the coming of Niamh of the Golden Hair - or indeed of Oisín's sojourn in the Land of Youth and his strange meeting with the monk Patrick. There are tales of honour and treachery, truth and falsehood, strength and weakness; subtle stories and stories written out of the passionate soul of the Gaels.

The early stories of the Fianna written in Christian times show an easy-going fellowship and understanding between pagan and Christian, with Oisín and St Patrick swapping stories and the latter having the deeds of Fionn recorded in his monastery. Later, this decayed into ill-feeling and almost buffoonish characteristics in which Oisín can say that if he saw his son Óscar fighting with God and saw Óscar fall then he would have to admit that God was the stronger of the two! In this way the stories of Fionn parallel the changes which took place in Ireland over the centuries. Yet they remained a guide to the earliest times and enshrined within them the memory of the people, without which no land is called living. In a text called *Acallam na Senorach* (the Colloquy of the Ancients) composed around 1200 A.D., many of the stories of Fionn are combined into a rich tapestry. Oisín and Caoilte, supposedly still living in the fifth century, travel about Ireland with the Saint,

These two Gaulish images of Celtic hair styles give an excellent idea of the care and attention lavished by the Celtic warrior class on their appearance. Beards were neatly trimmed and hair dressed to the best effect.

and at every place they visit recall another story of the Fianna. In this way, the stories and associations with places are enshrined in a form that ensures they will be remembered for at least as long as the stories are read and retold.

In another text, this is taken a step further. Caoilte, who was famed for his swiftness of foot, has to rescue Fionn from the clutches of a king, and he is given the seemingly impossible task of finding two of every animal and bird in Ireland and bringing them to the king's court. He does so - not without some difficulty even for a hero of Caoilte's stature, and in the text we find a list of the creatures and the places where he found them. The ancient names become like a song, chanted by a bard before the kings of ancient Ireland, and the land itself rises before our eyes as we listen to the great catalogue of names:

It is with the flocks of birds he began, though they were scattered in every part, and from them he went on to the beasts. And he gathered together two of every sort, two ravens from Fiodh da Bheann; two wild ducks from Loch na Seillein; two foxes from Slieve Cuilinn; two wild oxen from Burren; two swans from blue Dobhran; two owls from the wood of Faradhruim; two polecats from the branchy wood on the side of Druim da Raoin, the Ridge of the Victories; two gulls from the strand of Loch Leith; four woodpeckers from white Brosna; two plovers from Carraigh Dhain; two thrushes from Leith Lomard; two wrens from Dun Aoibh; two herons from Corrain Cleibh; two eagles from Carraig of the stones; two hawks from Fiodh Chonnach; two sows from Loch Meilghe; two water-hens from Loch Erne; two moorhens from Monadh Maith; two sparrow-hawks from Dubhloch; two stonechats from Magh Cuilleann; two tomtits from Magh Tuailinn, two swallows from Sean Abhla; two cormorants from Aith Cliath; two wolves from Broit Cliathach; two blackbirds from the Strand of the Two Women; two roebucks from Luachair Ire; two pigeons from Ceas Chuir; two nightingales from Leiter Ruadh; two starlings from green-sided Teamhair; two rabbits from Sith Dubh Donn; two wild pigs from Cluaidh Chuir; two cuckoos from Drom Daibh; two lapwings from Leanain na Furraich; two woodcocks from Craobh Ruadh; two hawks from the Bright Mountain; two grey mice from Luimneach; two otters from the Boinn; two larks from the Great Bog; two bats from the Cave of the Nuts; two badgers from the province of Ulster; two landrail from the banks of the Sionnan; two wagtails from Port Lairrge; two curlews from the harbour of Gallimh; two hares from Muirthemne; two deer from Sith Buidhe; two peacocks from Magh Mell; two cormorants from Ath Cliath; two eels from Duth Dur; two goldfinches from Slieve na-n Eun; two birds of slaughter from Magh Bhuilg; two bright swallows from Granard; two redbreasts from the Great Wood; two rock-cod from Cala Chairge; two sea-pigs from the great sea; two wrens from Mios an Chuil; two salmon from Eas Mhic Muirne; two clean deer from Gleann na Smoil; two cows from Magh Mor; two cats from the Cave of Cruachan; two sheep from bright Sidhe Diobhlain; two pigs of the pigs of the son of Lir; a ram and a crimson sheep from Innis.

A bronze cult chariot from Spain depicting a mounted huntsman with hound in pursuit of a boar. The Fianna were great hunters and spent much of their time in the chase.

Such is the power of the Fionn saga to move and transport us to other times

and other places, where the old magic of the Celts still lives on and where we find ourselves entering another kind of world - one where the old values and strengths of the heroes may be ours for a while, and perhaps enable us to view our own world with new eyes.

Fionn's Magic

It used to be said that Fionn had wisdom and knowledge far beyond that of ordinary mortals, and there are three tales which tell how he came by it. In the first of these a man of the *sidhe*, the Faery People, stole food from the Fianna, for which insult and nuisance Fionn gave chase. But while he was in pursuit of the man, he saw a woman of the *sidhe*, who had come out of the mound to fetch water. When she saw Fionn she too fled, so that he gave chase to her also. But she was too quick for Fionn and reached the safety of the mound. But Fionn was so close behind her that as the gates of the Faery Hill closed shut, he caught his thumb in the crack of the door. So great was the pain and so sudden, that Fionn pulled his thumb back and put it into his mouth. But because his thumb had been in the Otherworld, even if only for a moment, from this came all his knowledge.

On another occasion Fionn was hunting near the Well of the Moon, that was watched over by three women of Faery, the daughters of Beag son of Buan. The well supposedly had the power to grant knowledge which was not for ordinary men. Thus as Fionn came closer and closer, the three women ran out to distract him and prevent him coming near the well. One of the women happened to be carrying a jar of water, and she threw this at Fionn to stop him coming any further. Some of the water went into his mouth in that moment, and it is supposed that all knowledge came to him.

The third story is told later elsewhere in this book but again the outcome, is the same: Fionn acquires wisdom by supernatural means, and has thereafter only to put his thumb or two fingers into his mouth to receive instant illumination.

The story is an ancient one - a similar account is given of the Welsh poet Taliesin, who happened to receive three drops of the Brew of Inspiration from the cauldron of the Sow-Goddess Ceridwen. Taliesin became the greatest poet of the age and was famed for his wisdom. Fionn's knowledge however is more gnostic, more homely, as in this example, where he gives advice to a would-be champion of the Fianna:

If you have a mind to be a good champion, be quiet in a great man's house; . . . do not beat your hound without a cause; do not bring a charge against your wife without having knowledge of her guilt; do not hurt a fool in fighting, for he is without his wits. Do not find fault with high-up persons; do not stand up to take part in a quarrel; have no dealings with a bad man or a foolish man. Let two-thirds of your gentleness be showed to women and to little children that are creeping on the floor, and to men of learning that make the poems, and do not be rough with the common people . . . Do not threaten or speak big words, for it is a

shameful thing to speak stiffly unless you carry it out afterwards'. . . Do not be a bearer of lying stories, or a tale-bearer of lying stories, or a tale-bearer that is always chattering . . .

(trans: Lady Gregory)

Perhaps nowhere in ancient literature has more sound advice than this been given. It is unique to Fionn and is part of the enduring fascination of the cycle.

Among the Celts there were said to be three kinds of wisdom or poetic utterance, and with their love of codifying things they classed them under specific headings. There was *Teinm Laida* (illumination of song); *Imbas Farosna* (knowledge which illumines); and *Dichetual Dichennaib* (extemporary incantation or incantation from the ends of the fingers). Much speculation has been lavished on the exact meaning of these terms. *Teinm Laida* seems to relate to inspired utterance, possibly in trance, of the kind practised by poets. *Imbas Farosna* may be divination by way of the poet's wand, whereas *Dichetual Dichennaib* seems to refer to the insertion of two or more fingers in the mouth, clearly the same action as that performed by Fionn when he wishes to know something. Another method was the placing of the hands in a certain fashion on the poet's staff, which performs much the same function as that of the wizard or magician - poetry and magic being still indistinguishable at this time.

One explanation may lead us to ogham, an ancient form of writing consisting of groups of marks placed at intervals along a straight edge. They are found carved on stones all over Ireland and Scotland. There were many kinds of ogham, which was also associated with magic and poetry. Finger ogham was a kind of sign language which enabled poets to talk to each other without being detected. Ogham carved on wooden sticks seems reminiscent of *Imbas Farosna* and may be the origin of this mysterious method of acquiring knowledge.

Newgrange is one of the finest ancient sites in Ireland. Although it dates from a period many hundreds of years before Fionn, it was still in use as a sacred site. This was how the Fianna envisaged the dwelling places of the Tuatha de Danaan - the Sidhs or Hollow Hills of legend. Newgrange of Brugh na Boyne was the home of Aengus mac Og, the Otherworldly patron of Diarmuid.

Fionn seems always to have used his own skills wisely and well, and his wisdom becomes a bright thread running through the tapestry of the deeds of the Fianna.

It is time now to tell some of those stories, for in no other way can we come to know and understand the magic they wield, which has kept their memory green in the lives of story-tellers from their own time to this. In retelling these stories of the Fianna there is a deliberate attempt, as far as possible, to preserve the feel and spirit of the originals, occasionally quoting from earlier translations. However, in keeping with all storytelling, individual touches are added, and much has had to be omitted, since to tell all the stories would require a book several times the length of this one.

Oisín and St Patrick

One day the monk Patrick came to the Hostel of the Red Ridge to say Mass, and while he was chanting the orisons some people came to him and said: 'There is a wonder that you should see.' They took Patrick to a little smoky bothy nearby and showed him the man that lay sleeping within. A great warrior he seemed, larger in limb than any man there, for all that his hair and beard were white and his body heavy with age. At his side lay a great sword with a broad iron blade and a hilt of bronze, and leaning against the wall of the bothy was a long straight-shafted spear with a heavy head and a shield of the finest hide with bosses of iron. By the side of that lay his great war-cap of leather strengthened with bronze.

'Whence came this man?' asked Patrick, and the people told him that he had come riding out of the mists one morning on a great tall horse and had offered to move a great stone that lay in the middle of a field, that not ten of their own number could move. And in so doing he broke the girth of his horse and fell to the earth, at which the people witnessed a great change, for until that moment he had seemed to them a hero in the finest flower of his days, but when he arose from the earth he was as he now seemed, a hoary old man, still stronger than most of them, but deep in years. Since that moment he had not spoken a word, but had lain in the hut with his face turned to the wall.

It seemed to Patrick that he had heard tell of warriors such as this, and that they had lived in pagan times, so he decided to question the man, and entering the hut he awoke him.

'I am Patrick, and I serve the Christ. By what name are you known?'

'I am Oisín, son of Fionn, whom I serve. I am one of the Fianna of Ireland.'

Patrick looked at the old warrior in amazement. 'I have heard of the Fianna' he said, 'but it is more than three centuries since they were in Ireland.'

'Then it is true,' said the warrior. 'They are all dead and I am the last of the Fianna' and he wept for a long while.

At length he raised his head and asked: 'I would know of this time in which I find myself, for it seems unlike the days when I was young.'

'I shall be happy to tell you,' answered Patrick. 'But first I would have you tell me how you have lived these past three hundred years, when all of your kin lie dead?'

'That is soon told,' said Oisín sadly, and he spoke at length of the days of the Fianna and how he had come to love Niamh, a woman of the *sidhe*, the Lordly Ones who live in the land of Tir-nan-Og. And on a time she had come for him, to take him to her own land and people, taking him up on the back of a steed as white as milk.

'And fast as were the horses of the Fianna, the mount of Niamh was faster, and in truth it seemed that the earth fell away beneath its hooves, and that when we reached the sea it did not pause but galloped over the tops of the waves as though they were a hard roadway. Many were the wonders we saw,' said Oisín. 'Cities and courts and palaces of silver and gold that seemed to float above the sea: and deer running hard with a red-eared, white-bodied hound following on. At another time, coming towards us, we saw a woman on a black horse who had a golden apple in her right hand. And following after her a youth on a white horse who wore a crimson cloak and carried a sword of gold. And they passed us on the right hand. But in time we came to the land of youth itself, and of that I must speak either no words at all, or continue talking for all the days that are left to me. So I will but say that it is always green spring and golden summer there, and no sickness is there, nor

The Kelts High Cross in Co. Meath shows the crucifixion and the wounding of Christ by the spear of Longinus, the centurion. Christianity overlaid many aspects of pagan Ireland; whatever was loved and respected of the old order was assimilated into the new ways. The stories of Fionn and his Fianna were no exception. Oisín's return from the Other-world of pagan Ireland into the newly Christian land of Patrick's conversion enabled these stories to be widely transcribed.

death, and the folk who dwell there are perilously fair, and garbed in finest silk and with gold upon them, heavy at neck and wrist.

'There I stayed, and it seemed to me that only a year passed, which I spent with Niamh of the golden hair. Then upon a time I took thought of Fionn my father and of my companions, and the need arose in me to see them again. And Niamh looked upon me sadly and bade her women prepare her steed. "For" she said, "I see that I cannot keep you here. But only remember this, that when you are come again into the land of Ireland, do not dismount or let your foot so much as touch the earth, lest you see me no more nor return to Tir-nan-Og."

'So I mounted upon the milk white steed and returned as I had come, riding the tops of the waves as though they were a road; and I saw again the woman with the golden apple, followed by the youth with the scarlet cloak, but this time they were coming towards the Land of Youth, and passed me upon the left hand.

'So at last I came to the shore of Ireland and it seemed changed. I rode everywhere in search of the Fianna, until I came to this place and chanced to set foot on the earth. Until that moment I had been in the brightness of my youth; but from that moment I have been as you see me now. And the white steed of Tir-nan-Og turned and galloped away from me, back, as I believe, to the place where Niamh of the golden hair awaited him.

'So you have my story, Talkend' said Oisín, calling Patrick by the name which means 'shaven one'.

Patrick sat in silence a long while, thinking of all that he had heard, and then he said: 'Come with me, Oisín son of Fionn, and when you are in my house we shall talk more of these things.'

And so Oisín accompanied Patrick upon the road back to his monastery, and as they walked the two men by turn talked and were silent, and in that time they found the beginning of a friendship between them, and when the two angels that were Patrick's guardians visited him at night, they told him there was no evil in the ancient warrior. So that when they came at last to Ard Macha, Patrick gave over a wattled cell to Oisín, and spent many days and some nights in talk with him.

He found the warrior willing enough to listen to stories of the Christ and his Disciples, though there was no inclining in him towards following the new faith. And if at times they spoke harshly together because of this, at others they talked as friends.

In time Patrick ordered one of his scribes to leave off his work transcribing the Gospels into the Irish tongue and instead to write down the stories of the Fianna: 'For there is a great wisdom in this Fionn, even though he was a pagan, and such things should not be forgotten in Ireland, lest it should become a lesser place.'

And of the stories that Oisín told, that the monk of Ard Macha wrote down, these are some that are told again in this time and this place, lest we also become smaller people, and forget what once was.

The Boyhood Deeds of Fionn

Fionn's father, Cumhail, was the first captain of the Fianna, but he was slain in battle by the sons of Morna. Muirne, Fionn's mother, took her small son, that was but a few months old, to the woods of Sleive Bladhma to be cared for by two women, Bodhmall the Druidess and the Liath Luachra, who was both a warrior and a teacher of warriors.

And Fionn saw his mother only once again, when he was six years old, but otherwise he saw no people at all save his two guardians, and they taught him wisdom and strength, which are the two attributes of all heroes. And when he was come to his youngmanhood they taught him to run and found him fleet of foot and sure in his going. And they taught him to swim, and found him at home there in the water as a fish; and on another time they took him into a field where there were hares and instructed him to let none escape from there. And none did, so that they declared him a worthy champion, though he had as yet fought no battle except in trial against Liath Luachra.

At last his guardians said that he must go away: 'For the Sons of Morna are seeking abroad to kill you.' And Fionn learned all the truth of his parentage and went into Connacht in search of Crimhall, his father's brother, that was believed to live there.

On the way he fell in with some youths who were swimming in a lake, and he out swam them all in contest, for which they were displeased. But one among them saw how fair he seemed in his body and called *him fionn* which means 'fair', and thus he came by that name, for until that time he had none.

Then Fionn went into Carraighe and took service with a king who all unknown to him had married his mother. And one night he played chess with the king and won seven games together. Then the king looked at him narrowly and said: 'You are the son of Cumhail, that was lord of the Fianna. I bid you depart, for I wish not to have it said that you were killed while under my protection.'

So Fionn travelled on, still searching for Crimhall, and it chanced that he met a woman who wept tears of blood for the death of her son at the hands of a great warrior who dwelled nearby. So Fionn went up against this champion and slew him, thus fighting his first fight, and the man he slew had been the first to strike a blow at his father Cumhail, and had carried off his treasure bag-

Now this bag was made of crane skin and contained many magical items and much wisdom besides. When he had it Fionn knew by its aid how to find Crimhall, who was living with the last of the old Fianna who had refused to serve under the Sons of Morna. They knew him at once when they saw him, for he had the look of Cumhail about him, and bore the crane-bag. Very glad they were to see him and swore that they would follow him only.

But Fionn had a thirst now for the knowledge he had tasted through the magic of the crane-bag, so he went to take service with a poet and seer named Finegas, who lived by the side of the Boinne river. But Fionn did not use his

own name; he took that of Deimne, and for seven years he remained with Finegas, learning all that he had to teach.

Now Finegas had stayed there by the side of the Boinne, watching for the day when he would catch the Salmon of Wisdom, for there was a prophecy that said he would eat of it. And at last, when Fionn had been with him just five years, he caught it and gave it to his young apprentice to cook. 'But see that you eat none of the flesh,' he said.

After a time, Fionn came with the cooked fish and the old poet looked at him and said: 'Have you eaten any of the fish?'

Fionn shook his head. 'No - but as I was cooking it I burned my thumb and put it into my mouth to ease the pain.'

Then Finegas gave him the whole fish and said, 'Your name is not Deimne, it is Fionn, and it was of you that the prophecy spoke.'

So Fionn ate all of the fish and had of it all the knowledge of the nine hazels of wisdom from beside the Well of Wonder that is beneath the sea. And thereafter he had only to put his thumb into his mouth to know whatever thing he wished, because of which he became known throughout Ireland - not only for his strength, but also for his wisdom.

Now that he was come into the fulness of his manhood, Fionn went straight to the High King, Cormac mac Art, at his hall in Tara and announced that he was the son of Cumhail, come to claim his place in the Fianna and to serve Cormac. And though the Sons of Morna murmured amongst themselves - especially Goll, the eldest, who was now the captain of the Fianna, Cormac smiled upon the young hero and took him into his service.

* * *

Now this was near the time of Samhain, and every year for the past nine years at this time had come a warrior of the Tuatha de Danaan, from *Sidhe Finnachaidh*, and he had burned the roof of Tara with his magic. None might withstand him because of the Faery music he played that caused all the warriors to fall into a deep sleep.

When he heard of this, Fionn came before the King and said that he would rid Tara of this trouble forever, providing that in return his inheritance be recognised. And this the King swore to do upon the surety of all the tributary kings of Ireland and of his royal Druids.

That night, before the warrior of the *sidhe* was destined to appear, one of the High King's men, Fiacha son of Conga, who had served with Cumhail and had a fondness for his son, came to Fionn and offered him help: 'For it is Aillen, son of Midhna that comes this night, and none may resist him without help. But I have a spear which can kill him, in the hands of the right man.'

So Fiacha brought the spear to Fionn, and the property of it was this: that when the cover was taken off the blade, it made a sound of warfare, and if it was laid against the forehead of the warrior who bore it, he would be afflicted

by no evil magic. So Fionn took the spear and went out against Aillen mac Midhna, and slew him. He struck off his head and took it back to Tara and fastened it upon a pole for all to see.

When day came, and the High King and his men woke from the sleep of enchantment which Aillen had caused to fall upon them, Cormac called Fionn before him and solemnly invested him with the captaincy of the Fianna. And to Goll mac Morna, who had held that post since the death of Cumhail, he made this offer: 'Will you stay and serve under Fionn mac Cumhail, or will you suffer banishment from Ireland for ever?'

And Goll, who had but one eye, looked with his good one at the young warrior and bowed his head. 'I will stay and serve with Fionn, son of Cumhail. And if I betray him, let me be straightway killed for it.'

Nor did Goll ever betray his captain, but became one of his foremost warriors in time to come.

Thus Fionn became captain of the Fianna, and never in its history or in the history of Ireland has there been such a company of warriors.

How Fionn Got His Grey Hair

Now all the Fianna were great hunters, and none more than Fionn himself, who had two great hounds, Bran and Sgeolan, who came to him from the enchanted realms. And one day they were hunting near Allmu of the White Walls where Fionn had his chief place in Ireland, and they set up a hind that ran so swiftly before them so that no dog, not even Bran and Sgeolan, could catch her. And it seemed to Fionn, who outpaced all the rest of the Fianna, that the hind was making for Allmu as though in search of sanctuary. Sure enough, when they were close to the walls of the dun, Bran and Sgeolan, who had kept close upon the heels of the hind all the while, gave tongue that they had cornered their quarry. But when Fionn came upon them he saw a strange sight, for instead of falling upon the hind and rending her in twain, the two great hounds were licking it and fawning upon it as though it were a long lost sister. Then Fionn knew that there was magic afoot and commanded the rest of the Fianna to call off their dogs. And he took the hind into Allmu, with her trotting before him, and Bran and Sgeolan bounding at either hand.

That night the hind sat always near Fionn's feet and when he went to his sleeping place, she came and lay by him. And in the night he awoke and saw lying by his side the most beautiful woman he had ever seen and she had the eyes of the hind that had followed him at the end of the chase.

The story she told was this: that she was of the Faery people, the Lordly Ones of Tir-nan-Og, and that one of her kind had desired her, though she had always refused him. So at last he had struck her with his hazel wand and turned her into a hind.

'But now I am with Fionn mac Cumhail I know that I am safe, and I would ask that you allow me to stay,' she said. Fionn looked at the woman and asked her name.

'You may call me Sabha,' said she.

Fionn said, 'Sabha, you may stay here for as long as you will, save only that you agree to be my wife.'

And Sabha looked at Fionn in her turn and said that she would.

So Fionn and Sabha drank the bride-cup together and they were happy for a year, in which time Fionn almost gave up hunting or going afoot from Allmu. But at the end of that time, enemies of Ireland were sighted off the coastline and the Fianna had to ride forth, for it was their task to keep the shores and hills free of wrong-doers or of invasion. And though Sabha begged Fionn not to go, yet go he must, but he bade her remain within Allmu until he returned and to speak with no one not of the court.

So the Fianna rode forth and gave battle to their enemies. They were victorious and came home eagerly - none more so than Fionn, who as Allmu of the White Walls came in view, was already searching the ramparts for a sight of Sabha.

When he could not see her, Fionn's heart gave a great lurch and turned over in his breast, and he rode swiftly into the court demanding to know what had occurred. His steward came forward and told him that not two days after he had ridden out of Allmu, there had come a man that seemed in every way like him, and who had two hounds the like of Bran and Sgeolan with him. And Sabha, on seeing this, gave a cry of joy and fled on swift feet to meet the man. But when she came up to him he suddenly struck her with a hazel wand and she became a hind again and, in that moment, the two hounds vanished away and the man that had the appearance of Fionn changed into a strange dark figure who led the hind away.

Then Fionn was broken hearted, for he knew it was the Faery lord who loved Sabha who had taken her away and he believed that he would never see her again. But for all that he began to search, and many long days he spent combing the hills where he had first had a sight of her. Until at last he began to realize that his quest was in vain, and so turned again to the leadership of the Fianna, which he had allowed to lapse while he searched.

Thus seven years passed and once again Fionn rode to the hunting, and this time the quarry that Bran and Sgeolan discovered was even stranger - a little naked boy wandering in the bracken on the hill of Benbulbin. And though Fionn spoke to him, he knew no words of human speech, so Fionn took him back to Allmu and had him cared for and taught to speak, until the day came when he could tell his story.

And this was the way of it: for as long as he could remember he had lived in a cave in the hills with a hind for company. Then one day a dark man had come who seemed to want the hind to go with him, and when she would not, the man struck her with a hazel wand and after that she went, though always looking back to where the little boy stood watching. And though he

wished to go also he might not move so much as a foot until he heard the cry of Fionn's hounds and was discovered by Bran and Sgeolan.

Then Fionn knew that the boy was his own son and the child of Sabha, and that now he would never see her again. Yet he still could not give up entirely and leaving the boy with the Fianna, he went alone to the mound on Slieve Gallion, near Armagh, where he knew the Smith of the *sidhe* dwelt beneath the hill.

Now, unknown to him, Cuillen the Smith had two daughters, Aine and Milucra. Aine had seen Fionn and had evinced a great love for him. But Fionn had eyes only for Sabha and failed even to notice Aine, so that when by her magic she knew Fionn was in that part of Ireland, she determined upon a plan to be avenged upon him.

Thus, when Fionn was nearing Slieve Gallion, he came upon a little dark lough in the shelter of the hills and there beside it was sitting a most beautiful woman, weeping full sore.

'Why do you weep, woman of the white arms?' asked Fionn.

'I have lost a red-gold ring that was the gift of my sweetheart,' answered she. 'And I put a *geise* upon you in the name of all the Fianna of Ireland to find it again for me.'

So Fionn stripped off his clothes and dived into the lake, and three times he swam its length and breadth before he found the ring. But when he swam to the bank and stretched forth an arm to give it to her, the woman snatched it from him and with a high, queer laugh, herself leapt into the water and was gone.

When Fionn tried to climb out of the lough, the moment his foot touched the earth, the strength and youth went from him and he lay upon the ground like a feeble old man. Then great terror fell upon him, and he put his thumb into his mouth in fear that the gift of knowledge was also lost to him. But it was not, and at once he knew who was responsible for his state and he knew also that he could do nothing to undo matters.

Thus he remained a long while, scarcely able to care for himself until, at last, the Fianna came seeking him, and seeing the ancient man by the lough, demanded whether he had seen a fair strong man come that way of late.

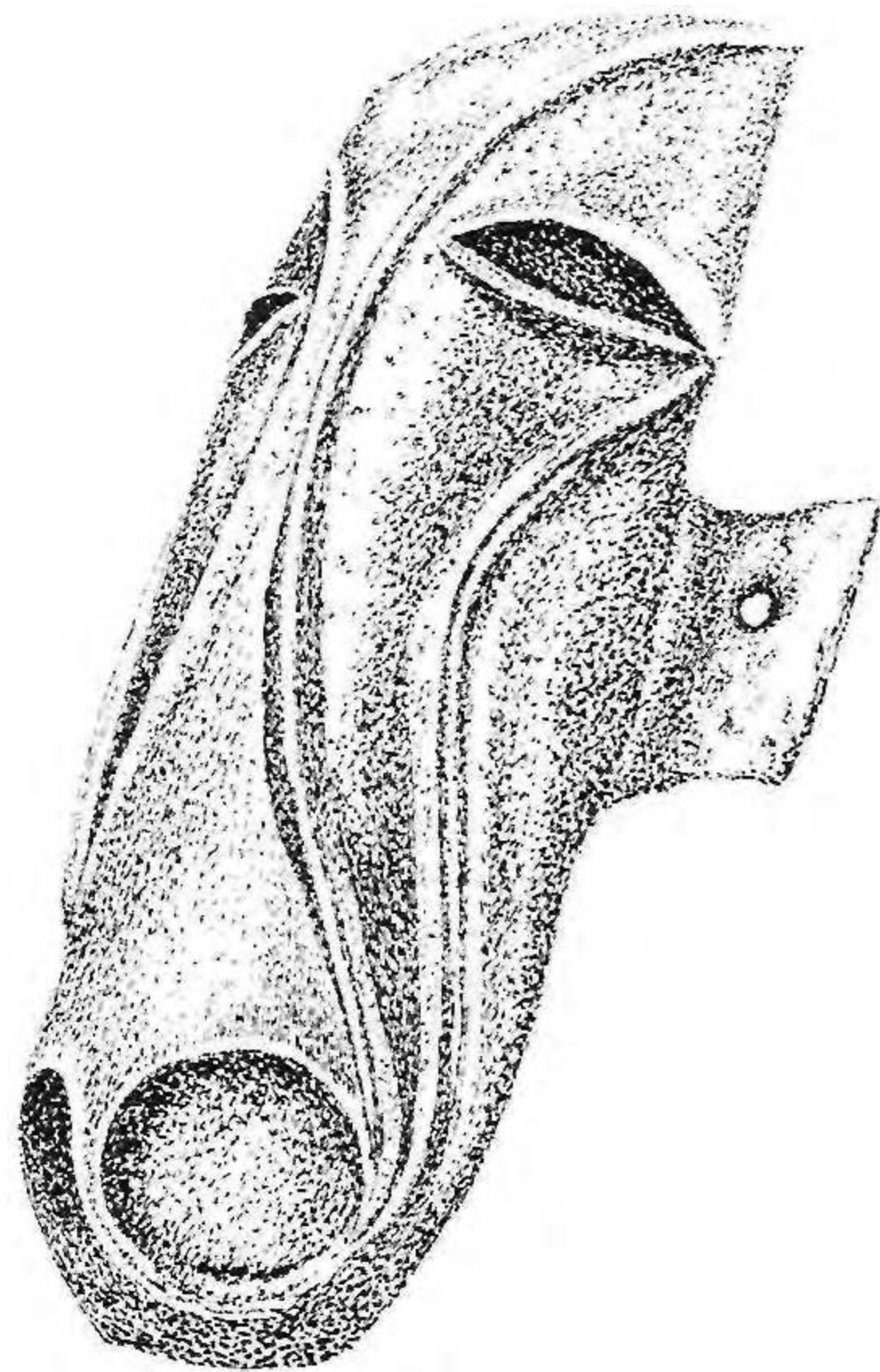
Fionn answered, 'I have indeed and I was that man,' and he told them all the story of what had happened to him.

Then Caoilte mac Ronan, who was one of his chief warriors, spoke up: 'I say that we should call upon the master of this Faery mound and make him aware of our presence.'

There were cries of agreement from the men of the Fianna, and they went straightway to the Sidhe of Cuillen and began to dig and root at the hill. This they did for three nights and three days, and at the end of that time, Cuillen the Smith himself appeared, bearing a golden cup in his hands, and coldly he bade Fionn drink from it. When he did so, immediately he sprang up hale and strong as ever he had been, save that his once golden hair was now grey as ash. But of Cuillen there was no sign, and then Fionn knew at last that there was

no seeking Sabha further. Therefore he let his hair remain grey and sought no further recompense of Cuillen. . . .

'And that,' said Oisin, 'is how I came to be born, for my father named me Oisin, which means 'Little Deer''. But my mother he never saw again in this life, and I returned too late from Tir-nan-Og to tell him of her.'

How the Fianna Won Their Horses

This magnificent bronze face-plate horse fitting probably came from a chariot rather than an individual mount; but decorations of this kind could well have been used by the Fianna.

The Fianna were famous horsemen, and used their fine mounts to travel from place to place. Thus they were ever able to be at the site of a battle, or at a pass to be kept against invasion, before any enemy could prepare against them. Yet it was not always so, for in the beginning the Fianna hunted on foot and used to ride small hill ponies, or themselves run all day to arrive where they were needed.

At one time Fionn had with him the son of the King of Britain, that had come to take service with twenty-seven men of his, and they all went hunting together. Fionn sat on the hill of Cnoc Fianna and cheered on his hounds, for he loved nothing so much as to listen to the music of the hunt. The son of the King of Britain, who was named Arthyr, had been set with his men at the head of a valley to watch for the coming of the quarry. When they saw Fionn's two great hounds, Bran and Sgeolan, racing ahead of all the rest, they decided among themselves that they must have these dogs and take them back to Britain. So when the two hounds reached the place where they were, Arthyr and his men called them, put chains upon them and carried them to their ship, sailing swiftly away so that none might know where they had gone.

The Hill of Almu was Fionn's fortress home. Its white walls were to be seen shining from afar as the Fianna returned from their campaigns, to be welcomed by their companions and families.

Now when Fionn realised what had occurred he at once set his thumb of knowledge between his teeth and thus he knew who had taken his dogs and where they had gone. Gathering eight men of the Fianna, including Goll mac Morna, Caoilte mac Ronan and his own son, Oisin, he went to the shore and called upon the god Manannan, Lord of the Sea, to send him a ship. For there was a fellowship between Fionn and Manannan that was of old standing. So the boat came, and though there were none on board, yet her sails filled and she crossed the waves like a bird, so that in no time at all the nine men of the Fianna were in Britain. They went to where Arthyr and his men were hunting the lands of Lodan son of Llyr, and there they found the King's son and his men, and with them the two hounds who were most glad to see their master again.

Arthyr feigned friendship to Fionn, suggesting that the theft of the hounds had been but a jest, and inviting the Fianna to dine with him. But soon enough fighting broke out between the two groups and things might have gone ill for the Fianna, who were greatly outnumbered, had not Oisin seized Arthyr round the neck and held him as a shield before him while he slew a dozen of his men. Then Arthyr sued for peace and said that Fionn should have the dogs back and also a gift of two horses - a magnificent grey and a fine chestnut mare that were themselves a gift of his father the King. These Fionn accepted and took them back with him to Ireland; and from their stock came all the mounts of the Fianna thereafter. And it is also said that from them another king of Britain, also named Arthur, took the notion of using horses in battle, which helped him to defeat his enemies just as it had helped Fionn to defeat his. And Patrick held this to be true, for he knew of that other Arthur in his own day.

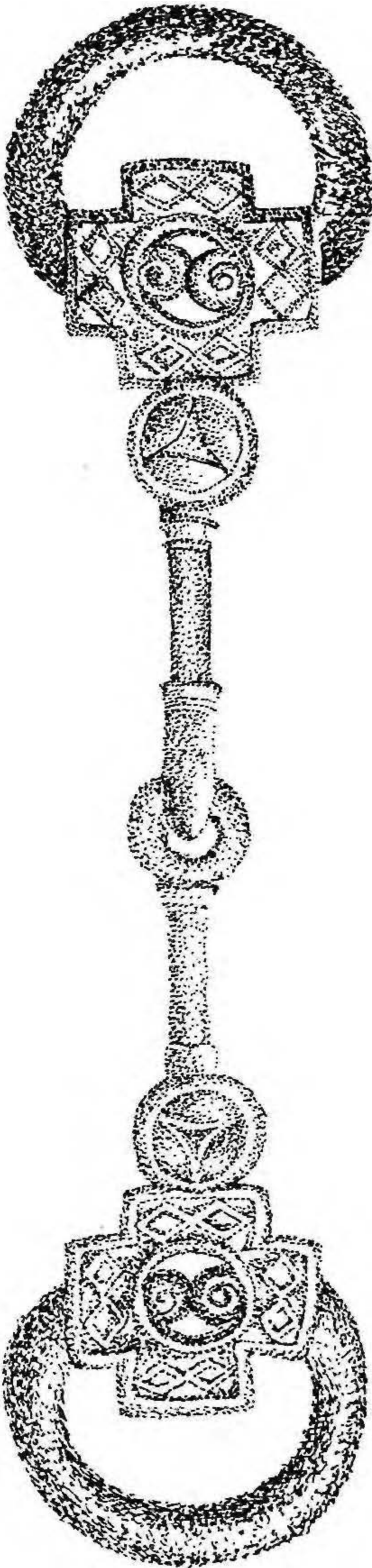
The Hostel of the Quicken Trees

Most would agree that of all the warriors who served with Fionn mac Cumhail in the Fianna, Diarmuid O'Duibne was the greatest. No task for him was too great, no feat of arms or course of hunting too hard that he would not try it. And he had besides a face and form that women loved, which caused great sorrow among the Fianna in time to come. But while Diarmuid rode with them, they were the most unbeatable men in all of Ireland.

The coming of Diarmuid was this wise: as a boy he went with other boys to be trained by the great warrior-woman, Mongfinn, but in time he came to leave there, and, with his youthful companions, made for Allmu of the White Walls to take service with Fionn.

On the way they came to a ford in the river and by its banks was an old woman who begged them to carry her across. All of the boys refused, fearing

This flexible bridle bit found in London is an excellent example of the kind of equipment used by Celtic horseman.

Fionn met his death at the Battle of Gabhra. Having slain all his other adversaries, Fionn finally encountered the five sons of Urgriu, on whose spear points he died.

to dirty their immaculate clothes with the mud of the river. Only Diarmuid took pity on the old woman, and waded across the river with her in his arms. As he reached the other side, however, his companions having gone ahead without him, he found the old woman had become a great shining figure that he knew for one of the Lordly Ones out of Tir-nan-Og.

She smiled at him and said, 'Diarmuid O'Duibhne, you are a good son and will do many great deeds; and for the goodness you had to myself today I promise that no woman shall ever refuse you, nor be able to resist your look. And I tell you also that you have not seen the last of this place, for here shall be another feat attempted, that shall be remembered.'

And with these words there was suddenly no one there at all.

So Diarmuid went on to Allmu of the White Walls, and there Fionn saw him, and with his thumb of wisdom he knew what had occurred and that the old woman had been the Battle Goddess Morrighan, herself. But for her gift he felt troubled - doubts which were to prove well founded later on.

As to the prophecy that Diarmuid would come to that ford again, this is the way that it came about. Many years later, Fionn fought a battle against the King of Lochlan, and slew him and all his sons save one only - Midac, whom he took into his own house and afterwards gave lands on the coast of Ireland. But in all that time never a word of thanks was had from Midac, who continued in secret to plot against Fionn.

One day, it chanced that the Fianna were hunting in the hills to the west of Allmu, and as sometimes happened, Fionn and some of his men became separated from their fellows who were following the track of a boar towards Cnoc Fianna. As they went they saw a tall and handsome warrior coming towards them, and Fionn greeted him cheerfully enough when he saw that it was Midac. And the King of Lochlan's son smiled smoothly enough (though there were some among the Fianna who knew his true colour) and invited them to sup with him at the Hostel of the Quicken Trees, which was nearby.

To this Fionn agreed readily, and commanded that certain of the band, Oisín and Diarmuid, Fodla and Caoilte mac Rorian, and his own youngest son, Fiachna with his foster-brother Innsa, should remain behind until the remainder of the hunt came up with them. Then Fionn and Goll mac Morna, and Conan Maol and the rest, rode after Midac to the Hostel of the Quicken Trees.

It was a fair and beautiful building, with bright intricate carvings on the wood of its uprights, and a fresh thatch that shone in the sunlight like gold. And all around it grew quicken trees, with berries full and red upon them.

Fionn and his men followed Midac within and were amazed at the richness they beheld: fine hangings on every wall, soft couches to rest on, and a bright roaring fire in the hearth to warm them.

'Certainly you have done well by yourself,' said Fionn to Midac, but when he looked around their host was nowhere to be seen. 'Is this not a strange thing? And no servants to be seen either?' he asked.

'There is something stranger than that,' said Goll, 'For but a moment

since the walls were hung with fine stuffs and now they seem but rough planks through which the wind blows.'

'And there is something else strange,' said Fiachna, 'When we came in there were seven doors but now there is only one, and that closed tight.'

'What is more,' added Conan, 'these soft couches we were sitting upon seem to have become as hard as the earth - perhaps because they are!'

Seeing treachery and magic thus revealed, the Fianna made to rise and break out of the hall - only to find that they could not move, but were anchored fast to the floor as though with bands of iron.

Then Fionn put his thumb of wisdom between his teeth and groaned aloud: 'Now is the treachery of Midac mac Lochlan revealed,' he said, 'for I see a great host coming against us, led by Sinsar of the Battles, and his son Borba the Haughty, and coming with them are the three sons of the King of Torrent. It is the last named whose spells hold us here and only the scattering of their blood on the floor will set us free. But of that there is little chance.'

Then the men of the Fianna sent up the war-cry, the Diord Fionn, and so loud was their cry that Fiachna and Innsa heard it and hurried down to the Hostel of the Quicken Trees to discover what was amiss. When they heard what had come to pass the two young warriors felt their battle-rage come upon them and they at once said they would defend the hostel at whatever cost - for there was a ford nearby that the enemy host must cross before they came where Fionn and his men were imprisoned.

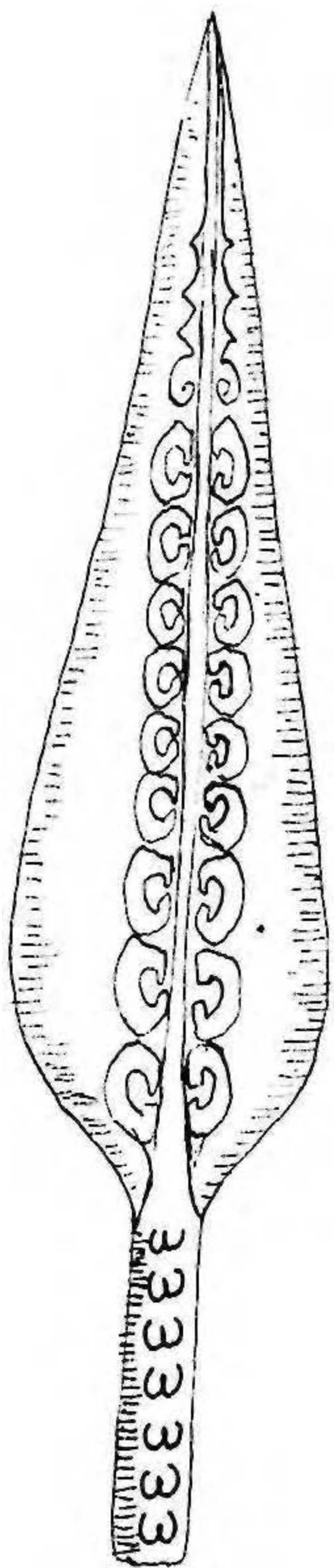
Meanwhile, the host that was coming to destroy Fionn had made camp at a few miles' distance. It occurred to one of Midac's chieftains that if he went with his own men and slew Fionn and brought the head back to his master, great fortune would be his. So he set off and came to the ford where Innsa and Fiachna waited. There ensued a great combat in which Innsa fell to Midac's chieftain, and Fiachna in turn slew him, along with so many of his warriors that only a handful returned to Midac.

Fiachna buried Innsa in a shallow grave and bore the news of his death and the slaughter of their enemies to Fionn, who wept for the death of his foster-son. But still he and the Fianna were held fast, nor would Fiachna abandon them and go for the rest of the warband.

Meanwhile, another chieftain of Midac's, named Ciaran, fell to wondering why his brother and their men had not returned, and set forth in search of them. When they came to the ford, they found it choked with the bodies of the slain, and Fiachna waiting to meet them.

Then there followed one of those combats that live in the memory of men long after. Fiachna held the ford alone against many dozens of attackers, and at the end of it only one man escaped to take the news to Midac.

He became so enraged that he gathered a part of his own men and made for the ford, where he found Fiachna still, leaning on his sword and bleeding from many wounds. When Midac saw all the bodies of his men where they made a wall of dead in the stream, he flung himself forwards and engaged the young hero in single combat.

Spearheads (above and opposite) discovered at Hiedersingen, near Stuttgart in West Germany. These magnificent examples of Celtic design are typical of the kind of weapons carried by the Fianna. The curvilinear designs are of bronze, cast into the blade.

Meanwhile, Oisín, Fodla and Diarmuid had been waiting for word from Fiachna. When none came, Diarmuid and Fodla decided to go down to the Hostel of the Quicken Trees to find out what was amiss, while Oisín went after the rest of the warband. As they were nearing the place, they heard the sounds of battle and began to run, emerging at the place in time to see Fiachna, hard-pressed, give way before the fury of Midac's attack. Without pausing in his stride, Diarmuid flung his spear - a great throw which took Midac in the breast and laid him on his back - though not before he had struck once more a fatal blow that gave Fiachna his death.

Then, as Fodla gave battle to the rest of Midac's men, Diarmuid struck off the head of Fionn's enemy and carried it to the door of the Hostel. And when he found what had occurred there he groaned aloud, but said that he and Fodla would hold the ford against all comers until Oisín returned with the rest of the Fianna: 'And if the sons of the King of Torrent come hither while we wait, you may be sure you shall be set free the sooner.'

Diarmuid returned to the ford and found that Fodla had driven off the few remaining men of Midac's warband, and he was so exhausted with fighting that once he saw Diarmuid, he fell into a deep sleep there on the bank amid all the dead, and Diarmuid covered him with a cloak and left him to rest undisturbed.

Now, at last, the main body of the host that Midac had gathered, namely that of the three sons of the King of Torrent, came to the ford, and there for long hours Diarmuid held them at bay, single-handed, not liking to wake the sleeping Fodla. But in time the noise of the battle *did* awaken him and little pleased he was that he had missed so much of the fight.

The two warriors together drove back the enemy with dreadful slaughter, and in the end Diarmuid himself slew all three of the King's sons, and took their heads. Then while Fodla chased off the rest, Diarmuid went again to the Hostel of the Quicken Trees and sprinkled the blood on the doorstep and the earth within. But though Fionn and his men were able to move, they still had no strength, and Fionn told Diarmuid that they would not be able to fight before morning, when their strength would return.

So once again Diarmuid returned alone to the ford, and there he and Fodla awaited the last of their enemies: Sinsar of the Battles and his son Borba, with all their men.

This was the fourth combat of the Ford of the Quicken Trees, and it was a hard fight that continued all day and did not stop at sunset. But Diarmuid and Fodla, in a momentary lull in the fighting, spoke to each other and Diarmuid advised that they should hold off from attacking with equal ferocity to that of their enemies and save their strength until help arrived, or until Fionn could join with them.

In the early light of dawn came not only Sinsar and Borba, but also the King of the World with all his men; and then things might have gone ill indeed with Diarmuid and Fodla, but that with the first ray of the sun, Fionn and Goll and the rest received back all their old strength. Chanting their

battle cry, they joined in the fray. Things might still have gone ill for them, but before the morning was passed, Oisín and the rest of the Fianna came upon the scene. With all his warriors at his side, Fionn rose up in his battle fury and inflicted such slaughter that few men lived to speak of their defeat. Among the slain were both Sinsar and Borba, the sons of the King of the World. After that, it was a long time before any man of Ireland stood again against the Fianna. But it was only afterwards, when they rode away from the Hostel of the Quicken Trees, which they left in flames, that Diarmuid remembered the words of the Goddess he had carried on his shoulders long since, and then he knew that this was the same ford.

'And may it be a long while,' said Oisín to Patrick, 'before that fight is forgotten, nor the deeds of Diarmuid that day eclipsed by what came after.'

Diarmuid and Grainne

Now although Fionn served as chieftain of the Fianna at the behest of Cormac, the High King of Ireland, there came to be disquiet between the two of them, for in his heart Cormac feared the power of the Fianna, that they might some day look towards his throne and his kingship.

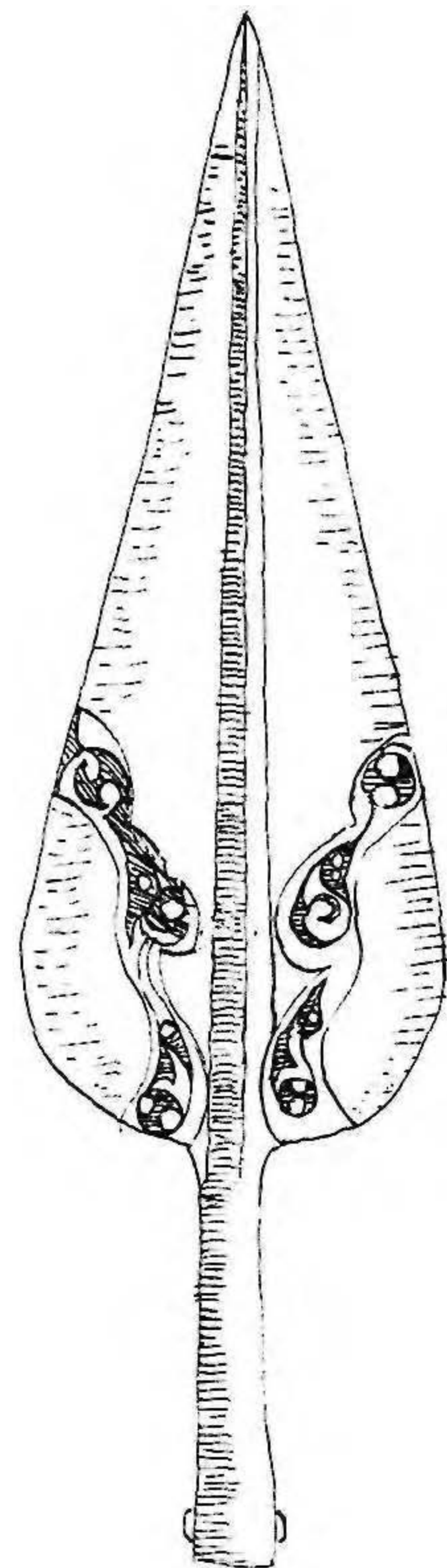
This grieved Fionn greatly, for he was a loyal man and hated there to be enmity between himself and the King. And it came to him that he should take a new wife, for he still thought of Sabha, Oisín's mother; and his second wife, Maighneis, had been dead for several years. So that Fionn grew lonely and when it was suggested that he ask for the hand of Cormac's daughter, Grainne, he was more than eager. He deemed that this was a way to heal the breach between himself and the High King, while at the same time gaining for himself a wife who was, by all accounts, the most beautiful in all of Ireland.

He duly sent messages to Cormac to ask for his daughter, and Cormac was not loath to give her up, for he too saw the chance to make a potential enemy a son-in-law. But as for Grainne herself, she was less willing. 'For,' she said, 'Fionn is no longer young, and there may yet come one whom I can truly love.'

But her father would not listen and commanded her to do as she was bidden, and to Fionn he sent back messages of friendship and acceptance of his offer.

So a great feast was prepared at Tara of the Kings, and folk came from all the five provinces of Ireland to grace the wedding of Fionn to Grainne. But on the night of the feast, Grainne sat silent and pale beside her new lord until she saw Diarmuid amongst the guests; and a blush of colour stole into her cheeks and she asked his name.

Then, taking the guest cup in her hands, Grainne moved among the

throng speaking gently to one or laughing merrily with another, until she came to where Diarmuid sat and said softly, 'Diarmuid O'Duibhne, my heart is filled with love-longing for you.'

Diarmuid looked at the woman who had just become his lord's wife and for a moment his look answered her own, then he said that no man of Fionn's would ever betray him.

But Grainne said, simply, 'I lay this *geise* upon you, Diarmuid O'Duibhne, that you take me from this place tonight or leave this land as a man dishonoured.'

Then Diarmuid grew pale, for no warrior might refuse such a *geise*, yet he knew that once he left Tara with Grainne there would be no place for either of them beyond the reach of Fionn. But nonetheless he could not do otherwise, and as Fionn and all the Fianna, and the warriors of Cormac slept, Diarmuid O'Duibhne and Grainne, the daughter of the King, slipped out of Tara and fled away into the night.

Next day and for many days after they ran, for there would be no rest or respite from the pursuit of Fionn. Many times they heard the call of hounds, and more than once Diarmuid recognised either Bran or Sgeolan, but each time he managed to throw the scent.

So the days grew into weeks, and the weeks into months, and still the pair fled from the wrath of Fionn. Nowhere might they rest for more than a night, and to this day, right across Ireland are places known as the 'beds' of Diarmuid and Grainne, where they were believed to have slept. And if Diarmuid began with no heart for the venture, as day followed day in the company of Grainne, slowly the barrier melted and he began to love her in truth.

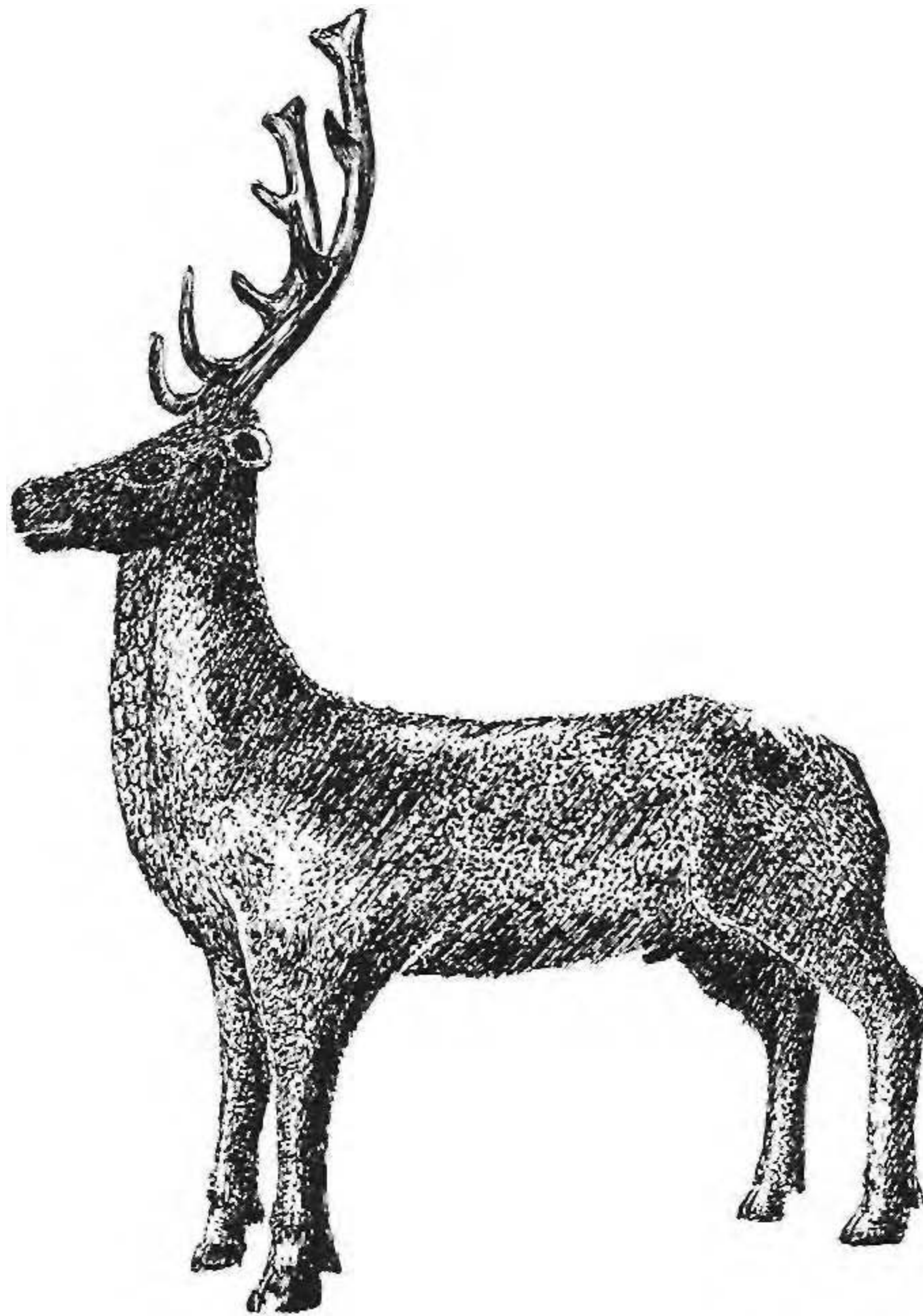
But Grainne grew very thin and brown and her once carefully dressed hair was wild as a cloud from which her face looked out great-eyed at the world. But she never flinched from the steepest path or the hardest road, and followed unhesitatingly wherever Diarmuid led.

Several times Aengus Og, who was the foster father of Diarmuid, rescued them when the Fianna were close upon their heels, so that never once in all that time did Fionn set eyes upon either one of them, though he followed for more than a year and a half. Until at last, Aengus Og himself went to Fionn and asked whether he would not give up the chase and let Diarmuid and Grainne live in peace. Fionn, who was growing old, shrugged and said that he would, so long as Diarmuid stayed away from Allmu. Then Aengus went in turn to Cormac and asked him the same thing. Though Cormac was in no way pleased that a man had taken his daughter when she had just become betrothed to a man of Fionn's standing, yet he agreed.

His son, Cairpre, was less willing, and became the greatest enemy of the Fianna from that time.

So Diarmuid and Grainne were allowed to settle down together on land that belonged to the O'Duibhne's, and Diarmuid had besides a gift of land from Fionn, as befitted a hero who had served him well. Thus, all went well

with them for a number of years, until Diarmuid had four sons to his name and had begun to lose some of his youthful beauty.

Then, one day, Grainne said to him: 'Is it not a shame that in all these years Fionn has never once visited us here, or that you have never ridden hunting with the Fianna on these lands?' Diarmuid, who in truth had missed his old comrades, roused himself to send word to Fionn that if he saw fit they should forget the enmity that had been between them and ride once more together.

So it was that in the spring of that year, Fionn and a small band of the Fianna came to Diarmuid's house and there was feasting and much talk of old battles and sport. And when Fionn proposed to hunt the lands around Ben Bulbin, that lay within Diarmuid's lands, there was a gladness between them.

Now there was one beast that Diarmuid might never hunt because of a *geise* laid upon him long ago in his youth - and that was the boar, for it was said that in this way would he come by his death. Yet several times in the night, he awoke to the voice of hound, and, it seemed, the noise of a great pig. He would have risen from his bed had not Grainne held him fast in her arms and bade him await the dawn. But when the day came at last, he would wait no longer. He set out alone with only a single hound for company, in search of that voice he had heard in the night. And so he came to a place near the top of Ben Bulbin, and there was Fionn, alone, awaiting him. The two men looked at each other a long while.

'Have you come to try and kill me, Fionn mac Cumhail?' said Diarmuid.

But Fionn only looked at him strangely and said, 'One of the hounds of the Fianna escaped into the night and we have been trying to catch him again, but there is a great boar at large on this mountain and it has already killed several

Though it comes from France, this bronze figurine of a stag illustrates ideally the image of the beast hunted by the Fianna as part of their legal quarry.

of our hounds. You should not be here, Diarmuid O'Duibhne, knowing of the prohibition upon you.'

Diarmuid shook his head, 'I shall not run away from any pig,' he said. 'I will wait here to see what comes.'

So Fionn went in search of his men while Diarmuid remained sitting in the early morning sun on Ben Bulbin. Thus he was when he heard a great crashing in the bushes below him and there came in sight the largest and fiercest looking boar he had ever seen.

'Now here is my death,' said Diarmuid, looking at the beast's red eye. 'I shall see if I can overcome it.'

He drew his sword and went forward against the beast with only his hound at his side. She, poor beast, died in the boar's first rush, and in the second Diarmuid received his own death wound, though he slew the boar also. And so was another prophecy of himself fulfilled, that if ever he hunted a boar thus would he find his death.

Thus Fionn and the Fianna found him later that day, with still some life left in him, and Fionn stood over him and said, 'I am not sorry to find you thus, for you have done ill by me.'

'In the name of the friendship that was once between us and for the deeds I have done in your name,' gasped Diarmuid, 'I ask you to give me water from your hands.' For he knew that Fionn had a special power: if he gave succour to any man in this way, that man would be healed.

Fionn hesitated for a moment, and others of the Fianna who were at hand murmured that he should help Diarmuid, for the sake of the good he had done in past times. So Fionn went to a place where water bubbled up from the earth and gathered some in his cupped hands. But as he made to take it to Diarmuid, he remembered Grainne and the hurt he had been done, and allowed it to trickle out between his fingers. Then he took thought of the Hostel of the Quicken Trees and of other deeds of Diarmuid, and grew ashamed, so that he went for more water. But he was too late, for the life had gone from the hero before he could reach him.

Thus was the death of Diarmuid, and many of the Fianna mourned for him, as did Grainne, who dwelled alone for many years and taught her sons to hate Fionn. But in time her sorrow faded and with it her anger, and when Fionn called upon her to come back to Allmu of the White Walls as his wife, she did not refuse, but made peace between herself and his sons and the men of the Fianna.

The Death of Fionn

On a day in the summer of the year when Oisín came to stay at the monastery of Ard Macha, one of the monks came in haste to fetch Patrick with the news that 'Another devil is come, just like the other, but blacker.'

When he hastened to the bothy which was Oisín's, he found a great white horse, larger than any he had seen, tied up before it. Within he found Oisín deep in conversation with a great black-browed warrior who carried a sword big enough to need two ordinary men to lift it.

Oisín rose to his feet, his eyes shining as they had rarely done since his first meeting with the monks.

'There is a new story I would have you hear, Talkend,' he said, 'One that you may not hear from my lips, but which concerns the death of Fionn mac Cumhail and the ending of the Fianna. Will you hear it?' So Patrick sent for his scribe and sat down to listen to the black-browed stranger. This is the tale he told. . . .

The time came when Cormac mac Art died and his son, Cairpre, became High King of Ireland in his place. But Cairpre hated the Fianna just as Cormac had loved them, and he plotted daily to find ways to destroy Fionn and his companions.

Now Cairpre had a daughter named Sgeimh Solais, who had many suitors. When at length one was found who was deemed suitable, a great banquet was planned to celebrate the forthcoming nuptials.

It was customary at such times for the High King to award the Fianna twenty ingots of gold as an extra fee for keeping guard over Ireland, and for them to send their youngest member to collect this tribute. On this occasion, it fell to the lot of a youth named Ferdia to collect the gold. Though Fionn and his men waited all day outside the walls of Tara of the Kings, it was late before Ferdia returned. When he did, it was not as a living man but as a corpse, flung over the walls of Tara with these mocking words of Cairpre:

Ben Bulbin in Co. Sligo. The huge hulk of the mountains rises in a landscape where the Fianna often hunted and where the hero Diarmuid met his death.

'Too often have the Fianna made demands of the High Kings of Tara. This is the only answer they will get from now on.'

Fionn strode out to the front of the Fianna and shouted up at the walls of Tara, 'Cairpre mac Cormac, you have earned your death by this action. When next we meet, look to yourself.'

Then he and all of the Fianna that were with him, turned away from Tara and returned to Allmu of the White Walls to prepare for war.

But there were those of the Fianna who would not fight against the High King, preferring either to remain neutral or to join the opposing army. Thus, in the end, Fionn had only the men of his own clan Bascna, and those of Leinster under the captaincy of Oscar son of Oisín, and the army of King Feircobh of Munster, who had married into Fionn's family and was a firm comrade besides. This was in all but 3,500 men.

But Cairpre had 3,000 warriors of Tara on his side, as well as the clan of Morna - for though Goll mac Morna remained true to Fionn, there were many among his own clan that remembered the old feud and who hated Fionn for ousting Goll from the captaincy of the Fianna. These were 2,000 men, led by Fear-Taigh and Fear-Ligh mac Morna, Goll's younger brothers. As well as these, Cairpre had 1,000 men each from the tribes of Ulster and Connacht. From the Men of the Snows, the Men of the Green Swords and the Men of the Lion, he also had 1,000, each company led by one of the five sons of Ugríu. In all, it was an army of 10,000 men that Fionn had to meet with his own small force. The place of meeting was at Gaohra which lay to the West of Tara.

It was a very hard battle, with terrible losses on either side. None there were who fought more bravely than Oscar, son of Oisín, so that men said it was his day. Five score of the Men of the Green Swords and seven score of the Men of the Lion alone he slew. And at the last he came face to face with the High King himself.

He cast his spear at Cairpre, which passed through his body and stuck out beyond. But Cairpre with his last breath struck Oscar a terrible blow which let out most of the life from him. Yet when he saw that Cairpre's men had set his helm upon a pillar so that it might seem that he lived yet, Oscar drew upon the last of his strength to fling a thin slab of stone which struck the helm and broke it in pieces. But his own heart broke at that moment and he fell dead.

Then Caoilte mac Ronan and Conan Maol lamented the death of the great Fenian, and together they lifted and carried him to where Fionn stood. There, amid the press of battle, Fionn gave a great cry of anguish and raised the Diord Fionn, the Cry of the Fianna. He spoke words above the body of Oscar, before he plunged again into the thick of the fighting, and men say that never in all the history of the Fianna were such deeds done as were done by Fionn mac Cumhail that day. A mighty man he was still, though his hair and beard were white as flax, and in his shining war-coat and helmet of gold he was a figure terrible to all his enemies.

Fear-Taigh and Fear-Ligh mac Morna he slew and many dozens of warriors from the men of Connacht and the men of Ulster and none might stand before him. But at the last he stood alone, with most of his fellows dead or sore wounded, and then there came around him the five sons of Urgriu, who had commanded the pillars of the High King's army. When Fionn saw them he let fall his shield, which was all hacked and hewn, and grasping his great sword in both hands he went to meet them. . . .

'Thus perished that day Fionn mac Cumhail, captain of the Fianna of Ireland, and with him fell the most of his captains and many of his men. The might of the Fianna was smashed in that battle, and never again rode to hunt upon Cnoc Fianna, or Ben Bulben, Slieve Cua or Slieve Crot.'

The stranger fell silent while Oisín wept for the death of Fionn and for his own son, Oscar. Even Patrick was not wholly dry-eyed, though his sternness forbade that he should weep for a pagan. And Oisín, seeing or sensing this, rose to his feet and made this lay:

I used to serve an army on a hill, Patrick of the closed-up mind; it is a pity you to be faulting me; there was never shame put on me till now.

I have heard music that was sweeter than your music, however much you are praising your clerks; the song of the blackbird of Leiter Laoi, and the sound of the Diord Fionn; the very sweet thrush of the Valley of the Shadow, or the sound of the boats striking the strand. The cry of the hounds was better to me than the noise of your schools, Patrick.

The twelve hounds that belonged to Fionn, the time they would be let loose facing out from the *Siuir*, their cry was sweeter than harps and than pipes.

I have a little story about Fionn; we were but fifteen men; we took the King of the Saxons of the feats, and we won a battle against the King of Greece.

We fought nine battles in Spain, and nine times twenty battles in Ireland: from Lochlann and from the eastern world there was a share of gold coming to Fionn.

My grief! I to be stopping after him, and without delight in games or in music; to be withering away after my comrades; my grief is to be living. I and the clerks of the Mass books are two that can never agree.

If Fionn and the Fianna were living, I would leave the clerks and the bells; I would followed the deer through the valleys, I would like to be close to his track.

When he was done he said: 'I will not stay here longer, Talkend; though you have been kind this is not my home. One has come for me who will take me back to where Niamh awaits me yet, and mayhap her magic can make me young again.'

Patrick looked at the strange warrior, who nodded. 'It is Caoilte mac Ronan who is under your roof. I have come for my old comrade to take him where the Fianna await his return.'

Then Patrick arose and blessed them both and bade them speed well. Nor was it without sorrow that he watched them ride away together on the back of the great white steed, for he had grown fond of the old warrior in the months that he had remained at Ard Macha. But as to the stories of the Fianna, those Patrick kept; and it is said that he collected others from men who still remembered the ancient times, so that the memory of the Fianna and their heroes should not die out in the world.

Hero List of the Fianna

'This is the enumeration [and description] of Finn's people: their strength was seven score and ten officers, each man of these having thrice nine warriors, every one bound (as was the way with Cuchullin in the time when he was there) to certain conditions of service, which were: that in satisfaction of their guarantee violated they must not accept material compensation; in the matter of valuables or of meat must not deny any; no single individual of them to fly before nine warriors.

Of such not a man was taken into the Fianna; nor admitted whether to the great Gathering of Usnach, to the Convention of *Taillte*, or to Tara's Feast; until both his paternal and his maternal correlatives, his *tuatha* and kindreds, had given securities for them to the effect that, though at the present instant they were slain, yet should no claim be urged in lieu of them: and this in order that to none other but to themselves alone they should look to avenge them. On the other hand: in case it were they that inflicted great mischiefs upon others, reprisals not to be made upon their several people.

Of all these again not a man was taken until he were a prime poet versed in the twelve books of poesy. No man was taken till in the ground a large hole had been made (such as to reach the fold of his belt) and he put into it with his shield and a forearm's length of a hazel stick. Then must nine warriors, having nine spears, with a ten furrows* width betwixt them and him, assail him and in concert let fly at him. If past that guard of his he were hurt then, he was not received into Fianship.

Not a man of them was taken till his hair had been interwoven into braids on him and he started at a run through Ireland's woods; while they, seeking to wound him, followed in his wake, there having been between him and them but one forest bough by way of interval at first. Should he be overtaken, he was wounded and not received into the Fianna after. If his weapons had quivered in his hand, he was not taken. Should a branch in the wood have disturbed anything of his hair out of its

braiding, neither was he taken. If he had cracked a dry stick under his foot [as he ran] he was not accepted. Unless that [at his full speed] he had both jumped a stick level with his brow, and stooped to pass under one even with his knee, he was not taken. Also, unless without slackening his pace he could with his nail extract a thorn from his foot, he was not taken into Fianship: but if he performed all this he was of Finn's people.

A good man verily was he that had those Fianna, for he was the seventh king ruling Ireland: that is to say there were five kings of the provinces, and the king of Ireland; he being himself the seventh, conjointly with the king of all Ireland.

Finn's two poll-wards were Noenalach, and Raer grandson of Garb; the two stewards of his hounds: Crimthann and Connla Cas; his dispenser: Cathluan son of Crimthann; his master of the banquet: Corc son of Suan; his three cupbearers: Dermot grandson of Duibhne, and Faillin, and Colla son of Caeilte; the two overseers of his hearth; Caeilte and Glanna; his two makers of the bed; Admoll and mac Neri; his twelve musicians: Fergus True-mouth, Fianu, Bran, two Reidhes, Nuada, and Aithirne Aghmar, and. . . . Flann and Aedh, Cobthach of the high strains, and Cethern; his physician: Lerthuile; his two keepers of the vessels: Braen and Cellach Mael; his barber: Scannal; his comber: Daelgus; his charioteer: Rinnchu; his two masters of the horse: Aena and Becan; his strong man: Urchraide grandson of Bregaide; his six door-keepers: Cuchaire and Bresal Borr, Fianchad and *Mac-da-fer*, Imchad and Aithech son of Aithech-bal; his carpenter: Donngus; his smith: Collan; his worker in metal: Congaran; his horn-players: Culaing and Cuchuailgne; his two soothsayers: Dirinn and Mac-reith; his carver: Cuinnscleo; his candle-holder: Cudam; his two spear-bearers: . . . and Uadgarb; his shield-bearer: Railbhe, and so on,

(*The Enumeration of Finn's People*
trans: Standish O'Grady)

Fionn's Battles

This list of some of Fionn's greatest battles comes from an ancient Irish poem describing his shield, the history of which is then given, including details of the great battles in which it was carried:

What of battles were fought by thee under Cumhall's son of the bright hands, thou brightest shield that hast not been defamed, 'twere hard to number them.

By thee was given the battle of Ceann Cluig, when Dubhthach, son of Dubh, was slain: the battle of Moin Mafaidh without woe, when Deidgheal hard-mouth was slain.

The battle of Luachair, the battle of Ceann Aise, and the battle of Inbhear Dubhghlaise, the battle of Teathbha, stiff was its entanglement, the battle of Cluain Meann of Muirisg.

The battle of Lusga, the battle of Ceann Claire, and the battle of Dun Maighe, the battle of Sliabh Fuaid, whose heat was tense, the rout in which fell rough grey-eyed Garbhan.

The battle of Fionntraigh, whereby the warsprite was sated, where blood and booty were left behind, two bloody battles round Ath Mona, and eke the battle of Cronnmhoin.

The battle of Bolgraihe of great deeds, in which fell Cormac the exact, the battle of Achad Abhla that was not slack, the battle of Gabhair, the battle of the Sheaves.

The battle of Ollarbha, where the strife was fierce, wherein generous Fathadh was slain, the battle of Eise, great were its deeds, and the battle of Ceis Corainn.

The battle of Carraig, the battle of Srubh Brain, and the battle of Beann Eadair, the battle of Sliabh Uighe that was not slack, and the battle of Magh Malann.

The battle of the brave Colamhnaigh, and the battle of

Inbhear Badhna, the battle of Ath Modhairn, clear to us, and the battle of Beirge above Boyne.

The battle of Magh Adhair not belittled, and the battle of Dun Fraochan, the battle of Meilge of the mighty struggle, that caused loud cries and wails of woe.

The battle of Beirbhe, great was its deed, the after-battle with the King of Lochlainn of the ships, the battle of Uighe, undoubtful were its tidings, and the battle of the Isle of Gaibiel.

The battle of Moin, the battle of Ceann Tire, and the fortunate battle of Islay; the battle of the Saxons, great was its glory, and the battle of sturdy Dun Binne.

The battle where tall Aichil was slain, the ready-handed high-king of Denmark, the battle of Inbhear Buille in truth, and the battle of fierce firm Buinne.

Twenty battles and twelve outside of Ireland in full sooth as

far as Tir na n-Dionn of fame not small, Fionn fought of battles with thee.

Eight battles in Leinster of the blades thou and thy side-slender lord fought: in thy space of grace, no falsehood is this, sixteen battles in Ulster.

Thirty battles without reproach thou gavest in Munster of MacCon - it is no lie but sooth - and twelve battles in Connacht.

. Twenty-five victorious battles were fought by thee, thou hardy door, eighteen battles, a rout that was not slack, thou didst gain over the Tuatha De Danann.

Not reckoning thy fierce indoor fights and thy duels of hard swords, these while thy success lasted strong were thy share of the battles of Ireland.

(trans: Eoin MacNeill)

Further Reading

Bruford, A. *Gaelic Folk Tales and Medieval Romance* Dublin, Folklore of Ireland Soc., 1969

Campbell, J. G. *The Fians*, D. Nutt, 1891

Cross, T. P. and Slover, C. H. *Ancient Irish Tales* Figgis, 1936

Cunliffe, B. *The Celtic World*, Bodley Head, 1985

De Breffny, B. (ed) *The Irish World*, Thames & Hudson, 1977

Delaney, F. *The Celts*, Hodder & Stoughton, 1986

Dillon, M. & Chadwick, N. *The Celtic Realms*, Weidenfeld, 1967

Dillon, M. *Cycles of the Kings*, Oxford Univ. Press, 1946

Gregory, Lady A. *Gods and Fighting Men*, Colin Smythe, 1970

Joyce, P. W. *A Social History of Ancient Ireland* (2 vols.), Longman, 1903

Kruta, V. *The Celts of the West*, Orbis, 1985

Laing, L. *The Archaeology of Late Celtic Britain and Ireland* Methuen, 1975

Lindsay J. *Our Celtic Heritage*, Weidenfeld, 1971

Macalister, R. A. S. *The Archaeology of Ireland* Blom Inc., 1972

Maccana, P. *Celtic Mythology*, Hamlyn, 1970

McCone, K. R. 'Werewolves, Cyclops, Diberga and Fianna: Juvenile Delinquency in Early Ireland' in *Cambridge Medieval Celtic Studies* No. 12, pp 1-22, 1987

McMahon, A. (ed) *The Celtic Way of Life* O'Brien Press, 1976

MacNeill, E. & Murphy, G. *Duanaire Finn (The Booh of the Lays of Fionn)* Dublin, Irish Texts Soc. (3 vols) 1908-53

Macpherson, J. *The Poems of Ossian* Patrick Gedds, 1846

Mageoghagan, C. *Annals of Clonmacnoise* London, 1627

Meek, D. R. 'The Banners of the Fian in Gaelic Ballad Tradition' in *Cambridge Medieval Celtic Studies* No. 11, pp 29-69, 1986

Meyer, K. (ed. & trans) *Fianaigecht* Hodges, Figgis, 1910

Morris, J. *The Age of Arthur*, Weidenfeld, 1973

Murphy, G. *Ossianic Lore*, Mercier Press, 1955

Newark, T. *Celtic Warriors*, Blandford Press, 1986

Nutt, A. *Ossian and the Ossianic Literature*, D. Nutt, 1899

O'Grady, S. H. *Fionn and his Companions*, Talbot Press, 1970

O'Grady, S. H. (ed. & trans.) *Silva Gadelica* (2 vols), Williams and Norgate, 1892

O'Rahilly, T. *Early Irish History and Mythology*, Dublin Institute for Advanced Studies, 1946

O'Riordan, S. P. *Antiquities of the Irish Countryside*, Methuen, 1965

Rolleston, T. W. *The High Deeds of Finn*, Harrap, 1910

Ross, A. *The Pagan Celts*, Batsford, 1986

Russel, V. *Heroes of the Dawn*, Maunsel, 1913

Scott, R. D. *The Thumb of Knowledge*, Institute of French Studies, 1930

Sutcliff, R. *The High Deeds of Finn mac Cool*, Bodley Head, 1967

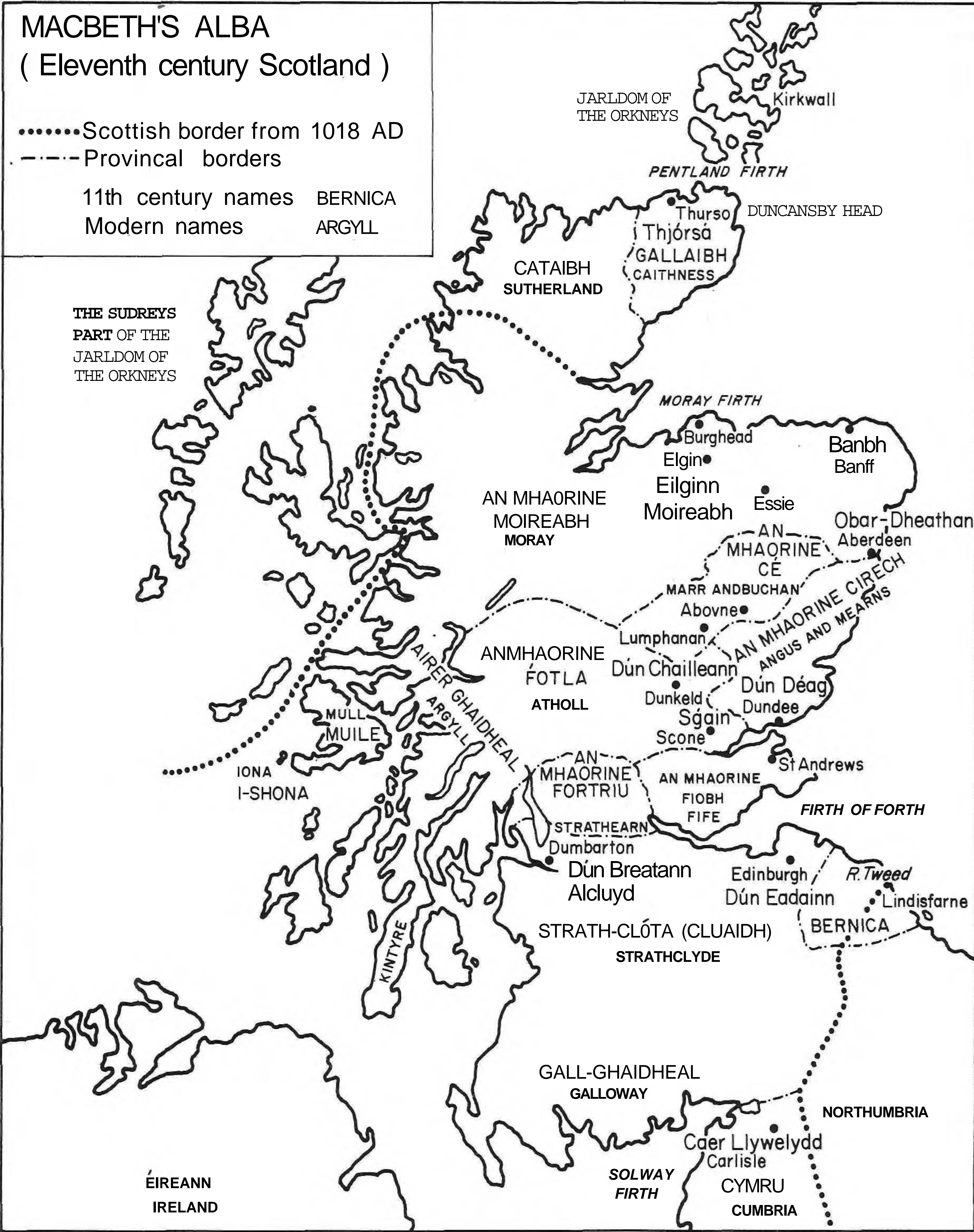
MACBETH

SCOTLAND'S WARRIOR KING

MACBETH'S ALBA
(Eleventh century Scotland)

- ..... Scottish border from 1018 AD
- - - - Provincial borders
- 11th century names   BERNICA
- Modern names   ARGYLL

The Real Macbeth

Macbeth was High King of Scotland from 1040-1057. His life, as misrepresented by chronicles written as much as three centuries after his death, was the foundation for a major character in a Shakespeare play which in turn generated many other works of creative fiction. There is a version by Guiseppe Verdi as a full opera composed in 1847. A further musical work was composed by Richard Strauss in 1887 and of course many film and stage variants now exist on the basic theme as created by Shakespeare. The most recent and perhaps the best film version to date is that directed by Roman Polanski, though it must be said that no film has yet been made telling the historical and true story of Macbeth. A number of books, mainly fiction, have been inspired by the tale of Macbeth. Perhaps the most comprehensive and historical of these is Dorothy Dunnet's epic novel *King Hereafter*.

The period in which Macbeth rose to power, the eleventh century, was extremely complex. Kings rose and fell across Europe, often with very short disputed reigns; popes and archbishops were made and unmade; savage Norse raiders carved out territories for themselves by the sword, while in the south their distant cousins the Normans were gradually becoming the great new military power of the century.

An enormous book would be needed to cover fully such a vast tapestry of politics, social change and religion, all woven inextricably together. Indeed, many detailed and lengthy historical sources and reference works are necessary to even begin to approach the true Macbeth. And it may well come as a surprise to the modern reader to discover that this man was almost the exact opposite of the character so powerfully drawn by William Shakespeare.

Much of the history of Macbeth can only be understood in the broad complex context of English and European history, as this context had profound effects upon Alba (Scotland). So, in concentrating upon the central hero, his culture, his battles - and his final end - a great mass of European history is inevitably omitted. But wherever immediate politics or cultural background help us to understand Macbeth, these are included.

It is not possible to write about Macbeth without considering, at least by comparison, the remarkable work of literature created by William

Shakespeare six centuries after the true historical period. Some of the major comparisons, such as the characters of Duncan and Macbeth, are included when the kingship and the succession by election are discussed. The simple fact that Scottish High Kings were elected is central to a proper understanding of the period; this concept was quite alien to later writers, and probably incomprehensible to Shakespeare. The world famous play is a study of evil and corruption: the fact that it revolves around an entirely fabricated and non-historical Macbeth is almost irrelevant - until we decide to examine the true Macbeth.

There is no intention here of debunking or discrediting Shakespeare; any such attempt would be absurd and unsuccessful. Yet the play *Macbeth* has so strongly coloured our general image of that Scottish king, the first to try and unify Scotland, that we must regard the historical Macbeth as a quite different from the fictional one. The two are only superficially related; one is a character profoundly drawn in one of the greatest dramas ever written; the other is a Scottish king whose reign marked a turning point in history. They share a name and some general background, but otherwise there is little in common between them.

Although the actual facts of Macbeth's reign agree in some respects with those dramatised by Shakespeare, history offers us a very different picture of the true Macbeth. He is normally regarded as a usurper, a tyrant, and an intolerable oppressor of his subjects. In reality, whilst he was indeed the murderer of his predecessor, this was in circumstances which made the crime nothing unusual for the historical period.

On seizing the throne, Macbeth used his power well, and was an effective and competent king; certainly not the crazed tyrant suggested in the world famous play. The difference between the true Macbeth and the fictitious figure of drama can be understood by looking further at his background. Also we have to delve into the changes of attitude and the political influence which eventually generated the Shakespearean picture.

During the reign of his predecessor Duncan, Macbeth was the Mormaer of Ross and Moray; he ruled over a large area of Scotland, consisting of all the land to the north of the Moray Firth and Loch Ness, in addition to territories in the Orkneys.

Duncan set out to subdue the independent chiefs of the north, and while engaged in this campaign was killed, either by Macbeth or on his orders. His death occurred in a place known as Bothgowan, which has been interpreted as meaning 'in a smith's hut'. This killing, eventually to be immortalised by Shakespeare in his retelling of historical chronicles, is likely to have taken place near Elgin, in the year 1039.

But the detailed history of this murder is more complex. Macbeth is said to have been encouraged by his wife Gruach (pronounced 'Gro-ah'), who was a granddaughter of the earlier King Kenneth III. Kenneth had been murdered and succeeded by Duncan's grandfather, Malcom II. The pattern of death and succession was not merely limited to Macbeth and Duncan; it had an immedi-

ate family background of revenge and politics. Furthermore, it echoed the ancient Celtic custom by which kingship was not hereditary, but elective. In very primal Celtic cultures, kings were established through magical or pagan religious processes; one of these was through combat between chosen individuals. Such combats had been transformed into political warfare by the time of Macbeth in the eleventh century, but originated in a purely magical tradition, within which the people would follow the elected or chosen king regardless. In fact, it was this misunderstanding of the ancient system of kingship that led later English chroniclers to treat Macbeth as a usurping tyrant, a theme to be taken up centuries later by Shakespeare. England had already moved towards a hereditary monarchy by the eleventh century, relying on political patterns rather different from those still prevailing in Scotland.

A nineteenth century production of Macbeth.

Macbeth reigned for seventeen years after the death of Duncan, and as has been said, ruled well. He is the first king of Scotland who is mentioned as benefactor of the church (as religion had been decentralised previously under the non-political Celtic church). Macbeth, however, favoured the growing Roman Church and for obvious political reasons offered his services to the Pope, being the first Scottish king to do so.

Macbeth's dominions were more extensive than those of any previous Scottish king, embracing the whole of what is now called Scotland, other than Orkney, Caithness and Sutherland, and parts of the Hebrides. These regions were ruled by Earl Thorfinn, a Norse jarl, who we shall return to repeatedly in our examination of the life of Macbeth. Scotland extended further south during Macbeth's reign than it does today, though this extension was to be lost by Malcolm III, who took the throne by force from Macbeth and his stepson Lulach.

Horse gear from Viking boat burial at Balladoole in the Isle of Man. Viking culture was absorbed into the existing Celtic backgrounds of Orkney, the Isle of Man and parts of Ireland, including Dublin.

Shakespeare took his version of the history from the Chronicles of Holinshed, or perhaps from those of Hector Boece. These sources were familiar only with the concept of hereditary monarchy; if we trace the lineage of the kings of Scotland *backwards* Macbeth might be termed a 'usurper' for after him the throne definitely became a hereditary property. It is this significant role as a figure at the crossroads of Scottish history that should be rightly accorded to the historical Macbeth.

Macbeth the Man

Macbeth is described by chroniclers in complimentary terms, very different from the literary image of a mad, despotic murderer. Contemporary writers such as Marianus Scotus, Tighernach, and Duan Albanach variously call Macbeth 'ruddy of countenance, tall with yellow hair'; 'a liberal king . . . fair and tall'; 'the red king . . .'. St Berchan called him a handsome youth, so there can be little doubt that his appearance was comely.

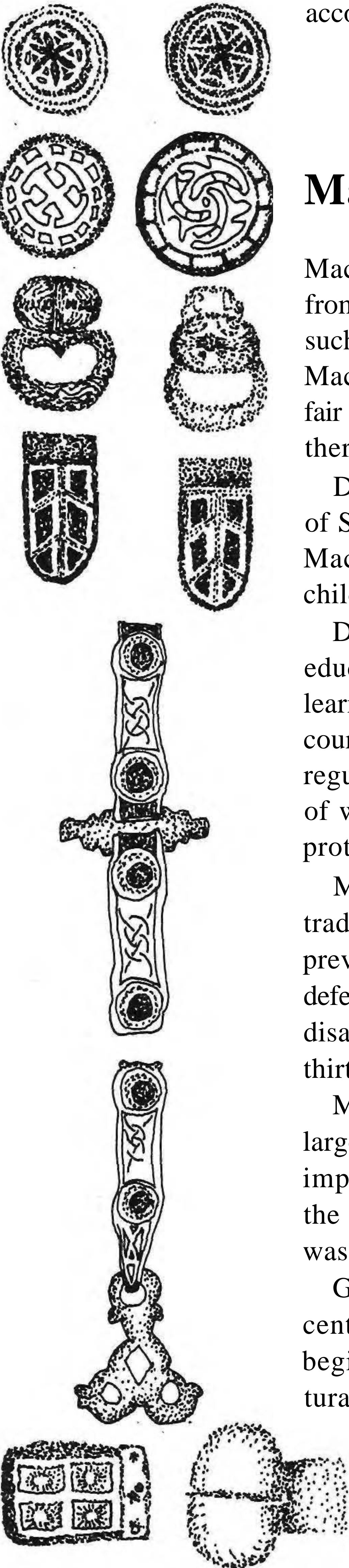
Doad, Macbeth's mother, was second daughter of Malcom II, High King of Scotland before Duncan. She married the Mormaer of Moray, Findlaech MacRuaridh and Macbeth, whose name means 'Son of Life' was their only child, born in 1005.

During his early life, Macbeth would have been fostered out for his education, as was the ancient Celtic custom. Youths in powerful families learned a wide range of skills, covering traditional law, poetry, music, and of course warfare and individual skills in battle. Scotland did not maintain a regular army in the modern sense, but each great family had to provide bands of warriors, who in turn were individually responsible for their efforts to protect areas, or if needed, the entire realm.

Macbeth was elected to the High Kingship in August 1040 at Scone, the traditional king-making centre or sacred place of Scotland. Duncan, the previous ruler, had reigned for five years as High King. He had suffered five defeats in war, and his policy of aggression and expansion had proved disastrous for Scotland. When elected to the High Kingship, Macbeth was thirty-five years of age, mature and at the prime of life.

Macbeth grew up in a land that was partly Celtic and partly Norse. The large Norse territories in the far north and the islands of Orkney played an important role in the development of what was to later become Scotland. In the case of Macbeth and his eventual rulership, the Norse balance of power was crucial to success.

Generally, what we now know as Scotland was called Alba in the eleventh century, though the name Scotland (from *Scotti* or Irish skirmishers) was beginning to appear. Scotland and Ireland shared a common language, cultural heritage, and frequently employed each other's mercenaries for cam-

paings or sea defences. The overall picture is of a diffuse, constantly feuding collective of chieftains and rulers in both Scotland and Ireland, with a powerful Norse element ruling the far north and posing a constant threat to southern territories during the summer, sailing and raiding seasons.

While Alba, or Scotland, spoke a Celtic language, the Orkneys and Sutherland and Caithness primarily spoke Norse or a mixture of Norse/Celtic dialects due to intermarriage. The northern border of Alba was south of Sutherland and Caithness, but the southern border extended far into what is nowadays England . . . including Cumbria, and stretching approximately to the present border of Lancashire.

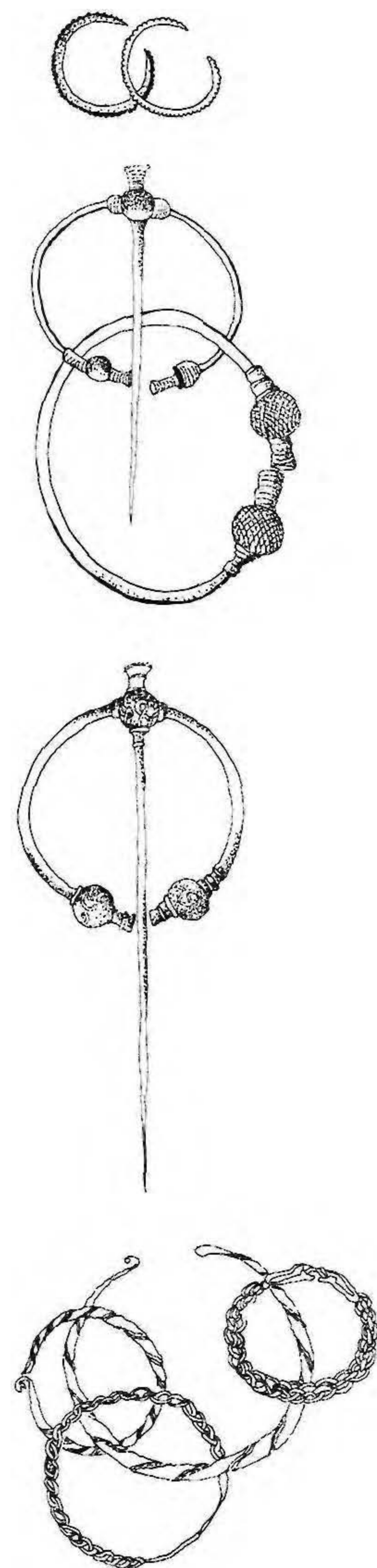
The six ancient provinces of Alba were established around the ninth century by union of the Picts and Scots - the Picts being the earliest inhabitants of the land, while the Scots were later incomers from Ireland. Over these territories, the *Ard Righ* or High King was elected to rule. It is significant, particularly in the context of the later vilification of Macbeth in literature, that this kingship was elective and not hereditary. This important difference of ruling system led to many later misunderstandings of the early politics of Scotland.

Before his election to the crown, Macbeth was involved in the hereditary power struggle between two of the largest provinces, Moray and Atholl. Macbeth's father ruled Moray, which was a large territory (larger than the modern Scottish county) stretching from the east coast of what is now Aberdeenshire to the west coast. This province was so powerful that chroniclers sometimes referred to the mormaers of Moray as 'Kings of Scotland', implying that its size and importance favoured the election of kings from among the mormaers.

The second largest province was Atholl in the west. The feuds between Atholl and Moray were often of a violent and bloody nature. Atholl included Scone, the king-making centre of Alba (in what is now Perthshire), and stretched westwards to the Western Isles, including Mull, Islay, Jura, Arran, and to the holy island of Iona. On Iona, kings were buried, and from Iona Christianity had spread to pagan Scotland by the efforts of the missionary saints under the guidance of St. Columba. It was from the mormaers of Atholl that High Kings of Alba were usually elected, because of their descent from earlier Irish (Dalriadic) rulers who had unified the west of the land.

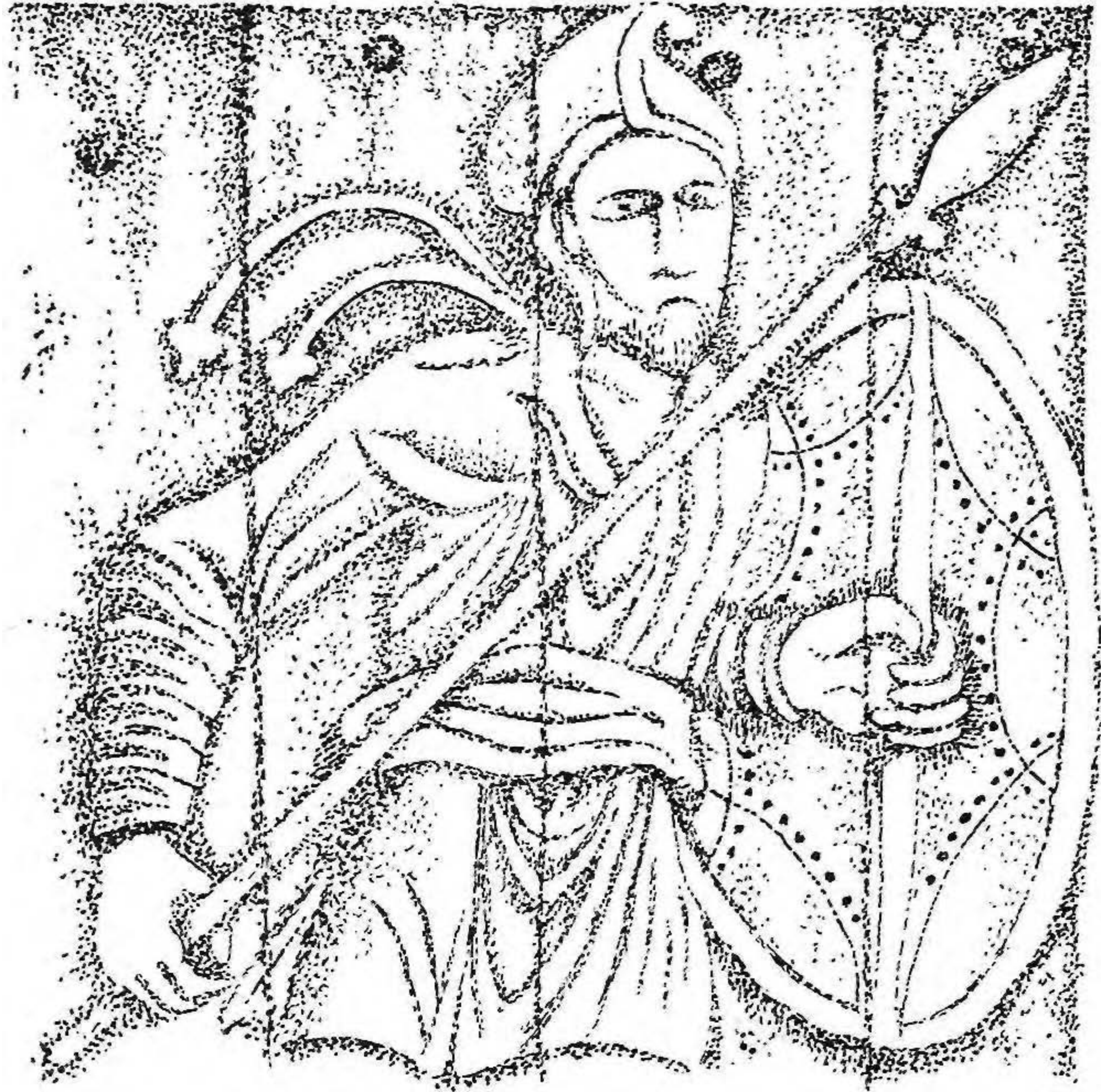
Macbeth's Scotland: Eleventh Century

To understand the culture, the feuds, and the final fusion into a united kingdom for the first time under Macbeth, we need to examine briefly the way of life in tenth and eleventh century Scotland. Firstly, there were no large cities or towns: life was essentially rural and decentralised. The cultural basis was that of the family or clan, with much isolation and wilderness leading to

Silver jewellery from a Viking hoard buried in Skaill, Orkney. In Macbeth's time, Viking raids on the British coast were extensive.

Viking warrior, from a tenth century carving.

Towards the close of his reign, Macbeth gave refuge to Norman warriors fleeing from retribution in England. These men were employed as mercenary troops to help defend the southern border; this action was possibly due to Macbeth's alliance with Thorfinn of Orkney and the potential balance of power both in England and Europe, though it is difficult to find evidence. The presence of Normans in Scotland, however, would have been seen as an ongoing threat to the English supremacy, and perhaps the beginning of an increased interest by Duke William of Normandy in the Scottish border territories as an access area into England. The Scottish and Celtic systems of government and elected kingship, together with the role of religion, were vital factors in Macbeth's rise to power.

Scottish Kingship

The old Scottish system of law, by which High Kings were elected and not drawn from hereditary lines as a matter of course, was a direct descendant of the oral traditions of law found in all early Celtic cultures. Late variants of these laws survived in Ireland, Wales and Brittany. They were the cause of much confusion to chroniclers and historians who failed to understand their foundation, assuming that the Scots were barbarians who flouted the general (English) laws of civilised existence. It was this system of elective kingship which made Macbeth into the first king of a progressive and increasingly united Scotland. Paradoxically, it also led to his unjustified vilification in later literature as an unscrupulous man of evil and so it is a system well worth examining.

Scotland was ruled by a complex of chieftains, ranging from small heads of

families, through to the mormaers or stewards, and culminating in lesser or petty kings directly under the High King. Significantly, all of these offices were well defined by ancient sets of laws, and all were maintained through election rather than inheritance. Candidates for power were nominated by their chieftain when death seemed imminent; such nominees were known as *tanists* (seconds). This system, so curious to the modern mind, seems to date back to a sacro-magical role of kingship common to primal western cultures. Elements of this pagan quality to kingship remained in eleventh century Scotland, which had a curious mixture of Christian and pre-Christian beliefs and practices.

The *tanist* or nominee needed tribal or clan approval to take his place as ruler. The greater leaders such as the mormaers or the High Kings were elected by a national assembly of chieftains and leaders of religion. There was a tendency for the great families to be elected to great roles; their experience in ruling and power led to a general pattern in which kingship was kept within certain family lines. But this was not identical to the English or European law of primogeniture, and there was no guaranteed succession.

It is this elective system that was so hard for later chroniclers to understand, and which led to the great drama of Shakespeare, which had little to do with the historical Macbeth. The principle behind elected kings was that they should be drawn from among those best suited and most worthy of the office . . . not merely from a family that sought to hold power. Petty chieftains and High Kings alike could be deposed by their people, and this acted as a guard against corruption or abuse of power.

Great families, such as Moray and Atholl, tended to be elected to the High

Modern Scone, originally the sacred centre of Scotland where the Celtic kings were installed after their election.

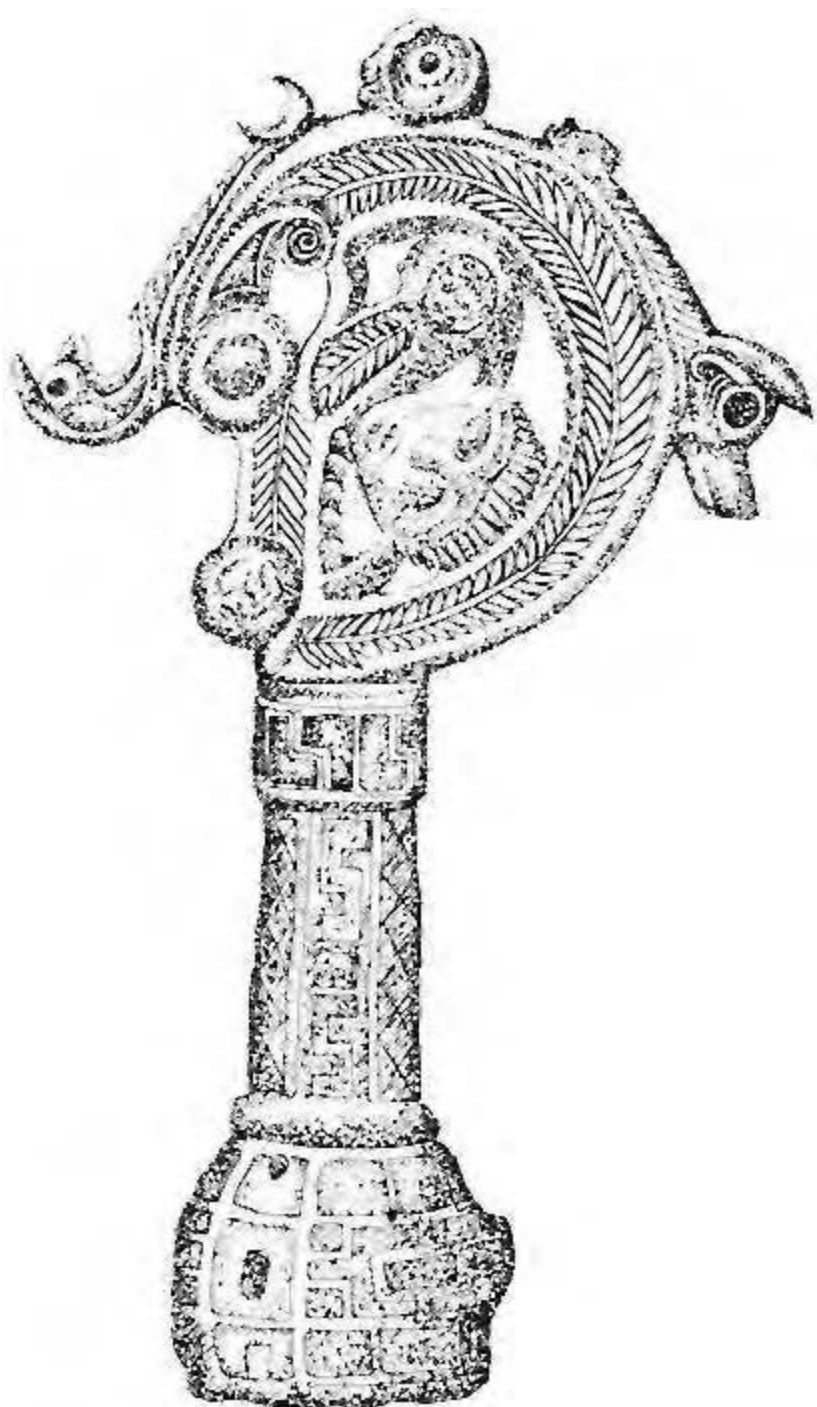

Kingship or other high office. In effect, this was a hereditary element within the elective system. The tendency for such families to feud with one another often led to attempts at deposing a High King through the ambition or vengeance of another chieftain or mormaer. In short, the system, which may have had its roots in a religious or magically-orientated society, had become politicised. With an ambitious series of invading kings ruling over nearby England, which developed an increasingly hereditary system, there were further options to abuse the Scottish system, by making alliances over the border. Such alliances were also made with Norway and Sweden.

Celtic Government

Despite the possibilities of abuse, the Celtic electoral system of rulership, from High King to local leader, worked well within the tolerances of its society and regions. It was supported and unified within a broader communal base of land tenure, from which the elected leadership system was derived. All land was held in common, there was no concept of private ownership or royal rights over tracts of land. The laws and restrictions of land and property administration were held in an ancient originally oral tradition. This began to become corrupted through the influence of the Roman Church, which was based upon a political system of ownership and manipulative legality, rather than tradition and consensus. Regional traditions of common ownership, labour and assistance remained in the remote parts of Scotland until the nineteenth century, so deep rooted were patterns of collective living.

Perhaps the most interesting aspect of Celtic traditional law, from the modern viewpoint, is the role of women. Unlike the legal situation which developed in England, and which persists in many aspects even today, marriage did not deprive a woman of her rights or her potential. Women were entitled to take elective office equally with men, and retained their personal powers, possessions and authority. This emphasis upon feminine equality and power derives from an earlier culture, best represented to us in the Irish sagas, in which women were direct representatives of the power or sovereignty of the goddess of the land. In this context, it is interesting to note that royal power (in England as well as Scotland) often depended upon the King marrying a certain woman. In the case of Macbeth, his marriage to Gruach, originally wife of his rival, confirmed his role of leadership. We should not take these primal magical aspects of early history too literally; they worked more in the manner of long established but vaguely defined sub-traditions. They occurred because they had always occurred, and because such processes as the relationship between a queen, the king, and land, were part of the deepest foundation of Celtic culture.

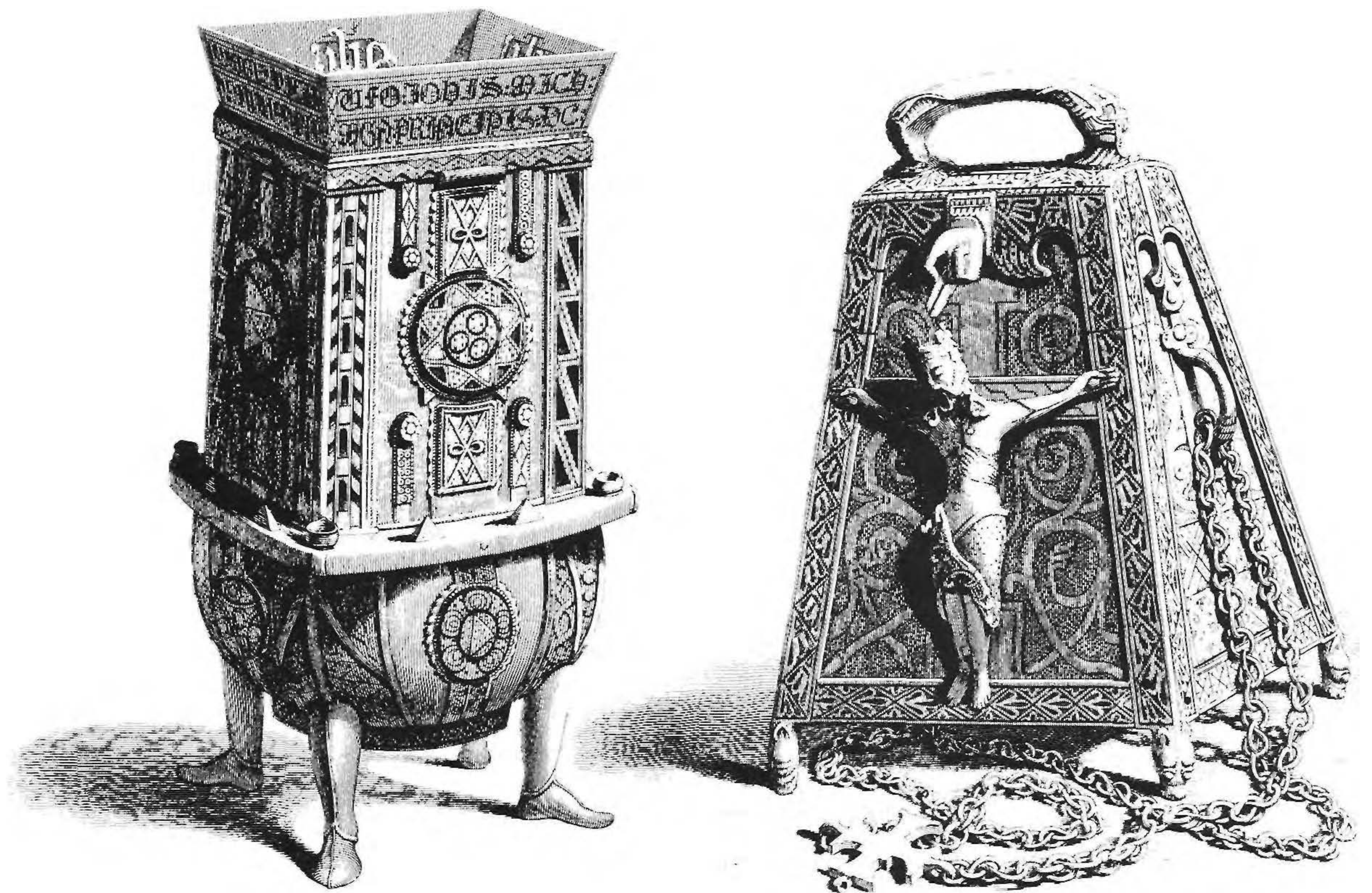

Celtic crozier found in Scandinavia and probably Viking loot from Scotland.

The Celtic Church

Religion played a crucial role at the time of Macbeth's life and his ascent to the throne of Alba or Scotland. The Celtic Church, one of the primal Christian churches predating the political Roman Church, came to Scotland

as early as 563 A.D. St Columba, banished from his native Ireland, established the first monastery on Iona, already a holy island with druidic pagan sanctity. Missionaries soon set to work to convert the Picts and Scots, and the Celtic Church was, loosely speaking, the state church of Scotland until at least the eleventh century. Even after the introduction of Roman monastic order through the reformation of the Saxon Queen Margaret (wife of Malcolm Canmore), there were still pockets of the Celtic or *culdee* orders surviving as late as the fourteenth century. Many Celtic church practices, fused with pagan tradition, survived well into the nineteenth and twentieth centuries in remote regions of the Highlands and islands, as communal prayers, rituals, and folklore.

The Celtic Church placed an emphasis upon communal living, non-ownership of land (in keeping with the traditional law of Celtic culture) and a diffusion of the Gospels in the common tongue (Gaelic or whatever happened to be the native language of a region). Great artists and scholars of Latin, Greek and Hebrew were found among the Celtic monks. It seems very likely that the education of the young Macbeth, son of a great mormaer, would have been at least partly under the guidance of the Celtic Church.

One of the important matters at the time of Macbeth's reign was the difference between the political land- and property-owning Roman Church, and the simpler more traditional Celtic Church. As an increasing tendency for

Scottish Christian relics: the Dunvegin Cup and the Kilmichael-Classrie Bell Shrine. The still active Celtic church in Scotland was supported by Macbeth.

the churches to own land developed, so did abbeys, settlements, crafts and trade centres become potential fortresses, targets for attack, and political weapons of bribery or corruption. Crinan, the father of Duncan, was both a warrior and an abbot. From his apparently ecclesiastical position at the Abbey of Dunkeld, Crinan was also Mormaer of Atholl and led an unsuccessful armed insurrection against Macbeth. This type of worldly exercise of power through a centre of religious authority was by no means typical of the Celtic Church, though many of its primates and saints were, of necessity, also warriors. Generally, the traditions and background of the Roman and Celtic Churches are very different. We may see the conflict between the older form of Christianity and its Roman political version as crucial to the emergence of a new and increasingly European Scotland. Similar conflicts were occurring all over Europe, where religion was used as an excuse to preserve or seize power.

The Rise to Power

Macbeth's rise to power and his final election to the High Kingship of Scotland thus took place against a complex political background. It also was closely interwoven with the fortunes and fates of other significant figures of the time.

Thorfinn of Orkney

Closely involved with Macbeth's rise to power was another important figure of the period. It would be no exaggeration to say that Thorfinn of Orkney was crucial to Macbeth's ascendance. Thorfinn descended from Malcolm II, who supported Thorfinn's claim to part of Orkney, and to the mainland territories of Caithness and Sutherland. To do this, Malcolm worked a vague dividing line between Celtic and Norse law, solely to obtain his own ends.

When Thorfinn's father, Sigurd Hlodversson, was slain at the great battle of Clontarf (1014) in Ireland, Orkney and the northern territories lay open to disputed claims. The defeat of the Norse invaders at the hand of the Irish was devastating; Norse expansion into Celtic regions was halted. Thus Malcolm's support of the young Thorfinn was designed to gradually claim back those territories taken from the Celts by force of arms. Thorfinn was sent to be fostered in the Norse-Celtic region of Caithness, ready to lay claim to a share of Orkney as soon as he was old enough.

Thus, to the north of Alba as ruled by Malcolm II, lay a large territory of both mainland and islands. Ultimately, these came under the rule of Thorfinn, who was sponsored by the Scottish king. It would not have been possible for Macbeth to come to the throne and develop Alba into a united kingdom, without some agreement with the powerful Thorfinn. Although we have no formal record of such an agreement, this is undoubtedly what must have occurred.

However, Malcolm II did not rest with his inroads into the Norse territories through diplomacy and patronage. To the south, invading Danes and Saxons were battling for the rule of England, which fell to the great King Canute in 1016. Malcolm used the conflict to expand his own territories, invading the territory once known as Bernica on the east coast well into Northumbria. The Scots defeated the Northumbrians at Carham in 1018. Thus, the dispute for this territory between English and Danish overlords was turned to a decisive Scots advantage, and the rule of the High King was extended to its furthest point south.

Death of Macbeth's father

In the year 1020, when Macbeth was about fifteen years of age, his father Finlaech MacRuaridh was slain by his nephews Gillecomgain and Malcolm. The killing probably took place because of Finlaech's increasing connections with the rival House of Atholl. He had married King Malcolm's daughter Doda, and given support to the High King by placing his clans under royal command during Danish raids. Thus, whilst no definite reason is known, we may presume that the ongoing feud between Moray and Atholl led to the killing. The nephew Malcolm was elected as Mormaer, and died after nine years of rule; Gillecomgain was immediately elected to rule after his brother.

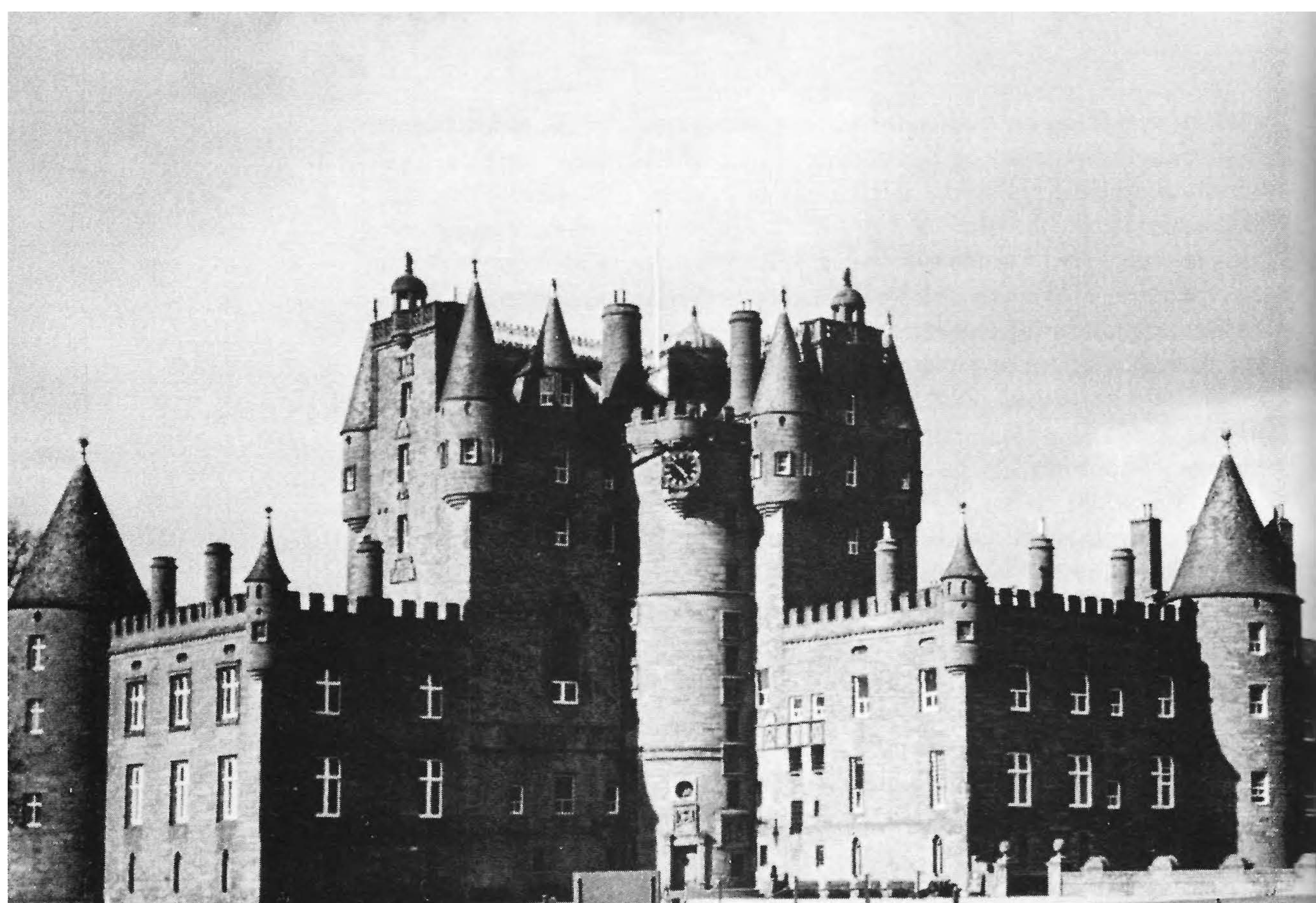
Unlike his uncle Gillecomgain stood firmly against the Atholl High King. He sought to improve the Moray claim to High Kingship by marrying Gruach, who was later to become the wife of Macbeth. Gruach was the granddaughter of Kenneth III, who had been killed by Malcolm II in 1005.

This pattern of dispute, election, and symbolic defiance through marriage, is crucial to the eventual kingship of Macbeth.

Death of Gillecomgain

History tells us little of what happened to Macbeth after the death of his father. Presumably he was under the protection of Malcolm II, and grew into adulthood in some safe place, receiving his training in arms and skill as befitted a member of a noble family who had supported the High King. In 1032, according to the *Annals of Ulster*, the Mormaer of Moray and fifty of his men were burned to death. Gillecomgain, cousin to Macbeth and killer of Macbeth's father, had finally fallen victim in turn to the Moray and Atholl feud. During Malcolm's old age, pressure had been building over the High Kingship and his nominated successor; a number of battles and killings were a direct result of this tension, as the election of a new High King was imminent. Thus, Malcolm II, at the age of almost eighty, sought to eliminate as many possible candidates for the High Kingship as he could in the limited time left to him. Gillecomgain's marriage to Gruach, his powerful Moray position, and his obvious hostility to Atholl, brought about his death. His son Lulach and Gruach, however, escaped the slaughter, though in 1033 her brother (another Malcolm) was killed in the ruthless process of eliminating opposition to the Atholl claim and to the nominee of the aged king.

Glamis Castle, despite its legendary claims, has little real historical association with Macbeth.

Mormaer of Moray

In 1033, Macbeth was elected as Mormaer of Moray. There is much debate over the part he may or may not have played in the killing of Gillecomgain, the slayer of his father. Certainly, the deaths of Gillecomgain and Malcolm Mac Bodhe (brother of Gruach) were part of the Atholl plan to retain power by wiping out all potential candidates for High King from the Moray faction. But there is no contemporary evidence to suggest that Macbeth was directly involved.

It seems unlikely that Macbeth was a direct puppet of Malcolm II, otherwise he would not have been elected as Mormaer. Whatever the reasons for his election, he soon married Gruach (the widow of Gillecomgain and granddaughter of a Scottish king) and adopted her son Lulach. Thus, on coming into his territorial power, he took on the traditional stance of opposition to the House of Atholl. Suddenly, Macbeth had become one of the most powerful men in Alba, with a strong claim as potential candidate for the High Kingship. Curiously, the ageing Malcolm II had not removed Macbeth from the scene, though we have no evidence to support or deny any such attempts.

Duncan becomes High King

Malcolm finally died at Glamis, on November 25th in 1034. His nominated

successor was Duncan Mac Crinan, his eldest grandson, who was elected as High King at Scone in December 1034. Thus does one of the most bitter conflicts for power related in dramatic literature make its *true* historical appearance.

Duncan was thirty three years old, and had some experience of rule as petty king of Cumbria. His election seemed to place the House of Atholl firmly in the highest role of power in Alba.

After the death of King Canute in 1035, and the subsequent struggles of the English and Norwegian crowns, Thorfinn became ruler of the entire Orkneys, Hebrides, and the mainland regions of Caithness and Sutherland. The rise of Thorfinn is only of interest in as much as it affected the career of Macbeth, but by 1039-40, two grandsons of Malcolm II ruled Scotland from north to south: Thorfinn, the old king's Horse protege, and Duncan his elected heir to the High Kingship of Alba. This two-fold division of power finally brought Macbeth to the throne, but not without the catalysing effect of Duncan's inability to rule adequately.

Macbeth was, of course, another grandson of Malcolm II through his mother Doada. Thus, the cautious policy of marrying a daughter, Doada, into the opposing Moray faction to gain support would soon turn against the House of Atholl.

Duncan Overthrown

MACDUFF O horror, horror, horror! Tongue nor heart Cannot conceive or name thee.

MACBETH & LENNOX What's the matter ?

MACDUFF Confusion now hath made his masterpiece. Most sacrilegious murder hath broke ope The Lord's anointed temple, and stole thence the life o' th' building

MACBETH What is't you say - the life?

LENNOX Mean you his majesty?

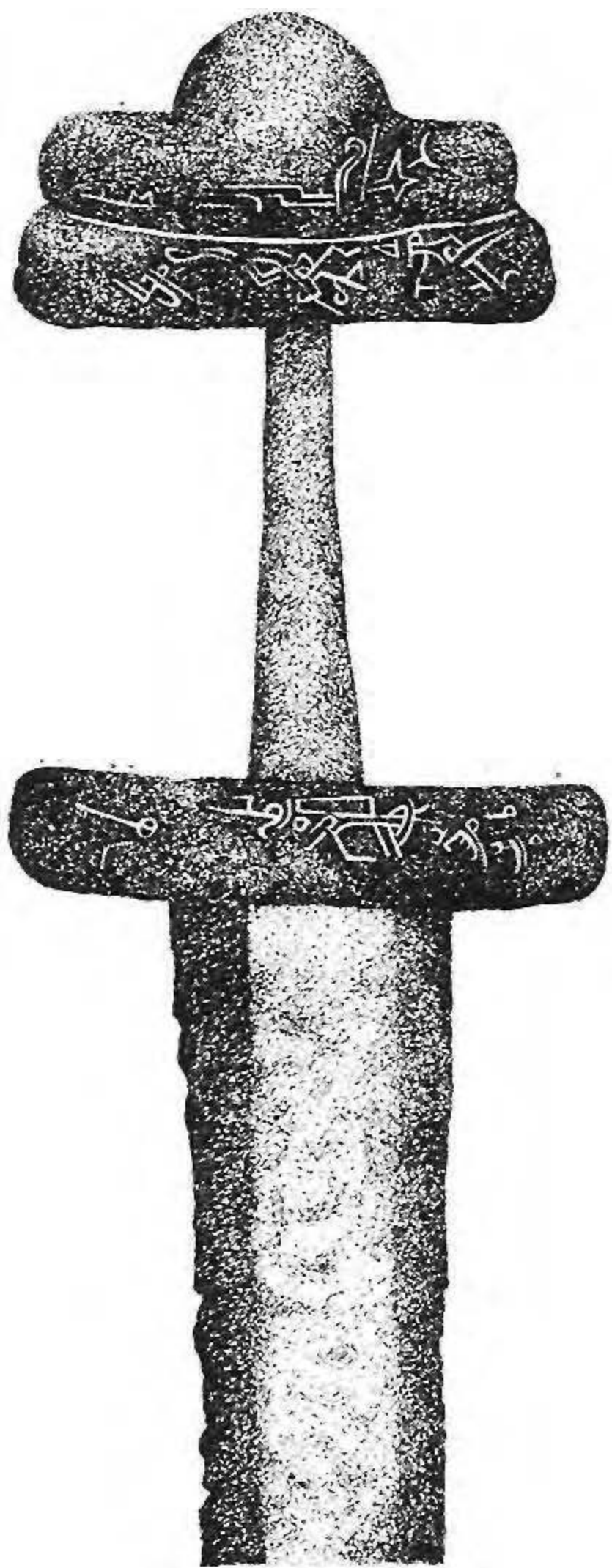
MACDUFF Approach the chamber and destroy your sight With a new Gorgon. Do not bid me speak; see and then speak yourselves. Awake! Awake! Ring the alarum bell. Murder and treason! . . .

In Shakespeare's drama, Duncan is described as a gracious king, slain by a foul usurper. The historical truth, well attested, is rather the opposite. When Duncan was deposed, no complaint was raised, and Macbeth was *elected*. This matter of election is not entirely proof of universal approval, but goes a long way towards proving that Macbeth was a better choice for the people of Alba than was the late Duncan.

In *The Orygynale Gronykil of Scotland*, Andrew Wyntoun describes Duncan as a vicious tyrant; certainly his record as a ruler and military leader is poor. The fictional warping of history, by which the roles of Macbeth and Duncan were gradually reversed, did not begin until some centuries after the original events; by which point time and cultural changes had obscured the reality of the situation.

Perhaps Duncan's most unpopular and dangerous move was to force campaigns on northern and southern fronts almost simultaneously. Duncan

Ornamental sword hilts (above and opposite) by the Frankish swordsmiths who produced the best weapons of the period, and which were widely used throughout Europe and Northern Scotland.

attempted to expand into the territories of Caithness and Sutherland, ruled by the powerful earl Thorfinn of Orkney as part of the Norse territories. He also tried to take advantage of the disputes over English succession, by invading Northumbria. Thus, forces moved both north and south, to Caithness under the command of Duncan's nephew Moddan, and to Durham under the command of Duncan himself. Both attempts failed miserably.

Duncan, showing himself not only to be heartless but totally incapable of basic military strategy, sent repeated cavalry charges against the massive walls of Durham; once the cavalry were defeated, the city troops counter-attacked and killed thousands of the Scottish infantry. The heads of these men, killed through the incompetence of the king that they had helped to elect, were impaled around the city walls.

While in retreat, Duncan met with his nephew Moddan, who had been forced to withdraw from Caithness and Sutherland in the face of a large opposing force assembled by Thorfinn and his foster father Thorkell. Duncan then resolved to throw all his remaining combined forces against Thorfinn, with a land army commanded by Moddan, and Duncan heading a fleet of eleven ships to attempt to trap the Norse warriors in between two attacking armies.

Defeat at Sea

Earl Thorfinn met Duncan's fleet off Deerness, where after a prolonged sea battle, the Scottish ships were routed. Much of the history of this period is recorded in the *Orkneyinga Saga* which describes the battle between the Orkney and Scottish fleets in detail:

The Scots bunched together on the High King's ship just before the mast. Then Jarl Thorfinn leaped from the poop of his ship forward into that of the High King, laying about him boldly. When he saw that the numbers were thinning upon the High King's ship, he called on his men to come aboard. And when King Duncan saw this, he gave orders to cut the lashing and stand off to sea . . .

Duncan escaped from his doomed flagship to another vessel, and headed south. Thorfinn combined his forces with another fleet led by his foster father Thorkell, and pursued the High King into the Moray Firth. Duncan made his way ashore, and the two Orkney fleets attacked the coastal settlements of the region.

Meanwhile Moddan and his force of Atholl clansmen had reached Caithness, where they awaited reinforcements of Irish mercenaries. Thorkell and his men, however, surprised Moddan's unfortunate troop while they slept. As Moddan leaped from a burning building, Thorkell beheaded him with a single blow. Duncan now assembled as large an army as possible and confronted Thorfinn on 14 August 1040, only to be defeated.

It is at this point in the tale that Macbeth again appears. The *Orkneyinga Saga* tells us that Duncan fled the battle 'and some say he was slain'.

Marianus Scotus, however, says that 'Duncan High King of Scotland was slain on 14 August by his general Macbeth, son of Finlay' (*Chronicon Univer-*

Known as the 'ruddy' or 'red-haired' king, Macbeth leads a raid upon rebels. In eleventh century Scotland, it was not unusual for a king to fight in person, taking the same risks as his warriors and thus ensuring his relationship as leader of his men.

sal). This seems unlikely, given the circumstances of the feud between Atholl and Moray, unless some unchronicled duplicity was practised by Macbeth. No further evidence of this curious incident is now available, and we might assume from subsequent events that Macbeth was on good terms with Thorfinn of Orkney, without whose support he could not have remained as High King for fifteen years.

It seems more likely that we are dealing here with a clerical or copying error, and that Macbeth and his Moray forces helped to dispose of Duncan after the High King's failure against the Orkney men. One possible interpretation of this statement is that the Celtic title *mormaer* or something similar has been translated to mean 'general' by Marianus Scotus.

After the defeat and death of Duncan, who had become widely unpopular as a result of his expansionism and inability to rule or command adequately, events suggest an alliance between Thorfinn of Orkney and Macbeth Mormaer of Moray. The result was that Thorfinn was firmly established without any opposition or Scottish claims upon Orkney or Caithness and Sutherland, while Macbeth was elected to the High Kingship.

Duncan was actually killed at Bothgowan which means 'the blacksmith's house'; today the name has become Pitgaveny, near Elgin.

Contemporary reports vary slightly, for John of Fordun says that Duncan was wounded and carried to Elgin where he died; the *Register of St. Andrews* states that he died at Bothgowan. The Orkney forces ravaged far south into Fife, burning, killing, and destroying. We may presume that it was during this period that some arrangement was made between Thorfinn and Macbeth, for the Orkney forces eventually withdrew northwards. Macbeth made his way to Scone, the hallowed place of king making, to claim support and election as High King. He was crowned in the summer of 1040.

Macbeth as King

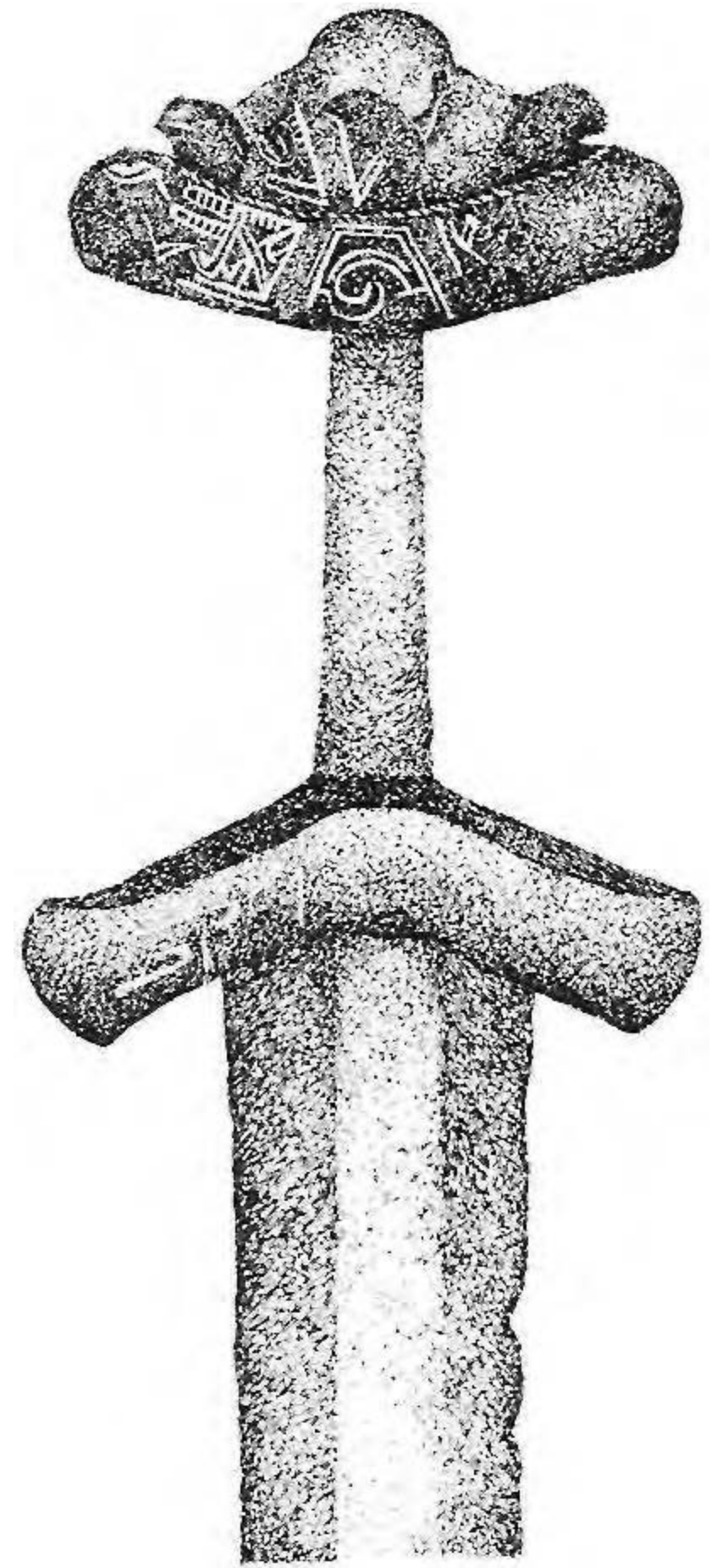
During his rule, Macbeth gave much to Scotland. Contemporary chronicles described him as liberal, and his reign as productive, plentiful, generous. St. Berchan, referring to the aftermath of the conflict between Duncan and Thorfinn wrote:

After the slaughter of the Scots, after the slaughter of foreigners, the liberal king will possess Scotland. This strong one was fair, yellow haired, tall. Very pleasant was that handsome youth to me. Brimful of food was Scotland, east and west, during the reign of the brave ruddy king.

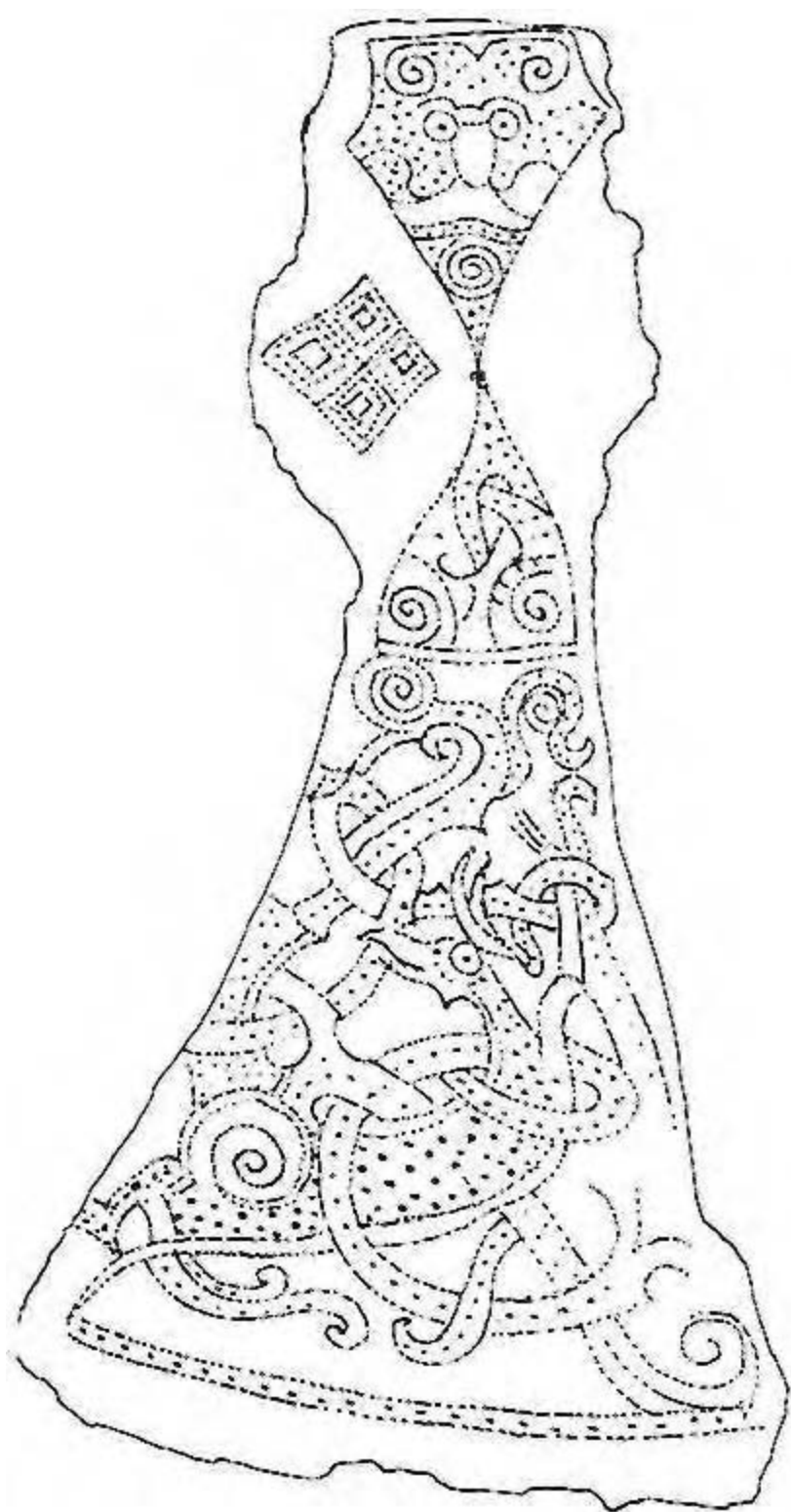
How different is this account from that given by Shakespeare, hundreds of years later and as spoken by Macduff:

Fit to govern! No, not to live! O nation miserable with an untitled tyrant bloody-sceptred, when shalt thou see thy wholesome days again. . .

The fearsome Earl Siward, leader of the English expedition against Scotland and Macbeth, prepares to leap to his death from the walls of York. Stricken by camp fever or dysentery, he demanded to be dressed in full armour and carried outdoors, rather than die inside like an animal on straw.

The Early Reign

From 1040 to 1045, the Kingdom of Alba was relatively peaceful, with the newly elected High King rebuilding after the ravages of Duncan's unsuccessful campaigns. Contemporary and later chroniclers generally confirm that Macbeth and his wife were good rulers. The tyrannical despotic element simply does not appear in the early sources of his history, those very sources which by their nature of closeness to the man and his rule are probably the most accurate.

Hector Boece, writing much later, in the early part of the sixteenth century, suggests that Macbeth became cruel and oppressive after 1050. Prior to that, Boece admits that the King initiated certain legal reforms (*History of Scotland, 1527*).

These reforms are interesting for they include statutory support of orphans and women, inheritance for daughters, and control over itinerant and non-productive members of the population for the benefit of the community. Laws of this sort are typical to the ancient oral traditions of law preserved in Celtic countries. They certainly would not have been novel or unusual in eleventh century Scotland which already upheld an exceedingly complex set of laws providing for women, common welfare, state support for the less fortunate, and as described earlier an archaic but operative system of common ownership and election of leaders, be they male or female.

Boece, much like Shakespeare copying from the histories without fully understanding their background, would not necessarily have grasped the cultural foundation for those laws which he ascribed generously to Macbeth. It is likely, though, that in the period of reform following his election, the new King declared formally that he would uphold certain essential laws deriving from ancient tradition - particularly if they were those that had fallen into disuse during the reign of the previous King.

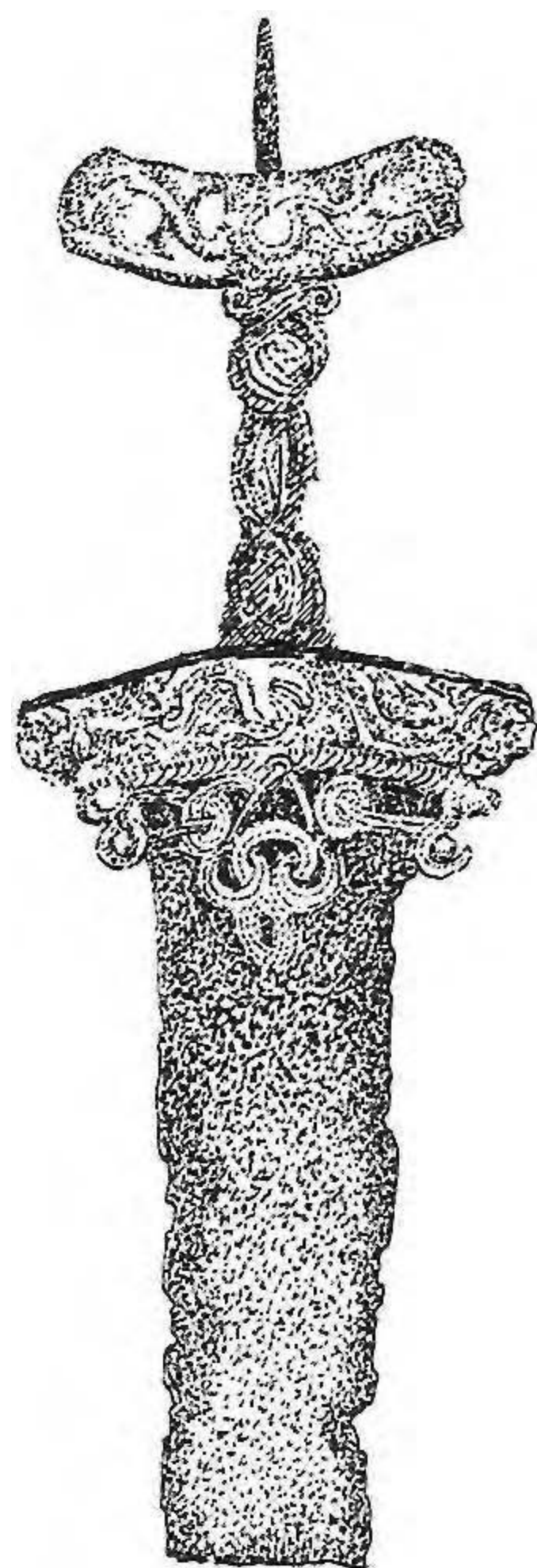
We may also consider sources more contemporary for evidence of Macbeth's government of Alba in those early years; both the king and his wife Gruach were benefactors of the Celtic Church. They are recorded (in the *Register of St. Andrews*) as giving land to the Culdees of Loch Leven. Andrew Wyntoun also records, some centuries later, that Macbeth 'did many pleasant acts in the beginning of his reign . . .'

Thorfinn Invades the South

But the early years of the reign were not totally peaceful, and two invasions or series of raids occurred into England which shed some further light on the relationship between Macbeth and Earl Thorfinn of Orkney.

In 1041, Thorfinn established a base camp as far south as Strathclyde, from which he indulged in raids over the border into Northumbria. Earl Siward rooted out these invaders, and forced them to retreat. Thorfinn returned to Orkney, but raised a large army for the following spring of 1042.

The *Orkneyinga Saga* tells us that for this retaliatory expedition troops were drawn not only from Orkney and Caithness, but from Ireland and

Viking swords and axe head (above and opposite); typical weapons of the Macbeth period.

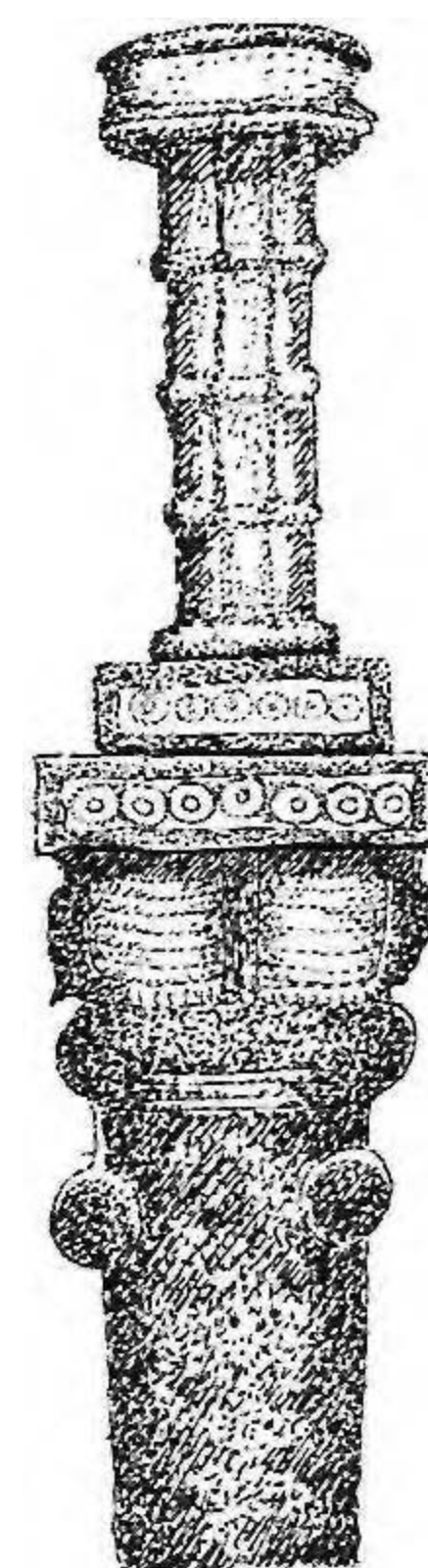
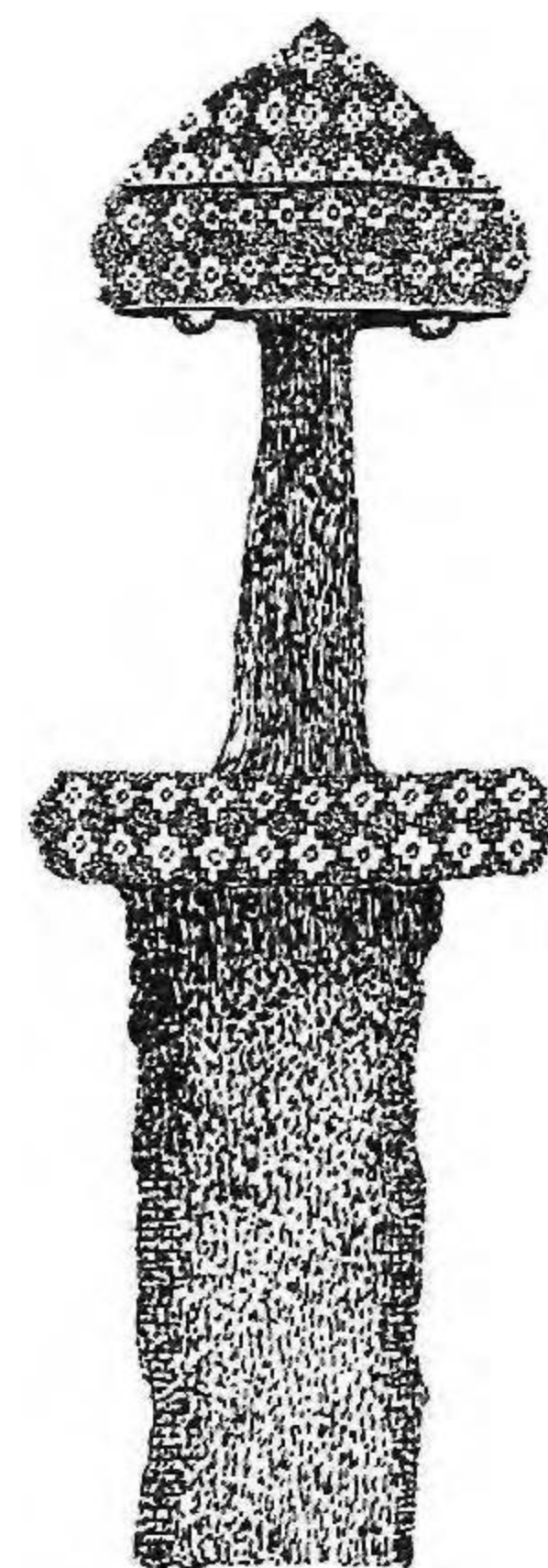
Scotland. The presence of Scottish troops indicates that Macbeth was somehow in allegiance with Thorfinn, even if it was only to the extent of allowing warriors to hire as mercenaries to the Norse Earl. Yet there was no official or formal declaration of war between Scotland and Northumbria, nor was Macbeth on record as a defined or formal ally of Thorfinn. This nebulous situation must have suited Macbeth well; he could keep the general support of the powerful Earl who had allowed him to stand for the Scottish throne, yet avoid a total declaration of hostilities that might spill over into war with England.

Thorium's fleet struck at Cumbria on the north western coast of England, and defeated the Mercians there in two battles before the onset of winter. (We must remember that the campaigning season was fairly short, and that all wars were punctuated by the need to return homewards before winter; this was a vital feature of all medieval warfare and seasonal and weather factors were often decisive in the outcome of campaigns.) The conflict was nobly recorded by Arnor, the *skald* or bard to Earl Thorfinn as the following extract shows:

Upon England's shores
The Jarl bore his banner
Ever and again.
Reddening the Eagle's tongue,
The Prince bade them carry
The Standard steadfastly.
Flame flared,
Roofs fell, smoke curled,
To heaven rose the fiery gleam
While the armed band pursued.

Many horn blast
Was heard 'mid the fortresses
Where high wind waved the banner
Of the stout hearted Prince.
He of the open hand,
Rushed into battle.
Now fear fell
On the Wolf Lord's host.
In the battle at dawn
Swords were washed
And wolves tore the slain. . . .

The Revolt of Crinan

Contemporary chronicles record that in 1045, Crinan, father of Duncan and Abbot of Dunkeld, was killed with 180 of his Atholl men. This was the only internal revolt of any significance that occurred during Macbeth's reign. The campaigns that eventually destroyed him were backed by troops from Northumbria, England, or Denmark. Obviously, Crinan judged that after five years of Moray-sponsored rule, the time was ripe for an Atholl revolt. His forces met with those of Macbeth at Dunkeld, north of Perth. Both the Mormaer of Atholl and his men were killed, and no further Atholl insurrec-

Modern Dunkeld, which in Macbeth's time was the seat of power of Crinan, the warrior abbot and father of Duncan.

tion occurred for some years until the invasions in support of Malcolm, by then exiled at the English court.

After Crinan's revolt and death, nine years of increasing stability occurred in Scotland. Macbeth made the traditional monarch's pilgrimage to Rome to obtain absolution from the Pope - and of course to confirm and connect his political sources of support within Europe and the Church of Rome which claimed a general overlordship of all kings, states, and variant Churches.

Peace and Prosperity

It seems that Macbeth's years of peace and prosperity were due in a great measure to the strength of Earl Thorfinn. Shortly after the Atholl revolt and the death of Crinan, Thorfinn came into conflict with his nephew Rognvald Brississon, who disputed the division of Orkney. As this dispute matured, Rognvald had the support of King Magnus of Norway, and for a while the prospects looked hard indeed for Thorfinn, and were thus threatening to Macbeth. If Rognvald defeated Thorfinn with the aid of Magnus, then a renewed powerful Norwegian claim upon Orkney, Caithness and Sutherland would soon follow.

Despite warships supplied by Norway to aid his cause, Rognvald was defeated in a terrible sea battle in the Pentland Firth. He fled to the court of

King Magnus, but almost immediately returned to make a desperate assassination attempt upon the unsuspecting Thorfinn. The *Orkneyinga Saga* relates how Rognvald and his men set fire to the hall in which Thorfinn sat drinking, and how it was assumed that Thorfinn and his wife Ingibjorg had died in the conflagration. But Thorfinn had carried his wife to safety, breaking through the back wall of the hall, and had rowed to Caithness.

In secrecy, Thorfinn took reports of Rognvald's movements, and finally trapped him upon the island of Stronsay. Rognvald's attempt to escape was foiled by his own lapdog, which barked and gave away his position. The usurping nephew was killed by Thorkell, foster father to Thorfinn.

If Magnus of Norway had been able at this stage to invade in force, using the death of his man Rognvald as an excuse, Orkney might have fallen. But Magnus was soon embroiled in conflict over the rulership of Denmark. This was claimed both by Magnus and by the regent Sweyn after the death of Hardecanute, who had been king of both England and, at one remove, of Denmark. Thus, Thorfinn was able to assert his independence from Norway, and provide alliance and protection for Alba from his position of strength in the far north.

Edward the Confessor, crowned in 1043, now ruled England. The crown and its connection to Europe was the subject of complex feuds and disputes. This situation enabled Alba and its king Macbeth to remain in comparative isolation and freedom from invasion. Paradoxically, it was this same complex political situation that nurtured Malcolm Canmore, son of Duncan. He absorbed the concept, hitherto hardly recognised in Alba, that there was a hereditary right of kingship passing from father to eldest son. This is where the deepest roots of the concept of Macbeth as a usurper may be tentatively traced; roots which were to sprout in chronicles and histories several centuries after the death of Macbeth, and to flower in Shakespearian drama and derivative works of art.

Invasion, Downfall and Death

The turning point in Macbeth's period of generous and unifying rule was 1054. Malcolm, son of Duncan, gained support from the English king Edward for his claim the High Kingship of Alba. Such a claim was inadmissible under Celtic law; but it was certainly admissible in England, where primogeniture carried considerable weight. Overall command for an invasion force was given to Earl Siward of Northumbria.

Siward was a truly heroic character, large in size and nature, to whom many exploits were traditionally attributed. His significant service to Edward the Confessor was to cut off the head of a rebellious earl (Jarl Tosti) and deliver it to the King. In July of 1054, Siward Dirga (Valiant) led a large army of his own Northumbrians, plus Danes and Anglo-Saxons, over the border into Scotland. The *Anglo Saxon Chronicle* records that he slaughtered many

Scots, and that Macbeth was put to flight. Siward lost his own son in this conflict, and so the war became not only a matter of political expansionism, but one of personal revenge. Malcolm accompanied the invading forces, raising Atholl supporters to his cause.

The primary objective of the invading army was Scone, centre of king-making. Presumably Malcolm hoped to accumulate enough support to be elected or declared king as soon as Macbeth had been disposed of. The battle listed in the chronicles is of course the famous scene in Shakespeare's play in which 'Birnam wood do come to Dunsinane'.

Despite the curious tradition found in Shakespeare, we can also trace this motif to the thirteenth century prophecies of Thomas the Rhymer, who predicted that 'Fedderate Castle shall ne'er be ta'en/till Fyvie wood to the war is gaen . . .'

This utterance was dramatically fulfilled in the eighteenth century, when invading English troops used trees from Fyvie wood as battering rams to breach the previously unconquered castle of Feddarate. It is impossible to tell where Shakespeare drew his tradition from; did the wood motif come from an actual tradition relating to the eleventh century and Macbeth, later adapted by Thomas the Rhymer into a coincidentally accurate prophetic verse? Or did Shakespeare - as seems more likely - draw the theme from his own reading of the popular verses and *Romance* of Thomas the Rhymer?

The siting of the battle at Dunsinane seems likely, but is not confirmed by contemporary chroniclers. Dunsinane lies between Scone and Perth, so it is certainly in the correct region. William of Malmesbury, writing in the twelfth century, suggests that the conflict took place at Dundee. Once again, there is no body of supporting evidence from the period.

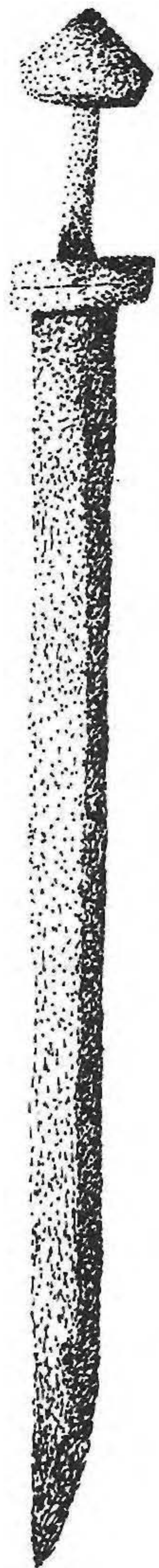
The battle was not decisive with losses of 3,000 Scots, and 1,500 English and Danes. Siward lost his son, Oshern, and was forced to withdraw without placing Malcolm upon the throne, and without killing Macbeth. He also lost his nephew, another Siward; the price he paid for his invasion was high.

Malcolm was officially recognised as King of Cumbria, confirmed by Edward the Confessor, and thus described in a letter from the English court to Pope Boniface. But he was not yet King of Scotland. As an added setback to his ambitions, Earl Siward died in York the following year - not in battle, but of some type of illness, possibly dysentery. Before his death, he ordered that he should be attired in full battle array with armour, shield and axe: 'I will not die like a cow on straw . . . ' Tradition preserves the tale of his dramatic death leap from the city walls rather than die on his sick bed.

The Earldom of Northumbria was now taken over by Edward's favourite Tostig Godwinson. Two years elapsed in which Tostig, a firm comrade of Malcolm, supported plans for renewed invasion of Scotland.

The Death of Macbeth

Ultimately, Macbeth's end was inexorably linked with the subsequent history of Duncan's family.

Viking swords from the ninth and tenth century: single edged (above); double-edged and five-lobed pommel, double-edged (opposite).

The immediate relatives of Duncan had not been wiped out by Macbeth, nor had any immediate plan of revenge been exacted upon them. Duncan's father Crinan, the Abbot of Dunkeld, had been a renowned warrior in his day. He made arrangements for his three grandsons to be fostered outside the immediate circle of the court of Alba, not only for their immediate protection, but to train them as potential candidates for the High Kingship.

The eldest of these boys was Malcolm, aged nine. His mother was cousin to Siward, who became Earl of Northumbria in 1041. This relationship was to prove crucial to Macbeth. Both son and mother were sent to the English court, where they lived through the short violent reign of Hardecanute, into that of Edward the Confessor.

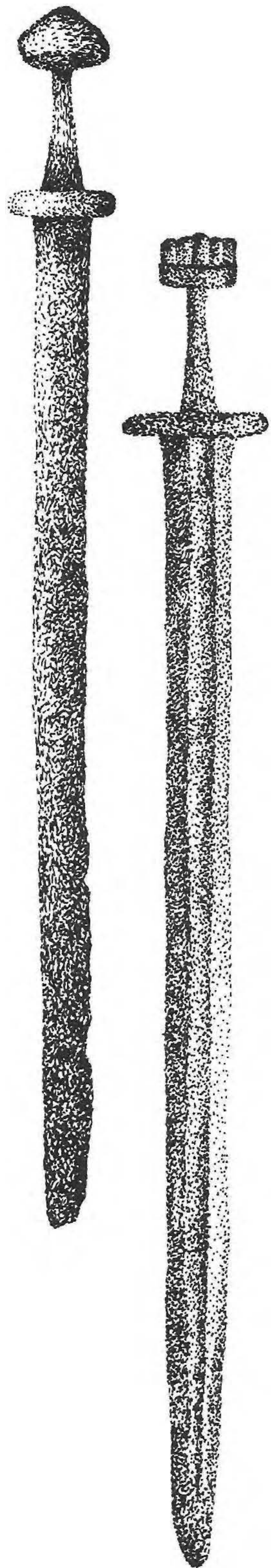
The young Malcolm thus learned English ways rather than Celtic, speaking the various languages of the different factions. These included Norman French, which was already spoken at court before the Norman Conquest as a result of Edward's own exile in Normandy before he became king. Malcolm's period in England can be viewed as the beginning of the end for the old style elected High Kingship, for when he took the throne from Macbeth some years later, he brought many European ways into Celtic Scotland, accelerating changes already begun.

The second son of Duncan MacCrinan was Donald Ban, aged seven at the time of his exile. He was fostered either in the Hebrides or in Ireland, thus retaining Celtic customs of education and culture. This native upbringing was to show when he, in turn, became High King after his brother Malcolm.

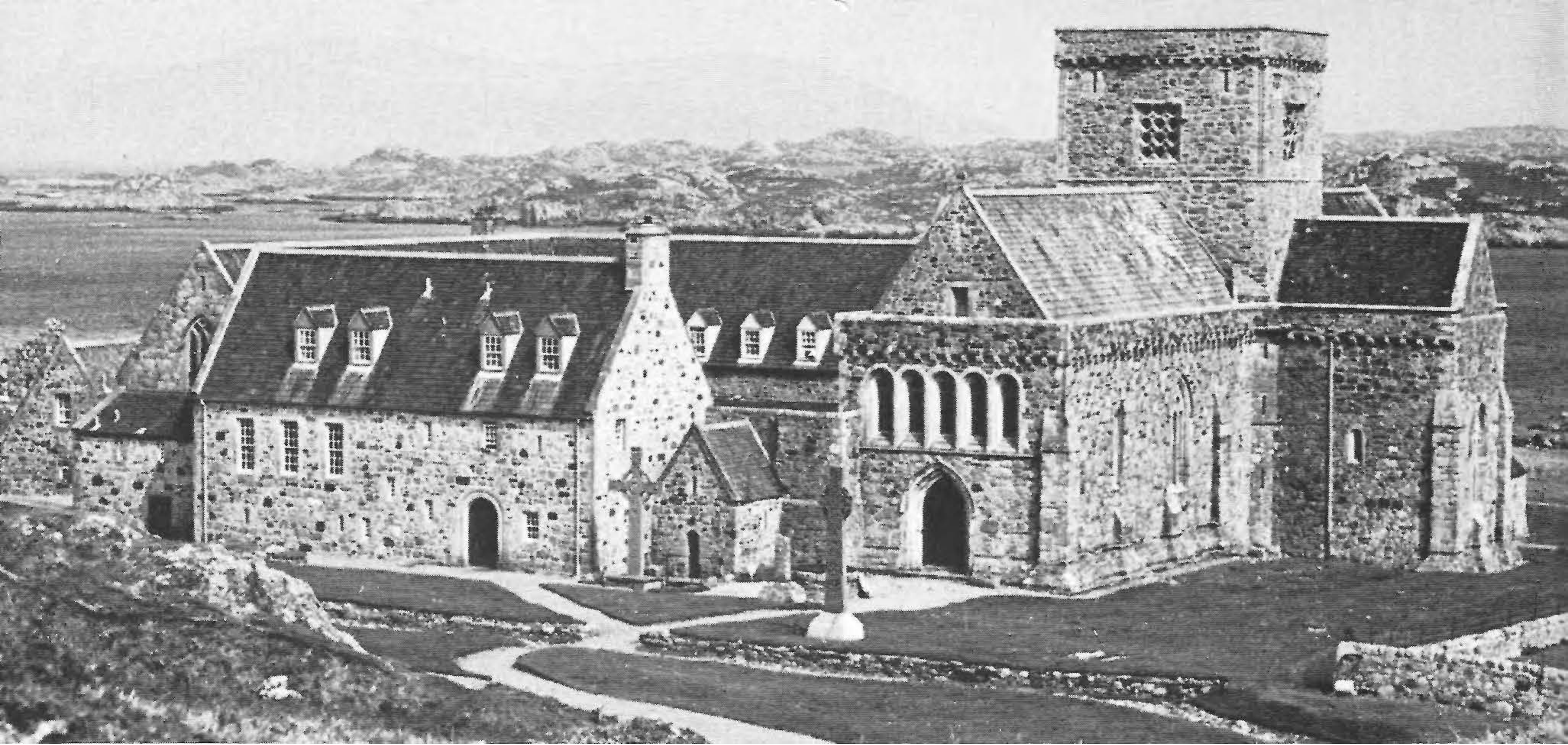
The third son, Maelmuir, was sent to the court of his relative Siward of Northumbria; he eventually succeeded his grandfather as Mormaer of Atholl.

Thus, three potential claimants to the throne were fostered in three diverse areas, and at least two were in camps directly hostile to Macbeth: Malcolm in England, and Maelmuir in Northumbria. We may presume that Donald Ban was hidden right in the midst of staunch Atholl supporters in the west of Scotland or in Ireland, to be trained for the enduring conflict between his House and that of Moray represented by Macbeth. On confirmation as king of Cumbria, supported by the English crown, Malcolm continued to work towards his goal; the High Kingship of Scotland, and of course the death of Macbeth. Traditionally, Malcolm would have had support from the Atholl clans, but it is not clear who succeeded Crinan as mormaer after his death in 1045. After the invasion of 1054, Macbeth retained control of much of Scotland, including Scone, the traditional seat of power.

The lengthy process of destroying Macbeth, over a period of at least three years, suggests that his good qualities of rule, as recorded by early chronicles, had gained him widespread support. He was by no means easy to dispose of, but history and the tides of change in Europe now worked against him. His visit to Rome for absolution by Leo IX was now rendered valueless as a political connection; Leo died in 1054 as a prisoner in the ongoing feud with the invading Normans in Italy. The firm support for Malcolm from Edward, and from his vassal Tostig, could not be countered with appeals to papal

Iona Abbey on the sacred island of Iona was the traditional burial place of Scottish kings and nobles and where Macbeth and his wife Gruach were laid.

authority. Furthermore, Macbeth had given refuge to a number of Normans banished from England during the struggles for power; these warriors were almost all killed during the great battle of 1054. The sheltering and use of Norman mercenaries, however, was seen as a direct threat to English power, as Scotland might become a base from which the ambitious Duke William of Normandy might eventually press his claims or attacks upon England.

In 1057, on 15th August, Malcolm killed Macbeth. Traditionally, this occurred in or near an ancient circle of stones called Peel Ring, at Lumphanan in Mar. Malcolm and his troops had pursued Macbeth northwards from Scone. Little is known of the reasons for this movement other than the presumed fact that the invading Anglo-Danish army had gradually weakened the southernmost defences and gained support from the Atholl faction - to such an extent that it became imperative for Macbeth to move his court and take a fresh stand in safer territory.

Macbeth was buried on the island of Iona, the sacred place where so many Scottish kings were traditionally interred. This honourable and venerable custom reveals once again that he was regarded as a just and rightful king. In contrast, Malcolm was buried in Dunfermline upon his death. This must reflect that he was not considered as worthy as his predecessors of the ancient burial right upon Iona, an island shrouded in mystery and traditions of sanctity.

The curious aspect of Macbeth's death in the stone circle may be worth further consideration. Just as we have the relics of an early culture in the theme of certain women remarrying the kings, mormaers or clan leaders in succession (as did Gruach, Macbeth's wife), so we may have a similar confused echo in the story of Macbeth's death. So many traditions are attached to kingship and ritual death in Celtic culture that it is hard not to find an overtone of such traditions in the fact that Malcolm imposed a 'cruel death' upon the High King in a stone circle.

The Short Reign of Lulach

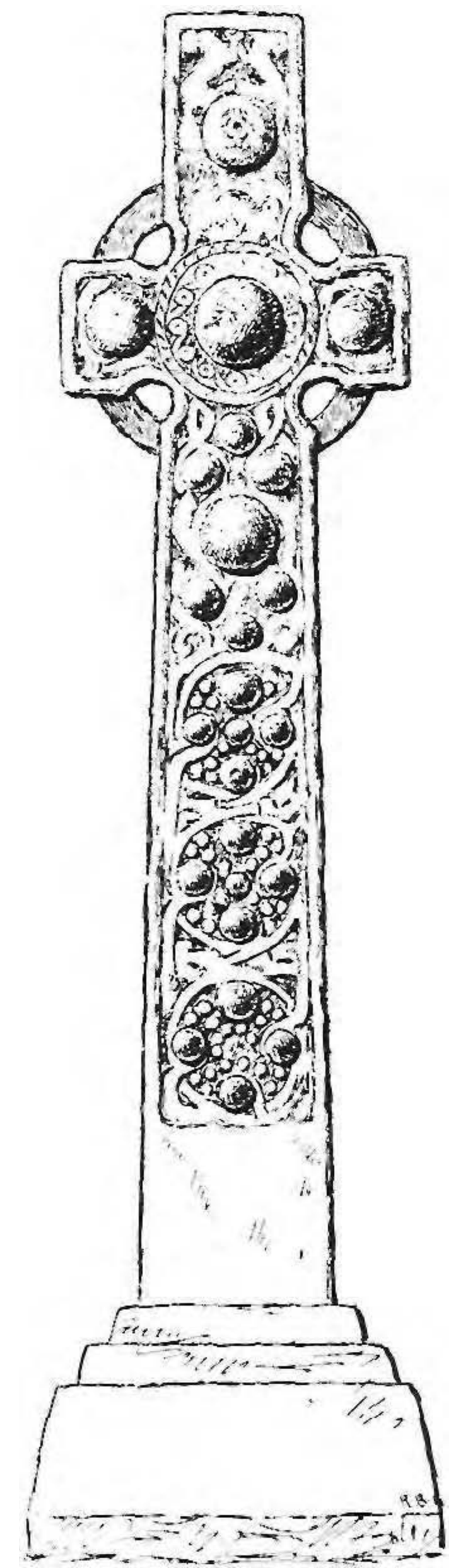
Scotland did not pass into the rulership of Malcolm immediately upon his killing of Macbeth. The invading troops presumably retired or were forced to retire southwards again, for Macbeth was carried with ceremony to Iona. His stepson Lulach, appointed as his *tanist* or potential successor, was elected as High King.

Lulach was elected at Scone in the manner of Celtic law, which clearly indicates that Malcolm was by no means popular or powerful enough at this stage, even after the death of Macbeth. But sheer weight of numbers, English support, and the weakening of Scotland through a long series of campaigns and destruction, were beginning to have their inevitable effect. Lulach resisted Malcolm's forces for seven months. A contemporary chronicle records that he was slain on 17th March, 1058, by treachery. Lulach was, in turn, to follow Macbeth for burial upon Iona, as was his mother Gruach. Their graves were to remain in the tiny burial ground next to the abbey for at least eight hundred years; today the burial stones have been moved for preservation.

King Malcolm

Thus on 25th April, 1058, Malcolm was finally crowned as High King by Bishop Tuthald, in Scone. It is interesting to realise that during this long campaign and the gradual suppression of the Moray House (which was to persist during Malcolm's reign with his oppression and eventual banishment of Lulach's son Mael Snechta) that no aid was forthcoming from Thorfinn of Orkney.

By 1059, or thereabouts, Thorfinn had died. In 1059, Malcolm married his widow, Ingibjorg - yet another example of a male ruler's power being confirmed through his marriage to the right woman. It seems likely that Thorfinn died of an illness, and was thus unable to lead direct support for Macbeth. He was one of the greatest of all Orkney rulers and widely lamented by Norse saga makers or chroniclers. The ruins of his great hall and his abbey on Birsay may still be found today.

St. Martin's Cross on the island of Iona.

The Kings of Scotland, including Macbeth, in the nineteenth century frieze in the Natural Portrait Gallery of Scotland, Edinburgh.

Thorfinn was the greatest warrior. He took the earldom when he was five winters old [ie supported in his claim by Malcom II] and he ruled for more than sixty winters; he died of disease in the latter days of Harald Sigurd's son. *The Heimskringla of St. Olaf's Saga*.

The coincidence of dates of death between Macbeth and Thorfinn has caused some writers to suggest that Thorfinn died while campaigning in support of his Scottish ally; but there is no contemporary evidence to support this. Indeed, Norse sources state that he died of disease. The curious fact that Malcom Mac Duncan, now King Malcolm III, married Thorfinn's widow has added to the puzzle of this complex situation. Dorothy Dunnet, in her epic novel *King Hereafter* has gone so far as to suggest that Thorfinn and Macbeth were one and the same person, also conflating Gruach and Ingibjorg. The physical descriptions of the two men, however, would alone counter such a theory; Thorfinn described as tall grim and dark, while Macbeth was ruddy or golden in colouring.

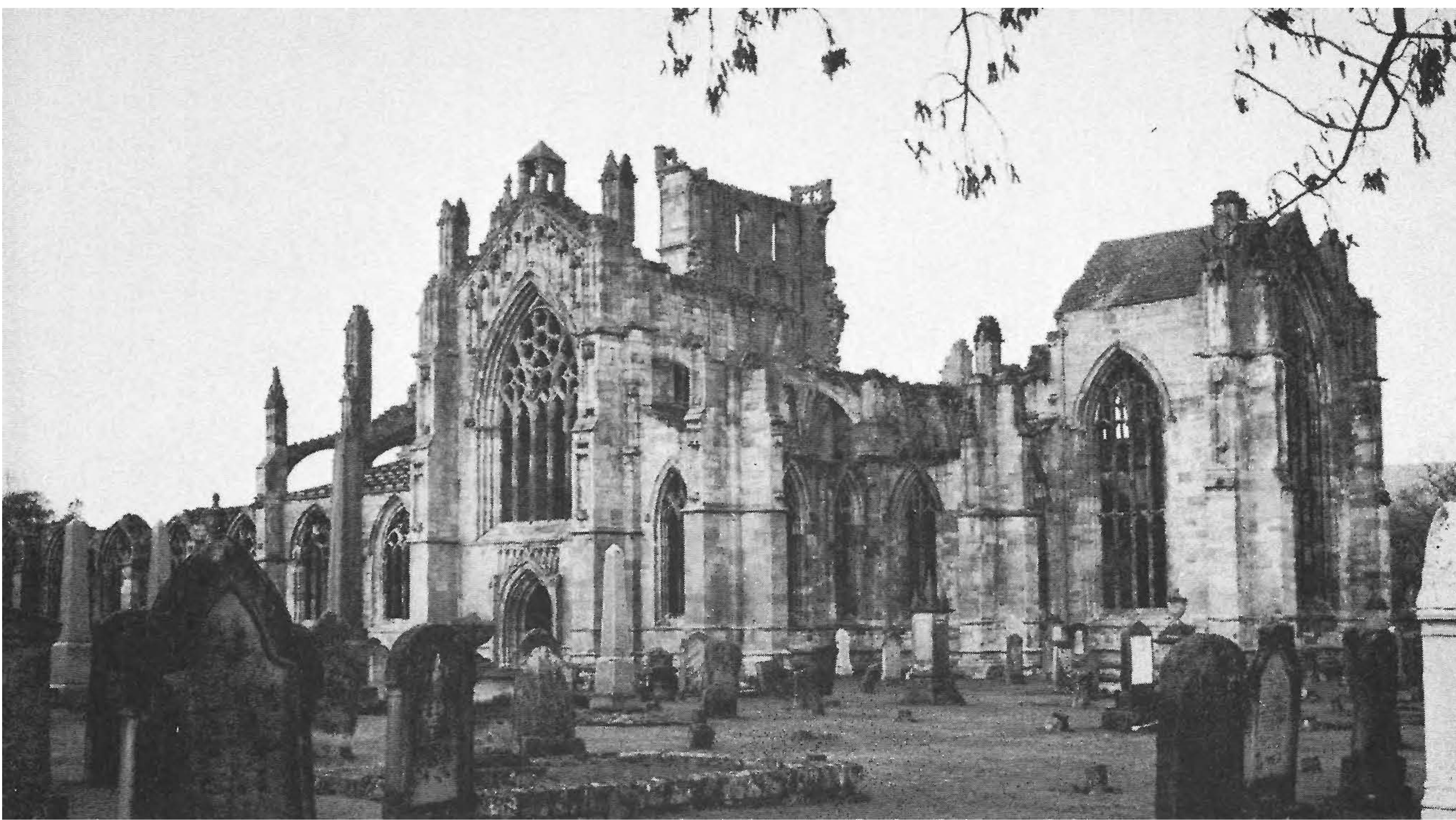
Historical Legacy

During the seventeen years of Macbeth's reign, there were the first indications of a unified Scotland. This must not be taken in a literal sense, and much of the concept and process of unification may only be seen with hindsight. What is certain is that his murder and the eventual acquisition of the crown by Malcolm marked a turning point in the decline of ancient Scotland. It led to the gradual but almost total anglicising of the country and its methods of government. Once again, this hinges upon the matter of primogeniture, in which an eldest son has a firm right to his father's property or crown. Once this concept was introduced by force into the foundation of the Scottish Celtic system, it was inevitable that profound changes would follow.

This sequence of changes brought Scotland into step with the rapidly altering political consciousness of Europe. There would have been no likelihood of an idealised Alba or Scotland preserving Celtic communal traditions while all countries around were falling to the swords of the mighty and devising complex systems of preserving selected superior groups in power. Macbeth's reign was a lull in the storm of change, created by the balance of power between himself and Thorfinn of Orkney, and coincidentally assisted by the rapidly changing power struggles in England and Europe.

With Malcolm Canmore's claiming of the Scottish crown, feudalism came into the land, and there it remained. He gave large areas of land to his supporters, particularly in the Moray regions which would otherwise have opposed him. This granting of land as a possession to overlords was in itself essentially alien to the Scottish or Celtic system. It was much more than a move to weaken opposition, for it struck directly at the cultural roots of the people.

The dramatic events of the year 1066, by which William of Normandy forced his way upon the English throne, drove Edgar Aetheling, the English heir and only survivor of his family, into Scotland. As he had grown up in Hungary, Edgar could not speak English, and was not held in any esteem by the English nobles. Of course, the succession became irrelevant after the battles of 1066, but Edgar was given refuge by Malcolm. After the death of Ingibjorg during childbirth, Malcolm married Edgar's sister Margaret.

This marriage helped to hasten the decline of Scotland as a culture separate from Europe. Margaret was a supporter of the Roman Church, and made considerable efforts to Romanise the older primal Celtic Church, which had always kept itself separate from its younger and much more politically conscious relative in Rome. The most effective of her reforms was to place her Saxon confessor, Turgot, in the position of primate of Scotland. Although various *culdee* or Celtic practices were to remain for long periods of time, the formal status of the Celtic Church as the national spiritual organisation for the Scots was effectively destroyed by Margaret. She was, of course, canonized for her services, and Turgot wrote her biography.

But Margaret's formidable influence was not confined to religion; she controlled Malcolm. This control, leading to four invasions of England in support of her brother Edgar's claim to the English throne, also helped to weaken Scottish independence. After much bloodshed along the borders and in Northumbria, William the Conqueror finally invaded Scotland in retaliation. Malcolm submitted to William in 1072, at Abernethy, and swore to accept him as overlord.

However, the conflict between England and Scotland was not settled. By 1079 Malcolm was engaged in further hostilities over the border. After the

Melrose Abbey, one of the great border abbeys of Scotland. Such centres represented the 'new style' monarchy in Scotland after the death of Macbeth, when election of kings ceased.

death of William in 1087, his son William Rufus invaded Cumbria, which he took as part of England, and which it has remained to the present day. Malcolm failed to come to terms with William Rufus, and was finally killed during another invasion of Northumbria in 1093.

Upon the death of Malcolm (and that of his wife Margaret which followed shortly afterwards), his brother Donald Ban, now aged sixty, was elected High King at Scone. His brief reversion to Celtic style rule was soon wiped out by an invading army sponsored by England. This invasion was designed to set Duncan, son of Malcolm and previously hostage at the English court, upon the throne of Scotland. Duncan declared himself King by hereditary right, a declaration impossible under Scottish law.

Duncan was to rule for only a few months, and was killed by a supporter of Donald Ban, who returned to rule (as elected High King) for a further three years, until 1097. His reign was cruelly terminated by Edgar, yet another son of Malcolm and Margaret, supported once again by William Rufus and an invading army. Donald Ban was taken prisoner and blinded. Although he was buried at Dunkeld, his body was later taken to Iona as a sign of respect for a High King. Significantly, both Malcolm and Margaret remained buried in Dunfermline and were not accorded this honour.

Edgar, son of Malcolm, again declared a hereditary right to the crown, and the course was set for an Anglo-Norman ruling class in Scotland. From feuding between the Moray and Atholl factions, the struggle for the Scottish crown had finally become a matter of international politics, with a foreign power supporting rival claimants within one ruling faction. It seems ironic that this bitter true story of blood relatives fighting and killing one another should have been passed over, while the true history of Macbeth as a good king who benefitted his realm has been forgotten.

Shakespeare's Characters - and History

A comparison of the characters as portrayed by Shakespeare and their historical likelihood is illuminating. Not only do the historical persons bear very little relationship to those assembled by Shakespeare (who drew entirely upon relatively late chronicles), but we find that some of the major figures are the opposite of their fictional namesakes. This is most apparent in Macbeth himself, and in his opposite, Duncan.

While the historical Macbeth was a king of good character, Duncan was a tyrant. Lady Macbeth, Gruach, seems also to have been a person of good character and a beneficial queen; many of the ruthless qualities exhibited by the Shakespearian lady are more noticeable in Margaret, English wife of Malcolm III who invaded Scotland and killed Macbeth.

We need, however, to exercise a certain amount of caution when making such brief comparisons, particularly at such a long historical remove and through the filters of many literary sources. While it is easy to compare persons through such diffuse hindsight, the opposites and similarities are really little more than the natural rhythm that arises in any historical period.

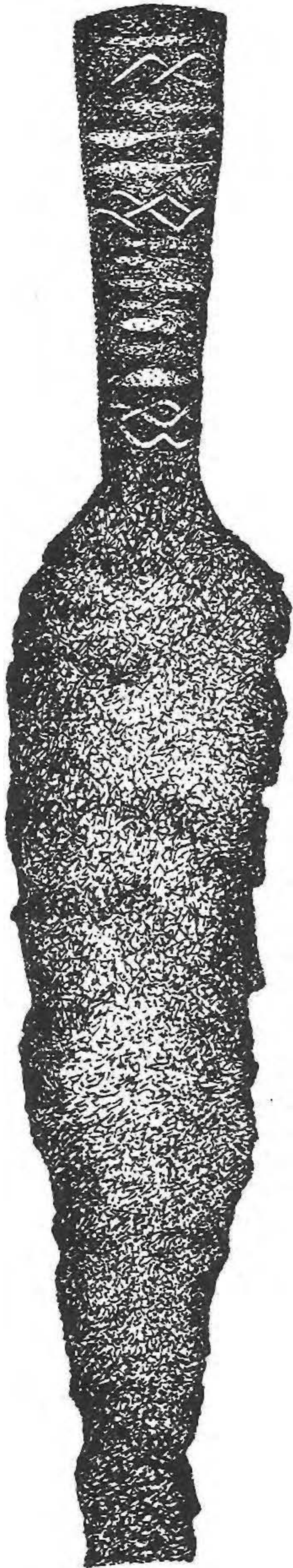
Sir Laurence Olivier plays Macbeth in Shakespeare's play.

In other words, when we examine the chronicles of kings, queens and people of power, some few are of good character, while many more are ruthless and devious. Furthermore, the standard of judgement is coloured by time and cultural change. Macbeth was a relatively good kind by any standard, less bloodthirsty and destructive by far than his immediate predecessor Duncan; yet he undoubtedly killed and manipulated his supporters, as did any leader of the period. Within a few years Malcolm, son of Duncan, was already colouring Macbeth as a usurper, a theme that was to be developed so readily in centuries to come. Thus, from the viewpoint of the hereditary monarch, Macbeth and the system which he upheld of elected leadership, were evils that threatened the hard won status quo of armed power and primogeniture. Some of the people in the list which follows *do* appear on the surface to be inversions or confusions of one another. Yet there is no evidence whatsoever that this is anything other than coincidence and the organic change of characters that runs through history. Shakespeare and his chronicle sources did *not* confuse these characters with one another.

MACBETH Presented by Shakespeare as a usurper, tyrant, and murderer. But history shows that he was an elected king with seventeen years of general support and beneficial rule to his credit.

LADY MACBETH Portrayed as a powerful influence upon the corrupt acts of the tyrant Macbeth; a ruthless woman bent upon revenge. History reveals

Spears of the time (above and opposite), with decorated silver inlays.

that Gruach, Macbeth's real wife, was from an honoured bloodline, and apparently aided in his rule and civil and religious reforms.

DUNCAN Described by Shakespeare as the rightful king, wrongly murdered. The actual Duncan was tyrannical and a destructive leader who foolishly sacrificed large numbers of his men in fruitless campaigns of expansion. He was not poisoned as in Hector Boece's chronicle or murdered as in Shakespeare, but slain in battle during his disastrous campaign against Thorfinn of Orkney. As there was no hereditary kingship, subsequent efforts to 'restore' Duncan's line to the throne were alien to Scottish law and culture.

MACDUFF A Scottish noble according to Shakespeare, who carries revenge and justice to the evil Macbeth who killed his wife and children. In history, Macduff simply does not appear in any early account of the reign of Macbeth, but suddenly springs up in texts from the fourteenth century onwards. He is an entirely fictitious character, who once having entered into a chronicle (the first being John of Fordun in 1384 in which Macduff is merely exiled for his political beliefs) is developed and amplified into the avenger who eventually emerges in Shakespeare's play.

BANQUO A late invention, with no true historical context. First brought into the embellishments of Macbeth's tale by Hector Boece, he was later developed by Shakespeare. The invention of Banquo is political, as he provides an original for the Stuart dynasty. In Shakespeare's case, this type of character would have had a contemporary symbolic value to the monarch James I and VI, as indeed would the whole debate about primogeniture and the inheritance of thrones and power through proven genealogical background.

Holinshed's Chronicles

It is clear by now that the historical Macbeth was a very different person indeed from the character portrayed by Shakespeare. In essence, it must be concluded that the play *Macbeth* and the man Macbeth were totally separate.

Shakespeare drew mainly from Holinshed's *Chronicles*, published in 1577 and 1587. These early history books provided much of Shakespeare's source material for his historical plays, and we can detect a curious bridge between history and drama if we read the chapters of Holinshed that Shakespeare would have used. In the following extracts, which are all taken from the second edition of Holinshed published in 1587, we can detect the fictional elaboration which the author developed from earlier chroniclers such as Wyntoun or Boece, whom he undoubtedly consulted. We may also find certain powerful themes, such as the scene with the Three Witches, that have little basis in history, but which made Shakespeare's drama so distinctive.

In reading these extracts, with their original style and period spelling, it is fascinating to consider that these were the words read by Shakespeare before or even as he created his masterpiece. The extracts are the most direct and

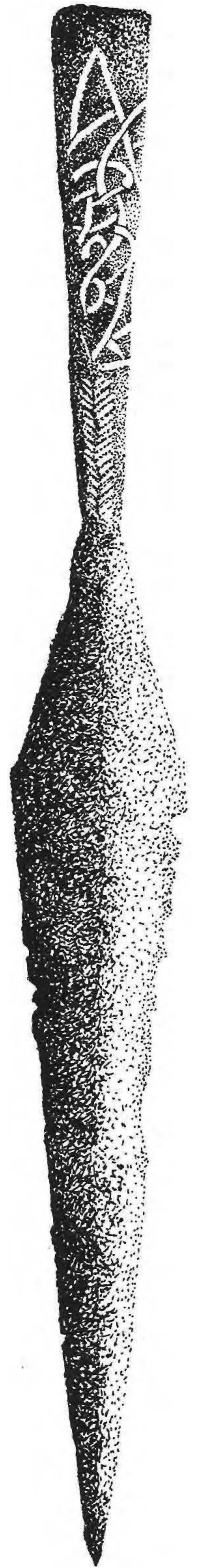
obvious, but scholars have frequently commented that Shakespeare drew material from very diffuse sources; the subtitles before each section are for identification only, and are *not* part of the original text. There is no suggestion here that these are the only parts of Holinshed used in *Macbeth*, but they are those that relate closely to some of the most famous scenes in the play - and that relate also to our true historical Macbeth, so altered through the circumstances of both time and literature.

Duncan and Macbeth

'After Malcolme succeeded his nephue Duncane the sonne of his daughter Beatrice: for Malcome had two daughters, the one which was this Beatrice, being giuen in mariage vnto one Abbanath Crinen, a man of great nobilitie, and thane of the Iles and west parts of Scotland, bare of that mariage the foresaid Duncane; the other called Doada, was married vnto Sinell the thane of Glamis, by whom she had issue one Macbeth a valiant gentleman, and one that if he had not beene somewhat cruell of nature, might haue beene thought most woorthie the gouernement of a realme. On the other part, Duncane was so soft and gentle of nature, that the people wished the inclinations and maners of these two cousins to haue beene so tempered and interchangeable bestowed betwixt them, that where the one had too much of clemencie, and the other of crueltie, the meane vertue betwixt these two extremities might haue reigned by indifferent partition in them both, so should Duncane haue proued a woorthie king, and Makbeth an excellent capteine. The beginning of Duncans reigne was verie quiet and peaceable, without anie notable trouble; but after it was perceiued how negligent he was in punishing offenders, manie misruled persons tooke occasion thereof to trouble the peace and quiet state of the common-wealth, by seditious commotions which first had their beginnings in this wise.

Banquho the thane of Lochquhaber, of whom the house of the Stewards is descended, the which by order of lineage hath now for a long time inioied the crowne of Scotland, euen till these our daies, as he gathered the finances due to the king, and further punished somewhat sharpelie such as were notorious offenders, being assailed by a number of rebels inhabiting in that countrie, and spoiled of the monie and all other things, had much a doo to get awaie with life, after he had receiued sundrie grievous wounds amongst them. Yet escaping their hands, after hee was somewhat recouered of his hurts, and was able to ride, he repaired to the court, where making his complaint to the king in most earnest wise, he purchased at length that the offenders were sent for by a sergeant at armes, to appeare to make answer vnto such matters as should be laid to their charge: but they augmenting their mischievous act with a more wicked deed, after they had misued the messenger with sundrie kinds of reproches, they finallie slue him also.

Then doubting not but for such contemptuous demeanor against the kings regall authoritie, they should be inuaded with all the power the king could make. Makdowald one of great estimation among them, making first a

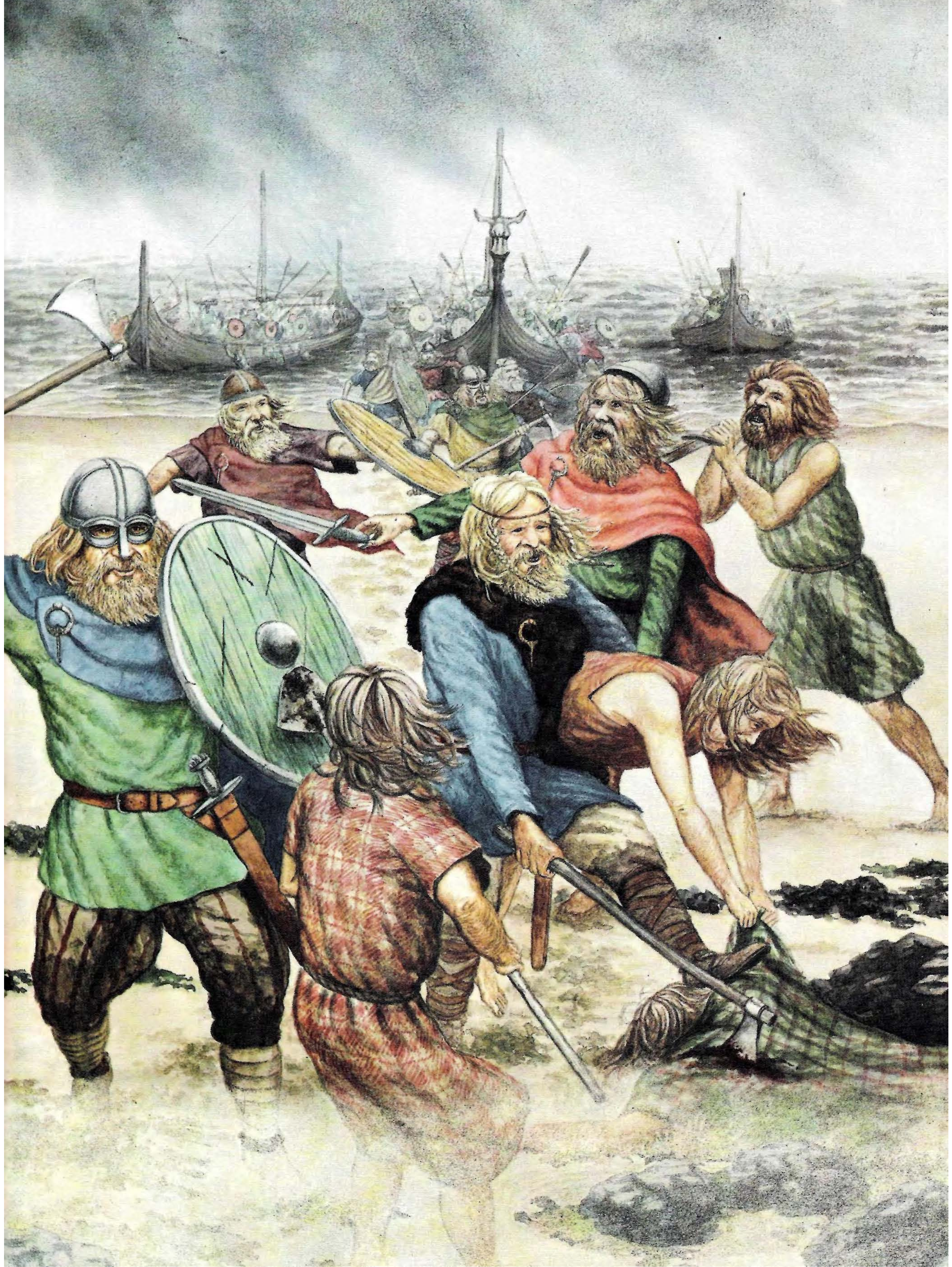

confederacie with his neerest friends and kinsmen, tooke vpon him to be chiefe capteine of all such rebels as would stand against the king, in maintenance of their grievous offenses latelie committed against him. Manie slanderous words also, and railing tants this Makdowald vttered against his prince, calling him a faint-hearted milkesop, more meet to gouerne a sort of idle moonks in some cloister, than to haue the rule of such valiant and hardie men of warre as the Scots were. He vsed also such subtill persuasions and forged allurements, that in a small time he had gotten together a mightie power of men: for out of the westerne Iles there came vnto him a great multitude of people, offering themselues to assist him in that rebellious quarell, and out of Ireland in hope of the spoile came no small number of Kernes and Galloglasses, offering gladlie to serue vnder him, whither it should please him to lead them.

Makdowald thus hauing a mightie puissance about him, incountered with such of the kings people as were sent against him into Lochquhaber, and discomfiting them, by mere force tooke their capteine Malcolme, and after the end of the battell smote off his head. This ouerthrow being notified to the king, did put him in woonderfull feare, by reason of his small skill in warlike affaires. Calling therefore his nobles to a councell, he asked of them their best aduise for the subduing of Makdowald and other the rebels. Here, in sundrie heads (as euer it happeneth) were sundrie opinions, which they vttered according to euerie man his skill. At length Makbeth speaking much against the kings softnes, and ouermuch slacknesse in punishing offenders, whereby they had such time to assemble together, he promised notwithstanding, if the charge were committed vnto him and vnto Banquho, so to order the matter, that the rebels should be shortly vanquished and quite put downe, and that not so much as one of them should be found to make resistance within the countrie.

And euen so it came to passe; for being sent foorth with a new power, at his entring into Lochquhaber, the fame of his comming put the enimies in such feare, that a great number of them stale secretlie awaie from their capteine Makdowald, who neuerthelesse inforced thereto, gaue battell vnto Makbeth, with the residue which remained with him: but being ouercome and fleeing for refuge into a castell (within the which his wife and children were inclosed) at length when he saw how he could neither defend the hold anie longer against his enimies, nor yet vpon surrender be suffered to depart with life saued, hee first slue his wife and children, and lastlie himselfe, least if he had yeelded simplie, he should haue beene executed in most cruell wise for an example to other. Makbeth entring into the castell by the gates, as then set open, found the carcasse of Makdowald lieng dead there amongst the residue of the slaine bodies, which when he beheld, remitting no peece of his cruell nature with that pitifull sight, he caused the head to be cut off, and set vpon a poles end, and so sent it as a present to the king, who as then laie at Bertha. The headlesse trunk he commanded to bee hoong vp vpon an high paire of gallows. . . . Thus was justice and law restored againe to the old accustomed

course, by the diligent means of Makbeth. Immediatlíe wherevpon woord came that Sueno king of Norway was arriued in Fife with a puissant armie, to subdue the whole realme of Scotland.'

The Three Witches

'Shortlie after happened a strange and vncouth woonder, which afterward was the cause of much trouble in the realme of Scotland, as ye shall after heare. It fortunéd as Makbeth and Banquho iournied towards Fores, where the king then laie, they went sporting by the waie togither without other companie, saue onelie themselues, passing thorough the woods and fields, when suddenlie in the middest of a laund, there met them three women in strange and wild apparell, resembling creatures of elder world, whome when they attentiuellie beheld, woondering much at the sight, the first of them spake and said: 'All haile, Makbeth, thane of Glammis!' (for he had latelie entered into that dignitie and office by the death of his father Smell). The second of them said: 'Haile, Makbeth, thane of Cawder!' But the third said: 'All haile, Makbeth, that heereafter shalt be king of Scotland!'

Then Banquho: 'What manner of women' (saith he) 'are you, that seeme so little fauourable vnto me, whereas to my fellow heere, besides high offices, ye assigne also the kingdome, appointing foorth nothing for me at all?' 'Yes' (saith the first of them) we promise greater benefits vnto thee, than vnto him, for he shall reigne in deed, but with an vnluckie end: neither shall he leaue

The Three Witches or Weird Sisters, first described in Scottish chronicles several centuries after the reign of Macbeth, and later made famous by William Shakespeare. There is no historical evidence that Macbeth consorted with witches. On the contrary, he was a supporter of the established Church.

Macbeth was finally slain by Malcolm Canmore and his men, after a prolonged war for the Scottish crown. According to the chronicles, he was killed in The Peel Ring at Lumphanan, a prehistoric worship site.

anie issue behind him to succeed in his place, where contrarilie thou in deed shalt not reigne at all, but of thee those shall be borne which shall gouerne the Scottish kingdome by long order of continuall descent." Herewith the foresaid women vanished immediatlíe out of their sight. This was reputed at the first but some vaine fantasticalíe illusion by Mackbeth and Banquho, insomuch that Banquho would call Mackbeth in iest, king of Scotland; and Mackbeth againe would call him in sport likewise, the father of manie kings. But afterwards the common opinion was, that these women were either the weird sisters, that is (as ye would say) the goddesses of destinie, or else some nymphs or feiries, indued with knowledge of prophesie by their necromanticall science, bicause euerie thing came to passe as they had spoken. For shortlie after, the thane of Cawder being condemned at Fores of treason against the king committed; his lands, liuings, and offices were giuen of the kings liberalitie to Mackbeth.

The same night after, at supper, Banquho iested with him and said: "Now Mackbeth thou hast obtained those things which the two former sisters prophesied, there remaineth onelie for thee to purchase that which the third said should come to passe." Wherevpon Mackbeth reuoluing the thing in his mind, began euen then to deuise how he might atteine to the kingdome: but yet he thought with himselfe that he must tarie a time, which should aduance him thereto (by the diuine prouidence) as it had come to passe in his former preferment. But shortlie after it chanced that king Duncane, hauing two sonnes by his wife which was the daughter of Siward earle of North-umberland, he made the elder of them, called Malcolme, prince of Cumberland, as it were thereby to appoint him his successor in the kingdome, immediatlíe after his deceasse. Mackbeth sore troubled herewith, for that he saw by this means his hope sore hindered (where, by the old lawes of the realme, the ordinance was, that if he that should succeed were not of able age to take the charge vpon himselfe, he that was next of blood vnto him should be admitted) he began to take counsell how he might vsurpe the kingdome by force, hauing a iust quarell so to doo (as he tooke the matter) for that Duncane did what in him lay to defraud him of all maner of title and claime, which he might in time to come, pretend vnto the crowne.

The woords of the three weird sisters also (of whom before ye haue heard) greatlie encouraged him herevnto, but specialíe his wife lay sore vpon him to attempt the thing, as she that was verie ambitious, burning in vnquenchable desire to beare the name of a queene. At length therefore, communicating his purposed intent with his trustie friends, amongst whome Banquho was the chieftest, vpon confidence of their promised aid, he slue the king at Enuerns, or (as some say) at Botgosuane, in the sixt yeare of his reigne. Then hauing a companie about him of such as he had made priuie to his enterprise, he caused himselfe to be proclaimed king, and foorthwith went vnto Scone, where (by common consent) he receiued the inuesture of the kingdome according to the accustomed maner. The bodie of Duncane was first conueied vnto Elgine, & there buried in kinglie wise; but afterwards it was remoued and conueied

vnto Colmekill, and there laid in a sepulture amongst his predecessors, in the yeare after the birth of our Sauour, 1046.'

The Hunterston runic brooch, of Norse-Scottish origin and typical of jewellery favoured by the nobility in Macbeth's time.

King of Scotland

'Mackbeth, after the departure thus of Duncanes sonnes, vsed great liberalitie towards the nobles of the realme, thereby to win their fauour, and when he saw that no man went about to trouble him, he set his whole intention to maintein iustice, and to punish all enormities and abuses, which had chanced through the feeble and slouthfull administration of Duncane. . . . Mackbeth shewing himself thus a most diligent punisher of all iniuries and wrongs attempted by anie disordered persons within his realme, was accounted the sure defense and buckler of innocent people; and hereto he also applied his whole indeuor, to cause yoong men to exercise themselues in vertuous maners, and men of the church to attend their diuine seruice according to their vocations.

To be briefe, such were the woorthie dooings and princelie acts of this Mackbeth in the administration of the realme, that if he had attained therevnto by rightfull means, and continued in uprightnesse of justice as he began, till the end of his reigne, he might well haue beene numbred amongst the most noble princes that anie where had reigned. He made manie holesome laws and statutes for the publike weale of his subiects. . . .

These and the like commendable lawes Mackbeth caused to be put as then in vse, gouerning the realme for the space often yeares in equall justice.'

Macbeth's Cruelty

But this was but a counterfet zeale of equitie shewed by him, partlie against his naturall inclination, to purchase thereby the fauour of the people. Shortlie after, he began to shew what he was, in stead of equitie practising crueltie. For the pricke of conscience (as it chanceth euer in tyrants, and such as atteine to anie estate by vnrighteous means) caused him euer to feare, least he should be serued of the same cup, as he had ministered to his predecessor. The woords also of the three weird sister would not out of his mind, which as they promised him the kingdome, so likewise did they promise it at the same time vnto the posteritie of Banquho. He willed therefore the same Banquho, with his sonne named Fleance, to come to a supper that he had prepared for them; which was in deed, as he had deuised, present death at the hands of certeine murderers, whom he hired to execute that deed; appointing them to meete with the same Banquho and his sonne without the palace, as they returned to their lodgings, and there to slea them, so that he would not have his house slandered but that in time to come he might cleare himselfe, if anie thing were laid to his charge vpon anie suspicion that might arise.

It chanced yet, by the benefit of the darke night, that, though the father were slaine, the sonne yet, by the helpe of almightie God reseruing him to better fortune, escaped that danger; and afterwards hauing some inkeling (by the admonition of some friends which he had in the court) how his life was sought no lesse than his fathers, who was slaine not by chancemedlie (as by the handling of the matter Makbeth woould haue had it to appeare) but euen vpon a prepensd deuise: wherevpon to auoid further perill he fled into Wales.'

Macbeth and Macduff

'But to returne vnto Makbeth, in continuing the historie, and to begin where I left, ye shall vnderstand that, after the contriued slaughter of Banquho, nothing prospered with the foresaid Makbeth: for in maner euerie man began to doubt his owne life, and durst vnneth appeare in the kings presence; and euen as there were manie that stood in feare of him, so likewise stood he in feare of manie, in such sort that he began to make those awaie by one surmized cauillation or other, whome he thought most able to worke him anie displeasure.

At length he found such sweetnesse by putting his nobles thus to death, that his earnest thirst after bloud in this behalfe might in no wise be satisfied: for ye must consider he wan double profit (as hee thought) hereby: for first they were rid out of the way whome he feared, and then againe his coffers were enriched by their goods which were forfeited to his vse, whereby he might better mainteine a gard of armed men about him to defend his person from iniurie of them whom he had in anie suspicion. Further, to the end he might the more cruellie oppresse his subiects with all tyrantlike wrongs, he builded a strong castell on the top of an hie hill called Dunsinane, situate in Gowrie, ten miles from Perth, on such a proud height, that, standing there

aloft, a man might behold well neere all the countries of Angus, Fife, Stermond, and Ernedale, as it were lieng vnderneath him. This castell, then, being founded on the top of that high hill, put the realme to great charges before it was finished, for all the stufte necessarie to the building could not be brought up without much toile and businesse. But Makbeth, being once determined to haue the worke go forward, caused the thanes of each shire within the realme, to come and helpe towards that building, each man his course about.

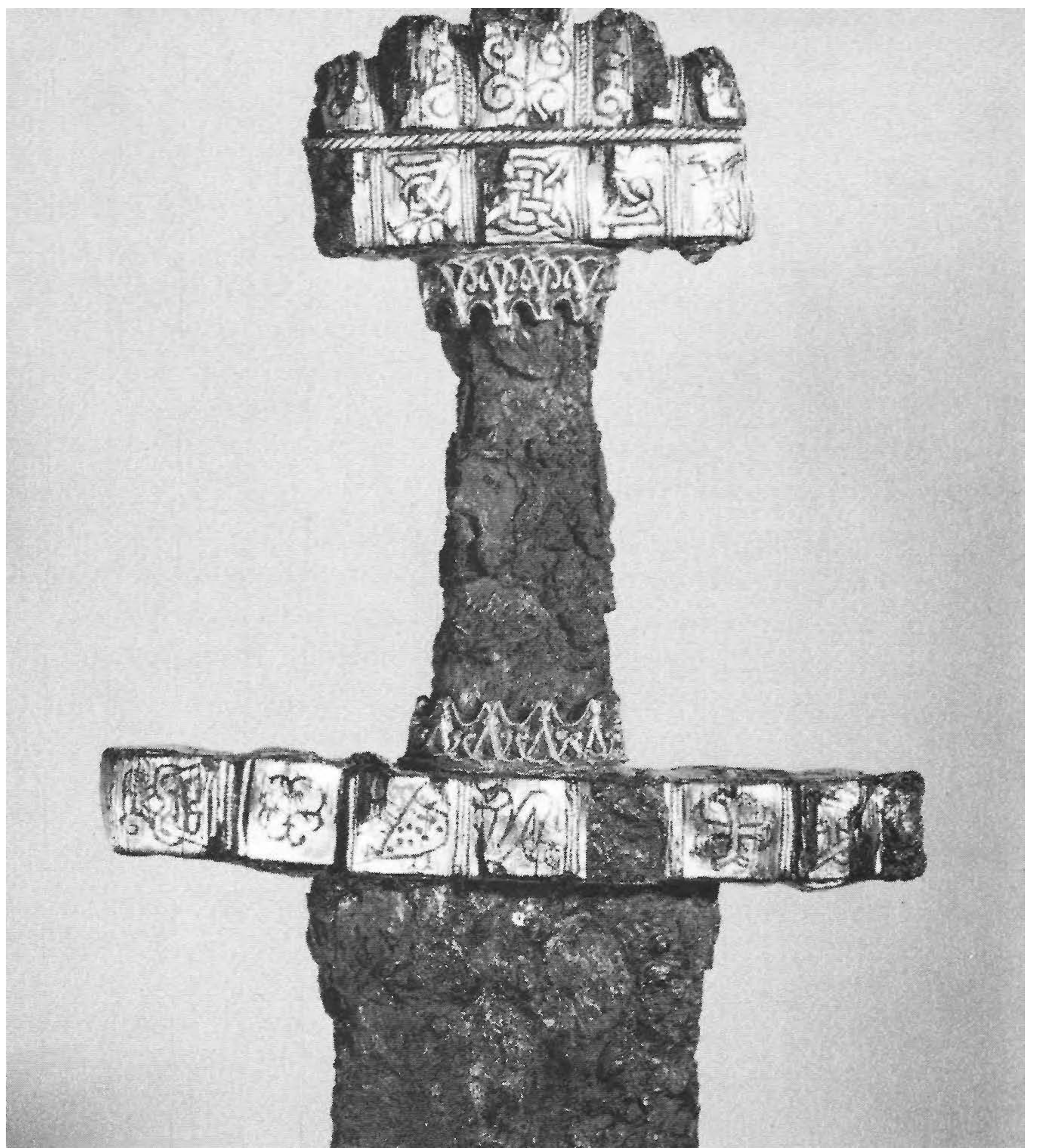
At the last, when he turne fell vnto Makduffe, thane of Fife, to build his part, he sent workemen with all needfull prouision, and commanded them to shew such diligence in euerie behalfe, that no occasion might bee giuen for the king to find fault with him, in that he came not himselfe as other had doone, which he refused to doo, for doubt least the king, bearing him (as he partlie vnderstood) no great good will, would laie violent hands vpon him, as he had doone vpon diuerse other. Shortlie after, Makbeth comming to behold how the worke went forward, and bicause he found not Makduffe there, he was sore offended, and said: "I perceiue this man will neuer obeie my commandements, till he be ridden with a snaffle; but I shall prouide well inough for him." . . . Macbeth could not afterwards abide to looke vpon the said Makduffe, either for that he thought his puissance ouer great; either else for that he had learned of certeine wizzards, in whose words he put great confidence, (for that the prophesie had happened so right, which the three faries or weird sisters had declared vnto him), how that he ought to take heed of Makduffe, who in time to come should seeke to destroye him.

And suerlie herevpon had he put Makduffe to death, but that a certeine witch, whome hee had in great trust, had told that he should neuer be slaine with man borne of anie woman, nor vanquished till the wood of Bernane came to the castell of Dunsinane. By this prophesie Makbeth put all feare out of his heart, supposing he might doo what he would, without anie feare to be punished for the same, for by the one prophesie he beleeued it was vnpossible for anie man to vanquish him, and by the other vnpossible to slea him. This vaine hope caused him to doo manie outrageous things, to the greeuous oppression of his subiects. At length Makduffe, to auoid perill of life, purposed with himselfe to passe into England, to procure Malcolm Cammore to claime the crowne of Scotland. But this was not so secretlie deuised by Makduffe, but that Makbeth had knowledge giuen him thereof: for kings (as is said) haue sharpe sight like vnto Lynx, and long ears like vnto Midas. For Makbeth had, in euerie noble mans house, one she fellow or other in fee with him, to reueale all that was said or doone within the same, by which slight he oppressed the most part of the nobles of his realme.'

Macduff flees to England

'Immediatlie then, being aduertised whereabout Makduffe went, he came hastily with a great power into Fife, and foorthwith besieged the castell where Makdaffe dwelled, trusting to haue found him therein. They that kept

Decorated sword hilt from the large Viking settlement at Hedeby, Denmark.

the house, without anie resistance opened the gates, and suffered him to enter, mistrusting none euill. But neuerthesse Makbeth most cruellie caused the wife and children of Makduffe, with all other whome he found in that castell, to be slaine. Also he confiscated the goods of Makduffe, proclamed him traitor, and confined him out of all the parts of his realme; but Makduffe was alreadie escaped out of danger, and gotten into England vnto Malcolme Cammore, to trie what purchase hee might make by means of his support, to reuenge the slaughter so cruellie executed on his wife, his children, and other friends.'

Malcolm Canmore

'At his comming vnto Malcolme, he declared into what great miserie the estate of Scotland was brought, by the detestable cruelties exercised by the tyrant Makbeth, hauing committed manie horrible slaughters and murders, both as well of the nobles as commons; for the which he was hated right mortallie of all his liege people, desiring nothing more than to be deliuered of that intollerable and most heauie yoke of thraldome, which they susteined at such a caitifes hands.

Malcolme, hearing Makduffles woords, which he vttered in verie lamen-

table sort, for meere compassion and verie ruth that pearsed his sorrowfull hart, bewailing the miserable state of his countrie, he fetched a deepe sigh; which Makduffe perceiuing, began to fall most earnestlie in hand with him, to enterprise the deliuenng of the Scotish people out of the hands of so cruell and bloudie a tyrant, *is* Makbeth by too manie plains experiments did shew himselfe to be: which was an easie matter for him to biding to passe, considering not onelie the good title he had, but also the earnest desire of the people to haue some occasion ministred, whereby they might be reuenged of those notable iniuries, which they dailie susteined by the outrageous crueltie of Makbeths misgouernance. Though Malcolme was verie sorowfull for the oppression of his countriemen the Scots, in maner as Makduffe had declared; yet doubting whether he were come as one that ment vnfeinedlie as he spake, or else as sent from Makbeth to betraie him, he thought to haue some further triall, and therevpon, dissembling his mind at the first, he answered as followeth:

"I am trulie verie sorie for the miserie chanced to my countrie of Scotland, but though I haue neuer so great affection to relieue the same, yet, by reason of certeine incurable vices, which reigne in me, I am nothing meet thereto. First, such immoderate lust and voluptuous sensualitie (the abhominable founteine of all vices) followeth me, that, if I were made king of Scots, I should seeke to defloure your maids and matrones, in such wise that mine intemperancie should be more importable vnto you, than the bloudie tyrannie of Makbeth now is." Herevnto Makduffe answered: "This suerlie is a verie euill fault, for manie noble princes and kings haue lost both Hues and kingdomes for the same; neuerthelesse there are women enow in Scotland, and therefore follow my counsell. Make thy selfe king, and I shall conueie the matter so wiselie, that thou shalt be so satisfied at thy pleasure, in such secret wise that no man shall be aware thereof."

Then said Malcolme, "I am also the most auaritious creature on the earth, so that, if I were king, I should seeke so manie waies to get lands and goods, that I would slea the most part of all the nobles of Scotland by surmized accusations, to the end I might inioy their lands, goods, and possessions; . . . Therefore" saith Malcolme, "suffer me to remaine where I am, least, if I atteine to the regiment of your realme, mine vnquechable auarice may prooue such that ye would thinke the displeasures, which now grieve you, should seeme easie in respect of the vnmeasurable outrage, which might insue through my comming amongst you."

Makduffe to this made answer, how it was a far woorse fault than the other: "for auarice is the root of all mischief, and for that crime the most part of our kings haue beene slaine and brought to their finall end. Yet notwithstanding follow my counsell, and take vpon thee the crowne. There is gold and riches inough in Scotland to satisfie thy greedie desire." Then said Malcolme againe, "I am furthermore inclined to dissimulation, telling of leasings, and all other kinds of deceit, so that I naturallie reioise in nothing so much, as to betraie & deceiue such as put anie trust or confidence in my woords. Then sith there is nothing that more becommeth a price than

constancie, veritie, truth, and iustice, with the other laudable fellowship of those faire and noble vertues which are comprehended onelie in sooth-fastnesse, and that lieng vutterlie ouerthroweth the same; you see how vnable I am to gouerne anie prouince or region: and therefore, sith you haue remedies to cloke and hide all the rest of my other vices, I praie you find shift to cloke this vice amongst the residue."

Then said Makduffe: "This yet is the woorst of all, and there I leaue thee, and therefore saie: Oh ye vnhappie and miserable Scottishmen, which are thus scourged with so manie and sundrie calamities, ech one aboue other! Ye haue one curssed and wicked tyrant that now reigneth ouer you, without anie right or title, oppressing you with his most bloudie crueltie. This other, that hath the right to the crowne, is so replet with the inconstant behauour and manifest vices of Englishmen, that he is nothing woorthie to inioy it; for by his owne confession he is not onelie auaritious, and giuen to vnsatiable lust, but so false a traitor withall, that no trust is to be had vnto anie woord he speaketh. 'Adieu, Scotland, for now I account my selfe a banished man for enuer, without comfort or consolation:" and with those woords the brackish teares trickled downe his cheeks verie abundantlie.

At the last, when he was readie to depart, Malcolme tooke him by the sleeue, and said: "Be of good comfort, Makduffe, for I haue none of these vices before remembred, but haue iested with thee in this manner, onelie to prooue thy mind; for diuerse times heeretofore hath Makbeth sought by this manner of meanes to bring me into hands, but the more slow I haue shewed my selfe to condescend to thy motion and request, the more diligence shall I vse in accomplishing the same." Incontinentlie heerevpon they imbraced ech other, and, promising to be faithfull the one to the other, they fell in consultation how they might prouide for all their businesses, to bring the same to good effect.'

Malcolm and Siward

'Soone after Makduffe, repairing to the borders of Scotland, addressed his letters with secret dispatch vnto the nobles of the realme, declaring how Malcolme was confederat with him, to come hastilie into Scotland to claime the crowne, and therefore he required them, sith he was right inheritor thereto, to assist him with their powers to recouer the same out of the hands of the wrongfull vsurper.

In the meane time, Malcolme purchased such fauor at king Edwards hands, that *old Siward* earle of Northumberland was appointed *with ten thousand men* to go with him into Scotland, to support him in this enterprise, for recouerie of his right. After these newes were spread abroad in Scotland, the nobles drew into two seuerall factions, the one taking part with Makbeth, and the other with Malcolme. Heerevpon insued oftentimes sundrie bickerings, & diuerse light skirmishes; for those that were of Malcolmes side would not ieopard to ioine with their enimies in a pight field, till his comming out of England to their support. But after that Makbeth perceiued his enimies power

to increase, by such aid as came to them foorth of England with his aduersarie Malcolme, he recoiled backed into Fife, there purposing to abide in campe fortified, at the castell of Dunsinane, and to fight with his enimies, if they ment to pursue him; howbeit some of his friends aduised him, that it should be best for him, either to make some agreement with Malcolme, or else to flee with all speed into the Iles, and to take his treasure with him, to the end he might wage sundrie great princes of the realme to take his part, & reteine strangers, in whome he might better trust than in his owne subiects, which stale dailie from him; but he had such confidence in his prophesies, that he beleueed he should neuer be vanquished, till Birname wood were brought to Dunsinane; nor yet to be slaine with anie man, that should be or was born of anie woman.

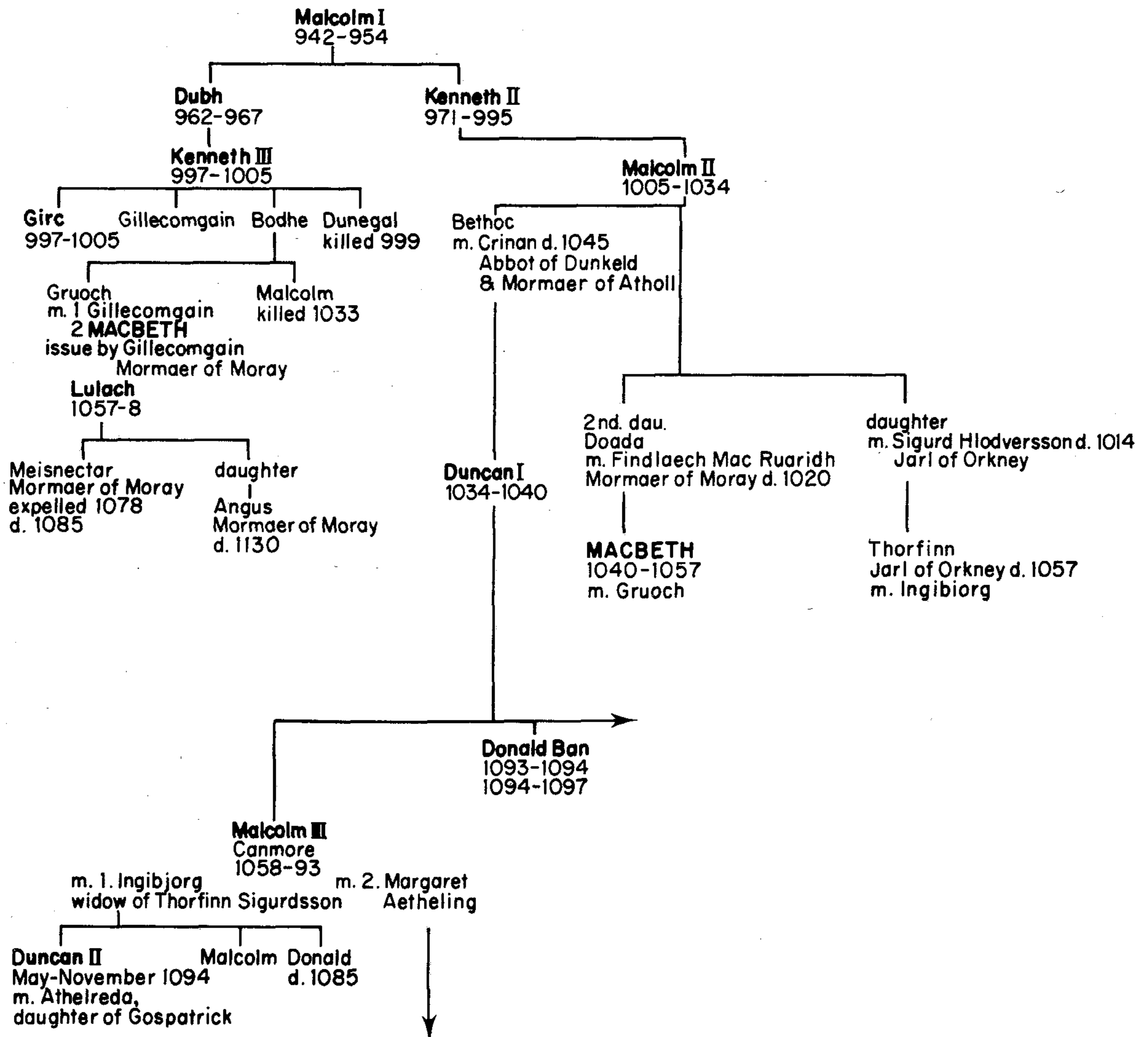
Macduff kills Macbeth

'Malcolme, following hastilie after Makbeth, came the night before the bat tell vnto Birname wood; and, when his armie had rested a while there to refresh them, he commanded euerie man to get a bough of some tree or other of that wood in his hand, as big as he might beare, and to march foorth therewith in such wise, that on the next morrow they might come closelie and without sight in this manner within view of his enimies. On the morrow when Makbeth beheld them comming in this sort, he first maruelled what the matter ment, but in the end remembred himselfe that the prophesie which he had heard long before that time, of the comming of Birname wood to Dunsinane castell, was likelie to be now fulfilled. Neuerthesse, he brought his men in order of battell, and exhorted them to doo valiantlie; howbeit his enimies had scarselie cast from them their boughs, when Makbeth, perceiuing their numbers, betooke him streict to flight; whom Makduffe pursued with great hatred euen till he came vnto Lunfannaine, where Makbeth, perceiuing that Makduffe was hard at his backe, leapt beside his horsse, saieng: "Thou traitor, what meaneth it that thou shouldest thus in vaine follow me that am not appointed to be slaine by anie creature that is borne of a woman? come on therefore, and receiue thy reward which thou has deserued for thy paines!" and therewithall he lifted up his swoord, thinking to haue slaine him.

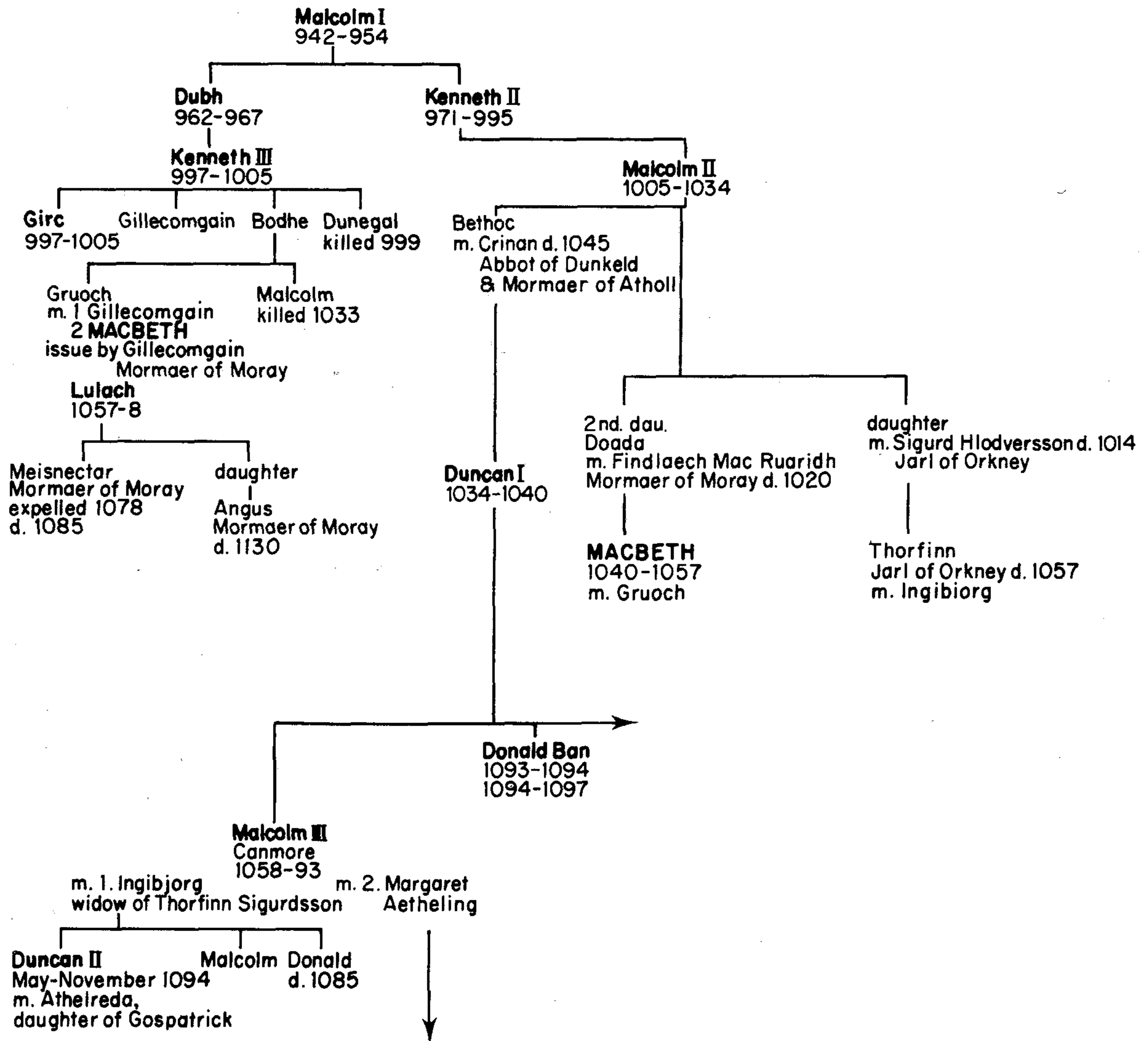
But Makduffe, quicklie auoiding from his horsse, yer he came at him, answered (with his naked swoord in his hand) saieng: "It is true, Makbeth, and now shall thine insatiable crueltie haue an end, for I am euen he that thy wizzards haue told thee of; who was neuer borne of my mother, but ripped out of her wombe:" therewithall he stept vnto him, and slue him in the place. Then cutting his head from his shoulders, he set it vpon a pole, and brought it vnto Malcolme. This was the end of Makbeth, after he had reigned 17 yeeres ouer the Scottishmen. In the beginning of his reigne he accomplished manie woorthie acts, verie profitable to the common-wealth (as ye haue heard) but afterward, by illusion of the diuell, he defamed the same with most terrible crueltie. He was slaine in the yeere of the incarnation, 1057, and in the 16 yeere of king Edwards reign ouer the Englishmen.'

GENEALOGY OF CHARACTERS

GENEALOGY OF CHARACTERS

Further Reading

Dorothy Whitelock (ed) *Anglo-Saxon Chronicle* London, 1961
W.M. Hennessy (ed) *Annals of Loch Ce* Dublin 1871
B. MacCarthy (ed) *Annals of Ulster* Dublin 1887-95.
Wilson, D. *Archaeology and Prehistoric Annals of Scotland* Edinburgh, 1851
Rev. John Williams Ab Ithel (ed) *Brut Y Tywysogion* (Rolls Series) London, 1860
A&B Rees, *Celtic Heritage* London, 1961
W.F. Skene, *Celtic Scotland* (3 Vols) Edinburgh 1886
W.F. Skene (ed), *Chronica Gentis Scotomm, DeFordun*, (14th C) Edinburgh 1871
Holinshed, *Chronicles of England, Scotland and Ireland*, London, 1577
B. Thorpe, (ed) *Chronicon ex Chronicis, Florence of Worcester* London, 1848
G. Wutz (ed) *Chronicon, Marianas Scotus*, 1844
R.F. Walker, *Companion to the study of Shakespeare's Macbeth* London, 1947

Dr. A. Ross, *Folklore of the Scottish Highlands* London, 1976
J. Stevenson (ed), *Historia Dunelmensis Ecclesiae* 1855
Hector Boece, *Historia de Scotia*, Paris, 1527
W. Blackwood, *History of the Celtic Place Names of Scotland* Edinburgh, 1926
Lloyd Laing, *Late Celtic Britain and Ireland*, London, 1977
J. MacBeth, *MacBeth, King, Queen and Clan* Edinburgh, 1921
William Shakespeare, *Macbeth* various editions
R. Carruthers, *Macbeth, being an Historical figure* Inverness, 1930
Alexander Burt Taylor (ed), *Orkneyinga Saga* Edinburgh, 1938
Dr. A. Ross, *Pagan Celtic Britain* London, 1974
Bannatyne Club, *Prioratus Sancti Andree in Scotia*, 1841
MS 23/G4, Royal Irish Academy, *Prophecy of St. Berchan* Dublin.
Andrew Wyntoun, D. Ley (ed), *The Orygynale Cronykil of Scotland* Edinburgh, 1879
J. Graham Campbell, *The Viking World* London, 1980

Illustrations

Colour plates by James Field

All line illustrations by Chesca Potter

Maps and diagrams by Chartwell Illustrators

Photographs courtesy of: British Tourist Authority (page 65); Cardiff City Council (page 71); Chris Lloyd/National Portrait Gallery, Scotland (page 169); Colchester and Essex Museum (pages 62, 78, 81 and 87); HMSO/Department of the Environment, Northern Ireland (page 48); Irish Tourist Board (pages 15, 103, 119, 121 and 137); Museum of Antiquities, University of Newcastle (page 79); National Museet, Copenhagen (page 54); National Museum of Wales (page 59); Northern Irish Tourist Board (page 101); Peter Newark's Historical Pictures (pages 10, 11, 173 and 182); Royal Museum of Scotland (page 57); Scottish Tourist Board (pages 17, 153, 158, 164, 168 and 171); Trinity College Library, Dublin (page 107); Trustees of the British Museum (pages 9 and 60).

CELTIC WARRIOR CHIEFS

From Cuchulainn, the Hound of Ulster, and Boadicea, warrior queen of the Celts, to Fionn MacCumhail, champion of Ireland, and Macbeth, Scotland's warrior king, follow the lives and legends of four prominent warriors across ten centuries of the intriguing fantasy and reality of Celtic history. Together, their exploits chart the peak and the decline of one of the most dedicated military civilizations that the world has ever seen.

As you travel back to the battles the Celts fought against the ancient Romans and wave upon wave of barbarian hordes from Scandinavia and central Europe, you'll understand how they finally took refuge in the far-flung corners of the British Isles and western Europe – where even today they display a fierce sense of independence.

This tour of Celtic heroes contains 16 specially commissioned color plates and nearly 150 photographs, line drawings and maps.

\$14.95

Can. \$19.95

U.K. £9.95

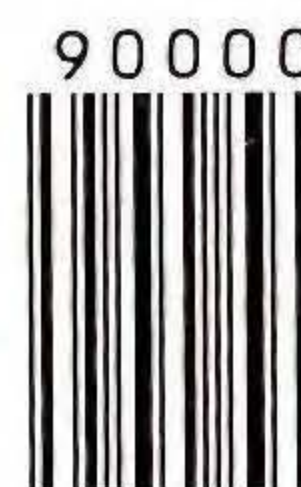
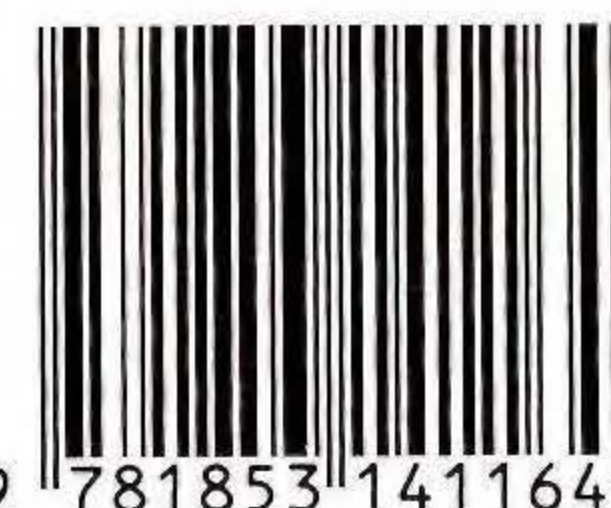
Firebird Books Ltd
P.O. Box 327
Poole
Dorset
United Kingdom

Sterling Publishing Co., Inc.
387 Park Avenue South
New York, N.Y. 10016

Sterling Publishing
c/o Canadian Manda Group
P.O. Box 920, Station U
Toronto, Ontario, Canada M8Z 5P9

Capricorn Link (Australia) Pty Ltd
P.O. Box 665, Lane Cove
NSW 2066, Australia

ISBN 1-85314-116-X

9 781853 141164

90000